

2020

PROCEEDINGS

**of the International Congress
on Historiography and Source
Studies of Asia and Africa**

ДОКЛАДЫ

**Международного конгресса
по источниковедению
и историографии
стран Азии и Африки**

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

SAINT PETERSBURG UNIVERSITY

FACULTY OF ASIAN AND AFRICAN STUDIES

SAINT PETERSBURG UNIVERSITY
THE FACULTY OF ASIAN AND AFRICAN STUDIES

PROCEEDINGS
OF THE INTERNATIONAL CONGRESS
ON HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDIES
OF ASIA AND AFRICA

Vol. 1

XXX Congress on HSSAA
On the Occasion of the 150th Anniversary
of Academician Vasily V. Barthold (1869–1930)

St Petersburg University
19–21 June, 2019

St Petersburg
2020

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

ДОКЛАДЫ
МЕЖДУНАРОДНОГО КОНГРЕССА
ПО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЮ
И ИСТОРИОГРАФИИ СТРАН
АЗИИ И АФРИКИ

Том 1

XXX конгресс по ИИСАА
К 150-летию академика
В. В. Бартольда (1869–1930)

*Санкт-Петербургский государственный университет
19–21 июня 2019 г.*

Санкт-Петербург
2020

EDITORIAL BOARD

African Studies

Herman Bell, University of Exeter, UK.

Alexander Yu. Zheltov, FAAS, St Petersburg University, Russia.

Middle East, Caucasus and Central Asia

Abdulla Kh. Daudov, Faculty of History, St Petersburg State University, St Petersburg, Russia.

Zarine A. Dzhandosova, FAAS, St Petersburg University, Russia.

Nikolay N. Dyakov, FAAS, St Petersburg University, Russia.

Alexander D. Knysh, Department of Middle East Studies, University of Michigan, Ann Arbor, USA; St Petersburg University, Russia.

Alexander S. Matveev, FAAS, St Petersburg University, Russia.

Mikhail S. Pelevin, FAAS, St Petersburg University, Russia.

Mikhail B. Piotrovsky, FAAS, St Petersburg University; The State Hermitage Museum, St Petersburg, Russia.

Ramil M. Valeev, Institute of International Relations, the Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia.

Olga M. Yastrebova, FAAS, St Petersburg University; Manuscripts Department, National Library of Russia, St Petersburg, Russia.

Far East, South and South-East Asia

Anastasia A. Guryeva, FAAS, St Petersburg University, Russia.

Vladimir N. Kolotov, FAAS, St Petersburg University, Russia.

Dmitrii I. Maiatskii, FAAS, St Petersburg University, Russia.

Nikolay A. Samoylov, FAAS, St Petersburg University, Russia.

Alexander G. Storozhuk, FAAS, St Petersburg University, Russia.

Managing Editor

Alexander S. Matveev, FAAS, St Petersburg University, Russia.

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Африканистика

Herman Bell, University of Exeter, UK.

Желтов Александр Юрьевич, Восточный факультет СПбГУ.

Ближний Восток, Кавказ и Центральная Азия

Валеев Рамиль Миргасимович, ИМО, Казанский / Приволжский федеральный университет, Казань.

Даудов Абдулла Хамидович, Институт истории СПбГУ.

Джандосова Заринэ Алиевна, Восточный факультет СПбГУ.

Дьяков Николай Николаевич, Восточный факультет СПбГУ.

Кныш Александр Дмитриевич, Отделение ближневосточных исследований, Мичиганский университет, Анн-Арбор, США; СПбГУ.

Матвеев Александр Сергеевич, Восточный факультет СПбГУ.

Пелевин Михаил Сергеевич, Восточный факультет СПбГУ.

Пиотровский Михаил Борисович, Восточный факультет СПбГУ; Государственный Эрмитаж.

Ястребова Ольга Михайловна, Восточный факультет СПбГУ; отдел рукописей Российской национальной библиотеки.

Дальний Восток, Южная и Юго-Восточная Азия

Гурьева Анастасия Александровна, Восточный факультет СПбГУ.

Колотов Владимир Николаевич, Восточный факультет СПбГУ.

Маяцкий Дмитрий Иванович, Восточный факультет СПбГУ.

Самойлов Николай Анатольевич, Восточный факультет СПбГУ.

Сторожук Александр Георгиевич, Восточный факультет СПбГУ.

Редактор выпуска

Матвеев Александр Сергеевич, Восточный факультет СПбГУ.

ББК 63.3(5)+63.3(6)
УДК 930(5+6)

*Издание материалов конгресса осуществлено
при финансовой поддержке РФФИ,
проект № 19-09-20024*

P93 Proceedings of the International Congress on Historiography and Source Studies of Asia and Africa. Vol. 1. XXX Congress. St Petersburg University, 2019 / Ed. by Nikolay N. Dyakov, Alexander S. Matveev. — St Petersburg: NP-Print Publishers, 2020. — 620 p.

Доклады Международного конгресса по источниковедению и историографии стран Азии и Африки. Т. 1. XXX Конгресс. СПбГУ, 2019 / Отв. ред.: Н. Н. Дьяков, А. С. Матвеев. — СПб.: Изд-во Студия «НП-Принт», 2020. — 620 с.

ISBN 978-5-6043205-7-0

ББК 63.3(5)+63.3(6)
УДК 930(5+6)

ISBN 978-5-6043205-7-0

© Коллектив авторов, 2020
© СПбГУ, 2020

CONTENTS / СОДЕРЖАНИЕ

Organizing Committee of the International Congress on Historiography and Source Studies of Asia and Africa	12
Организационный комитет Международного конгресса по источниковедению и историографии стран Азии и африки	14
Foreword. Eyes of the Source and Eyes of the Historian: Multiple Perceptions and Mutual Understanding.	16
Введение. Глаза источника и глаза историка	18
Editorial Preface	20
Предисловие	22

I.

AFRICAN STUDIES / АФРИКАНИСТИКА

<i>Herman Bell (University of Exeter, UK). Endangered Toponymy from a Worldwide Perspective</i>	
<i>Герман Белл (University of Exeter, UK). Топонимы, находящиеся под угрозой исчезновения, как общемировая проблема . . . . .</i>	25
<i>Nika V. Lavrentyeva (The Pushkin State Museum of Fine Arts, Moscow, Russia). African Art in the Pushkin Museum of Fine Arts: The Beginning of Collecting and Perspectives of Development</i>	
<i>Лаврентьева Н. В. (ГМИИ им. А. С. Пушкина, Москва, РФ). Искусство Африки в ГМИИ им. А. С. Пушкина: этапы сложения коллекции и перспективы работы . . . . .</i>	44
<i>D. V. Vanyukova (State Museum of Oriental Art, Moscow, Russia). Collection of Tropical African Art in the State Museum of Oriental Art: History of the Formation</i>	
<i>Д. В. Ванюкова (Государственный музей Востока, Москва, РФ). Коллекция искусства Тропической Африки в собрании Государственного музея Востока: история формирования . . . . .</i>	60

II.

MIDDLE EAST, CAUCASUS AND CENTRAL ASIA /
БЛИЖНИЙ ВОСТОК, КАВКАЗ И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ

- Ş. H. Akalin (*Hacettepe University, Ankara, Turkey*). On the Historical Language Contacts between the Russian and Turkish Languages
- III. X. Акалын (*Hacettepe University, Ankara, Turkey*). Об исторических языковых контактах между русским и турецким языками..... 76
- Yahia Baiza (*The Institute of Ismaili Studies, London, UK*). Wladimir Ivanow and Ismailism: The Rise of Modern Ismaili Studies and Historiography
- Яхья Байза (*The Institute of Ismaili Studies, London, UK*). Владимир Иванов и исмаилизм: возникновение современных исмаилитских исследований и историографии исмаилизма..... 85
- Vassilios Christides (*Institute for Graeco-Oriental and African Studies, Kryoneri Attikis, Greece; University of South Africa, Pretoria, South Africa*). Legend and History in Hagiography. Two Significant Hagiographical Sources: The Martyrdom of Saint Arethas and his Companions (BHГ 166) and The Narration of the Discovery of the Relics of Saints Valerius, the Bishop, Vincentius, the Deacon, and Eulalia, the Virgin
- Василиос Крестидис (*Institute for Graeco-Oriental and African Studies, Kryoneri Attikis, Greece; University of South Africa, Pretoria, South Africa*). Легенда и история в агиографии. Два агиографических сочинения: «Мученичество святого Ареты» (ВНГ 166) и «Повествование об обретении мощей святых Валерия, епископа, Викентия, диакона, и девы Евлалии» 103
- Tatiana V. Kornienko (*Voronezh State Pedagogical University, Voronezh, Russia*). Fuad Safar and his contribution to the development of Mesopotamian archeology
- Т. В. Корниенко (*Воронежский ГПУ, Воронеж, РФ*). Фуад Сафар и его вклад в развитие археологии Месопотамии..... 122
- Julietta I. Meskhidze (*MAE RAS, St Petersburg, Russia*). On the Sources for the History of Plastic Art of the Chechen Republic
- Месхидзе Дж. И. (*МАЭ РАН, Санкт-Петербург, РФ*). К источниковедению истории пластического искусства Чеченской Республики 144
- Gulbakhrem M. Molotova (*Institute of Oriental Studies, Almaty, Kazakhstan*). “Diwan” of Khushhal Gharibi and its Manuscript Copies
- Молотова Г. М. (*Институт востоковедения, Алма-Ата, Казахстан*). «Диван» Хушхала Гариби и его списки..... 172
- Elvira M. Molotova (*Institute of Oriental Studies, Almaty, Kazakhstan*). Written Monuments of Eastern Turkestan on the *Awliya*’
- Молотова Э. М. (*Институт востоковедения, Алма-Ата, Казахстан*). Письменные памятники Восточного Туркестана об *аулия*’ 192

- Milena N. Osmanova (IHAE DFRC RAS, Makhachkala, Russia)*. Arabographic Old Printed Books in the Fund of Oriental Manuscripts of the Daghestan Federal Research Centre of Russian Academy of Sciences: Recent Acquisitions
Османова М. Н. (ИИАЭ Дагестанского ФИЦ РАН, Махачкала, РФ). Арабографические старопечатные книги в Фонде восточных рукописей Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН: новые поступления 214
- Galina Z. Poupjian (Russian Academy of Sciences Library, St Petersburg, Russia)*. The Church and Society in the XVII Century Russia as presented in “The Travel of Macarius, Patriarch of Antioch” (Ms. B 1230, 1700 AD)
Г. З. Пумпян (БАН, Санкт-Петербург, РФ). Церковь и общество в Московской Руси в XVII в. в «Путешествии Патриарха Макария Антиохийского» (рукопись B 1230, 1700 г.) 230
- Juliette Rassi (Lebanese University, Beirut, Lebanon)*. Relations between the Orthodox Church of Antioch and Russia from the 16th to the 17th CC.
Джюльетта Расси (Ливанский университет, Бейрут, Ливан). Отношения между Антиохийской православной церковью и Россией в XVI–XVII вв. 254
- Tursun I. Sultanov (FAAS, SPbU, St Petersburg, Russia)*. The Department of Central Asia and Caucasus of St Petersburg University: from its Foundation till Today
Султанов Т. И. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ). Кафедра Центральной Азии и Кавказа СПбГУ: с момента учреждения до наших дней 270
- Daria Vasilyeva (State Hermitage Museum, St Petersburg, Russia)*. Elephants as Diplomatic Gifts: Nādir Shāh’s Embassy of 1739–1742
Васильева Д. О. (Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, РФ). Слоны как дипломатический дар: посольство Надир-шаха 1739–1742 гг. 281
- Konstantin Zhukov (FAAS, SPbU, St Petersburg, Russia)*. Frederick Millingen (Osman Bey) and his account of the siege of Kars in 1877
Жуков К. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ). Frederick Millingen (Осман-бей) и его мемуары об осаде Карса в 1877 году 311

III.

FAR EAST, SOUTH AND SOUTH-EAST ASIA /

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК, ЮЖНАЯ И ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ

- Mark E. Caprio (Rikkyou University, Tokyo, Japan)*. The Contradictory Achievement of the 1946–1947 US-USSR Joint Commission: Strengthening North-South Korean Divisions
Марк Эдвард Каприо (Rikkyou University, Tokyo, Japan). Спорные достижения Совместной советско-американской комиссии в 1946–1947 гг.: Закрепление разделения Северной и Южной Кореи 330

<i>Irina A. Dorokhova (Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia). Joseph Doke — the First Biographer of Mahatma Gandhi</i>	
<i>Дорохова И. А. (Петрозаводский ГУ, Петрозаводск, РФ). Джозеф Док — первый биограф Махатмы Ганди</i>	349
<i>Evgeniy V. Kobelev, Vladimir M. Mazyrin (Institute of Far Eastern Studies, RAS, Moscow, Russia). On the role of the Soviet Union in the anti-American war in Vietnam (1965–1975) and Attempts to Falsify History</i>	
<i>Кобелев Е. В., Мазырин В. М. (ИДВ РАН, Москва, РФ). О роли Советского Союза в войне Вьетнама против США (1965–1975) и попытках фальсификации истории</i>	361
<i>Elena Kolpachkova (FAAS, SPbU, St Petersburg, Russia). Sources of Legal Terminology in Chinese</i>	
<i>Колпачкова Е. Н. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ). Источники юридической терминологии в китайском языке</i>	379
<i>Marina P. Kukla, Valentin I. Voloshchak (FEFU, Vladivostok, Russia). Political Discourse in the Republic of Korea: Analyzing Presidents' Budget Addresses</i>	
<i>Кукла М. П., Волощак В. И. (ВИ-ШРМИ ДВФУ, Владивосток, РФ). Анализ политического дискурса Южной Кореи (на материале бюджетных посланий президентов)</i>	391
<i>Kyung Hee RHO (University of Ulsan, South Korea). Private Metal-Type Books and their Readers in Early-Modern Korea</i>	
<i>Но Гёнхи (Университет Ульсан, Республика Корея). Сочинения, изданные частным образом при помощи металлического подвижного шрифта, и их читатели в Корее XVII–XVIII вв.</i>	414
<i>Olga Lundysheva (Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences, Russia). Some Aspects of Paleography of the Bilingual Udānavarga Manuscripts from the Serindia Collection of the Institute of Oriental Manuscripts of RAS</i>	
<i>Лундышева О. В. (ИВР РАН, Санкт-Петербург, РФ). Палеографические особенности фрагментов рукописей двуязычных текстов «Уданаварги» из Сериндийской коллекции ИВР РАН</i>	425
<i>Maiatskii Dmitrii (FAAS, SPbU, St Petersburg, Russia). Collection of “Xin Nianhua” in the Oriental Fund of the St Petersburg State University Academic Library</i>	
<i>Маяцкий Д. И. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ). Коллекция китайских «новых новогодних картин» в восточном собрании Научной библиотеки СПбГУ</i>	435
<i>Victoria G. Sharonova (Institute of Far Eastern Studies, RAS, Moscow, Russia). Andrei T. Belchenko: The First Steps in Diplomacy</i>	
<i>Шаронова В. Г. (ИДВ РАН, Москва, РФ). А. Т. Бельченко в Ханькоу: первые шаги в дипломатии</i>	458

<i>Ekaterina V. Smirnova (FAAS, SPbU, St Petersburg, Russia). Development of girls' education in the Bombay Presidency under the East India Company</i> <i>Смирнова Е. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия). Развитие образования девочек в Бомбейском президентстве в эпоху правления Ост-Индской компании</i>	475
<i>Alexander G. Storozhuk (FAAS, St Petersburg University, St Petersburg, Russia). Concept of Soul as a Substitute of a Real Person in Chinese Short Stories</i> <i>Сторожук А. Г. (Восточный факультет, СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ). Концепция души как замены живого человека в традиционной литературе Китая</i>	485
<i>Sergei S. Tavastsherna (FAAS, SPbU, St Petersburg, Russia). Syntactic construction with -bhāva in the Pāli language</i> <i>Тавастшиерна С. С. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ). Синтаксическая конструкция с -bhāva в языке пали</i>	494
<i>Tsvetkova S. O. (FAAS, SPbU, St Petersburg, Russia). Folk Formulae in the Lyric Religious Poems by Mira Bai (1499–1547)</i> <i>Цветкова С. О. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ). Фольклорная формула в религиозной лирике Миры Бай (1499–1547)</i>	504
<i>Olga Vecherina (Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia). 90th Anniversary of Tamil Studies in Russia: Stages of Development, Achievements, Problems</i> <i>Вечерина О. П. (МГППУ, Москва, РФ). 90-летие российской тамилистики: этапы развития, достижения, проблемы</i>	519
<i>Tatiana I. Vinogradova (Russian Academy of Sciences Library, St Petersburg, Russia). V. M. Alekseev and his Chinese Mentors (New Archive Data)</i> <i>Т. И. Виноградова (Библиотека РАН, Санкт-Петербург, РФ). В. М. Алексеев и его китайские учителя (по новым архивным данным)</i>	540
<i>Elena Voytishchek, Georgy Osipov, Eva-Maria Salikhova (Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia). Chinese Manuscript of the X Century "Dispute of Tea and Wine" from the "Dunhuang Library": Historic Survey and Textual Peculiarities</i> <i>Войтишек Е. Э., Осипов Г. В., Салихова Е.-М. И. (Новосибирский ГУ, Новосибирск, РФ). Китайская рукопись X в. «Спор Чаю и Вина» из «Дунхуанской библиотеки»: исторический обзор и текстуальные особенности</i>	563
<i>Ekaterina Zavidovskaya (National Tsing Hua University, Taiwan), Polina Rud (MAE RAS, St Petersburg, Russia). The Earliest Chinese Woodblock Prints Nianhua in Russia: Historiographical Value of the Academician Leopold I. Schrenk's Collection Housed at the MAE RAS</i> <i>Завидовская Е. А. (Национальный тайваньский университет, Тайвань), Рудь П. В. (МАЭ РАН, Санкт-Петербург, РФ). Наиболее ранние китайские народные картины няньхуа в России: историографическая ценность коллекции академика Л. И. Шренка в собрании МАЭ РАН</i>	587

ORGANIZING COMMITTEE
OF THE INTERNATIONAL CONGRESS
ON HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDIES
OF ASIA AND AFRICA

Honorary Head of the Organizing Committee: Mikhail B. Piotrovsky, Doctor of History, Professor, Member of the Russian Academy of Sciences, the Dean of the Faculty of Asian and African Studies (FAAS), St Petersburg University; Director of the State Hermitage Museum, St Petersburg, Russia.

Chairman of the Organizing Committee: Nikolay N. Dyakov, Doctor of History, Professor, Head of the Department of Middle Eastern History, Faculty of Asian and African Studies (FAAS), St Petersburg University, Russia.

Deputy Head of the Organizing Committee: Aleksey A. Rodionov, PhD, Associate Professor, First Deputy Dean of the Faculty of Asian and African Studies (FAAS), St Petersburg University, Russia.

Secretary of the Organizing committee: Alexander S. Matveev.

Secretary: Polina I. Rysakova.

PERMANENT MEMBERS OF THE ORGANIZING COMMITTEE

Milana A. Azarkina, Scientific Library of St Petersburg University, Russia.

Herman Bell, Institute of Arab and Islamic Studies, University of Exeter, UK.

Victor V. Bocharov, FAAS, St Petersburg University, Russia.

Zarine A. Dzhandosova, FAAS, St Petersburg University, Russia.

Anastasia A. Guryeva, FAAS, St Petersburg University, Russia.

Vladimir N. Kolotov, FAAS, St Petersburg University, Russia.

Igor Y. Kotin, FAAS, St Petersburg University; Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera), RAS, St Petersburg, Russia.

Dmitrii I. Maiatskii, FAAS, St Petersburg University, Russia.

Yulia S. Mylnikova, FAAS, St Petersburg University, Russia.

Mikhail S. Pelevin, FAAS, St Petersburg University, Russia.

Alexander V. Philippov, FAAS, St Petersburg University, Russia.

Irina F. Popova, FAAS, St Petersburg University; Institute of Oriental Manuscripts, RAS, St Petersburg, Russia.

Nikolay A. Samoylov, FAAS, St Petersburg University, Russia.

Vladislav G. Sobolev, School of International Relations, St Petersburg University, Russia.

Aliya S. Suleymanova, FAAS, St Petersburg University, Russia.

Mikhail N. Suvorov, FAAS, St Petersburg University, Russia.

Vladimir L. Uspenskiy, FAAS, St Petersburg University, Russia.

Rudolf A. Yanson, FAAS, St Petersburg University, Russia.

Olga M. Yastrebova, FAAS, St Petersburg University; Manuscripts Department, National Library of Russia, St Petersburg, Russia.

Alexander Yu. Zheltov, FAAS, St Petersburg University, Russia.

Konstantin A. Zhukov, FAAS, St Petersburg University, Russia..

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ КОМИТЕТ МЕЖДУНАРОДНОГО КОНГРЕССА ПО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЮ И ИСТОРИОГРАФИИ СТРАН АЗИИ И АФРИКИ

Почетный председатель оргкомитета: Пиотровский Михаил Борисович, доктор исторических наук, академик РАН, профессор, заведующий кафедрой Древнего Востока, декан Восточного факультета СПбГУ; генеральный директор Государственного Эрмитажа.

Председатель оргкомитета: Дьяков Николай Николаевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории стран Ближнего Востока, Восточный факультет СПбГУ.

Заместитель председателя оргкомитета: Родионов Алексей Анатольевич, кандидат филологических наук, доцент, кафедра китайской филологии, первый заместитель декана Восточного факультета СПбГУ.

Ответственный секретарь оргкомитета: Матвеев Александр Сергеевич, старший преподаватель, кафедра истории стран Ближнего, Восточный факультет СПбГУ.

Секретарь оргкомитета: Рысакова Полина Игоревна, кандидат социологических наук, доцент, кафедра теории общественного развития стран Азии и Африки, Восточный факультет СПбГУ.

ПОСТОЯННЫЕ ЧЛЕНЫ ОРГКОМИТЕТА

Herman Bell, Ph D, Professor; Honorary Research Fellow, Institute of Arab and Islamic Studies, University of Exeter, UK.

Азаркина Милана Александровна, кандидат педагогических наук, заведующая Восточным отделом Научной библиотеки им. М. Горького СПбГУ.

Бочаров Виктор Владимирович, доктор исторических наук, профессор, кафедра теории развития стран Азии и Африки, Восточный факультет СПбГУ.

Гурьева Анастасия Александровна, кандидат филологических наук, доцент, кафедра корееведения, Восточный факультет СПбГУ.

Джандосова Заринэ Алиевна, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой Центральной Азии и Кавказа, Восточный факультет СПбГУ.

- Желтов Александр Юрьевич**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой африканистики, Восточный факультет СПбГУ.
- Жуков Константин Александрович**, кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории стран Ближнего Востока, Восточный факультет СПбГУ.
- Кныш Александр Дмитриевич**, профессор исламоведения, отделение ближневосточных исследований, Мичиганский университет, Анн-Арбор, США; руководитель Научной лаборатории по анализу и моделированию социальных процессов СПбГУ.
- Колотов Владимир Николаевич**, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории стран Дальнего Востока, Восточный факультет СПбГУ.
- Котин Игорь Юрьевич**, доктор исторических наук, профессор, кафедра истории стран Дальнего Востока, Восточный факультет СПбГУ; ведущий научный сотрудник, заведующий отделом Южной и Юго-Западной Азии, МАЭ РАН (Кунсткамера).
- Маяцкий Дмитрий Иванович**, кандидат филологических наук, доцент, кафедра китайской филологии, Восточный факультет СПбГУ.
- Мыльникова Юлия Сергеевна**, кандидат исторических наук, старший преподаватель, кафедра истории стран Дальнего Востока, Восточный факультет СПбГУ.
- Пелевин Михаил Сергеевич**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой иранской филологии, Восточный факультет СПбГУ.
- Попова Ирина Федоровна**, доктор исторических наук, профессор, кафедра китайской филологии, Восточный факультет СПбГУ; директор Института восточных рукописей РАН.
- Самойлов Николай Анатольевич**, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории общественного развития стран Азии и Африки, Восточный факультет СПбГУ.
- Соболев Владислав Георгиевич**, кандидат исторических наук, доцент, кафедра международных отношений на постсоветском пространстве, факультет международных отношений СПбГУ.
- Суворов Михаил Николаевич**, доктор филологических наук, профессор, кафедра арабской филологии, Восточный факультет СПбГУ.
- Сулейманова Алия Сократовна**, кандидат филологических наук, доцент, кафедра тюркской филологии, Восточный факультет СПбГУ.
- Успенский Владимир Леонидович**, доктор филологических наук, профессор, и. о. заведующего кафедрой монголоведения и тибетологии, Восточный факультет СПбГУ.
- Филиппов Александр Викторович**, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой японоведения, Восточный факультет СПбГУ.
- Янсон Рудольф Алексеевич**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой филологии Юго-Восточной Азии и Кореи, Восточный факультет СПбГУ.
- Ястребова Ольга Михайловна**, кандидат филологических наук, доцент, кафедра иранской филологии, Восточный факультет СПбГУ; научный сотрудник, отдел рукописей Российской национальной библиотеки.

FOREWORD

Eyes of the Source and Eyes of the Historian: Multiple Perceptions and Mutual Understanding

Our conference with its rather pedestrian name — Source Studies and Historiography of Asia and Africa — has evolved into a large Congress representing contemporary Oriental Studies with a great variety of subjects and an extensive geographical scope. This is due not only to the dedicated work of its organizers, but also to the underlying theme — Source Studies and Historiography — expressing the essence of what makes Oriental Studies relevant today. The data and images of different civilizations are investigated with a clearly recognized awareness of the point of view, interests, moods and limitations of the sources and those who study them.

We are witnessing the growing importance and popularity of Oriental Studies as providing a comprehensive approach by scholars, combining various branches of human knowledge and investigating a variety of cultures from the outside and from within. Oriental knowledge is in demand to support multicultural dialogue that overcomes historic divisions. It makes diversity an object of admiration and the basis for a new world outlook, important for the survival of humankind. Oriental Studies meet the needs of today's approach to knowledge by offering a combination of different visions and points of view.

There is a famous maxim used by Oscar Wilde — “Beauty is in the eye of the beholder.” Indeed, Oriental Studies are dedicated to the beauty of culture and to the eyes that observe it — the eyes of the source and the eyes of the historian. The combination of cool and critical analysis with emotional enthusiasm for the subject, in fact, makes our Oriental scholarship an important part of the cultural heritage of the nation. Oriental Studies connect different worlds and allow not only scholars, but also a large number of people to have the luxury of understanding different cultural codes. This is being done on the basis of rigorous scholarship, which does not turn into journalism, although not alien to it.

All this is clearly seen in the careful selection of papers from the XXX International Congress on Source Studies and Historiography of Asia and Africa held at St Petersburg University. Eloquent and vivid episodes demonstrate the mutual perception of cultures — be it St George with the sword of the Prophet Muhammad or the procession of elephants of Nadir Shah’s embassy in St Petersburg; the transformation of Chinese legal terminology or the disappearance of primordial toponymy. Reality acquires sharp details in the description of Russia in the time of Patriarch Nikon through the eyes of the Antioch hierarchs or in the story about the secrets of the capture of Kars by the Russian army through the lips of the repetitive renegade Osman Bey.

New political influences lead to the peculiar transformations of the Chinese popular prints as well as to new interpretations of the wars in Korea and Vietnam. The present is unexpectedly recalled even in the paper on the “Martyrdom of St Aretha.” The image of the free international navigation in the Red Sea at the early junction of Antiquity and the Middle Ages is in tune with today’s problems of the south of Arabian peninsula, where the political situation is strikingly similar to the struggle of Byzantium and Iran in that area in the VI century. The beauty of the unusual appears to the reader in the images of the Sufi poetry of East Turkestan, in amazing combinations of old traditions and new ideas in Caucasian Islam and in the analysis of a range of books being read by local Caucasian Muslims.

The most important feature of all the works presented in the collection from the Congress is a strictly academic approach, a rigorous analysis of the sources, their language and the psychology of their authors. This has been the basis of the competitive advantage of traditional Oriental Studies in St Petersburg. Its hallmark is on all the works selected, no matter which part of the world they have come from. For that, credit must go to the organizers of the Congress. A strictly academic approach has made it possible to conduct a dialogue on the most delicate subjects and topics. In this sense, an article about the life and work of Vladimir Ivanov, the creator of academic Ismaili history, emotionally and rationally acceptable both to purely academic scholars and to zealous followers of this doctrine, is particularly revealing.

True science provides knowledge with devotion to goodness and purified from poison. We have a covenant with our predecessors who created this Conference/ Congress and established its scholarly tradition.

*Mikhail B. Piotrovsky, Dean of the Faculty of Asian
and African Studies of St Petersburg University,
Director of the State Hermitage Museum,
Professor, Member of the Russian Academy
of Sciences and Russian Academy of Arts*

ВВЕДЕНИЕ

Глаза источника и глаза историка

Наша конференция с довольно сухим названием — Источниковедение и историография стран Азии и Африки — превратилась в представительный Конгресс, представляющий современное востоковедение во всей широте его тематики и географического охвата. Это результат не только замечательной работы организаторов, но и того, что базовая тема — историография и источниковедение — выражает самую суть того, что делает востоковедение сегодня актуальным. Факты и образы разных цивилизаций изучаются нами в ясно осознаваемой связи с точкой зрения, интересами, настроениями и ограничениями источников и их исследователей.

Мы являемся свидетелями роста значения и популярности востоковедения как синтетической науки, объединяющей различные гуманитарные знания, оперирующей разнообразием культур, обозреваемых изнутри и снаружи. Востоковедное знание востребовано как диалог культур, пригласающий «войны памяти» и делающий разнообразие объектов любования и основой нового мирозерцания, важного для выживания человечества. Востоковедение отвечает потребностям сегодняшнего подхода к знанию как сочетанию различных взглядов и оптик.

Есть знаменитое высказывание Оскара Уайльда — «красота — в глазах смотрящего». Востоковедение как раз и посвящено красоте культуры и смотрящим на нее глазам — глазам источника и глазам историка. Сочетание холодного и критического анализа с эмоциональной увлеченностью предметом, как известно, делает нашу науку важнейшей частью культурного наследия нации. Востоковедение соединяет миры и позволяет не только ученым, но и большому количеству людей обладать роскошью понимания разных культурных кодов. Делается это на основе строгой науки, не превращающейся в публицистику, хотя и не чуждой последней.

Все это ярко видно на примере тщательно подобранного сборника докладов XXX Международного научного конгресса по источниковедению и историографии стран Азии и Африки в Санкт-Петербурге. Красноречивые и яркие эпизоды рассказывают о взаимном восприятии культур — будь то Св. Георгий с мечом пророка Мухаммада или шествие слонов посольства Надир-шаха по Петербургу; преобразование китайской юридической терминологии или исчезновение исконной топонимики. Реальность приобретает острые детали в описании России времени патриарха Никона глазами антиохийских иерархов или в рассказе о тайнах взятия русскими Карса в устах многократного ренегата Осман-бея.

Новые политические влияния приводят к своеобразным превращениям китайской лубочной картины и к новым трактовкам Корейской и Вьетнамской войны. Современность неожиданно напоминает о себе даже в статье о «Мученичестве Св. Ареты». Образ свободного судоходства в Красном море на стыке древности и Средневековья созвучен сегодняшним проблемам Юга Аравии, где политическая ситуация разительно похожа на борьбу Византии и Ирана в VI веке. Красота необычного предстает в образах открываемой читателю суфийской поэзии Восточного Туркестана, в удивительных сочетаниях старых традиций и новых идей в кавказском исламе, в анализе круга чтения кавказских мусульман.

Важнейшей особенностью всех представленных в сборнике работ является строгая академичность, жесткий анализ источников, их языка, психологии авторов. На этом строится конкурентное преимущество традиционного петербургского востоковедения, чей отпечаток лежит на всех работах, из каких бы частей мира они ни происходили. Это — заслуга организаторов конгресса. Именно строгий академизм позволяет вести диалог вокруг самых деликатных сюжетов и тем. В этом смысле очень показательна статья о судьбе и творчестве Владимира Иванова, создателя академической истории исмаилитов, эмоционально и рационально приемлемой и для отвлеченных исследователей и для ревностных последователей этого учения.

Настоящая наука несет знание, насыщенное добром и очищенное от яда. Таков завет предшественников, создавших и эту Конференцию-Конгресс и нашу науку, без которой нет нашей культуры.

*М. Б. Пиотровский,
декан Восточного факультета СПбГУ,
директор Государственного Эрмитажа,
профессор СПбГУ, академик РАН и РАН*

EDITORIAL PREFACE

The biennial International Congress on Historiography and Source Studies of Asia and Africa, the major international forum in the field of Asian and African studies in Russia, has been held at the Faculty of Asian and African Studies of the Saint Petersburg State University for more than half a century since 1961.

Historically the organization of the congress has gone through a number of stages: from inter-university scholarly methodological conferences held in the Oriental faculty of the Leningrad State University, to large international forums with the participation of many representatives from leading universities and academic centres of Russia, former Soviet Union republics, as well as universities of Asia, Africa, Europe and USA.

A Conference on Historiography and Source Studies of Asia and Africa was established by prominent Russian orientalists, historians and oriental sources experts, including Academician Joseph Orbeli who was head of the State Hermitage Museum, the Institute of Oriental Studies, the Faculty of Oriental Studies of Leningrad State University and also its Department of Middle East History. Among the organizers of the congress in different periods were such famous St Petersburg scholars as Academician Boris Piotrovsky, Corresponding Member of the Academy of Sciences Nina Pigulevskaya, professors of the Faculty of Oriental Studies Ilya Petrushevsky, Liudmila Stroeva, Anatoly Zheltiakov, Boris Mel'nicenko, Boris Doronin and others. Many of these leading Russian scholars took part in the organizing and work of the famous XXVth International Congress of Orientalists, which was held in Moscow in 1960.

The Congress on Historiography and Source Studies of Asia and Africa held in St Petersburg University in 2019 was a jubilee event – the 30th in a row. In recent years, besides the traditional historical sections, new philological and linguistic ones were added, thus covering all aspects of Oriental Studies. As a result, over the past 15 years, the number of participants has increased from 150-200 specialists in Asian and

African studies, mainly from the Russian Federation and neighbouring countries, up to approximately 500 scholars from more than 30 countries all over the world. Hence, in 2015 the decision was taken to change the status of the Conference to the “Congress”.

The Congress traditionally covers source studies and historiography of the Middle and Far East, Central Asia and the Caucasus, South and Southeast Asia, Africa and the Ancient Near East, as well as the development of Oriental literature and linguistics. Apart from the aforementioned academic topics, special attention is paid to the problems of the history of traditional societies and cultures in the East, the emergence and development of new “Eastern revolutions” and extremist movements, as well as potential scenarios for the current developments in various regions of Asia and Africa. Due to the growing importance of the Islamic factor, a section devoted to the history of Islam in Russia was introduced in the early 2010s.

In the Congress framework, a book of Abstracts that included detailed synopses of the papers was published prior to starting the sessions. Allowing some 650 words for the abstract, this approach enabled the authors to provide a detailed synopsis of their papers, with the main points being discussed and major findings described in reasonable detail; a limited number of short papers were also included. For recent congresses, two-volume Abstracts, of more than 1000 pages were published.

Full papers were not published due to the overwhelming task of publishing approximately 500 articles. However, at the last Congress of 2019, it was decided to establish a new series of “Proceedings” intended to publish selected Congress papers chosen by dedicated experts following the double-blind peer review. As a result, the first issue of the collected full papers has been prepared. It includes more than thirty articles on various problems of Asian and African studies that are based on the reports read at the XXXth Congress of 2019, as well as several papers from the previous congress.

The publication of the *Proceedings of the International Congress on Historiography and Source Studies of Asia and Africa*, with the selected peer-reviewed papers, will be continued after future Congresses.

Proceedings of the International Congress on Historiography and Source Studies of Asia and Africa, with the selected peer-reviewed papers, will continue to be published after each future Congress, being divided into three sections: I. African Studies; II. Middle East, Caucasus And Central Asia; and III. Far East, South and South-East Asia. An online digital version in periodical format will be published annually. The first two sections of the Proceedings — “African Studies” and “Middle East, Caucasus And Central Asia” — will appear as the first issue in the year of the Congress, while the third section — “Far East, South and South-East Asia” — will be published as the second issue in the following year. The complete Proceedings will be published biennially in book form in the year following the Congress.

Nikolay N. Dyakov, Alexander S. Matveev

ПРЕДИСЛОВИЕ

Традиционный Международный научный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки — крупнейший в России постоянный интернациональный форум в области востоковедения и африканистики, проводящийся на Восточном факультете СПбГУ раз в два года на протяжении уже более полувека.

Сама история организации и проведения конгресса прошла ряд этапов: от межвузовских научно-методических конференций, проводившихся на базе Восточного факультета ЛГУ начиная с 1961 г., до крупных международных форумов с участием десятков представителей ведущих университетских и академических центров РФ, бывших советских союзных республик, в первую очередь Средней Азии и Закавказья, а также зарубежных гостей из университетов Азии, Африки, Европы и США.

У истоков конгресса стояли выдающиеся отечественные востоковеды-историки и источниковеды, в том числе академик И. А. Орбели, руководивший Государственным Эрмитажем, Институтом востоковедения АН СССР, Восточным факультетом ЛГУ, а также кафедрой истории стран Ближнего Востока ЛГУ. В числе организаторов конгресса в разные годы были также академик Борис Борисович Пиотровский, чл.-корр. АН СССР Нина Викторовна Пигулевская, видные ученые — профессора Восточного факультета ЛГУ/СПбГУ Илья Павлович Петрушевский, Арон Давидович Новичев, Людмила Владимировна Строева, Анатолий Дмитриевич Желтяков, Геронтий Валентинович

Ефимов, Георгий Яковлевич Смолин, Борис Николаевич Мельниченко, Борис Григорьевич Доронин и др. Многие из названных ученых — корифеев отечественного востоковедения принимали участие в организации и проведении состоявшегося в Москве в 1960 г. и получившего широкий отклик в мире науки XXV Международного конгресса востоковедов.

Прошедший в 2019 г. в стенах СПбГУ конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки был юбилейным — 30-м по счету. В последние годы, уже в начале нового века, в дополнение к историческим секциям в программу конгресса были введены филологические и лингвистические секции, что существенно расширило масштабы данного мероприятия, которое фактически стало охватывать все аспекты востоковедного знания. В результате за последние 15 лет число участников форума существенно выросло: со 150–200 исследователей, в основном из РФ и стран постсоветского пространства, до полутысячи и более ученых-востоковедов и африканистов из более чем 30 стран со всех континентов мира. В 2015 году было принято решение повысить статус конференции до уровня конгресса.

На конгрессе традиционно рассматриваются вопросы источниковедения и историографии Ближнего и Дальнего Востока, Средней Азии и Кавказа, Южной и Юго-Восточной Азии, Африки и Древнего Востока, а также развития литературы Востока и лингвистики.

Кроме вышеуказанных традиционных академических тем и направлений исследований отдельное внимание уделяется проблемам истории традиционных обществ и культур в странах Востока, феномену современных «восточных революций» и экстремистских движений, а также потенциальным сценариям развития событий в ключевых регионах Азии и Африки, в частности проблемам безопасности на Ближнем, Среднем и Дальнем Востоке. Учитывая все возрастающую значимость исламского фактора в жизни России и окружающего мира, в начале 2010-х гг. в программу была включена секция, посвященная историографии и истории ислама в России. Отдельная секция посвящена образу России на Востоке.

Накануне форума традиционно издается серия сборников материалов конгресса, включающих в себя расширенные тезисы и отдельные, наиболее значимые, доклады. В последние годы этот сборник выходит в виде двухтомника объемом более 1000 страниц. Однако полные тексты докладов до последнего времени не публиковались ввиду непосильности самой задачи публикации порядка полутысячи статей. Однако принимая во внимание важность оперативной публикации наиболее важных результатов работы конгресса, в 2019 году было принято решение учредить новую серию, начав издание сборников избранных докладов конгресса, куда будут входить наиболее значимые доклады, прошедшие отбор профильными специалистами (double-blind peer review).

В результате тщательного отбора, проведенного после завершения XXX конгресса, в первый выпуск нового сборника вошло более тридцати статей по различным проблемам востоковедения и африканистики, которые были подготовлены на базе докладов, прочитанных в рамках XXX конгресса по источниковедению и историографии стран Азии и Африки, а также несколько докладов предыдущего конгресса.

Публикация избранных докладов по итогам последующих конгрессов будет продолжена в дальнейшем, с тем чтобы наиболее важные результаты научных изысканий в области востоковедения и африканистики, апробированных на конгрессах в Санкт-Петербурге, сделать максимально доступными для широкой научной общественности.

Сборник состоит из трех разделов: I. Африканистика; II. Ближний Восток, Кавказ и Центральная Азия; III. Дальний Восток, Южная и Юго-Восточная Азия. Он будет опубликован в печатном виде в одном томе, а также в электронном виде — как периодическое издание. Электронная версия будет выходить двумя отдельными выпусками: первый — по нечетным годам (год проведения конгресса), включающий в себя разделы «Африканистика» и «Ближний Восток, Кавказ и Центральная Азия»; второй — по четным годам (на следующий год после конгресса), включающий в себя раздел «Дальний Восток, Южная и Юго-Восточная Азия». Печатный вариант, объединяющий все три раздела, будет публиковаться раз в два года (на следующий год после конгресса) отдельным томом, либо, в случае большого объема, в двух томах.

Н. Н. Дьяков, А. С. Матвеев

I.

AFRICAN STUDIES

АФРИКАНИСТИКА

Herman Bell (University of Exeter, UK)

Endangered Toponymy from a Worldwide Perspective

Summary: The publications of the late Dr. Abdel Halim Sabbar on endangered geographical names of Sudanese and Egyptian Nubia could be relevant around the earth wherever local languages are in danger of extinction. He recommended procedures for dealing with toponyms in the Nobiin Nubian language spoken along the Nile. Many of its speakers were subjected to a massive resettlement in 1964. Sabbar's procedures may now be shared with speakers of a vast number of endangered languages elsewhere in the world.

Toponyms may link people to their traditional environment and even contribute to their sense of identity. Even careful archaeologists have represented toponyms carelessly. Sound recordings of toponyms must be readily accessible via archives such as ELAR (the Endangered Languages Archive) at the School of Oriental and African Studies in London. Careful attention should be given to variant forms of toponyms and the social groups with which they are associated. Sometimes the local language lacks the support of a system of education. Toponymy in one language may be distorted by speakers who have been educated in another language. According to Sabbar, Nubian women have always been called upon to perform social obligations and hold society together. He therefore paid particularly careful attention to their evidence.

When Sabbar and I examined an authoritative list of names for 60 Nubian villages and archaeological sites, we discovered that most of these names were different from the corresponding names heard in local Nubian speech. The results of our investigation are found online in the journal *Dotawo*¹ and also in chapter five of the most

---

¹ Sabbar A., Bell H. Endangered Toponymy along the Nubian Nile // *Dotawo. A Journal of Nubian Studies*. 2017. Vol. 4. P. 9 ff. URL: <http://digitalcommons.fairfield.edu/djns/vol4/iss1/1> (accessed 28.08.2018).

recent book by Sabbar: *The Toponymy of an Endangered Nubian Language* (Oxford: Nubian Languages and Culture, 2018). The present study is a critical reappraisal of our investigation with a look at its worldwide implications for endangered toponymy.

Keywords: Endangered toponymy; Endangered languages; Geographical names; Sudan; Egypt; Nubia; Nubian language; Variant forms; Social groups; Worldwide perspective.

Герман Белл (University of Exeter, UK)

Топонимы, находящиеся под угрозой исчезновения, как общемировая проблема

Резюме: Публикации покойного д-ра Абдель Халима Саббара о находящихся под угрозой исчезновения географических названиях суданской и египетской Нубии могут быть актуальны для любой страны, где местные языки находятся под угрозой исчезновения. Он писал о методах работы с топонимами в нубийском языке *нубийн*, на котором говорят на берегах Нила. Многие из носителей этого языка подверглись вынужденному массовому переселению в 1964 году, в результате строительства Асуанской плотины. В настоящее время методы Саббара могут быть использованы и носителями других языков, находящихся под угрозой исчезновения в разных странах.

Топонимы могут связывать людей с их традиционной средой обитания и даже способствовать формированию у них чувства самобытности. Однако даже обычно столь внимательные археологи часто не уделяют топонимам должного внимания. Звукозаписи топонимов должны быть легко доступны через такие архивы, как ELAR (Endangered Languages Archive — «Архив языков, находящихся под угрозой исчезновения») при Школе восточных и африканских исследований (SOAS) в Лондоне. Особое внимание следует уделять разнообразным формам топонимов и социальным группам, с которыми они ассоциируются.

Иногда местному языку не хватает поддержки со стороны системы образования. Топонимы на одном языке могут быть искажены носителями, получившими образование на другом языке. Когда мы с Саббаром изучали авторитетный список названий 60 нубийских деревень и археологических памятников, то обнаружили, что большинство из этих названий отличались от соответствующих названий, которые мы услышали в местной нубийской речи. Результаты нашего исследования можно найти в Интернете в журнале *Dotawo*¹, а также в пятой главе последней книги Саббара «Топонимы находящегося под угрозой исчезновения нубийского языка» (Оксфорд, 2018)². Настоящая работа представляет собой критическую переоценку нашего исследования с точки зрения

¹ Sabbar A., Bell H. Endangered Toponymy along the Nubian Nile // *Dotawo. A Journal of Nubian Studies*. 2017. Vol. 4. P. 9–34.

² Sabbar A. *The Toponymy of an Endangered Nubian Language*.

его общего значения для топонимов, находящихся под угрозой исчезновения в различных странах мира.

Ключевые слова: топонимы, находящиеся под угрозой исчезновения; языки, находящиеся под угрозой исчезновения; географические названия; Судан; Египет; Нубия; нубийский язык; вариантыные формы названий; социальные группы.

Many residents of Egyptian and Sudanese Nubia lost their ancient homes beside the River Nile as a result of the flooding from the High Dam in 1964. They lost the historic environment which had been theirs for more than 1600 years. They would also be losing contact with places closely associated with their sense of identity. These losses created the motivation and focus for a Survey of Nubian Place Names by the River Nile in 1962–1964.

In Egyptian Nubia some of the more important geographical names were transferred to places in the new homelands. However, in the new homelands of Sudanese Nubia a key group of traditional names in the Nubian language were officially replaced by numbers in Arabic. For example, the ancient name of the historic village of 'Fáras' was replaced with an Arabic phrase meaning 'Village One' (*Qaryah Wāḥid*). An important toponymic link with the inhabitants' sense of identity was broken.

A detailed analysis of this situation in Nubia was published by the United Nations Group of Experts on Geographical Names (UNGEGN) for the late Dr. Abdel Halim Sabbar¹ with the title 'Numbers as Geographical Names in Nubia: Endonyms or Exonyms?' in his book entitled *The Toponymy of an Endangered Nubian Language* (2018) both in hard copy and online. The electronic version is freely available to everyone for downloading from the UNGEGN Working Group on Exonyms website at the following link: <http://ungegn.zrc-sazu.si/Publications/TheToponymyofanendangerednubianlanguage.aspx> (accessed 05.10.2019).

Sabbar demonstrated the relationship between the language of the home, the toponymic environment and a sense of personal identity. Although his book focused on the endangered toponymy of Nubia, he welcomed comparisons with other parts of the world. These comparisons were particularly relevant wherever the local language of the residents was endangered.

Sabbar diagnosed the endangered condition of his own language, Nobiin Nubian, with the benefit of his training as a linguist and a medical doctor. He pointed out that his historic language was 'unofficial' and unsupported by a national system of education.

An older stage of this language was written in the early mediaeval period in its own alphabet. This Old Nubian alphabet has recently been applied to the modern

---

¹ Sabbar argued that Arabic emphatic consonants were originally alien to Nubian phonology and that it was therefore acceptable to pronounce Arabic names and loanwords in Nubian without emphatics. He preferred spelling his name as Sabbar and not as Šabbār.

languages and taught by Nubian linguists, such as the late Mukhtar Muhammad Khalil Kabbara,¹ Muhammad Jalal Hashim and Husain Mukhtar Kabbara² with special courses on writing the modern Nubian languages.

Like Cyrillic alphabets, the Old Nubian alphabet was developed upon a Greek base. It uses several characters from the Coptic alphabet together with additional characters from the ancient Meroitic script.³

Three distinctive characters of Meroitic origin are as follows:

𐪓 /ɲ/ (*ng* as in *singer*)

𐪔 /ñ/ (*ni* as in *onion*)

𐪕 /w/

These are listed under 'Unicode Characters of the Coptic Block' in FileFont.Info as follows:

U+2CDF COPTIC SMALL LETTER OLD NUBIAN NGI

U+CE1 COPTIC SMALL LETTER OLD NUBIAN NYI

U+CE3 COPTIC SMALL LETTER OLD NUBIAN WAU

The language policy of the Sudan contrasted diametrically with the traditional language policy of the Soviet Union, as described in 1977 by M. I. Isayev when he published *National Languages in the USSR: Problems and Solutions*.⁴ At that time the Sudan had only one official language, Arabic, and well over 100 languages with no official status. In the Soviet Union there was a very different situation.

When Lenin first came to power, he declared all the languages of the Soviet Union to be equal. There was to be no compulsion such as there had been during the Tsarist era with the policy of Russification. No longer would Russian be the official language. There was not to be one exclusive official language, but rather 130 'national languages'.

In 1978 the contrasting situations in the Sudan and the Soviet Union were examined in a postgraduate course conducted at the Institute of African and Asian

¹ Kabbara M. M. K. Wörterbuch der nubischen Sprache (Fadidja/Mahas-Dialekt). Warsaw: Raven [Nubica], 1996.

² Hashim M. J., Kabbara H. M. Iqra' bi'l-lugha al-nūbiyya. The Nubian Studies and Documentation Centre. Cairo, 2008.

³ Bell H. A World Heritage Alphabet: The Role of Old Nubian in the Revitalization of the Modern Nubian Languages // Anderson J. R., Welsby D. A. (eds.). The Fourth Cataract and Beyond. Proceedings of the 12th International Conference for Nubian Studies. British Museum Publications on Egypt and Sudan 1. Leuven — Paris — Walpole, MA: Peeters, 2014. P. 1189.

⁴ Isayev M. I. National Languages in the USSR: Problems and Solutions. Moscow: Progress Publications, 1977.

Studies (IAAS) of the University of Khartoum. This course involved an extensive investigation of the Soviet Union in terms of its numerous languages and its language policy with Isayev 1977 as a textbook. The single 'official' language of the Sudan had become embroiled in controversy. Early Soviet policy served as a reminder that there was a different paradigm available for dealing with a multiethnic country. Could some effective form of recognition be granted to the multitude of non-Arabic languages of the Sudan?

The Language Survey of the Sudan at the IAAS in the 1970s operated in terms of 136 languages, a number that would be constantly altered by linguistic analysis and further fieldwork.¹ Would Sudanese languages ever be recognized and supported as 'national languages' (cf. UNESCO Atlas of the World's Languages in Danger²)? Could this ever become a step toward achieving a goal of linguistic reconciliation?

Lenin's policy of respect for 130 'national languages' was practical. Early Soviet policy offered respect to the languages and cultures within its borders as a measure to achieve greater tranquility. How would this policy be pursued at the present time in the Russian Federation and within the Nubian homeland and diaspora?

It is worthwhile today to consider the positive and conciliatory aspects of a policy of 'national languages', especially since an unfortunate term 'minority languages' is now widely used internationally. In the Sudanese context the term 'minority languages' (*lughāt al-aqallīyyāt*) can be construed as pejorative. It is not ideal for a situation encouraging greater respect for other languages. This was pointed out by Hashim and Bell in a contribution to the GeoNames 2005: Conference on Minority Names/ Indigenous Names and Multilingual Areas. Ljouwert/ Leeuwarden, Frisia, The Netherlands.³ Sudanese scholars concerned with this issue have opted for terms such as 'national ethnic languages' or simply 'national languages'. The latter terminology was agreed by the Government of Sudan in the Naivasha Comprehensive Peace Agreement of 2005.

Clause 2.8.1.1 All the indigenous languages are national languages which shall be respected, developed and promoted.⁴

¹ Hurreiz S. H., Bell H. Directions in Sudanese Linguistics and Folklore. Khartoum: Khartoum University Press, 1975. P. 159–162.

² UNESCO Atlas of the World's Languages in Danger. URL: <http://www.unesco.org/languages-atlas> (accessed 28.08.2018).

³ Hashim M. J., Bell H. Nubian GeoNames in an Arabic Context: Issues of Global Relevance? // GeoNames 2005: International Conference on Minority Names/ Indigenous Names and Multilingual Areas. Ljouwert/ Leeuwarden, Frisia, The Netherlands. The Fryske Academy and the Dutch and German Division of UN Experts on Geographical Names (UNGEGN), Leeuwarden, Netherlands, 14th-15th April 2005.

⁴ The Comprehensive Peace Agreement. URL: <https://peaceaccords.nd.edu/sites/default/files/accords/SudanCPA.pdf> (accessed 12.05.2019).

However, a Sudanese language was unlikely to be significantly developed and promoted without a national budget for instruction.

Sabbar was not only fluent in his own Nobíin Nubian language. He was equally as fluent in standard Arabic, the ‘official’ language of his country, Sudan. However, he often considered ‘official’ Arabic to be alien and intrusive. He quoted a Nubian wisdom saying at the end of his chapter 4:¹

*Jérrog kaccokíul
ágarka dúmmešša.*

‘Those who came late
occupied all the seats.’

Degrees of alienation

Sabbar’s concept of ‘alien’ Arabic toponyms versus ‘non-alien’ Nubian toponyms was not simplistic. In chapter 3 of his book² he discussed five different categories of alienation.

‘The Old Tamarisk Tree’ flooded in Nubia in 1964
(Visited by Dr. Abdel Halim Sabbar and discussed in his work¹)

¹ Sabbar A. *The Toponymy of an Endangered Nubian Language*. Oxford: Nubian Languages and Culture, 2018. P. 30.

² Sabbar A. *The Toponymy of an Endangered Nubian Language*. P. 22 ff.

1. Completely Nubian compounds were immediately accepted as non-alien, for example, *Faraa Dúwwi* ‘the old (*dúwwi*) tamarisk tree (*faraa*)’. The elements are Nubian words and the noun phrase is constructed according to Nubian grammar.

2. Toponyms may have had an origin in the mediaeval Nubian language (Old Nubian), for example, *Dibéeree*. The element *dib* may have retained a mediaeval pronunciation even though the corresponding word in present-day Nobiin Nubian speech had become *diffi* ‘castle’. Toponyms often preserve an earlier pronunciation, for example, Stanbridge ‘stone bridge’ where *stan* for ‘stone’ reflects the Old English pronunciation *stān*.¹ It is considered non-alien.

3. Toponyms of uncertain etymology, for example, *Ishkéed*,² which has no obvious etymology, but which conforms to Nubian phonology and is considered by its residents to be non-alien.

4. Even toponyms which were clearly Arabic, could be accepted as non-alien, for example, a place named for *Shéeh Gurnéen*,³ who played an important role in the religious life of the local inhabitants until this ‘Muslim Shéeh’ was revealed by an archaeologist to have been a mediaeval Christian bishop.

5. Even Arabic names,⁴ perceived not to have been very old, but acknowledged to have a major function in the social life of the local people, could be accepted as non-alien, for example, *Wadi Hálfa*.⁵ The epithet *Halfáwi* has even become a term indicating the ethnic identity of an inhabitant of that region.⁶

Sabbar considered the toponyms in each of these five categories to be non-alien. Even the last two examples that were clearly of Arabic origin were not considered to be exonyms. They had been domesticated.

According to Sabbar, when the language of the home is endangered, toponymy is endangered and there is a negative impact on personal identity.

---

¹ Ekwall E. *The Concise Oxford Dictionary of English Place-names*. 4th edition. Oxford: Clarendon Press, 1960. P. 437.

² Sabbar A. *The Toponymy of Ishkeed and the Revitalization of an Endangered Nubian Language*. Oxford: Nubian Languages and Culture, 2017. P. 19.

³ The name of Shéeh Gurnéen has been spelt here according to its Nubian pronunciation rather than its Arabic etymology.

⁴ Wadi refers to a valley for a seasonal stream. Hálfa refers to the esparto grass that was found growing there.

⁵ The town name presents Wadi Hálfa as it is pronounced in Nubian speech with /á/ marking Nubian high tone. Sabbar decided to present the name as Wadi Hálfa as it may be heard in Nubian speech rather than Wādī Ḥalfā as it may be heard in Arabic.

⁶ Bell H. *Nubian Perceptions of Exonyms and Endonyms* // Woodman P. (ed.). *The Great Toponymic Divide. Reflections on the definition and usage of endonyms and exonyms*. Proceedings of the 12th UNGEGN Working Group on Exonyms Meeting Gdańsk, 16–18 May 2012. Warsaw, 2012. P. 100 ff.

Not only is the language endangered,
its toponymy is also endangered

Endangered languages are numerous. From the viewpoint of the online *UNESCO Atlas of the World's Languages in Danger* almost half of the languages spoken on earth are endangered. The following summary is presented there: 'At least 43 % of the 6000 languages spoken in the world are endangered. This figure does not include the data-deficient languages, for which no reliable data is available. As their exact number is unknown, data-deficient languages are presented together with the safe ones ...'¹

The decision to include data-deficient languages together with the 'safe' ones raises the following questions: Why should data-deficient languages inflate the numbers of the safe languages? How many of these so-called 'safe' languages are data-deficient and unsafe?

There is an issue. The Nile Nubian languages including Nobiin Nubian were included in the 'largest' category ('57.13%'), the so-called 'safe' languages of the world. The Nile Nubian languages were not specified as any of the 64 endangered, vulnerable or recently extinct languages listed by the UNESCO Atlas for Sudan. Nor was any Nubian language mentioned by the Atlas among the three endangered or extinct languages mentioned for Egypt.

Sabbar argued that Nobiin Nubian was clearly endangered. Noteworthy was the widespread tendency of children not to continue speaking the home language of their elders. Of special importance, Nobiin Nubian had no significant place in the school curricula of the Sudan and Egypt. It was not supported by the national systems of education.

A majority of the languages of Africa have never received adequate support from a national system of education.

The Nobiin Nubian language is like a sinking boat. It is clearly in danger, whether it is as small as a lifeboat or as large as the Titanic.

When Sabbar and I examined an authoritative list of names for 60 Nubian villages and archaeological sites, we discovered that most of these names were different from

¹ UNESCO Atlas of the World's Languages in Danger. URL: <http://www.unesco.org/languages-atlas/> (accessed 28.08.2018).

the corresponding names heard in local Nubian speech. Our focus was on the area where the Nobiin Nubian language was historically spoken, the stretch of the Nile between Kerma in Sudan and **Korosko** in Egypt (Nubian: **Kuruskó**).

The results of our investigation are found online in the journal *Dotawo*¹ and also in chapter five of the most recent book by Sabbar: *The Toponymy of an Endangered Nubian Language*.² The present study is a critical reappraisal of our investigation with a look at its worldwide implications for endangered toponymy.

The list of site names was taken from the *Topographical Bibliography* of Porter, Moss and Burney (1952).³ Since the date of that publication, considerable progress has been made by historians and archaeologists aiming to understand the potential contribution of toponyms to history. Are geographical names not as relevant as potsherds? They should be accurately recorded in all of the principal languages spoken locally and especially in the local Nubian language.

Three Procedures for Fieldwork

Based on the experience of this investigation, the following three procedures are recommended for fieldwork anywhere.

1. Toponymic interviews should be conducted in the local languages.
2. A sound recording should be made for each toponym in the context of each local language and made available online.
3. Variant names should be recorded for each toponym with attention to its social context. If possible, variant names should be identified with reference to different social situations and different groups of speakers. For example, elderly women who have not been to school may prove to be more closely in touch with the historic pronunciation of toponyms than speakers well educated in a local prestige language. Well educated speakers may distort local names to conform with the prestige language.

The name Abu Simbel looks suspiciously like such a distortion. The toponym 'Abu Simbel' has occasionally been glossed as 'Father of the spike of millet', as though it were originally of Arabic origin. Such a gloss would not have amused Ramesses II who built his colossal temples there in the 13th century B.C.⁴

---

¹ Sabbar A., Bell H. Endangered Toponymy along the Nubian Nile // *Dotawo. A Journal of Nubian Studies*. 2017. Vol. 4. P. 9 ff.

² Sabbar A. *The Toponymy of an Endangered Nubian Language*. Oxford: Nubian Languages and Culture, 2018. [ISBN: 978-1-9998425-2-9 (paperback); ISBN: 978-1-9998425-1-2 (e-book)].

³ Porter B., Moss R. L. B., Burney E. W. *Topographical Bibliography of Ancient Egyptian Hieroglyphic Texts, Reliefs, and Paintings*. Vol. VII. Nubia, the Deserts and Outside Egypt. Oxford: Griffith Institute, Ashmolean Museum, 1952.

⁴ Sabbar A. *The Toponymy of an Endangered Nubian Language*. P. 40.

The name ‘Abu Simbel’ is now well established throughout the world and unlikely to be changed apart from minor variations in spelling. Official spelling of place names is the prerogative of the nation in which the place occurs. Familiar official spellings may become ‘correct’ even when they distort an original pronunciation from another language.

The place ‘Abu Simbel’ is also known by the following **variant** names ‘Absím-bil’, ‘Absám-bal’ and ‘Farréygn Uffi’. Absím-bil was the version used by Sabbar and his neighbours in his home village of Ishkéed. In 2010 he sent me the following Nobiin Nubian examples without tone marking by email:

ay absimbillatoonamell

Note: the second (l) in Absimbil is grammatical.

Meaning: I am from Abu Simbel.

ay absimbilka nalis/ nass

Note: the two verbs are an option, both have the same meaning.

Meaning: I saw Abu Simbel.

Sabbar used the conventional spelling ‘Abu Simbel’ alongside **absimbil** which represented his own pronunciation.

However, Sabbar’s village was located to the south of the temples at a distance that would have taken two full days of walking plus a boat ride across the Nile. On the other hand, the Nubian scholar Hussain Mukhtar Kabbara originally lived on the east bank immediately opposite the temples on the western bank of the river. Now after the resettlement, he lives next to the temples themselves. His life-long proximity to the temples tends to make his evidence even more authoritative for historians. He pronounced the name as ‘Absám-bal’. This particular pronunciation was also recorded in 1817 by John Bowes Wright who worked with Belzoni exploring the Great Temple.¹ Kabbara said that the name Absám-bal suggested a high place rather than the temples themselves. The only local name that referred precisely to the temples was Farréygn Uffi, meaning ‘the hole or cave of Farréygn’ (name of the surrounding administrative area). Farréygn Uffi is a Nubian phrase consisting of the Nubian word Uffi meaning ‘hole’ or ‘cave’, the Nubian genitival element n (= ‘of’) and ‘Farréygn’, an administrative region. The same name is also used for another administrative area further south among the Nobiin Nubian-speaking inhabitants of the Third Cataract. Farréygn Uffi (‘the Hole of Farréygn’) seems to have been a pejorative name suggesting that people had no business to be there. This had the advantage of protecting the temples as well as discouraging any people who might be motivated by idle curiosity.

¹ I am grateful to Kirsty Rowan for this reference, see Sabbar A. The Toponymy of an Endangered Nubian Language. P. 40.

The following inhabitants in the accompanying photograph all actively used the toponym Adey Fäär in January 2016: Sa'ṭda Taifur Šālih (left), her husband Muḥammad 'Abdul Raḥman Makkī (right) and their son Haytham Muḥammad (second right).

Toponymy reaching back through 33 centuries of history

Another ancient Egyptian site is more remarkable for toponymy and its relevance to history.¹ The name of the mother of the Pharaoh Akhenaten seems to have survived for 33 centuries and is still used by the local Nubians in the toponym 'Adéy fäär' ('The ruined Adéy'). The present-day Adéy is generally accepted to have come from the ancient Egyptian 'Ḥwt Ty' 'the Mansion of [Queen] Teye'. This is an ancient Egyptian toponym which was inscribed in hieroglyphs on the temple in the village of Saadéŋga, as pronounced in the northern variety of Nobiin Nubian.² The local people who speak a southern variety of that language pronounce it Saadéŋga. In January 2016 I made an audio-visual recording of 'Adéy' and 'Saadéŋga' in a conversation in Nubian with the elderly inhabitants who have moved from that place to the near-by village of Qubbat Salīm where they are less likely to be troubled by flooding.

¹ Leclant J. La Nécropole de l'Ouest à Sedeinga en Nubie Soudanaise. Paris. [Académie des Inscriptions & Belles-Lettres, Comptes rendus des séances de l'année 1970, avril-juin]; Bell H., Phillips J. R. Wadi Halfa: Bride of the Nile // Gerasimov I. V., Matveev A. S. (eds.). Тахиййат: Сборник статей в честь Н. Н. Дьякова. Арабистика — Исламоведение — Этнография. Тахийуат. Festschrift in Honour of Professor Nikolay Dyakov. Middle Eastern and Islamic Studies. St Petersburg, 2013. P. 30–40.

² Sabbar A. The Toponymy of an Endangered Nubian Language. P. 57, item 46.

A remarkable head of Queen Teye herself, mother of Akhenaten, may be visited in the Neues Museum in Berlin

The history of the toponym ‘Adéy fáar’ may now be traced as follows: The ancient Egyptian ‘**Hwt Ty**’ ‘the Mansion of [Queen] Teye’ was declared by the reigning Pharaoh Amenophis III to be the name of the temple in Nubia. Now, 33 centuries later ‘**Hwt Ty**’ still appears as ‘Adéy’ in the Nubian phrase ‘Adéy fáar’ where the Nubian word ‘fáar’ (ruined) indicates that it has now become accepted and domesticated as a Nubian place name.

Accurate Recording

Sabbar was particularly concerned with accuracy in writing Nubian words and toponyms. Even after his death, he managed to correct me. I was responsible for a toponymic spelling on the inside back cover of his recent posthumous book.¹ There, I had allowed the Nubian name of the mountain to be rendered as ‘Sahaabáan Muulée’. Influenced by the prominent high tone of **á**, I had given that vowel the prominence of length **áa**. However, it was not to be. Several days after the publication of the e-book and the paperback, I found a manuscript list without tone marking by Sabbar. It showed the hamlets around his childhood village of

Ishkeed (*Orientalia*:² Achkeit). One of them was ‘Saha:ban tawwo’ meaning ‘Below Sahaaba’. This informed me that the final vowel was short (a), not long (a:). Therefore, ‘Sahaabáan Muulée’ in his book needs to be replaced with ‘Sahaabán Muulée’.

A long vowel in utterance final position is normally shortened, for example, consider Dibéeree, which is the settlement just north of Ishkéed. **Dibéeree** with a final long vowel becomes **Dibéere** with a final short vowel at the end of an utterance. On the other hand, certain toponyms like Toshké have a final vowel that is always short.³

The Kenzi Nubian area further north has been particularly well served by the procedures of Junker and Schäfer who recorded toponyms and relevant ethnic

¹ Sabbar A. The Toponymy of an Endangered Nubian Language (on page 67 of the electronic version and the inside cover facing p. 66 of the paperback version).

² *Orientalia*. URL: <http://www.egyptologues.net/orientalia/home> (accessed 3 September 2018).

³ Sabbar A. The Toponymy of an Endangered Nubian Language. P. 59, item 57.

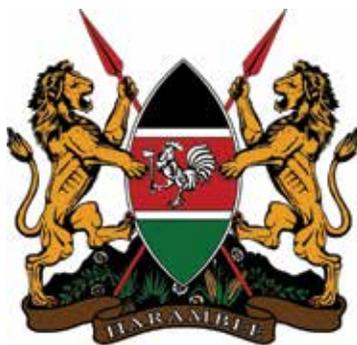
names with the benefit of Samuel Ali Hussein, a fluent speaker of the Kenzi Nubian language. Texts with ethnic names were published alongside the Kenzi Nubian toponyms. Procedures for Nobīn Nubian toponymy can also benefit from these publications of 1932.¹

Toponymic fieldwork is fundamentally different from archaeological fieldwork. Toponymic work requires close involvement between the inhabitants and the fieldworker. A great deal of time must be devoted to intensive questioning and conversation with the local inhabitants. This is very different from the requirements of an archaeological excavation.

Action

Attention to local toponyms in their local languages has a dual function. (1) It provides more accurate evidence for cultural history. (2) It also provides attractive materials to support endangered languages and alphabets among people young and old who have a concern for their historic environment and their own cultural identity.

Sabbar was eager to help people who wanted to keep their traditional language alive and flourishing. He wanted to find a slogan in Nubian like **Harambee**, the powerful slogan in Swahili. '**Harambee**' means 'Let's pull together' ('Heave ho!'). It now appears in the official motto of the government of Kenya.

The online Oxford English Dictionaries offer the following information`:

Definition of harambee — (in East Africa) an event held to raise funds for a charitable purpose. ...*Swahili*, literally 'pulling or working together'.²

Origin

Swahili, literally 'pulling or working together' (a slogan of the first independent government of Kenya).

Pronunciation

harambee

/hə'rambi:/

¹ Junker H., Schäfer H. Nubische Texte im Kenzi-Dialekt. Band 2, Schriften der Sprachkommission der Akademie der Wissenschaften in Wien 9. Vienna; Leipzig, 1932.

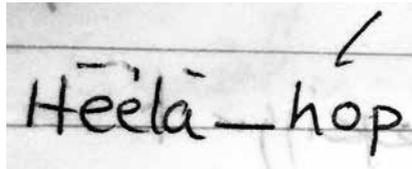
² <https://en.oxforddictionaries.com/definition/harambee> (accessed 19.05.2019).

The above statement from the Oxford Dictionaries Online contains one point that needs to be challenged.

The Swahili slogan standardly written as *harambee* is not normally pronounced as /hə'rambi:/, but as /haram'be:/. The pronunciation /hə'rambi:/ seems to be an anglicised interpretation. This is suggested not only by the use of an unstressed /ə/ (schwa) in the first syllable and the indication (') of relatively greater stress on the medial syllable, but especially by the pronunciation as /i:/ rather than /e:/ in the third syllable.

A double *e* in Swahili is pronounced as a lengthened *e*, not as a shift to the letter *i*. If an English speaker sees a foreign expression **Harambee**, she/he is inclined to interpret it as **Harambii**. In fact, the Swahili expression would be more appropriately pronounced by a normal English speaker if it were spelt ***Harambay** or ***Harambey**. English speakers have a handicap when faced with **ee** and **oo** in other languages. This handicap resulted from a 'Great Vowel Shift' in English which occurred between the time of Chaucer in 1400 and the time of Shakespeare in 1600. Since that time, English speakers have tended to mispronounce **ee** as though it were **ii** and **oo** as though it were **uu** when they observe other languages. Since the peculiarities of English spelling now influence people around the world, my preferred solution would be never to use **ee** and **oo** in writing systems for languages such as Nubian. Even such a well established language as Swahili is still subject to misinterpretation when observed by a speaker of English.

Sabbar pointed out a Nubian equivalent to the *Harambee* of Swahili. I have a copy of it written in his own hand as follows:

To avoid English misconceptions, **ee** could be replaced with **ey** as follows:

Heyla-hóp!

If people were moving a boat, they grasped the rope with the first two syllables '*Heyla*' and pulled together when they shouted '*Hóp*'. Sabbar's acute accent above *Hóp* could have indicated both high tone and stress.

This expression may well have originated in the context of the Arabic language. A song of this name was popular in Cairo with a musical group called Wust El-Balad: "Hela Hop" — 4:21 (An expression used in Arabic to motivate people doing a hard job)¹.

¹ Wust El-Balad — Wikipedia. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Wust_El-Balad (accessed 21 May 2019); Wust El Balad. Hela Hop هوب وسط البلد هيللا هوب — YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=pI4DgptXLOI> (accessed 21 May 2019).

Both Harambee and Heyla-hóp share a distant affinity of purpose with the expression of the Volga Boatmen:

Эй ухнем, Эй ухнем.

Ilya Efimovich Repin (1844–1930). Volga Boatmen (*Burlaks*) (1870–1873)

The Volga Boatmen in Russian were called *Burlaks* — those who hauled barges upstream in the XVIth — early XXth centuries. Unlike the Nile boatmen it was their only job.

Heyla-hóp seems not to have the powerful historic associations of Эй ухнем (*ey ukhnem*) and not even of Harambee. Nevertheless, the Nile boatmen will remind many of the Nubian people how they have been forcibly removed from

Nile Nubian Boatmen in the Belly of Stones

Women Guiding a Boat near the Dal Cataract

their homelands by the river, their historic environment and the source of their sense of identity.

According to Sabbar, women have always been called upon to perform social obligations and hold society together. May their efforts be crowned with success. Some of them have recently suffered martyrdom and others are now helping to guide the ship of state in Sudan.

References

1. Al-Shahi A., Mignon L. (eds.). *Women Writers of the Two Sudans // Proceedings of the conference organised by The Sudanese Programme at St. Antony's College, University of Oxford, 10 June 2017. Oxford: The Sudanese Programme, 2019.*
2. Bell H. An Extinct Nubian Language in Kordofan // *Sudan Notes and Records*. 1973. 54. P. 73–80.
3. Bell H. Documentary Evidence on the Haraza Nubian Language // *Sudan Notes and Records*. 1975. 56. P. 1–34.
4. Bell H. Birgid Nubian: Recording a Nearly Extinct Language // Abu-Manga A., Gilley L., Storch A. (eds.). *Insights into Nilo-Saharan Language, History and Culture. Proceedings of the 9th Nilo-Saharan Linguistic Colloquium, Institute of African and Asian Studies, University of Khartoum, 16–19 February 2004. [Nilo-Saharan. Linguistic Analyses and Documentation. Vol. 23.] Cologne: Rüdiger Köppe Publishers, 2006. P. 75–83.*
5. Bell H. Nubian Perceptions of Exonyms and Endonyms // Woodman P. (ed.). *The Great Toponymic Divide. Reflections on the definition and usage of endonyms*

and exonyms. Proceedings of the 12th UNGEGN Working Group on Exonyms Meeting Gdańsk, 16–18 May 2012. Warsaw, 2012. P. 97–110. [Also accessible online: http://ksng.gugik.gov.pl/pliki/the_great_toponymic_divide.pdf (accessed 01.10.2015)].

6. Bell H. A World Heritage Alphabet: The Role of Old Nubian in the Revitalization of the Modern Nubian Languages // Anderson J. R., Welsby D. A. (eds.). The Fourth Cataract and Beyond. Proceedings of the 12th International Conference for Nubian Studies. British Museum Publications on Egypt and Sudan 1. Leuven — Paris — Walpole, MA: Peeters, 2014. P. 1189–1194.

7. Bell H. A Multilingual Environment: Its Relevance for Defining ‘Endonym’ and ‘Exonym’ // Jordan P., Woodman P. (eds.). Confirmation of the Definitions. Proceedings of the 16th UNGEGN Working Group on Exonyms Meeting, Hermagor, 5–7 June 2014. (Name & Place — Contributions to Toponymic Literature and Research. Vol. 4). Hamburg: Verlag Dr. Kovač, 2015. P. 117–122.

8. Bell H. The Goal of an Exonym: Networks of Intangible Culture // Jordan P., Woodman P. (eds.). Criteria for the Use of Exonyms. Proceedings of the 17th UNGEGN Working Group on Exonyms Meeting, Zagreb, 14–16 May 2015. (Name & Place. Vol. 6.). P. 117–127. Hamburg: Verlag Dr. Kovač, 2016.

9. Bell H. Exploring Nubian Toponymy in its Traditional Environment // Honegger M. (ed.). Nubian Archaeology in the XXIst Century. Proceedings of the Thirteenth International Conference for Nubian Studies, Neuchâtel. Leuven — Paris — Bristol, Ct.: Peeters, *Orientalia Lovaniensia Analecta*, 2018.

10. Bell H., Hashim M. J. Does Aten Live on in Kawa (Kówwa)? // *Sudan and Nubia*. 2002. Vol. 6. P. 42–46.

11. Bell H., Phillips J. R. Wadi Halfa: Bride of the Nile // Gerasimov I. V., Matveev A. S. (eds.). Тахиййат: Сборник статей в честь Н. Н. Дьякова. Арабистика — Исламоведение — Этнография. / Tahiyyat. Festschrift in Honour of Professor Nikolay Dyakov. Middle Eastern and Islamic Studies. St Petersburg, 2013. P. 30–40.

12. Bell H., Sabbar A. Nubian Geographical Names and Language Revitalization on Both Sides of an International Border // Jordan P., Bergman H., Burgess C., Cheetham C. (eds.). Trends in Exonym Use. Proceedings of the 10th UNGEGN Working Group on Exonyms Meeting, Tainach, 28–30 April 2010. Hamburg: Verlag Dr. Kovač, 2011. P. 295–311.

13. Choo S. The Endonym/ Exonym Divide in the Context of Korean Geographical Names // Jordan P., Woodman P. (eds.). The Confirmation of the Definitions. Proceedings of the 16th UNGEGN Working Group on Exonyms Meeting, Hermagor, 5–7 June 2014 (Name & Place. Vol. 4). Hamburg: Verlag Dr. Kovač, 2015. P. 139–141.

14. Ekwall E. The Concise Oxford Dictionary of English Place-names. 4th edition. Oxford: Clarendon Press, 1960.

15. ELAR: The SOAS Endangered Languages Archive. ELAR online catalogue. URL: https://lat1.lis.soas.ac.uk/ds/RRS_V1/RrsRegistration. Access the ELAR SOAS page: <https://elar.soas.ac.uk/>.

16. Hashim M. J., Bell H. Nubian GeoNames in an Arabic Context: Issues of Global Relevance? // *GeoNames 2005: International Conference on Minority Names/ Indigenous*

Names and Multilingual Areas. Ljouwert/ Leeuwarden, Frisia, The Netherlands. The Fryske Academy and the Dutch and German Division of UN Experts on Geographical Names (UNGEKN), Leeuwarden, Netherlands, 14th-15th April 2005.

17. Hashim M. J., Kabbara H. M. Iqra' bi'l-lugha al-nūbiyya. The Nubian Studies and Documentation Centre. Cairo, 2008.

18. Hurreiz S. H., Bell H. Directions in Sudanese linguistics and Folklore. Khartoum: Khartoum University Press, 1975.

19. Isayev M. I. National Languages in the USSR: Problems and Solutions. Moscow: Progress Publications, 1977.

20. Jordan P. The Endonym/ exonym Divide — Questions resolved and still open at the 15th anniversary of the Working Group on Exonyms. Eleventh United Nations Conference on the Standardization of Geographical Names, New York, 8–17 August 2017. Item 11 of the provisional agenda Exonyms.

21. Junker H., Schäfer H. Nubische Texte im Kenzi-Dialekt. Band 2, Schriften der Sprachkommission der Akademie der Wissenschaften in Wien 9. Vienna; Leipzig, 1932.

22. Kadmon N. (ed.). Glossary of Terms for the Standardization of Geographical Names. United Nations Department of Economic and Social Affairs Statistical Division, United Nations Group of Experts on Geographical Names, ST/ESA/STAT/SER.M/85. New York, 2002 (2007).

23. Kabbara M. M. K. Wörterbuch der nubischen Sprache (Fadidja/Mahas-Dialekt). Warsaw: Raven [Nubica], 1996.

24. Leclant J. La Nécropole de l'Ouest à Sedeinga en Nubie Soudanaise. Paris. [Académie des Inscriptions & Belles-Lettres, Comptes rendus des séances de l'année 1970, avril-juin].

25. *Orientalia*. URL: <http://www.egyptologues.net/orientalia/home> (accessed 03.09.2018).

26. Porter B., Moss R. L. B., Burney E. W. Topographical Bibliography of Ancient Egyptian Hieroglyphic Texts, Reliefs, and Paintings. Vol. VII. Nubia, the Deserts and Outside Egypt. Oxford: Griffith Institute, Ashmolean Museum, 1952.

27. Razanajao V. Tell el Balamoun: Considérations toponymiques autour de la ville la plus septentrionale d'Égypte // Goyon J.-C., Cardin C. (eds.). Proceedings of the Ninth International Congress of Egyptologists. Leuven, 2007. P. 1575–1585.

28. Sabbar A. The Toponymy of Ishkéed and the Revitalization of an Endangered Nubian Language // Jordan P., Bergmann H., Burgess C., Cheetham C. (eds.). Trends in Exonym Use. Proceedings of the 10th UNGEKN Working Group on Exonyms Meeting, Tainach, 28–30 April 2010. [Name and Place. Vol. 1]. Hamburg: Verlag Dr. Kovač, 2011. P. 313–17.

29. Sabbar A. Numbers as Geographical Names in Nubia: Endonyms or Exonyms? // Woodman P. (ed.). The Great Toponymic Divide. Reflections on the definitions and usage of endonyms and exonyms. Warsaw: Head Office of Geodesy and Cartography, 2012. P. 105–110. [Download: URL: http://ksng.gugik.gov.pl/pliki/the_great_toponymic_divide.pdf] (accessed 28.08.2018).

30. Sabbar A. Language: an Essential Element of the Endonym // Jordan P., Woodman P. (eds.). *The Quest for Definitions. Proceedings of the 14th UNGEGN Working Group on Exonyms Meeting*, Corfu, 23–25 May 2013. [Name and Place. Vol. 3]. Hamburg: Verlag Dr. Kovač, 2014. P. 185–190.
31. Sabbar A. Disenfranchising Indigenous Languages. The Need to define 'endonym' and 'exonym' with accuracy and fairness // Jordan P., Woodman P. (eds.). *Confirmation of the Definitions. Proceedings of the 16th UNGEGN Working Group on Exonyms Meeting*, Hermagor, 5–7 June 2014. [Name & Place. Vol. 4]. Hamburg: Verlag Dr. Kovač, 2015. P. 123–126.
32. Sabbar A. *The Toponymy of Ishkeed and the Revitalization of an Endangered Nubian Language*. Oxford: Nubian Languages and Culture, 2017. [ISBN: 978–1–9998425–0–5].
33. Sabbar A., Bell H. Endangered Toponymy along the Nubian Nile // *Dotawo. A Journal of Nubian Studies*. 2017. Vol. 4. P. 9–34. [Available at URL: <http://digitalcommons.fairfield.edu/djns/vol4/iss1/1> (accessed 28.08.2018)].
34. Sabbar A. *The Toponymy of an Endangered Nubian Language*. Oxford: Nubian Languages and Culture, 2018 [ISBN: 978–1–9998425–2–9 (paperback)].
35. Sabbar A. *The Toponymy of an Endangered Nubian Language*. Oxford: Nubian Languages and Culture, 2018 [ISBN: 978–1–9998425–1–2 (e-book)]. [The electronic version of this book is available for downloading at the following link: URL: <http://ungegn.zrc-sazu.si/Publications/TheToponymyofanEndangeredNubianLanguage.aspx> (accessed 28.08.2018)].
36. UNESCO Atlas of the World's Languages in Danger. URL: <http://www.unesco.org/languages-atlas/> (accessed 28.08.2018).
37. Woodman P. (ed.). *The Great Toponymic Divide. Reflections on the definitions and usage of endonyms and exonyms*. Warsaw: Head Office of Geodesy and Cartography, 2012. P. 105–110. [Download: URL: http://ksng.gugik.gov.pl/pliki/the_great_toponymic_divide.pdf].
38. Wust El-Balad. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=pI4DgptXLOI> (accessed 21 May 2019)

Author's information

Herman Bell

PhD, Professor; Honorary Research Fellow, Institute of Arab and Islamic Studies, University of Exeter; Sudan Expert, Working Group on Exonyms of United Nations Group of Experts on Geographical Names (UNGEGN)
18, Observatory Street, Oxford, OX2 6EW, United Kingdom
E-mail: h.bell@exeter.ac.uk; herman.nobiin@gmail.com

*Nika V. Lavrentyeva (The Pushkin State Museum of Fine Arts,
Moscow, Russia)*

African Art in the Pushkin Museum of Fine Arts: The Beginning of Collecting and Perspectives of Development

Summary: Art historians studying objects of African art in the museum collections face a number of problems. Moreover, the ways to solve them are quite different from those familiar for classical art historians, such as describing, evaluating the artistic significance and style features of an object. Even such a fundamental concept for European art criticism as “original” here takes on a different meaning.

Given the time of the receipt of the vast majority of its objects, the collection of African art of the Pushkin Museum is a “new” collection, but it has been developed on an old basis. The first 7 items were received by the Museum along with a collection of paintings collected by Sergei I. Shchukin. Despite the fact that one of them is not an object of the African art, and another is a copy made in bronze, the other five are interesting examples of African sculptures of the Bambara, Senufo, and Chokwe. These are the objects that formed the basis of the collection of African art and made it an integral part of the museum funds to be developed.

These “old” objects came from Sergei I. Shchukin; his task was to illustrate the origins of the forms of the early 20th century *avant-garde*. Despite the fact that this process was not so straightforward but rather complex and versatile, the direct influence of the African art on the European artists of the time has been postulated by many researchers. This idea was popular among French art objects sellers and collectors of the early XX century; and it was also shared by Shchukin.

In 2015, five more items were donated to the museum by N. V. Myasishcheva: three Dogon sculptures as well as female figurines of Ashanti and Baule. Mrs. Myasishcheva is the widow of A. D. Frolov, who worked in Mali in late 60s of the XX century. The objects are of significant interest, though unfortunately there is no detailed information about the circumstances of their acquisition.

As a result of the expedition of the Institute of Oriental Studies under the direction of P. A. Kutsenkov to Mali (2017), in 2018, 27 objects brought from the expedition to the Country of Dogons were donated to the Pushkin Museum by N. V. Lavrentyeva: wooden sculpture, door-locks, stool, fabrics, ceramics and metal objects.

It is planned to expand the collection as well as to continue the work on its description, however, the most important task is the creation of a methodological basis for the development of the African art collection of the Pushkin Museum.

Keywords: African art collections; African sculpture; Dogon art; expedition to Mali; exhibitions; The Pushkin State Museum of Fine Arts.

Лаврентьева Н. В. (ГМИИ им. А. С. Пушкина, Москва, РФ)

Искусство Африки в ГМИИ им. А. С. Пушкина: этапы сложения коллекции и перспективы работы

Аннотация: Перед историками искусства, изучающими африканские памятники, встает комплекс проблем и видятся способы решения, довольно сильно отходящие от привычных для классического искусства методов описания, оценки художественного значения и стиливых особенностей памятника. Даже такое основополагающее для европейского искусствознания понятие, как «подлинник», здесь приобретает иное звучание.

Коллекция искусства Африки (ИА) ГМИИ представляет собой, судя по времени поступления подавляющего большинства предметов, «новое» собрание, но созданное на старой основе. Первые 7 предметов поступили в Музей вместе с коллекцией живописи, собранной С. И. Щукиным. И хотя один памятник не относится к африканскому искусству, а еще один является бронзовым «снимком», но остальные пять — это интересные примеры африканской скульптуры бамбара, сенуфо, чокве. Именно эти вещи составляют тот фундамент, который позволяет коллекции африканского искусства существовать в музее как неотъемлемая часть его фондов и развиваться.

Эти «старые» вещи происходят из французских покупок С. И. Щукина, его задачей была необходимость проиллюстрировать истоки форм современного ему авангарда. Несмотря на то, что прямое влияние африканского искусства на поиски европейских художников постулируется многими исследователями, и хотя очевидно, что этот процесс был не столь прямолинейным и более сложным и разносторонним, но у многих французских продавцов и коллекционеров начала XX века эта идея пользовалась популярностью; было так и для С. И. Щукина.

Спустя многие годы, в 2011–2012 гг. в ГМИИ поступила коллекция Михаила и Леонида Звягиных из 89 предметов, переданная в дар музею. В 2011 г. в ГМИИ состоялась выставка «Искусство Тропической Африки», по окончании выставки половина экспонатов поступила в музей (ГМИИ, инв. №№ ИА 1–94). Стоит отметить, что эта коллекция собрана художником и скульптором, ставшим коллекционером, с художественным подходом к отбору памятников. Часть собрания М. Звягина, переданная в ГМИИ, — это коллекция тканей (27 предметов), а также деревянной скульптуры (статуи и маски). Значительная часть скульптуры является повторами и вариациями на тему известных памятников, представляющих творчество различных народов, проживающих южнее Сахары.

В 2015 г. по инициативе Н. В. Мясичевой было передано в дар музею еще пять предметов: три догонские скульптуры, а также женские статуэтки ашанти

и бауле. Н. В. Мякишева — вдова А. Д. Фролова, работавшего в конце 1960-х гг. в Мали. Памятники представляют собой значительный интерес, но, к сожалению, у нас нет детальных сведений об обстоятельствах их приобретения.

В 2018 году по результатам экспедиции ИВ РАН под руководством П. А. Куценкова в Мали в Страну догонов (2017 г.) в ГМИИ было передано в дар 27 предметов, привезенных из экспедиции Н. В. Лаврентьевой: круглая деревянная скульптура, засовы, табурет, ткани, а также керамика и памятники из металла.

Планируется дальнейшее пополнение коллекции, а также продолжение работы по ее описанию, но важнейшим вопросом остается создание методологической основы для формирования собрания искусства Африки ГМИИ.

Ключевые слова: коллекция африканского искусства; африканская скульптура; искусство догонов; экспедиция в Мали; выставки; ГМИИ им. А. С. Пушкина.

Для историка искусства работа с африканским материалом представляет собой не только исследование памятников, их стилистических особенностей и возможных взаимосвязей при максимально полном понимании контекста, но эта деятельность требует иных методов и подходов, нежели даже древне-египетские памятники, происходящие с того же континента, но из иной эпохи и с совсем иной культурной составляющей¹. Перед исследователями встает комплекс проблем и видятся способы их решения, довольно сильно отходящие от привычных для классического искусства методов описания, оценки художественного значения и стилевых особенностей памятника. Даже такое основополагающее для европейского искусствознания понятие как «подлинник», здесь приобретает иное звучание².

Особенно остро эти проблемы встают перед исследователем, когда он работает с новой музейной коллекцией. Старые собрания имеют свою логическую и методологическую основу. Недавно переданные в музей собрания требуют осмысления, связанного не только с их вписыванием в контекст фондов музея, но и оценки перспективы дальнейшего развития собирательской работы музея в этом направлении.

Коллекция искусства Африки (ИА) ГМИИ представляет собой, судя по времени поступления подавляющего большинства предметов, «новое» собрание, но созданное на старой основе. Первые вещи поступили в Музей вместе с коллекцией живописи, собранной С. И. Щукиным — как «экзотическая» часть его

¹ Выражаю благодарность коллегам — хранителям африканских памятников в фондах ГМИИ им. А. С. Пушкина О. А. Васильевой и Н. Д. Картуновой за возможность работы с памятниками.

² Куценков П. А. Предисловие. Подлинник, реплика, имитация // Оригинал и повторение. Подлинник, реплика, имитация в искусстве Востока. М.: ГИИ, 2014. С. 14–15; Григорович Н. Е. «Аэропортное» искусство. Подделки или копии? // Оригинал и повторение. Подлинник, реплика, имитация в искусстве Востока. С. 16–35.

коллекции¹. Несмотря на то, что это собрание насчитывает всего 7 предметов, из которых один памятник не относится к африканскому искусству, а еще один является бронзовым «снимком»². Пять собственно африканских памятников из собрания С. И. Щукина — это примеры африканской скульптуры бамбара, сенуфо³, чокве. Именно эти вещи составляют тот фундамент, который позволяет коллекции африканского искусства существовать в музее как неотъемлемая часть его фондов и развиваться.

Консультантом при покупке этих предметов был Владимир Иванович Марков (1877–1914) — художник и теоретик искусства, написавший замечательную работу «Искусство негров» (1919)⁴, опубликованную после смерти автора. В книге изложены ценнейшие замечания о памятниках из коллекций этнографических музеев Европы (Христиании, Копенгагена, Гамбурга, Лондона, Парижа, Кельна, Брюсселя, Лейдена, Амстердама, Лейпцига, Берлина и Петербурга), которые он посещал для изучения скульптуры, которую он рассматривал как произведения художественного творчества. В редакторском предисловии к работе точно формулируется его основная задача: «Он пошел туда с определенной целью извлечь памятники вечного искусства... понять и объяснить те приемы творчества далеких и чуждых им артистов, которые создали не только их этнографическую, но и художественную ценность»⁵. Важно отметить, что именно художник отмечает, что, в частности, Западная Африка «в создании мировой красоты занимает почетное место»⁶.

Эти «старые» вещи происходят из французских покупок С. И. Щукина, его задачей была необходимость проиллюстрировать истоки форм современного ему авангарда. Несмотря на то, что прямое влияние африканского искусства на поиски европейских художников постулируется многими исследователями и хотя очевидно, что этот процесс был не столь прямолинейным и более сложным и разносторонним⁷, у многих французских продавцов и коллекци-

¹ Демская А. А., Семенова Н. Ю. У Щукина на Знаменке. М., 1993. С. 122.

² Морозова С. С. Скульптура с бульвара Распай // *Amant Alterna Camenae*. Сборник статей к 60-летию И. И. Тучкова. М.: МГУ, 2017. С. 313–321.

³ Куценков П. А. Статуэтка сенуфо из собрания ГМИИ и некоторые проблемы культуры Западного Судана // Тезисы докладов и научных сессий, посвященных итогам работы Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина за 1981 г. М., 1982. С. 66–68; Этнос и его искусство. Западный Судан. Процессы стилиобразования. М.: Наука, 1990. С. 115.

⁴ Марков В. И. Искусство негров. СПб., 1919.

⁵ Предисловие редактора // Марков В. И. Искусство негров. С. 11.

⁶ Марков В. И. Искусство негров. С. 17.

⁷ Сиим А. Ю. Африканская маска: десакрализация без профанации // Маски: от мифа к карнавалу: материалы научной конференции «Випперовские чтения-2007». Вып. XXXVIII. Тула: Власта, 2008. С. 126–127.

*Ил. 1. Маска гиены общества коре.
Дерево
Бамбара. Из коллекции Звягиных.
(ГМИИ, инв. № ИА 34)*

онеров начала XX в. эта идея пользовалась популярностью; было так и для С. И. Щукина¹. Эта покупка имеет характер комплекта, единого приобретения, где контекст покупки приобретает большое значение. Причем вещи характеризуются высоким художественным качеством, а также, возможно, изначально могли иметь непосредственное ритуальное применение.

Спустя многие годы в 2011–2012 гг. в ГМИИ поступила следующая коллекция Михаила² и Леонида Звягиных³ из 89 предметов, переданная им в дар музею (ил. 1). Это сравнительно небольшое по количеству предметов собрание представляет искусство различных стран Африки — Мали, Кот д'Ивуара, Нигерии, Конго, Камеруна, Габона, Гвинеи, Сьерра-Леоне и Буркина-Фасо. В 2011 г. в ГМИИ состоялась выставка «Искусство Тропической Африки», по окончании выставки половина экспонатов была передана в музей (ГМИИ, инв. №№ ИА 1–89). Стоит отметить, что эта

коллекция создана художником и скульптором, ставшим коллекционером, так что это не только и не столько знаточеский, но прежде всего художественный подход к отбору памятников. Часть собрания М. Звягина, переданная в ГМИИ, представляет коллекцию тканей (27 предметов), а также деревянной скульптуры (статуи и маски). Значительная часть скульптуры является авторскими повторами, выполненными африканскими мастерами, и вариациями на тему

¹ Арсеньев В. Р. Маска Африки: 100 лет пути от культуры к культуре // Маски: от мифа к карнавалу. С. 118–119.

² М. Л. Звягин (р. 1931 г.) — художник, скульптор, коллекционер. Живет в Бруклине, первые приобретения совершены на блошиных рынках в США, позднее — у приезжавших в США граждан африканских стран. Собрание насчитывает более тысячи памятников. См.: Арсеньев В. Р. Культура Африки и коллекционирование Antiqu.Info. 2008. № 70; Ценитель, подвижник, знаток // Африканское искусство из собрания Михаила и Леонида Звягиных. СПб., 2009.

³ Сиим А. Ю. Африканское искусство из собрания Михаила и Леонида Звягиных. СПб., 2009.

Ил. 2. Статуя сидящего мужчины с трубкой

Дерево. Догоны. Из коллекции Фролова–Мясищевой. (ГМИИ ИА 94)

Ил. 3. Статуэтка стоящей женщины

Дерево. Ашанти. Из коллекции Фролова–Мясищевой. (ГМИИ ИА 92)

известных памятников, представляющих творчество различных народов, проживающих южнее Сахары; и имеет определенный уровень художественного качества.

Вскоре после выставки собрания М. Л. Звягина в ГМИИ, в 2015 г. по инициативе Н. В. Мясищевой было передано в дар еще 5 предметов: три догонские скульптуры (инв. №№ ИА 90, 91, 94) (ил. 2), одна — женская статуэтка ашанти (инв. № ИА 92) (ил. 3), одна — женская статуэтка бауле (инв. № ИА 93) (ил. 4). Н. В. Мясищева — вдова А. Д. Фролова, работавшего в конце 1960-х годов в составе дипломатического советского полпредства в Республике Мали¹. Памятники представляют собой значительный интерес, но, к сожалению, нет детальных сведений об обстоятельствах их приобретения.

¹ Письмо Н. В. Мясищевой в ГМИИ от 20.05.2011. Архив отдела Древнего Востока ГМИИ.

Ил. 4. Статуэтка женщины
с двумя косами

Дерево. Бауле. Из коллекции
Фролова–Мясищевой. (ГМИИ ИА 93)

Ил. 5. Засов с изображением
всадника и масок

Дерево. Догоны. Из коллекции Звягиных.
(ГМИИ ИА 62)

В упомянутых выше коллекциях, вошедших в фонды ГМИИ, находятся памятники, которые можно выделить в отдельную группу по географическому признаку как происходящие из Мали — это ткани, круглая деревянная скульптура, дверной засов. Особо стоит отметить два памятника пластики — деревянную резную скульптуру. Это характернейшие для искусства догонов жанры — круглая скульптура, изображающая предка и резной, скульптурно оформленный дверной засов.

Дверной засов (ГМИИ инв. № ИА 62), происходящий из коллекции М. Звягина, — это и характерный, и одновременно довольно необычный памятник в своем роде (ил. 5).

Предмет сохранился не полностью, у него отсутствует собственно функциональная часть — его запирающий механизм. Догонские засовы состоят из трех частей: накладка на дверь, подвижный запирающий механизм, вставляющийся в накладку (это, собственно, задвижка), а также деревянный ключ, сдвигающий

здвижку, который хозяин дома носит с собой. Так запираются двери на жилых домах, где хранится хозяйственная утварь, и, что не менее важно, зернохранилища, где находится запас пищи для семьи, а также зачастую орудия труда, обеспечивающие обработку земли и снятие урожая. Засовы имеют также металлические, чаще всего железные детали: гвозди, которыми они крепятся на деревянную дверь, а также шипы, особым образом и с разной глубиной и последовательностью вставленные в ключ, чтобы зацеплять углубления в замке и сдвигать задвижку. Кроме того, ключ может декорироваться различными подвесками, своего рода брелоками — например, каменными и стеклянными бусинами.

Засовы изготавливает кузнец, который может как работать с металлом, так и резать по дереву. Кроме того, работа кузнеца отличается чернением — дерево «прижигается» и получает свой темный цвет. Засов — не только функциональный предмет, но и оберег дома, а также своеобразная аттестация владельца дома. Это послание, заключенное в форме и декоративных деталях замка, может быть понятно как жителям деревни, так и гостям из других поселений, поскольку используется универсальный для догонов язык символов.

Стиль же может отличаться довольно сильно — как в разных деревнях, так и в одной деревне, поскольку каждый кузнец обладает собственными техническими и художественными приемами, так сказать своим «авторским почерком». Причем жители деревни могут заказывать работу не только у своего кузнеца, а обращаться к мастеру из другого селения, работы которого им больше нравятся, что зачастую сильно усложняет определение стиля определенной деревни, в которой могут присутствовать памятники из различных центров производства.

Возвращаясь к декорации засовов, можно сказать, что в собрании ГМИИ находится незаурядный памятник. Обычный засов имеет, как правило, прямоугольную форму, сориентированную вертикально. Ее можно интерпретировать как сильно стилизованную фигуру человека, поскольку сверху может скульптурно оформляться голова предка-охранителя или пары, а снизу могут появляться «ножки», и их количество также связано с социальным статусом владельца. В случае с нашим предметом ситуация сложнее. Можно предположить, что это «именной» засов.

Сверху на засове представлен скульптурно вырезанный всадник. Фигура обобщена и непропорционально увеличена в сравнении с лошадью, что вполне может подчеркивать значение изображенного персонажа. Фигура всадника всегда связана с вождеской традицией. Изображение всадников встречается повсеместно: на круглой скульптуре, рельефах подпорок навеса-*тогуна*, дверях, засовах, кольцах, шпильках. Ориентация основной фигуры сверху, по-видимому, связана с тем, в какую сторону открывается дверь. Основное поле «накладки» — это основная изобразительная плоскость, которая может покрываться насечками в виде орнамента (это делается раскаленным острым орудием,

похожим на шило) или фигуративным рельефом. Рельеф может представлять, например, фигуру крокодила — священного животного догонов, в которое воплощаются особо уважаемые предки рода. Это может быть многофигурная сцена, повествующая об истории рода — важнейших событиях или характере деятельности предков. В данном случае — перед нами несколько символов. Внизу в центре — изображение маски *канага*. Надо сказать, что рельефные изображения крокодила на различных предметах, а также рельефные стилизованные изображения крокодилов, вылепленные из глины на стенах домов (вождей), более всего схожи с формой этой маски.

Два других изображения также представляют еще один тип маски — маску кролика с торчащими ушами. Маски догонов, изображающие зайца, используются членами мужского общества масок в поминальной церемонии в честь умерших, называемой Дама, которая проводится, чтобы помочь душам умерших найти путь в мир духов предков. Сама личина маски совершенно не отличается от прочих типов «животных» масок жителей плато Бандиагара. Это, как правило, прямоугольный ящик с прорезями для глаз. Собственно зайцем данную маску делают уши; танцоры в масках зайца участвуют в церемониях вместе с масками, изображающими охотника. Охотник устраивает погоню за кроликами, которые разбегаются от него в разные стороны.

Внизу наклейки засова представлены ломаные линии, возможно, символизирующие воду. Общий абрис наклейки напоминают мужское лицо, обрамленное бородой. Таким образом, маски кроликов — глаза, канага — нос, линии воды — рот. Такой подход к интерпретации наклейки замка как личины маски или образа предка, связанного с мужским обществом масок, может свидетельствовать о предках в роде владельца дома, связанных с обществом масок, где маска кролика, возможно, была «закреплена» за этим предком или родом в целом.

Мягкость трактовки фигуры всадника и округлый абрис замка также нетипичны и свидетельствуют об индивидуальном почерке кузнеца, изготовившего этот «именной замок». В целом, памятник можно трактовать как интересный нестандартный экземпляр, обладающий художественной значимостью. Однако стоит отметить, что в рамках экспедиции 2019 года в деревне Энде мною был зафиксирован схожий дверной засов малого размера, который как по размеру, так и по низкому качеству отделки больше всего походит на сувенирную продукцию, в орнаментацию которой включены наиболее хорошо узнаваемые символы, связанные с искусством догонов.

Другой памятник, характерный для искусства догонов, — это фигура с поднятыми руками (ГМИИ, инв. № ИА 15) (ил. 6). Деревянная скульптура бамбара и догонов очень узнаваема, ее иконографические типы отличаются устойчивостью, но допускают различные сочетания и конфигурации. Фигуры с поднятыми руками — один из самых частых иконографических типов, наряду с сидящими мужскими статуями или парными статуями.

Почти во всех работах, посвященных искусству догонов, подобные фигуры называются изображениями предков-Номмо. «Так же они названы и в описаниях Национального музея в Бамако (инв. № 81-Х-784). Однако Номмо — духи воды, ближайшей аналогией которым может быть Водяной русских сказок. В некоторых деревнях догонов существует легенда о том, что жители деревни являются потомками Номмо, принявшего облик женщины, и охотника, который первым пришёл на это место. Вероятно, такие легенды являются свидетельством ассимиляции предшественников догонов, теллем (дословно это слово означает «те, кого нашли»). Однако никто из информантов, по крайней мере, в Энде, не смог подтвердить распространённые сведения о том, что Номмо были когда-либо объектами поклонения. Интересно, что в каталоге Национального музея этот тип также назван «Номмо» (инв. № 89–2–1)»¹. Точно так же все опрошенные П. А. Куценковым догоны единодушно утверждали, что фигуры с поднятыми руками изображениями Номмо не являются — это или изображения предков, совершающих обряд вызывания дождя, или человека, вызывающего дождь.

Такие фигуры есть во всех историко-культурных областях Страны догонов, но далеко не всегда имеют культовое значение. Что касается изображений Номмо, то они действительно существуют. Это фигуры с вытянутыми личинами и ушами, напоминающими уши животных. Подобная фигура опять-таки имеется в собрании Национального музея в Бамако (инв. № 81-Х-777), и она названа именно Номмо².

Сами догоны считают, что фигуры с поднятыми руками — это изображение предка, вызывающего дождь. Поднятые руки — характерный жест обращения к небу. Начало периода дождей — ключевой момент в земледельческом цикле Западного Судана.

*Ил. 6. Статуя женщины с поднятыми руками
Дерево. Догоны.
Из коллекции Звягиных.
(ГМИИ ИА 15)*

¹ Куценков П. А., Лаврентьева Н. В., Чегодаев М. А. От родового общества к ранним цивилизациям: Древний Египет и Западная Африка. М., 2019.

² Там же.

То есть эти изображения связаны с ритуалами плодородия, от которых зависит благополучие общины.

Тело статуи показано обобщенно, ноги не проработаны, мускулатура не читается, голова имеет конусообразную форму. Черты лица вырезаны довольно подробно: круглые, рельефно моделированные близко посаженные глаза, тонкий нос с обозначенными ноздрями. Голова посажена на толстую, широкую, столбообразную шею. Все внимание резчик сосредотачивает на вскинутых вверх руках. Они образуют две тонкие длинные параллельные прямые, так что в восприятии фигуры вертикаль приобретает довлеющее значение. По сравнению с объемом тела и шеи руки непропорционально длинные и тонкие, что также подчеркивает эффект, создаваемый жестом. На руках насечками показаны браслеты, отмечающие их физиологическое членение. По имеющимся аналогиям нетрудно восстановить недостающую нижнюю часть: непропорционально длинное тело покоится на коротеньких, чуть подогнутых ногах. В искусстве догонов и бамбара известны как одиночные фигуры (например, Метрополитен музей, инв. № 1980.561 или 1978.412.322, с широкой датировкой XIV–XVII вв.), так и изображения парных разнополюх предков.

По результатам экспедиции ИВ РАН (ноябрь 2017 г., руководитель П. А. Куценков) в страну догонов (Республика Мали)¹ в ГМИИ было передано в дар в 2018 году 27 предметов, привезенных из экспедиции Н. В. Лаврентьевой. Это круглая деревянная скульптура (ил. 7), засовы, табурет (ил. 8), ткани, а кроме того — керамика и памятники из металла (мелкая пластика и шпильки). Ранее в собрании отсутствовали произведения из глины, а также железа и бронзы. Особенно хочется отметить небольшую бронзовую статуэтку сидящего мужчины с бородой и бритой головой, повернутой вправо (ил. 9). Поза статуэтки может быть описана как сидящего «по-турецки». Тонкие руки опущены вниз, на предплечьях изображены браслеты. Статуэтка изготовлена около 1917 г. мастером Ангуно Того (дед Малика Карамбе) и приобретена в магазине при Музее деревни Энде в ноябре 2017 г. В Национальном Музее в Бамако датировка статуэтки была подтверждена.

Планируется дальнейшее пополнение коллекции, а также продолжение работы по ее описанию, но важнейшим вопросом остается создание методологической основы для формирования собрания искусства Африки ГМИИ.

Африканская коллекция ГМИИ пока имеет довольно аморфную структуру — она, с одной стороны, имеет музейно-историческую составляющую, с другой — условно «современную». В ней представлены памятники разного времени, многие из которых необходимо точнее атрибутировать, выделить в тематически группы.

¹ Куценков П. А., Ванюкова Д. В., Лаврентьева Н. В., Семенова В. Н. Экспедиция в страну догонов (Республика Мали, регион Мопти) // *Вестник Института востоковедения РАН*. 2018. № 3. С. 42–52.

Ил. 7. Жюстен Гиндо
Статуя сидящего мужчины. Дерево.
Догоны. (ГМИИ ИА 121)

Ил. 8. Табурет с ножками в виде фигур предков.
Дерево. Догоны (ГМИИ ИА 108)

При разделении коллекции на «тематические» группы можно будет яснее сформулировать, какие аналогии им необходимы, каких разделов и тематических и художественных не хватает в собрании.

Предлагается составить «конгломераты памятников»: тематические, по материалам и видам искусства, географическому происхождению.

Например, в собрании есть некоторые виды тканей (значит, эту тему можно продолжать, дополняя, например, тканями с фигуративным декором), есть женские и мужские образы, но практически нет парных статуй (зато есть такой памятник в шукинском собрании), характерных для некоторых африканских культур, есть два декорированных резьбой табурета из разных поступлений и географических регионов (можно продолжать), совсем немного масок и мелкой пластики, рельефов.

Эта коллекция может рассматриваться в «диалоге» как с коллекциями древностей — древнеегипетской (также цивилизация африканского континента), античной (как диалог классики и не-классики), так и с искусством начала XX в. и современным искусством (соотнесение с авангардом или отсутствие подобных связей).

Ценность предмета в художественном музее мирового искусства состоит не только в том, что какая-то скульптура — это фетиш, ведь им

Ил. 9. Ангуно Того. Статуя сидящего мужчины с повернутой вправо головой
Бронза. Догоны. (ГМИИ ИА 102)

может стать в принципе любая скульптура при определенных условиях — важно, какую художественную ценность имеет этот памятник, почему именно он стал объектом культа, отсюда его важность и для антропологии, и для истории религии и др. При отборе для формирования фонда необходимо рассматривать предмет как памятник искусства, как предмет, обладающий своим художественным языком и эстетикой. Нужно установить, как этот памятник взаимодействует с традицией, как в нем осуществляется поиск новых художественных решений в рамках живой традиции и насколько эта традиция продуктивна на данный момент.

Этот подход имеет особое значение именно для художественного музея. В России в чем-то проще

перейти к такому подходу. У нас нет за спиной проблем Европы и Нового Света: в качестве стороннего наблюдателя у нас не замутнен взгляд сменой парадигм — от «примитивного» и «экзотичного» до «современного» и «актуального».

Таким образом, можно проследить несколько этапов в составлении коллекции африканского искусства. Первый — это приобретение памятников коллекционером, но специализировавшимся на европейском искусстве, которому африканские предметы были необходимы в качестве иллюстрации, оттеняющей произведения искусства, которые, как он считал, возникли под влиянием моды на Африку. Следующий этап — это приобретение памятников художником, которого интересовали прежде всего художественные особенности памятников, нежели доподлинное изучение их происхождения. Вслед за этим в музей поступают предметы, собранные не специалистом историком, этнографом или искусствоведом, но человеком, имевшим возможность получить «насмотренность» памятников, пребывая в Африке какое-то время. Важно также отметить, что приобретения совершались уже на территории культуры, внутри которой создавались эти произведения. И наконец, наступает этап, когда отбор памятников производится в центрах производств, с выяснением точного провенанса, датировки и авторства, под

руководством специалиста, знающего стилистические особенности именно данного региона, где памятники приобретались. Хочется надеяться, что эта положительная динамика укоренится и ГМИИ сможет и далее пополнять свои фонды памятниками с максимально полным провенансом, имеющими значительную художественную ценность.

Литература

1. Арсеньев В. Р. Маска Африки: 100 лет пути от культуры к культуре // Маски: от мифа к карнавалу: материалы научной конференции «Випперовские чтения-2007». Вып. XXXVIII. Тула: Власта, 2008. С. 118–119.
2. Арсеньев В. Р. Культура Африки и коллекционирование. *Antiqu.Info*. 2008. Ноябрь. № 70. (СПб.). С. 64–68.
3. Арсеньев В. Р. Ценитель, подвижник, знаток // Африканское искусство из собрания Михаила и Леонида Звягиных. СПб., 2009.
4. Григорович Н. Е. «Аэропортное» искусство. Подделки или копии? // Оригинал и повторение. Подлинник, реплика, имитация в искусстве Востока. М.: ГИИ, 2014. С. 16–35.
5. Демская А. А., Семенова Н. Ю. У Щукина на Знаменке. М., 1993.
6. Куценков П. А. Предисловие. Подлинник, реплика, имитация // Оригинал и повторение. Подлинник, реплика, имитация в искусстве Востока. М.: ГИИ, 2014. С. 14–15.
7. Куценков П. А. Статуетка сенуфо из собрания ГМИИ и некоторые проблемы культуры Западного Судана // Тезисы докладов и научных сессий, посвященных итогам работы Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина за 1981 г. М., 1982. С. 66–68.
8. Куценков П. А. Этнос и его искусство. Западный Судан. Процессы стилиобразования. М., Наука 1990.
9. Куценков П. А., Ванюкова Д. В., Лаврентьева Н. В., Семенова В. Н. Экспедиция в страну догонов (Республика Мали, регион Мопти) // *Вестник Института востоковедения РАН*. 2018. № 3. С. 42–52.
10. Куценков П. А., Лаврентьева Н. В., Чегодаев М. А. От родового общества к ранним цивилизациям: Древний Египет и Западная Африка. М., 2019.
11. Марков В. И. Искусство негров. СПб., 1919.
12. Морозова С. С. Скульптура с бульвара Распай // *Amant Alterna Camenae*: Сборник статей к 60-летию И. И. Тучкова. М.: МГУ, 2017. С. 313–321.
13. Сиим А. Ю. Африканская маска: десакрализация без профанации // Маски: от мифа к карнавалу: материалы научной конференции «Випперовские чтения-2007». Вып. XXXVIII. Тула: Власта, 2008. С. 126–127.
14. Сиим А. Ю. Африканское искусство из собрания Михаила и Леонида Звягиных. СПб., 2009.

References

1. Arsenyev V. R. Maska Afriki: 100 let puti ot kul'tury k kul'ture // *Maski: ot mifa k karnavalu*. Materialy nauchnoi konferentsii "Vipperovskie chteniia–2007". Vyp. XXX–III. [African masks: 100 years-long way from culture to culture // *Masks: from myth to carnival*]. Tula: Vlasta, 2008. P. 118–119. (In Russian).
2. Arsenyev V. R. Kul'tura Afriki i kollektсионirovanie. [*African culture and collecting*]. *Antiqu.Info*. 2008. November. №70. P. 64–68. (In Russian).
3. Arsenyev V. R. Tsenitel', podvizhnik, znatok // *Afrikanskoe iskusstvo iz sobraniia Mikhaila i Leonida Zviaginykh*. [Connoisseur, devotee, expert // *African Art from the collection of Mikhail and Leonid Zvyagin*]. St Petersburg, 2009. (In Russian).
4. Grigorovich N. E. "Aeroportnoye iskusstvo". Podelki ili kopii? Original i povtoreniye. // *Podlinnik, replika, imitatsiya v iskusstve Vostoka*. [«Airport art». Forgeries or copies? // *Original and Imitation. Original, Replica, Imitation in Eastern Art*]. Moscow: State Institute for Art Studies Publ., 2014. P. 16–35. (In Russian).
5. Demskaya A. A., Semenova N. Iu. U Shchukina na Znamenke. Moscow, 1993. [In the Mansion of Shchukin in Znamenka]. (In Russian).
6. Kutsenkov P. A. Predislovie. Podlinnik, replika, imitatsiya // *Original i povtorenie. Podlinnik, replika, imitatsiya v iskusstve Vostoka*. [Introduction. Original, replica, imitation // *Original and Imitation. Original, Replica, Imitation in Eastern Art*]. Moscow: State Institute for Art Studies Publ., 2014. P. 14–15. (In Russian).
7. Kutsenkov P. A. Statuetka senufo iz sobraniia GMII i nekotorye problemy kul'tury Zapadnogo Sudana // *Tezisy dokladov i nauchnykh sessiy, posviashchennykh itogam raboty Gosudarstvennogo muzeia izobrazitel'nykh iskusstv im. A. S. Pushkina za 1981 g.* [Senufo figurine from the collection of the Pushkin Museum of Fine Arts and some features of the Western Sudan culture]. Moscow, 1982. P. 66–68. (In Russian).
8. Kutsenkov P. A. Etnos i ego iskusstvo. Zapadniy Sudan. Protsessy stileobrazovaniia. [Ethnos and its art. Western Sudan. Processes of forming styles]. Moscow: Nauka, 1990. (In Russian).
9. Kutsenkov P. A., Vaniukova D. V., Lavrentyeva N. V., Semenova V. N. Ekspeditsiia v stranu dogonov (Respublika Mali, region Mopti) // *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. [The expedition to the Country of Dogons // *Bulletin of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences*]. 2018. № 3. P. 42–52. (In Russian).
10. Kutsenkov P. A., Lavrentyeva N. V., Chegodaev M. A. Ot rodovogo obshchestva k rannim tsivilizatsiyam: Drevniy Egipet i Zapadnaya Afrika. [From the tribal society to the early civilizations: Ancient Egypt and the Western Africa]. Moscow, 2019. (In Russian).
11. Morozova S. S. Skul'ptura s bul'vara Raspai // *Amant Alterna Camenae*. Sbornik statei k 60-letiiu I. I. Tuchkova. [The sculpture from Boulevard Raspail // *Amant Alterna Camenae*. Festschrift for I. I. Tuchkov]. Moscow: MGU, 2017. P. 313–321. (In Russian).
12. Siim A. Iu. Afrikanskaya maska: desakralizatsiya bez profanatsii // *Maski: ot mifa k karnavalu*. Materialy nauchnoi konferentsii "Vipperovskie chteniia-2007".

[African Mask: desacralisation without profanation // Masks: from myth to carnival]. Iss. XXXVIII. Tula: Vlasta, 2008. P. 126–127. (In Russian).

13. Siim A. Iu. Afrikanskoe iskusstvo iz sobraniia Mikhaila i Leonida Zviaginykh [African art from the collection of Mikhail and Leonid Zvyagin]. St Petersburg, 2009. (In Russian).

Author's information

Nika V. Lavrentyeva

PhD (Arts), Head of the Department of 'The Ivan Tsvetaev Educational Art Museum', The Pushkin State Museum of Fine Arts

12, Volkhonka St., Moscow, 119019, Russia

E-mail: nika27-mertry@yandex.ru

Информация об авторе

Лаврентьева Ника Владимировна

кандидат искусствоведения, зав. отделом «Учебный художественный музей им. И. В. Цветаева», Государственный музей изобразительных искусств (ГМИИ) им. А. С. Пушкина

РФ, 119019, Москва, ул. Волхонка, 12

E-mail: nika27-mertry@yandex.ru

D. V. Vanyukova (State Museum of Oriental Art, Moscow, Russia)

Collection of Tropical African Art in the State Museum of Oriental Art: History of the Formation

Summary: The Tropical African art collection is one of the smallest among the collections of the State Museum of Oriental Art (SMOA), and according to the museum records it contains 1100 items. There are artefacts of traditional art and crafts from leading art centres, including a number of undoubtedly magnificent works, as well as modern art pieces from different parts of the African continent. The collection of the African Art Department in the Museum started in 1926 (African items from the collection of S. I. Schukin), but it was only in 1979 when the Tropical African Art collection was given an independent status.

Among the main features that marked the process of the collection development was the dependence of the collection replenishment on official transfers from other institutions, as well as donations and random purchases. Due to the lack of expeditionary missions or systematic procurement practices, the collection of African art in the SMOA Fund is rather chaotic and the characteristics of the objects it contains are versatile, both in terms of their artistic and historical value, and in terms of accuracy and completeness of their attributes. In Soviet times the Museum was a kind of cultural mouthpiece of the State policy in the field of both inter-republican and international relations, in particular with the countries of the East and Africa. As a result, due to the specifics of Museum activities, the very composition of the African collection and the peculiarities of its formation provide a surprisingly accurate cross-section of the history of cultural, political and economic interaction of the Soviet Union, followed by the Russian Federation, with the countries of the African continent. Thus, the history of the African Art Fund is a kind of cultural phenomenon. Large contributions to the Fund are associated with diplomatic gifts. Also, the major source of replenishment of the collection are the objects transferred by the countries participated in African art exhibitions, which were regularly held at the State Museum of Oriental Art. In addition, the collection includes items donated by institutions (e. g., Department of African Studies of the Institute of Asian and African Studies of Moscow State University) and individual Africanists (e. g., L. D. Yablochkov's collection). Close social and economic cooperation with African countries allowed many professionals to visit the continent, work and live there, so the objects often came as gifts or were purchased by the Museum.

A new stage in the development of the African art collection began in 2017, when the Museum took part in an expedition to the Republic of Mali led by P. A. Kutsenkov (Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences). The expedition resulted in the replenishment of the Department collections with Dogon art objects. These objects are not only ethnographically valid, but also have a significant artistic value, as they were selected specifically for the museum collections. Purchased directly from manufacturers or local holders, these objects are accompanied by exceptional in its completeness and reliability information about their origin: the author, time and place of production, which is of great importance for the African art collections. The objects purchased during the expeditionary work were presented at two exhibitions held at the State Museum of Oriental Art in 2018 and 2019, which showed the results of the expedition's work. This allows to speak not only about scholarly activities of the Museum, but also about its educational endeavours in the field of the African art studies.

Keywords: museum activities; museum collections; African art; the Dogons; traditional art; State Museum of Oriental Art; field research in Mali.

Д. В. Ванюкова (Государственный музей Востока, Москва, РФ)

Коллекция искусства Тропической Африки в собрании Государственного музея Востока: история формирования

Аннотация: Собрание предметов искусства стран Тропической Африки является одним из самых небольших среди фондов Государственного музея искусств народов Востока, согласно учетной документации оно составляет 1100 единиц хранения. В нем представлены памятники традиционного искусства и ремесла из ведущих художественных центров, среди которых есть целый ряд бесспорно великолепных произведений, а также предметы современного изобразительного искусства из разных частей африканского континента. Начало фактического существования фонда африканского искусства в музее было положено в 1926 году (поступление из коллекции С. И. Щукина), но только в 1979 году фонд предметов искусства Тропической Африки получил самостоятельный статус.

Среди основных черт, которыми был отмечен процесс сложения фонда, следует назвать зависимость пополнения коллекции от официальных передач из других учреждений, а также дарений и случайных закупок. Из-за объяснимого отсутствия экспедиционных выездов и практики планомерной закупочной деятельности собрание африканского искусства в фонде ГМВ является к настоящему моменту хаотичным и неравномерным по характеристике представленных в нем предметов, как в части их художественной и исторической ценности, так и в плане точности и полноты атрибуций. Однако в силу специфики деятельности Музея Востока, бывшего в советское время своего рода культурным рупором политики государства в области как межреспубликанских, так и международных отношений со странами Востока и Африки, сам состав коллекции и особенности ее формирования дают удивительно точный

срез истории культурного, политического и экономического взаимодействия Советского Союза, а потом и России со странами африканского континента, и сама история и перипетии пополнения фонда являются своего рода культурным феноменом. Крупные поступления в фонд африканского искусства связаны с дипломатическими дарами. Также важнейшим источником пополнения коллекции стали предметы, передаваемые странами — участницами выставок африканского искусства, которые регулярно проходили в Государственном музее искусств народов Востока. Кроме того, в состав коллекции вошли предметы, передаваемые профессиональными учреждениями (кафедра африканистики ИСАА МГУ) и отдельными африканистами (коллекция Л. Д. Яблочкова). Тесное социально-экономическое сотрудничество со странами Африки позволило посещать континент (а также работать и проживать на его территории) многочисленным специалистам, чьи приобретения зачастую поступали в фонд в качестве даров и закупок.

Новый этап формирования коллекции африканского искусства Государственного музея искусств народов Востока начался в 2017 году, когда музей стал принимать участие в экспедиции в Республику Мали под руководством П. А. Куценкова (Институт востоковедения РАН). Одним из итогов экспедиции стало пополнение фонда предметами изобразительного искусства догонов. Эти памятники не только этнографически достоверны, но имеют и значительную художественную ценность, так как они отбирались именно с учётом их последующей музеефикации. Приобретенные непосредственно у изготовителей или местных держателей памятников, они сопровождаются редкой по полноте и достоверности информацией о происхождении: авторе, времени и месте производства, что вообще является большой удачей при формировании коллекций африканского искусства. Отбираемые в ходе экспедиционной работы предметы были представлены на двух выставках, прошедших в Государственном музее искусства народов Востока в 2018 и 2019 году и ставших своего рода итогом работы экспедиции, что позволяет говорить не только о научной, но и о просветительской деятельности музея в области изучения искусства Африки.

Ключевые слова: музейная деятельность; музейные коллекции; искусство стран Африки; догоны; традиционное искусство; Государственный музей искусства народов Востока; полевые исследования в Мали.

Собрание предметов искусства стран Тропической Африки¹ является одним из самых небольших среди фондов Государственного музея искусства народов Востока, согласно учетной документации оно составляет 1100 единиц хранения. В нем представлены памятники традиционного искусства и ремесла из

¹ Автор выражает огромную благодарность хранителю фонда искусства стран Тропической Африки, главному научному сотруднику Отдела искусства стран Ближнего и Среднего Востока, Южной и Центральной Азии и Тропической Африки Государственного музея Востока В. Е. Войтову за возможность работы с материалами коллекции.

ведущих художественных центров, среди которых есть целый ряд бесспорно великолепных произведений, а также предметы современного изобразительного искусства из разных частей африканского континента.

Последние зачастую рассматриваются как вторичная по своим художественным качествам продукция, не отвечающая высоким стандартам «подлинно» традиционного искусства. Однако наряду с памятниками т. н. «аэропортного искусства»¹, обладающими всеми признаками сугубо сувенирных произведений, с их условно-обобщенно трактуемой этнической принадлежностью, типизацией, зачастую невысоким художественным качеством и специфическими критериями «удобства транспортировки» и «формата, подходящего для того, чтобы вещь стояла на книжной полке в ряду других сувениров», в фонде искусства стран тропической Африки Государственного музея народов Востока представлен целый ряд произведений, которые создаются местными авторами не только под влиянием постоянного устойчивого интереса европейцев к искусству африканских стран, что формирует, порой очень активно, рынок «туристического искусства», но и являются свидетельством активного поиска собственного места в контексте мирового художественного процесса².

Начало фактического существования фонда африканского искусства в музее было положено в 1926 году, когда из коллекции Сергея Ивановича Щукина (1854–1936), известного московского коллекционера, поступил первый предмет африканского искусства в Государственном музее Востока: кинжал в ножнах (инв. № 1028/1–2), переданный в Государственный музей Востока (в то время Музей восточных культур) в числе 26 предметов восточного происхождения из I (Щукинского) отделения Государственного музея нового западного искусства³. Сведений о том, при каких именно обстоятельствах С. И. Щукин приобрел этот предмет, в архиве Государственного музея искусства народов Востока не сохранилось, однако наиболее вероятно, что кинжал был приобретен во время путешествия С. И. Щукина с женой в Судан, Нубию и Египет в 1906 году. В учетно-хранительских документах и изданиях музея кинжал определен как выполненный на Занзибаре в XIX веке, однако есть большая вероятность,

¹ Это определение вошло в круг современного искусствоведения фактически на правах термина. О нем см.: Григорович Н. Е. «Аэропортное искусство». Подделки или копии? // Оригинал и повторение. Подлинник, реплика, имитация в искусстве Востока: сб. ст.). М.: Государственный институт искусствоведения, 2014. Работа Николая Евграфовича Григоровича в этом сборнике является репринтом статьи, вышедшей в 1986 году.

² Именно такого рода явление представляет собой феномен художественной школы Пото-Пото (Конго, Браззавиль), работы представителей как «первой», так и «второй» волны которой хранятся в собрании Государственного музея искусства народов Востока.

³ Разрешение Отдела по делам музеев Главнауки Наркомпроса № 3534 от 30.03.1926; акт приема/передачи от 26.10.1926.

Ил. 1. Кинжал в ножнах
Занзибар (Судан?), XIX в. Инв. № 1028-II 1, 2

что он был выполнен (и приобретен С. И. Щукиным) в Судане — об этом говорят как форма лезвия и рукояти, так и специфическое оформление ножен, выполненных из кожи рептилии (ил. 1)¹. Приобретение это не было случайным: о пристальном интересе С. И. Щукина к искусству Африки свидетельствуют превосходные примеры африканской пластики, ныне хранящиеся в ГМИИ имени А. С. Пушкина².

Начало коллекции африканского искусства было положено, но в то время, как и несколько десятилетий после, предметы африканского искусства и ремесла «поступали в объединенный фонд Отдела Ближнего, Среднего Востока и Африки»³. Только в 1979 году фонд предметов искусства Тропической

¹ Автор выражает благодарность Е. М. Карловой за ценные наблюдения по атрибуции предмета.

² О них подробнее см., например: Семенова Н. Ю. Сергей Щукин и его коллекция. М.: Слово, 2017. С. 448 и далее. Показательно, что во вступительном слове к этому изданию внук С. И. Щукина Андре-Марк Делок-Фурко характеризует эти предметы как «семь примитивных африканских скульптур». Там же. С. 6. [См. также статью Н. В. Лаврентьевой в данном сборнике. — *Редколлегия*].

³ Берзина С. Я., Войтов В. Е., Филатов В. Л. Введение // Оружие и художественный металл Тропической Африки в собрании Государственного музея Востока. М.: Государственный музей Востока, 2015. С. 11.

Африки получил самостоятельный статус, однако он и по сей день включает в себя не только коллекции африканских вещей, но и небольшое количество предметов искусства стран Латинской Америки¹. Ввиду ценности использованных при изготовлении материалов небольшое количество «географически» относящиеся к рассматриваемой коллекции предметов также находятся фонде драгоценных металлов.

Что касается основных черт, которыми был отмечен процесс сложения фонда, то на первом месте следует назвать зависимость пополнения коллекции от официальных передач из других учреждений, а также дарений и случайных закупок. Из-за объяснимого отсутствия экспедиционных выездов и практики планомерной закупочной деятельности собрание африканского искусства в фонде ГМВ является к настоящему моменту хаотичным и неравномерным по характеристике представленных в нем предметов, как в части их художественной и исторической ценности, так и в плане точности и полноты атрибуций. Однако в силу специфики деятельности Музея Востока, бывшего в советское время своего рода культурным рупором политических решений государства в области как межреспубликанских, так и международных отношений со странами Востока и Африки, сам состав коллекции и особенности ее формирования дают удивительно точный срез истории культурного, политического и экономического взаимодействия Советского Союза, а потом и России со странами африканского континента, и сама история и перипетии пополнения фонда являются своего рода культурным феноменом.

Так, крупные поступления в фонд африканского искусства связаны с дипломатическими дарами, большую часть которых составляют «сувениры высокого класса». Появление и широкое распространение подобных предметов искусства, в которых с непостижимой смелостью черты европейских художественных стилей смешиваются с типично локальными приемами и материалами, заслуживает пристального внимания исследователя, являясь примером того, насколько быстро мастера откликаются на запрос европейского художественного рынка, создавая «продаваемые» изделия, чей привычный взгляду европейца облик оттенен «усредненно-африканской» экзотикой. Также немалый интерес представляет и то, какие именно черты нового для себя художественного пространства «считывают» местные мастера, какой в их глазах предстает европейская культура, воспринимаемая так же очень в общем. Среди подобных предметов, например, серебряная шкатулка (Эфиопия, 1940-е — 1950-е гг. Инв. № 3968 П), декоративная ваза-пепельница (!) (Республика Чад, кон. 1960-х —

¹ Полное название фонда — «Фонд искусства стран Тропической Африки и Латинской Америки».

Ил. 2. Неизвестный мастер.
Маска-наголовник, народ бага
Гвинея, конец XIX в. Инв. № 5186 II

1970-е гг. Инв. № 534 НВ II), ларец из чернильного прибора, выполненного в 1970-е годы из слоновой кости, переданный в Государственный музей Востока из Музеев Московского Кремля (№ 9335 II).

Однако помимо роскошных, богато отделанных сувениров, в числе дипломатических даров в Государственный музей Востока были переданы, например, из Музеев Московского Кремля наградной венец военачальника и щит (Эфиопия, народ амхара, к. XIX в., инв. № 4699 II, 4544 II), поступившие как дипломатический дар по случаю визита негуса Эфиопии Хайле Селасие I в СССР в 1959 году. Если щиты, подобные нашему 4544 II, довольно распространены, то венец № 4699 II, бесспорно, является шедевром ювелирного искусства амхарских мастеров: ажурная поверхность, украшенная как зернью, так и ее имитацией, производит впечатление серебряного кружева. К посту-

плениям с «политическим оттенком» следует отнести также маску-наголовник (Гвинея, народ бага, XIX в., инв. № 5186 II) — этот предмет, с 1897 года находившийся в фонде Национального музея г. Конакри, был передан музею господином Моэконом, сотрудником посольства Республики Гвинея (ил. 2)¹. 80 предметов поступило в Государственный музей Востока в 1986 году после окончания выставки под названием «Искусство Африки. Выставка-дар африканских посольств в Москве», примечательно, что выставка была орга-

¹ Вероятно, передача произошла по окончании выставки искусства Гвинеи, организованной Национальным музеем г. Конакри (24.10–18.11.1974). См.: Войтов В. Е. Материалы по истории Государственного музея Востока. 1971–1990. Люди. Вещи. Дела. М.: ГМВ, 2015. С. 519. Передача по акту № 7 от 28.03.1975.

низована женами африканских послов¹, а среди даров, в том числе, были предметы, закупленные организаторами в сувенирном магазине в центре Москвы, на Кутузовском проспекте².

После окончания визита членов ВС СССР в Сьерра-Леоне из секретариата Верховного Совета в музей была передана фигурка круга «номоли» (Сьерра-Леоне, народ шербро (?), народ менде (?), XIV в (?), инв. № 4514 П)³. Фигурка была подарена почетным гостям из СССР директором государственной школы г. Бо как археологический артефакт. Вместе с несколькими другими статуэтками круга номоли-помдо⁴ она формирует «пул» проблемных вещей коллекции, нуждающихся в уточнении атрибуции, которая в настоящее время колеблется между XVI и XX вв.⁵

Обретение странами Африки независимости, тесное экономическое сотрудничество и «братская помощь» советских специалистов немедленно откликнулись тематикой проводимых музеем выставок африканского искусства и ремесла⁶. Также необходимо упомянуть афиши этих выставок, которые зачастую отрисовывались мастерами плакатного искусства и сами являются настоящими художественными произведениями (например, работы художников-плакатистов А. Перельмана, Г. Гаусмана). Небольшая часть афиш экспонировалась в музее в ходе выставки новых поступлений третьего декабря 2018 года. Цель проекта состояла в демонстрации новых поступлений предметов африканского искусства в музей представителям африканского дипломатического корпуса, поэтому важной задачей, стоявшей перед сотрудниками музея, было показать преемственность между тем колоссальным числом выставок африканского искусства, что проходили в музее начиная с 1961 года, и той работой, что ведется в настоящее время.

Передаваемые странами-участницами выставок африканского искусства, которые регулярно проходили в Государственном музее Востока, предметы становились одним из важнейших источников пополнения коллекции.

---

¹ Войтов В. Е. Материалы по истории Государственного музея Востока. 1971–1990. Люди. Вещи. Дела. С. 415.

² По устному сообщению главного научного сотрудника, хранителя фонда искусства стран Тропической Африки ГМВ В. Е. Войтова.

³ Акт № 2 от 02.02.1966.

⁴ Всего 12 предметов.

⁵ Возможно, что эти предметы являются копиями старых вещей. Хотя см.: Куценков П. А. Этнос и его искусство: Западный Судан. М.: Наука, 1991. С. 81.

⁶ Первой стала выставка «Современная живопись Эфиопии», с успехом прошедшая в музее в 1961 году Приуроченная к двадцатилетию «освобождения страны от итальянского фашистского ига» выставка была организована при участии Национального музея Эфиопии (Аддис-Абеба), представившего в залах Государственного музея Востока 59 музейных предметов.

Ил. 3. Ф. Илоки. Четыре птицы
 Конго, Браззавиль. 1960-е гг. Инв. № 14964 II

Наиболее крупное поступление такого рода — работы мастеров художественной школы Пото-Пото (Конго, Браззавиль), принятые по Акту № 19 от 1970 года. Они представляют собой одну из интереснейших частей коллекции, отражая в основном творчество ведущих художников «первой волны» существования школы.

Проблемное поле, связанное с этой частью собрания, чрезвычайно широко, поскольку ставит перед исследователем целый ряд вопросов. К началу шестидесятых годов XX в. колониальная политика начинает переживать кризис, возникает необходимость в диалоге с африканскими культурами, закономерным отражением этого процесса и стало творчество мастеров художественной школы Пото-Пото. Наряду с чисто практическими задачами — представить возможность развития художественных способностей (в европейском ключе) у конголезцев, предоставить им возможность выйти на художественный рынок и извлекать прибыль, это явление можно рассматривать как этнографический «эксперимент»: обучаться могли все желающие, а реализация самобытности африканских художников происходила в рамках чуждой им живописной художественной традиции.

Художественное направление, в котором работали мастера школы, позволяет отметить интереснейшие особенности художественного видения, свойственные конголезским мастерам: чувство формы, цвета, композиции, ритма свойственно им, поскольку в африканских культурах мастеровит, внимателен, чуток любой

человек (Ил. 3); рамках работы «по-европейски» мастера сохраняют исконные черты искусства (вовлечение любых подручных материалов — многие работы написаны на упаковочных мешках, подрамники «наживую» сколочены из реек; нет «высоких» сюжетов, совершенно по-иному, чем это привычно для европейца, выстроена композиция). Очень быстро, однако, стиль мастеров школы Пото-Пото начинает «выхолащиваться», копироваться и переходит в область салонной и сувенирной продукции, причем это не только запрос рынка, но естественное желание сообщить вещи функцию — для представителей традиционной культуры картина на холсте, созданная просто для любования, чужда. При этом живопись в Африке, в частности, в Конго развивается, но в форме стенной живописи — граффити, поскольку этот жанр искусства как раз характерен для африканских стран.

Пожалуй, одна из немногих целостных коллекций, поступивших в фонд Тропической Африки ГМВ, — коллекция из 47 гирек народа ашанти (Гана), переданная в дар музею Леонидом Дмитриевичем Яблочковым, африканистом, доктором исторических наук, сотрудником Института Африки АН СССР¹. «По утверждению собирателя, гирьки по одной-две штуки привозились из близлежащих деревень, а затем через посредство торговца антиквариатом и сувенирами в г. Кумаси-Денте поступали к нему»². Подобные гирьки, изготовленные из латуни или сплавов на основе меди литьем в технике утраченной восковой модели, использовались для взвешивания золотого песка, добыча и торговля которым к середине XVII века стала основой экономики вожеств ашанти. Гирьки изготавливались кузнецами, имевшими в обществе ашанти высокий статус, поскольку кузнечное дело в традиционных культурах тесно связано с представлениями о магии. Неудивительно поэтому, что каждая гирька представляет собой не просто утилитарный предмет, но воплощает определенные грани традиционного мировоззрения, будучи связанной с фольклорной традицией ашанти. Проблемной, в отсутствие надежной информации от продавцов, представляется датировка этих предметов не только в Государственном музее Востока: гирьки из собрания Британского музея, например, имеют «разбег» датировки от XVII до XX для отдельных вещей (например, №№ Af1979,01.3380, Af1979,01.3341, Af1961,16.35). Еще одним крупным поступлением из профессиональной среды стали восемь ритуальных масок из Заира, Конго, Нигерии и Кот д'Ивуар, переданные в дар музею кафедрой африканистики ИСАА МГУ в 2001 году.

Тесное социально-экономическое сотрудничество со странами Африки позволило посещать континент (а также работать и проживать на его террито-

¹ Акт № 18 от 22.04.1969.

² Шандинцева Т. Б. Каталог гирек ашанти для взвешивания золотого песка в собрании ГМВ // *Государственный музей народов Востока. Сообщения*. Вып. VII. М.: Наука, 1973. С. 78.

*Ил. 4. Стоящая женщина,
народ догоны*

Республика Мали. Начало — первая
половина XX в. Инв. № 5100 II

рии) многочисленным специалистам¹. Неудивительно, что многие из них обзаводились предметами местного традиционного искусства и ремесла, а также сувенирной продукцией. Впоследствии сами владельцы или их семьи передавали эти вещи в музей. Именно таким образом в 1972 году в ГМВ попала небольшая, состоящая всего из четырех предметов, коллекция, собранная Буданцевым В. П. на территории Республики Мали и Кот-д'Ивуар, переданная в дар его семьей.

В. П. Буданцев был пилотом гражданской авиации и, «согласно устной традиции музея, работал на французской воздушной линии»². Примечательным, но до конца не проясненным фактом является то, что статуэтка стоящей женщины (Республика Мали, догоны, начало — первая половина XX в., инв. № 5100 II) была подарена собирателю немецкой экспедицией, работавшей в Мали³. Ритуальная скульптура хранит следы тщательно зачищенной жертвенной патины и отличается высочайшим мастерством исполнения; великолепно проработанное лицо и тело трактованы в традиции скульптурных произведений Нагорья Бандиагара (ил. 4). Три других предмета — церемониальный жезл (догоны, Республика Мали, XIX в., инв. № 5103 II, ранее атрибутирован-

¹ См., например, очень интересную книгу воспоминаний такого рода: Политехники в странах Африки. Сборник воспоминаний. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2017.

² По устному сообщению Т. Б. Шандинцевой. Эта же версия отражена в: Берзина С. Я., Войтов В. Е., Филагов В. Л. Оружие и художественный металл Тропической Африки в собрании Государственного музея Востока. М.: Государственный музей Востока, 2015. С. 25.

³ Сведения, отраженные в научном паспорте предмета.

шийся как сакральная скульптура бауле «Мировое дерево»¹), маска-наголовник типа Согоникун/Чивара (Республика Мали, р-н Сикасо или Бугуни, сер. XX в., инв. № 5101 II), маска «Красная обезьяна» (Республика Мали, плато Догон, округ Бандиагара, начало (?) XX в.) — также отличает отменное художественное качество.

Церемониальный жезл выполнен в технике литья по утраченной восковой модели и, с большой долей вероятности, был создан в мастерской кузнецов Зороме из деревни Йаджанга. Семья кузнецов Зороме (Zogomé, клановое имя моси) переселилась в деревню Йаджанга около ста лет назад с территории современной Буркина-Фасо. Однако по происхождению они не моси — по словам одного из членов этой семьи, кузнеца Малика Зороме, когда-то, очень давно, они переселились туда из Страны догонов, из деревни Сангха (т. е. не исключено, что по происхождению они теллем). Показательно, что техника литья в Йаджанга, по словам самих литейщиков, типична именно для Сангха. Дробность форм и высокая степень проработки деталей являются отражением специфики изделий, отливаемых мастерами Зороме, среди которых большое место занимают ювелирные украшения. Жезл № 5103 II также выполнен с тщательной проработкой всех деталей, а фигурки хамелеонов, украшающие его, практически идентичны тем, что кузнецы Зороме выполняют сейчас². Нужно сказать, что уточнению атрибуции предмета немало помогло знакомство с процессом работы мастеров непосредственно в деревне.

Что касается маски «Красная обезьяна», то ее атрибуция также была уточнена благодаря непосредственному общению с носителями культуры. Фото этого предмета было показано Сейду (Жюстену) Гиндо, уроженцу д. Энде (Республика Мали, регион Мопти, округ Бандиагара), который является знатоком и хранителем художественной традиции догонов. Информант сообщил, что, по его мнению, маска происходит из «Дубага» (так люди из Энде называют деревни из региона Сангха, расположенные между Гимини и Бамба). Возможно, маска происходит из деревни Комокани.

Таким образом, в составе фонда африканского искусства находятся предметы искусства догонов, которые отличает высочайший уровень исполнения, что говорит об отменном вкусе собирателя. К сожалению, пока не удалось восстановить дополнительные подробности его биографии, однако запланированное обращение к документам архивов МИД позволит, надеюсь, восполнить эти пробелы хотя бы отчасти.

20 предметов африканского искусства поступили в коллекцию ГМВ из собрания В. И. Коровикова, кандидата философских наук, одного из первых советских

¹ Такое название зафиксировано в описании.

² См.: Ванюкова Д. В., Куценков П. А. Пленники Сириуса: каталог выставки. М.: ГМВ, 2019. С. 39.

Ил. 5. Скульптура-фетиш «Охранительница деревни», народ догоны
Республика Мали, регион Мопти, округ Банкасс, деревня Кани-Бонзон. КП 57448

журналистов, работавших на африканском континенте: с 1964 года он работал как постоянный корреспондент газеты «Правда», возглавляя сначала корпункт в Акре (Гана), а с 1967 года — в Лагосе (Нигерия). С 1971 по 1979 г. он работал в Восточной и Южной Африке, проживая в Аддис-Абебе¹. Основную часть этого поступления составляют предметы искусства и ремесла Эфиопии: нашейные кресты конца XIX — начала XX в. (№№ 7072 II, 7074 II, 7075 II), три статуэтки, выполненные фалаша в 60-е годы XX в. (№№ 10163 II, 10164 II, 10165 II) и т. д.

Как видно из простого перечисления обстоятельств поступления того или иного предмета в коллекцию, чаще всего — это вещи, попавшие в музей «по случаю». Пожалуй, единственным исключением являются предметы, закупленные В. Е. Войтовым и Завитаевым П. В. у антиквара-африканца на блошином рынке Франкфурта-на-Майне и переданные в дар в Государственный музей Востока²: два подражания гирькам ашанти для взвешивания золотого песка, дополнившие предметы из собрания Яблочкова (Гана, ашанти, последняя четверть XIX в., инв. №№ 9070 II, 9071 II), и ритуальный топорик (Замбия, балуба, первая половина XX в., инв. № 9069 II).

Новый этап формирования коллекции африканского искусства Государственного музея искусства народов Востока начался в 2017 году, когда музей стал принимать участие в экспедициях в Республику Мали под руководством П. А. Куценкова (Институт востоковедения РАН). Итогом экспедиции стало пополнение фонда как предметами изобразительного искусства догонов (замки и круглая

¹ Биографические сведения: Добрые духи бихарского дома. Живопись мадхубани из собрания Государственного музея Востока / сост. С. Гордейчук. М.: ГМВ, 2004. С. 3. В. И. Коровиков с 1979 года начинает работать в Индии и именно как коллекционер народного искусства Индии получает широкую известность.

² Акт приема № 13 от 18.09.1995.

скульптура, до того в собрании музея не представленные), так и керамическими изделиями (также ранее отсутствовавшими) и металлопластикой (в собрании представленной всего двумя предметами). «Необходимо отметить, что памятники... не только этнографически достоверны, но имеют и значительную художественную ценность: они отбирались именно с учётом их последующей музеефикации. Поскольку эти произведения приобретались непосредственно у изготовителей или местных держателей памятников, они сопровождаются редкой по полноте и достоверности информацией о происхождении: авторе, времени и месте производства, что вообще является большой удачей при формировании коллекций африканского искусства. Их датировки также представляют отдельный интерес: это как современные памятники традиционного искусства (некоторые из них были изготовлены на глазах участников экспедиции, фиксирующих все этапы процесса), так и «старые» произведения, насчитывающие не одну сотню лет (что опровергает миф о невозможности приобретения подлинного старого африканского искусства в наше время). Примером такого рода может служить «фетиш» охранительница деревни (ил. 5), происходящая из д. Кани-Бонзон (ГМВ КП 57448), датируемый XVII(?)–XIX вв.»¹ В 2019 году, благодаря сотрудничеству с Институтом географии РАН удалось определить дату подголовника теллем, поступившего на рассмотрение закупочной комиссии Государственного музея Востока, методом радиоуглеродного анализа — предмет был выполнен в конце XV века (1437–1489 гг.). Подголовник был приобретен в ходе последнего полевого сезона. Таким образом, участие музея в полевых исследованиях в Республике Мали в 2017–2019 годах позволило не только отбирать предметы, дополнившие уже существующую коллекцию искусства догонов и бамбара, но и уточнить атрибуцию ряда произведений. Кроме того, отбираемые в ходе экспедиционной работы предметы были представлены на двух выставках, прошедших в Государственном музее Востока в 2018 и 2019 году и ставших своего рода итогом работы экспедиции, что позволяет говорить не только о научной, но и о просветительской деятельности музея в области изучения искусства Африки.

Список литературы

1. Берзина С. Я., Войтов В. Е., Филатов В. Л. Оружие и художественный металл Тропической Африки в собрании Государственного музея Востока. М.: Государственный музей Востока, 2015.
2. Ванюкова Д. В., Куценков П. А. Пленники Сириуса: каталог выставки. М.: ГМВ, 2019.

---

¹ Ванюкова Д. В., Куценков П. А., Лаврентьева Н. В., Семенова В. Н. Экспедиция в Страну догонов (Республика Мали, регион Мопти) // *Вестник Института востоковедения РАН*. 2018. № 3. С. 47.

3. Ванюкова Д. В., Куценков П. А., Лаврентьева Н. В., Семенова В. Н. Экспедиция в Страну догонов (Республика Мали, регион Мопти) // *Вестник Института востоковедения РАН*. 2018. № 3.
4. Войтов В. Е. Материалы по истории Государственного музея Востока. 1971–1990. Люди. Вещи. Дела. М.: ГМВ, 2015
5. Григорович Н. Е. «Аэропортное искусство». Подделки или копии? // Оригинал и повторение. Подлинник, реплика, имитация в искусстве Востока: сб. ст. М.: Государственный институт искусствознания, 2014. С. 16–35.
6. Добрые духи бихарского дома. Живопись мадхубани из собрания Государственного музея Востока / сост. С. Гордейчук. М.: ГМВ, 2004.
7. Политехники в странах Африки. Сборник воспоминаний. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2017.
8. Куценков П. А. Этнос и его искусство: Западный Судан. М.: Наука, 1991
9. Семенова Н. Ю. Сергей Щукин и его коллекция. М.: Слово, 2017.
10. Шандинцева Т. Б. Каталог гирек ашанти для взвешивания золотого песка в собрании ГМВ // *Государственный музей народов Востока. Сообщения*. Вып. VII. М.: Наука, 1973.

References

1. Berzina S. Y., Voitov V. E., Filatov V. L. Oruzhie i khudozhestvennyy metal Tropicheckoy Afriki v sobranii Gosudarstvennogo muzeya Vostoka. [The Weapons and Decorative metals of Sub-Saharan Africa in the State museum of Oriental Art]. Moscow, 2015. (In Russian).
2. Dobriye dukhi bikharskogo doma. Zhivopis' madhubani iz sobraniya Gosudarstvennogo museya Vostoka. [Good spirits of Bikhar home. Madhubani paintings in the collection of the State museum of Oriental Art]. Compiled by S. Gordeychuk. Moscow: GMV, 2014. (In Russian).
3. Grigorovich N. E. "Aeroportnoye iskusstvo". Poddelki ili kopii? // Original i povtoreniye. Podlinnik, replika, imitatsiya v iskusstve Vostoka. [«Airport art». Forgeries or copies? // Original and Imitation. Original, Replica, Imitation in Eastern Art]. Moscow: State Institute for Art Studies Publ., 2014. P. 16–35. (In Russian).
4. Kutsenkov P. A. Etnos i ego iskusstvo: Zapadnyy Sudan. Protsessy stileobrazovaniya. [Ethnos and its Art: Western Sudan. The Processes of Style Formation]. Moscow, 1990. (In Russian)]
5. Politekhniki v stranakh Afriki. Sbornik vospominaniy. [Politechnics in the countries of Africa. Memories]. St Petersburg: Izd. Politekhnicheskogo universiteta, 2017. (In Russian).
6. Semenova N. Yu. Sergey Schukin i ego kollektsiya. [Sergey Schukin and his collection]. Moscow: Slovo, 2014. (In Russian).
7. Shandintseva T. B. Katalog girek ashanti dlya vzveshivaniya zolotogo peska v sobranii GMV // *Gosudarstvennyy muzey narodov Vostoka. Soobsheniya*. [The catalogue

of ashanti gold-weights in the collection of the Museum of peoples of the Orient // *State museum of the peoples of the Orient. Scientific Bulletin*]. Vol. VII. Moscow: Nauka, 1973. (In Russian).

8. Vanyukova D. V., Kutsenkov P. A. Plenniki Siriusa. Katalog vistavki. [Prisoners of Sirius. Travel to the Country of Dogon. Exhibition Catalog]. Moscow, 2019. (In Russian).

9. Vanyukova D. V., Kutsenkov P. A., Lavrentyeva N. V., Semenova V. N. Expediciya v Stranu dogonov (Respublika Mali, region Mopti) // *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. [Expedition to the Dogon country (Republic of Mali, Mopti Region) // *Journal of the Institute of Oriental Studies RAS*]. 2018. № 3.

10. Voitov V. E. Materialy po istorii Gosudarstvennogo museya Vostoka. Lyudi. Veschi. Dela. [Materials on the History of the State Museum of the East. People. Things. Deeds]. 3 vols. Moscow, 2003–2015. (In Russian).

Illustrations

1. Dagger in sheath. Zanzibar, XIX century. Inv. No. 1028-II 1, 2.
2. Unknown craftsman, head mask, the Baga people. Guinea, late 19th century. Inv. No. 5186 II.
3. F. Iloki. Four birds. Congo, Brazzaville. 1960s. Inv. No. 14964 II.
4. A standing woman, the Dogon people. Republic of Mali. Beginning — first half of the 20th century. Inv. No. 15100 II.
5. Fetish sculpture “The Village Guardian”. Dogon people. Republic of Mali, Mopti region, Bancass district, Kani-Bonzon village. Inv. No. KP 57448.

Author’s information

Darya V. Vanyukova

PhD (Arts), Research Fellow, Department of Middle Eastern, Central Asian and South Asian Art, The State Museum of Oriental Art

12A, Nikitskiy boulevard, Moscow, 119019, Russia,

E-mail: darya-29@yandex.ru

Сведения об авторе

Ванюкова Дарья Владимировна

кандидат искусствоведения, научный сотрудник отдела искусства стран Ближнего и Среднего Востока, Южной и Центральной Азии, Государственный музей Востока

РФ, 119019, Москва, Никитский бульвар, д. 12А

E-mail: darya-29@yandex.ru

II.

MIDDLE EAST, CAUCASUS AND CENTRAL ASIA БЛИЖНИЙ ВОСТОК, КАВКАЗ И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ

Ş. H. Akalın (*Hacettepe University, Ankara, Turkey*)

On the Historical Language Contacts between the Russian and Turkish Languages

Summary: Language contacts give interesting clues to the history of the relations between nations. Cultural interactions, political affairs, trade relations, etc., also affect the languages. Turks and Russians, two neighbours, had very strong interactions throughout history. As a result of this relationship, Turkish loan-words in Russian and Russian loan-words in Turkish are found. The last edition of the *Turkish Dictionary* which is published by Turkish Language Association (TDK) in 2011, includes forty Russian loan-words in Turkish. In the *Etymological Dictionary of the Turkish Language*, there are data showing the links of approximately 300 words in Russian with Turkish words. Some of these words can be traced back to the Middle Ages, others are relatively recent borrowings.

In this paper, I want to discuss a Turkish loan-word, which is borrowed from Russian, *harasho*. In Russian this word means ‘good, well, OK’. But the latest edition of the *Turkish Dictionary*¹ also contains the following information about this word: ‘It’s a kind of wool weave’. This word for the first time was recorded in the seventh edition of the *Turkish Dictionary*, published in 1983. In the eighth and ninth editions of the dictionary in 1988 and 1998, it is also mentioned that the word was used in Russian with the meaning ‘good, well’. In the tenth edition in 2005 it is given with the same meaning, as borrowed from Russian. Today, many Turks do not know how *harasho*, a Russian word in the Turkish Dictionary, is used in Turkish. However, the study of history reveals how the loanwords entered the vocabulary of languages as

---

¹ Akalın Ş. H., et al. *Turkish Dictionary*. Ankara: Turkish Language Society Publications, 2019. P. 1046.

a result of important historical events, which helps to explain their meaning and its development. The paper discusses etymological roots of Turkish and Russian loan-words in the context of historical language contacts and provides examples of this interaction as showed in linguistic data.

Keywords: Language contacts; Turkish; Russian; etymology; *harasho*; loan-words.

Ш. Х. Акалын (Hacettepe University, Ankara, Turkey)

Об исторических языковых контактах между русским и турецким языками

Аннотация: Изучение языковых контактов помогает лучше понять историю отношений между различными народами. Культурные взаимодействия, политические контакты, торговые отношения и др. оказывают влияние на языки. Турки и русские, два соседа, на протяжении всей своей истории очень тесно взаимодействовали друг с другом. В результате этого взаимодействия появились многочисленные турецкие заимствования в русском и русские заимствования в турецком языках. Последнее издание турецкого словаря, опубликованного Ассоциацией турецкого языка (Turkish Language Association — TDK) в 2011 году, включает сорок русских заимствований в турецком языке. В этимологическом словаре турецкого языка есть данные, указывающие на связи приблизительно 300 слов русского языка с турецкими словами. Некоторые из этих заимствований можно проследить до периода Средневековья, другие имеют более короткую историю.

В этой статье я хочу рассмотреть одно турецкое заимствованное слово, которое пришло из русского языка, — слово *harasho*. В русском языке оно означает «хорошо, ладно, ОК», но в последнем издании Турецкого словаря¹ также дается следующая информация об этом слове: «Это разновидность шерстяной ткани». Это слово было впервые зафиксировано в седьмом издании Турецкого словаря, вышедшем в 1983 г. В восьмом и девятом изданиях словаря в 1988 и 1998 гг. также указывается, что это слово используется в русском языке в значении «хорошо, ладно». В десятом издании в 2005 году слово дано с тем же значением, причем указывается, что оно заимствовано из русского языка. Сегодня многие турки уже не знают, что означает это русское заимствование в турецком языке. Изучение истории позволяет понять, как заимствованные слова входят в словарь языка-реципиента в результате важных исторических событий, что в свою очередь помогает установить происхождение современных значений этих слов. В статье рассматриваются вопросы этимологии турецких и русских заимствований в контексте исторических контактов двух народов и приводятся примеры такого взаимодействия, нашедшие отражение в лингвистических данных.

Ключевые слова: Языковые контакты; турецкий язык; русский язык; этимология; «хорошо»; языковые заимствования.

---

¹ Akalin Ş. H., et al. Turkish Dictionary. P. 1046.

Language contacts give interesting clues about the history of the relations between nations. Cultural interactions throughout the history of nations, political affairs and affiliations, trade relations, efforts to understand the other nation's life also affect the languages. Turks and Russians, two neighbours, had very strong interactions in history. A result of this relationship is Turkish loan-words in Russian and Russian loan-words in Turkish.

Some of the loan-words can be the result of contacts between two nations. In this case, the words in a language are passed to the neighbouring language without the need for another language to be spoken by the interlocutors. Undoubtedly, this type of word borrowing has several reasons. Speakers of the language that encounter an element new to their culture and vocabulary, borrow the name of the element as it is, if they cannot find a word for it in their own language. The names of things that are encountered for the first time, such as a new type of vegetable, an exotic fruit, a food belongs to another country's cuisine, a drink from foreign countries, new fashion clothes, a newly invented device, in short, a new entity or a new product that is not found in the mental dictionary of human beings is taken along with its name which becomes a loan-word.

According to the last edition of the *Turkish Dictionary* which was published by the Turkish Language Association (TDK) in 2019, there are forty Russian loan-words in Turkish.¹ Among these words *kapuska* 'cabbage stew', *mazot* 'diesel, diesel oil', *semaver* 'samovar', *şapka* 'hat', *vatka* 'wadding', *votka* 'vodka', etc., which were borrowed from Russian in different times, have high frequencies in contemporary Turkish. Although the etymological roots of some of these loan-words are based in different languages, these words are accepted as Russian borrowings since they came to Turkish through Russian. Also, in the dialects of north-east Turkey there are some other borrowings from Russian: *istekan* 'glass', *sımsıka* 'sunflower seeds', *ustol* 'table', *zavot* 'factory'.

In the *Etymological Dictionary of the Turkish Language*,² there are data showing the links of approximately 300 Russian words with Turkish. Hasan Eren, the author of the *Etymological Dictionary of the Turkish Language*, was the former president of the Turkish Language Association (1983–1993). This dictionary is the product of the sixty-seven years of Eren's labor. Not only in this dictionary but also in his numerous etymological papers,³ he described where the words, idioms, place names in the Turkish lexicon came from, what developments they experienced and what changes they had. He explained in detail where words *alicha* 'a tree that grows wild

---

¹ Akalın Ş. H., et al. *Turkish Dictionary*.

² Eren H. *Etymological Dictionary of the Turkish Language*. Ankara, 1999.

³ Eren H. In the Glaze Kiosk. Ankara: Turkish Language Society Publications, 2010; Eren H. *Language of the Toponymic Names*. Ankara: Turkish Language Society Publications, 2010.

in the countryside, in the forests, and its fruit', *aiva* 'quince', *bubreg* 'kidney', *chinar* 'plane tree', *loshad* 'horse', *tun* 'a type of clothing', *utug* 'iron, press', *terpug* 'rasp', etc., came from. Eren's main source on the Turkisms in Russian is the dictionary by Vasmer (1950–1958).¹

Some of these words can be traced back to the Middle Ages. For example, phonetic data indicate that the word *utug* 'iron, press' came to Russian in ancient times. In the *Diwan Lugat at-Turk*, the famous work by Mahmud al-Kashgari (1008?–1105?), this word is already present in the form of *ütüg*.² Russian form *utug* indicates that this word was borrowed in the Middle Ages from Tatar, Kyrgyz, Kazakh, or any other Turkic language, not from Turkish, because in the Turkish and Azerbaijan languages this word is pronounced as *ütü*, while in other Turkic languages it is *ütik*, *ütük*, or *ütüg*. This situation is observed in some Slavic origin loan-words in Turkish; these words are borrowed from the Bulgarian or from the Serbian language, not from Russian.

In this paper, I want to discuss a Turkish loan-word, which is borrowed from Russian, *harasho*. In Russian this word means 'good, well, ok'. But the latest edition of the *Turkish Dictionary*³ contains the following information about this word: 'It's a kind of wool weave'. This word for the first time was recorded in the seventh edition of *Turkish Dictionary*, published in 1983. In the eighth and ninth editions of the dictionary in 1988 and 1998, it is also written that the word was used in Russian with the meaning 'good, well'. In the tenth edition in 2005 it is given with the same meaning and as borrowed from Russian.

This word is not only used in the Turkish literary language, but also in colloquial language, and in slang. The name of the short haircut for women is also *haraşo*. In slang one of the euphemisms used to name the Russian Whites was *haraşo*.⁴ However, these meanings are only found in slang dictionaries and they haven't been included into *Turkish Dictionary*.

Why is this word, which is one of the most frequently used and most beautiful words of Russian, used in Turkish as the name of the wool knitting type? What is the reason for such a profound meaning change? The answer to these questions can only be given as a result of the investigation of historical events.

After the Bolsheviks' October Revolution, at least nearly two hundred thousand Anti-Bolshevik Russians, the supporters of the so-called White Movement came to Turkey as refugees. On July 18, 1918, the Tsar and his family were shot

¹ Vasmer M. *Russisches Etymologisches Wörterbuch*. Heidelberg, 1950–1958.

² Akalın Ş. H. *One thousand Years Before — One thousand Years After Mahmud al-Kashgari and Diwan Lugat at-Turk*. Ankara: Turkish Language Society Publications, 2008. P. 109.

³ Akalın Ş. H., et al. *Turkish Dictionary*. P. 1046.

⁴ Tietze A. *Historical and Etymological Dictionary of Turkey Turkish*. Vol. 3. Ankara: Turkish Science Academy Publications, 2016. P. 392; Nishanyan S. *Nishanyan Etymological Dictionary of Contemporary Turkish*. Istanbul: Liber Plus Publications, 2018. P. 315.

in Ekaterinburg, where they had been kept prisoners. The army of Admiral Kolchak, which was based in Siberia, was defeated. In the Russian steppes, the White Army members who fought in the name of God and the Tsar under the command of Admiral Kolchak or General Wrangel fled the Red Army and took refuge in the ports of Odessa and Sevastopol. With the Bolsheviks seizing their last stronghold, the North Caucasus, they had only one option: to escape. The name of the ship that brought the first White Army members fleeing from Russia was Calypso. There were thousands of Russian aristocrats, priests, landowners and also adventurers mixed with them, as well as the White Army officers and soldiers who had fled the Red Army and boarded the ships. Tsarist orchestra musicians, ballerinas, operetta artists, actresses, actors, painters, athletes were among them. In the beginning of the year 1920, there were already forty-seven thousand White Russians in Istanbul.¹

Almost all these Russians who settled in Istanbul quickly began to learn Turkish. In Turkish they were called *Beyaz Ruslar* ‘White Russians’. But there was also another word to call the White Russians. When communicating with people in Istanbul, they frequently used a word that attracted the attention of the Turks: *Harasho!* These cultured and noble people called everything *Harasho!* In a short time, the new inhabitants of Istanbul, the White Russians, were called in Turkish *haraşolar* ‘harashos’... They were called *haraşolar* ‘harashos’ also in the newspapers and journals.

Here are two cartoons from the year 1922 (published in the Istanbul journal of *Aydede*):

‘Harashos’

(From right to left) 1 — ‘How did they come?’ 2 — ‘How did they live?’
3 — ‘How will they go?’

¹ Günçikan B. From Harasho to Natasha. Istanbul: ARION Publications, 1995. P. 10–11.

‘While the Harashos are leaving [Turkey]’

— Oh, my dear Harasho, are you leaving me and going abroad?
— Don't cry... I'm not leaving your lap empty

This naming was not only popular in those years. The newspapers and magazines published in the following years also used the name *haraşo* for the White Russians:

“(Rus) kelimesi galiba ancak o zaman (*haraşo*) ile beraber söylenir oldu. Halbuki onlar ne de olsalar içlerinde bir başkasının sâyi mahsulünü ancak bir tagallüp sâyiyle benimsemek şiarında olan bir kuruluşun kılıçtan kurtulanlarıydılar.”¹

(“I think, only then, the word “Russian” started to be expressed along with the word “*harasho*”).

“Nina’yı İstanbul’da tanımişti, Rus mültecilerinin akını sırasında... Fırtınalardan tüyleri örselemiş, kanadları düşük, mecalsiz bir kuş sürüsü, bir sabah şehrin üstüne indi, sokaklara dağıldı. Dörder beşer, yorgun argın, fakat canlarını kurtarmış olmaktan sevinçli aşağı yukarı dolaşıyorlardı. Yabancı bir

¹ Hakkı Tarık. Us // *Vakit newspaper*. Istanbul. 8 May 1932. P. 2.

*dilin acaip şivesi de beraber gelmişti. Hemen her gördüklerini beğeniyorlardı: «**Haraşo!**» galiba, bu kelime «güzel, âlâ!» mânasına geliyordu ve İstanbul halkı da beyaz tenli, pürüzsüz cildli, boylu boslu Rus kadınlarına bu ismi takmıştı: **Haraşo...***

En işkenceli, zalim bir ölümden kurtulanlar için, selâmete erince, elbette hayat ve hayatın ufak tefek zevklerini temin güzel görünürdü. Bu ruhî haletle beğenilmeyecek şeyleri de sefaleti ve gurbeti de hoş buluyorlardı.”¹

(“He met Nina in Istanbul, during the influx of Russian refugees... The strange accent of a foreign language came together. They liked almost everything they saw: «**Harasho!**», they were saying. I think that word means «beautiful, good!». Then, the people of Istanbul gave this name to light and smooth-skinned, tall Russian women: **Harasho...**”.

*Şimdiye kadar **haraşo** kelimesi müstesna rusçadan dilimize kelime girmemişti. Onun için bu oktiyabr’ı yadırgadım ve Orhan Seyfi Orhon bu türlü yabancı kelimelere de ilişmemi istediği için aleyhine yazıyorum.²*

(Until now, the word **harasho** did not enter into our language from the exceptional Russian. That's why I find the word «oktiyabr» odd).

The meaning of haircut style was also used in the literary language in the following years:

*İstanbul’un atlı tramvayı, şehirde ilk sinematograf, ilk otomobil, ilk dans merakı, ilk «**haraşo saç**» denilen kadınlar arasında saç kesme merakı...³*

(The horse-drawn tram of Istanbul, the first cinematograph in the city, the first car, the first dance curiosity, the first haircut style among women called “harasho hair” etc.).

The meaning of a kind of wool weave, can also be found in literary language:

*Ne de hamarat ne de el çabukluğu ile ve ne güzel şeyler özerdi!.. Kendisine şık şık kazaklar yapardı. Önü kapalı, açık, kollu, kolsuz bir sürü kazak... Ne örgüler bilmezdi ki... Hepsinin de türlü türlü adları vardı. Meselâ, «Kâtip çimdiği», «Pirinç örgü», «Yaprak örgü», «**Haraşo örgü**», Lâstik örgü», «Düz örgü» ve daha hatırımda tutamadığım bir sürü örgü ismi...*

¹ Refik Halid. Çete // *Akşam newspaper*. 15 June 1939. P. 6.

² T. İ. Echos. Our View October! // *Ulus newspaper*. Ankara. 2 June 1943. P. 2.

³ News // *Akşam newspaper*. Istanbul. 2 March 1946. P. 5.

(How slightly and how diligently she knitted how beautiful clothes!.. She knitted elegant sweaters for herself. Lots of sweaters that were open or closed at the front, with or without sleeves... What stitches did not she know? They all had all sorts of names. For example, "Clerk pinch", «Rice stitch», «Leaf stitch», «**Harasho** stitch», «Tire tread stitch», «Plain stitch» and many more stitch names that I can't keep in my memory...).¹

Conclusion

Today, many people do not know how *harasho*, a Russian word in the *Turkish Dictionary*, is used in Turkish. However, the study of history reveals how the loanwords entered the vocabulary of languages as a result of important historical events. At the beginning of the last century, after the historical developments in Tsarist Russia, the establishment of the Union of Soviet Socialist Republics was the beginning of a new era in world politics. When the White Russians who fought against the Red Army failed in this war, they first took refuge in Turkey, then migrated to various Western countries and lived there. However, the Russian word *harasho*, which was frequently used by the White Russians who took refuge in Turkey in those years, survived till today in Turkish literary language and slang as a memory of those days.

Bibliography

1. Akalın Ş. H., et al. Turkish Dictionary. Ankara: Turkish Language Society Publications, 2019.
2. Akalın Ş. H. One thousand Years Before — One thousand Years After Mahmud al-Kashgari and Diwan Lugat at-Turk: Turkish Language Society Publications, 2008.
3. Eren H. Etymological Dictionary of Turkish Language. Ankara, 1999.
4. Eren H. In the Glaze Kiosk. Ankara: Turkish Language Society Publications, 2010.
5. Eren H. Language of Our Toponymic Names. Ankara: Turkish Language Society Publications, 2010.
6. Günçikan B. From Harasho to Natasha. Istanbul: ARION Publications, 1995.
7. *Harasho's* (cartoons) // *Aydede journal*. Istanbul. 1922.
8. Nishanyan S. Nishanyan Etymological Dictionary of Contemporary Turkish. Istanbul: Liber Plus Publications, 2018.
9. Refik Halid. Çete // *Akşam newspaper*. Istanbul. 15 June 1939.
10. Hakkı Tarık. Us // *Vakit newspaper*. Istanbul. 8 May 1932.
11. Echos T. İ. Our View October! // *Ulus newspaper*. Ankara. 2 Haziran 1943.

---

¹ Every Night a Story: Wool, A Star // *Akşam newspaper*, Istanbul. 19 December 1945. P. 6.

12. Tietze A. Historical and Etymological Dictionary of Turkey Turkish. Vol. 3. Ankara: Turkish Science Academy Publications, 2016.

13. Vasmer M. Russisches Etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1950–1958.

Author's Information

Şükrü Halûk Akalın

PhD, Director of the Lexicography Center, Hacettepe University

Hacettepe University, Ankara, Turkey

E-mail: sukruhaluk.akalin@hacettepe.edu.tr

Yahia Baiza (The Institute of Ismaili Studies, London, UK)

Wladimir Ivanow and Ismailism: The Rise of Modern Ismaili Studies and Historiography

Summary: This paper explores and analyses Wladimir Alekseevich Ivanow's (1886–1970) contribution to the rise of modern Shī'ī Imāmī Ismā'īlī (hereafter, Ismaili) studies and historiography. It asserts that Ivanow's tireless work in studying genuine Ismaili texts provided a historical breakthrough and represented a major milestone in modern Ismaili studies and historiography. His research and publications called into question some of the centuries-old myths fabricated in the medieval times by the Sunni 'Abbāsids (750–1258) to discredit Ismaili teachings and the Shi'ī Ismaili Fatimid Caliphate (909–1171). The common attitude towards the Ismaili doctrine and history became even more complex after the Crusaders (1095–1492) added a new layer of spurious accounts, known as the Assassin Legends.

The first part of the article details Ivanow's early life and education at St Petersburg University, where he acquired his academic training in Islamic studies, as well as in the Arabic and Persian languages. At the Asiatic Museum of St Petersburg Ivanow also obtained professional experience in exploring and analysing Persian manuscripts, including those which contained Ismaili works and had been brought from Bukhara and the Pamir region of present-day Uzbekistan and Tajikistan respectively. Part two of the article explores Ivanow's nearly thirty years (1931–1959) of engagement with Ismaili texts. His critical scholarly approach and modern style of writing transformed Ismaili studies into a well-grounded academic discipline and gave rise to modern Ismaili historiography.

Keywords: Vladimir Ivanow; Ismailism; Ismaili history; Fatimid; St Petersburg; Ismaili Society of Bombay; Aga Khan; Sultan Muhammad Shah.

Яхья Байза (The Institute of Ismaili Studies, London, UK)

Владимир Иванов и исмаилизм: возникновение современных исмаилитских исследований и историографии исмаилизма

Аннотация: В данной статье анализируется вклад Владимира Алексеевича Иванова (1886–1970) в становление современных исследований по исмаилитскому течению шиизма и историографии исмаилизма. В статье утверждается, что неустанная работа Иванова по изучению подлинных исмаилитских текстов

стала важной вехой в современном изучении исаиализма. Его исследования и публикации развенчали некоторые из многовековых мифов, сфабрикованных в Средние века суннитами Аббасидами (750–1258) для дискредитации исаиалитского учения и шиитского исаиалитского халифата Фатимидов (909–1171). Восприятие исаиализма и его истории еще более усложнилось, когда к нему добавились распространявшиеся крестоносцами (1095–1492) недостоверные рассказы, известные как «Легенды об ассасинах».

Статья содержит сведения о молодых годах Владимира Иванова и его обучении в Санкт-Петербургском университете, где он получил академическую подготовку в области исламоведения, а также по арабскому и персидскому языкам. В Азиатском музее Санкт-Петербурга В. Иванов получил также профессиональный опыт исследования и анализа персидских рукописей, в том числе тех, что содержали исаиалитские сочинения и были привезены из Бухары и Памирской области современного Таджикистана. Во второй части статьи исследуется почти тридцатилетний период (1931–1959 гг.) работы В. А. Иванова с исаиалитскими текстами. Его критический научный подход и современный стиль изложения материала превратили исаиалитские исследования в фундаментальную академическую дисциплину и способствовали становлению современной исаиалитской историографии.

Ключевые слова: Владимир Алексеевич Иванов; исаиализм; история исаиалитов; Фатимиды; Санкт-Петербург; Исаиалитское общество в Бомбее; Ага Хан; Султан Мухаммад Шах.

Introduction

Wladimir Alekseevich Ivanow was born on 3 November 1886 in St Petersburg, Russia. In his autobiography, he describes himself as a native *Peterburgian* of Russian origin.¹ Ivanow's parents were a highly educated and cultured couple. His father, Aleksei Andreevich Ivanow, graduated from the Faculty of Physics and Mathematics at St Petersburg University and then studied medicine at the Faculty of Medicine at Moscow University. Afterward, he served as a military doctor for the rest of his life. His mother, Maria Philippovna Marchenko, came from Kharkiv, an industrial city in Ukraine. She attended the women's university in St Petersburg, as women in those days could not enter

Wladimir Ivanov (1886–1970)

Courtesy Institute of Oriental Manuscripts, St Petersburg

---

¹ Ivanow W. *Autobiography* // Daftary F. (ed.). *Fifty Years in the East: The Memoirs of Wladimir Ivanow*. Edited with Annotations. London, 2015. P. 39–96.

men's universities. However, she left her studies incomplete, as she devoted the rest of her life to her family. Ivanow attributes his upbringing and all his good qualities, including his education, to his mother's loving care and attention.¹ Apparently, the intellectual and cultural sophistication of his parents enabled Ivanow to complete his studies, without being distracted by the political events of his time.

The major political events in the late nineteenth and early twentieth centuries deeply influenced Ivanow's professional and academic career as well as the course of Russia's future. The Romanov dynasty was on the decline under the reign of Tsar Nicholas II (r. 1894–1917).² In the year Nicholas II ascended to the throne (1894), Ivanow's parents moved to Moscow and then some 250 km further north to Yaroslavl on the Volga River.³ Although Ivanow does not give the reason for his family's move to Moscow, apparently it had to do with his father's job, as a medical doctor.

Political events were rapidly transforming everything in and around St Petersburg. After five years in Yaroslavl, Ivanow's parents returned to St Petersburg in 1899 and settled in Tsarskoe Selo (now, Pushkin), around 25 km south of St Petersburg, where the emperor's and many other palaces were located. Upon his return to St Petersburg, Ivanow entered the second grade of a gymnasium.⁴ St Petersburg University and the city had already become centres of revolutionary movements. Undoubtedly, Ivanow could not ignore the events in his city and in and around St Petersburg University but he kept himself away from political gatherings and student riots. He did not show any interest in politics or anti-government activities but remained fully focused on his studies. As he wrote, he was spending his free time in outdoor activities, such as travelling, cycling, visiting museums, and walking. He was a quiet but not a spoiled child. He did not drink alcohol, nor did he smoke or play cards. Eventually, he graduated from his gymnasium with distinction and a gold medal in 1907,⁵ a success in which his parents, particularly mother, played a great role.

His university courses appeared to have been destined to prepare Ivanow for the study of Persian and Arabic manuscripts, which became useful for his later engagement with the study of Ismaili texts. At the Faculty of Oriental Languages in St Petersburg University, he studied Arabic and Persian and chose Islamic and Central Asian history. In the second half of the nineteenth century, Russia developed a keen interest in Oriental studies. The University of St Petersburg and the Asiatic Museum of the Russian Academy of Sciences became the leading Russian academic institutions in Oriental and Islamic studies. Ivanow had the good fortune

---

¹ Ivanow W. *Autobiography*. P. 39–40.

² Ascher A. *Russia: A Short History*. Oxford, 2002. P. 131–32.

³ Ivanow W. *Autobiography*. P. 40.

⁴ *Ibid.* P. 40.

⁵ *Ibid.* P. 40–41.

to study under the noted Russian scholars, among whom Victor Rosen (1849–1908), Carl Hermann Zaleman (in Russian, Karl Germanovitch Zaleman, 1849–1916), Fedor Ippolitovich Shcherbatskoy (Theodor Stcherbatsky, 1866–1942), and Valentin A. Zhukovsky (1858–1918) were his most notable teachers. He developed his knowledge of Islamic and Central Asian history under the guidance of the eminent Russian scholar Vasiliy Vladimirovich Barthold (1869–1930).¹

After graduating from the University of St Petersburg in 1911, he began a two-year job at the State Bank of Russia and served in Persia from 1912 to 1914.² As will be discussed, this two-year job in Persia sparked his enthusiasm for studying Ismailism from within.

Just four years before Ivanow's arrival in Persia, Russia and Britain had divided Persia into zones of influence. The northern cities of Tabriz, Tehran, Mashhad, and Isfahan fell under Russian control, whereas the southern regions, around the Persian Gulf, where Britain had discovered oil were under British control. The central region was declared a neutral buffer zone. Out of a limited or perhaps no other meaningful choice, Ivanow accepted the suggestion of his Syrian Christian Arabic teacher, Anton Khashshab, a native of Beirut, to join the Loan and Discount Bank of Persia in November 1911. He was sent to Birjand, south-east Iran, to do a type of job and in a location that would usually not attract bank employees. However, as there was little work to do in the bank itself, he spent his time collecting variants of colloquial Persian rural poetry and tales, meeting dervishes, Ismailis, and Baluchis. Ivanow mentioned his time in Birjand as some of his happiest memories.³ He published the results of his linguistic and related ethnological and folkloric studies in some 20 articles.⁴ Later on, he was transferred to Kermanshah, close to the Turkish border, to a place and a type of work that he never liked and, after two years in Persia, he was recalled to St Petersburg in 1913.

Ivanow never lost his passion for research and academic work. He knew that working in the bank would keep him away from his academic pursuits. Therefore, he resigned from his post and spent the next six months on a journey to India, via Iraq, and back to St Petersburg. Upon his return to St Petersburg, his former teacher, Zaleman, offered him a position in the Asiatic Museum and suggested that he should go to Bukhara to collect Persian and Arabic manuscripts. He also told him that the change of climate would help him to recover from malaria, which he had contracted during his trip to India. In April 1915, he went to Bukhara and acquired

---

¹ Daftary F. Ivanow, Vladimir Alekseevich // *Encyclopaedia Iranica*. 2012. URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/ivanow-vladimir-alekseevich> (accessed 11.11.2019).

² Ivanow W. *Autobiography*.

³ *Ibid.* P. 52–55.

⁴ Daftary F. *Bibliography of the Publications of the late W. Ivanow // Islamic Culture*. 1971. Vol. 45. P. 56–67.

The Ark of Bukhara, 1913

1,047 manuscripts and artefacts, which he handed over to the Asiatic Museum and the Museum of Anthropology and Ethnography.¹ Zaleman died in November 1916, and Professor S. F. Oldenburg, the new director of the Asiatic Museum, appointed Ivanow as Assistant Keeper at the Museum, after which he also received the documents exempting him from military service.

Oldenburg suggested to Ivanow that he should carry out further fieldwork in Bukhara where the climate was more favourable and food more readily available. Ivanow took this suggestion to escape from St Petersburg's severe winter and food shortages. However, upon his arrival in Bukhara in spring 1918, Ivanow found himself in a very troubled and hostile environment in which the locals and Russians were at daggers drawn.² However, after few months stay in Bukhara Ivanow moved to Mashhad on 3 June 1918,³ only to encounter new hardships there, particularly with finding a job and securing a livelihood for himself. In Persia, he worked for the

---

¹ Ivanow W. *Autobiography*. P. 58–60.

² Under Imperial Russia, the Central Asian Muslims, known as *inorodtsy* (sing. *inorodets*), literally meaning people of 'foreign' or 'alien' descent, enjoyed certain privileges, most notably exemption from military conscription (Slocum J.W. *Who, and When, Were the Inorodtsy? The Evolution of the Category of "Aliens" in Imperial Russia // The Russian Review*. 1998. Vol. 57, No. 2. P. 173–190. P. 173). However, a 1916 imperial decree, calling upon a large number of Central Asian men to engage in labour behind the battle lines, digging trenches, caused some unrest in Central Asia and led to violent clashes between the locals and Russians, particularly in Kyrgyzstan (Soucek S. *A History of Inner Asia*. Cambridge, 2000. P. 209).

³ Ivanow W. *Autobiography*. P. 62–65.

British Indian forces for two years (March 1919 — November 1920). Then, he went to Calcutta and began to work on cataloguing Oriental manuscripts at the Asiatic Society of Bengal, where he enjoyed memorable support as well as encountering resistance for ten years until end of 1930,¹ after which he decided to look for a new job.

At the Asiatic Society of Bengal, Ivanow was observing, as well as experiencing, the rise of Indian nationalism and an increasing resistance against Europeans. Although the idea of nationalism in India emerged in the nineteenth century, with its expression in the 1857 First War of Independence (also known as Sepoy Mutiny), freedom from colonial rule became a burning topic in the early twentieth century. Initially, Indian identity was defined within the framework of opposition to British rule.

Differences of opinion emerged when different parties formulated their post-independence visions for an independent India and Indian nationalism. The Congress Party adopted a secular universalist approach and defined ‘Indian nationalism’ as a secular idea based on a territorial criterion.² Hindu nationalists, particularly the followers of Hindutva, harshly criticized the leaders of the Congress,³ and regarded India’s national identity in terms of Hinduism, defining Indian culture as Hindu culture, into which minorities have to be assimilated by their paying allegiance to the symbols and main-

Calcutta, European Quarter, 1920

---

¹ Ivanow W. Autobiography. P. 70–74.

² Jaffrelot C. Introduction: The Invention of an Ethnic Nationalism // Jaffrelot C. (ed.). *Hindu Nationalism: A Reader*. New Jersey, 2007. P. 3–25.

³ Aloysius G. Trajectory of Hindutva // *Economic and Political Weekly*. 1994. Vol. 29, No. 24. P. 1450–1452.

stays of the majority as those of the nation. Contrary to these two positions, the Muslim League pronounced a two-nation theory.¹ Consequently, the British authorities hastily divided India into India and Pakistan and left the country. After the British departure, extreme forms of violence, wholesale massacres, and migration of civilians in both directions marked India's independence and the birth of Pakistan.

Within this broader context of Indian nationalism, the question is how the Ismailis, as a religious minority group, approached their identity, in which religion always plays the most important and influencing factor. In the late nineteenth and early twentieth centuries, there was a conscious revival of religious identity, particularly through the editing, translation, and publication of religious literature. This interest partly emerged from an internal self-conscious realization of the minority groups themselves and partly through the curiosity of European orientalists. European interest in oriental languages and literature was at its zenith in the second half of the nineteenth century. The translation of oriental literature from Sanskrit, Persian, and Pahlavi, to name a few, into major European languages attracted the attention of scholars in Paris, Oxford, Berlin, and St Petersburg. For instance, the Parsis and Zoroastrian literature became the focal point of domestic and foreign scholars. Many of the Avesta Nasks and related literature were edited in the original Pahlavi language and then translated and published into English, Persian, Gujarati, as well as other major European languages, such as French and German.

A separate field Ismaili studies shaped after Ivanow started his research on Ismaili literature in 1931. A sporadic study of genuine Ismaili texts had taken place under the rubric of Persian literature. The works of Nāṣir Khusraw (d. 1093), poet, philosopher, and traveller, for example, attracted the attention of European orientalists in the late nineteenth and early twentieth centuries. His *Safar-nāmah* (Travelogue) and poetical works, namely *Dīwān*, *Sā'ādat-nāmah*, and *Rawshanā'ī-nāmah*,² became popular among European scholars and publishers.³ In the early twentieth century, his *Wajh-e Dīn* and *Zād al-Musāfirīn*⁴ were also edited and published in original Persian. Although useful in its own right and context, the number of such works remained relatively small. Nevertheless, these works stirred up a rising consciousness and interest in Ismaili literature, which also positively influenced the interest of Ismaili

¹ Jaffrelot C. Introduction. P. 4–5.

² See: Ethé H. Nāṣir Chusrau's Rūsanāināma. 1879–1880; Fagnan E. Le livre de la félicité par Nāṣir ed-Dīn Khosroû. 1880; Teufel F. Zu Nāṣir Chusrau's Rūsanāināma. 1882; Le Strange G. Diary of a Journey through Syria and Palestine. 1888; Browne E. G. Nāṣir Khusraw, Poet, Traveller, and Propagandist. 1905. M. Suhaili edited and published Nāṣir Khusraw's *Dīwān* in Tehran, 1928.

³ Baiza Y. A Dream-Work: An Analysis of Nāṣer Kosrow's Dream and Intellectual Transformation // *Iranian Heritage Studies*. 2018. Vol. 1, No. 1. P. 6.

⁴ M. Badhl al-Rahmān edited *Zād al-Musāfirīn* in Berlin, 1923. M. Ghanīzāda and M. Qazwīnī edited *Wajh-e Dīn* and published it in its original Persian in Berlin, 1924.

scholars in the development and revival of their community identity, through the editing and publishing of early Ismaili texts.

Ivanow and the Rise of Modern Ismaili Studies and Historiography

Ivanow's acquaintance with some members of the Ismaili communities in Persia sparked his initial ambition to explore Ismaili history and doctrines from within. In 1912, while he was working in Birjand branch of the Loan Discount Bank of Persia, he met some Ismailis. This acquaintance came to him as a historical shock. He could not believe that the Ismaili communities were still extant, particularly in Persia, where the Mongol's wholesale massacre in 1256 and the brutality of subsequent rulers were believed to have wiped the Ismailis from the face of the earth. He wrote that:

I came in touch with the Ismailis for the first time in Persia, in February 1912.

Already in Mashhad I had often heard about these localities being populated by the followers of a 'strange sect'. My inquiries could not elicit any reliable information. Some people told me that the 'strange sect' were the Ismailis, but I disbelieved it, having been brought upon the idea, universally accepted by Oriental scholars in Europe, that all traces of the Ismailis in Persia were swept away by the brutal Mongols. And here, taking the opportunity of a conversation with the landlord on the spot, I tried to ascertain the truth. To my surprise, he confirmed what I had heard before stating that the people really were Ismailis, and that the locality was not the only seat of the followers of the community but there were other places too in Persia in which they were found.

My young enthusiasm was so much aroused that I at once made determined attempts to ascertain the doctrine of the community, inquired about their religious books, etc.

My learned friends in Europe plainly disbelieved me when I wrote about the community to them. It appeared to them quite unbelievable that the most brutal persecution, wholesale slaughter, age-long hostility, and suppression were unable to annihilate the community which even at its highest formed but a small minority in the country. Only later on, however, when my contact with them grew more intimate, I was able to see the reasons for such surprising vitality. It was their quite extraordinary devotion and faithfulness to the tradition of their ancestors, the ungrudging patience with which they suffered all the calamities and misfortunes, cherishing no illusions whatsoever as to what they could expect in life and in the contact with their majority fellow countrymen. They with amazing care and devotion kept through ages burning that Light, mentioned in the Koran which God always protects against all attempts of His enemies to extinguish it. I rarely saw anything so extraordinary and impressive as this ancient tradition being devoutly preserved in the poor muddy huts of mountain hamlets or poor villages in the desert.¹

---

¹ Ivanow W. My First Meeting with the Ismailis in Persia // *Ilm*. 1977. Vol. 3. P. 16–17.

His first encounter with Ismaili literature took place four years later in 1916 when the Russian scholar of Iranian languages, Ivan Ivanovich Zarubin (d. 1964), brought a collection of Ismaili manuscripts from the Pamirs of modern-day Tajikistan to the Asiatic Museum in St Petersburg. It was there that Ivanow began to study and edit *Umm al-kitāb* (The Mother of the Book) for two years until the spring of 1918.¹ Although this work remained unfinished, Ivanow did publish a short notice on this Ismaili manuscript collection in Russian. Other than that, as he writes, his knowledge of Ismailism was based on the study of Syrian manuscripts in Arabic. In the 1920s, he sent some of these works in the original Persian together with English translations and commentaries to the 'Ismaili' weekly and they were then published in Mumbai in Gujarati.² Learning more about the Ismaili communities in Mumbai, Ivanow decided to approach the leaders of the Khoja Ismaili community for a job and he then started working on Ismaili literature.

In 1931, the 48th Ismaili imam of the Time, Sulṭān Muḥammad Shāh, Aga Khan III (r. 1885–1957), formally appointed Ivanow to work on Ismaili literature, which would include all branches of the Ismaili interpretation of Islam, from literature and history to politics and philosophy. Apart from this broad instruction, the Aga Khan emphasised that Ivanow should concentrate on the history of his ancestors,³ a topic that would lead Ivanow to confront and interrogate the fabricated accounts of the 'Abbāsids and other anti-Ismaili propaganda.

However, there was a severe scarcity of genuine Ismaili texts. The state of Ismaili literature differed between the Bohra⁴ and the Nizārī⁵ Ismaili communities. The former had a

Aga Khan III (r. 1885–1957)

Courtesy National Portrait Gallery, London

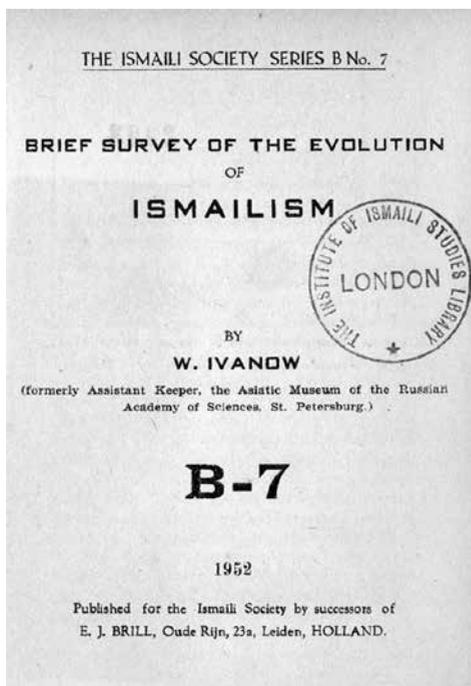
¹ Ivanow W. *Autobiography*. P. 81–82.

² *Ibid.* P. 82.

³ *Ibid.* P. 86.

⁴ The Bohras are a sub-branch of the Ismaili branch of Shi'ī Islam. They trace the lineage of their imam back to the Imam-caliph al-Musta'īfī (r. 1094–1101), son of the Fatimid Imam-caliph al-Mustaṣfir (r. 1036–1094). Bohra Ismailis are divided into two main sub-branches - the Dāwūdīs and the Sulaymānīs, comprising respectively circa 95 % and 5 % of the community. While there are no disagreements in their religious tenets, they differ from one another only in following the line of successors from two different dā'īs, namely the 27th Dā'ī Muṭlaq Dāwūd b. Quṭb Shāh (1591–1612) and Dā'ī Sulaymān b. Ḥasan (fl. ca 1589) respectively.

⁵ The Nizārī Ismailis represent the largest segment of the Shi'ī Imami Ismaili branch. They trace their lineage back to al-Mustaṣfir's eldest son and designated successor, Nizār

W. Ivanov. Brief Survey of the Evolution of Ismailism

much better collection of preserved literature, due to the relative environmental isolation and safety in Yemen, where they often lived in mountainous regions. This relative safety allowed them, as Ivanow states, to preserve the Fatimid literature and produce copies of the books which they had transferred from Cairo after the fall of the Fatimid caliphate in 1171.¹ Furthermore, the library and intellectual centres of the Nizārī Ismailis in Alamut and Quhistan of modern-day Iran were destroyed by the Mongols in 1256. At the initial phase of Ivanow's work on Ismailism, Mūsā Khān Khurāsānī,² a retired servant of the Aga Khan, offered him his collections of books and manuscripts.³ Later on, he also received manuscripts from the Badakhshan regions, as well as a fund for purchasing Ismaili texts.

Ivanow entered the field of Ismaili studies with full scholarly preparation. As has already been mentioned, he received his early academic training under eminent scholars in St Petersburg and gained professional experience at the Asiatic Society of Bengal for almost ten years. Before his official engagement in the study of Ismaili texts in 1931, he had already

---

(r. 1094–1097). Currently, Prince Shāh Karīm al-Ḥusaynī Aga Khan IV (r. 1957 — Present) is the 49th living present imam (spiritual leader) of the Nizārī Ismailis. His lineage goes back through Imām Nizār to Imām Ismā'īl (d. sometimes after 762) son of Imām Ja'far al-Šādiq (r. 732–765), the direct descendant of the Prophet Muḥammad's cousin and son-in-law as well as the fourth caliph of Islam, 'Alī b. Abī Ṭālib (r. 656–661) and his wife Fāṭima (d. 632), daughter of the Prophet Muḥammad (570–632).

¹ Ivanow W. A Guide to Ismaili Literature. London, 1933. P. 12–13.

² Ivanow writes that Mūsā Khān himself wrote a legendary history of Ismailism, which Aleksandr Aleksandrovich Semenov (Semyonov) edited but wrongly attributed to Fidā'ī Khurāsānī of Dīzbād near Nīshāpūr (Ivanow W. Autobiography. 2015. P. 89–90). The book in question is *Tārīkh-e Ismā'īliyya yā hidāyat al-mū'minīn al-ṭālibīn*, which Semenov edited in its original Persian and published in Tehran in 1983.

³ Ivanow W. Autobiography. P. 89–90.

published four titles, of which three were related to Ismaili literature. His *Ismailitica I* and *II* belong to this early publication of him on Ismaili.¹ *Ismailitica II* included his notes on the Ismailis in Persia became obsolete and was in need of complete revision. *Ismailitica I*, on the other hand, included Khayr-khwāh Harātī's *Faṣl dar bayān-e shinākht-e imām: risālah-i dar ḥudūd-e dīn (On the Recognition of the Imam of the Time: A Treatise on the Ranks of Faith)* and was still reliable.² He published a revised English edition of Khayr-khwāh Harātī's *Faṣl dar bayān-e shinākht-e imām* in 1947,³ and its third edition, which also included the Persian edition as well as the English translation of the text was published in 1960.⁴ Ivanow made an attempt at editing the Persian text but he could not avoid many errors in the edited text. In 1947, the Ismaili Society of Bombay also published a Gujarati version of the text.⁵ He was aware of the fact that most of the sources of scholarly information on Ismaili history and doctrine until the early 1930s were not reliable. In his preface to a *Brief Survey of the Evolution of Ismailism*, he stated that:

Much has been written on the subject [Ismailism], but all this has been based almost entirely on information derived from sources bitterly hostile to the [Ismaili] movement. Their only aim was to discredit it in every possible way, and hence all means which served this purpose were regarded as good and permissible.⁶

There were two main reasons why the literature produced on Ismaili history and doctrines lacked reliability and scholarly validity. Firstly, the polemical works of the medieval Sunni Muslims, encouraged by the 'Abbāsīd caliphs and other forces hostile to the Ismailis, produced and reproduced fake accounts on the history and true genealogy and origin of the Ismaili Fatimid caliphs and imams. These works came to be termed the Black Legends. Secondly, the Crusaders (1095–1492) added another layer of fabricated narratives on the Ismaili doctrines and produced what came to be known as the Assassin Legends. The Crusaders viewed Islam as the enemy of Christianity and aimed to defame Islam as a whole without an interest in understanding the various schools (*madhāhib*) within Islam. Farhad Daftary⁷ provides an account of the evolution of the Sunni Black Legends and the Crusaders' Assassin Legends, which then merged together and led to the circulation of false accounts about Ismaili history and doctrines.

Given the scale of fabricated and fictitious literature on Ismailism, Ivanow stated that “those who work over genuine Ismaili sources have to revise almost every point,

¹ *Memoirs of the Asiatic Society of Bengal*, Calcutta. 1922. Vol. VIII. P. 1–76.

² Ivanow W. *Ismaili Tradition Concerning the Rise of the Fatimids*. Oxford, 1942. P. xi-xiii.

³ Khayr-khwāh Harātī. *On the Recognition of the Imām*, 1947.

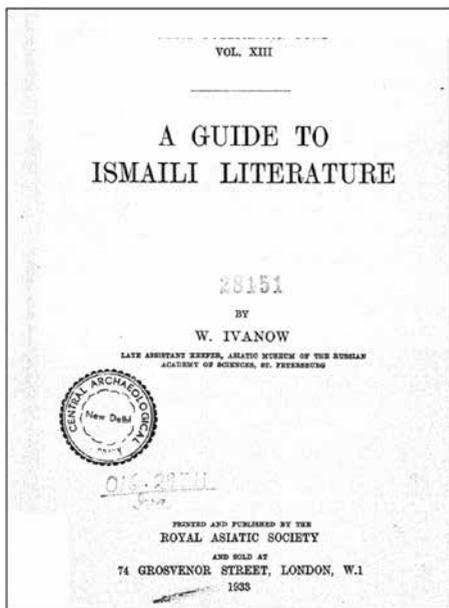
⁴ Khayr-khwāh Harātī. *Faṣl dar Bayan-i Shinakht-i Imam*. 1960.

⁵ Khayr-khwāh Harātī. *Shinākht-e-Imam*, 1947.

⁶ Ivanow W. *Brief Survey of the Evolution of Ismailism*. Bombay, 1952. P. i.

⁷ Daftary F. *The Assassin Legends: Myths of the Isma'ilis*. London, 2001.

W. Ivanov. *A Guide to Ismaili Literature*

at every step, often rejecting even such information which remained beyond suspicion till now”.¹ He knew that the first step in this new academic undertaking would be the development of a guide to Ismaili literature, in order to map the available sources and guide students of Ismaili studies. Accordingly, he published *A Guide to Ismaili Literature* in 1933. As he avowed, the work was primarily based on *Fihrist al-kutub wa al-rasā'il* (The Index of Books and Treatises), popularly known as *al-Majdu'* or *Fihrist al-Majdu'* (The Index of the Mutilated One), written by Ismā'īl b. 'Abd al-Rasūl al-Ajīnī (d. 1769–70).² The original *Fihrist* was arranged in twelve chapters, which served as broad themes for specific sub-genres of Ismaili literature.³ Three decades later, Ivanow revised *A Guide*

to Ismaili Literature and published the results of his systematic efforts in recovering the Ismaili manuscripts and titles, and catalogued them under *Ismaili Literature: A Bibliographical Survey* (1963).⁴ Three years later, in 1966, Tehran University Press also published Al-Ajīnī's *Fihrist al-kutub wa al-rasā'il* (or *Fihrist al-Majdu'*) in its original Arabic.

¹ Ivanow W. Ibn Al-Qaddah: The Alleged Founder of Ismailism. (2nd edn.). Bombay, 1957. P. i.

² Ivanow W. *A Guide to Ismaili Literature*. P. v.

³ The original *Fihrist* was arranged in twelve chapters: 1) Arabic grammar (*qawā'id al-lughā*), 2) basic sermons (*al-mawā'iz*), 3) books of jurisprudence (*kutub al-fiqh*), 4) collection of Ismaili poetical books (*al-dawāwīn*), 5) sermons on ethics of the highest order (*al-akhlaq min al-saḥ al-'ālī*), 6) books of history and biographies (*al-tawārīkh wa siyar*), 7) books of the esoteric ranks (*al-kutub al-bāḥiniyya al-marṭaba*), 8) the esoteric books of the lowest ranks (*al-Kutub al-bāḥin min al-saḥ al-dānī*), 9) matters about the truth (*al-masā'il fī al-ḥaqā'iq*), 10) the higher class of esoteric knowledge (*al-ṭabaqa al-'uliyya min al-kutub fī ilm al-bāḥin*), 11) unclassified esoteric books of the highest ranks (*al-Kutub al-bāḥiniyya ḡayr al-munazzama min al-saḥ al-'ālī*), and 12) miscellaneous books (*al-kutub al-mutaḥāriqa*). Al-Ajīnī I. b. 'A. *Fihrist al-kutub wa al-rasā'il* (The Index of Books and Treatises), or [Fihrist] *al-Majdu'* ([The Index of] the Mutilated One). Tehran, 1966. P. 9–10.

⁴ Ivanow W. *Ismaili Literature: A Bibliographical Survey*. Tehran, 1963.

In treating the historical polemical accounts on Ismailism, Ivanow also encountered contemporary attacks and hostility from institutions and individuals, who for a variety of reasons were trying to block his path as well as that of Ismaili studies. He goes as far as to name the United States' Central Intelligence Agency (CIA) as alleging a connection between Ismaili studies, the theories of Communism, and as financing 'academic publications' and talks on the 'Order of Assassins'.¹ Obviously, there was not such a connection between the Ismailis and Communism. Probably, the CIA concluded this purely as a result of Ivanow's Russian nationality. Since he came from St Petersburg, the capital of Tsarist Russia and the hub of Socialist-Revolutionary Party of the time, the CIA was aware of Ivanow's sojourn in British India and viewed him as a possible spy and Russian agent. However, as they could not find any evidence of his association with the *Okhranka* secret service

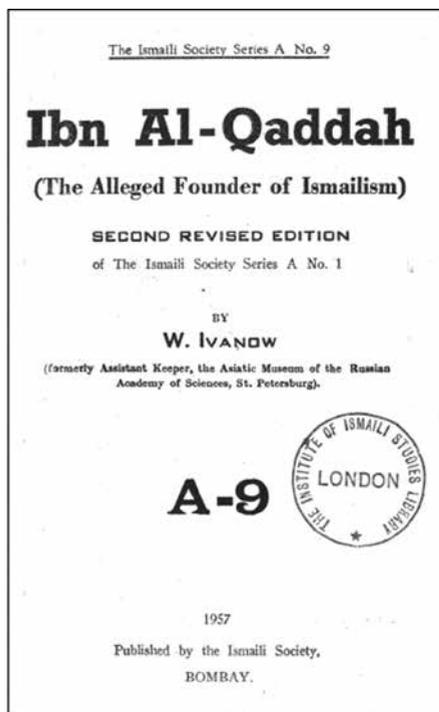
intelligence, or its successor organizations, namely the Soviet Union's *Vserossiyskaya Chrezvychaynaya Komissiya* (VChK/Cheka), or the later *Komitet Gosudarstvennoy Bezpasnosti* (KGB), the CIA tried to discredit his work for the Ismaili community in India.

However, it was not just the CIA that was causing him a headache. Ivanow also expressed his dismay and frustration with the academic council of the Mumbai branch of the Royal Asiatic Society for rejecting the publication of Ismaili literature on the grounds of a potential threat coming from the Ismaili "assassins" and that the works, if published, might provoke riots. Ivanow wondered how the most educated people in India were capable of feeding and believing such lies.² What he feared most, as he wrote, was that "a lie, however ridiculously absurd it may be, by constant repetition become most unassailable truth".³ It seems that thus scare-mongering only served to deepen Ivanow's desire to uncover historical truths.

¹ Ivanow W. Autobiography. P. 88–89.

² Ivanow W. Autobiography. P. 91–93.

³ Ivanow W. Ibn Al-Qaddah. P. i.

W. Ivanov. Ibn al-Qadah
(The Alleged Founder of Ismailism)

In addressing the medieval polemical accounts, Ivanow addressed one of the most difficult questions in Ismaili history, i.e. the real role of ‘Abd Allāh b. Maymūn al-Qaddāh.¹ In his *Ismaili Traditions Concerning the Rise of the Fatimids* (1942) and in *Ibn al-Qaddah: The Alleged Founder of Ismailism*, published in 1946 (1st ed.) and 1957 (2nd ed.), Ivanow demonstrated that the innumerable versions of the story of Ibn al-Qaddāh represent nothing more than an absurd fabricated account which has been polished and developed over the course of history. Through these works and a series of other publications Ivanow managed to reveal the fabricated lies that had underpinned the Black Legends’ narratives for over a thousand years.

A further boost to the field of Ismaili studies came about in the second half of the 1940s, when Ivanow proposed the establishment of the Ismaili Society of Bombay² which replaced the Islamic Research Association³ on 16 February 1946. The aim of this new institution was to promote independent critical study of all matters connected with Ismailism.⁴ The founding of the Ismaili Society marked the beginning of an institutionally organized approach to Ismaili studies, with regular research programmes and budgets. The Society transformed the field of Ismaili studies from the work of a group of individuals, led by Ivanow, to the level of an academic institution — something that was very important for Ivanow, who could now advance and shape the evolution of Ismaili studies in a proper academic manner and style.

Ivanow was a prolific writer. He published a total of 153 titles during his lifetime.⁵ In 1969, a year before he died in 1970, he published an article under the title of ‘Hakim Nizari Kohistani’ in *Africa Ismaili*, vol. 2, no. 7, p. 6–8.⁶ He wrote his autobiography in 1968, under the title of *Piat’desiat let na Vostoke* (Fifty Years in

¹ There are many controversial stories about the real personality of ‘Abd Allāh b. Maymūn al-Qaddāh. Farhad Daftary and Rahim Gholami state that in the Imāmī sources he is known as a companion of Ja’far al-Šādiq, and a renowned transmitter of *ḥadīths* from him. However, in anti-Ismaili polemics, he is referred to as the founder of the Ismaili movement and the progenitor of the Faṭimid imams-caliphs (Daftary F. and Gholami R. ‘Abd Allāh b. Maymūn al-Qaddāh // Madelung W., Daftary F. (eds.). *Encyclopaedia Islamica*. 2008. URL: http://dx.doi.org/10.1163/1875-9831_isla_SIM_0036 (accessed 14.11.2019). Also, see Ivanow W. *The Alleged Founder of Ismailism*. Bombay, 1946; and its revised edition, Ivanow W. *Ibn Al-Qaddah: The Alleged Founder of Ismailism*. Bombay, 1957.

² For a list of publications of the Ismaili Society of Bombay, see Daftary F. *Fifty Years in the East*. P. 211–213.

³ For a list of publications of the Islamic Research Association, see Daftary F. *Fifty Years in the East*. P. 185–210.

⁴ Ismaili Society of Bombay. *Notice // Ivanow W. Brief Survey of the Evolution of Ismailism*. Leiden, 1952; Ivanow W. *The Ismaili Society of Bombay: The Tenth Anniversary (16–2–1946 — 16–2–1956)*. Bombay, 1956. P. 1.

⁵ For a complete bibliography of Ivanow’s works, see Daftary F. *Fifty Years in the East*. P. 185–206.

⁶ Daftary F. *Fifty Years in the East*. P. 205.

the East), which along six other works of him were published posthumously. Of the above-mentioned titles, some represented important milestones, particularly for students, and changed the face of Ismaili studies. These works included *Imām Ismāʿīl* (1923, journal article), *A Guide to Ismaili Literature* (1933) and its edited version of *Ismaili Literature: A Bibliographical Survey* (1963), *Ismaili Tradition Concerning the Rise of the Fatimids* (1942), *Ibn al-Qaddah: The Alleged Founder of Ismailism* (1946), and *A Survey of Ismaili History* (1956). These publications not only transformed and modernized the field of Ismaili studies and modern Ismaili historiography but also fulfilled Ivanow's desire of studying Ismaili history and literature from within.

Fifty years after his death in 1970, Ivanow continues to remain a major name in the field of Ismaili studies. Ivanow's publications are still much read and cited in the scholarly community. His works inspired and supported many of his contemporaries as well as a new generation of Ismaili studies' scholars, namely Marshall Hodgson (d. 1968, whose account of the Ismaili Nizārī state in Alamut replaced the earlier Hammer-Purgstall work), Asif A. A. Fyze (d. 1981), Husayn F. Hamdani (d. 1958), Zahid Ali (d. 1958), Henry Corbin (d. 1978), Muhammad Kamil Husayn, Bernard Lewis (d. 2018), Abbas Hamdani (d. 2019), Ismail Poonawala, Wilfred Madelung, Farhad Daftary, and many other great names in the field of Ismaili studies. Ivanow's tireless work transformed the field of Ismaili studies and made it a serious scholarly discipline within the broader field of Islamic studies.

Conclusion

Ivanow began his engagement with Ismaili literature at a time when the scholarly community knew very little or absolutely nothing about the Ismailis as living communities and their living traditions. European orientalists took it for granted that the Ismaili school of Islam did not survive the Mongol's wholesale massacre in 1256 and the repression carried out by later anti-Ismaili forces. In addition, the European and Muslim scholarly understanding of Ismaili history came from hostile and anti-Ismaili sources, primarily the 'Abbāsīd caliphate and the Crusaders, who produced the Black Legends and the Assassin Legends. It was within this broader context that Ivanow stepped in and began to challenge the existing sources of information.

He undertook the complicated task of reshaping and reframing the existing perceptions of Ismailism. An initial step towards the collection and study of Ismaili manuscripts started in St Petersburg, in Imperial Russia, where Russian scholars collected Ismaili manuscripts from the Pamir region of modern-day Tajikistan. However, this endeavour could not go too far due to the outbreak of the First World War and the fall of the Russian Empire.

In the second half of the nineteenth century, scholars in Western Europe started to edit and translate Nāṣir Khusraw's *Safar-nāmah* and his poetical works into

major European languages. Useful as these editions and translations were despite their limited scope, they were taking place as part of a general Persian literature programme. After being formally commissioned in 1931 by Aga Khan III to work on all aspects of Ismaili literature, through his critical scholarly approach and modern style of writing Ivanow reconstructed Ismaili history and revealed the absurdity and erroneous nature of the medieval anti-Ismaili accounts. Ivanow deserves to be acknowledged for having transformed *Ismailitica* into the modern discipline of Ismaili studies and for establishing a stable platform for scholars from various disciplines and parts of the world to engage, coordinate and collaborate their works on various aspects of Ismaili literature.

The founding of The Institute of Ismaili Studies (IIS) in London, on 25 November 1977, which replaced the former Ismaili Society of Bombay, further transformed the field of Ismaili studies and expanded it into new areas, particularly education. Over the past forty years, the IIS has been actively working on the development of modern Ismaili education, from pre-primary to upper secondary levels, known as International Ta‘lim and Secondary Teacher Education Programme respectively. Farhad Daftary’s *Fifty Years in the East*, in which Ivanow’s autobiography is the main text, with annotations and illustrations, celebrates Ivanow’s fifty years of dedicated and tireless work in Islamic studies, of which he spent nearly thirty years (1931–1959) on editing and publishing genuine Ismaili texts.

Bibliography

1. Al-Ajñī I. b. ‘A. Fihrist al-kutub wa al-rasā’ il ([Fihrist] al-Majdu‘). [The Index of Books and Treatises, or [The Index of] the Mutilated One]. Tehran, 1966.
2. Aloysius G. Trajectory of Hindutva // *Economic and Political Weekly*. 1944. Vol. 29, No. 24. P. 1450–1452.
3. Ascher A. *Russia: A Short History*. Oxford, 2002.
4. Baiza Y. A Dream-Work: An Analysis of Nāṣer Kosrow’s Dream and Intellectual Transformation // *Iranian Heritage Studies*. 2018. Vol. 1, No. 1. P. 1–20.
5. Browne E. G. Nāṣir Khusraw, Poet, Traveller, and Propagandist // *Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland*. 1905. P. 313–352.
6. Daftary F. Bibliography of the Publications of the late W. Ivanow // *Islamic Culture*. 1971. Vol. 45. P. 56–67.
7. Daftary F. *The Assassin Legends: Myths of the Isma‘ilis*. London, 2001.
8. Daftary F. Ivanow, Vladimir Alekseevich // *Encyclopaedia Iranica*. 2012. URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/ivanow-vladimir-alekseevich> (accessed 11.11.2019).
9. Daftary F., Gholami R. ‘Abd Allāh b. Maymūn al-Qaddāh // Madelung W., Daftary F. (eds.). *Encyclopaedia Islamica*. 2008. URL: http://dx.doi.org/10.1163/1875-9831_ista_SIM_0036 (accessed 14.11.2019).

10. Daly J.W. Police and revolutionaries // D. Lieven (ed.). *The Cambridge History of Russia*. Vol. II. Imperial Russia, 1689–1917. Cambridge, 2006. P. 637–654.
11. Ethé H. Nâsir Chusrau's Rûšanânâma, oder Buch der Erleuchtung. Text und Uebersetzung, nebst Noten und kritischbiographischem. Appendix // *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*. 1879–1880. Vol. 33. P. 645–665; Vol. 34. P. 428–464; 617–642.
12. Fagnan E. Sa'âdat-nâmah. Le livre de la félicité par Nâçir ed-Dîn Khosroû // *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*. 1880. Vol. 34. P. 643–674.
13. Fidâ'i Khurâsânî M.Z. Tâ'rikh-e Ismâ'iliyya yâ hidâyat al-mûminîn al-tâlibîn. Tehran, 1983.
14. Ismaili Society of Bombay. Notice // Ivanow W. *Brief Survey of the Evolution of Ismailism*. Leiden, 1952.
15. Ivanow W. *A Guide to Ismaili Literature*. London, 1933.
16. Ivanow W. *Ismaili Tradition Concerning the Rise of the Fatimids*. Oxford, 1942.
17. Ivanow W. *The Alleged Founder of Ismailism*. (2nd ed.). Bombay, 1946.
18. Ivanow W. *Brief Survey of the Evolution of Ismailism*. Bombay, 1952.
19. Ivanow W. *The Ismaili Society of Bombay: The Tenth Anniversary (16–2–1946 — 16–2–1956)*. Bombay, 1956.
20. Ivanow W. *Ibn Al-Qaddah: The Alleged Founder of Ismailism*. (2nd edn.). Bombay 1957.
21. Ivanow W. *Ismaili Literature: A Bibliographical Survey*. Tehran, 1963.
22. Ivanow W. *My First Meeting with the Ismailis in Persia* // *Ilm*. 1977. Vol. 3. P. 16–17.
23. Ivanow W. *Autobiography* // Daftary F. (ed.). *Fifty Years in the East: The Memoirs of Wladimir Ivanow*. London, 2015. P. 39–96.
24. Jaffrelot C. Introduction: The Invention of an Ethnic Nationalism // Jaffrelot C. (Ed.) *Hindu Nationalism: A Reader*. New Jersey 2007. P. 3–25.
25. Khayr-khwâh Harâtî. *On the Recognition of the Imâm (Faṣl dar Bayân-e Shinākht-e Imâm)*. English Trns. Ivanow W. Bombay, 1947.
26. Khayr-khwâh Harâtî. *Shanākht-e Imam (Fasl dar bayan-i shinakht-i imam) or the recognition of imam*. Gujrati Translation by Hooda V. N. Bombay, 1947b.
27. Khayr-khwâh Harâtî. *Faṣl dar Bayân-e Shinākht-e Imâm: Risâlah 'i dar Hudûd-e Dîn (On the Recognition of the Imâm of the Time: A Treatise on the Ranks of Faith)*. English Tr. (3rd Ed.). Ivanow W. Tehran, 1960.
28. Kort M. *A Brief History of Russia*. New York, 2008.
29. Nâçir Khusraw. *Zâd al-Musâfirîn*. Ed. Badhl al-Rahmân M. Berlin, 1923.
30. Nâçir Khusraw. *Wâjḥ-e Dîn*. Ed. Ghanizâda M., Qazwîni M. Berlin, 1924.
31. Nâçir Khusraw. *Dîwân* / Ed. Suhaili M. (2nd Ed.). Tehran, 1928.
32. Seton-Watson H. *The Decline of Imperial Russia, 1855–1914*. (9th edn.). New York, 1959.
33. Slocum J.W. Who, and When, Were the *Inorodtsy*? The Evolution of the Category of “Aliens” in Imperial Russia // *The Russian Review*. 1998. Vol. 57, No. 2. P. 173–190.

34. Soucek S. A History of Inner Asia. Cambridge, 2000.
35. Le Strange G. Diary of a Journey through Syria and Palestine. London, 1888.
36. Teufel F. Zu Nâsir Chusrau's Rûsanâinâma / Text u. übers v. Prof. Dr. Ethé // *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*. 1882. Vol. 36. P. 96–106.
37. Teufel F. Zu le livre de la félicité, p. Nâçir ed-Dîn b. Khosrôu // *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*. 1882. Vol. 36. P. 106–114.

Author's Information

Yahia Baiza

PhD, The Institute of Ismaili Studies

10 Handyside St, Kings Cross, London, N1C 4DN, UK

E-mail: ybaiza@iis.ac.uk

Vassilios Christides (Institute for Graeco-Oriental and African Studies, Kryoneri Attikis, Greece; University of South Africa, Pretoria, South Africa)

**Legend and History in Hagiography.
Two Significant Hagiographical Sources:
The Martyrdom of Saint Arethas and his Companions (BHG 166)
and *The Narration of the Discovery of the Relics of Saints Valerius,
the Bishop, Vincentius, the Deacon, and Eulalia, the Virgin***

Summary: Hagiography, in spite of its basically legendary nature, can provide valuable historical elements which illuminate details omitted in the information provided by historical sources and epigraphy.

The present communication intends to show the historical validity of two hagiographical works which are extensively discussed, i. e. *The Martyrdom of Saint Arethas and his Companions (BHG 166)* and *The Narration of the Discovery of the Relics of Saints Valerius, the Bishop, Vincentius, the Deacon, and Eulalia, the Virgin*.

In addition to the description of the conflict between Jewish and Christians in the Himyarite Kingdom in the sixth century AD., *The Martyrdom of Saint Arethas* provides invaluable information on the unique freedom of the international navigation which prevailed in the Red Sea and beyond in the 6th century AD. Byzantine and Persian ships sailed side by side without any direct military conflict. Moreover, *The Martyrdom* contains some interesting sidelights concerning sea warfare in the 6th century which do not appear in strictly historical sources.

The second hagiographical work, *The Narration of the Discovery of the Relics of Saints Valerius, the Bishop, Vincentius, the Deacon, and Eulalia, the Virgin*, reports the transportation of the relics of these saints from Spain to Greece in the ninth century although Eulalia had lived a century earlier. Actually, such transportation never occurred since neither these saints nor their relics left Spain. In spite of the legendary frame of this narration, it provides valuable information about the expansion of the Arab Emirate of Crete towards certain unknown islands in the southern Aegean.

To conclude, the Byzantine hagiographical works, as it is clearly shown in the above-mentioned narrations, provide important historical information inserted in their religious narration. The reader should also disregard certain easily understandable, mythological elements, as for example miracles which frequently appear disrupting the proper sequence of the narration.

Keywords: The Martyrdom of Saint Arethas; seafaring in the Red Sea and the Indian Ocean in the 6th century; Saints Valerius, Vincentius, Eulalia; Late Roman — Indian trade; South Arabia; Himyarite Kingdom; Byzantium.

Vasiliuos Krustuduc (Institute for Graeco-Oriental and African Studies, Kryoneri Attikis, Greece; University of South Africa, Pretoria, South Africa)

**Легенда и история в агиографии.
Два агиографических сочинения:
«Мученичество святого Ареты» (ВНГ 166)
и «Повесть об обретении мощей святых Валерия,
епископа, Викентия, диакона, и девы Евлалии»**

Аннотация: В данном исследовании детально рассматривается историческая значимость двух важных агиографических сочинений: «Мученичество святого Ареты» и «Повесть об обретении мощей святого Валерия, епископа, Викентия, диакона, и девы Евлалии». Агиографические произведения, несмотря на свою во многом легендарную природу, могут содержать ценные исторические сведения, освещающие детали, которые отсутствуют в других источниках. Такой важной исторической информацией, представленной в «Мученичестве святого Ареты», является описание уникального свободного международного судоходства, которое существовало в Красном море и Индийском океане в VI в. н. э. Византийские и персидские корабли плавали бок о бок друг с другом без каких-либо конфликтов. Стоит также отметить и еще одну важную деталь, на которую указывают вышеупомянутые жития: торговля поздней Римской империи с Индией не контролировалась торговым флотом какого-либо одного государства, но была организована частными торговцами, пользовавшимися своими собственными судами.

В другом агиографическом сочинении «Повествовании об обнаружении реликвий святых Валерия, епископа, Викентия, диакона, и девы Евлалии» говорится о транспортировке мощей святой Евлалии из Испании в Грецию в IX веке, хотя жила она столетием ранее, а мощи этой святой на самом деле никогда не покидали Испанию. Однако несмотря на легендарный характер самого повествования, оно содержит ценную историческую информацию, касающуюся экспансии арабского Критского эмирата на соседние острова в южной части Эгейского моря.

В заключение следует отметить, что византийские агиографические сочинения, как это хорошо видно из вышеупомянутых житий, содержат важную историческую информацию, включенную в чисто религиозное повествование. Читатель, разумеется, должен учитывать некоторые вполне очевидные мифические элементы, включенные в эти сочинения, например, чудеса, иногда нарушающие последовательность повествования, однако это ни в коей мере не умаляет исторической ценности агиографических сочинений.

Ключевые слова: Мученичество святого Ареты; мореплавание в Красном море и Индийском океане; военно-морской флот Эфиопии; св. Евлалия, св. Валерий, св. Викентий; позднеримская торговля с Индией; Византия; Южная Аравия; химьяриты.

I. *The Martyrdom of Saint Arethas and his Companions* (Greek version)¹

The Martyrdom of Saint Arethas and his Companions has been exhaustively discussed by several historians, especially by Marina Detoraki² and Christian Julien Robin³ who has reviewed it in connection with the whole background of the historical events.

In the present study, the author attempts to trace any evidence concerning navigation in the Red Sea and the Indian Ocean as reflected in the above hagiographical work. There is little doubt that hagiography, which belongs to the realm of Christian edification, abounds with numerous spurious passages, miraculous events and other material. However, according to the present author's view, the incidental historical information should not be lightly dismissed since it can illuminate historical details omitted in the solid information provided by archaeology and epigraphy.⁴ Such valuable supplementary historical information can be discerned in *The Martyrdom of Saint*

---

¹ Any discussion concerning the original version of *The Martyrdom of Saint Arethas and his Companions* is beyond the scope of the present article.

² Detoraki Marina (ed.). *Le Martyre de Saint Aréthas et de ses compagnons* (BHG 166). Trans. Beaucamp Joëlle. Centre de Recherche d'Histoire et Civilisation de Byzance, Monographies 27. Paris, 2007. See also Detoraki M. *Un hagiographe à l'oeuvre: Le Martyre d'Aréthas et ses sources*// Beaucamp Joëlle, Briquel-Chatonnet Françoise, Robin Julien Robin (eds.). *Juifs et chrétiens en Arabie aux Ve et VIe siècles: regards croisés sur les sources*. (Centre de recherche d'Histoire et Civilisation de Byzance. Monographies 32. *Le massacre de Najrân II*). Paris, 2010. P. 177–190.

³ Robin Ch. J. *Nagrān vers l'époque du massacre: Notes sur l'histoire politique, économique et institutionnelle et sur l'introduction du Christianisme (avec un réexamen du Martyr d'Azqīr)*// Beaucamp J., Briquel-Chatonnet F., Robin Ch. J. (eds.). *Juifs et Chrétiens en Arabie aux Ve et VIe siècles: regards croisés sur les sources*. Paris, 2010. P. 39–100.

⁴ Needless to say, archaeology and epigraphy remain the main indispensable sources in the service of History. For an extensive discussion of the hagiographical works as a historical source, see Christides V. *The Image of Pre-Islamic Arab in the Byzantine Sources*. PhD Dissertation. Princeton, 1970. P. 47–101. See also Pratsch T. *Der hagiographische Topos. Griechische Heiligenviten in mittelbyzantinischer Zeit* (Millennium — Studien 6). Berlin — New York, 2005; Odorico P., Agapitos P. A. (eds.). *Les Vies des saints à Byzance: genre littéraire ou biographie historique? Actes du IIe colloque international "Hermēneia"*, Paris, 6–8 juin 2002. (Dossiers Byzantines-4). Paris, 2004. In the proceedings of the above conference there is no mention of the important Byzantine source of *The Martyrdom of Saint Arethas and his Companions*.

Arethas and his Companions (BHG 166).¹ The name of the author of the Greek version of *The Martyrdom of Saint Arethas* (Hārith b. Ka‘b in Arabic) remains unknown. It can be assumed that originally *The Martyrdom* was composed by an unknown, eye-witness author in an unknown language, followed by an Arabic translation.²

The Greek version of *The Martyrdom* extensively reports the persecution of a large number of Himyarite Christians in South Arabia by their Jewish king Dhū-Nuwās at the turn of the 6th century in a detailed narration which supplements the elliptic information of other relevant, mainly fragmentary historical sources.³ It describes the resistance of the Christians of the semi-independent province of Negran in the Himyarite Kingdom in Yemen against their Jewish king Dhū-Nuwās in the 6th century AD. In addition, the very important information we gain from this source is that it presents the socio-political structure of the Himyarite Kingdom⁴ and provides substantial information about the naval power of the Himyarite Kingdom in the early 6th century. Furthermore, as the present author remarks, it demonstrates the unique freedom of international navigation in the Red Sea and beyond at this period.⁵

Moreover, *The Martyrdom* provides limited but valuable information about the nature of Judaism which existed in the kingdom of the Himyarites in pre-Islamic, early 6th century Yemen. There is no archaeological evidence to reveal the type of Judaism which was spread in the 4th century AD before the advent of Christianity in

¹ The Greek text, as mentioned above, was well edited by Detoraki Marina with a French translation by Beaucamp Joëlle, and with a detailed description of the relevant manuscripts: *Le Martyre de Saint Aréthas et de ses compagnons* (BHG 166). Centre de Recherche d’Histoire et Civilisation de Byzance, Monographies 27. Paris, 2007. See also Christides V. *The Martyrdom of Arethas and the Days after: History vs. Hagiography // Graeco-Arabica*. 1999–2000. 7–8. P. 57.

² For the Arabic translation, see Nebes Norbert. *The Martyrs of Najrān and the End of the Ḥimyar: On the Political History of South Arabia in the Early Sixth Century// Neuwirth A., Siani N., Marx M. (eds.). The Qu’ran in Context. Historical and Literary Investigations into Qu’ranic Milieu*. Leiden, 2010. P. 27–59. See also Monferrer-Sala J. P. *An Episode of the ‘Massacre of the Christians of Najrān’ in a fragment of the ‘Mingana Collection’* (Ming. Chr. Arab. 246) // Torallas T. S., Monferrer-Sala J. P. (eds.). *Culture in Contact. Transfer of Knowledge in the Mediterranean Context*. Cordoba, 2013. P. 179.

³ Christides, V. *The Martyrdom of Arethas and the Days after: History vs. Hagiography*. P. 79. See also Nebes Norbert. *The Martyrs of Najrān and the End of the Ḥimyar*. P. 27. Note 3.

⁴ Christides V. *The Dawn of the Urbanization in the Kingdom of the Himyarites in the 6th century and in the Light of Byzantine Hagiography // Christides V. (ed). Interrelations between the Peoples of the Near East and Byzantium in Pre-Islamic Times*. Cordoba, 2015. P. 33–36.

⁵ Christides V. *The Himyarite Kingdom on the Eve of and after the Ethiopian Dominance in the Sixth Century A.D. in the Martyrdom of St. Arethas and his Companions and in the Acts of St. Gregentius // Journal of Semitics*. 2015. 24. 2. P. 678–700, especially 685–686; Letsios D. G. *Die Äthiopisch- Himyaritischen Kriege des 6. Jahrhunderts und die Christianisierung Äthopiens // Jahrbuch des Österreichischen Byzantinistik*. 1991. 41. P. 25–41.

South Arabia.¹ Certainly, there are frequent references to the pre-Islamic times in the Arabic sources, but, as Robin suggests, we are not sure whether these people were actually real Jews.² There are no archaeological remains to corroborate the relevant literary sources. Bowersock's assumption that a building found in Qāni' (Ar. Bī'r 'Alī) of South Arabia was a synagogue³ is not persuasive.⁴ The general impression we can mainly glean from the epigraphic evidence is that Judaism was practiced in an unusual way in the Himyarite Kingdom and, as characterized by Robin and Gajda, it was a unique type of Judaism,⁵ the nature of which still remains unclear.

The *Martyrdom of Saint Arethas* in its Greek version corroborates the peculiarities of the Himyarite Judaism which was practiced in the Himyarite Kingdom in the 6th century with the vague reference that the Jews of Ḥimyar “did not live according to the Law”, without reporting which parts of the Law were violated.⁶ It should be noted that an Arabic translation of the *Martyrdom* states that “the Himyarites did not strictly follow Moses' Law save for some dietary matters”.⁷

It is also necessary to point out that the controversial Byzantine hagiographical source, *The Acts of Saint Gregentius*, describes certain characteristics of the Himyarite Jews, i.e. common habitations, inter-marriages, etc., but it is not clear whether

¹ Robin Ch. J. Introduction. Judaïsme ancien et origines du christianisme // Costa J., Hamidovic D., Piovanelli P. (eds). Le judaïsme de l'Arabie antique, Actes du Colloque de Jérusalem (février 2006). Turnhout, 2015. P. 8.

² Robin Ch. J. Introduction. P. 7.

³ Bowersock G. W. The New Inscription from South Yemen // Langdon J. S., Reinert S. W., Stanojevich J., Ioannides Ch. P. (eds.). ΤΟ ΕΛΛΗΝΙΚΟΝ. Studies in Honor of Speros Vryonis, Jr., Volume I. Hellenic Antiquity and Byzantium. New York, 1993. P. 3–8; likewise, Tobi Y. The Jews of Yemen in Light of the Excavation of the Jewish Synagogue in Qani' (poster) // *Proceedings of the Seminar for Arabian Studies*. 2013. 43. P. 354.

⁴ Abuljadayl Aisha. The Death of King Dhū Nuwās (ca 517–525 CE) in the Himyarite Inscriptions, Syriac, Greek and Arabic sources: His Military and Religious Policy // Christides V. (ed). Interrelations between the Peoples of the Near East and Byzantium in Pre-Islamic Times. Cordoba, 2015. P. 14; Sedov A. V. Qana' (Yemen) and the Indian Ocean. The Archaeological Evidence // Ray H.P., Salles J.-Fr. (eds.). Tradition and Archaeology. Early Maritime Contacts in the Indian Ocean. Proceedings of the International Seminar Techno-Archaeological Perspectives of Seafaring in the Indian Ocean 4th cent. B.C. — 15th cent. A. D. New Delhi, February 28 — March 4, 1994. New Delhi, 1996. P. 27; Sedov A.V. Temples of Ancient Hadramawt. Pisa, 2005 (Arabia Antica, 3). P. 35; Sedov A. V. New archaeological and epigraphical material from Qana (South Arabia) // *Arabian Archaeology and Epigraphy*. 1992. 3. P. 135: fig. 14; p. 136.

⁵ Robin Ch. J. Le judaïsme de Ḥimyar // *Arabia*. 2003. 1. P. 151; Gajda I. Le royaume de Ḥimyar à l'époque monothéiste. Paris, 2009. P. 239.

⁶ οὐκ κατὰ τὰς ἐντολάς τοῦ νόμου ζῶντες... (without following the rules of the Law in their lives...). Le martyre de Saint Aréthas. P. 185, lines 11–12.

⁷ Monferrer-Sala J. P. Redefining History on Pre-Islamic Accounts. The Arabic Recension of the Martyrs of Najrân. Piscataway, NJ, 2010. P. 41.

it reflects the actual situation of the Himyarite Jews in the 6th century or whether it was a later interpolation.¹

The Martyrdom's valuable contribution is its explicit reference to Indo-Arab navigation and sea trade. Indian ships from the Hellenistic times were engaged in the lucrative silk trade route which, starting from Klysma near present Suez, reached India and expanded even further to China.² Additionally, Indian sailors-merchants frequently traded in the port of Alexandria³ and held a key position in the Roman maritime trade.⁴

As Casson correctly pointed out, even at the peak of the Roman — Indian trade in the 2nd and 3rd centuries, the trade was carried out by individual Roman or Indian merchants without any governmental coordination or support.⁵ There were no state-owned merchant fleets in the Indian-Arabian maritime trade routes, but only merchant ships owned by individual owners.⁶ By the end of the 7th century AD while the supremacy of the Byzantines' naval power (the successors of the Romans) in the Red Sea and the Indian Ocean was declining,⁷ overshadowed by the newly developed Ethiopian navy, still the Indo-Arabian sea trade continued to be left in the hands of the individual Late Roman — Byzantine and Indian merchants.⁸

¹ Christides V. The Dawn of the Urbanization in the Kingdom of the Himyarites in the 6th century. P. 44–45.

² For the early activities of the Indians in Socotra (Greek: Dioscourides), located close to the Yemenite coast, see Wink A. Al-Hind, the Making of the Indo-Islamic World. Leiden–New York – Köln, 1996. Vol. I. P. 45; Ubaydli A. The Population of Sūqutrā in the Early Arabic Sources // *Proceedings of the Seminar for Arabian Studies*. 1989. 19. P. 137–154.

³ Casson L. (trans. and commentary). *The Periplus Maris Erythraei*. Princeton, 1989. P. 34.

⁴ For the Indo-Arabic trade see Heldaas Seland E. The Indian Ships at Moscha and the Indo-Arabian Trading Circuit // *Proceedings of the Seminar for Arabian Studies*. 2008. 38. P. 283–287; Heldaas S. E. Ports and Power in the Periplus: Complex Societies and Maritime Trade on the Indian Ocean in the First Century AD. Oxford, 2010, with an exhaustive relevant bibliography; Warmington E. H. *The Commerce between the Roman Empire and India*. New Delhi, 1995.

⁵ Casson L. *The Periplus Maris Erythraei*. P. 36–37, where he refutes M. Charlesworth's opposite view: Charlesworth M. C., Norton P. (eds.). *Studies in Roman Economic and Social History in Honor of Allen Chester Johnson*. Princeton, 1951. P. 135–136.

⁶ Christides V. What Went Wrong in the Long Distance Roman Naval Power in the Red Sea and in the Indian Ocean in the Late Third Century AD? // Khalil Samir S., Monferrer-Sala J. P. (eds.). *Graeco-Latina et Orientalia Studia in Honorem Angeli Urbani Heptagenarii*. Cordoba, 2013. P. 75.

⁷ Elmakias A. *The Naval Commanders of Early Islam* / Transl. L. Yungman. Piscataway, NJ, 2018. P. 2. See also a review of this book by Christides V. in *Graeco-Arabica*. 2020. 13. (In print). See also Lirola Delgado J. El nacimiento del poder naval musulmán en el Mediterráneo (28–60 h./ 649–680 c.). Granada, 1990. P. 114.

⁸ Christides V. What Went Wrong in the Long Distance Roman Naval Power? P. 73–75. In fact, the terms “Late Roman” and “Byzantine” are conventional.

It is worth mentioning that the *Martyrdom of Saint Arethas* indicates that in ca. 525 AD a large number of merchant ships of various origins (Byzantine, Persian, Ethiopian, and Indian) anchored at the port of Adulis, the capital of Ethiopia.¹ Furthermore, *The Martyrdom* reports that the king of the Ethiopians [Ἔλλα Αἰθβῆῃα] did not hesitate to confiscate many of the merchant ships anchored in Adulis and used them for the transportation of his huge Ethiopian army which invaded the Himyarite Kingdom in ca. 525.² More important details are found in the *Martyrdom* about the type of ships used for the transportation of the Ethiopian army in this invasion. It reveals that ten of the ships made in Adulis were built according to the local Indian sewn boat method.³ Likewise, the nine Indian ships were undoubtedly also constructed according to the Indian method while we can assume that the rest of the ships, owed by traders from the Byzantine ports of Bereniki and Klyisma, were of the Mediterranean type.⁴

Recent significant underwater archaeological discoveries have amply demonstrated that in ancient and medieval times many ships, sailing in the Red Sea and the Indian Ocean, were constructed according to the Mediterranean design with few differentiations. Thus, the insufficient iconographic evidence is augmented with the reliable archaeological finds.⁵ Unfortunately, concerning the sewn boats used on

¹ “πλοῖα τῶν ἐμπόρων ... Ἰνδοῶν” (ships of the Indian merchants). *Le martyre de Saint Aréthas*. P. 263, §29, line 4.

See also the relevant passage with an extensive commentary in Christides V. *The Himyarite Kingdom on the Eve of and after the Ethiopian Dominance in the Sixth Century A.D.* in the *Martyrdom of St. Arethas and his Companions and in the Acts of St. Gregentius // Journal of Semitics*. 2015. 24. 2. P. 683; Nappo Dario. *Roman Policy in the Red Sea between Anastasius and Justinian // Blue L., Cooper J., Thomas R. (eds.). Connected Hinterlands, Proceedings of Red Sea Project IV Conference (Southampton 2008)*. Southampton, 2008. P. 75.

² For this Ethiopian expedition see a detailed description in Christides. *The Dawn of the Urbanization in the Kingdom of the Himyarites in the 6th century*. P. 40–44. For the trustworthiness of the above passage of the *Martyrdom*, see Detoraki’s comment in *Le martyre de Saint Aréthas*. P. 262, note 177: “L’auteur du *Martyre* montre sa familiarité avec la terminologie et les coutumes navales à plusieurs reprises dans le texte.”

³ “Ἰνδικὰ δέκα πλοῖα” (ten Indian [merchant] ships). *Le martyre de Saint Aréthas*. P. 263, § 29, line 9.

⁴ For the Mediterranean type of construction we do have ample information from the shipwrecks of Yassiada and Serçe Limani; see Carlson D. N., Leidwanger J., Kampbell S. M. (eds.). *Maritime Studies in the Wake of the Byzantine Shipwreck at Yassiada Turkey*. College Station, TX., 2015; Van Doorninck F. H. Jr. *The Byzantine Ship at Serçe Limani: An Example of Small-Scale Maritime Commerce with Fatimid Syria in the Early Eleventh Century // Macrides R. (ed.). Travel in the Byzantine World. Society for the Promotion of Byzantine Studies Publications 10*. Aldershor, 2002. P. 137–148.

⁵ Whitewright J. *Roman Rigging Material from the Red Sea Port of Myos Hormos // The International Journal of Nautical Archaeology*. 2007. 36.2. P. 282–292; Blue L., Whitewright J., Thomas R. *Ships and Ships’ Fittings // Peacock D., Blue L. (eds.). Myos Hormos — Quseir al-Qadim. Roman and Islamic Ports on the Red Sea. Volume 2: Finds*

the silk route trade, only the iconographic evidence enhances our literary sources.¹ The best depictions of the sewn boats (whose main characteristic is the stitching of the outside planks instead of fastening them with iron nails) are those illustrated in the well-known manuscript of “Ḥarīrī’s *Maqamāt*”.² No doubt more iconographic evidence can be traced, as for example, the illumination of a sewn boat in an Arabic manuscript of Zakariyā al-Qazwīnī (Fig. 1).³

Finally, it is worth mentioning that the unknown author of the *Martyrdom of Saint Arethas* provides valuable information about the 6th century Ethiopian ships in the Red Sea and their nautical equipment (see Appendix below).

Appendix

Description of the nautical equipment of the Ethiopian ships of the 6th century sailing in the Red Sea

1. Text and translation of a passage from *The Martyrdom of Saint Arethas*. Greek text, ed. and French translation by J. Fr. Boissonade;⁴ English translation by V. Christides.⁵

Καὶ συναγαγόντες πάντα τὰ πλοῖα, λύσαντες τὰ καταρτίδια καὶ τὰς κεραταίας καὶ τοὺς ἀύχενας, καὶ τὰ εὐμήκη λουπὰ ξύλα, διεστοίβασαν δήσαντες σχοινοῖς ὑπεράνω πάντων τῶν πλοίων, ὡς νομίζειν ἐν θαλάσῃ βλέπειν πόλιν μίαν καὶ οὐ διεσαλεύετο πλοῖον τοῦ ἐτέρου. Τὰ δὲ καράβια ἐπισυνάξαντες, ἔδρσαν κάραβον κάραβω εἰς εὖρος τῶν πλοίων...

---

from the Excavations 1999–2003. BAR International Series 2286. Oxford, 2011. P. 179–205; Paine L. The Indian Ocean in the Seventh and Eighth Centuries // Tripati S. (ed.). *Maritime Contacts of the Past*. New Delhi, 2015. P. 37–53.

¹ For the various types and names of sewn boats see Chittick N. Sewn Boats in the Western Indian Ocean and Survival in Somalia // *The International Journal of Nautical Archaeology and Underwater Exploration*. 1980. 9.4. P. 297–309; Agius D. *Classic Ships of Islam: From Mesopotamia to the Indian Ocean*. Leiden, 2008; Shaikh Z. A. A Study of the Sewn-Plank Boats of Goa, India // *The International Journal of Nautical Archaeology*. 2012. 41. 1. P. 148–157; Paine L. The Indian Ocean in the Seventh and Eighth Centuries. P. 48–51.

² This manuscript is found in the National Library of Paris (Arab Ms. 5847).

³ Zakariyā al-Qazwīnī’s illumination of an Arab ship of the Indian Ocean with a clear depiction of the stern rudder, from his work ‘*Adjā’ib al-Makhlūqāt*, Ms. B-370 (fol. 23r). Courtesy of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences, St Petersburg, Russia.

⁴ Boissonade J. Fr. (ed.). *Martyrium Sancti Arethae // Anecdota Graeca*. V. Paris, 1833. Repr. Hildesheim, 1962. P. 55–56.

⁵ V. Christides. *The Martyrdom of Arethas and the Aftermath: History vs. Hagiography // Graeco-Arabica*. 1999–2000. 7–8. P. 79–80.

Fig. 1. Zakariyā al-Qazwīnī's illumination of an Arab ship of the Indian Ocean with a clear depiction of the stern rudder, from his work *'Adjā'ib al-Makhlūqāt*, Ms. B-370 (fol. 23r).
 Courtesy of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences,
 St Petersburg, Russia

Δεδεμένα οὖν τὰ καράβια ἀλλήλοις καὶ τετειχισμένα ὠθοῦντο ὑπὸ τῶν ναυτῶν καὶ ὑπὸ τῶν συνελθόντων μοναχῶν ἄχρις οὐ ἐκάθισαν αἱ πλευραὶ αὐτῶν ἐπὶ τὴν γῆν. Καὶ τεῖχος τῶν καράβων ἦν ἀνάμεσον τῶν Αἰθιοπῶν καὶ τῶν Ὀμηριτῶν.

Translation:

And after they gathered all the ships and detached the masts and the wooden yards attached to the masts, and the steering oars and the rest of the long

planks, they packed them together, binding them with ropes over all the ships as if one could see a town in the middle of the sea and no ship could move away from the other. And after they gathered the boats, they bound one boat to the other along the width of the ships... And the boats, bound to each other and fortified, were moved by the sailors and the monks who were assembled until the sides of the boats sat on the land. And a wall of boats was placed between the Ethiopian and the Himyarites.

2. Arabic text and translation of a passage from the Ar. Ms. 535, Monastery of St Catherine, Mt. Sina, Fol. 105. English translation by V. Christides.

وتم أنهم جمعوا سفنهم والزقوا¹ بعضها الى بعض وربطوها ووصلوها بالحيال والصواري والاجداف وبكل عود طويل حتى صار مثل مدينة ولم يكون مركب واحد يتحرك وظللوهم بالقلوع ثم أتوا بالبواصي الصغار والزقوا بعضها الى بعض وصفوها صفا حتى جعلوها مثل الحيط وتقدموا حتى لم يكن بينهم وبين العدو الا كقلوة سهم... ثم نزلوا في البواصي مستعجلين وكانوا النواتي بين أيديهم يرفعوا السناديل والقلوع لسترهم من العدو حتى اذا غربت السناديل والدواييح وكانت بين الحبشة وبين المنافقين.

Translation:

And then they gathered their ships and stuck them next to each other and they tied them and they connected them with the ropes and the masts and the oars and with every long piece of wood until it [the whole] became like a city and no ship could move and they covered them over with sails. Then they brought the small boats and they stuck them next to each other and they lined them in such a way so as to become like a wall; and they proceeded so that there was not more than a distance of an arrow between them and the enemy... Then they went down to the small boats in a hurry while the sailors, who were in front of them, were raising the sandal planks and the sails in order to hide them from the enemy until the moment when the sandal planks and the sails that were between the Ethiopians and the hypocrites (= the infidels) disappeared.

II. The Narration of the Discovery of the Relics of Saints Valerius, the Bishop, Vincentius, the Deacon, and Eulalia, the Virgin (Peeters P. *Analecta Bollandiana*. 1911. 30.1. P. 301–304)

Another hagiographical source enriched with significant historical information is *The Narration of the Discovery of the Relics of Saints Valerius, the Bishop, Vincentius, the Deacon, and Eulalia, the Virgin*. It is an Arabic translation of an original Greek work, now lost, written by an unknown Greek author, perhaps

---

¹ الزجوا

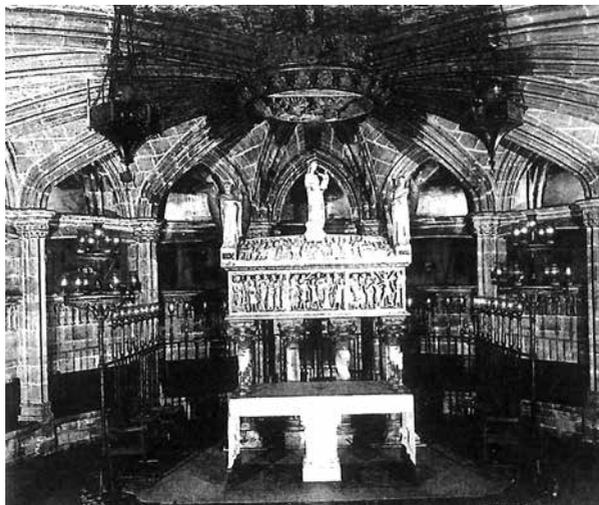

Fig. 2. View of the Cathedral crypt with the sarcophagus containing the relics of St Eulalia¹

the 10th century author Paul of Monemvasia, who had written similar narrations, as suggested by H. Kalligas.² Most probably, it was translated into Arabic by an Arab monk who used a simplistic style of Arabic for the benefit of his fellow Christian monks. The translator was obviously a Christian monk whose native language was Arabic, but according to an exaggerated statement by Peeters, it was semi-barbaric.³

The theme of the narration is the shipping of the relics of the Spanish saints Valerius, Vincentius and Eulalia from Barcelona of Spain to a Greek island. Transportation of relics was not uncommon in medieval times, but this shipping is of particular importance because it is placed approximately within the chronological frame of the Arab conquest of Crete (ca. 825/6–961 AD). Barcelona had already been taken by Louis, the son of Charlemagne, king of Aquitaine, in 801/ 185 AH;⁴

¹ Christides V. *The Maritime Arab-Byzantine Frontier in the Southern Aegean (ca. 824/6–961): Cythera, Naxos, Paros, Elaphonesos, Dia // Η Διεθνής Πανιώνια Συνέδριο (Κύθηρα, 21–25 Μαΐου 2006). Πρακτικά. [8th International Panionian Conference (Cythera, 21–25 May 2006). Proceedings].* Cythera, 2009. Vol. III. P. 649.

² Kalligas H. *Byzantine Monemvasia. The Sources.* Monemvasia, 1990. P. 55 ff.

³ Peeters P. *Le tréfonds oriental de l'hagiographie byzantine.* Brussels, 1950. P. 187. See the Arabic text with an English translation and preliminary commentary, in Christides V. *The Conquest of Crete by the Arabs (ca. 824). A Turning Point in the Struggle between Byzantium and Islam.* Athens, 1984. Appendix C. P. 215–220.

⁴ Lévi-Provençal É. *Histoire de l'Espagne musulmane, La conquête et l'émirat hispano-umayyade (710–912).* Paris — Leiden, 1950. Vol. I. P. 175.

therefore, there was no reason for the Christians to send away the relics of these saints to safeguard them from the Muslims.¹ In addition, the coffin with the relics of St. Eulalia still resides in Spain (Fig. 2).²

In spite of the fabricated legend concerning the removal of the relics of these saints, I believe that certain information of historical value can be discerned in the above narration. The author reports that a new situation prevailed in the southern Aegean after the Arab conquest of Crete. The Byzantine naval supremacy was overturned, and the Arabs of Crete expanded their dominion towards the Greek islands. Although a number of the attacks by the Arabs of the Emirate of Crete on the Greek islands were raids for plunder, they were also aimed at the expansion of *Dār al-Islām* (area of Islam), reviving the maritime *jihād* of the Umayyads. Unfortunately, a number of modern historians, basing their views on the exaggerations of Byzantine hagiographical works, describe the Emirate of Crete as a corsairs' nest solely engaged in piratical raids and slave trade, confusing the period of the 9th–11th century with the much later chaotic situation in the Aegean, especially during the Ottoman period (13th–15th century)³ and the much later period (17th–18th century).⁴ A vivid example of this confusion appears in Mentis' statement "from the 9th until the 19th century, Germans, Sicilians, Turks, Algerians, Corsicans, French, Spaniards, and others, were active in the Aegean, among them famous pirates such as Barbarosa, Kourtoglou, etc."⁵

¹ Professor J. P. Monferrer-Sala was kind enough to inform me that Barcelona as late as the year 960 was in the hands of the Christians, specifically in the hands of Borrel II, Count of Barcelona, and that much later, in 985, al-Manşur sacked this city.

² Christides V. The Maritime Arab-Byzantine Frontier in the Southern Aegean (ca. 824/6–961): Cythera, Naxos, Paros, Elaphonesos, Dia. P. 645 and fig. 3.

³ Panopoulou Angeliki. Episodi di pirateria nello spazio marittimo di Cerigo tra il XIII et il XVIII secolo // Koumanoudi Marina, Maltezu Chryssa (eds). Venezia e Cerigo, Atti del Simposio Internazionale. Venezia, 6–7 dicembre 2002. Venice, 2003. P. 133–143.

⁴ Patramani Maria G. Πειρατεία και κούρσος στα Κύθηρα και η θέση των βενετικών αρχών (17^{ος}–18^{ος} αι.) // Η' Διεθνές Πανιώνιο Συνέδριο (Κύθηρα, 21–25 Μαΐου 2006). Πρακτικά. [Piracy and Pillaging in Cythera and the Attitude of the Venetian Authorities (17th–18th c.) // 8th International Panionian Conference (Cythera, 21–25 May 2006). Proceedings]. Cythera, 2009. Vol. III. P. 444–455.

⁵ Mentis C. Η κοινωνικο-πολιτισμική εξέλιξη του Σμιγοπέλαγος Πολιτισμού και η Ένωση του πρώτου κατοικημένου νησιού των Επτανήσων με την Ελλάδα // Η' Διεθνές Πανιώνιο Συνέδριο (Κύθηρα, 21–25 Μαΐου 2006). Πρακτικά. [The Socio-Cultural Development of the Smigopelagos Culture and the Unification of the First Inhabited Island of the Seven Islands with Greece // 8th International Panionian Conference (Cythera, 21–25 May 2006). Proceedings]. Cythera, 2009. Vol. III. P. 329. For the confusion of the situation in the earlier period in the Aegean with that of the later period see Christides V. Piracy, Privateering and Maritime Violent Actions: Maritime Violent Activities of the Taifa of Denia in Spain (11th c.) vs. the Arab Maritime Jihād in the Eastern Mediterranean from the middle of the 7th–11th c. //

In this narration of the transportation of the relics of the three saints, there is a description of the conquest and annexation of an island to the emirate of Crete, dated to the time of the reign of the Byzantine emperors Leo VI (886–912) and Alexander (912–913).¹ The Greek name of the island which is reported vaguely in the Arabic translation as “*Ashāb al-Baqar*” (the island of “the Owners of the Cows”) is not mentioned.² From the various possible topographical locations of this island, the appellation “*Ashāb al-Baqar*” seems most possible and could be a convenient translation of the Greek word *Voiai* (loosely connected with the word “βούς”, or cow), the name of the coastal area below Monemvasia and across from the tiny island Elaphonesos (now also called “*Voiai*” or “*Vatica*”). The term “*Voiai*” includes both the island Elaphonesos and the mainland across from it.³

The additional remark reported in the narration that the island was devastated and all of its inhabitants “till the last” were killed seems to be an exaggeration, typical in the hagiographical sources. Most probably, because of its significant strategic position, below the famous port of Monemvasia, the island was transformed into a naval Arab base and part of its population was forced to move out. Nevertheless, a number of the local farmers and shepherds remained to serve the conquerors, working and grazing the land of the “cow owners”.

The theory that the Arabs of Crete used to either exterminate all their captured Byzantines or sell them (the slave trade being their primary means of enrichment) is unacceptable. It is worth mentioning that in Cameniates’ narration of Leo of Tripoli’s sack of Thessaloniki in 904, it is reported that the inhabitants of Naxos at this period enjoyed friendly relations with the Arabs of Crete with whom they had a special tax arrangement.⁴ We do not know how long these friendly relations between Naxos and the Emirate of Crete lasted. We can only vaguely place them

---

Jasper N., Kolditz S. (eds.). Proceedings of the International Congress “Endangered Connectivity: Piracy in the Mediterranean in Antiquity, the Middle Ages and the Modern Period”, May 5–7, 2011, Ruhr-Universität Bochum. Seeraub im Mittelmeerraum. Paderborn, 2013. P. 199–208.

¹ Christides V. The Conquest of Crete by the Arabs (ca. 824). Arab. text p. 216, trans. p. 217.

² Paradoxically, Κυρου Α. Κ. Περιπλανήσεις αγίων λειψάνων και μία άγνωστη καστροπολιτεία στον Αργολικό // *Πελοποννησιακά*. [Wanderings of the Holy Relics and an Unknown Castle-town in the Argolic Gulf // *Peloponnesian Acts*]. 1995. 21. P. 97–118, does not accept the translation of the Arabic word *baqar* as “cow”, ignoring the commonly known *ḡūra* (chapter) of the Qur’an called *Baqar* which is universally translated as “cow”.

³ Kordosis M. Ένα λακωνικό κάστρο του όγδοου αιώνα (Ελαφώνησος) // *Λακωνικάί Σπουδαί*. [A Laconic Castle of the Eighth Century (Elaphonesos) // *Laconic Studies*]. 1982. 6. P. 259–267, but his translation of “*baqar*” is wrong.

⁴ For Cameniates, see Tsolakes E. (Ed., text and modern Greek trans.) Ιωάννης Καμινιάτης, Εις την άλωσην της Θεσσαλονίκης. [Ioannes Cameniates. The siege of Thessaloniki]. Athens, 2000. P. 174, §70, 1–2.

between the year 904, the time Leo of Tripoli sacked Thessaloniki and sailed to Crete after stopping in Naxos, and the year 949 during which the Byzantines undertook an expedition for the recovery of Crete. The exact date of this expedition is reported in a document inserted in the work of Constantine VII Porphyrogenitus, *De ceremonii aulae byzantinae*, called *Stadiodromicon*, which demonstrates the itinerary of the Byzantine fleet from Constantinople to Crete via Naxos,¹ but it does not mention that the inhabitants of Naxos continued to have the above-mentioned tax arrangement.

No doubt, such friendly stable relations between the local people and the Arabs of Crete were limited to a few islands situated near Crete, e.g. the small island of Dia across Handax, the capital of the Emirate of Crete.² In contrast, the island of Cythera, located at the westernmost corner of the maritime front between Byzantium and the Emirate of Crete, had become a constant battle field.³

To conclude, after careful scrutiny, the often relevant, overlooked hagiographical sources are useful to complete our knowledge about concrete but elliptic historical events.

References

1. Abuljadayl Aisha. The death of King Dhū Nuwās (ca 517–525 CE) in the Himyarite Inscriptions, Syriac, Greek and Arabic sources: His Military and Religious Policy // Christides V. (ed). *Interrelations between the Peoples of the Near East and Byzantium in Pre-Islamic Times*. Cordoba, 2015. P 11–23.

¹ See Christides V. *The Conquest of Crete by the Arabs*. P. 221–224; Haldon J. *Theory and Practice in Tenth-Century Military Administration: Chapters II, 44 and 45 of the Book of Ceremonies // Travaux et Mémoires*. 2000. 13. P. 218–235, esp. 234–235; Pryor J. H. *The Σταδιοδρομικόν of the De Cerimoniis of Constantine VII, Byzantine Warships, and the Cretan Expedition of 949 // Chrysostomides J., Dendrinis Ch., Harris J. (eds.). The Greek Islands and the Sea*. Camberley, Surrey, 2004. P. 77–83.

² Christides V. *The Maritime Arab-Byzantine Frontier in the Southern Aegean (ca. 824/6–961): Cythera, Naxos, Paros, Elaphonesos, Dia*. P. 646–647.

³ For Cythera, see Coldstream J. N., Huxley G. L. (eds.) *Kythera, Excavations and Studies Conducted by the University of Pennsylvania Museum and the British School of Athens*. London, 1972; Leontsini M. *Όψεις του κυθηραϊκού τοπίου από τους σχολαστικούς υπομνηματισμούς στην αγιολογική αναπαράσταση // Α΄ Διεθνές Συνέδριο Κυθηραϊκών Μελετών I. [Views of the Cytherean Landscape from the Scholarly Remarks on the Hagiographical Reproductions // First International Conference of Cytherean Studies I]*. Cythera, 2003. P. 310. For a hagiographical source with valuable information about the Arab-Byzantine struggle in the southern Aegean in the tenth century, see Oikonomides N. A. *Ο βίος του Αγίου Θεοδώρου Κυθήρων (10^{ος} αι.) (12 Μαΐου-ΒΗΓ³, αρ. 2430) // Πρακτικά Τρίτου Πανωνίου Συνεδρίου. [The Life of St. Theodore of Cythera (10th c.) (12 May-ΒΗΓ³, no. 2430) // Proceedings of the Third Panionian Conference]*. Athens, 1967. P. 264–291.

2. Agius D. *Classic Ships of Islam: From Mesopotamia to the Indian Ocean*. Leiden, 2008.
3. Blue L., Whitewright J., Thomas R. *Ships and Ships' Fittings* // Peacock D., Blue L. (eds.). *Myos Hormos — Quseir al-Qadim. Roman and Islamic Ports on the Red Sea. Volume 2: Finds from the Excavations 1999–2003*. BAR International Series 2286. Oxford, 2011. P. 179–205.
4. Boissonade J. Fr. (ed.). *Martyrium Sancti Arethae // Anecdota Graeca V*. Paris, 1833. Repr. Hildesheim, 1962. P. 1–62.
5. Bowersock G. W. *The New Inscription from South Yemen* // Langdon J. S., Reinert S. W., Stanojevich J., Ioannides Ch. P. (eds.). *ΤΟ ΕΛΛΗΝΙΚΟΝ. Studies in Honor of Speros Vryonis, Jr. Vol. I. Hellenic Antiquity and Byzantium*. New York, 1993. P. 3–8.
6. Carlson D. N., Leidwanger J., Kampbell S. M. (eds.). *Maritime Studies in the Wake of the Byzantine Shipwreck at Yassiada Turkey*. College Station, TX, 2015.
7. Casson L. *The Periplus Maris Erythraei / Trans. and commentary*. Princeton, 1989.
8. Charlesworth M. C., Norton P. (eds.). *Studies in Roman Economic and Social History in Honor of Allen Chester Johnson*. Princeton, 1951.
9. Chittick N. *Sewn Boats in the Western Indian Ocean and Survival in Somalia // The International Journal of Nautical Archaeology and Underwater Exploration*. 1980. 9. 4. P. 297–309.
10. Christides V. *The Image of Pre-Islamic Arab in the Byzantine Sources / PhD Dissertation*. Princeton University. Princeton, 1970.
11. Christides, V. *The Conquest of Crete by the Arabs (ca. 824). A Turning Point in the Struggle between Byzantium and Islam*. Athens, 1984.
12. Christides V. *The Martyrdom of Arethas and the Days after: History vs. Hagiography // Graeco-Arabica*. 1999–2000. 7–8. P. 51–91.
13. Christides V. *The Maritime Arab-Byzantine Frontier in the Southern Aegean (ca. 824/6–961): Cythera, Naxos, Paros, Elaphonesos, Dia // Η' Διεθνές Πανιώνιο Συνέδριο (Κύθηρα, 21–25 Μαΐου 2006). Πρακτικά. [8th International Panionian Conference (Cythera, 21–25 May 2006). Proceedings]. Cythera, 2009. Vol. III. P. 631–652.*
14. Christides V. *What Went Wrong in the Long Distance Roman Naval Power in the Red Sea and in the Indian Ocean in the Late Third Century AD? // Khalil Samir S., Monferrer-Sala J. P. (eds.). Graeco-Latina et Orientalia Studia in Honorem Angeli Urbani Heptagenarii*. Cordoba, 2013. P. 63–85.
15. Christides V. *Piracy, Privateering and Maritime Violent Actions: Maritime Violent Activities of the Taifa of Denia in Spain (11th c.) vs. the Arab Maritime Jihād in the Eastern Mediterranean from the middle of the 7th–11th c. // Jasper N., Kolditz S. (eds.). Proceedings of the International Congress “Endangered Connectivity: Piracy in the Mediterranean in Antiquity, the Middle Ages and the Modern Period”, May 5–7, 2011, Ruhr-Universität Bochum. Seeraub im Mittelmeerraum. Paderborn, 2013. P. 199–208.*
16. Christides V. *The Dawn of the Urbanization in the Kingdom of the Himyarites in the 6th century in the Light of Byzantine Hagiography // Christides V. (ed). Interrelations*

between the Peoples of the Near East and Byzantium in Pre-Islamic Times. Cordoba, 2015. P. 25–48.

17. Christides V. The Himyarite Kingdom on the Eve of and after the Ethiopian Dominance in the Sixth Century A.D. in the Martyrdom of St. Arethas and his Companions and in the Acts of St. Gregentius // *Journal of Semitics*. 2015. 24.2. P. 678–700.

18. Christides V. Review of The Naval Commanders of Early Islam / Transl. L. Yungman. Piscataway, NJ, 2018 // *Graeco-Arabica*. 2020. 13. (In print).

19. Coldstream J. N., Huxley G. L (eds.). Kythera, Excavations and Studies Conducted by the University of Pennsylvania Museum and the British School of Athens. London, 1972.

20. Detoraki Marina (ed.). Le Martyre de Saint Aréthas et de ses compagnons (BHG 166) / Trans. Beaucamp Joëlle. Centre de Recherche d'Histoire et Civilisation de Byzance, Monographies 27. Paris, 2007.

21. Detoraki Marina. Un hagiographe à l'oeuvre: Le Martyre d'Aréthas et ses sources // Beaucamp Joëlle, Briquel-Chatonnet Françoise, Robin Christian Julien (eds.). Juifs et Chrétiens en Arabie aux Ve et VIe siècles: regards croisés sur les sources. (Centre de Recherche d'Histoire et Civilisation de Byzance, Monographies 32. Le massacre de Najrân II). Paris, 2010. P. 177–190.

22. Elmakias A. The Naval Commanders of Early Islam. A Prosopographical Approach / Trans. L. Yungman. Piscataway, NJ, 2018.

23. Gajda I. Le royaume de Ḥimyar à l'époque monothéiste. Paris, 2009.

24. Haldon J. Theory and Practice in Tenth-Century Military Administration: Chapters II, 44 and 45 of the Book of Ceremonies // *Travaux et Mémoires*. 2000. 13. P. 201–352.

25. Heldaas Seland E. The Indian Ships at Moscha and the Indo-Arabian Trading Circuit // *Proceedings of the Seminar for Arabian Studies*. 2008. 38. P. 283–287.

26. Heldaas Seland E. Ports and Power in the Periplus: Complex Societies and Maritime Trade on the Indian Ocean in the First Century AD. Oxford, 2010.

27. Kalligas H. Byzantine Monemvasia. The Sources. Monemvasia, 1990.

28. Kordosis M. Ένα λακωνικό κάστρο του όγδοου αιώνα (Ελαφόνησος) // *Λακωνικάί Σπουδαί*. [A Laconic Castle of the Eighth Century // *Laconic Studies*]. 1982. 6. P. 259–267.

29. Κυρου Α. Κ. Περιπλανήσεις αγίων λειψάνων και μία άγνωστη καστροπολιτεία στον Αργολικό // *Πελοποννησιακά*. [Wanderings of the Holy Relics and an Unknown Castle-Town in the Argolic Gulf // *Peloponnesian Acts*]. 1995. 21. P. 97–118.

30. Leontsini M. Όψεις του κυθηραϊκού τοπίου από τους σχολαστικούς υπομνηματισμούς στην αγιολογική αναπαράσταση // Α' Διεθνές Συνέδριο Κυθηραϊκών Μελετών I. [Views of the Cytherean Landscape from the Scholarly Remarks on the Hagiographical Reproductions // First International Conference of Cytherean Studies I]. Cythera, 2003.

31. Letsios, D. G. Die Äthiopisch-Himyaritischen Kriegedes 6. Jahrhunderts und die Christianisierung Äthiopiens // *Jahrbuch des Österreichischen Byzantinistik*. 1991. 41. P. 25–41.

32. Lévi-Provençal É. Histoire de l'Espagne musulmane. La conquête et l'émirat hispano-umaiyade (710–912). Paris — Leiden, 1950. Vol. I.
33. Lirola Delgado J. El nacimiento del poder naval musulmán en el Mediterráneo (28–60 h./ 649–680 c.). Granada, 1990.
34. Mentis C. Η κοινωνικο-πολιτισμική εξέλιξη του Σμιγοπέλαγος Πολιτισμού και η Ένωση του πρώτου κατοικημένου νησιού των Επτανήσων με την Ελλάδα // Η' Διεθνές Πανιώνιο Συνέδριο (Κύθηρα, 21–25 Μαΐου 2006). Πρακτικά. [The Socio-Cultural Development of the Smigopelagos Culture and the Unification of the First Inhabited Island of the Seven Islands with Greece // 8th International Panionian Conference (Cythera, 21–25 May 2006). Proceedings]. Cythera, 2009. Vol. III. P. 325–345.
35. Monferrer-Sala J. P. Redefining History on Pre-Islamic Accounts. The Arabic Recension of the Martyrs of Najrān. Piscataway, NJ, 2010.
36. Monferrer-Sala Juan Pedro. An Episode of the 'Massacre of the Christians of Najrān' in a fragment of the 'Mingana Collection' (Ming. Chr. Arab. 246) // Torallas T. S., Monferrer-Sala J. P. (eds.). Culture in Contact. Transfer of Knowledge in the Mediterranean Context. Cordoba, 2013. P. 179–206.
37. Nappo Dario. Roman Policy in the Red Sea between Anastasius and Justinian // Blue L., Cooper J., Thomas R. (eds.). Connected Hinterlands. Proceedings of Red Sea Project IV Conference, University of Southampton, September 2008. Southampton, 2008. P. 71–77.
38. Nebes Norbert. The Martyrs of Najrān and the End of the Ḥimyar: On the Political History of South Arabia in the Early Sixth Century // Neuwirth A., Siani N., Marx M. (eds.). The Qu'ran in Context. Historical and Literary Investigations into Qu'ranic Milieu. Leiden, 2010. P. 27–59.
39. Odorico P., Agapitos P. A. (eds.). Les Vies des saints à Byzance: genre littéraire ou biographie historique? Actes du IIe colloque international "Hermēneia", Paris, 6–8 juin 2002. (Dossiers Byzantines-4). Paris, 2004.
40. Oikonomides N. A. Ο βίος του Αγίου Θεοδώρου Κυθήρων (10^{ος} αι.) (12 Μαΐου-BHG³, αρ. 2430) // Πρακτικά Τρίτου Πανιωνίου Συνεδρίου. [The Life of St. Theodore of Cythera (10th c.) (12 May-BHG³, no. 2430) // Proceedings of the Third Panionian Conference]. Athens, 1967. P. 264–291.
41. Paine L. The Indian Ocean in the Seventh and Eighth Centuries// S. Tripati (ed.). Maritime Contacts of the Past. New Delhi, 2015. P. 37–53.
42. Panopoulou Angeliki. Episodi di pirateria nello spazio marittimo di Cerigo tra il XIII et il XVIII secolo // Koumanoudi Marina, Maltezu Chryssa (eds). Venezia e Cerigo, Atti del Simposio Internazionale. Venezia, 6–7 dicembre 2002. Venice, 2003. P. 133–143.
43. Patramani Maria G. Πειρατεία και κούρσος στα Κύθηρα και η θέση των βενετικών αρχών (17^{ος}-18^{ος} αι.) // Η' Διεθνές Πανιώνιο Συνέδριο (Κύθηρα, 21–25 Μαΐου 2006). Πρακτικά. [Piracy and Pillaging in Cythera and the Attitude of the Venetian Authorities (17th-18th c.) // 8th International Panionian Conference (Cythera, 21–25 May 2006). Proceedings]. Cythera, 2009. Vol. III. P. 444–455.
44. Peeters P. Le tréfonds oriental de l'hagiographie byzantine. Brussels, 1950.

45. Peeters P. Une Invention des SS. Valère, Vincent et Eulalie dans le Péloponèse // *Analecta Bollandiana*. 1911. 30.1. P. 296–306.
46. Pratsch T. Der hagiographische Topos. Griechische Heiligenviten in mittelbyzantinischer Zeit. (Millennium-Studien 6). Berlin – New York, 2005.
47. Pryor J. H. The Σταδιοδρομικόν of the De Cerimoniis of Constantine VII, Byzantine Warships, and the Cretan Expedition of 949 // Chrysostomides J., Dendrinis Ch., Harris J. (eds.). *The Greek Islands and the Sea*. Camberley, Surrey, 2004. P. 77–108.
48. Robin Ch. J. Le judaïsme de Ḥimyar // *Arabia*. 2003. 1. P. 97–172.
49. Robin Ch. J. Nagrān vers l'époque du massacre: Notes sur l'histoire politique, économique et institutionnelle et sur l'introduction du Christianisme (avec un réexamen du Martyr d'Azqīr) // Beaucamp Joëlle, Briquel-Chatonnet Françoise, Robin Christian Julien (eds.). *Juifs et Chrétiens en Arabie aux Ve et VIe siècles: regards croisés sur les sources*. (Centre de Recherche d'Histoire et Civilisation de Byzance, Monographies 32. Le massacre de Najrān II). Paris, 2010. P. 39–100.
50. Robin Ch. J. Introduction. Judaïsme ancien et origines du christianisme // Costa J., Hamidovic D., Piovanelli P. (eds.). *Le judaïsme de l'Arabie antique*, Actes du Colloque de Jérusalem (février 2006). Turnhout, 2015. P. 7–11.
51. Sedov A. V. New Archaeological and Epigraphical Material from Qana (South Arabia) // *Arabian Archaeology and Epigraphy*. 1992. 3. P. 110–137.
52. Sedov A. V. Qana' (Yemen) and the Indian Ocean. The Archaeological Evidence // Ray H. P. (New Delhi), Salles J.-Fr. (Lyon) (eds.). *Tradition and Archaeology. Early Maritime Contacts in the Indian Ocean*. Proceedings of the International Seminar Techno-Archaeological Perspectives of Seafaring in the Indian Ocean 4th cent. B.C. — 15th cent. A.D. New Delhi, February 28 — March 4, 1994. New Delhi, 1996. P. 11–35.
53. Sedov A. V. *Temples of Ancient Hadramawt*. (Arabia Antica, 3). Pisa, 2005.
54. Shaikh Z. A. A Study of the Sewn-Plank Boats of Goa, India // *The International Journal of Nautical Archaeology*. 2012. 41. 1. P. 148–157.
55. Tobi Y. The Jews of Yemen in Light of the Excavation of the Jewish Synagogue in Qanī' (poster) // *Proceedings of the Seminar for Arabian Studies*. 2013. 43. P. 349–356.
56. Tsolakes E. (Ed., text and modern Greek trans.). *Ιωάννης Καμινιάτης, Εἰς τὴν ἄλωσιν τῆς Θεσσαλονίκης*. [Ioannes Cameniates. The siege of Thessaloniki]. Athens, 2000.
57. Ubaydli A. The Population of Sūqutrā in the Early Arabic Sources // *Proceedings of the Seminar for Arabian Studies*. 1989. 19. P. 137–154.
58. Van Doorninck F. H. Jr. The Byzantine Ship at Serçe Limani: An Example of Small-Scale Maritime Commerce with Fatimid Syria in the Early Eleventh Century // Macrides R. (ed.). *Travel in the Byzantine World*. Society for the Promotion of Byzantine Studies Publications 10. Aldershor, 2002. P. 137–148.
59. Warmington E. H. *The Commerce between the Roman Empire and India*. New Delhi, 1995.

60. Whitewright J. Roman Rigging Material from the Red Sea Port of Myos Hormos // *The International Journal of Nautical Archaeology*. 2007. 36. 2. P. 282–292.

61. Wink A. *Al-Hind, the Making of the Indo-Islamic World*. Vol. 1. Leiden – New York – Köln, 1996. 396 p.

62. Zakariyā al-Qazwīnī. *'Adjā'ib al-Makhlūqāt*. MS B-370. Library of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences, St Petersburg, Russia.

Author's information

Vassily Christides

PhD, Professor, Director of the Institute for Graeco-Oriental and African Studies, Kryoneri Attikis

39, Solomou St., Kryoneri-Athens Attiki, 14568, Greece

Academic Associate of the Dept. of Old Testament and Ancient Near Eastern Studies, University of South Africa (UNISA)

Preller St, Muckleneuk, Pretoria, 0003, South Africa

E-mail: christv2@otenet.gr

*Tatiana V. Kornienko (Voronezh State Pedagogical University,
Voronezh, Russia)*

Fuad Safar and his contribution to the development of Mesopotamian archeology

Summary: Fuad Safar is a remarkable scholar and well-known researcher of a number of outstanding Mesopotamian archaeological sites. They include Tell Hassuna that gave the name to the early agricultural Hassuna culture; Tell ‘Uqair, which material belongs to the Uruk and Jemdet Nasr periods; Eridu — ‘the first city’ of Sumerians; the Assyrian Palace in Nebi Unis and the Temple of Sibitti in Khorsabad; the Parthian-Arab city of Hatra; Wasit — an early Islamic center of the Umayyad period, and others.

Fuad Safar is the author and co-author of research papers on the antiquities of Iraq; one of the founders of international archaeological journal “Sumer”; one of the driving forces behind the creation of the Department of Archeology at Baghdad University; a supervisor of restoration and rescue excavation projects to preserve the most important monuments in his home country. Nevertheless, for a number of reasons, information on the major milestones of the researcher’s life, details of his organizational, teaching and other activities are hard to find. On the basis of the data collected through contacts with Iraqi, American, and Russian colleagues of the scholar, this paper aims to somewhat fill the gap.

Fuad Safar is one of the remarkable representatives of the Iraqi national school of archeology, alongside with Taha Bakir, Tariq Madhlum, Mohammed Ali Mustafa, who have done a lot for its establishment and development. He accomplished his studies in 1934–1938 at the Oriental Institute of the University of Chicago with the defense of a Master’s thesis and received his MA in archeology and ancient Middle Eastern languages. Later, being well acquainted with the Western approaches and methods of field work, scholarly theories and principles of their construction, as well as with the Western educational system of professional archaeology, Fuad Safar sought to contribute to the formation of the Iraqi national strategy in the study and preservation of the historical past of his homeland. According to his colleagues, he believed that it was no good to blindly copy methods and exclusively use the results of studies of foreign missions, but to develop the Iraqi style of excavation, prepare as many young people in his country as possible to work with the richest heritage of ancient Mesopotamia. While successfully collaborating with overseas scholars such as Seton

Lloyd, Thorkild Jacobsen, Robert M. Adams and others, he at the same time made efforts to create the necessary conditions to establish the Iraqi national archaeological school. Safar believed that the Iraqi archeologists should use their advantages in conducting reconnaissance surveys and exploring sites on their territory, founding museums, studying and protecting the world-famous objects of ancient civilizations of Mesopotamia.

Fuad Safar was one of the first Iraqi archaeologists to conduct large-scale excavations in his own country. In 1956, he was appointed Inspector General of excavations in Iraq, and remained in this position until his death. In collaboration with UNESCO, F. Safar oversaw restoration and rescue excavation projects of the most important archaeological sites in Iraq. On one of the inspection trips during the rescue excavations that preceded the construction of the Hamrin Dam and included the study of more than 80 archaeological sites, F. Safar died in a car accident. This happened on January 9, 1978, between Baghdad and Al-Miqdadiyah.

Field works of Fuad Safar, his scholarly and organizational activities made an indisputable contribution to the golden age of Iraqi archeology. Fuad Safar's high professionalism, energy and determination, the optimal balance between patriotism and openness to the world have contributed to this. Most of his undertakings continue to develop in new conditions and with the use of new technologies in the 21st century.

Keywords: Iraqi archaeology; Fuad Safar; archeology of Mesopotamia; Tell Hassuna; Tell 'Uqair; Eridu; Assyrian Palace at Nebi Unis; Temple of Sibitti at Khorsabad; Hatra; Wasit; Department of Archeology at the University of Baghdad; Directorate General of Antiquities of Iraq.

Т. В. Корниенко (Воронежский ГПУ, Воронеж, РФ)

Фуад Сафар и его вклад в развитие археологии Месопотамии

Аннотация: Фуад Сафар — замечательный ученый, широко известный исследователь ряда выдающихся археологических объектов Месопотамии. Среди них Телль Хассуна, давший название и положивший начало изучению хассунской раннеземледельческой культуры; Телль Укайр, памятник с материалами эпох Урук и Джемдет Наср; «первый шумерский город» Эреду; ассирийские дворец в Неби Юнус и храм Сибитти в Хорсабаде; парфяно-арабский город Хатра; раннеисламский центр эпохи Омейядов Васит и другие. Фуад Сафар — автор и соавтор не теряющих своей ценности научных работ, посвященных древностям Ирака, один из основателей международного археологического журнала *Sumer*, один из инициаторов создания кафедры археологии в Багдадском университете, куратор реставрационных и охранных проектов по сохранению важнейших памятников на территории своей страны. Тем не менее информация об основных вехах жизненного пути этого ученого, подробности его организаторской, преподавательской и иной служебной деятельности по

ряду причин найти довольно сложно. Статья ставит своей целью на основе материалов, собранных в контакте с иракскими, американскими и российскими коллегами, в некоторой степени восполнить этот пробел.

Фуад Сафар — один из ярких представителей иракской национальной школы археологии, таких как Таха Бакир, Тарик Мазлум, Мохаммед Али Мустафа, сделавших многое для ее становления и развития. Свое обучение в 1934–1938 гг. в Восточном институте Чикагского университета он завершил защитой магистерской диссертации и получением степени магистра археологии и древних ближневосточных языков. В дальнейшем, будучи хорошо знаком с подходами и методами полевых работ, научными теориями и принципами их построения, образовательной системой воспроизводства профессиональных археологов в западном варианте, Фуад Сафар стремился способствовать формированию иракской национальной стратегии в деле изучения и сохранения исторического прошлого родины. По свидетельствам знавших его коллег, он полагал, что не стоит слепо копировать методы и пользоваться исключительно результатами исследований иностранных миссий, надо разрабатывать иракский стиль ведения раскопок, готовить как можно больше молодых людей в своем государстве для работы с богатейшим наследием древней Месопотамии. Успешно сотрудничая с зарубежными учеными — такими как Сетон Ллойд, Торкильд Якобсен, Роберт Адамс и многими другими, он инициировал различного рода мероприятия для создания необходимых условий формирования иракской научной археологической школы. Сафар считал, что иракцам необходимо использовать имеющиеся у них преимущества в проведении разведок и исследовании памятников на своей территории, создании музеев, изучении и охране всемирно значимых объектов древних цивилизаций Двуречья.

Фуад Сафар стал одним из первых иракских археологов, проводивших масштабные раскопки в собственной стране. В 1956 г. он был назначен генеральным инспектором раскопок в Ираке, далее оставался в этой должности до своей смерти. В сотрудничестве с ЮНЕСКО Сафар курировал реставрационные и охранные проекты важнейших памятников Ирака. Во время одной из таких инспекционных поездок в период проведения спасательных работ, предшествовавших строительству плотины Хамрин и включавших исследования более 80 археологических объектов, Фуад Сафар погиб в авткатастрофе. Это произошло 9 января 1978 г. между Багдадом и Эль-Микдадией.

Полевые работы Сафара, его научная и организаторская деятельность внесли неоспоримый вклад в становление иракской археологии и ее расцвет. Способствовали этому, как представляется, высокий профессионализм, энергия и целеустремленность, оптимальный баланс между патриотизмом и открытостью миру Фуада Сафара. Большинство из предпринятых им начинаний продолжают свое развитие в новых условиях и с применением новых технологий уже в XXI веке.

Ключевые слова: иракская археология; Фуад Сафар; археология Месопотамии; Телль Хассуна; Телль Укайр; Эреду; ассирийский дворец в Неби Юнус; храм Сибитти в Хорсабаде; Хатра; Васит; журнал *Sumer*; кафедра археологии Багдадского университета; Главное управление древностей Ирака.

Фуад Сафар — один из замечательных представителей иракской национальной школы археологии, таких как Таха Бакир, Фарадж Басмаджи, Мохаммед Али Мустафа, сделавших многое для ее становления и развития. Осталось значительное количество научных работ Фуада Сафара. Содержание этих публикаций, их объемы цитирований сегодня говорят сами за себя. Лично знавшие Сафара археологи, представители разных национальностей, религий и стран, отзываются о нем как о прекрасном человеке, талантливом организаторе и высоком профессионале. Тем не менее жизни и деятельности этого ученого посвящены лишь несколько энциклопедического типа статей и написанные его коллегами в год гибели ученого некрологи. Задача данной статьи на основе собранной информации в контакте с иракскими, американскими и российскими коллегами создать более полное представление о жизненном пути и профессиональной деятельности Фуада Сафара.

Фуад Сафар (1911–1978)

Можно отметить, что в 1978 г. в журнале *Sumer*¹ редакционный совет, членом которого Сафар являлся, опубликовал некролог и библиографию ученого², составленную из его основных публикаций на арабском языке. Однако полная библиография Ф. Сафара, включающая в том числе первостепенной важности работы, вышедшие на английском языке, еще ждет своего издания.

¹ Один из ведущих научных журналов по археологии и истории Древней Месопотамии, издается Главным управлением древностей Ирака с 1945 г. на арабском и европейских, в основном английском, языках. Фуад Сафар стоял у истоков его создания, о чем сохранились воспоминания крупного иракского археолога и историка проф. Салима аль-Алуси, бывшего в те годы (1944–1945) директором Главного управления древностей. Подробнее см.: Раф'ат Абдарраззак Мухаммад. *Фу'ад Сафар ва маджаллат «Сумир»* [Фуад Сафар и журнал *Sumer*] // *Ал-Мада*. 25.07.2018. URL: <https://almaidasupplements.com/news.php?action=view&id=20132#sthash.hPh6nO5l.dpbs> (дата обращения: 20.09.2019). (На араб.).

² *Obituary: Prof. Fuad Safar* // *Sumer*. 1977. 33. № 1–2. P. A-D [in Engl.], اءء [in Arab.]. Фактически 33-й том журнала *Sumer* вышел в 1978 г. В смертельную аварию Фуад Сафар попал 9.01.1978, в то время, когда том готовился к печати. Некролог был оперативно подготовлен и включен в это издание. Его арабский и английский тексты различаются, арабский содержит более полную информацию. Библиография Ф. Сафара размещена в арабском разделе журнала (ء — اء).

До сих пор точно не установлен год рождения Фуада Сафара — 1911, 1912 или 1913¹, что для иракцев его поколения, как свидетельствуют современные жители Месопотамии, явление довольно распространенное. Доступ к некоторым архивным материалам² позволил нам познакомиться с документом (рис. 1) следующего содержания:

Во имя Бога Милосердного

Министерство информации, Багдад

Главная дирекция

Отдел кадров

№ 21108 от 12.06.1974

Министерское распоряжение

На основании решения Совета революционного командования Ирака № 640 от 08.06.1974 г.

Мы были уведомлены письмом руководителя Канцелярии Президента Республики № 6149 от 09. 06.1974 о принятии решения продлить срок службы г-на Фуада Сулеймана Сафара (генерального инспектора раскопок) ещё на 5 лет с момента достижения им установленного законом возраста выхода на пенсию. Это исключение из положений пункта 4 статьи 3 Закона о гражданской пенсии № 33 от 1966 года с поправками.

Хамид Алван аль-Джибури

Министр информации Республики Ирак

Упомянутый в документе Закон о гражданской пенсии³ определяет старший возраст выхода на пенсию 63 года. В исключительных случаях срок службы

---

¹ Ср., например: Saad Ayoub. Fuad Safar (1913–9.1.1978) // *Archiv für Orientforschung*. 1978–1979. 26. P. 243–244; al-Gailani Werr L. Fuad Safar // Meyers E. M. (ed.). *The Oxford Encyclopedia of Archaeology in the Near East*. Vol. IV. New York – Oxford: The Oxford University Press, 1997. P. 448; Fuad Safar (URUK-WARKA translation of the Arabic text from Dr. Bahnam Abulsoof website). URL: <http://uruk-warka.dk/FS.html> (дата обращения 20.09.2019).

² Прошу принять мою благодарность: министра культуры Республики Ирак д-ра Абдуламира аль-Хамдани, генерального инспектора раскопок в Ираке Мухамеда Салиха, директора Главного управления древностей Республики Ирак Салима Халафа, руководителя Отдела документации Государственного совета древностей и наследия Ирака д-ра Фавзию Махди Чилаб аль-Малики, а также сотрудников библиотеки Иракского национального музея за поддержку, предоставленные сведения и разрешение работать с архивными материалами. Неоценимую помощь в поиске документов, их переводе с арабского на русский язык оказал Мунтадер Алода, выпускник магистратуры РГГУ (РФ), сотрудник Государственного совета древностей и наследия Ирака в г. Ти Кар, за что автор ему бесконечно признателен.

³ *Qanun al-taq'a'ud al-madani*, № 33, 1966, al-'Iraq [Закон о гражданской пенсии № 33 — 18.04.1966, Ирак]. URL: <http://iraqlid.hjc.iq:8080/LoadLawBook.aspx?SC=031220056442898> (дата обращения: 20.09.2019). (На араб.).

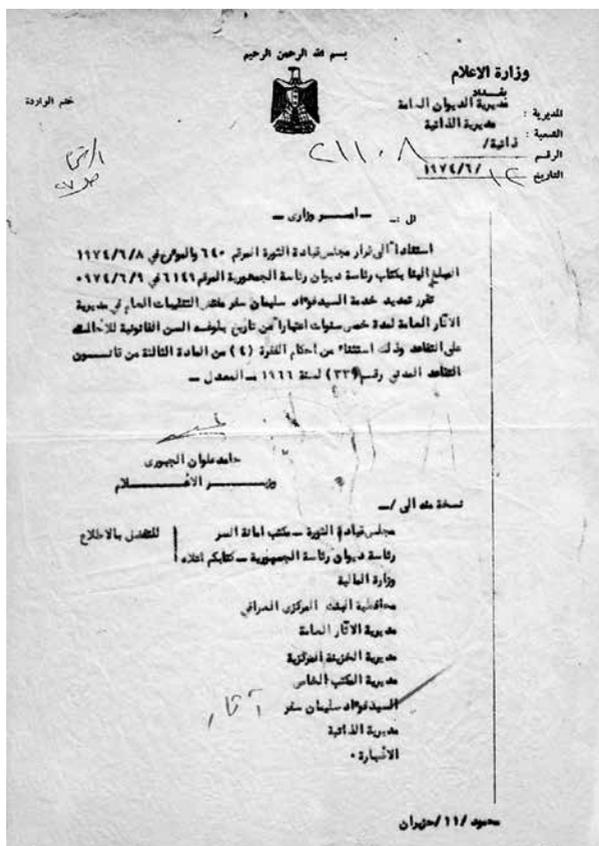

Рис. 1. Распоряжение № 21108 от 12.06.1974 о продлении срока службы Фуада Сафара на 5 лет на посту генерального инспектора раскопок в Главном управлении древностей с момента достижения им пенсионного возраста. Распоряжение подписал министр информации Республики Ирак Хамид Алван аль-Джибури

мог быть продлен особым правительственным распоряжением на 5 лет. По дате документа понятно, что вопрос о продлении срока службы для Фуада Сафара решался в 1974 году. Исходя из этих данных, в качестве наиболее верного определения года его рождения можно предположить 1911 год. Кроме того, эту дату поддерживают д-р Ибрагим аль-Алалаф, известный историк, профессор Мосульского университета¹, а также крупный иракский археолог д-р Бахнам

¹ *Джухуд ал-устаз Фу'ад Сафар 1911–1978 фи-л-майдан ал-асари ал-'ираки // Mudawwanat al-duktur Ibrahim al-'Ilaf* [Вклад проф. Фуада Сафара (1911–1978) в иракскую археологию // Блог д-ра Ибрагима аль-Алалафа]. URL: <https://www.wallaft.blogspot.com.blogspot.com/2013/06/1911–1978.html> (дата обращения: 20.09.2019). (На араб.).

Абу аль-Суф¹, которые пишут, что дата рождения Фуада была проверена в записях церкви, где содержалась информация о его рождении в октябре 1911 года.

Родился Фуад Сулейман Сафар в христианской семье яковитского вероисповедания в городе Мосул, на тот момент столице одноименного вилайета Османской империи. Окончив в Мосуле школу и колледж в Палестине (1931–1932), он продолжил учебу по специальности история и археология в Американском университете в Бейруте (1932–1933). Далее проявлявшего заметные способности в исторических науках и изучении языков молодого человека Министерство образования и науки Королевства Ирак направляет на учебу в Восточный институт Чикагского университета. По результатам обучения в Чикаго в течение 1934–1938 гг. Фуад получает степень бакалавра, потом магистра археологии и древних ближневосточных языков².

Его наставниками были знатоки клинописных систем и истории древнего Ближнего Востока д-р Самуэль Исаак Фейгин, д-р Торкильд Якобсен, проф. Альберт Олмстед, известный историк искусств и археолог профессор Генри Франкфорт³. Тема магистерской диссертации — «Старовавилонские контракты из Марата» — была подсказана студенту Сафару д-м С. И. Фейгином, о чем сам Фуад пишет в предваряющем оглавление и основной текст диссертации⁴ разделе, в нем он выражает благодарность своим учителям.

Вернувшись в Ирак, Ф. Сафар поступил на службу в Главное управление древностей, где в разные годы находился на различных должностях, параллельно занимаясь полевой и преподавательской работой, воспитывая новое поколение иракских археологов. Арабские и англоязычные источники едины в том, что он стал одним из первых иракских археологов, проводивших масштабные раскопки в собственной стране. «Он был сердцем Службы древностей в Ираке, обучая и наставляя мужчин и женщин, которые стали следующим поколением археологов и лингвистов»⁵ — так отзывался проф. МакГуэр Гибсон о Ф. Сафаре в одном из писем автору.

¹ Fuad Safar (URUK-WARKA translation of the Arabic text from Dr. Bahnam Abulsoof website).

² Obituary: Prof. Fuad Safar. P. C [in Engl.], ٣ [in Arab.].

³ Я выражаю глубокую признательность профессору археологии Месопотамии Восточного института Чикагского университета МакГуэру Гибсону (McGuire Gibson) за переданные материалы и важную информацию о некоторых аспектах профессиональной деятельности и судьбы Фуада Сафара.

⁴ Safar F. *Old Babylonian Contracts from Marad*. Chicago: University of Chicago, Department of Oriental Languages and Literatures, 1938. 61 p. (Работа хранится в библиотеке Национального иракского музея в отделе английских книг).

⁵ «He became the heart of the Antiquities service in Iraq, teaching and mentoring the men and women who became the next generation of archaeologists and language scholars» (из письма от 12 сентября 2014 г.).

В 1940–1941 гг. Фуад Сафар и Сетон Ллойд¹ проводили раскопки Телль Укайра (80 км южнее Багдада), материалы которого принадлежат периодам Урук и Джемдет Наср². Находящийся на окраине убейдского поселения невысокий холм скрывал под собой остатки храма позднеурукского периода с хорошо сохранившейся платформой и стенами, в отдельных местах достигавшими высоты нескольких метров. Определено, что планировка его близка планировке Белого храма в Уруке. Внутренняя поверхность стен храма в Телль Укайре была покрыта многоцветными фресками с геометрическим орнаментом, изображениями людей, животных, фасада культового строения. Эти материалы относят³ к редким по полноте известным примерам настенной росписи из додинастических уровней в Южной Месопотамии.

В 1942 г. Фуад Сафар возглавил раскопки раннеисламского города Васит, находящегося рядом с современным городом Эль-Кут, построенного аль-Хадж-жаджем, губернатором Омейядов в Ираке, в начале VIII века. В письменных источниках и народных преданиях говорится, что город, возведенный в 702–705 гг. по приказу жестокого наместника, поражал своими дворцами, мечетью и огромных размеров тюрьмой. Масштабами и богатством исполнения он был сравним со строительством времен фараонов⁴.

В 1945 г. в Каире на английском языке Ф. Сафар опубликовал результаты раскопок Васита⁵. Помимо анализа архитектуры и поселенческой структуры столицы наместника Омейядов в Ираке, сопровождающегося прекрасными фотографиями дворца и мечети, эта публикация представляет редкую коллекцию керамики раннеисламского времени, зафиксированную археологически в стратиграфической последовательности.

В 1943–1944 гг. Фуад Сафар и Сетон Ллойд, снова объединившись, исследовали небольшой холм — Телль Хассуна, расположенный к югу от Мосула.

¹ Сетон Ллойд — яркий представитель английской школы археологии на Ближнем Востоке. В конце 1920-х гг. он участвовал в раскопках Телль эль-Амарны в Египте, с 1930-х гг. исследовал ряд памятников в Ираке и Турции; в 1939–1948 гг. занимал должность английского советника в Управлении древностей Королевства Ирак; в 1948–1961 гг. был первым директором Британского института археологии в Турции; позже преподавал в Лондонском университете.

² Lloyd S., Safar F., Frankfort H. Tell Uqair: Excavations by the Iraq Government Directorate of Antiquities in 1940 and 1941 // *Journal of Near Eastern Studies*. 1943. № 2. P. 131–158.

³ Ллойд С. Археология Месопотамии. М.: Наука, 1984. С. 57–58; al-Gailani Werr L. Fuad Safar. P. 448.

⁴ Ибн ал-Факих. Ахбар ал-Булдан (Известия о странах). Введ., пер. с араб., изд. текста и коммент. А. С. Жамкочяна. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1979. Большаков О. Г. История халифата: 696–750. Т. IV. М.: Восточная литература, 2010. С. 51–55.

⁵ Safar F. Wasit. The Sixth Season's Excavations. Cairo: Imprimerie de l'Institut Français d'Archeologie Orientale, 1945. 54 p. + plates.

Там были определены материалы VI тыс. до н. э. неизвестной ранее раннеземледельческой культуры с характерной керамикой¹. Этот памятник дал название хассунской археологической культуре и положил начало ее изучению. Более подробные сведения о ее истоках и развитии были получены уже в 1960–1970-х гг. во время работ английской и советской экспедиций в Синджарской долине на территории Ирака.

С 1946 по 1949 г. по поручению правительства группа иракских ученых — Фуад Сафар, Наджи аль-Асил, Мухаммед Али Мустафа и другие — исследовала городище Абу-Шахрайн, древний Эреду. Сетон Ллойд принимал участие в экспедиции в качестве технического консультанта, общее руководство осуществлял Фуад Сафар². Это была уже четвертая, начиная с раскопок Джона Джорджа Тейлора (1855), кампания по изучению Эреду. Полученные материалы имеют большое значение для понимания ранних этапов становления шумерской цивилизации, развития религиозных культов в Древней Месопотамии. Под краем позднего исторического зиккурата в мощном культурном слое из шестнадцати уровней была выявлена уникальная последовательность храмов, начинавшаяся с остатков храма убейдского времени. Он стоял на поверхности платформы, построенной на развалинах более древнего небольших размеров культового сооружения, основание которого находилось в чистом песке материкового уровня. Исследованы также остатки двух дворцов раннего династического периода и жилые кварталы. Обобщающая монография по результатам работ в Эреду³ вышла уже после гибели Фуада Сафара.

Телль Куинджик, под которым скрывалась Ниневия, исследовался европейскими миссиями с середины XIX века. Но, как известно, руины ассирийской столицы покоятся не под одним холмом. В середине XX века Главное управление древностей Ирака включается в эти работы. В 1950–1960-х гг. Фуад Сафар, Наджи аль-Асил и другие иракские археологи проводили раскопки расположенного к югу от Куинджика телля Неби Юнус. Работа оказалась исключительно плодотворной и позволила уточнить вопросы, связанные с историей, планировкой, особенностями строительства и развития Ниневии. В 1950-х гг. Фуад Сафар и Мохаммед Али Мустафа открыли здесь сильно разрушенный в ходе мидийско-вавилонской войны против Ассирии дворец Асархаддона, арсенал и конюшню этого времени⁴. Интересна находка в этом районе трех одинаковых, сильно разрушенных каменных статуй египетско-кушитского

¹ Lloyd S., Safar F. Tell Hassuna: Excavations by the Iraq Directorate General of Antiquities in 1943 and 1944 // *Journal of Near Eastern Studies*. 1945. 4. P. 255–289.

² Lloyd S. Abu Shahrein: A Memorandum // *Iraq*. 1974. 36. № 1–2. P. 129.

³ Safar F., Ali Mustafa M., Lloyd S. Eridu. Baghdad: State Organization of Antiquities and Heritage, 1981. 360 p.

⁴ Naji al-Asil. Editorial Notes and Archaeological Events: the Assyrian Palace at Nebi Unis // *Sumer*. 1954. 10. P. 110–111.

фараона Тахарки и бронзовой, украшенной золотой инкрустацией фигурки египетской богини Анукис — трофеев, вывезенных ассирийцами из Египта¹.

В 1957 г. экспедиция Главного управления древностей Ирака под руководством Фуада Сафара включилась в исследование Дур-Шаррукина, еще одной ассирийской столицы, крепости Саргона II, вблизи современного поселения Хорсабад. Ее раскопки к тому времени более века проводились западными учеными. В ходе полевых работ иракской экспедиции были открыты и исследовались руины храма Сибитти².

Раскопки выдающегося парфяно-арабского памятника Хатры, которые Фуад Сафар начал в 1950 г., продолжились впоследствии на протяжении десятилетий. До этого времени лишь в 1907–1911 гг. немецкие археологи исследовали главным образом сохранившиеся на поверхности руины и местность вокруг Хатры. На протяжении многих лет Сафар активно участвовал в раскопках и восстановлении города Хатра. Более половины его опубликованных статей посвящены этому памятнику, в том числе найденным здесь надписям на арамейском. В 1974 г. Фуад Сафар и Мохаммед Али Мустафа опубликовали хорошо иллюстрированную книгу о Хатре на арабском языке³, которая, к сожалению, не переводилась и не издавалась на русском, английском или других европейских языках.

Хатра являлась прекрасно сохранившимся памятником Парфии, включение которого в список Всемирного наследия ЮНЕСКО произошло в 1985 г. В 2015 г. его объекты, руины Дур-Шаррукина (Хорсабад), Кальху (Нимруд) и богатейшие коллекции Мосульского музея, серьезно пострадали от целенаправленных варварских действий боевиков ИГИЛ. Первоначально сообщалось о фактическом уничтожении большинства объектов. Однако позже стала появляться более обнадеживающая информация. В мае 2017 г. Лейла Салих, глава Управления древностей Ниневии, официально сообщила, что большинство зданий Хатры не повреждено, а нанесенный ущерб имеет намного меньшие масштабы, нежели у других археологических памятников Ирака. Командование Сил народной мобилизации также заявило, что оценивает полученный древним городом ущерб как относительно незначительный⁴.

Помимо масштабных стационарных раскопок Фуад Сафар осуществлял многочисленные разведки по всей стране. Одним из наиболее значимых проектов, которые он возглавил, было изучение древней ирригационной системы района реки Дияла в рамках исследования, направленного на возвращение этой

¹ Источниковедение истории Древнего Востока. Под ред. В. И. Кузицина. М.: Высшая школа, 1984. С. 55.

² Safar F. The Temple of Sibitti at Khorsabad // *Sumer*. 1957. 13. P. 219–221.

³ Safar F., Muhammad A. M. *Al-Hatra: Madyinat al-shams* (Hatra: The City of the Sun God). Baghdad: Directorate General of Antiquities, 1974. 468 p. (In Arabic).

⁴ Hatra: IS damage to ancient Iraqi city less than feared. URL: <https://www.bbc.com/news/world-middle-east-39770395> (дата обращения: 20.09.2019).

области к орошаемому земледелию. Проводимая им на протяжении 1950-х гг. в сотрудничестве с Торкильдом Якобсеном и Робертом Адамсом (Чикагский университет) работа привела к появлению нескольких статей Сафара в журнале *Sumer*, а также статьи Якобсена и Адамса «Соль и ил в сельском хозяйстве Древней Месопотамии» в журнале *Science*¹. Позже Адамс по результатам этого исследования опубликовал монографию «Земля за Багдадом»², в которой дал высокую оценку вкладу Ф. Сафара в руководство проектом и его опыту в изучении древней керамики. В этом проекте участвовали геологи, а также другие специалисты, представители естественных наук, из Багдадского университета, что стало хорошим примером организации иракских научных экспедиций с созданием междисциплинарной команды для всестороннего изучения проблемы. Фуад Сафар исследовал сеть гидротехнических сооружений, построенных по приказу ассирийского царя Сеннахириба (704–681 г. до н. э.) в рамках проводимой этим правителем грандиозной программы по водоснабжению Ниневии и ее окрестностей³. Сафар осуществлял и координировал вышеназванные проекты, а также спасательные работы в районах строительства плотин Хамрин, Хадита и Эски Мосул.

В 1951–1952 гг. Ф. Сафар был одним из основателей кафедры археологии на факультете искусств в Багдадском университете. Впоследствии в дополнение к своей работе в Главном управлении древностей он многие годы читал там лекционные курсы, руководил магистерскими диссертациями (рис. 2). Также сохранились документы, свидетельствующие о его командировках для преподавательской работы за рубежом. В частности, это распоряжение № 8238 за подписью директора Главного управления древностей д-ра Фейсала аль-Ваэли с приложением приказа Министерства культуры № 12472 от 24.02.1966 о разрешении Фуаду Сафару поездки в США для проведения учебного курса со студентами Восточного института Чикагского университета в октябре–декабре 1966 г. (рис. 3). Вместе с тем М. Маллован вспоминает лекции об интереснейших результатах работ в Хатре, прочитанные Ф. Сафаром в Лондонском университете⁴.

Будучи хорошо знаком с подходами и методами полевых работ, научными теориями и принципами их построения, образовательной системой воспроизводства профессиональных археологов в западном варианте, Фуад Сафар стремился способствовать формированию иракской национальной стратегии

¹ Jacobsen T., Adams R. M. Salt and Silt in Ancient Mesopotamian Agriculture: Progressive changes in soil salinity and sedimentation contributed to the breakup of past civilizations // *Science*. 1958. 128. № 3334. P. 1251–1258.

² Adams R. *Land behind Baghdad*. Chicago: The University of Chicago Press, 1965. 187 p.

³ Safar F. Sennacherib's Project for Supplying Erbil with Water // *Sumer*. 3. № 1. 1947. P. 71–86. (In Arabic).

⁴ Mallowan M. Professor Fuad Safar // *Iraq*. 1978. 40. № 1. P. i.

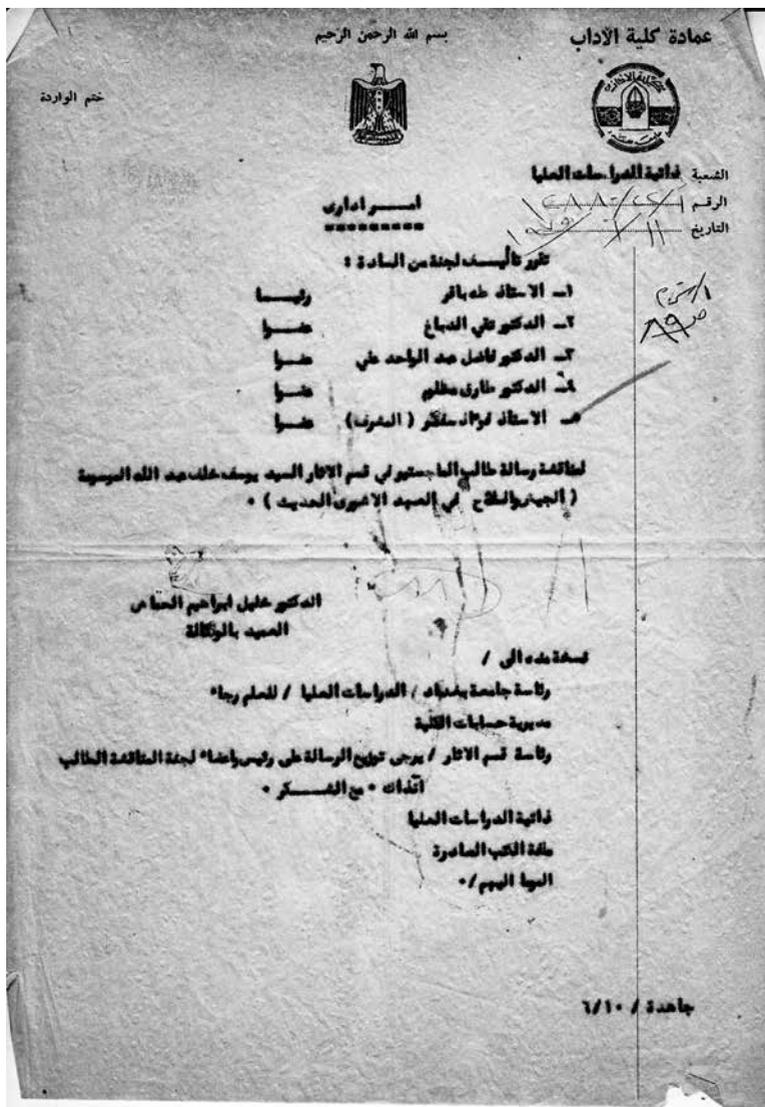

Рис. 2. Распоряжение № 12880 от 11.06.1975 о защите магистерской диссертации студента Юсефа Халафа Абдуллы на кафедре археологии по теме «Оружие в новоассирийский период». Состав экзаменационной комиссии: проф. Таха Бакир — председатель; д-р Али аль-Дабаг, д-р Фадил Абд аль-Вахид Али, д-р Тарик Мазлум — члены экзаменационной комиссии; проф. Фуад Сафар — научный руководитель. Распоряжение подписал ректор Багдадского университета д-р Хилид Ибрагим

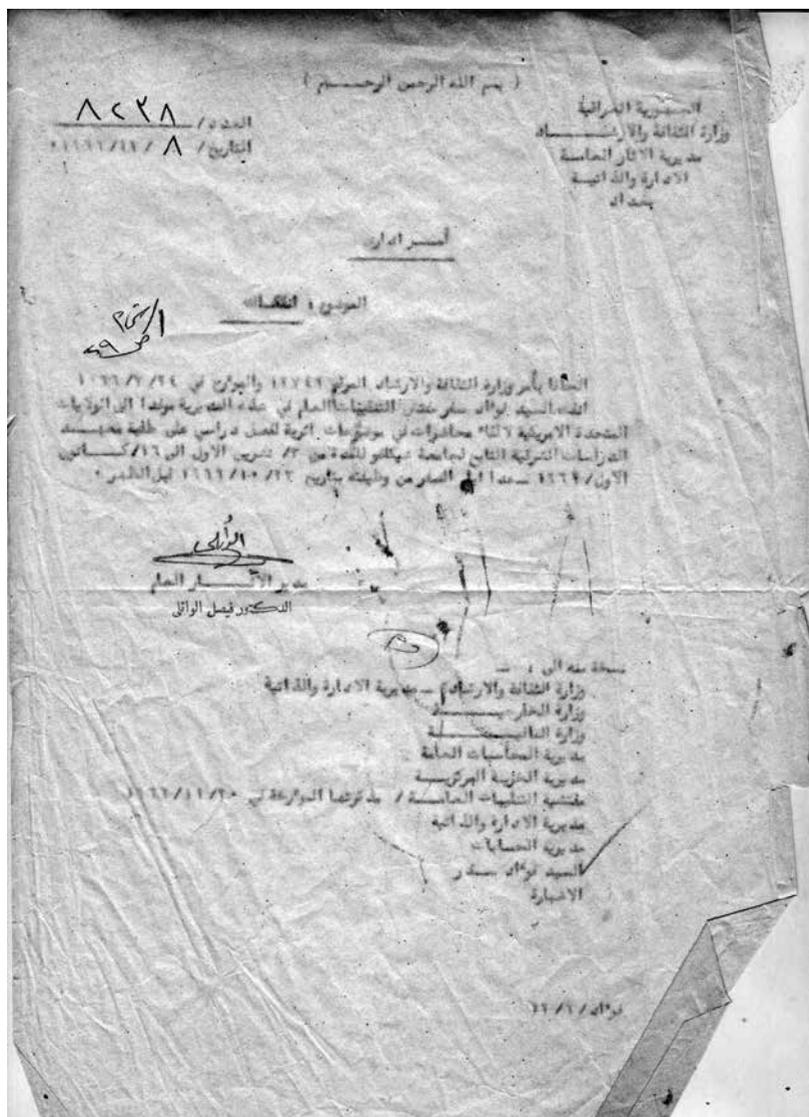

Рис. 3. Распоряжение № 8238 от 08.11.1966 г. за подписью директора Главного управления древностей д-ра Фейсала аль-Ва'или со ссылкой на приказ Министерства культуры № 12742 от 24.02.1966 о разрешении Фуаду Сафару командировки в США для проведения учебного курса со студентами Восточного института Чикагского университета в октябре–декабре 1966 г.

Рис. 4. Иракские археологи в Вавилоне, 1951 год. Фуад Сафар — крайний справа; Таха Бакир — второй слева; идентификация остальных участников этой группы уточняется¹

в деле изучения и сохранения исторического прошлого родины. По свидетельствам знавших его Салима аль-Алуси², Бехнама Абу аль-Суфа³, Ибрагима аль-Алалафа⁴, он полагал, что не стоит слепо копировать методы и пользоваться исключительно результатами исследований иностранных миссий, надо разрабатывать иракский стиль ведения раскопок, готовить как можно больше молодых людей в своем государстве для работы с богатейшим наследием древней Месопотамии. Успешно сотрудничая с зарубежными учеными, он инициировал и осуществлял различного рода усилия для создания необходимых условий формирования иракской научной археологической школы

¹ Fuad Safar // URUK-WARKA translation of the Arabic text from Dr. Bahnam Abulsoof website. URL: <http://uruk-warka.dk/FS.html> (дата обращения: 20.09.2019).

² Раф'ат Абдарраззак Мухаммад. *Фу'ад Сафар ва маджаллат «Сумир»* [Фуад Сафар и журнал Sumer] [на араб.] // *Ал-Мада*. 25.07.2018. URL: <https://almadasupplements.com/news.php?action=view&id=20132#sthash.hPh6nO5l.dpbs> (дата обращения: 20.09.2019).

³ Хамид ал-Магба'и. Д-р Бехнам Абу ас-Суф // *Ал-Маусу'а ал-муфаккирин ва-л-удаб ал-'иракийин* [Энциклопедия иракских интеллектуалов и писателей]. Т. 22. Багдад: *Дар аш-шу'ун ас-сакафийа ал-'амма*, 1995. 178 с. URL: https://drive.google.com/file/d/1wr6JyZWTML8m3CwfVm_ymiSe4gWfbk57/view (дата обращения: 20.09.2019). (На араб.).

⁴ Вклад проф. Фуада Сафара (1911–1978) в иракскую археологию // Блог д-ра Ибрагима аль-Алалафа. (*Джухуд ал-устаз Фу'ад Сафар 1911–1978 фи-л-майдан ал-асари ал-'ираки* // *Mudawwanat al-duktur Ibrahim al-'Ilaф*). URL: <https://www.wallafblogspot.com/blogspot.com/2013/06/1911–1978.html> (дата обращения: 20.09.2019). (На араб.).

(рис. 4). Считал, что иракцам необходимо использовать имеющиеся у них преимущества в проведении разведок и исследовании памятников на своей территории, создании музеев, изучении и охране всемирно значимых объектов древних цивилизаций Двуречья.

В 1956 г. Фуад Сафар был назначен генеральным инспектором раскопок в Ираке. Эту должность он занимал до своей смерти. Кроме того, были периоды, когда ему приходилось исполнять обязанности генерального директора Управления древностей (например, в 1958 г., когда самого директора не было в стране).

Довольно часто в публикациях¹, беседах и письменных обращениях (рис. 5, 6) Фуада Сафара называют «профессор Сафар» или «доктор Сафар». Прояснение вопросов «Были ли у Ф. Сафара степень доктора, звание профессора? Когда и где присвоены? Были ли награды государственного уровня?» через иракских коллег в Багдадском университете дало отрицательные ответы. Данную информацию подтвердили сотрудники старшего возраста Национального музея Ирака, а также просмотренные документы Управления древностей и других внутренних служб Ирака, связанных с археологией. В них имя Фуада Сафара не предваряют слова «доктор» или «профессор». Сам Фуад Сафар так не подписывался. Однако его авторитет в глазах археологов-ближневосточников всего мира столь велик, что в историю он вошел как «профессор Фуад Сафар»².

Таким образом, Фуад Сафар был одним из первых иракцев, которые самостоятельно возглавили археологические экспедиции и проводили разведки обширных регионов; также он был одним из основателей и ведущих преподавателей кафедры археологии в Багдадском университете; участвовал в создании и руководстве международного научного журнала *Sumer*; являлся специалистом по древним арамейским, клинописным и классическому арабскому языкам; с 1956 г. занимал должность генерального инспектора раскопок в Ираке.

Среди его учеников — д-р Иса Сальман, который получил докторскую степень в Чикагском университете и впоследствии стал директором Главного Управления древностей в Ираке, д-р Тарик Мазлум и д-р Бехнам Абу аль-Суф, которые получили докторскую степень в Кембриджском университете, успешно работали в Управлении древностей и Багдадском университете, а кроме того, многие другие иракские археологи.

¹ См., например: Lloyd S. Abu Shahrein: A Memorandum // *Iraq*. 1974. 36. №. 1–2. P. 129.

² Obituary: Prof. Fuad Safar. P. A-D [in Engl.], P. ١-٣ [in Arab.]; Mallowan M. Professor Fuad Safar. P. i; Gullini G. Obituary: Prof. Fuad Safar // *Mesopotamia: Rivista di Archeologia, Epigrafia e Storia Orientale Antica*. 1978–1979. XIII–XIV. P. V; Мунчаев Р. М. К истории российских археологических исследований в Месопотамии // Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я., Амиров Ш. Н. Телль Хазна I. Культурно-административный центр IV–III тыс. до н. э. в Северо-Восточной Сирии. М.: Палеограф, 2004. С. 384 и др.

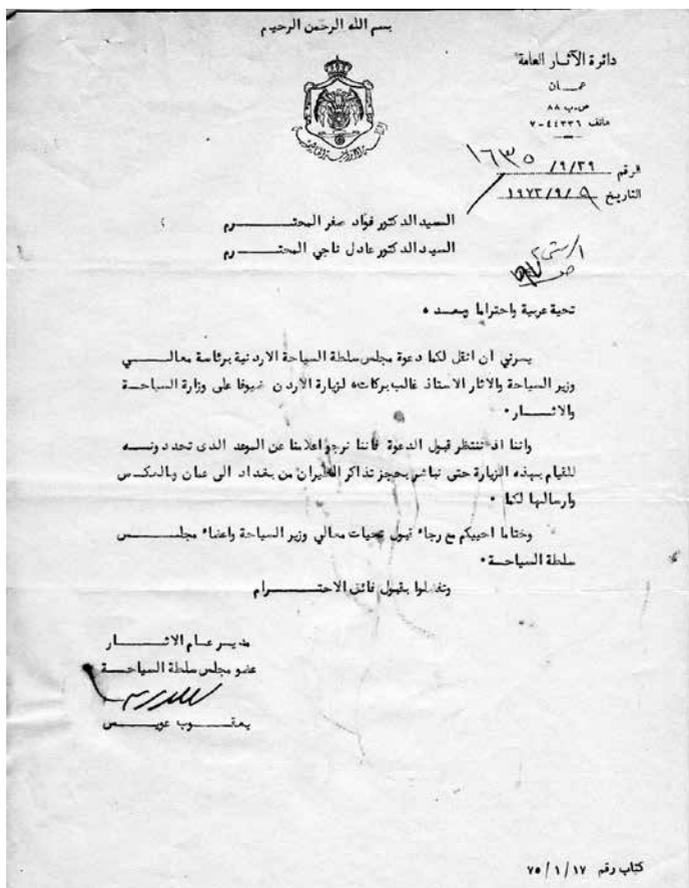

Рис. 5. Приглашение Фуаду Сафару и Адель Наджи (№ 1635.9.39 от 09.09.1973) от Совета по туризму Иордании во главе с министром туризма и древностей проф. Галемом Баракатом посетить Иорданию в качестве гостей Министерства туризма и древностей. Приглашение подписал директор Главного управления древностей, член Совета управления по туризму Якуб Увайс

С конца 1950-х — в 1960-е гг. Ирак вступает в период военных переворотов и политической нестабильности. На своем посту в Управлении древностей Ф. Сафар сделал многое, чтобы археологи — иракские и представители других стран — могли работать в Ираке, даже когда политическая обстановка тому не способствовала. Приоритетом для этого человека оставалась археология, а не политика или иные конъюнктурные моменты.

Интересно, что именно Сафар стал одним из «крестных отцов» советской археологической экспедиции в Месопотамии, 50-летие начала работ которой

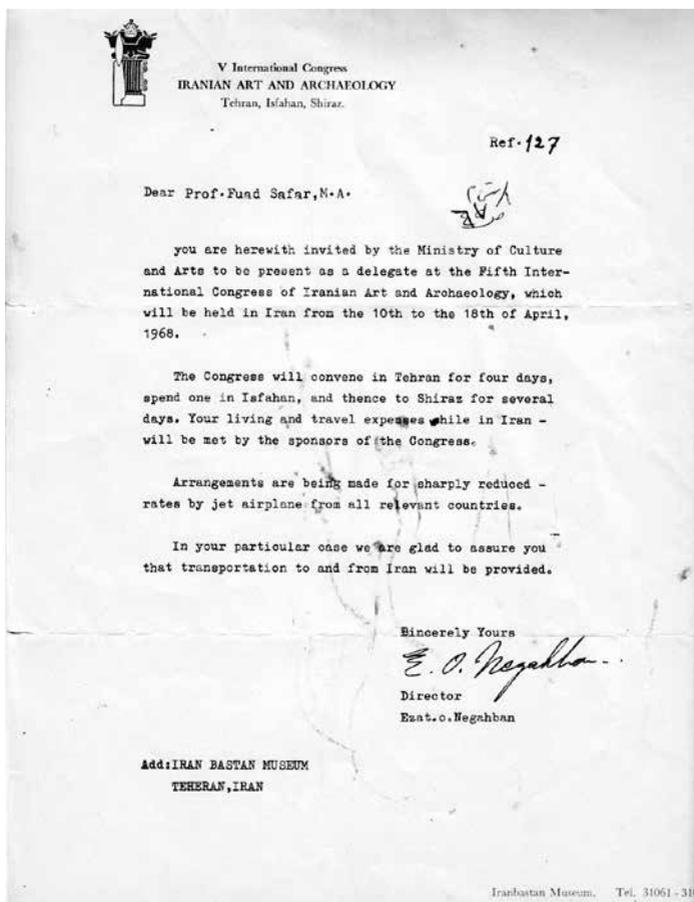

Рис. 6. Приглашение Фуада Сафара иранской стороной на V Международный конгресс по искусству и археологии Ирана, проведение которого было запланировано с 10 по 18 апреля 1968 г. в Тегеране, Исфахане и Ширазе

в 2019 г. отмечает российская наука. Р. М. Мунчаев, бессменный руководитель экспедиции, так излагает события, предшествовавшие ее созданию: «В 1966 г. в процессе визита делегации Академии наук СССР во главе с Б. Б. Пиотровским в Багдад по случаю открытия Национального археологического музея Ирака состоялись переговоры с директором Управления древностей проф. Фейсалом аль Валли и генеральным инспектором раскопок в Ираке проф. Фуадом Сафаром. Во время их проведения было высказано обоюдное недоумение по поводу того, что до сих пор в Ираке не работают археологи из России, и руководство Управления древностей в Ираке предложило организовать российскую архео-

логическую экспедицию в Двуречье. Эта поездка делегации АН СССР в Ирак и последующие за ней активные действия со стороны Института археологии АН СССР и персонально заместителя директора Института Е. И. Крупнова стимулировали решение давно назревшего вопроса организации российских археологических исследований в Месопотамии»¹.

В сотрудничестве с ЮНЕСКО Ф. Сафар курировал реставрационные и охранные проекты важнейших памятников Ирака. Во время одной из таких инспекционных поездок в период проведения спасательных работ, предшествовавших строительству плотины Хамрин и включавших исследования более 80 археологических объектов, Ф. Сафар погиб в автокатастрофе. Это произошло 9 января 1978 г. между Багдадом и Эль-Микдадией. Смерть ученого опередила на 2 с половиной года иракско-иранскую войну и дальнейшую череду крупных разрушительных военных конфликтов, в которых Ирак с небольшими перерывами в течение более трех десятилетий принимал непосредственное участие.

Полевые работы Ф. Сафара, его научная и организационная деятельность внесли неоспоримый вклад в становление и золотой век иракской археологии. Способствовали этому, как представляется, высокий профессионализм, энергия и целеустремленность, оптимальный баланс между патриотизмом и открытостью миру Фуада Сафара. Большинство из предпринятых им начинаний продолжают свое развитие в новых условиях и с применением новых технологий уже в XXI веке.

Список литературы

1. Adams R. Land behind Baghdad. Chicago: The University of Chicago Press, 1965. 187 p.
2. Al-Gailani Werr L. Fuad Safar // Meyers E. M. (ed.). The Oxford Encyclopedia of Archaeology in the Near East. Vol. IV. New York – Oxford: The Oxford University Press, 1997. P. 448.
3. Gullini G. Obituary: Prof. Fuad Safar // *Mesopotamia: Rivista di Archeologia, Epigrafia e Storia Orientale Antica*. 1978–1979. XIII–XIV. P. V.
4. Hatra: IS damage to ancient Iraqi city less than feared. URL: <https://www.bbc.com/news/world-middle-east-39770395> (дата обращения: 22.07.2019).
5. Jacobsen T., Adams R. M. Salt and Silt in Ancient Mesopotamian Agriculture: Progressive changes in soil salinity and sedimentation contributed to the breakup of past civilizations // *Science*. 1958. 128. № 3334. P. 1251–1258.
6. Lloyd S. Abu Shahrein: A Memorandum // *Iraq*. 1974. 36. № 1–2. P. 129–138.

---

¹ Мунчаев Р. М. К истории российских археологических исследований в Месопотамии. С. 384.

7. Lloyd S., Safar F., Frankfort H. Tell Uqair: Excavations by the Iraq Government Directorate of Antiquities in 1940 and 1941 // *Journal of Near Eastern Studies*. 1943. 2. P. 131–158.
8. Lloyd S., Safar F. Tell Hassuna: Excavations by the Iraq Directorate General of Antiquities in 1943 and 1944 // *Journal of Near Eastern Studies*. 1945. 4. P. 255–289.
9. Mallowan M. Professor Fuad Safar // *Iraq*. 1978. 40. № 1. P. i.
10. Naji al Asil. Editorial Notes and Archaeological Events: the Assyrian Palace at Nebi Unis // *Sumer*. 1954. 10. P. 110–111.
11. Obituary: Prof. Fuad Safar // *Sumer*. 1977. 33. № 1–2. P. A–D [in Engl.], P. ١-٢ [in Arab.].
12. Saad Ayoub. Fuad Safar (1913–9.1.1978) // *Archiv für Orientforschung*. 1978/1979. 26. P. 243–244.
13. Safar F. Old Babylonian Contracts from Marad. Chicago: University of Chicago, Department of Oriental Languages and Literatures, 1938. 61 p.
14. Safar F. Wasit. The Sixth Season's Excavations. Cairo: Imprimerie de l'Institut Français d'Archeologie Orientale, 1945. 54 p. + plates.
15. Safar F. Sennacherib's Project for Supplying Erbil with Water // *Sumer*. 1947. 3. № 1. P. 71–86. (In Arabic).
16. Safar F. The Temple of Sibitti at Khorsabad // *Sumer*. 1957. 13. P. 219–221.
17. Safar F., Ali Mustafa M., Lloyd S. Eridu. Baghdad: State Organization of Antiquities and Heritage, 1981. 360 p.
18. Safar F., Muhammad A. M. *Al-Hatra: Madynat al-shams* (Hatra: The City of the Sun God). Baghdad: Directorate General of Antiquities, 1974. 468 p. (In Arabic).
19. Fuad Safar (URUK-WARKA translation of the Arabic text from Dr. Bahnam Abulsoof website). URL: <http://uruk-warka.dk/FS.html> (дата обращения: 20.09.2019).
20. Большаков О. Г. История халифата: 696–750. Т. IV. М.: Восточная литература, 2010. 368 с.
21. Вклад проф. Фуада Сафара (1911–1978) в иракскую археологию // Блог д-ра Ибрагима ал-'Аллафа. (*Джухуд ал-устаз Фу'ад Сафар 1911–1978 фи-л-майдан ал-асари ал-'ираки // Мудавванат ад-дукур Ибрахим ал-'Аллаф*). URL: <https://www.wallafblogspotcom.blogspot.com/2013/06/1911–1978.html> (дата обращения: 20.09.2019). (На араб.).
22. Закон о гражданской пенсии № 33 — 18.04.1966, Ирак (*Qanun al-taq'a'ud al-madani* № 33, 1966, al-'Iraq). URL: <http://iraqid.hjc.iq:8080/LoadLawBook.aspx?SC=031220056442898> (дата обращения: 20.09.2019). (На араб.).
23. Ибн ал-Факих. Ахбар ал-булдан (Известия о странах). Введ., пер. с араб., изд. текста и коммент. А. С. Жамкочяна. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1979. 319 с.
24. Источниковедение истории Древнего Востока. Под ред. В. И. Кузищина. М.: Высшая школа, 1984. 390 с.
25. Ллойд С. Археология Месопотамии. М.: Наука, 1984. 280 с. (Перевод: Lloyd S. The Archeology of Mesopotamia. London: Thames and Hudson, 1978. 252 p.)
26. Мунчаев Р. М. К истории российских археологических исследований в Месопотамии // Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я., Амиров Ш. Н. Телль Хазна I.

Культово-административный центр IV–III тыс. до н. э. в Северо-Восточной Сирии. М.: Палеограф, 2004. С. 383–395.

27. Раф'ат Абдарраззак Мухаммад. Фуад Сафар и журнал *Sumer* (*Фу'ад Сафар ва маджаллат «Сумир»*) // *Ал-Мада*. 25.07.2018. URL: <https://almadasupplements.com/news.php?action=view&id=20132#sthash.hPh6nO5l.dpbs> (дата обращения: 20.09.2019). (На араб.).

28. Хамид ал-Матба'и. Д-р Бехнам Абу ас-Суф // *Ал-Маусу'а ал-муфаккирин ва-л-удаб а-иракиййин* [Энциклопедия иракских интеллектуалов и писателей]. Т. 22. Багдад: *Дар аш-шу'ун ас-сакафийа ал-'амма*, 1995. 178 с. URL: https://drive.google.com/file/d/1wr6JyZWTML8m3CwfvM_ymiSe4gWfbk57/view (дата обращения: 20.09.2019). (На араб.).

References

1. Adams R. Land behind Baghdad. Chicago: The University of Chicago Press, 1965. 187 p.

2. Al-Gailani Werr L. Fuad Safar // Meyers E. M. (ed.). The Oxford Encyclopedia of Archaeology in the Near East. Vol. IV. New York – Oxford: The Oxford University Press, 1997. P. 448.

3. Bolshakov O.G. Istoriya khalifata: 696–750. [History of the Caliphate: 696–750]. Vol. IV. Moscow: Vostochnaya literatura, 2010. 368 p. (In Russian).

4. Djuhud al-ustadh Fu'ad Safar 1911–1978 fi-l-maydan al-athari al-'iraqi // Mudawwanat al-duktur Ibrahim al-'Ilaf. [Contribution of Prof Fu'ad Safar (1911–1978) to the Iraqi Archaeology // Blog of Dr Ibrahim al-'Ilaf.] URL: <https://www.allafblogspot.com/blogspot.com/2013/06/1911–1978.html> (accessed 20.09.2019). (In Arabic).

5. Fuad Safar (URUK-WARKA translation of the Arabic text from Dr. Bahnam Abulsoof website). URL: <http://uruk-warka.dk/FS.html> (accessed 20.09.2019).

6. Gullini G. Obituary: Prof. Fuad Safar // *Mesopotamia: Rivista di Archeologia, Epigrafia e Storia Orientale Antica*. 1978–1979. XIII–XIV. P. V.

7. Hamid al-Matba'и. Al-duktur Bahnam Abu al-Suf // Al-Mawsu'a al-mufakkirin wa-l-udaba al-'iraqiyyin. [Hamid al-Matba'и. Dr Bahnam Abu al-Suf // Encyclopaedia of Iraqi intellectuals and writers]. Vol. 22. Baghdad: Dar al-shu'un al-thaqafiyya al-'amma, 1995. 178 p. URL: https://drive.google.com/file/d/1wr6JyZWTML8m3CwfvM_ymiSe4gWfbk57/view (accessed 20.09.2019). (In Arabic).

8. Hatra: IS damage to ancient Iraqi city less than feared. URL: <https://www.bbc.com/news/world-middle-east-39770395> (accessed 22.07.2019).

9. Ibn al-Fakih. *Ahbar al-Buldan* (Izvestiya o stranah). [Reports about the countries]. Introduction, translation from Arabic, editing of text and comments by A. S. Jamkochan. Yerevan: Izdatelstvo AN ArmSSR, 1979. 319 p. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus10/Hamadani4/text1.phtml?id=1679> (accessed 20.09.2019). (In Russian).

10. Istochnikovedenie istorii Drevnego Vostoka. [Source studies of the history of the Ancient East] / V. I. Kuzischin (ed.). Moscow: Vysshaya shkola, 1984. 390 p. (In Russian).

11. Jacobsen T., Adams R.M. Salt and Silt in Ancient Mesopotamian Agriculture: Progressive changes in soil salinity and sedimentation contributed to the breakup of past civilizations // *Science*. 1958. 128. № 3334. P. 1251–1258.

12. Lloyd S. Abu Shahrein: A Memorandum // *Iraq*. 1974. 36. № 1–2. P. 129–138.

13. Lloyd S. The Archeology of Mesopotamia. London: Thames and Hudson, 1978. 252 p. (Russian translation: Lloyd S. Arheologiya Mesopotamii. Moscow: Nauka, 1984. 280 p.).

14. Lloyd S., Safar F. Tell Hassuna: Excavations by the Iraq Directorate General of Antiquities in 1943 and 1944 // *Journal of Near Eastern Studies*. 1945. 4. P. 255–289.

15. Lloyd S., Safar F., Frankfort H. Tell Uqair: Excavations by the Iraq Government Directorate of Antiquities in 1940 and 1941 // *Journal of Near Eastern Studies*. 1943. 2. P. 131–158.

16. Mallowan M. Professor Fuad Safar // *Iraq*. 1978. 40. № 1. P. i.

17. Munchaev R.M. K istorii rossiyskikh arheologicheskikh issledovanii v Mesopotamii. [On the history of Russian archaeological studies in Mesopotamia] // Munchaev R. M., Merpert N. Ya., Amirov Sh. N. Tell Hazna I. Kul'tovo-administrativnyi tsentr IV–III tys. do n.e. v Severo-vostochnoy Sirii. [Tell Hazna I. Religious and Administrative Center of IV-III millennium BC in North-East Syria]. Moscow: Paleograph, 2004. P. 383–395. (In Russian).

18. Naji al Asil. Editorial Notes and Archaeological Events: the Assyrian Palace at Nebi Unis // *Sumer*. 1954. 10. P. 110–111.

19. Obituary: Prof. Fuad Safar // *Sumer*. 1977. 33. № 1–2. P. A-D [In English], P. ١-٢ [In Arabic].

20. *Qanun al-taqa'ud al-madani* №33, 1966, al-'Iraq. [Civil Pension Law № 33, 1966, Iraq.] URL: <http://iraqid.hjc.iq:8080/LoadLawBook.aspx?SC=031220056442898> (accessed 20.09.2019). (In Arabic).

21. Raf'at Abd al-Razzaq Muhammad. Fuad Safar wa majallat “Sumer” [Fuad Safar and “Sumer” journal] // *Al-Mada*. 25.07.2018. URL: <https://almadasupplements.com/news.php?action=view&id=20132#sthash.hPh6nO5l.dpbs> (accessed 20.09.2019). (In Arabic).

22. Saad Ayoub. Fuad Safar (1913–9.1.1978) // *Archiv für Orientforschung*. 1978/1979. 26. P. 243–244.

23. Safar F. Old Babylonian Contracts from Marad. Chicago: University of Chicago, Department of Oriental Languages and Literatures, 1938. 61 p.

24. Safar F. Sennacherib's Project for Supplying Erbil with Water // *Sumer*. 1947. 3. № 1. P. 71–86. (In Arabic).

25. Safar F. The Temple of Sibitti at Khorsabad // *Sumer*. 1957. 13. P. 219–221.

26. Safar F. Wasit. The Sixth Season's Excavations. Cairo: Imprimerie de l'Institut Français d'Archeologie Orientale, 1945. 54 p. + plates.

27. Safar F., Ali Mustafa M., Lloyd S. Eridu. Baghdad: State Organization of Antiquities and Heritage, 1981. 360 p.

28. Safar F., Muhammad A.M. *Al-Hatra: Madynat al-shams* (Hatra: The City of the Sun God). Baghdad: Directorate General of Antiquities, 1974. 468 p. (In Arabic).

Author's information

Tatiana V. Kornienko

PhD (History), Associate Professor, Department of International History,
Voronezh State Pedagogical University

86, Lenina St., Voronezh, 394043, Russia

E-mail: zigzinatvk@gmail.com

Информация об авторе

Корниенко Татьяна Владимировна

кандидат исторических наук, доцент, кафедра зарубежной истории,
Воронежский государственный педагогический университет

РФ, 394043, Воронеж, ул. Ленина, 86

E-mail: zigzinatvk@gmail.com

Julietta I. Meskhidze (MAE RAS, St Petersburg, Russia)

On the Sources for the History of Plastic Art of the Chechen Republic

Summary: Following the accession of Chechnya to the Russian Empire, the descriptions of military intelligence gave way to scholarly interest in its early history and culture. Dedicated activities of Russian academic organisations and scholars, and the involvement of local guides and interpreters led to the accumulation of significant data and gathering art collections, which helped to comprehend the cultural-historical panorama of Chechnya. Multidisciplinary academic expeditions encompassing archaeological, ethnographic and linguistic research became a priority of Russian Caucasian studies in the 1920–1930s.

The article considers the work of the North Caucasian expedition of the Institute of the History of Material Culture of the USSR Academy of Sciences in 1939, led by Aleksei Machinsky (1910–1942). The materials of the expedition include a handwritten field diary of the archaeological survey of the Itum-Kalinsky district and two albums of photographs as a visual supplement to it. The diary contains many detailed descriptions, ethnographic and folklore records, such as stories about ancient deities and related rites, legends on the origin of villages, the construction of combat and dwelling towers, military clashes and peaceful relations between neighbouring mountain communities. It also contains plans of burial grounds, sketches of towers and embossed images on stones. Among other issues, two topics related to Chechen sculpture history stand out: information about “the sculptural portrait of Prince Sepo” on the combat tower in the village of Tsoi Pede and photographs of carved stones in the walls of the mosque in the village of Tsentaroi.

Thus, on the wall of the Tsoi Pede tower there was “an image of a man with arms stretched out and legs spread”. His figure was “laid out of white stones”, and his head was “made of a separate stone with roughly outlined features”. According to the local residents, this was the image of “Sepo — the last prince of Tsoi Pede”. At present, it is usually interpreted as an image of St George who guarded the crypts of ancestors and the people of Tsoi Pede. St George is sometimes also associated with the embossed image on the Tsentaroi Mosque (built in the 19th century): a dismounted hero with *Zulfikar* sword, a key symbol of Shiite art, is fighting the dragon. The decorative design of the mosque includes other embossed images, such as numerous Arabographic inscriptions, solar signs, ornamental motifs. Given the above-mentioned Shiite connotations, a Muslim interpretation of the image of the dragon slayer could

not be ruled out. Obviously, these reliefs should be considered not only from the point of view of the history of fine arts and sculpture in particular, but also in the context of the history of Muslim architecture in Chechnya.

The materials of the expedition are of great interest for understanding the development of the plastic art in Chechnya. Further comprehensive study of local sculptural tradition will make it possible to establish its interrelations with other cultures, and would help to determine the place of Chechen cultural heritage in the global cultural space.

Keywords: Chechen Republic; history of plastic art; reliefs; stone sculptures; towers; mosques; architectural décor; Aleksei V. Machinsky.

Месхидзе Дж. И. (МАЭ РАН, Санкт-Петербург)

К источниковедению истории пластического искусства Чеченской Республики

Резюме: Вслед за присоединением Чеченской территории к Российской империи описание военно-разведывательного характера сменялись научным интересом к ее ранней истории и культуре. Целенаправленная деятельность столичных научных организаций и ученых, привлечение к сотрудничеству местных проводников и переводчиков позволили накопить значительные сведения и художественные коллекции для расширения знаний и осмысления культурно-исторической панорамы Чечни. Приоритетным направлением отечественного кавказоведения 20–30 годов XX века была комплексная экспедиционная практика, включавшая археологические, этнографические и лингвистические исследования.

В статье, в частности, рассматриваются материалы, собранные Чеченским отрядом Северо-Кавказской экспедиции Института истории материальной культуры АН СССР 1939 года под руководством Алексея Владимировича Мачинского (1910–1942). Материалы экспедиции включают рукописный полевой дневник по археологическому обследованию Итум-Калинского района и два альбома фотоснимков в качестве особого визуального дополнения к нему. Насыщенный множеством детальных описаний, этнографических и фольклорных записей — рассказов местных жителей о древних божествах и связанных с ними обрядах, легенд о происхождении ряда селений, строительстве боевых и жилых башен, о военных столкновениях и мирных взаимоотношениях между соседними горными обществами, полевой дневник содержит планы могильников, зарисовки башен и рельефных изображений на камнях. Из них особенно выделяются два важных для изучения истории пластического искусства Чечни сюжета: информация о «скульптурном изображении князя Сеп» на боевой башне в селении Цой Педи и фотографии «резных камней», встроенных в стены мечети в селении Центарой. В дневнике сообщается, что в верхней части боевой башни в Цой Педи находилось «изображение человека с раскинутыми руками и расставленными ногами». Его фигура была «выложена из белого камня», а голова «дана отдельным

камнем с грубо намеченными чертами лица». По мнению местных жителей, это было «изображение Сепо — последнего князя Цой Педе». В настоящее время его обычно интерпретируют как Святого Георгия, охранявшего склепы предков и жителей Цой Педе. С образом Святого Георгия некоторые связывают и рельефное изображение на стене Центаройской мечети (постройка XIX века): сошедший с коня герой с мечом Зульфикар — ключевым символом шиитского искусства — сражается с драконом. Декоративное оформление мечети включает и другие рельефные изображения (арабографичные надписи, солярные знаки, орнаментальные мотивы). Рассматривать эти рельефы необходимо не только с точки зрения истории изобразительного искусства и скульптуры в частности, но и истории мусульманской архитектуры Чечни.

Материалы экспедиции представляют большой интерес для изучения истории пластического искусства Чечни. Комплексное изучение местной скульптурной традиции даст возможность проследить контакты и взаимовлияния с другими культурами, что в дальнейшем поможет определить место чеченского культурного наследия в общемировом культурном пространстве.

Ключевые слова: Чеченская Республика; история скульптуры; рельефные изображения; каменные изваяния; башни; мечети; архитектурный декор; А. В. Мачинский.

Первые исследования чеченских древностей, начавшиеся со случайной находки 1 августа 1844 г. при строительстве Воздвиженского укрепления на месте уничтоженного селения Чахкери (*Чахкар / Чаххера*) и поддержанные в 1868 г. публикацией об обнаруженных в окрестностях Шароя бронзовых фигурках¹, упоминали и «оригинальные очертания» на старинных башнях, погребальных памятниках, культовых сооружениях². Вслед за присоединением Чечни к Российской империи военно-разведывательные описания территории постепенно сменялись научным интересом к ее — как и всего Кавказа в целом — многовековой культуре, ранней истории, связям с государствами Древнего Востока и Античного мира. «По следам совершивших свое славное дело русских военных людей, — возглашал 11 сентября 1881 г. на V Археологическом съезде в Петербурге, — возглашал 11 сентября 1881 г. на V Археологическом съезде в Петербурге»

¹ Ипполитов А. П. Этнографические очерки Аргунского округа (с тремя рисунками) // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 1. Тифлис, 1868. С. 49–52. Это была первая публикация о бронзовой художественной пластике Кавказа. См., например: Брилева О. А. Древняя бронзовая антропоморфная пластика Кавказа (XV в. до н. э. — X в. н. э.). М.: Таус, 2012; Давудов О. М. Изучение антропоморфных статуэток Северо-Восточного Кавказа // *Вестник Института ИАЭ*. 2015. № 4. С. 39–53.

² Исаев С. Х., Ахмаров А. У. К истории изучения петроглифов Чечни (краткий обзор) // *Кавказоведение: опыт, проблемы и перспективы. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 100-летию известного ученого-кавказоведа, профессора Валентины Павловны Невской* (г. Карачаевск, 18–19 октября 2019 г.) / Отв. ред. П. И. Абайханова (Магаяева). Карачаевск: Карачаево-Черкесский государственный университет им. У. Д. Алиева, 2019. С. 146–150.

логическом съезде в Тифлисе историк и общественный деятель Дмитрий Иванович Иловайский (1832–1920), — приходят мирные труженики науки, чтобы на месте изучать и удивляться историческим памятникам Кавказа»¹.

Перспектива комплексных исследований, разработанная на форуме, среди прочего включала и обследование произведений «искусств и художеств». Внимание к серьезным масштабам их расхищения и уничтожения, с одной стороны, а с другой — атмосфера всеобщего увлечения коллекционированием, моды на кавказскую архаику (особенно «кобанские бронзы»²), были недвусмысленно обозначены председателем Императорской Археологической Комиссии Алексеем Алексеевичем Бобринским (1861–1938) в письме от 10 марта 1886 г. Иллариону Ивановичу Воронцову-Дашкову (1837–1916), министру императорского двора. В нем сообщалось, что «русские археологи и любители старины» ведут раскопки «по заданию» иностранных заказчиков и публикуют свои научные материалы в зарубежных изданиях. Кроме того, А. А. Бобринский рекомендовал запретить Высочайшим повелением вывоз древностей за рубеж — и эта интенция нашла поддержку у Александра Михайловича Дондукова-Корсакова (1820–1893), занимавшего в то время пост Главноначальствующего на Кавказе³. В 1888 г. председатель Комиссии отправился в поездку на Кавказ и, будучи в Терской области, проводил археологические изыскания, в том числе и в окрестностях Грозного, близ аулов Алды, Алхан-Юрт, Закан-Юрт, Урус-Мартан⁴.

Целенаправленная деятельность столичных научных организаций и ученых, привлечение к сотрудничеству местных жителей, энтузиастов, проводников и переводчиков позволили накопить значительные сведения для каталогизации памятников древности и художественно-исторических ценностей, для пополнения материальной базы формировавшихся частных и музейных коллекций, для расширения знаний и дальнейшего осмысления культурной панорамы Чечни в ее исторической перспективе. Открытие 7 ноября 1924 г. Грозненского окружного музея по истории культуры и религии (с 1926 г. — Областной музей

¹ Труды V Археологического съезда в Тифлисе. 1881 / Под ред. гр. Уваровой. М., 1887. С. XVI.

² См., например: Доманский Я. В. Древняя художественная бронза Кавказа в собрании Государственного Эрмитажа. М.: Искусство, 1984; Козенкова В. И. Специфика духовного мира кобанских племен. М.: ИА РАН, 2017.

³ Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / Науч. ред.-сост. А. Е. Мусин. Под общей ред. Е. Н. Носова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. С. 109. Высочайшее повеление 1889 г. закрепляло исключительное право ИАК выдавать разрешение на археологические исследования в Российской империи и контролировать все проводившиеся раскопки.

⁴ Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917). С. 714, 719.

краеведения, ныне — Национальный музей Чеченской Республики) и начавшееся комплектование собраний, — основу которого заложил его заведующий Борис Скалиотти, филателист и коллекционер старинных вещей,¹ — во многом тому способствовало.

Восприняв лучшие традиции кавказоведения предшествующего периода, ученые 1920–1930-х гг. продолжали реализовывать и развивать их в своих исследованиях. Нередко намеченные ими темы, оставленные «на полях» наблюдения, зафиксированные свидетельства или мимолетный объект интереса становятся источником сегодняшних «открытий» и новых прочтений. В полной мере это относится к Алексею Владимировичу Мачинскому (1910–1942)², полевые дневники которого, хранящиеся в Рукописном отделе Научного архива Института истории материальной культуры РАН, не опубликованы и по сей день. Его археологическая практика начиналась в 1928–1929 гг. под руководством Александра Александровича Миллера (1875–1935) в Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК, и с тех пор его научные интересы были связаны с археологией Кавказа и прежде всего — Чечни.

Планомерно продолжая разведки и раскопки во второй половине 30-х годов XX в., А. В. Мачинский в августе 1939 г. возглавил небольшой — в составе научных сотрудников Веры Николаевны Полторацкой и Ксении Александровны Ракиной³ — Чеченский отряд Северо-Кавказской экспедиции ИИМК АН СССР. Дневниковые записи по археологическому обследованию Итум-Калинского района (на 79 листах) были начаты седьмого августа 1939 г. — в день отъезда из Ленинграда — и окончены двадцать девятого августа того же года. Насыщенный множеством детальных описаний, этнографических и фольклорных повествований — рассказов местных жителей о древних божествах и связанных с ними обрядах, легенд о происхождении ряда селений, строи-

¹ К сожалению, развернутых биографических сведений о Борисе Скалиотти, включая даты его жизни, пока обнаружить не удалось.

² Смирнов Н. Ю. Археолог Алексей Владимирович Мачинский // Ладога и проблемы древней и средневековой истории Северной Евразии. СПб.: Нестор-История, 2016. С. 6–43.

³ Вера Николаевна Полторацкая (1899–1980) принимала участие во многих археологических экспедициях. Область ее научных интересов была связана с историей ранних кочевников Сибири; работая научным сотрудником в Государственном Эрмитаже (1947–1961), она проводила большую работу по изучению и хранению коллекций Пазырыкских курганов.

Ксения Александровна Ракина (1909–1979) — родилась в Петербурге, в 1932 г. окончила Восточное отделение Ленинградского Историко-Лингвистического института, кавказовед. Владела грузинским и несколькими языками Северного Кавказа (а также английским и французским), являлась сотрудницей Кавказского Кабинета ИВ АН СССР, Публичной библиотеки, Государственного Эрмитажа (1936–1938, 1939–1973); была награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945».

В Центарое ленинградских ученых из экспедиции А. В. Мачинского в 1939 г. сопровождал и всячески содействовал их работе местный житель Аляуди Мусханов.

Илл. 1. Аляуди Мусханов. Чеченская Республика, с. Центарой. 1939 г.
Фотоколлекция МАЭ РАН. Музейный номер МАЭ И 1070-3-2

Илл. 2. Семья Мусхановых в аллее за домом. Чеченская Республика, с. Центарой. 1939 г.
Фотоколлекция МАЭ РАН. Музейный номер МАЭ И 1070-6-2

тельстве боевых и жилых башен, о военных столкновениях и мирных взаимоотношениях между соседними горными обществами, дневник содержит планы могильников, зарисовки сооружений и петроглифов. Составной частью экспедиционного отчета являлись фотографические альбомы. В данной статье акцент сделан на двух сюжетах, зафиксированных в материалах экспедиции: рассказ о князе Сепо, записанный в Малхисте, и фотографические снимки «резных камней» Центаройской мечети, которые и стали поводом для обращения к теме истории изобразительного искусства в Чеченской Республике, и к памятникам скульптуры — в первую очередь.

17 августа 1939 г. группа ленинградских археологов вступила на территорию области Малхиста (Мелхиста/ *Маьлхиста* (чеч. — «Страна солнца») / *Маьлх Йист* (чеч. — «Солнечная окраина»/ «Близко к солнцу»), граничившей на севере с Кейн Мохк, на северо-западе — с Терла, на востоке — с Майста, на западе — с Цори (ныне — территория Ингушетии), на юге — с хевсурским Шатили (Грузия). Замкнутая пределами ущелья, Малхиста представляла собой особое, самостоятельное политическое и культурное пространство, в социально-экономическом отношении тесно связанное с горными районами Восточной Грузии¹. Проводником и информантом исследователей был житель селения Сахана Магома Ецаев, сообщивший несколько примечательных фамильных и общинных историй, транслировавшихся в памяти многих поколений. Среди них — рассказ, зафиксированный в полевом дневнике А. В. Мачинского, о некогда жившем в селении Цой Педе (*Цой Пхьеда* (чеч. — «Поселение Божества»)) князе по имени Сепо. Согласно легенде, он всячески притеснял людей, но одолеть его никто не мог, поскольку справиться с ним было возможно лишь его собственным оружием. И вот однажды некий юноша пришел в «княжеский» дом и похитил шашку; отломав ее конец, он подошел к Сепо и спросил, узнает ли тот, что это, и после — убил его. «Голова князя Сепо отскочила и прыгнула через реку на другую сторону, в тех местах, где она прикасалась

¹ Ахмадов Я. З. Очерк исторической географии и этнополитического развития Чечни в XVI–XVIII веках. М.: Благотворительный фонд поддержки чеченской литературы, 2009. С. 121. Грузинское (первоначально — хевсурское) название Малхисты — Митхо; вместе с Майсты она входила в состав Грузии (округ Аллаго / Алако), 20 августа 1928 г. была присоединена к Чеченской АО РСФСР [Nachkebia M. The Georgian Toponyms on the Territory of the North Caucasus (1944–1957) // *Spekali, Bilingual Scholarly Peer-Reviewed Journal of the Faculty of Humanities at Ivane Javakishvili Tbilisi State University*. URL: <http://www.spekali.tsu.ge/index.php/en/article/viewArticle/5/45> (дата обращения: 02.11.2019)]. После возвращения из депортации (1944–1957) жители Малхисты не могли попасть в родные селения, которые — как и другие горные территории — были объявлены полосой «запрета». В настоящее время эта историческая область включена в пределы Итум-Калинского района Чеченской Республики, большая ее часть (также и Цой Педе) — погранзона.

к земле, образовывались глубокие ямы, которые видны и теперь. С тех пор князей в Цой Педе не было»¹.

Легенда о князе Сепо (в иных вариантах имя звучит как Сип, Секки и др.²) перекликается с преданием о богине болезней Ун Нане / У Нане. Однажды она пришла в Цой Педе во время совершения братьями Цатеш, Матеш и Макхера поминок по матери. Тогда, чтобы Ун Нана не напустила мор и не погубила гостей, братья ударом сабли отсекали ей голову — и та, посылая малхистинцам зловещие проклятия, покатила по склону.

Омываемый реками Меши-Хи и Чанты-Аргун, Цой Педе был расположен на труднодоступном с трех сторон скалистом мысу, на высоте 1210 м над уровнем моря. С юга его защищали две контролировавшие ущелье боевые башни, с севера — боевая башня с примыкающей к ней крепостной стеной, в западной части которой находились ведущие в селение ворота. Уже в 1939 г. его территория была «покрыта развалинами жилых построек», от многих из них оставались «лишь груды камней», и только «в отдельных случаях» можно было установить план строений. Археологи осмотрели склеповый могильник на западном склоне холма и неплохо сохранившуюся на тот момент башню (обвалилась только верхняя часть). Вход в нее, как записал А. В. Мачинский, устроен с южной стороны; над ним вмонтирован камень «с вырезанным крестом и несколькими углублениями округлой формы (размер 35 × 15,5 см)», чуть ниже от входа, с левой стороны — камень с геометрическим рисунком. Западная стена фасада тоже была декорирована: в нижней ее части — четыре «резных камня»: с изображением руки и человека (37 × 32 см), с кружками и зигзагообразной линией (52 × 15 см), с «непонятными фигурами» (80 × 15 см) и камень «очень плохой сохранности». Наверху — «изображение человека с раскинутыми руками и расставленными ногами», его фигура «выложена из белого камня», а «голова дана отдельным камнем с грубо намеченными чертами лица». Проходившие мимо жители сказали, что это «изображение Сепо — последнего князя Цой Педе»³.

В настоящее время комплекс средневековых историко-архитектурных и археологических памятников Цой Педе (датируются V–XVIII вв.), включающий в себя две боевые башни, два столпообразных святилища и состоящий

¹ Дневник по археологическому обследованию Итум-Калинского района, записи легенд, поверий. Северо-Кавказская экспедиция ИИМК совместно с Чеченским научно-исследовательским институтом. Начальник экспедиции Круглов А. П. Чеченский отряд. Начальник отряда Мачинский А. В. // РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1939. Д. 58. Л. 31–32.

² Ошаев Х. Д. Малхиста (к характеристике пережитков родового строя) // *Революция и горец*. 1930. № 8 (22). С. 64–65; Чечено-ингушский фольклор: Собран Чечено-Ингушским научно-исследовательским институтом языка и истории и Союзом советских писателей Чечено-Ингушетии. М.: Гослитиздат, 1940. С. 249–251.

³ Дневник по археологическому обследованию Итум-Калинского района. Л. 49–51.

Илл. 3. Боевая башня в селении Цой Педе / Цой Пхьеда (Малхиста, Чеченская Республика). [В оригинале: «Мертвый город Цай-Пети. Изображение ... на стене башни».] Северо-Кавказская экспедиция ИИМК совместно с Чеченским научно-исследовательским институтом. Начальник экспедиции Круглов А. П. Чеченский отряд. Начальник отряда А. В. Мачинский. 1939 г.

ФО НА ИИМК РАН. О.1470-7

Илл. 4. Боевая башня в селении Цой Пеле / *Цой Пхьеда* (Малхиста, Чеченская Республика). [В оригинале: «Мертвый город Цай-Пети. Изображение ... на стене башни».] Северо-Кавказская экспедиция ИИМК совместно с Чеченским научно-исследовательским институтом. Начальник экспедиции Круглов А. П. Чеченский отряд. Начальник отряда А. В. Мачинский. 1939 г. ФО НА ИИМК РАН. О.1470-7 (фрагмент)

Илл. 5. Боевая башня в селении Цой Пеле (Малхиста, Чеченская Республика). Реставрационные работы. 2016 г. Фотография Хасана Хонкарова (личный архив)

из 42 склепов некрополь, один из крупнейших на Кавказе, — объект культурного наследия федерального значения. Находившаяся в критическом полуразрушенном состоянии боевая башня с образом «князя Сепо», которую с некоторых пор стали называть *Каш блув* (Могильная башня), в 2016 г. была отреставрирована. Вопрос об историчности «князя» и о том, был ли «скульптурный портрет» прижизненным, возвеличивающим его могущество и власть, либо являлся его посмертным «воплощением», остается открытым, как и другие возникающие вопросы. Но даже принимая во внимание наличие петроглифов, в том числе и антропоморфных, как отличительную особенность чеченских боевых башен¹, сам факт «присутствия» на одной

¹ Арсанукаев Р. Д. Чеченские петроглифы. Большой каталог. Париж, 2005; Ильясов Л. Петроглифы Чечни. Грозный: Чеченский государственный университет, 2014.

из них «мозаичной» фигуры со «скульптурным портретом» — явление примечательное. Было ли его создание проявлением творческой индивидуальности мастера-строителя или соответствовало определенной традиции, и если так — какой именно? Являясь неотъемлемым декоративно-художественным элементом данной башни, скульптурное изображение могло быть и элементом охранительной магии, выполняя функцию покровительства и защиты. Последняя интерпретация является наиболее распространенной, тем более что надверные антропоморфные орнаменты были довольно обычным элементом архитектурного декора. Вместе с тем есть и попытки персонификации образа: в частности, некоторые исследователи высказывают предположение, что это Святой Георгий. Характерно, что о христианском храме в Малхисте упоминал, например, Александр Юльевич Бальшин (?–1927)¹. Все предложенные трактовки имеют под собой достаточные основания, однако требуют более детальной научной аргументации, в частности, необходимо определить характерное для локального мелхистинского сообщества мировоззрение и установить круг идей, нашедших отражение в петроглифах и «скульптурном портрете».

Если говорить о мемориальной культуре, то в качестве объекта для сопоставления стоит обратиться к сопредельным регионам — в частности, к горной Грузии, где широкое распространение имели статуи, вполне реалистично передававшие внешний облик и прижизненные атрибуты покойного (одежду, боевое снаряжение, хозяйственные и ремесленные орудия). Изготавливались и каменные плиты «с горельефами, на которых высечена фигура умершего человека в полный рост, с характерными для конкретной эпохи элементами одежды»². Типологический ряд можно было бы расширить.

Что же касается непосредственно Чечни, то антропоморфные стелы из междуречья Хулхулая — Акса (селения Галайты, Замай-Юрт, Бети-Мохк), относящиеся к единому этнокультурному кругу (VI–V вв. до н. э.)³, и каменные изваяния богов древнего пантеона — одно из ярких явлений в ее культуре. К сожалению, решение вопросов «о взаимодействии местных вкусов с привнесенными», о связи антропоморфных изображений «со средневековыми и современными надмогильными антропоморфными плитами, широко распространенными по всему Северному Кавказу, независимо от вероиспо-

¹ Месхидзе Дж. И. Малоизвестные страницы Дагестано-Чеченской экспедиции 1923 г.: Материалы А. Ю. Бальшина «Разведка в Нагорной Чечне» // *Кунсткамера. Этнографические тетради*. 1998. № 12. С. 197.

² Грузины / отв. ред. Л. К. Бериашвили, Л. Ш. Меликишвили, Л. Т. Соловьева. М.: Наука, 2015. С. 489–490, 491.

³ Багаев М. Х. Культура горной Чечни и Дагестана в древности и средневековье. VI в. до н. э. — XII в. н. э. М.: Наука, 2008. С. 73–78, 275, 278, 285, 300, 302, 305, 310, 315, 360–361.

ведения населения», и с «синхронными и близкими памятниками Северного Причерноморья и Поволжья», делегированных еще в 1964 г. «делу будущего»¹, остается не вполне раскрытым. И здесь нельзя не согласиться с мнением И. В. Палагута о причинах небольшого количества обобщающих исследований памятников «первобытного» искусства, где бы «составлялись и анализировались его различные аспекты, проявляющиеся в различных человеческих сообществах». Главная — источниковедческая проблема, связанная с «фрагментарностью материала и неполнотой информации о месте исследуемых памятников искусства в культуре соответствующих обществ»². В Чеченской Республике эта проблема многократно умножена фактом разрушения и уничтожения объектов культурного наследия (а иногда и их следов) как в период активной исламизации Чечни в XIX в., так и вследствие депортации чеченцев в середине XX в. и в ходе военных действий в конце XX — начале XXI в.

Так, на территории Чечни сохранилось лишь единственное каменное изваяние — Вийлахское. Это находящаяся в западной части разрушенного и заброшенного селения Вийлах (общество Ялхорой Галанчожского района) грубая «статуя» богини плодородия Тушоли (такова стандартная интерпретация памятника) — по всей видимости, сохранившийся элемент древнего архитектурного (поминального?) комплекса. Она представляет собой вытесанную из скалы статичную фигуру высотой 4,5 м, с четко очерченным контуром головы и плеч и двумя сквозными отверстиями диаметром 20 см в области груди.

О бытовании скульптурных образов древних богов в источниках имеется ряд свидетельств. В том же Итум-Калинском дневнике А. В. Мачинского приводится сообщение о проведении совместных религиозных ритуалов хевсурами и майстинцами перед «божественной статуей» к северо-востоку от селения Саханы. «...Выше развалин жилой башни (возвышавшейся над селением) на обрывистом склоне горы стоит низкий столпообразный памятник (*лянг*), возможно, что верхняя часть его разрушена. Почти у самого основания, на юго-западной стороне (по направлению к селению) в нем имеется ниша. По рассказу Магомы Ецаева, прежде этому памятнику поклонялись. Сюда приезжали хевсурские

¹ Марковин В. И, Мунчаев Р. М. Каменные изваяния Чечено-Ингушетии // *Советская археология*. 1964. № 1. С. 164. В этом контексте представляется небезынтересным обратить внимание и на более ранние аналоги, например, антропоморфные каменные стелы IV тыс. до н. э., относительно недавно обнаруженные на Аравийском полуострове. См.: Пути Аравии. Археологические сокровища Саудовской Аравии: каталог выставки. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2011. С. 66–69.

² Палагута И. В. Доисторическое и традиционное искусство: на границе искусствоведения, археологии и этнологии // *Актуальные проблемы теории и истории искусства*: сб. науч. статей. Вып. 7 / Под ред. С. В. Мальцевой, Е. Ю. Станюкович-Денисовой, А. В. Захаровой. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2017. С. 24.

Илл. 6. Вийлахское каменное изваяние (богиня Тушоли?). Чеченская Республика¹

жрецы и ставили в нишу серебряное изображение — что-то вроде человека, и местное население поклонялось ему...»². В тексте документа 1849 г. есть описание «Майстского Джвари», являвшегося объектом «давнишнего почитания и обожания кистинцев»: «истукан деревянный, лицо обито серебром, вместо глаз вставлены два красных камня, обвернут лоскутками из разных материй белого и красного цвета»³. И эти эпизоды далеко не единичны.

Расширяя источниковедческий обзор скульптурного искусства Чечни, нельзя не привлечь полевые материалы А. Ю. Бальшина по итогам экспедиций 1923 г. в горные общества Майстой, Терлой, Чеберлой, Чиннахой, Шатой. Так, в них упоминается, что житель селения Юкер Келой (*Юкьер Кела*) Биза Абаев «при рытье ямы для картошки» обнаружил каменное изобра-

жение человеческой головы, размером чуть меньше естественной, и поднес ему «как диковинку»; она имела «два рога и фрагмент шеи, идущей столбиком от затылка». Недалеко от Нового Макажоя «на жилой башне Нурин гал» исследователь определил ее «законное место»: на верхней арке входной двери была воспроизведена «фигура мужчины в молитвенной позе с изображением солнца над ним», а по бокам арки из стены выдавались фрагментированные шей-столбики, предназначенные, по его мнению, для подобных голов. В майстинском «городище» Фарендз Кхел, во входной нише одного из склепов, было найдено каменное изображение кошачьей головы из мягкого пористого камня, сидевшей на длинном столбике, а точнее — оговаривает автор — «вид столбика,

¹ Культурный навигатор РФ. URL:<https://all.culture.ru/uploads/c20f419a91ab435fdf95d0b63756d218.JPG> (дата обращения: 02.11.2019).

² Дневник по археологическому обследованию Итум-Калинского района. Л. 30.

³ Акаев В. Х. Христианство в Чечне // Чеченцы / отв. ред. Л. Т. Соловьева, З. И. Хасбулатова, В. А. Тишков. М.: Наука, 2012. С. 423–424.

немного утолщенный конец которого был обработан в виде кошачьей головы, сделанной настолько неискусно, что ее можно было принять и за голову льва, медведя и т. п.»¹ Другую зооморфную голову — лошади — разыскал житель селения Харкарой Баймирза Обах.

В своих записях ученый оставил еще одно воспоминание — о статуе в селении Кокадой (*Кхоххта*). Там на вершине юго-восточного холма оказалась яма — по словам жителей, от фундамента бывшего святилища, перед которым «стояла лет 40 тому назад каменная фигура человека, почти в натуральный рост». Она была обращена к весеннему восходу солнца с поднятыми руками, аналогично некоторым наддверным орнаментам. По сведениям одних, это был женский персонаж, по словам других — мужской, «да еще с рогами»².

Закономерный интерес вызывает информация А. Ю. Бальшина о специфических причинах исчезновения предметов скульптурного искусства, в частности — архитектурного декора. В Кокадое с правой стороны входа в двухэтажную башню Юсупа Эльдиева и с обеих сторон окна второго этажа, находились «торчащие столбики шеи со следами отбитых голов». Хозяин объяснил, что на концах были расположены изваяния голов баранов, которые он отбил. Стоявший рядом участковый комиссар Косум Зорабов поддержал беседу и прибавил, что подобная же баранья голова находилась с правой стороны входа в его башню и была уничтожена его старшим братом «весьма несложным техническим способом». А именно: «на выступавшее из стены изображение вплотную к стене накладывались камни до тех пор, пока голова, не выдержав, отламывалась начисто. По его словам, способ этот не являлся патентом его брата, а был общим для всей Чечни». Как полагал исследователь, «в этих головах мы имеем переживание анимистического периода, родовые тотемы, превратившиеся, возможно, в нечто вроде духов-хранителей, а возможно, отчасти в нечто вроде герба, — особых для каждого основного рода»³.

Интерпретация антропо- и зооморфной пластики требует отдельного рассмотрения. Здесь хотелось бы лишь дополнить источниковедческую базу сообщением австрийского ученого, доктора географии Кенигсбергского университета Бруно Плечке (1897–1942), который в 1910–1920-х гг. путешествовал по горной Чечне и, переходя из дома в дом, профессиональным взглядом всматривался в их убранство. В избилующем «этнологически интереснейшими предметами» в малхистинском селении Тертые, в комнате одной из жилых башен, Б. Плечке восхитился огромным шкафом (со спальным местом), высотой два с половиной метра, длиной четыре метра и глубиной более метра, занимавшим

¹ Месхидзе Дж. И. Малоизвестные страницы Дагестано-Чеченской экспедиции 1923 г. С. 182–183.

² Там же. С. 186.

³ Там же. С. 187.

всю стену и полностью украшенным резным орнаментом, мотивы которого были связаны единым изобразительным принципом. Кроме орнамента шкаф был декорирован искусно вырезанными тремя лошадиными головами — они использовались в качестве «фурнитуры», поддерживая полку для домашней утвари¹. Учитывая резьбу, орнаменты, стилизованные зооморфные образы (в виде голов волков, горных козлов, баранов, туров и др.), используемые для создания предметов домашнего обихода, и рассматривая их в совокупности с петроглифическими образцами, с монументально-архитектурным декором, допустимо говорить о сформированном круге мировоззренческих и эстетических представлений, об определенившемся едином изобразительном стиле.

Существующую на сегодняшний день историографию истории скульптуры в Чеченской Республике нельзя назвать обширной. И особая роль в ней принадлежит одному из первых исследователей изобразительного искусства Петру Лукичу Лысенкову², изучавшему пластику камня и дерева в районе Ведено летом 1931 г. и оставившему, насколько известно, одну — но не потерявшую и сегодня своего значения — статью. Он обращался к «вещественным свидетелям влияния древних культур» на изделия народных мастеров и сделал важное наблюдение: умельцы преобразили дошедшие извне мотивы и технические приемы, создав собственный оригинальный стиль. Несмотря на заимствования арабских элементов и «даже случаев, роднящих их искусство с искусством византийским, прочитывается то своеобразие выполнения, которое позволяет считать эти работы типично чеченскими». Примечательно, что автор ставит проблему: «выяснить не столько привходящие элементы художественного творчества, сколько влияние, оказываемое творчеством местных художников «на соседние и другие, более отдаленные от нее страны, с которыми у нее были те или иные точки соприкосновения»³.

О богатых традициях камнерезного искусства Чечни и узкой специализации мастеров хорошо известно⁴. Как подтверждение тому, названия некоторых тайпов: *Тулгхой* — от «*тТулг*» («камень») и *Чхьарой* — от «*чхар*» («камень,

¹ Plaetschke B. Die Tschetschenen. Forschungen zur Völkerkunde des nordöstlichen Kaukasus auf Grund von Reisen in den Jahren 1918–1920 und 1927/28 // *Veröffentlichungen des Geographischen Instituts der Universität Königsberg Pr.* Heft XI / Herausgegeben von Dr. Arved Schultz. Hamburg: Friederichsen, de Gruyter & Co., 1929. P. 101–102.

² П. Л. Лысенков (1881–1959) — преподаватель черчения и рисования в реальном и педагогическом училищах Грозного, занимал пост председателя Союза художников Чечено-Ингушской АССР (1940 г.), автор «Азбуки в картинках» (Грозный: Грозненское областное издательство, 1947).

³ Лысенков П. Л. Заметки о памятниках материальной культуры и об изобразительном искусстве Чечено-Ингушетии // *Записки Чечено-Ингушского научно-исследовательского института языка и истории.* Т. 1. Грозный, 1938. С. 38, 40–41.

⁴ Ахмадов Я. З. Очерк исторической географии и этнополитического развития Чечни. С. 81.

Илл. 7. Мечеть в селении Центарой (памятник XIX в.)¹

валун, глыба»)² обозначают камнедобытчиков и камнетесов, а *Оьргхой* — зна-токов «*оьрг*», выбивания текстов и рисунков на камне³. Было бы логично привлечь к теме и данные о терминах, связанных с обработкой и резьбой по камню в чеченском языке, но подобная лингвистическая база еще не создана.

Петроглифическая традиция с ее истоками в глубокой древности имела временную непрерывность, по меньшей мере, до XVIII в. Сообщается и о практике повторного использования «резных камней» из разрушенных построек для строительства новых сооружений. Изображения чаще всего наносили на угловые камни, помещали возле окон и дверей. Самым непосредственным образом это относится и к декоративному убранству мечети в селении Центарой (Цонторой/*Цюьнтара*) Ножай-Юртовского района⁴, два рельефных рисунка которой были сфотографированы В. Н. Полторацкой во время экспедиционных археологических изысканий под руководством А. В. Мачинского в 1939 г. (снимки были воспроизведены в 2006 г. в книге Галины Вацлавны Длужневской⁵). Декоративное оформление мечети не ограничивается этими

¹ Сайт Администрации Ножай-Юртовского муниципального района Чеченской Республики. URL: http://nojay-urt.ru./index/fotoreportazh_o_gajone/0-62 (дата обращения: 02.11.2019).

² Вагапов А. Этимологический словарь чеченского языка. Тбилиси: «Фонд Кавказа»; Издательство «Меридиани», 2011. С. 589, 687.

³ Натаев С. А. Чеченские тайпы. Проблемы изучения природы, структуры и исторической динамики социальных институтов чеченцев. Махачкала: Алеф, 2013. С. 205–207.

⁴ После депортации чеченцев и упразднения Чечено-Ингушской АССР в 1944 г. Центарой был заселен выходцами из дагестанского селения Цатаних и переименован.

⁵ Мусульманский мир Российской империи: Альбом / Авт.-сост. Г. В. Длужневская СПб.: Лики России, 2006. С. 213. Примечательно, что опубликованные фотографии

Илл. 8. «Село Цонторой (Центарой). Резные камни и надписи в стене мечети.

Фотография Веры Николаевны Полторацкой. Северо-Кавказская экспедиция ИИМК совместно с Чеченским научно-исследовательским институтом. Начальник экспедиции А. П. Круглов. Чеченский отряд. Начальник отряда А. В. Мачинский. 1939 г.
ФО НА ИИМК РАН. О.1470-33 (2)

двумя рельефными изображениями, есть и другие — арабографичные надписи, солярные знаки, орнаментальные мотивы. Однако именно тамга в виде льва и сцена змеборчества привлекли особое внимание ленинградских исследователей. Появление этих двух изображений в кладке мечети, безусловно, не случайно. Как известно, ассоциирующийся с древними иранскими традициями знак льва в период правления династии Сефевидов получил шиитскую символику. На отдельном камне изображен сошедший с коня герой, сражающийся с драконом, в его руке — раздвоенный меч Зульфикар (араб. *зӯ-л-фақър/фикър*), являющийся ключевой эмблемой шиитского искусства¹.

Период распространения шиитского ислама на Северо-Восточном Кавказе, охватывающий середину XV — начало XVII в., в значительной мере связан с расцветом Сефевидского Ирана. Во время правления шаха Аббаса I (995–1038 / 1587–1629) он проник и на чеченские территории. Здесь следует упомянуть таких

не привлекли внимания исследователей, по крайней мере, отклика в форме научных публикаций эти материалы не получили.

¹ Это, разумеется, несколько не умаляет популярность Зульфикара в суннитской среде. В частности, изображение этого меча часто встречается на османских знаменах; его образ осязаемо звучит в поэзии, например, у Ашыка Сейрани (*Âşık Seyrânî*, 1800–1866) в “*Zülfikâr u Kamber İle*” (см. Mustafa İslamoğlu. *Seyrânî: hayatı, kişiliği, sanatı, şiirleri*. İstanbul: Denge Yayınları, 2002. P. 165).

Илл. 9. «Село Цонторой (Центарой). Резные камни и надписи в стене мечети». Фотография Веры Николаевны Полторацкой. Северо-Кавказская экспедиция ИИМК совместно с Чеченским научно-исследовательским институтом. Начальник экспедиции А. П. Круглов. Чеченский отряд. Начальник отряда А. В. Мачинский. 1939 г. ФО НА ИИМК РАН. О.1470-34

Илл. 10. Фрески на стене мечети с. Цонторой (Центарой)¹

¹ Сайт Администрации Ножай-Юртовского муниципального района Чеченской Республики. URL: http://nojay-urt.ru/index/fotoreportazh_o_rajone/0-62 (дата обращения: 02.11.2019).

прославленных проповедников, как шейх Термаол (Терман Ол) (1540–?), Берсан (Берса Шейх) (1561–1623), шейх Султан-Мут Эндиреевский (ок. 1560–1643) и др.¹ Большое значение для раскрытия темы имеют и материалы, связанные с суфийским братством халватийа². Среди чеченцев получили известность восходящие к праведному халифу Али ибн Абу Талибу шиитские предания-*ахбары*. Али стал персонажем народных преданий, вобрав в себя черты разных эпических героев. В Чечне распространены сказания и притчи о Турпале Али — героине-богатыре, с присущими ему качествами чести, мужества, благородства. Это доблестный и храбрый воин, он мудр и полон достоинства. В нем воплотились представления чеченцев о *къонах* — «достойном человеке». Разумеется, при интерпретации данного рельефного изображения нельзя не учитывать популярный на Кавказе образ Святого Георгия, почитаемый и в исламе (араб. *Джирджис*).

Чтобы полнее представить контекст подобных драконоборческих сюжетов, нельзя не привлечь экспонирующийся в Государственном Эрмитаже каменный рельеф из дагестанского селения Кубачи (согласно аннотации, он датирован 1870-ми гг., поступил в ГЭ в 1928 г. из Дагестанского музея)³. Возможно, это своеобразная иллюстрация к «бродячему сюжету», который имеет параллели и в чеченском варианте Нартского эпоса. Герой Сеска Солса победил дракона / змея (чеч. *Саьрмак*), который обвивая телом водные источники, требовал от людей дани, а затем освободил девушку, предназначенную дракону в жертву, и открыл людям доступ к воде.

¹ Научная конференция, посвященная 460-летию Султан-Мута — сына Чопана шамхала Тарковского, основателя Эндиреевского владения. Январь 2008, пос. Тарки. Махачкала, 2008; Айтберов Т. М., Хапизов Ш. М. Эпиграфические источники по истории распространения ислама в Чечне (XVI–XIX вв.) // *Известия СОИГСИ*. 2016. № 20 (59). С. 15–24. Большое значение для раскрытия темы имеют и материалы, связанные с суфийским братством халватийа, см., например: Хапизов Ш. М., Шехмагомедов М. Г. Суфийский орден Халватийа в горной Аварии: новые страницы истории суфизма в средневековом Дагестане (XVI–XVII вв.) // *Исламоведение*. 2017. Т. 8. № 1. С. 70–81.

² См., например: Хапизов Ш. М., Шехмагомедов М. Г. Суфийский орден Халватийа в горной Аварии: новые страницы истории суфизма в средневековом Дагестане (XVI–XVII вв.) // *Исламоведение*. 2017. Т. 8. № 1. С. 70–81.

³ Тема рельефных изображений Дагестана, и селения Кубачи в частности, широко освещена в научной литературе, см., например: Башкиров А. С. Искусство Дагестана: Резные камни. М.: РАНИОН, 1931; Дебиров П. М. История орнамента Дагестана. Возникновение и развитие основных мотивов. М.: Наука, 2001; Иванов А. А. Дракон в искусстве Кубачи // Эрмитажные чтения памяти В. Г. Луконина (21.01.1932–10.09.1984). К 80-летию со дня рождения / *Труды Государственного Эрмитажа*. Вып. LXXII. СПб., 2014. С. 84–97; Маммаев М. М. К вопросу о происхождении искусства с. Кубачи // *Вестник Института ИАЭ*. 2016. № 3. С. 119–139.

Илл. 11. Каменный рельеф из селения Кубачи. 1870-е гг. Государственный Эрмитаж. Поступил в 1928 г. из Дагестанского музея¹

Сцена сражающегося с драконом всадника — несколько отличная в деталях от центаройского «резного камня», есть еще на одной мечети — в расположенном к северу от Центароя селении Гордали (*Гьордала*)². Ее фасад также декорирован растительными, геометрическими, эпиграфическими орнаментами. На одной из арабиграфических надписей — дата 1324–1326 гг. хиджры / 1906–1908 гг.: предположительно, указание на проводившиеся ремонтные работы. Последний раз мечеть ремонтировалась в 1990 г. Тогда же каменный остроконечный купол минарета мечети (высота минарета — 14 м) был «одет» в конусообразный купол из оцинкованной жести. Утверждают, что до этого ремонта интерьер здания украшала каменная резьба, арабески, орнаменты; есть сведения и о якобы найденном там деревянном кресте.

Центаройская и Гордалийская мечети включены в список объектов регионального историко-культурного наследия Чеченской Республики. В настоящее

¹ Искусство Дагестана в Государственном Эрмитаже. URL: history-of-art.livejournal.com/867761.html (дата обращения: 02.11.2019).

² Согласно преданию, Гордали основано в 1180 г. (существуют и другие, более ранние, датировки, столь же легендарные). После депортации чеченцев и упразднения Чечено-Ингушской АССР и Саясановского района в 1944 г., селение было включено в состав Ритлябского района Дагестанской АССР. На старом сельском кладбище похоронен шейх Шовхал — дед (по отцу) знаменитого устаза Кунта Хаджи. В Гордали жили известные богословы, хорошо знавшие арабский язык, среди них — шейх Асандар, шейх Уди, Джебер Хаджи, Села Хаджи.

Илл. 12. Мечеть в селении Гордали. Фотография Саид-Эми Кайсарова.
22 сентября 2011 г.¹

время научный интерес к мусульманской архитектуре заметно усилился², что должно привлечь внимание и к этим удивительным — хотя и скромным по сравнению с современными чеченскими мечетями — образцам культового зодчества, с их нерасшифрованной пока символикой, изобразительными и письменными «печатами» исторического прошлого.

Таким образом, благодаря исследователям второй половины XIX — XX в. пополнялся фонд научных знаний, формировалась источниковедческая и историографическая база для сегодняшних изысканий в области истории чеченской культуры и искусства — пластического в том числе. Дальнейшая работа по выявлению его локальных вариантов, стилистических особенностей, общих тенденций развития, соотношения с другими видами искусства и др. открывает возможность для решения более общих проблем истории развития чеченской культуры и ее взаимодействия с иными культурными и художественными традициями. Это важно и для осознания выработанных веками эстетических

¹ Википедия. URL: https://ru.m.wikipedia.org/wiki/Файл:Мечеть_в_Гордали.jpg (дата обращения: 02.11.2019).

² Кононенко Е. И. Архитектура мечети как объект интерпретации // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Искусствоведение*. 2018. Т. 8. Вып. 1. С. 113–130.

констант и интерпретаций древних образов в творчестве современных ваятелей Чеченской Республики, вне зависимости от их текущих пристрастий и поисков нового понимания формообразования.

Список сокращений

ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры.

ИИМК — Институт истории материальной культуры.

РО НА ИИМК РАН — Рукописный отдел Научного архива Института истории материальной культуры Российской академии наук.

ФО НА ИИМК РАН — Фотографический отдел Научного архива Института истории материальной культуры Российской академии наук.

Литература

1. İslamoğlu M. Seyrânî: hayatı, kişiliği, sanatı, şiirleri. İstanbul: Denge Yayınları, 2002. 376 p.

2. Nachkebia M. The Georgian Toponyms on the Territory of the North Caucasus (1944–1957) // *Spekali, Bilingual Scholarly Peer-Reviewed Journal of the Faculty of Humanities at Ivane Javakhishvili Tbilisi State University*. URL: <http://www.spekali.tsu.ge/index.php/en/article/viewArticle/5/45> (дата обращения: 02.11.2019).

3. Plaetschke B. Die Tschetschenen. Forschungen zur Völkerkunde des nordöstlichen Kaukasus auf Grund von Reisen in den Jahren 1918–1920 und 1927/28 // *Veröffentlichungen des Geographischen Instituts der Universität Königsberg Pr.* Vol. XI / Herausgegeben von Dr. Arved Schultz. Hamburg: Friederichsen, de Gruyter & Co., 1929.

4. Айтберов Т. М., Хапизов Ш. М. Эпиграфические источники по истории распространения ислама в Чечне (XVI–XIX вв.) // *Известия СОИГСИ*. 2016. № 20 (59). С. 15–24.

5. Акаев В. Х. Христианство в Чечне // Чеченцы / отв. ред. Л. Т. Соловьева, З. И. Хасбулатова, В. А. Тишков. М.: Наука, 2012. С. 423–425.

6. Арсанукаев Р. Д. Чеченские петроглифы. Большой каталог. Париж, 2005. 128 с.

7. Ахмадов Я. З. Очерк исторической географии и этнополитического развития Чечни в XVI–XVIII веках. М.: Благотворительный фонд поддержки чеченской литературы, 2009. 423 с.

8. Багаев М. Х. Культура горной Чечни и Дагестана в древности и средневековье. VI в. до н. э. — XII в. н. э. М.: Наука, 2008. 455 с.

9. Башкиров А. С. Искусство Дагестана: Резные камни. М.: РАНИОН, 1931. 118 с.

10. Брилева О. А. Древняя бронзовая антропоморфная пластика Кавказа (XV в. до н. э. — X в. н. э.). М.: Таус, 2012. 424 с.

11. Вагапов А. Этимологический словарь чеченского языка. Тбилиси: Фонд Кавказа; Меридиани, 2011. 734 с.

12. Грузины / отв. ред. Л. К. Бериашвили, Л. Ш. Меликишвили, Л. Т. Соловьева. М.: Наука, 2015. 813 с.
13. Давудов О. М. Изучение антропоморфных статуэток Северо-Восточного Кавказа // *Вестник Института ИАЭ*. 2015. № 4. С. 39–53.
14. Дебиров П. М. История орнамента Дагестана. Возникновение и развитие основных мотивов. М.: Наука, 2001. 416 с.
15. Дневник по археологическому обследованию Итум-Калинского района, записи легенд, поверий. Северо-Кавказская экспедиция ИИМК совместно с Чеченским научно-исследовательским институтом. Начальник экспедиции Круглов А. П. Чеченский отряд. Начальник отряда А. В. Мачинский // РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1939. Д. 58.
16. Доманский Я. В. Древняя художественная бронза Кавказа в собрании Государственного Эрмитажа. М.: Искусство, 1984. 238 с.
17. Иванов А. А. Дракон в искусстве Кубачи // Эрмитажные чтения памяти В. Г. Луконина (21.01.1932–10.09.1984). К 80-летию со дня рождения / *Труды Государственного Эрмитажа*. Вып. LXXII. СПб., 2014. С. 84–97.
18. Ильясов Л. Петроглифы Чечни. Грозный: Чеченский государственный университет, 2014. 335 с.
19. Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / Науч. ред.-сост. А. Е. Мусин. Под общей ред. Е. Н. Носова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. 1192 с.
20. Ипполитов А. П. Этнографические очерки Аргунского округа (с тремя рисунками) // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 1. Тифлис, 1868.
21. Исаев С. Х., Ахмаров А. У. К истории изучения петроглифов Чечни (краткий обзор) // *Кавказоведение: опыт, проблемы и перспективы*. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 100-летию известного ученого-кавказоведа, профессора Валентины Павловны Невской (г. Карачаевск, 18–19 октября 2019 г.) / Отв. ред. П.И. Абайханова (Магаева). Карачаевск: Карачаево-Черкесский государственный университет им. У. Д. Алиева, 2019. С. 146–150.
22. Козенкова В. И. Специфика духовного мира кобанских племен. М.: ИА РАН, 2017. 114 с.
23. Кононенко Е. И. Архитектура мечети как объект интерпретации // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Искусствоведение*. 2018. Т. 8. Вып. 1. С. 113–130.
24. Лысенков П. Л. Заметки о памятниках материальной культуры и об изобразительном искусстве Чечено-Ингушетии // *Записки Чечено-Ингушского научно-исследовательского института языка и истории*. Т. 1. Грозный, 1938. С. 37–49.
25. Маммаев М. М. К вопросу о происхождении искусства с. Кубачи // *Вестник Института ИАЭ*. 2016. № 3. С. 119–139.
26. Марковин В. И, Мунчаев Р. М. Каменные изваяния Чечено-Ингушетии // *Советская археология*. 1964. № 1. С. 158–164.

27. Месхидзе Дж. И. Малоизвестные страницы Дагестано-Чеченской экспедиции 1923 г.: Материалы А. Ю. Бальшина «Разведка в Нагорной Чечне» // *Кунсткамера. Этнографические тетради*. 1998. № 12. С. 176–197.

28. Мусульманский мир Российской империи: Альбом. Авт.-сост. Г. В. Длужневская СПб.: Лики России, 2006. 304 с.

29. Натаев С. А. Чеченские тайпы. Проблемы изучения природы, структуры и исторической динамики социальных институтов чеченцев. Махачкала: Алеф, 2013. 413 с.

30. Научная конференция, посвященная 460-летию Султан-Мута — сына Чопанашамхала Тарковского, основателя Эндиреевского владения. Январь 2008, пос. Тарки. Махачкала, 2008. 340 с.

31. Ошаев Х. Д. Малхиста (к характеристике пережитков родового строя) // *Революция и горец*. 1930. № 8 (22). С. 58–65.

32. Палагута И. В. Доисторическое и традиционное искусство: на границе искусствознания, археологии и этнологии // Актуальные проблемы теории и истории искусства: сб. науч. статей. Вып. 7 / Под ред. С. В. Мальцевой, Е. Ю. Станюкович-Денисовой, А. В. Захаровой. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2017. С. 22–32.

33. Пути Аравии. Археологические сокровища Саудовской Аравии: каталог выставки. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2011. 264 с.

34. Смирнов Н. Ю. Археолог Алексей Владимирович Мачинский // Ладога и проблемы древней и средневековой истории Северной Евразии. СПб.: Нестор-История, 2016. С. 6–43.

35. Труды V Археологического съезда в Тифлисе. 1881 / Под ред. гр. Уваровой. М., 1887. CVII, 411 с.

36. Хапизов Ш. М., Шехмагомедов М. Г. Суфийский орден Халватийа в горной Аварии: новые страницы истории суфизма в средневековом Дагестане (XVI–XVII вв.) // *Исламоведение*. 2017. Т. 8. № 1. С. 70–81.

37. Чечено-ингушский фольклор: Собран Чечено-Ингушским научно-исследовательским институтом языка и истории и Союзом советских писателей Чечено-Ингушетии. М.: Гослитиздат, 1940. 288 с.

References

1. Akaev V. Kh. *Khristianstvo v Chechne* // *Chechentsy / otv. red. L. T. Solov'yeva, Z. I. Khasbulatova, V. A. Tishkov*. [Christianity in Chechnya // *Chechens / Ed. by L. T. Solovyeva, Z. I. Khasbulatova, V. A. Tishkov*]. Moscow, 2012. P. 423–425. (In Russian).

2. Akhmadov Ya. Z. *Ocherk istoricheskoy geografii i etnopoliticheskogo razvitiya Chechni v XVI–XVIII vekakh*. [Survey of historical geography and ethnopolitical development of Chechnya in XVI–XVIII centuries]. Moscow, 2009. 423 p. (In Russian).

3. Arsanukaev R. D. *Chechenskie petroglify. Bol'shoy katalog*. [Chechen Petroglyphs. A big catalogue]. Paris, 2005. 128 p. (In Russian).

4. Aytberov T. M., Khapizov Sh. M. Epigraficheskie istochniki po istorii rasprostraneniya islama v Chechne (XVI–XIX vv.) // *Izvestiya SOIGSI (Severo-Osetinskogo instituta gumanitarnykh i sotsial'nykh issledovaniy)*. [Epigraphic sources on the history of the spread of Islam in Chechnya (XVI–XIX centuries)] // *Bulletin of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies*. 2016. Vol. 20 (59). P. 15–24. (In Russian).

5. Bagaev M. Kh. Kul'tura gornoy Chechni i Dagestana v drevnosti i srednevekovye. VI v. do n. e. — XII v. n. e. [Culture of the mountainous Chechnya and Daghestan in Ancient times and Middle Ages. VIth century BC — XII century AD]. Moscow, 2008. 455 p. (In Russian).

6. Bashirov A. S. Iskusstvo Dagestana: Rezniyekamni. [Art of Daghestan: Carved stones]. Moscow: RANION, 1931. 118 p. (In Russian).

7. Brilyeva O. A. Drevnyaya bronzovaya antropomorfnyaya plastika Kavkaza (XV v. do n. e. — X v. n. e.). [Ancient bronze anthropomorphic plastic figures of the Caucasus (15th century BC — 10th century AD)]. Moscow, 2012. 424 p. (In Russian).

8. Checheno-ingushskiy folklor: Sobran Checheno-Ingushskim institutom yazyka i istorii i Soyuzom sovetskikh pisateley Checheno-Ingushetii. [The Chechen-Ingush Folklore]. Moscow, 1940. 288 p.

9. Davudov O. M. Izuchenie antropomorfnykh statuetok Severo-Vostochnogo Kavkaza. [Study of anthropomorphic figurines of the North-Eastern Caucasus] // *Vestnik Instituta IAE*. 2015. Vol. 4. P. 39–53. (In Russian).

10. Debirov P. M. Istoriya ornamenta Dagestana. Vozniknovenie i razvitie osnovnykh motivov. [History of Daghestan ornament. Rise and development of the main motives]. Moscow, 2001. 416 p. (In Russian).

11. Dnevnik po arkhologicheskomu obsledovaniyu Itum-Kalinskogo rayona, zapisi legend, poveriy. Severo-Kavkazskaya ekspeditsiya IIMK sovmestno s Chechenskim nauchno-issledovatel'skim institutom. Nachal'nik ekspeditsii Kruglov A. P. Chechenskiy otryad. Nachal'nik otryada A. V. Machinskiy // RO NA IIMK RAN. [Diary of the archaeological survey of Itum-Kaledistrict, records of legends and popular beliefs. North-Caucasian expedition of the Institute of History of Material Culture, in collaboration with the Chechen Research Institute. The head of the expedition A. P. Kruglov. The Chechen party. The head of the party A. V. Machinskiy// HD SA IHMC RAS]. F. 35. Op. 1939. D. 58. (In Russian).

12. Domanskiy Ya. V. Drevnyaya khudozhestvennaya bronza Kavkaza v sobranii Gosudarstvennogo Ermitazha. [Ancient bronzes of Caucasus in the State Hermitage collection.]. Moscow, 1984. 238 p. (In Russian).

13. Gruziny. [Georgians] / Ed. by L. K. Beriashvili, L. Sh. Melikishvili, L. T. Solov'yeva. Moscow, 2015. 813 p. (In Russian).

14. Il'yasov L. Petroglify Chechni. [Petroglyphs of Chechnya]. Grozny, 2014. 335 p. (In Russian).

15. Imperatorskaya Archeologicheskaya Komissiya (1859–1917): K 150-letiyu so dnya osnovaniya. U istokov otechestvennoy archeologii i okhrany kul'turnogo naslediya / Nauch. red.-sost. A. E. Musin. Pod obshchey red. E. N. Nosova. [The Imperial

Archaeological Commission (1859–1917). The beginnings of National Archaeology and preservation of cultural heritage / Ed. by Evgeniy N. Nosov and Alexander E. Musin]. St Petersburg, 2009. 1192 p. (In Russian).

16. Ippolitov A. P. Etnograficheskie ocherki Argunskogo okruga (s tremya risunkami) // Sbornik svedeniy o kavkazskikh gortsakh. [Ethnographic sketches of Argun district (with three figures) // Collected information on the Caucasian mountaineers]. Issue 1. Tiflis, 1868. (In Russian).

17. Isaev S. H., Akhmarov A. U. K istorii izucheniya petroglifov Chechni (kratkiy obzor) // Kavkazovedenie: opyt, problemy i perspektivy. Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchennoy 100-letiyu izvestnogo uchenogo-kavkazoveda, professora Valentiny Pavlovny Nevskoy (g. Karachaevsk, 18–19 oktyabrya 2019 g.). [On the history of the study of petroglyphs in Chechnya (an overview) // Caucasian Studies: achievements, problems and prospects. Proceedings of the conference dedicated to the 100th anniversary of the famous specialist in Caucasian Studies Prof. Valentina Pavlovna Nevskaya (Karachaevsk, 18–19th October 2019) / Ed. by P. I. Abaykhanova (Magayaeva)]. Karachaevsk, 2019. P. 146–150. (In Russian).

18. Ivanov A. A. Drakon v iskusstve Kubachi // Ermitazhnye chteniya pamyati V. G. Lukonina (21.01.1932–10.09.1984). K 80-letiyu so dnya rozhdeniya / *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*. [Dragon in Kubachi art // Hermitage readings in memoriam of V. G. Lukonin on the occasion of his 80th anniversary / *Proceedings of the State Hermitage*]. Issue LXXII. St Petersburg, 2014. P. 84–97. (In Russian).

19. İslamoğlu M. Seyrânî: hayati, kişiliği, sanati, şiirleri. Istanbul: Denge Yayınları, 2002. 376 p.

20. Khapizov Sh. M., Shekhmagomedov M. G. Sufiyskiy orden Khalvatiya v gornoy Avarii: noviye stranitsy istorii sufizma v srednevekovom Dagestane (XVI–XVII vv.). [The Sufi Order of Khalwatiyya in Highland Avaria: New Pages in the History of Sufism in Medieval Dagestan (16th–17th Centuries)] // *Islamovedenie*. 2017. Vol. 8. Iss. 1. P. 70–81. (In Russian).

21. Kononenko E. I. Arhitektura mecheti kak obyekt interpretatsii. [The architecture of the mosque as an object of interpretation] // *Vestnik SPbSU. Arts*. 2018. Vol. 8. Issue 1. P. 113–131. (In Russian).

22. Kozenkova V. I. Spetsifika dukhovnogo mira kobanskikh plemyen. [Characteristics of the inner life of Koban culture tribes]. Moscow, 2017. 114 p. (In Russian).

23. Lysenkov P. L. Zametki o pamyatnikakh material'noy kul'tury i ob izobrazitel'nom iskusstve Checheno-Ingushetii // Zapiski Checheno-Ingushskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta yazyka i istorii. [Notes about monuments of material culture and fine arts of Chechen-Ingushetiya // Proceeding of the Checheno-Ingush Research Institute of Language and History]. Vol. 1. Grozny, 1938. P. 37–49. (In Russian).

24. Mammaev M. M. K voprosu o proiskhozhdenii iskusstva s. Kubachi. [On the origin of art of Kubachi village] // *Vestnik Instituta IAE*. 2016. Vol. 3. P. 119–139. (In Russian).

25. Markovin V. I., Munchaev R. M. Kamennye izvayaniya Checheno-Ingushetiya // *Sovetskaya arkheologia*. [Stone sculptures of Checheno-Ingushetiya // *Soviet Archaeology*]. 1964. Vol. 1. C. 158–164. (In Russian).
26. Meskhidze Dzh. I. Maloizvestnye stranitsy Dagestano-Chechenskoy ekspeditsii 1923 g.: Materialy A. Yu. Balshina “Razvedka v Nagorno-Chechne”. [Little-known pages of the Dagestan-Chechen expedition of 1923: A. Yu. Balshin's materials “Archaeological Exploration in Mountainous Chechnya”] // *Kunstkamera. Etnograficheskie tetrad*. 1998. Vol. 12. P. 176–197. (In Russian).
27. Musul'manskiy mir Rossiyskoy imperii: Al'bom. Avtor-sostavitel' Dluzhnevskaya G. V. [The Muslim World of Russian Empire: An Album. Compiled by Dluzhnevskaya G. V.]. St Petersburg, 2006. 304 p. (In Russian).
28. Nachkebia M. The Georgian Toponyms on the Territory of the North Caucasus (1944–1957) // *Spekali, Bilingual Scholarly Peer-Reviewed Journal of the Faculty of Humanities at Ivane Javakishvili Tbilisi State University*. URL: <http://www.spekali.tsu.ge/index.php/en/article/viewArticle/5/45> (accessed 02.11.2019).
29. Nataev S. A. Chechenskie taipy. Problemy izucheniya prirody, struktury i istoricheskoy dinamiki sotsial'nykh institutov chechentsev. [Chechen *tayps*. Problems of studying nature, structure and historical dynamics of social institutes of the Chechens]. Makhachkala, 2013. 413 p. (In Russian).
30. Nauchnaya konferentsiya, posvyashchennaya 460-letiyu Sultan-Muta — syna Chopana shamkhala Tarkovskogo, osnovatelya Endireyevskogo vladeniya. Tarki, Yanvar' 2008. [Conference dedicated to the 460th anniversary of Sultan-Mut — the son of ChohanShamkhal from Tarki, founder of the Endirey domain. Tarki, January 2008]. Makhachkala, 2008. 340 p. (In Russian).
31. Oshaev H. D. Malkhista (k kharakteristike perezhitkov rodovogo stroya) // *Revolutsiya i goret*. [Malkhista (to the characteristic of vestiges patrimonial building) // *Revolution and Mountaineer*]. 1930. Vol. 8 (22). P. 58–65. (In Russian).
32. Palaguta I. V. Doistoricheskoe i traditsionnoe iskusstvo: na granitse iskusstvovoznaniya, arkheologii i etnologii // *Aktual'nye problemy teorii i istorii iskusstva: sbornik nauchnykh statey*. [Prehistoric and traditional art: on the border between Art History, Archeology and Ethnology] // *Actual Problems of Theory and History of Art: Collection of articles*. Vol. 7. / Ed. S. V. Mal'tseva, E. Iu. Staniukovich-Denisova, A. V. Zakharova. St Petersburg: St Petersburg Univ. Press, 2017. P. 22–32. (In Russian).
33. Plaetschke B. Die Tschetschenen. Forschungen zur Völkerkunde des nordöstlichen Kaukasus auf Grund von Reisen in den Jahren 1918–1920 und 1927/28 // *Veröffentlichungen des Geographischen Instituts der Universität Königsberg Pr*. Vol. XI / Herausgegeben von Dr. Arved Schultz. Hamburg: Friederichsen, de Gruyter & Co., 1929.
34. Puti Aravii. Archeologicheskie sokrovishcha Saudovskoy Aravii: katalog vystavki. [Roads of Arabia: Archaeological Treasures from Saudi Arabia: Exhibition catalogue]. St Petersburg, 2011. 264 p. (In Russian).
35. Smirnov N. Yu. Arkheolog Aleksey Vladimirovich Machinskiy // *Ladoga i problemy drevney i srednevekovoy istorii Severnoy Evrazii*. [Archaeologist Aleksey

Vladimirovich Machinskiy // *Ladoga and problems of Ancient and Medieval History of Northern Eurasia*. St Petersburg, 2016. P. 6–43. (In Russian).

36. Trudy V Arkheologicheskogo syezda v Tiflise. 1881 / Pod red. gr. Uvarovoy. [Proceedings of the V Archeologic Congress in Tiflis / Ed. by Countess Uvarova]. Moscow, 1887. CVII, 411 p. (In Russian).

37. Vagapov A. *Etimologicheskii slovar' chechenskogo yazyka*. [Etymological dictionary of the Chechen language]. Tbilisi, 2011. 734 p. (In Russian).

Author's information

Julietta I. Meskhidze

PhD (History), Research Fellow, Department of Europe, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (*Kunstkamera*), Russian Academy of Sciences

3, University Embankment, St Petersburg, 199034, Russia

E-mail: giu.mes@gmail.com

Информация об авторе

Месхидзе Джульетта Изауовна

Кандидат исторических наук, научный сотрудник, Отдел европейстики, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

РФ, Санкт-Петербург, 199034, Университетская наб., 3

E-mail: giu.mes@gmail.com

Gulbakhrem M. Molotova (Institute of Oriental Studies, Almaty, Kazakhstan)

“Diwan” of Khushhal Gharibi and its Manuscript Copies

Summary: The works of the 19th century poet Khushhal Gharibi remained unknown until the second half of the 20th century, when Uzbek scholars found two manuscripts of his “Diwan” stored in manuscripts collections of Uzbekistan. Two more manuscripts of this “Diwan” were discovered later. The study of these manuscripts has indicated that Khushhal Gharibi was a poet who contributed to the development of Sufi poetry in Turkic. On the basis of information from the introductory part of his “Diwan”, the author of the article established some biographical data: the poet was born in Kashghar, received education in one of the *madrasas* of the city, was a follower of the *tariqat* Naqshbandiya; the reasons for his emigration to Kokand Khanate were also identified.

His works created in the territory of Eastern Turkestan are unknown so far. Only the “Diwan” compiled in the territory of Kokand khanate is known today. Three available copies of the “Diwan” have been studied, and it has been concluded that the manuscript from a private collection is more complete. This copy has served as a basis for the present research. The “Diwan” was composed in strict observance of the tradition: it begins with an introductory section written in prose, the poetic part starts with *ghazals* followed by *mustazads*, *tarji'bands*, *ruba'is*, etc., and ends with *Khatima* (conclusion). A large part of the “Diwan” is made up of *ghazals*.

Poetical works included in the “Diwan” were analyzed, and the poet’s system of values was studied. While composing his works, Khushhal Gharibi adhered to the canons of the Muslim poetry, as demonstrated by motives, pictorial and expressive technique used by the poet, the images created by him, and the compositional structure of his *ghazals*, *mukhammases*, *chistans*, etc. Nevertheless, the poet had his own individual style, his favorite methods of comparison. Thanks to the chronogram given in the conclusion to “Diwan”, the date of its composition has been established. Based on the numeric meaning of his penname, an assumption is made about the date of birth of the poet.

Besides his “Diwan”, some *ghazals* by the poet have been found included into poetic anthologies (*bayaz*). This fact testifies recognition of Khushhal Gharibi’s talent by the literary circles of the Kokand Khanate.

Keywords: Khushhal Gharibi; Sufism; Turkic manuscripts; *diwan*; Uyghur literature; Sufi poetry; Naqshbandiya; Eastern Turkistan; Central Asia.

Молотова Г. М. (Институт востоковедения, Алма-Ата, Казахстан)

«Диван» Хушхала Гариби и его списки

Аннотация: Творчество поэта XIX в. Хушхала Гариби оставалось неизвестным до второй половины XX века, когда специалистами из Узбекистана были выявлены два списка его «Дивана», хранящиеся в рукописных фондах республики. Позже были обнаружены еще две рукописи данного «Дивана». Изучение этих списков позволило высказать мнение, что Хушхал Гариби является поэтом, внесшим большой вклад в развитие тюркоязычной суфийской поэзии. На основе сведений, содержащихся во вводной части «Дивана», автору статьи удалось установить основные биографические данные Хушхала Гариби: родился поэт в Кашгаре, получил образование в одном из медресе этого города, являлся последователем *тариката* Накшбандийа, затем был вынужден эмигрировать на территорию Кокандского ханства.

Произведения, созданные Хушхалом Гариби на территории Восточного Туркестана, неизвестны исследователям. На сегодняшний день известны рукописи только одного «Дивана», составленного на территории Кокандского ханства. Сравнение трех доступных списков «Дивана» позволило сделать вывод о том, что список из частной коллекции является наиболее полным. Этот список и послужил основой для данного исследования. В процессе исследования выявлено строгое соблюдение традиции при составлении «Дивана»: он начинается с введения, написанного прозой; поэтическую часть открывают газели, затем идут *муस्ताзды*, *тарджи* 'банды, *руб'аи* и т. п., завершается она заключением-*хатима*. Основную часть «Дивана» составляют газели.

В статье проанализированы произведения, вошедшие в «Диван», изучена система взглядов поэта. При создании своих произведений Хушхал Гариби придерживался канонов мусульманской поэзии, о чем свидетельствуют мотивы, образительно-выразительные средства, использованные поэтом, образы, созданные им, а также композиционный строй его газелей, *мухаммасов*, *чистанов* и т. д. Тем не менее ему был свойствен свой особый стиль, излюбленные приемы сравнения. Благодаря хронограмме, приводимой в заключении к «Дивану», определена дата его составления. Опираясь на цифровое значение псевдонима, выдвинуто предположение о дате рождения поэта.

В процессе работы выявлены некоторые газели поэта, включенные в поэтические сборники-*байазы*. Этот факт свидетельствует о признании таланта поэта в литературных кругах Кокандского ханства.

Ключевые слова: Хушхал Гариби; суфизм; рукописи; *диван*; уйгурская литература; суфийская поэзия; Накшбандийа; Восточный Туркестан; Центральная Азия.

История развития уйгурской литературы XIX в. достаточно хорошо исследована специалистами-уйгуроведами. Видными поэтами этого периода являются Абдурехим Низари, Наврузахун Зияи, Турди Гериби, Билал Назим, Сейит Мухаммад Каши. Перечисленные поэты являются представителями светской

классической поэзии. Анализ их творчества дан в коллективной монографии «Уйғур әдәбиятиниң қисқичә тарихи» (Краткая история уйгурской литературы)¹. Однако в этот труд не включено творчество поэтов-суфиев.

Произведения Хушхала Кашгари, больше известного как Хушхал Гариби, представителя суфийской поэзии, оставались неизвестным до тех пор, пока не были найдены списки его «Дивана». В рукописном фонде Института востоковедения им. Абу Райхана Беруни Республики Узбекистан была выявлена рукопись², включающая газели, *рубайи*, *мухаммасы*, *чистаны* и другие произведения поэта. А. Джалилов, сравнивший эту рукопись с другим известным ему на тот момент списком «Дивана» Хушхала Гариби, который хранится в фонде рукописей библиотеки им. Захир ад-дина Мухаммада Бабура в Андижане, высказал мнение о значительном совпадении содержания этих списков³. В 2005 году А. Джалилов опубликовал избранные стихи поэта в виде отдельной брошюры⁴. Дальнейшее исследование творчества Хушхала Гариби было осуществлено казахстанскими учеными. Ими было установлено, что существуют еще два списка «Дивана»: один хранится в частной коллекции⁵, другой ранее находился в рукописном фонде Музея книги г. Алма-Аты⁶, а ныне передан в фонд библиотеки г. Астаны (ныне — Нур-Султан).

Список «Дивана»⁷ Хушхала Гариби из частной коллекции (собрание Вахидова) изучался нами в несколько этапов. В апреле–декабре 2006 г. научная группа под руководством известного казахстанского источниковеда А. К. Муминова получила грант Фонда науки Республики Казахстан для разработки проекта «„Диван“ Хушхала Гариби как малоизученный памятник суфийской литературы Центральной Азии». Результаты нашего исследования показали, что стихотворные произведения «Дивана» относятся к центральноазиатской

¹ Уйғур әдәбиятиниң қисқичә тарихи. Алма-Ата: Наука, 1983. 186 с. В эту монографию вошли исследования классической уйгурской поэзии. Это вторая из трех коллективных монографий, созданных литературоведами-уйгуроведами: первая книга «Уйғур хәлик егиз ижадийити» посвящена проблемам уйгурского фольклора, вторая «Уйғур әдәбиятиниң қисқичә тарихи» — классической поэзии, третья «Уйғур совет әдәбияти» — уйгурской литературе советского периода.

² Хушхал Гариби. *Диван*. Рукопись с инвентарным номером 11409.

³ Жәлилов А. Хушхал Гәрибий һәққидә йеңи мәлуматлар // Актуальные проблемы советского уйгуроведения: Материалы 1-й Республиканской уйгуроведческой конференции. Алма-Ата: Наука, 1983. С. 133.

⁴ Жалилов Омонбек. Хушхал Гарибий. Тошкент: Фан, 2005. 24 с.

⁵ Хушхал Гариби. *Диван*. Рукопись из частного собрания Ш. Х. Вахидова.

⁶ Хушхал Гариби. *Диван*. Рукопись с инвентарным номером 4698.

⁷ Поскольку рукописи других произведений Хушхала Гариби пока не выявлены, мы посчитали возможным обозначить единственный обнаруженный сборник произведений поэта как «Диван».

традиции суфийской поэзии. Изучение в рамках проекта списка, хранящегося в частном собрании, способствовало его сохранению и частичному введению в научный оборот. В процессе работы научной группой был проведен кодико-логический и палеографический анализ данной рукописи «Дивана», написан историографический обзор для введения к изданию критического текста, осуществлена транслитерация. Дальнейшее исследование «Дивана» Хушхала Гариби было проведено в 2015–2017 гг. в рамках проекта «Суфийская поэзия XVIII–XIX веков как феномен общности культуры народов Центральной Азии». Было осуществлено сравнительное исследование образцов суфийской поэзии XVIII–XIX веков («Диван-и Машраб», «Диван» Хушхала Гариби), показавшее, что поэты исследуемого периода продолжали традиции, сложившиеся в Средневековье. Сравнительный анализ творчества Рахим-Баба Машраба и Хушхала Гариби опубликован отдельной главой в коллективной монографии¹.

Биография Хушхала Гариби (на основе сведений из вводной части «Дивана»)

Хушхал Гариби был известен в Кашгаре под псевдонимом Хушхал Кашгари. После эмиграции на территорию Кокандского ханства поэт взял себе псевдоним Гариби. Он являлся последователем суфийского *тариката* Х^ааджаган-Накшбандийа. В своих произведениях он сравнивал себя, идущего по стезе суфия, с мотыльком, стремящимся на свет свечи. Лучезарность Аллаха поэт уподобляет свече:

Табти миң пәрванэләр шәм' жәмалидин форуғ
Йоқ мән у пәрванәғә шәм' шәбистанимғә айт²

Красота свечи подарила блеск тысячам мотыльков.

Скажи: для меня и для мотылька нет свечи в моих ночных покаях?

Некоторые биографические сведения о поэте зафиксированы во вводной части «Дивана». Хушхал Гариби пишет, что родился в Кашгаре, получил образование в медресе *мавлави* Х^ааджи Мухаммад-ахунда, под руководством которого он приобрел знания в области различных наук: грамматика (*'илм-и нахв*), юриспруденция (*'илм-и фикх*), логика (*'илм-и мантик*), догматика (*'илм-и 'ака 'ид*), источники мусульманского права (*'илм-и усул*), религиозные обязанности (*'илм-и фара 'из*), суфизм (*'илм-и тасаввуф*). Через несколько лет он получил разреше-

¹ Молотова Г. М., Молотова Э. М. Суфийская поэзия XVIII–XIX веков как феномен общности культуры народов Центральной Азии. Алматы: Мир, 2017. 164 с.

² Рукопись из частной коллекции. Л. 25^б.

ние преподавать в этом же медресе. Как пишет сам поэт, спустя несколько лет он посвятил себя поиску Истины и стал *муридом* шейха Лутф Аллаха Кулаби:

‘Ишк вадиси тэшналариниң сираби

Нами шарифлари шэйх Лутф Аллах Кулаби¹

Тот, кто в долине любви напоит жаждущих,

Благословленное имя его — шейх Лутф Аллах Кулаби.

О принятии наставничества шейха Лутф Аллаха Кулаби поэт пишет: «Осчастливлен честью быть собеседником Лутф Аллаха Кулаби (да помилует его Аллах!), я подал им руки раскаяния» (*шэйх Лутф Аллах Кулаби Рэһмәту-л-Аллаһ ‘әләйһниң сөһбәт шәрифларигә мушәррәф болуб инабәт дәстини аларгә бәрдим*)². Факт выбора шейха в качестве наставника-*муршида* в приведенной цитате описан словами «подал им руки раскаяния». Это выражение встречается в большинстве народных дастанов и описывает своего рода ритуальное действие: неопит «*подает руки*» (ладонями вверх) *муршиду* и берет на себя обязательство полностью подчиниться его воле³. Далее поэт пишет, что долгие годы он служил своему *муршиду*, после чего ему было разрешено заниматься совершенствованием знаний учеников-*муридов* (*дин талибларигә рәһбәрлик қилдим*)⁴. Эта строка свидетельствует о том, что по прошествии нескольких лет Хушхал Гариби сам стал наставником. Следует отметить, что роль наставника заключалась не только в совершенствовании знаний ученика, но и в помощи на пути нравственного очищения и пересмотра смысла жизни.

Как пишет Хушхал Гариби, спокойное течение жизни в Кашгарии было нарушено репрессиями в отношении населения после подавления восстания. Вероятнее всего, здесь имеется в виду восстание против китайского владычества под предводительством Джахангир-х^ваджи, потомка Махдум-и ‘Азама, популярного в Центральной Азии суфия, который возглавлял *тарикат* Накшбандийа после смерти Х^ваджи Ахрара:

Стали происходить разного рода беспокойства, затруднения. Много было сумятицы, мусульмане воевали с *кафирами*, поставив их в затруднительное

---

¹ Рукопись из частной коллекции. Л. 5^б.

² Там же. Л. 5^б–6^а.

³ Бабаджанов Б. М. Хусайнийя (2) // Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедический словарь / сост. и отв. ред. С. М. Прозоров. М.: Восточная литература, 2006. Т. 1. С. 432.

⁴ Рукопись из частной коллекции. Л. 6^б.

положение. Затем *кафиры*-негодники взяли верх, убивали мусульман безгранично, разграбили их имущество. Оставшихся мусульман подвергли безмерному угнетению, доводя их до отчаяния.

Аманлиғ бәрһәм йәб бала вә афәт түрлүк түрлүк рәнж күлфәтлар аңа йүзләнди. Бисийар ғұлғулаһ болуб мусулманлар куффар бирлә жәң қилиб бу лә'инлар әһвалини тәнз қилди. Ахир куффар набиқарлар ғалиб болуб мусулманларни биһәдд өлтүрүб, мал амвалларини тараж қилди. Қалған мусулманларға һәддидин фузун әбунлуғ йүз анчә мунжәрр мәһзунлуғ йүзләнди¹.

Следует отметить, в истории уйгуров Восточного Туркестана после потери независимости неоднократно происходили восстания под предводительством *х^әаджей* — потомков «белогорцев»², которые имели право на трон Кашгарии. В конце XVIII века, когда Цинская империя захватила Кашгарию, *х^әаджи* переселились в Ферганскую долину. Как утверждает Б. М. Бабаджанов, *х^әаджи* находились в почетном плену в ханской крепости Коканда, за что получали от Китая «отступные» — суммы внушительных размеров³. В монографии Бабаджанова привлечены данные из письменных источников о восстании под предводительством Джахангир-*х^әаджи*⁴. Из-за ситуации, сложившейся в Кашгарии, Хушхал Гариби был вынужден эмигрировать в Ферганскую долину вместе со своим наставником-*муришидом*.

Следует отметить, Фергану и Восточный Туркестан «издавна связывали политические, экономические и культурные взаимоотношения»⁵. Кашгар и Фергана с древнейших времен входили в состав одних и тех же государственных объединений. Изучив проблему этнокультурной общности населения Средней Азии и Восточного Туркестана, Б. А. Литвинский пришел к выводу, что в Древности и Средние века здесь сформировался «среднеазиатско-восточнотуркестанский этнокультурный регион»⁶. Сложившиеся

¹ Рукопись из частной коллекции. Л. 6^ә–7^ә.

² Белогорцы (ақ-тағлиқлар) и черногорцы (кара-тағлиқлар) — религиозные группировки, ведущие свое происхождение от разных сыновей влиятельного среднеазиатского суфия из братства Х^әаджаган-Накшбандийа Ахмада ал-Касани (ум. в 949/1542–1543 г.), известного как Махдум-и А'зам; играли важную роль в Восточном Туркестане в XVII–XVIII вв.

³ Бабаджанов Б. М. Кокандское ханство: власть, политика, религия. Токио–Ташкент: Yangi Nashr, 2010. С. 166.

⁴ Там же. С. 183–196.

⁵ Губаева С. С. Ферганская долина. Этнические процессы на рубеже XIX–XX веков. Берлин: LAP Lambert, 2012. С. 185.

⁶ Литвинский Б. А. Исторические судьбы Восточного Туркестана и Средней Азии (проблемы этнокультурной общности) // Восточный Туркестан и Средняя Азия. М.: Наука, 1984. С. 23.

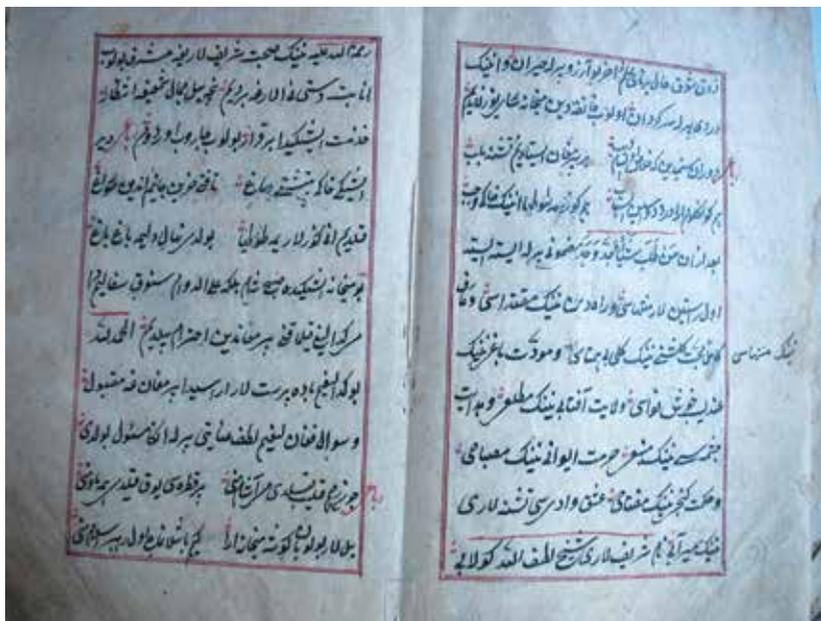
еще до нашей эры историко-культурные и торговые связи между Ферганской долиной и Кашгарией в эпоху Саманидов и Караханидов стали еще более тесными. Далеко не последнюю роль в этом процессе сыграл религиозный фактор. С распространением ислама Восточный Туркестан и Ферганская долина стали частью мусульманского мира. В XVIII в. усиливается роль представителей *тариката* Накшбандийа на территории Восточного Туркестана. Так, один из потомков Махдум-и 'Азама — Афак-х^е*аджа* становится не только известным в Центральной Азии наставником суфиев, но и правителем Кашгарии.

Географическая близость Кашгарии и Ферганской долины способствовала развитию торгово-экономических, политических и культурных отношений. В «Словаре» Махмуда Кашгари упоминается перевал между Кашгаром и Ферганой «Кара муң», которым пользовались с древности. Во время китайских репрессий уйгуры из Кашгара эмигрировали через этот перевал в Ферганскую долину, где возникли поселения уйгуров. В литературные круги Кокандского ханства влились поэты, переселившиеся из Восточного Туркестана. Следует отметить и тот факт, что один из правителей Кокандского ханства, 'Умар-хан, покровительствовал поэтам и сам имел поэтический дар. Войдя в литературный круг Кокандского ханства Хушхал Гариби, вероятно, стал признанным поэтом. Как уже нами отмечалось, поэт был последователем *тариката* Накшбандийа, соответственно в его поэзии воспевается стремление к духовному возвышению человека, ставшего на суфийский путь. В ней также хорошо видна роль его наставника.

Вторая половина жизни и творчества поэта прошла в Кокандском ханстве. Поэт пишет, что «из-за чрезмерности тягот на чужбине мое имя Хушхал изменено на Гариби» (*Фериблигниң зиядэлигидин Хушхал намим Гэрибийгэ тэбдил болди*)¹. Здесь поэт апеллирует к буквальному значению своего имени Хушхал (*хушхал* — перс.-тюрк. «довольный, радостный, веселый») и *тахаллуса*, то есть поэтического псевдонима Гариби (*гэрибий* — араб.-перс.-тюрк. «чужбина; положение странника, находящегося на чужбине; беспомощность»), который он принял в Кокандском ханстве. Смена *тахаллуса* точно передает его положение странника, оказавшегося на чужбине. Поэт неоднократно повторяет, что ранее его знали как «Хушхала Кашгари», теперь же его стали называть «Хушхал Гариби». Суммарное числовое значение букв, составляющих новый псевдоним поэта, равняется 1212. Вероятно, именно 1212 г. *хиджры* (1797 г.) был датой рождения поэта.

В эмиграции составлен изучаемый «Диван» Хушхала Гариби. Произведения поэта, созданные в Кашгарии под псевдонимом Кашгари, остаются неизвестны исследователям.

¹ Рукопись из частной коллекции. Л. 8⁶.

Илл. 1. Рукопись «Дивана» Хушхала Гариби из частной коллекции
Собрание Ш. Х. Вахидова. Л. 56-6а

Список «Дивана» Хушхала Гариби из частной коллекции

В основу нашего исследования легла рукопись из частной коллекции (собрание Вахидова). Для сравнения текста привлекались также списки из рукописных фондов Алма-Аты и Ташкента. Результаты сличения трех списков показали, что тот, что происходит из частной коллекции является наиболее полным. Что касается андижанского списка, то он пока остался нам не доступен.

Рукопись содержит 148 листов. Бумага восточная, кокандского производства. Текст написан почерком *наста'лик*. Во вступительной части «Дивана» киноварью выделены слово *руб'а'и* и последнее предложение вступительной части. Выражения на арабском языке надчеркнуты красным цветом. Над книгой работало как минимум два переписчика: судя по почерку, некоторые страницы написаны учеником, основная же часть выполнена красивым почерком, вероятнее всего, принадлежащим профессиональному каллиграфу, имя которого в рукописи не указано. Имеются кустоды (*пайгиры*). Текст написан с использованием трафарета — *мистары*. Газели, *руб'а'и*, *мухаммасы* и т. д. помещены в рамку *мусалсала* (или *сулайсийин*) красного цвета. На каждом листе по 11 строк, текст написан в два столбца. 35 *руб'а'и* поэта в «Диване»

Ил. 2. Рукопись «Дивана» Хушхала Гариби из частной коллекции
Собрание Ш. Х. Вахидова. Переплет

заклучены в отдельные рамки в отличие от тех *руб'аи*, которые приводятся во вступительной части. На каждом листе по 4 *руб'аи* (лл. 142а–146а). На некоторых листах были вписаны пропущенные слова или строки, что свидетельствует о том, что текст после переписки был отредактирован (лл. 256, 31а, 71б, 73а, 75б, 93б, 110б, 118б, 127б).

Переплет рукописи картонный, оклеен снаружи бумагой темно-зеленого цвета с тиснением и покрыт лаком. Корешок и кожаная окантовка крышек из кожи малинового цвета. В центре верхней и нижней крышек переплета расположен медальон в форме лимона (*турундж*), сверху и снизу от *турунджа* размещены узорчатые тюльпаны (*лола*). *Турундж* и *лола* помещены в рамку *мусалсала*. По углам — угольник-лучак. Все украшения темно-кремового цвета, окружены тройной рамкой и цепочкой-*занджир*.

Следует отметить, что переплеты всех трех изученных нами списков рукописи «Дивана» оформлены одинаково. Отличаются они лишь цветом основного тона переплета.

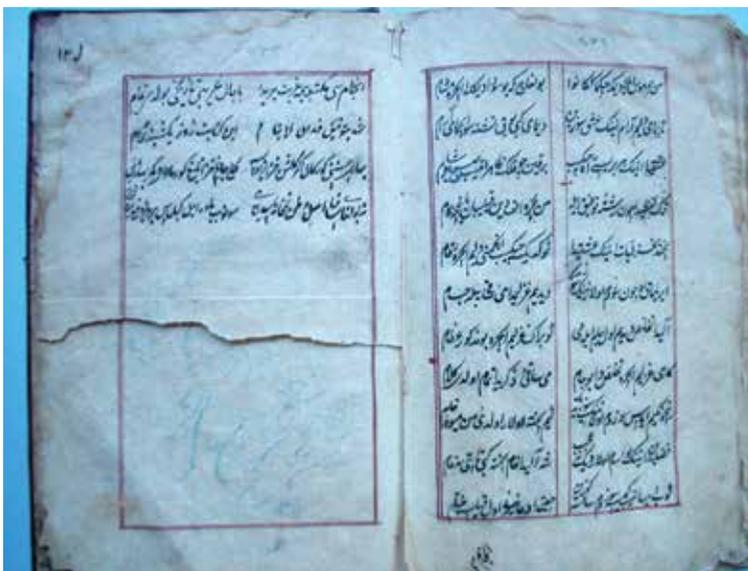
Дефекты списка «Дивана» из частной коллекции

Из-за плохих условий хранения некоторые страницы исследуемого списка «Дивана» Хушхала Гариби испорчены влагой; некоторые слова и даже строки не поддаются прочтению; на одной странице строки из-за воздействия влаги размазаны; отсутствует первый лист рукописи; на листах 11^б и 12^а отсутствует текст; лист 148 надорван до середины; листы 97–98 имеют дыры.

Что касается алма-атинского списка, то в нем нет вступительной части, имеющейся в ташкентском списке и рукописи из частной коллекции. Сравнение со списком из частной коллекции показывает, что в алма-атинской рукописи отсутствуют некоторые газели, имеющиеся в указанном списке, а несколько *руб'аи* отличаются. В ташкентской рукописи число газелей

Ил. 3. Рукопись «Дивана» Хушхала Гариби из частной коллекции
Собрание Ш. Х. Вахидова. Л. 716–72а

Ил. 4. Рукопись «Дивана» Хушхала Гариби из частной коллекции
Собрание Ш. Х. Вахидова. Последний лист с хронограммой (*ta'rix*). Л. 1476–148а

значительно меньше, чем в других списках, однако с ее помощью нам удалось прочесть испорченную влагой первую фразу вступительной части в списке из частного собрания и установить, что в нем утерян первый лист. Сведений о переписчиках всех трех рукописей и их переплетчиках нет. Время составления «Дивана» указано в заключительной части в хронограмме (*та'рих*).

О «Диване» Хушхала Гариби

«Диван» имеет прозаическую вступительную часть, где, как уже упоминалось, приводятся некоторые автобиографические сведения. Во вступительную часть включены и отдельные *руб'аи* поэта. В процессе исследования наследия Хушхала Гариби также выявлены некоторые газели поэта, включенные в «*байазы*»¹, которые хранятся в рукописных фондах, что свидетельствует о его достаточной популярности в литературных кругах того периода.

По традиции раздел «Дивана», в который включены газели, начинается с нового листа и *басмалы*. Этот раздел насчитывает более 5000 стихотворных строк. В структурном отношении при составлении «Дивана» соблюдена традиция: сначала идут газели (они в преобладающем большинстве), затем *муस्ताзды*, *мухаммасы*, *тарджи'банды*, *руб'аи*, *мусаддасы*, *чистаны*. Заключение «Дивана» состоит из 54 строк. В заключении (*хатима*) Хушхал Гариби дает *байт*-хронограмму (*та'рих*) с зашифрованной датой завершения своего произведения:

Энжүмәси мәктүбимдә ғурбәт йеридә
Ба һал-и ғариби та'рих болди тәмам².

Для всего, что я написал на чужбине,
Дата завершения была в [словах] «һал-и ғариби».

В данном *байте* (двустушии) цифровое значение выражения «*һал-и ғариби*» (положение скитальца) в соответствии с системой *абджад*³ составляет 1261; таким образом, 1261/1845 год является датой завершения «Дивана». Выше мы высказали предположение, что числовое значение псевдонима «Гариби», которое составляет 1212, указывает на дату рождения поэта — 1212/1797 г.; таким образом, к завершению «Дивана» ему было 48 лет. Следует отметить, что *та'рих* (хронограммы), а также *му'амма* (логогрифы, шарады) получили свое развитие в тюркской поэзии начиная с XV века. Числовые значения

¹ *Байаз* — сборник стихов известных поэтов одной эпохи, «антология поэзии».

² Рукопись из частной коллекции. Л. 148^а.

³ *Абджад* — система цифровых значений букв арабского алфавита.

определенных слов или словосочетаний указывали на дату завершения сочинения или какого-то исторического события. Составлением хронограмм увлекались известные тюркские поэты XV–XVI веков. Сложность ее составления заключается в том, что нужно дату события зашифровать в слова, укладывающиеся в размер стиха. Алишер Нава'и (XV в.), например, таким способом указал время завершения своего труда «*Махбуб ал-кулуб*». Хушхал Гариби продолжил эту традицию, указав время создания своего сочинения при помощи *абджада*.

Газели, составляющие значительную часть «Дивана» Хушхала Гариби, написаны с соблюдением канонов поэзии того периода: они насчитывают от 7 до 15 *байтов*, в *макта'* (конечном двустииши газели) указывается его *тахаллус*: Гариби. В «Диване» встречаются также газели из 4 (1 газель), 5 (3 газели) и 6 (5 газелей) *байтов*, однако подавляющее большинство составляют газели из 9 *байтов*.

Поэзия Хушхала Гариби

В стихах Хушхала Гариби, как это характерно для суфийской поэзии, под образом «возлюбленной» подразумевается Создатель. Поэт, выбравший путь поиска Истины, выступает в образе влюбленного. Его муки означают прохождение им пути совершенствования, ведущего к полному очищению от грехов и приближению к Создателю. На исполненном страданий пути к познанию Истины любовь (*ишк*) является силой, толкающей путника к достижению цели.

Любовь, вино и красота являлись основными символами суфийской поэзии. Опьянение вином выражает наступление экстаза, красота молодого тела — абсолютное божественное совершенство. Поэтому поэт часто обращается к виночерпию с просьбой подать вина. Обитель, где находит умиротворение лирический герой — каба́к, питейный дом (*майхане, майкаде, хумхане*). Вино, посредством которого суфий достигает единения с Богом (*висал*), в одних случаях называется просто *май, шараб*, в других случаях сопровождается эпитетами «розовое» (*гулфам, гулгун*) или «красное» (*сурх, аргаван, ла'л, ахмар*). *Висал* в суфийской поэзии означает соединение с Истиной (*Хакк*), слияние с Богом. Для передачи состояния слияния с Богом суфии пользовались арабским термином *таухид*. *Таухид* позволяет суфизму перебросить мост через пропасть, разделяющую человека и Бога. В достижении *таухида* значительную роль играет виночерпий (*саки*), подающий вино, который воспринимается поэтом как посредник между суфием и Творцом: «Истина сделала тебя, виночерпий, заступником вина» («*Иаққ этти сени сақи бадэ шэфаетигэ*»)¹. В некоторых случаях образ виночерпия заменяет красивый юноша-зороастриец — *мугбачче*. Исследователи считают, что красота молодого тела есть воплощение абсолют-

¹ Рукопись из частной коллекции. Л. 89^б.

ного божественного совершенства¹. Не только газели, но также *руба 'и*, *маснави* и *чистаны* «Дивана» проникнуты одной идеей — воспеванием намерения человека встать на путь Истины.

В поэзии Хушхала Гариби выражаются любовные муки лирического героя, страдающего в разлуке, воспевается его стремление к воссоединению с возлюбленной. Свое состояние поэт сравнивает с положением известных литературных персонажей — Фархада и Маджнуна: «Разлука сделала меня ближе к Фархаду и Маджнуну» («*Қилди Фаръад бирлә Мәжнунгә мени мәкрун фирақ*»)². В газели с *радифом* «*қилмақ*» он обращается к Ширин:

Қаздим әй Шерин сәнәм ғәм тағини тирнағ илә
Нәйлайн мән болмадим тағиңдә Фәрһадиң сениң.³

Ногтями рыл я гору грусти, о красавица Ширин!
Как мне быть? Я не смог стать твоим Фархадом в твоих горах.

Свои страдания и муки поэт считает недостаточными для приближения к Создателю, и хотя, по его утверждению, он и «рыл ногтями гору печали», все же не смог стать Фархадом, который «прорыл канал ради красавицы Ширин». Основная идея поэта заключается в том, что именно любовь (*'ишк*) ведет человека к достижению цели на пути познания Истины, и именно она помогает вынести все страдания.

Более ранние поэты в своих стихах обращались к образу Мессии. Этот образ встречается в поэзии таких предшественников Хушхала Гариби, как Алишер Нава'и, Саккаки, Са'ид и др. По мнению Е. Э. Бергельса, именно пророк 'Иса, обладавший даром «*чудотворного врача*» и способный дуновением воскрешать мертвых, стал прототипом образа Мессии в поэзии Востока⁴. В газели Хушхала Гариби с *радифом* «*қилмақ*» возлюбленная названа Мессией: «Если мой Мессия произнесет слово, то им вылечивает» («*Мәсиһайим кәлам әйтса ениң бирлә дәва қилмақ*»)⁵. Таким образом, первое полустихие, которое сравнивает дыхание, а тем самым и речь красавицы с чудотворной силой пророка 'Исы, целиком соответствует традиции.

В некоторых произведениях Хушхала Гариби встречается портрет возлюбленной, напоминающей разбойника. Глаза возлюбленной поэт часто называет «палачами».

¹ Ян Рипка. История персидской и таджикской литературы. М.: Прогресс, 1970. С. 25.

² Рукопись из частной коллекции. Л. 88^а.

³ Там же. Л. 92^б.

⁴ Бергельс Е. Э. Избранные труды. Навои и Джами. М: Наука, 1965. С. 48.

⁵ Рукопись из частной коллекции. Л. 89^б.

Кийиб башиғә чу қалфақ йаниғә тиглар асиб
Ичиб шәрабини ул шүх чу сусән олди ләвәнд¹

Надев колпак, повесив мечи по бокам,
Выпивая вино, она, дерзкая, уподобилась лилии вольной.

Как видно из этого *байта*, портрет возлюбленной представляет ее дерзкой, пьющей вино красавицей. Элементы ее костюма: *қалфақ* («колпак»), *тиглар* («мечи») — уподобляют ее разбойнику, гуляке, ведущему праздный образ жизни. Известно, что в суфийской поэзии часто воспевается гуляка/пьяница как олицетворение внешне неряшливого, но внутренне духовно возвышенного человека. Сравнение дерзкой красавицы с лилией подчеркивает ее редкую красоту, и в то же время делает акцент на вольности возлюбленной.

Как уже было сказано, в «Диван» Хушхала Гариби включены также строфические стихотворения — *мухаммасы*. Первая строфа имеет единую рифму, а последняя строка всех последующих строф рифмуются с первой строфой, остальные четыре строки каждой строфы могут иметь иную рифму. Таким образом, схема рифмы *мухаммас* выглядит так: *ааааа, бббба, вввва* и т. д. *Мухаммасы* Хушхала Гариби посвящены воспеванию Создателя. Как истинный суфийский поэт, он обращается к Всевышнему с мольбой не лишать его возможности вспоминать Его. Ради этой милости он готов даже жертвовать своей жизнью:

Қоймағил йа Рәбб, Ғәрибийни өзүңниң зикридин
Җаним үзсәң үзгил бәс үзмәгил йадиң сениң²

Не оставляй Гариби без возможности *зикра*, о Создатель!
Можешь прервать мою жизнь, но не прерывай поминание Тебя.

Приведенный пример показывает, что для Гариби, подобно другим суфийским поэтам Центральной Азии, главное — это *зикра*, поминание имен и эпитетов Аллаха, абсолютного Божества. Учитывая быстротечность жизни, Хушхал Гариби сравнивает ее с гостем и советует всегда помнить о том, что в конце концов каждому суждено держать ответ за свои деяния перед Создателем.

Һәққи йад айт бу ‘әзиз ‘әмриң сәңа меһман ерур
Олтуруб бир дәм қоуп кеткай бу меһман ‘ақибәт.³

Помни истину: твоя драгоценная жизнь — это гость!
Посидев немного, встанет и уйдет этот гость в конце концов.

¹ Рукопись из частной коллекции. Л. 43^а.

² Там же. Л. 92^б.

³ Там же. Л. 25^а.

Хушхал Гариби, посвятивший себя *зикру*, считает, что если человек не поминает постоянно Бога, его нельзя считать по-настоящему живым, поскольку только *зикр* оживляет душу:

Гәр аниң йади билан болсам тирикмән йоқсә ким
Мән өлүк ани мениң жаним ара жан айлагач.¹

Если я занят Его поминанием, то я жив, иначе
Я мертв, ибо Он стержень жизни и души моей.

Одним из требований к человеку, ставшему на путь поиска Истины, является борьба-*джихад* с собственным эго (*нафс*). Следуя традиции, Хушхал Гариби считает *джихад* с собственным эго более важным, чем войну с неверными. Войну с неверными он называет малым *джихадом*:

Жәңг-и әсғәр болди ким кафир билан жәңг айламак
Жәңг-и әкбәрдур киши ким нәфс илә қилсә жиһад.²

Война с неверными стала малой войной.
Если же человек ведет *джихад* с *нафсом*, то [это] великая война.

Таким образом, поэт считает, что только поборов собственное эго, человеку следует вступать в борьбу с неверными.

Поэт удачно использует сочетание *самум*. Ведь слово арабского происхождения *самум* (سموم) означает жаркий, губительный ветер пустыни. Поэт делает акцент на губительное воздействие желаний и стремлений эго-*нафса* на веру-*иман* человека. Борьба с собственным *нафсом* является обязательной для суфия. Поэтому на начальном этапе ученик-*мурид* должен учиться обходиться малым, больше думать о своем духовном росте. Разумеется, в этом ему должен оказывать поддержку наставник-*муриид*. О необходимости иметь наставника на избранном пути Хушхал Гариби пишет: «Бәйәт айткандин сәдәфгә қәтрә дур болди нә мәвжә»³ («Признав верховенство раковины, жемчугом стала капля, а не волна»: «капля» — ученик, «волна» — народ, «жемчуг» — вера человека). Здесь раскрывается функция института наставничества: полное подчинение *мурида* воле *муриида*. Только с помощью наставника суфий сможет достичь цели: «Йәтмәгай болсә нирсиз һәдд мәнзил ара киши»⁴ — «Без наставника человек не достигнет тех пределов, к которым стремится». Слово наставника имеет глубокий смысл, и *муриду* следует

¹ Рукопись из частной коллекции. Л. 33^а.

² Там же. Л. 42^а.

³ Там же. Л. 24^а.

⁴ Там же. Л. 24^б.

вникать в него. Также поэт использует в отношении наставника-*муршида* термин «*рахбар*» — «руководитель, путеводитель». Развивая свою мысль, Хушхал Гариби подчеркивает, что за каждым словом наставника скрывается дуновение Истины. Вникая в значение этих слов, суфий совершает *джихад* против собственного *нафса*.

Хушхал Гариби призывает потомков жить согласно Божьему закону и Священному Корану. Только просвещенные богословы-*улемы* могут решать дела законным образом. *Улемам* поэт противопоставляет невежд, неучтивых и необразованных людей, подобных животным. Хушхал Гариби подчеркивает, что не стоит уподобляться невежде и спорить с Божьим законом; любое дело нужно решать справедливо, руководствуясь Кораном:

Эй вәлә хамушлиғ айлә қилмә надан билан бәһс
 ‘Ақил емас ул киши ким қилсә һәйван бирлә бәһс
 ‘Уләмалар нәр умурдин десә сөз қилғил қәбул
 Жәһл олуб бу жәһл йәңлиғ қилмә Қур‘ан бирлә бәһс.¹

Эй, дитя, молчи и не спорь с невеждой!
 Глупо человеку спорить с животным.
 Прими слова законоведов о каждом деле.
 Не зная, подобно невежде, не спорь с Кораном.

Маснави, включенные в «Диван» Хушхала Гариби, также воспевают намерения человека встать на путь Истины. Считается, что Сана’и (XI в.) одним из первых использовал стихотворную форму *маснави* для создания рифмованных проповедей. Суфийские поэты последующих веков следовали его примеру.

Руба ‘и Гариби начинаются восклицанием «*Йа Рабб!*» (О Господи!). В них поэт обращается к Богу с мольбой о твердости и ясности ума на избранном им пути, об очищении от грехов и защите от влияния безбожников. Все *руба ‘и* поэта имеют одинаковую форму рифмовки *ааба*, т.е. рифмуются все строки четверостишия, кроме третьей.

При составлении загадок-*чистанов*, как и при написании *та’рихов*, поэты широко использовали систему числовых значений букв — *абджад*. Посредством цифр Гариби шифрует различные понятия. Так, в *чистане* с *радифом* «*қил*» в полустишии «*Йәттә йүз баш, тән йигирмә, айағидур ики йүз*» («Семьсот голов, туловищ двадцать, а ног двести») зашифрован термин *зикр*². В других *чистанах* поэта зашифрованы слова: *лаб* (губы), *дил* (сердце), *хал* (родинка), *зулф* (кудри), *көз* (глаза), *йад* (воспоминание, память), *тан* (тело), *джан* (душа), *джам* (чаша).

¹ Рукопись из частной коллекции. Л. 29^б.

² Там же. Л. 98^а.

Особый интерес представляет стихотворение с *радифом* «*рух*» — «дух, душа». В нем поэт высказал мнение, имеющее глубокое воспитательное значение: «*Кам-и дунайани киши истар болур накам рух*»¹ («Если человек будет желать богатства мира, то его душа не достигнет желаемого»). То есть, стремясь заработать материальные блага, человек зачастую забывает о духовных ценностях и духовном росте. В этом произведении Хушхал Гариби неслучайно выбрал *радифом* слово *рух*. Такой *радиф* придает особый акцент духовному возвышению личности. В приведенном примере поэт использовал способ передачи основного понятия *рух* посредством цифрового значения букв арабского алфавита: «*Ики йўз баши тәнидур алти сәкиздур айағ*» («Двести голов, шесть тел, восемь ног»). В другом случае тело человека называет «гнездом птицы», в котором живет птица, т. е. душа: «*Ашйанида куши көрмас киши бар нам рух*» («Человек не видит, что в гнезде есть птица, называемая душой»).

Мысли поэта о равенстве всех рабов Божьих передана в газели, начинающейся со слов «*Тапмади арамни жаним*» («Сердце не нашло спокойствия»):

Тәң ерур йәтсә ‘әжәл күл үзрә ким йәтсә гәда
Ким гүл үзрә шәһ нишини бағ бустан ичрәдур.²

Если смерть постигнет, то равны нищий, лежащий в золе,
И шах, сидящий в цветнике в прекрасном саду.

Хушхала Гариби волнует мысль о скоротечности жизни. Он говорит о том, что нельзя верить в могущество богатств этого мира, и приводит в качестве примера жизнь правителя, который в дорогих одеждах и украшениях сидел на троне, а когда его настигла смерть, все его богатство исчезло, подобно молнии, и его, как и всех смертных, хоронят в одном саване. Рефреном для этого произведения поэт выбрал *байт* «*Бу дунйа бевафдур әй бәрадәр. Вәфалиғ мән десә һеч қилмә бавәр*» («Эй брат, этот мир непостоянен. Если скажет, я есть верность, то не верь»).

Поэту-суфию дороже раб Божий, молящийся на молитвенном коврике, нежели шах, сидящий на троне. Поэтому он применяет словосочетание «*мусалла тәхтида*» — «на троне *мусалла* (молитвенного коврика)». Молитвенный коврик молящегося, таким образом, возвышается до уровня трона, а раб Божий, постоянно поминающий Аллаха, представляется ему стоящим выше *шаха*. Суфия, занятого *зикром*, поэт называет «*шах-и субх*» — «шах зари»:

¹ Рукопись из частной коллекции. Л. 36^а.

² Там же. Л. 53^б.

Шәңдин артуқрақ қул-и Аллаһ чун мүсәлла тәхтида
Болсә зикрида аниң вәқтида ким ул шаһ-и субһ.¹

Превыше шаха раб Божий, что на троне *мусалла*.
Если он занят *зикром* в это время, то он — шах зари.

Темы свободы, спокойствия и счастья проходят красной нитью через всю поэзию Хушхала Гариби. Для поэта, разлученного с родным краем из-за войн, эти понятия были чрезвычайно важны. В его произведениях нашли отражение чаяния поэта, скитающегося на чужбине. Понятия *фирак*, *хиджр* означают не только разлуку с возлюбленной, но также и утрату родины. В поэзии Хушхала Гариби часто встречаются выражения *ватан*, *асли ватан* — «родина»:

Ғәрибий сақидин ичкач шәраб вәтән йерида
Хийал кәби барамән тушда өз дийаримғә.²

(Я), Гариби, испивший вина виночерпия в родной земле,
Во сне, словно в воображении, иду в свой родной край.

Талант поэта был признан в Кокандском ханстве, однако его сердце томилось в печали от разлуки с родиной. Именно эти страдания способствовали развитию его таланта. Хушхал Гариби избегал повторения одних и тех же слов, используя широчайший лексический запас трех языков: тюркского, арабского и персидского. Поэтому рифмы его газелей, *руба ‘и*, *мухаммасов* и *чистанов* разнообразны, красивы и мелодичны.

Таким образом, изученный нами «Диван» Хушхала Гариби показывает, насколько сильным было влияние *тариката* Накшбандийа в XIX в. на территории Восточного Туркестана, где, наряду с классической светской поэзией, развивалась также суфийская поэзия. В рамках тюркской литературы ее развитие по сей день остается малоизученным, и имена многих поэтов-суфиев и их наследие по-прежнему находятся вне поля внимания исследователей. Изучение этой части наследия тюркских народов представляется перспективным направлением востоковедных исследований.

Список литературы

1. Бабаджанов Б. М. Хусайнийа (2) // Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедический словарь / Сост. и отв. ред. С. М. Прозоров. М.: Восточная литература, 2006. Т. 1. С. 431–432.

---

¹ Рукопись из частной коллекции. Л. 35^б.

² Там же. Л. 120^б.

2. Бабаджанов Б. М. Кокандское ханство: власть, политика, религия. Токио–Ташкент: Yangi nashr, 2010. 744 с.
3. Бертельс Е. Э. Избранные труды. Навои и Джамии. М.: Наука, 1965. 800 с.
4. Жэлилов А. Хушхал Ғарибий ҳаққидә йеңи мәлуматлар // Актуальные проблемы советского уйгуроведения: Материалы I Республиканской уйгуроведческой конференции. Алма-Ата: Наука, 1983. С. 133–136.
5. Жалилов О. Хушхал Ғарибий. Тошкент: Фан, 2005. 24 с.
6. Губаева С. С. Ферганская долина. Этнические процессы на рубеже XIX–XX вв. Берлин: LAP Lambert, 2012. 252 с.
7. Кныш А. Д. Мусульманский мистицизм: краткая история. СПб.: Диля, 2004. 464 с.
8. Литвинский Б. А. Исторические судьбы Восточного Туркестана и Средней Азии (проблемы этнокультурной общности) // Восточный Туркестан и Средняя Азия. История. Культура. Связи. М.: Наука, 1984. 240 с.
9. Молотова Г. М., Молотова Э. М. Суфийская поэзия XVIII–XIX веков как феномен общности культуры народов Центральной Азии. Алматы: Мир, 2017. 164 с.
10. Рипка Ян. История персидской и таджикской литературы. М.: Прогресс, 1970. 418 с.
11. Хушхал Ғариби. *Диван*. Рукопись из частной коллекции Ш. Х. Вахидова.
12. Хушхал Ғариби. *Диван*. Рукопись из фонда Института востоковедения им. Абу-Райхана Беруни АН РУз. Инв. номер 11409.
13. Хушхал Ғариби. *Диван*. Рукопись из фонда библиотеки Астаны. Инв. номер 4698.

References

1. Babadjanov B. M. Khusayniya (2) // Islam na territorii bivshey Rossiyskoy imperii: Entsiklopedicheskiy slovar' // sost. i otv. red. S. M. Prozorov. [Khusayniya (2) // Islam in the Former Russian Empire. Encyclopaedic Lexicon / Ed. S. M. Prozorov]. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2006. Vol. 1. P. 431–432.
2. Babadjanov B. M. Kokandskoe khanstvo: vlast', politika, religiya. [Qoqand Khanate: power, politics, religion]. Tokio-Tashkent: Yangi nashr, 2010. 744 p.
3. Bertel's E. E. Izbranniye trudy. Navoi i Djami. [Selected works. Navai and Jami]. M: Nauka, 1965. 800 p.
4. Gubaeva S. S. Ferganskaya dolina. Etnicheskiye protsessy na rubeje XIX–XX vv. [The Fergana Valley. Ethnic processes at the turn of the 20th century]. Berlin: LAP Lambert, 2012. 252 p.
5. Jalilov A. Khushhal Gharibi haqqida yangi malumatlar // Aktual'nie problemi sovetского uygurovedeniya: Materiali I Respublikanskoy Uygurovedcheskoy konferentsii. [The new data about Khushhal Gharibi // Current problems of Soviet Uyghur Studies: Materials of the first Uyghur Studies conference]. Alma-Ata: Nauka, 1983. P. 133–136.

6. Jalilov O. *Khushhol Garibiy*. Tashkent: Fan, 2005. 24 p.
7. Khushhal Gharibi. *Diwan*. Manuscript from private collection of Sh. Kh. Vakhidov.
8. Khushhal Gharibi. *Diwan*. Manuscript of Astana Library fund. Acc. No. 4698.
9. Khushhal Gharibi. *Diwan*. Manuscript of the Institute of Oriental Studies of Academy of Sciences of Uzbekistan. Acc. No. 11409.
10. Knysh D. A. *Musul'manskiy mistitsizm: kratkaya istoriya* [Islamic Mysticism: A short history]. St Petersburg: "Dilya" Publishers, 2004. 464 p.
11. Litvinskiy B. A. *Istoricheskiye sud'bi Vostochnogo Turkestana i Sredney Azii (problemy etnokul'turnoy obschnosti) // Vostochniy Turkestan i Srednyaya Aziya. Istoriya. Kul'tura. Svyazi*. [Historical destiny of Eastern Turkestan and Central Asia (problems of ethnocultural entity) // Eastern Turkestan and Central Asia. History. Culture. Connections]. M.: Nauka, 1984. 240 p.
12. Molotova G. M., Molotova E. M. *Sufiyskaya poeziya XVIII–XIX vekov kak fenomen obschnosti kul'turi narodov Central'noy Azii*. [Sufi poetry of the 18th–19th centuries as a phenomenon of cultural identity of the peoples of Central Asia]. Almaty: Mir, 2017. 164 p.
13. Ripka Yan. *Istoriya persidskoy i tadzhikskoy literatury*. [The history of the Persian and Tadjik Literature]. M.: Progress, 1970. 418 p.

Author's information

Gulbakhrem M. Molotova

PhD, Associate Professor, Chief Researcher of the Department of Philology and Linguistics, Centre of Uyghur Studies, Institute of Oriental Studies named after R. B. Suleimenov

29, Kurmangazy St., Almaty, 050010, Republic of Kazakhstan

E-mail: gmolotova@mail.ru

Информация об авторе

Молотова Гульбахрем Максимовна

кандидат филологических наук, доцент, зав. Отделом литературоведения и языкознания Центра уйгуроведения, Институт востоковедения им. Р. Б. Сулейменова

Республика Казахстан, 050010, Алма-Ата, ул. Курмангазы, 29

E-mail: gmolotova@mail.ru

Elvira M. Molotova (Institute of Oriental Studies, Almaty, Kazakhstan)

Written Monuments of Eastern Turkestan on the *Awliya*'

Summary: The paper focuses on the narrative works from Eastern Turkestan, such as “*Tadhkira-yi Bughra Khan*”, “*Tadhkira-yi Khwaja Qutb al-Din Iraqi*” and “*Tadhkira-yi Sayyid Afaq-khwaja*”), dedicated to the activities of Turkestani saints of different periods.

“*Tadhkira-yi Bughra Khan*” contains unique data on the history of penetration of Islam into Kashghar during the Qarakhanid period (X century) as well as the spread among the Turkic peoples of the region of the Sufi tradition of *Uwaysiyya*. The anonymous author narrated a history of propagation of Islam by the Qarakhanid ruler Sultan Satuq Bughra Khan and his descendants, as well as the role of the *shaykhs-uwaysi* in the preaching of the Muslim faith and the interpretation of the *shari'at*. Sultan Satuq Bughra Khan was the first among Turkic *khakans* in Eastern Turkestan to be converted to Islam. With the adoption of Islam, the Sultan was given the Arabic name ‘Abd al-Karim. Having overthrown his uncle Ughulchaq Qadyr Khan, Sultan Satuq Bughra Khan became the ruler of the Qarakhanid state and greatly expanded its territory while spreading Islam. The *tadhkira* represents him as the first *uwaysi* in Eastern Turkistan. The *tadhkira* also describes the activities of 40 *shaykhs-uwaysiyya* and 12 women-*uwaysiyya*, among them *shaykh-uwaysi* Qutb al-Din.

The second work, “*Tadhkira-yi Khwaja Qutb al-Din Iraqi*”, focuses on the activities of this *shaykh*. According to the legend transmitted in this *tadhkira*, the *shaykh* was taught by Prophet Khidr who was engaged in transfer of spiritual knowledge to Qutb al-Din until the latter reached the age of 41 years. Having reached perfection in knowledge, the *shaykh* went to the city of Kashghar. Khwaja Qutb al-Din had been teaching pupils according to the *Uwaysiyya* tradition and brought them to his level of knowledge.

“*Tadhkira-yi Sayyid Afaq-khwaja*” is dedicated to the activity of descendants of the popular in the Muslim world Sufi of the Khwajagan-Naqshbandiyya *tariqat* — Mahdum-i A‘zam. It narrates the story of the bloody struggle between Mahdum-i A‘zam’s sons, Muhammad Amin and Muhammad Ishaq-Wali, for supremacy within this *tariqat* in Eastern Turkestan. Before his death, Mahdum-i A‘zam publicly declared Muhammad Amin as his successor. However, another son of him, Muhammad Ishaq-Wali, whose mother was a descendant of the above

mentioned Kashghar ruler Sultan Satuq Bughra Khan, claimed his father's place. The struggle continued among their descendants. Then the *tadhkira* narrates the life of Afaq-khwaja, son of Muhammad Amin. Thus, the above-mentioned *tadhkiras* are important sources on the history of Islam and the Uwaysi Sufis in Central Asia in the 16th–18th Centuries.

Keywords: *awlīya'*; *tadhkira*; Sufism; Islam; Eastern Turkestan; Central Asia; Kashghar; Qarakhanids; Khwajagan-Naqshbandiyya; *Uwaysiyya*; Mahdum-i A'zam; Afaq-khwaja.

Молотова Э. М. (Институт востоковедения, Алма-Ата, Казахстан)

Письменные памятники Восточного Туркестана об *аулия'*

Аннотация: Статья посвящена таким среднеазиатским нарративным агиографическим сочинениям, как «*Тазкира-йи Бугра-хан*», «*Тазкира-йи Х'аджа Кутб ад-дин Ираки*» и «*Тазкира-йи Саййид Афак-х'аджа*», освещающим деятельность святых Восточного Туркестана разных периодов.

«*Тазкира-йи Бугра-хан*» повествует об истории проникновения ислама в Кашгар в эпоху Караханидов (X в.), о его распространении среди тюркских народов и о возникновении традиции *Увайсийа* в данном регионе. Анонимный автор сочинения большое внимание уделяет истории распространения ислама караханидским правителем султаном Сатук Бугра-ханом и его потомками, а также роли шейхов-*увайсийа* в проповеди ислама и толковании *шариа'та*. Султан Сатук Бугра-хан был первым среди тюркских *хаканов*, кто принял ислам в Восточном Туркестане. После принятия ислама султану было дано арабское имя 'Абд ал-Карим. *Тазкира* называет его первым *увайсом* на территории восточно-туркестанского региона. Свергнув с престола своего дядю Угулчак Кадыр-хана, султан Сатук Бугра-хан стал правителем Караханидского государства и, распространяя ислам, значительно расширил территорию государства. В данном источнике рассказывается о деятельности 40 шейхов-*увайсийа* и 12 стариц-*увайсийа*, среди которых, в частности, упоминается шейх-*увайсийа* Кутб ад-дин.

Следующее сочинение — «*Тазкира-йи Х'аджа Кутб ад-дин Ираки*» — посвящено жизнеописанию этого шейха. Согласно *тазкире*, он получил инициацию от пророка Хидра, который передавал знания Кутб ад-дину, пока тот не достиг возраста 41 года. Достигнув совершенства в знании, шейх отправился в сторону Могулистана в город Кашгар. Х'аджа Кутб ад-дин также занимался обучением учеников в традиции *Увайсийа* и довел их до своего уровня священного знания.

Немаловажное значение имеет сочинение «*Тазкира-йи Саййид Афак-х'аджа*», повествующее о деятельности потомков популярного в мусульманском мире суфия *тариката* Х'аджаган-Накшбандийа — Махдум-и А'зама. Это сочинение повествует о кровопролитной борьбе между сыновьями этого

суфия — Мухаммадом Амином и Мухаммадом Исхак-Вали за главенство внутри *тариката* в Восточном Туркестане. Перед смертью Махдум-и А'зам публично провозгласил своим преемником Мухаммада Амина, однако на место отца претендовал и другой сын суфия — Мухаммад Исхак-Вали, мать которого происходила из рода кашгарского правителя султана Сатук Бугра-хана. Эта борьба продолжилась и при их потомках. Далее сочинение повествует о деятельности Афак-х'аджи, сына Мухаммада Амина. Таким образом, три рассмотренные выше *тазкиры* являются важным источником по истории ислама и суфиев-*увайсийа* в Восточном Туркестане и Средней Азии в XVI–XVIII вв.

Ключевые слова: *аулийа'*; *тазкира*; суфизм; *мазар*; ислам; *Увайсийа*; Х'аджаган-Накшбандийа; Центральная Азия; Восточный Туркестан; Кашгар; Караханиды; Махдум-и А'зам; Афак-х'аджа.

В жизни населения Восточного Туркестана *аулийа'* (святые) играли важную политическую, духовную и хозяйственную роль, а также способствовали распространению ислама среди тюркских народов, ранее исповадовавших буддизм, манихейство или шаманизм. Многие святые места восточно-туркестанского ареала непосредственно связаны с именами шейхов, оставивших заметный след в истории и культуре данного региона. Они и по сей день считаются святыми, их гробницы являются местами поклонения и паломничества. В течение столетий возникали подобные «места посещений» (*мазары*), куда обращались для исцеления от разнообразных болезней или за помощью при несчастье. *Мазары* составляют важную часть монументальных построек, относящихся к периоду мусульманского средневековья.

По мнению казахстанского ученого В. П. Юдина, в XVI–XVII вв. в руках адептов суфиев *Увайсийа* на территории Восточного Туркестана агиографические сочинения (такие как «*Тазкира-йи Бугра-хан*», «*Тазкира-йи аулийа'*») оказывались «средством воздействия на умы и сердца всех слоев населения, включая ханов и их окружение, орудием борьбы за упрочение позиций *Увайсийа* в противовес другим религиозно-политическим группировкам». На основании изучения агиографического сочинения «*Тазкира-йи Х'аджа Мухаммад Шариф*», Юдин утверждает, что оно было написано с целью защиты в Кашгарии интересов шейхов-*увайсийа*, и потому повествует о распространении их влияния в этом регионе еще со времени правления династии Караханидов, основанной Сатук Бугра-ханом (ум. в 955 г.). Второй целью было увековечить память Х'аджи Мухаммада Шарифа, который пользовался широкой известностью в Восточном Туркестане и являлся открывателем «истинного места захоронения» султана Сатук Бугра-хана и основателем других ложных *мазаров* в Кашгаре. Х'аджа Мухаммад Шариф был главой мощной религиозно-политической корпорации и довольно долго являлся духовным наставником и советником хана-чагатаида

‘Абд ар-Рашида (940–978/1533–1571). В годы правления наследника ‘Абд ар-Рашид-хана — его сына ‘Абд ал-Карим-хана (967/1559–1560), который был современником и *муридом* Мухаммада Вали-суфи, в Кашгарии начали проповедовать представители суфийского *тариката* Накшбандийа. И постепенно суфии этого братства вытеснили мистиков *увайсийа* с политической арены в Восточном Туркестане¹.

Первым *увайси* считается йеменский пастух Увайс ал-Карани — эпоним традиции непосредственной передачи духовного наследия, инициированный духом пророка Мухаммада². Ему приписываются такие *карамат* (чудеса), как перемещения из одного места в другое. Увайс ал-Карани, как легендарная личность, во всех мусульманских странах пользовался большой популярностью. Он не был лично знаком с Пророком, но, согласно традиции, был обращен после смерти Мухаммада, в 37/657–658 году, духом Пророка. Именно поэтому дервишей, которые не имели прямого руководителя, часто называли *увайси*-тами (такое представление сложилось к XVI в.)³. Согласно преданиям, Увайс ал-Карани в день смерти своей матери получил печальную весть о смерти пророка Мухаммада. Оставив свою родину, шейх провел тридцать лет на холме «Талл-и Кутбийя», затем отправился в Багдад, где прожил пять лет. Однажды он пошел на берег Евфрата, искупался и помолился, а затем исчез. После этого никто его не видел. В этой связи «могилы» шейха существуют в разных местах мусульманского мира. По другим версиям, Увайс ал-Карани отправился в горы Ливана, где и был похоронен⁴.

Идеи *увайси* легли в основу многих средневековых представлений. В теории суфизма присутствует понятие *ал-‘илм ал-ладуни*, смысл которого сводится к способу обретения божественного знания без посредничества человека. Для *ал-‘илм ал-ладуни* характерно представление о передаче духовных знаний из поколения в поколение через прямой мистический контакт с духом умершего святого или пророка (концепция *увайси*)⁵.

Как отмечает российский исследователь А. А. Хисматулин, традиция *Увайсийа*, уходящая корнями в доисламский период, была воспринята мусульманскими мистиками во всех регионах распространения суфизма. Последователи

¹ Юдин В. П. Анонимное тюркоязычное сочинение второй половины XVI в. из Восточного Туркестана «Тазкира-йи Ходжа Мухаммад Шариф» // Вопросы истории и культуры уйгуров. Алма-Ата, 1987. С. 6–7.

² Хисматулин А. А. Ал-‘Илм ал-ладуни // Ислам на территории бывшей Российской империи: энциклопедический словарь / Сост. и отв. ред. С. М. Прозоров. М., 2006. Т. 1. С. 156–157.

³ Тримингэм Дж.С. Суфийские ордены в исламе. М.: Наука, 1989. С. 24, 213.

⁴ Baldick J. Imaginary Muslims. New York: New York University Press–London: I. B. Tauris, 1993. P. 121.

⁵ Хисматулин А. А. Ал-‘Илм ал-ладуни. С. 156–157.

Увайсийа учат, что человек самостоятельно, без шейха, указывающего путь, может постичь божество. В традицию *Увайсийа* были включены доисламские пророки Нух, Сам, Муса, Ибрахим, Илийас, 'Иса и другие, а также известный среди мусульман легендарный святой Хидр (Хизр)¹.

Увайси нельзя стать по собственному желанию. Решение об этом принимается свыше, а затем Хидр или другой дух *увайси* направляются с целью передачи духовного знания богоизбранному подвижнику. По мнению А. А. Хисматулина, эта традиция обслуживает пассивный путь непосредственного переживания божественного знания (*джазба*). «Мистик-увайси — это отмеченный печатью богоизбранности и уже установивший незримую духовную связь с божественным, но живущий сам по себе до тех пор, пока он не находит здравствующего наставника и не включается им в другую традицию передачи духовного наследия»².

Тазкира-йи Бугра-хан

Агиографическое сочинение «*Тазкира-йи Бугра-хан*» («*Жизнеописание Бугра-ханов*») рассказывает о деятельности 40 шейхов-увайсийа и 12 стариц-увайсийа, отсюда другое ее название — «*Тазкира-йи Увайсийа*» («*Жизнеописание [шейхов, достигших степени] Увайсийа*»). Причиной составления «*Тазкира-йи Бугра-хан*» анонимный автор называет явившееся ему видение о том, что он должен написать данное сочинение, которое он посвятил караханидскому правителю султану Сатук Бугра-хану Гази³. Необходимость изучения данного сочинения обусловлено тем, что оно еще недостаточно исследовано. До сих пор не выяснен вопрос о том, какая версия этого сочинения является оригинальной: персоязычная или тюркоязычная. Списки обеих версий хранятся в рукописных фондах различных стран: России (Санкт-Петербург), Великобритании (Оксфорд, Лондон), Франции (Париж), КНР (Кашгар), Польши (Вроцлав), Узбекистана (Ташкент), Таджикистана (Душанбе)⁴ и Ирана (Тегеран)⁵.

Наиболее ранним списком «*Тазкира-йи Бугра-хан*» по палеографическим признакам является таджикостанский список (инв. № 1097, XV (?) век), а наиболее ранним переводом *тазкиры* с персидского языка на уйгурский —

¹ Хисматулин А. А. Суфизм. СПб.: Азбука—классика, Петербургское востоковедение, 2003. С. 42–44.

² Там же.

³ *Тазкира-йи Бугра-хан*. Рукопись ИВ АН РУз, инв. № 862. Л. 4⁶.

⁴ DeWeese D. The Tadhkira-i Bughra-khan and the «Uvaysi» Sufis of Central Asia: Notes in Review of Imaginary Muslims // Central Asiatic Journal. 1996. Vol. 40. №1. P. 92–93.

⁵ Tazkiraye Bughra Khani (by an anonymous author, circa 16th Century A. D) / Ed. by Dr. Mohammad Munir 'Alam. Islamabad: Iran Pakistan Institute of Persian Studies, 1991. 567 p. (In Persian).

санкт-петербургский список (шифр D 114 (589 db), 1182/1765–1766). Поскольку сведения об авторе и оригинале произведения на сегодняшний день отсутствуют, то вопрос об авторстве и дате написания, на наш взгляд, всё еще остается спорным. Составители каталогов многих списков двух версий «*Тазкира-йи Бугра-хан*» («*Тазкира-йи Увайсийа*») называют автором Ахмада ибн Са'д ад-дина ал-Узгани ан-Намангани. Однако перед именем предполагаемого автора стоит арабское слово «*джамии*», что означает «составитель».

Давая общую характеристику «*Тазкира-йи Бугра-хан*», западный ученый Х. Ф. Хофман указывает на наиболее ценные сведения, содержащиеся в этом сочинении. Исследователь рассматривает вопрос авторства и языка сочинения, выявляет списки персоязычной и тюркоязычной версий. Он отмечает, что название «*Тазкира-йи Бугра-хан*» условно. Х. Ф. Хофман указывает имена предполагаемых авторов: Ахмад ибн Са'д ад-дин ал-Узгани ан-Намангани и Х'аджа Мухаммад Шариф. При этом Х. Ф. Хофман затруднялся сказать, кому конкретно из этих авторов принадлежит «*Тазкира-йи Бугра-хан*»¹.

К этому источнику обращался и американский исследователь Дж. Балдик. Общему обзору доступных списков «*Тазкира-йи Бугра-хан*» посвящен его труд «*Imaginary Muslims*»². Он воссоздает жизнеописания святых шейхов-*увайсийа* и стариц-*увайсийа*, значительное внимание уделяя пересказу содержания сочинения. За отсутствие академичности в описании списков и в изучении самого сочинения это изыскание было подвергнуто критике американским востоковедом Девином ДеВизом. Указав на конкретные недостатки работы, ДеВиз делает вывод, что Дж. Балдик не решает существующих в этой области проблем, а наоборот, вводит в заблуждение читателя относительно спорных вопросов о происхождении, авторстве и значении этого ценного источника³.

Согласно «*Тазкира-йи Бугра-хан*», начало истории распространения ислама среди тюркских народов в эпоху Караханидов связано с прибытием в г. Кашгар наставника будущего караханидского правителя султана Сатук Бугра-хана Гази — саманидского *шахзада* Х'аджи Абу Насра Самани⁴. Известный казахский ученый Ч. Ч. Валиханов в одной из своих работ описывает *тазкиру*, повествующую о житии Х'аджи Абу Насра Самани, в которой сообщается,

¹ Hofman H. R. *Turkish Literature: A Bio-bibliographical survey*. Utrecht: Published by the Library of the University of Utrecht under the auspices of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland, 1969. Section III. Part I. Vol. 1. P. 59–61; Section III. Part I. Vol. 4. P. 181–184.

² Baldick J. *Imaginary Muslims*. New York: New York University Press/London: I. B. Tauris, 1993. 266 p.

³ DeWeese D. The Tadhkira-i Bughra-khan and the «Uvaysi» Sufis of Central Asia: Notes in Review of *Imaginary Muslims* // *Central Asiatic Journal*. 1996. Vol. 40, № 1. P. 22.

⁴ Здесь под Абу Насром Самани подразумевается один из представителей династии Саманидов. В сочинении Джамала ал-Карши он назван Насром ибн Мансуром.

что Абу Наср отлично знал Коран, неукоснительно исполнял законы *шари'ата* и был знаком с государственным управлением¹.

В «*Тазкира-йи Бугра-хан*» дата приезда Абу Насра Самани в Кашгар не указана. Согласно данному сочинению, *х'аджа* со своим сыном Х'аджой Абу-л-Фаттахом направился в сторону Туркестана во главе большого каравана для встречи с будущим героем тюркского народа султаном Сатук Бугра-ханом. Они побывали в разных городах, а когда прибыли в Андижан, то узнали, что у кашгарского хана есть сын по имени Сатук Бугра-хан². В «*ал-Мулхакат би-с-Сурах*» Джамала ал-Карши³ прибытие Насра ибн Мансура (Абу Насра Самани) описывается следующим образом: «Угулчак Кадыр-хан, брат Базир Арслан-хана, перестал прислушиваться к указаниям посланников ислама (т. е. правителей Саманидской династии. — М. Э.), пока Наср ибн Мансур не прибыл в Кашгар, убегая от своего брата. Угулчак встретил его, как подобает принимать гостей, а Наср ибн Мансур сказал ему: «Я занял место в твоём царстве и согласился править твоими подданными и буду верен тебе, если брат будет с тобою грубо обращаться». И он назначил его (Насра ибн Мансура) правителем области Артуджа». По сообщению Джамала ал-Карши, Сатук Бугра-хану в то время было двенадцать лет⁴.

В «*Тазкира-йи Бугра-хан*» упоминается *хадис*, согласно которому султан Сатук Бугра-хан появится на свет спустя 333 года после смерти Пророка; когда же ему исполнится двенадцать лет, то все население страны, где он будет жить, примет ислам, который достигнет вершины в жестокой борьбе с «неверными». Согласно этому *хадису*, Пророк произнес: «*Первый из числа надёжных тюрков — Сатук*». Далее говорится о том, что через несколько лет Х'аджа Абу Наср Самани осуществил то, «что ему было предназначено в вечном мире и в мире бренном»⁵.

¹ Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений в пяти томах / под ред. А. Х. Маргулана. Т. I. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1961. С. 179–180.

² *Тазкира-йи Бугра-хан*. Рукопись ИВ РУз. Инв. № 1818. Л. 32^б–33^а; *Тазкира-йи Бугра-хан*. Рукопись ИВ РУз. Инв. № 1991. Л. 41^б–42^а; *Тазкира-йи Бугра-хан*. Рукопись ИВ РУз. Инв. № 5531. Л. 31^б–32^а; *Тазкира-йи Бугра-хан*. Рукопись ИВ РУз. Инв. № 862. Л. 41^а; *Тазкира-йи Бугра-хан*. Рукопись ИВР РАН. Шифр В 731 (589 dd). Л. 42^б–43^а.

³ Этот труд, по свидетельству самого автора, был завершён во вторник, 10 *сафара* 681/ 27 мая 1282 г. в Кашгаре.

⁴ История Казахстана в персидских источниках: Джамал ал-Карши. *Ал-Мулхакат би-с-сурах* / отв. ред. А. К. Муминов; введ., пер. с араб.-перс., коммент., текст, факсим. Ш. Х. Вохидова, Б. Б. Аминова. Т. I. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. С. 102.

⁵ *Тазкира-йи Бугра-хан*. Инв. № 1818. Л. 70^а; *Тазкира-йи Бугра-хан*. Инв. № 1991. Л. 40^б; *Тазкира-йи Бугра-хан*. Инв. № 5531. Л. 41^б; *Тазкира-йи Бугра-хан*. Инв. № 862. Л. 44^б; Махмуд Қәшқәри. Диван лугат ат-турк. Үрүмчи: Шинжаң хәлқ нәшрияти, 1981. Ч. 1. С. 38–39; Махмуд Қәшқәри. Диван лугат ат-турк. Үрүмчи: Шинжаң хәлқ нәшрияти, 1983. Ч. 2. С. 121.

В процессе нашего исследования выявлена «Насаб-нама», включенная в один из ташкентских списков «Тазкира-йи Бугра-хан» (инв. № 5531). Составителем ее указан Саййид Касим. Согласно «Насаб-нама», султан Сатук Бугра-хан является потомком пророка Мухаммада¹. Джамал ал-Карши в своем труде «ал-Мулхакат би-с-Сурах» возводит султана Сатук Бугра-хана к потомкам пророка Нуха (Ноя)².

В «Тазкира-йи Бугра-хан» повествуется о том, что султан Сатук Бугра-хан Гази тайно принимает мусульманскую веру в связи с явлением ему пророка Хидр и проповедью мусульманского шейха Х^ваджи Абу Насра Самани. К нему примкнули и приближенные султана. С принятием ислама султану Сатук Бугра-хану Гази было дано арабское имя 'Абд ал-Карим³.

В «Трактате о Сайраме» («Трактат о святых Мадинат ал-Байда' и Истиджаба») рассказывается, что в период правления Сабук-Тегин-Баша (султана Сатук Бугра-хана. — М. Э.) в Сарйае (Сайраме) господствовали мир и благоденствие. В течение семидесяти лет его правления никто не смел злоупотреблять чужими деньгами и вещами. Султан Сатук Бугра-хан Гази построил четыреста мечетей⁴. Как отмечает Ч. Ч. Валиханов, султан Сутук (Сатук) Бугра-хан Гази распространил мусульманскую веру до Турфана и Комула. Многочисленные места сражения около Хотана, а также между Йаркандом и Йени-Хисаром, называемые *шайдан*, указывают, что «для введения ислама пролилось много крови»⁵. Махмуд ал-Кашгари в своем произведении «Диван лугат ат-турк», составленном в 70-е годы XI в., описывая реку Усми Тарим (Тарим), говорит о том, что она протекает по исламской стране. Здесь он, скорее всего, имеет в виду территорию Караханидского государства. Он отмечает, что население западной части Кучи исповедует ислам, а уйгуры восточной части этого княжества еще не приняли мусульманскую веру⁶.

Согласно «Тазкира-йи Бугра-хан», султан Сатук Бугра-хан Гази умер в 429/1037–1038 г. в возрасте 96 лет и был похоронен в местности Машхад в Астин Атуше (Артудже) в одном из селений Кашгара⁷. Однако дата смерти

¹ Тазкира-йи Бугра-хан. Инв. № 5531. Л. 69^в–70^б.

² История Казахстана в персидских источниках. С. 101.

³ Молла Һажи. Бугра-ханлар тэзкириси. Қашқар: Қашқар уйғур нэшрияти, 1988. С. 10–11.

⁴ Тулибаева Ж. М. Трактат о Сайраме / пер. с чагатайского, предисл. и примеч. Ж. М. Тулибаевой. Астана: Изд-во НЦАИ, 2007. С. 16.

⁵ Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений в пяти томах / под ред. А. Х. Маргулана. Т. II. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1962. С. 299.

⁶ Махмуд Қашқари. Диван лугат ат-турк. Ч. 1. С. 175.

⁷ Тазкира-йи Бугра-хан. Инв. № 1818. Л. 62^б; Тазкира-йи Бугра-хан. Инв. № 1991. Л. 56^б; Тазкира-йи Бугра-хан. Инв. № 5531. Л. 73^а; Тазкира-йи Бугра-хан. Инв. № 862. Л. 52^а; Тазкира-йи Бугра-хан. Шифр В 731 (589 dd). Л. 55^б; Молла Һажи. Бугра-ханлар тэзкириси, 10 б.

султана, указанная в изучаемом житии, противоречит сведениям, приводимым в исторических сочинениях, в частности, в вышеупомянутом труде Джамала ал-Карши. Согласно «*Китаб ал-джамахир фи ма 'рифат ал-джавахир*», Сатук Бугра-хан ал-Гази скончался в 344/955–956 году¹.

Пятый раздел (*фасл*) парижского списка «*Тазкира-йи Бугра-хан*» посвящен житию шейха-увайсийа Кутб ад-дина. Согласно данному разделу, он был иницирован духом пророка Нуха и являлся его потомком. Он общался с душой пророка Мухаммада во сне, достиг степени *кутб ал- 'алам* (полюс Вселенной). Также повествуется о том, что шейх Кутб ад-дин в качестве вознаграждения был удостоен богатства двух миров, то есть богатства бренного мира и мира вечного, и белой одежды, которая смыла все грехи *х^еаджи*. Его наставления получили 60 *муридов*².

Тазкира-йи Х^ваджа Кутб ад-дин Ираки

Следующее агиографическое сочинение — «*Тазкира-йи Х^еаджа Кутб ад-дин Ираки*» — посвящено деятельности в Восточном Туркестане другого вали — Х^ваджи Кутб ад-дина Ираки. Список этой рукописи хранится в фонде Института восточных рукописей РАН. Автор данного произведения, переписанного в 1306/1888–89 году из коллекции Н. С. Петровского, неизвестен³. В нем отмечается, что отец Х^ваджи Кутб ад-дина скончался, когда он был ещё мал, и воспитанием его занималась мать. Первое время он работал грузчиком (*хаммал*), затем возчиком (*кирайакаш*). Однажды *х^еадже* из *гайба*⁴ приходит весть о необходимости путешествия в Кашгар, и он направляется в указанное место через пустыню. В пустыне, где Х^ваджа Кутб ад-дин скитался в течение 10 лет, он встречает своего наставника пророка Хидра. В большинстве сочинений он появляется перед путником в образе *нурани* — лучезарного старца. Он занимался передачей знаний Кутб ад-дину, пока тот не достиг возраста 41 года. Только после того, как *х^еаджа* достиг совершенства в знании, он отправляется в сторону Могулистана и идет в страну, называемую Кашгар. Это повеление Всевышнего передает Кутб ад-дину Хадрат-и Хидр. В нем, в частности, говорится, что в Кашгаре много молодых людей, храбрецов (*шир мардлар*), стремящихся к знанию свободных мужчин (*дардкэшида азадэ мардлар*), достойных и готовых пополнить свои знания. Обязанность

¹ История Казахстана в персидских источниках. С. 104.

² *Тазкира-йи Бугра-хан*. Рукопись Национальной библиотеки Парижа. Шифр «Supplément turc 1286». Л. 116^б–118^б.

³ *Тазкира-йи Х^еаджа Кутб ад-дин Ираки*. Рукопись ИВР РАН. Шифр В 737 (589 d*h). 69 л.

⁴ *Гайб* — от ар. «невидимое», «сокрытое»: сокровенное знание, доступное только Создателю; невидимый человеку божественный «сокровенный мир».

обучать их возлагается именно на Кутб ад-дина¹. Наставничество Хадрат-и Хидра указывает на то, что Х^аджа Кутб ад-дин являлся *увайси*. В качестве доказательства его святости автор приводит как пример *зикр*, упоминающийся в «*Нафахат ал-унс мин хадарат ал-кудс*» ‘Абд ар-Рахмана Джами².

Как повествует «*Тазкира-йи Х^ааджа Кутб ад-дин Ираки*», в те времена при правителе Кашгара (имя правителя в сочинении не указано) находился эмир Хайдар Гуракан из Чингизидов³. Если принять к сведению, что правивший в Кашмире Мирза Мухаммад Хайдар сообщает в своем труде «*Та’рих-и Рашиди*», что этот трактат был завершён им в «последний день месяца зу-л-хиджжа 952 (3 марта 1546) года в прекрасном Кашмире», когда «прошло пять лет от восшествия на престол сего раба Мухаммад Хайдара б. Хусайн Гурагана, известного среди друзей как Мирза Хайдар Гураган»⁴, то, вероятнее всего, речь идет именно о Мирзе Мухаммаде Хайдаре, а Кутб ад-дин прибыл в Кашгар во второй половине XVI века.

В «*Тазкира-йи Х^ааджа Кутб ад-дин Ираки*» сообщается, что Кутб ад-дин завоевал уважение населения Кашгара и стал собеседником *падишаха* (имя правителя в сочинении не указано), что вызвало негодование *кади* Надж ад-дина и *муфтия* Абу-л-Бака. Заостряя внимание на отношениях *падишаха* и Кутб ад-дина и отношении к этому приближенных *падишаха*, автор сочинения показывает то влияние на правителя, которое имел суфий братства Накшбандий⁵.

Идею сближения с властью впервые выдвинул ‘Убайдаллах ибн Махмуд Насир ад-дин аш-Шаши, более известный как Х^аджа Ахрар (1403–1490) — глава суфийского братства Накшбандийа, широко известный в Средней Азии проповедник суфизма. При последних Тимуридах он был крупным духовным авторитетом, что позволяло ему влиять на политическую жизнь Средней Азии 2-й половины XV века. Х^аджа Ахрар считал, что нужно общаться с «властителями и завоевывать их души, выполняя тем самым предназначение ислама» и использовать это влияние для защиты «мусульман от злой воли угнетателей». Став главою *тариката*, он определил «всю дальнейшую социально-политическую и экономическую деятельность» братства Накшбандийа. Х^аджа Ахрар был наставником султана Ахмад-мирзы, наследника самаркандского престола, а также оказывал поддержку отцу своего *мурида* — Тимуриду Абу Са‘иду. Благодаря вмешательству Х^аджи Ахрара, под Шахрухией заключили мир три правителя — самаркандский султан Ахмад, ферганский шейх ‘Умар и ташкентский султан Махмуд. Во времена Х^аджи Ахрара миссионерская деятельность стала важной частью идеологии братства Накшбандийа, о чем

¹ *Тазкира-йи Х^ааджа Кутб ад-дин Ираки*. Л. 40^а–41^б.

² *Тазкира-йи Х^ааджа Кутб ад-дин Ираки*. Л. 9^а–9^б, 20^б, 31^а.

³ *Тазкира-йи Х^ааджа Кутб ад-дин Ираки*. Л. 50^б.

⁴ Мирза Мухаммад Хайдар. *Тарих-и Рашиди*. Ташкент: Фан, 1996. С. 185.

⁵ *Тазкира-йи Х^ааджа Кутб ад-дин Ираки*. Л. 53^а, 118^а–118^б.

свидетельствует взаимоотношения с правителем Могулистана Йунус-ханом (1468–1487)¹.

Возвращаясь к «*Тазкира-йи Х^ааджа Кутб ад-дин Ираки*», мы можем проследить соперничество между Х^ааджой Кутб ад-дином и духовенством Кашгара, которая привела к уходу суфия из Кашгара. Как повествуется в источнике, Кутб ад-дин покинул Кашгар со ста тридцатью *муридами* и стал обустривать в пустынной местности Джидахун *ханаку*, состоящую из 40 келий. Обучением этих учеников явно (*захир*) занимался Х^ааджа Кутб ад-дин, а скрыто (*батин*) совершенствованием их знания занимался Хадрат-и Адам сафи Аллах², в результате чего они достигли степени *увайси*. В течение своей жизни Х^ааджа Кутб ад-дин занимался обучением десяти тысяч *муридов*, из них тридцать два — в рамках традиции *Увайсийи* и довел их до своего уровня мистического знания. *Тазкира* сообщает о достижении Х^ааджой Кутб ад-дином степени *кутб ал-‘алам* — «полюса вселенной», что видно из рассказа о том, как четверо в войлочной одежде по велению Аллаха преподнесли ему «*либаси кутубийат*» — «одежду полюса»³. В отличие от «*Тазкира-йи Бугра-хан*» в «*Тазкира-йи Х^ааджа Кутб ад-дин Ираки*», говорится о том, что Х^ааджа Кутб ад-дин Ираки прожил 120 лет.

Тазкира-йи Саййид Афак-х^ааджа

Следующее сочинение — «*Тазкира-йи Саййид Афак-х^ааджа*» — посвящено религиозному и политическому деятелю Восточного Туркестана XVII века Саййиду Афак-х^аадже (Аппак-ходже⁴), представителю белогорской⁵ ветви Х^ааджаган-Накшбандийа. В данном сочинении приводится история популярного в мусульманском мире суфия из братства Х^ааджаган-Накшбандийа — *саййида* Ахмада б. Джалал ад-дина ал-Касани ад-Дахбиди (ум. в 949/ 1542–43 г.), более известного под своим почетным прозвищем Махдум-и А‘зам, и его потомков.

В ходе исследования нами были выявлены три списка тюркоязычной версии рукописи «*Тазкира-йи Саййид Афак-х^ааджа*»: калькуттский список под инв.

¹ Каримов Э. Э. Ахрар // Ислам на территории бывшей Российской империи: энциклопедический словарь. С. 44–45.

² По всей видимости, здесь имеется в виду «пророк» Адам.

³ *Тазкира-йи Х^ааджа Кутб ад-дин Ираки*. Л. 58^б–59^а.

⁴ Афак-х^ааджа — в уйгурской версии дается как Аппак-ходжа.

⁵ Белогорцы (ак-тагликлар) и черноморцы (кара-тагликлар) — религиозные группировки, ведущие свое происхождение от шейха суфийского братства Хваджаган-Накшбандийа Ахмада Касани (1461–1542), известного как Махдум-и А‘зам, определяли ход политических событий в Восточном Туркестане в XVI–XVII вв. Последователи белогорцев (во главе которых стояли потомки старшего сына Махдум-и А‘зама — Мухаммада Амина) и черноморцев (возглавлявшихся потомками среднего сына Махдум-и А‘зама — Мухаммада Исхак-Вали) были активны и в последующие столетия.

№ 940¹ и два списка из коллекции Гуннара Ярринга под инвентарными номерами 22 и 369. Сведения об авторстве и дате написания сочинения отсутствуют. На втором листе имеется печать рукописного фонда Национальной библиотеки Калькутты с датой приобретения — 18.3.76. Копия первого списка (инв. № 22) была сделана для шведского миссионера Гуннара Херманссона в Йарканде в месяце *джумади-л-ула* 1347/7 сентября 1929 г.² В 1982 году этот список был передан Г. Яррингом в библиотеку Лундского университета в Швеции. Другой список (инв. № 369), приобретенный ученым в Кашгаре в феврале 1930 года, был переписан в «год собаки», в воскресенье, в 1337/1918–1919 г.³ по просьбе Моллы Мирзы Мухаммад Али-ахуна и передан в библиотеку Лундского университета в 1982 году.

Анонимный автор «*Тазкира-йи Саййид Афак-х^ааджа*» возводит Афак-х^ааджу к пророку Мухаммаду. Эта легенда повторяется и в «*Хидайат-нама*»⁴ Мир Хал ад-дина Кагиба ал-Йарканди, в котором генеалогия Афак-х^ааджи через 26 колен восходит к Пророку⁵.

Согласно *тазкире*, после смерти Махдум-и А‘зама между его сыновьями Мухаммадом Амином (ум. в 1597/1598 г.) и Мухаммадом Исхак-Вали (ум. в 1599 г.) началась кровопролитная борьба за главенство внутри *тариката* в Восточном Туркестане⁶. О начале их соперничества рассказывается следующим образом: «За год до своей смерти Махдум-и А‘зам публично провозгласил своим преемником Мухаммада Амина». После смерти отца Мухаммад Амин занял его место и продолжил распространять идеи *тариката*⁸. Согласно «*Байан-и аулад-и Хадрат-и Махдум-и А‘зам*», Х^ааджа Махдум-и А‘зам имел 4 жен, которых автор называет по их почетным прозвищам: Биби Касани, Биби Бухари, Биби Кашгари и Биби Малик. От этих жен у *х^ааджи* осталось

¹ *Тазкира-йи Саййид Афак-х^ааджа*. Рукопись Национальной библиотеки Калькутты. Инв. № 940.

² *Тазкира-йи Саййид Афак-х^ааджа*. Рукопись из коллекции Г. Ярринга. Инв. № 22. Л. 62^б.

³ *Тазкира-йи Саййид Афак-х^ааджа*. Рукопись из коллекции Г. Ярринга. Инв. № 369. Л. 1^а–63^б.

⁴ *Хидайат-нама* была написана в Йарканде в 1143/1730–1731 г. В ней изложено житие Х^ааджи Хидайат Аллаха, более известного как Афак-х^ааджа, — правителя Кашгара в XVII в. из так называемой белогорской линии Х^ааджаган-Накшбандийа.

⁵ Katalog Sufischer Handschriften aus der Bibliothek des Instituts für Orientalistik der Akademie der Wissenschaften, Republik Usbekistan. Stuttgart: Steiner, 2002. P. 74.

⁶ Ibid. P. 75.

⁷ Мухаммад Амин известен также под именем Имин-х^ааджа и под своим почетным прозвищем Ишан-и Калан.

⁸ *Тазкира-йи Саййид Афак-х^ааджа*. Инв. № 940. Л. 5^а–5^б; *Тазкира-йи Саййид Афак-х^ааджа*. Инв. № 22. Л. 3^б–4^а; *Тазкира-йи Саййид Афак-х^ааджа*. Инв. № 369. Л. 4^б–6^а.

22 сына и 17 дочерей. Мухаммад Амин — старший сын Махдум-и А‘зама от брака с Биби Касани — был женат на дочери своего наставника и *мурида* своего отца Х^ааджи Ислама Джуйбари (ум. в 1563 г.). Матерью другого сына суфия — Мухаммада Исхак-Вали — была Биби Кашгари, происходившая из рода упоминавшегося ранее кашгарского правителя султана Сатук Бугра-хана¹.

Обычно считается, что у истоков соперничества между двумя ветвями *тариката* стояли два сына Махдум-и А‘зама — Мухаммад Амин и Мухаммад Исхак-Вали. Однако начало этого противостояния, на наш взгляд, восходит к соперничеству между *муридами* Махдум-и А‘зама. После смерти главы *тариката* внутри суфийского братства Накшбандийа в Восточном Туркестане развернулось противоборство между двумя его последователями — Х^ааджой Исламом Джуйбари и Маулана Лутфаллахом Чусути.

Х^ааджа Ислам Джуйбари (ум. в 1563 г.) — основатель клана джуйбарских шейхов, возглавивших бухарскую ветвь братства Накшбандийа. Как отмечает Б. М. Бабаджанов, после смерти своего наставника Х^ааджа Ислам в ожесточенных спорах и столкновениях с Маулана Лутфаллахом Чусути узурпировал руководство бухарскими суфиями Х^ааджаган-Накшбандийа. Он положил начало и самому обширному частному хозяйству того времени².

В соперничестве за лидерство в братстве Накшбандийа участвовал и Маулана Лутфаллах Чусути (ок. 1485–1571) — один из известных шейхов братства Накшбандийа и политический деятель Мавераннахра. Он сумел завоевать авторитет среди правивших в Мавераннахре Шайбанидов (1500–1601) и часто использовал свое влияние для пресечения междоусобиц и ограничения произвола придворных эмиров и беков³. Маулана Лутфаллах при жизни Махдум-и А‘зама уже был известным шейхом и имел собственных *муридов*. В течение трех лет он по несколько раз в год ездил в Самарканд к Махдум-и А‘заму, чтобы продемонстрировать ему свою верность⁴.

Согласно «*Джами‘ ал-макамат*» Абу-л-Бака’, после смерти Махдум-и А‘зама встал вопрос о достойном преемнике руководителя *тариката*. Наиболее выдающимися последователями Махдум-и А‘зама были Х^ааджа Ислам Джуйбари (его деятельность проходила в Бухаре и прилегающих районах) и Маулана Лутфаллах Чусути (был активен в Ташкенте, Фергане и Хисаре). Сам Махдум-и А‘зам ещё при жизни свое место (*маснад*) главы *тариката* Накшбандийа передал своему старшему сыну Х^аадже Мухаммаду Амину;

¹ Katalog Sufischer Handschriften. P. 207.

² Бабаджанов Б. М. Джуйбари // Ислам на территории бывшей Российской империи: энциклопедический словарь. С. 138.

³ Бабаджанов Б. М. Лутф Аллах Чусути // Ислам на территории бывшей Российской империи: энциклопедический словарь. С. 242.

⁴ Бабаджанов Б. М. Политическая деятельность шайхов Накшбандийа в Мавераннахре (I половина XVI в.): дис. ... канд. ист. наук., 1996. С. 143.

в свою очередь все *асхабы* и *муриды* Махдум-и А'зама обязались «подчиняться повелениям этого господина»¹.

Как повествует «*Тазкира-йи Саййид Афак-х^ааджа*», со временем зависть Х^ааджи Исхак-Вали к Мухаммаду Амину настолько возросла, что он решил избавиться от своего брата. Однажды Х^ааджа Исхак-Вали пригласил его в гости и отравил его. Мухаммад Амин, вернувшись домой, позвал своего сына Мухаммада Йусуф-х^ааджу, известного как Х^ааджа Мазар-и падишах. Он рассказал своему сыну о том, что произошло в доме брата и умер. Похоронив отца, Мухаммад Йусуф-х^ааджа отправился в *хаджж*. На обратном пути *х^ааджа* побывал в таких городах, как Фаранк, Суджур, Салар, Йарканд, Йанги-Хисар, Кумул, Турфан и др.²

По пути он останавливается в г. Салар, все жители которого были мусульманами, затем — в районе Ланджур города Манджур (Восточный Туркестан). В сочинении рассказывается о демонстрации чудес (*караматов*) Х^ааджой Мазар-и падишахом и неким Далакой, при этом одерживает верх в состязании Х^ааджа Мазар-и падишах, а Далака принимает мусульманскую веру. Затем *х^ааджа* направляется в Кумул, где встречается с *вали* Мир Саййид Джалилом ал-Кашгари и женится на его дочери. От этого брака рождаются три сына и две дочери. Старшего сына звали Хидайат Аллах-х^ааджа, по прозвищу Афак-х^ааджа. Второго сына звали Х^ааджа 'Инайат Аллах, по прозвищу Карамат Аллах. Третьего звали Х^ааджа Вилайат Аллах, по прозвищу Кана'ат Аллах. Старшую дочь звали Шах-бигим, младшую — Мах-бигим.

Как повествуется в «*Тазкира-йи Саййид Афак-х^ааджа*», Афак-х^ааджа родился в Кумуле (Восточный Туркестан). Этому, однако, противоречат данные «*Диван-и Машраб*» ферганского дервиша и *мурида* Афак-х^ааджи Рахим Баба-и Намангани, более известного под псевдонимом Диван-и Машраб (или же Ишан Шах-Машраб), где указывается, что Афак-х^ааджа родился в селении Дахбид (Самаркандская область)³.

В «*Тазкира-йи Саййид Афак-х^ааджа*» есть эпизод, где во сне к Х^аадже Мазар-и падишаху явился пророк Мухаммад и велел ему отправиться в Могулистан, после чего он отправился в Турфан. Согласно «*Диван-и Машраб*», после долгого путешествия Х^ааджа Мазар-и падишах прибыл из Йарканда в Йанги-Хиссар, где заболел и скончался. Его тело перевезли в Кашгар в 1063/1652 году и похоронили в местности Йагду⁴. По словам автора «*Тазкира-йи Саййид*

¹ Бабаджанов Б. М. Политическая деятельность шайхов Накшбандийа в Мавараннахре (I половина XVI в.): дис. ... канд. ист. наук., 1996. С. 133.

² *Тазкира-йи Саййид Афак-х^ааджа*. Инв. № 369. Л. 5^б-6^б.

³ *Тазкира-йи Саййид Афак-х^ааджа*. Инв. № 940. Л. 19^а-22^а; Диван-и Машраб. Жизнеописание популярного представителя мистицизма в Туркестанском крае. С тюркского перевел и снабдил примечаниями Н. С. Лыкошин. Самарканд: Типо-литография т-ва «Б. А. Газаров», 1910. С. 10.

⁴ Диван-и Машраб. С. 10.

Афак-х^ааджа», перед смертью *х^ааджа* попросил своих *муридов* и Афак-х^ааджу похоронить его тело в Кашгаре¹.

Согласно *тазкире*, после похорон отца Афак-х^ааджа вернулся в Йарканд, правителем которого в то время был Йулбарс-хан. В Кашгаре жила дочь дяди Йулбарс-хана — Мирзы Абу-л-Хади-бика, внучка Мирзы Абакри (?). Хан решил выдать ее за Афак-х^ааджу. Из текста следует, что его заставили жениться на ней. От этого брака родились два сына: Х^ааджа Йахйа-хан и Х^ааджа ‘Абд ал-Мухаммад². Однако согласно сочинению Шах-Махмуда ибн Мирза Фазил Чураса «*Анис ат-талибин*» («Друг ищущих истину»; ок. 1049/1639–1640 г.), Йулбарс-хан выдал за Афак-х^ааджу свою тетку Шахзаде-Махим и стал его последователем и приверженцем³.

В «*Тазкира-йи Саййид Афак-х^ааджа*» повествуется о деятельности Афак-х^ааджи в Чине: он побывал в таких городах как Салар, Манджур, а затем вернулся в Кашгар. В сочинении говорится о прибытии суфия в Йарканд, где правил в тот момент ‘Абд-р-Рашид-хан (940–978/1533–1571). У него была дочь — Ханым-падишахим, на которой Афак-х^ааджа женился. В изучаемом источнике сообщается, что от этого брака родились: сын Х^ааджа Махмуд, две дочери — Зухра-хан-ханым и Афак-хан ‘Азизим, а затем — младший сын Х^ааджа Кылыч Бурхан⁴. В «*Манакиб-и Хасан-х^ааджам*» автор упоминает другого сына Афак-х^ааджи от брака с Ханым-падишахим — Х^ааджу Хасана, называя его Сахиб-киран Гази-падишахим и Худжам-падишахим. Согласно данному сочинению, Х^ааджа Хасан родился в 1100/1688–89 г. В «*Тазкират ал-хидайа*» есть информация о том, что на момент смерти Афак-х^ааджи, Хасан-х^аадже было 5 лет⁵. В «*Тазкира-йи Саййид Афак-х^ааджа*» упоминается, что в иерархии святых Афак-х^ааджа, как и его отец, занимал почетное место *кутба* («полюс») — главного духовного авторитета своего времени⁶.

Для исследователя представляют интерес сведения о продолжении борьбы между потомками Х^ааджи Мухаммада Амина и Х^ааджи Исхак-Вали. Согласно приводимым в «*Тазкира-йи Саййид Афак-х^ааджа*» сведениям, Афак-х^ааджу отравил сын Х^ааджи Исхак-Вали — Хушшади-х^ааджа, который жил в то время в Йарканде. Он попытался захватить власть, но это ему не удалось. Потерпев поражение, он бежал в г. Аксу. Ханым-падишахим велела своим подданным

¹ *Тазкира-йи Саййид Афак-х^ааджа*. Инв. № 940. Л. 35^б–37^а.

² Там же. Л. 36^б–37^б.

³ Шах-Махмуд ибн Мирза Фазил Чурас. Хроника / крит. текст, пер., коммент., исслед. и указ. О. Ф. Акимушкина. 2-е изд. СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2010. С. 291.

⁴ *Тазкира-йи Саййид Афак-х^ааджа*. Инв. № 940. Л. 53^б–54^а.

⁵ Katalog Sufischer Handschriften. P. 211.

⁶ *Тазкира-йи Саййид Афак-х^ааджа*. Инв. № 940. Л. 76^б; Шах-Махмуд ибн Мирза Фазил Чурас. Хроника. С. 176, 322.

поймать убийцу и привести во дворец. Воины догнали Хушшади-х^ваджу и отрезали ему уши и нос, а тело бросили в реку. Уши и нос врага принесли Ханим-падишахим в качестве доказательства¹.

Согласно *тазкире*, Афак-х^ваджа был похоронен в Кашгаре в местности Йагду возле своего отца². По данным «*Хидайат-нама*», Афак-х^ваджа умер в начале месяца *раджаба* 1105/март 1694 г.³ При жизни Афак-х^ваджа много времени и сил отдавал постройке великолепных мечетей и *ханак*, а также разбил прекрасный сад и приобрел много земли. Всю свою недвижимость он завещал бедным, установив в пользу неимущих *вакфы* и назначив распорядителей этих имений из своих потомков⁴.

После похорон Афак-х^ваджи его сподвижник Х^ваджа Каран Гази и старший сын Х^ваджа Йахйа шесть месяцев провели возле его *мазара*⁵. Через шесть месяцев после смерти отца, согласно автору «*Диван-и Машраб*», погиб и Х^ваджа Йахйа⁶. По сведениям Шах-Махмуда Чураса, он был схвачен и убит *калмаками* (*калмыками*)⁷. Согласно агиографическому сочинению «*Тазкира-йи 'азизан*» Мухаммада Садика Кашгари (XIX в.), после смерти Афак-х^ваджи Ханим-падишахим правила в Йарканде, а Йахйа-х^ваджа — в Кашгаре⁸. По данным «*Тазкира-йи Саййид Афак-х^ваджа*», жертвой междоусобной борьбы стал и другой сын Афак-х^ваджи — Джагандашт⁹, который был убит во время утреннего *намаза*. Джагандашт был похоронен возле *мазара* своего отца. После смерти сына Ханим-падишахим прожила один год и один месяц¹⁰.

По сведениям «*Хидайат-нама*», Акбаш-хан, захватив власть в Кашгаре, изгнал «белогорцев» в Индию. Он схватил многих их кашгарских приверженцев и отправил их в Йарканд, чтобы затем выслать в Хотан¹¹. В изложении «*Тазкира-йи Саййид Афак-х^ваджа*», отсутствуют сведения о причине миграции в Индию, однако судя по контексту, переселение было вынужденным. Х^ваджа Махди, Х^ваджа 'Абд-ал-Мухаммад и Х^ваджа Килич Бурхан ад-дин отправились в Хиндустан через Кашмир, где прожили шесть

¹ *Тазкира-йи Саййид Афак-х^ваджа*. Инв. № 940. Л. 53^б–54^а.

² *Тазкира-йи Саййид Афак-х^ваджа*. Инв. № 940. Л. 76^б.

³ Katalog Sufischer Handschriften. P. 211.

⁴ Диван-и Машраб. С. 13.

⁵ *Тазкира-йи Саййид Афак-х^ваджа*. Инв. № 940. Л. 75^б–76^а.

⁶ Диван-и Машраб. С. 13.

⁷ Шах-Махмуд ибн Мирза Фазил Чурас. Хроника. С. 42.

⁸ Қазақстан тарихы туралы түркі деректемелері. Т. 4. Алматы: Дайк-Пресс, 2006. С. 88–89.

⁹ Возможно, здесь имеется в виду Джахангир-х^ваджа, потомок Афак-х^ваджи.

¹⁰ *Тазкира-йи Саййид Афак-х^ваджа*. Инв. № 940. Л. 77^б–78^а.

¹¹ Шах-Махмуд ибн Мирза Фазил Чурас. Хроника. С. 42.

месяцев. Х^аджа Каран Гази, по велению Всевышнего Аллаха, направился в другие города, с целью распространения ислама. Прибыв в Кашмир, он встретился с неким *вали* Саййид ‘Абдаллахом, потомком ‘Али Хамадани. Калькуттский список завершается повествованием о *караматах* Х^аджи Карана Гази и его *муридах*. В данном сочинении также излагаются жития суфиев, названных Мулла Суфи Касим и Мулла Мухаммад¹. В «*Тазкира-йи Саййид Афак-х^ааджа*» также повествуется о том, что Х^аджа Махди вместе с Х^аджой Караном Гази и Кылычем Бурхан ад-дином выступили против Акбаш-хана и вернули себе власть².

В заключение хотелось бы отметить, что сведения из агиографических сочинений «*Тазкира-йи Бугра-хан*», «*Тазкира-йи Х^ааджа Кутб ад-дин Ираки*» и «*Тазкира-йи Саййид Афак-х^ааджа*» послужили источниковой базой для изучения истории распространения ислама на территории Восточного Туркестана. Дальнейшее более детальное изучение письменных памятников, освещающих деятельность шейхов-*увайсийа*, традиции *Увайсийа*, соперничество за главенство внутри *тариката* Накшбандийа в восточно-туркестанском регионе — вопрос будущего. Наследие *аулийа*’, хранящееся в рукописных фондах мира, свидетельствует о важном вкладе мусульманских святых в социальную и духовную жизнь тюркоязычных народов Центральной Азии. Результаты данного изыскания помогают лучше понять деятельность суфиев в Восточном Туркестане и их роль в духовной жизни тюркских государств средневековья в этом регионе в XVI–XVIII вв.

Список литературы

1. DeWeese D. The Tadhkira-i Bughra-khan and the «Uvaysi» Sufis of Central Asia: Notes in Review of Imaginary Muslims // *Central Asiatic Journal*. 1996. Vol. 40. № 1. P. 87–127.
2. Hofman H. R. Turkish Literature: A Bio-bibliographical survey. Utrecht: Published by the Library of the University of Utrecht under the auspices of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland, 1969. Section III. Part I. Vol. 1. 495 p.
3. Hofman H. R. Turkish Literature: A Bio-bibliographical survey. Utrecht: Published by the Library of the University of Utrecht under the auspices of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland, 1969. Section III. Part I. Vol. 4. 312 p.
4. Julian Baldick. Imaginary Muslims. New York: New York University Press—London: I. B. Tauris, 1993. 266 p.
5. Katalog Sufischer Handschriften aus der Bibliothek des Instituts für Orientalistik der Akademie der Wissenschaften, Republik Usbekistan. Stuttgart: Steiner, 2002. 358 p.

¹ *Тазкира-йи Саййид Афак-х^ааджа*. Инв. № 940. Л. 70^б–71^б.

² *Тазкира-йи Саййид Афак-х^ааджа*. Инв. № 940. Л. 78^а–78^б; Қазақстан тарихы туралы түркі деректемелері. С. 90.

6. Tazkiraye Bughra Khani (by an anonymous author, circa 16th Century A. D) / Ed. by Dr. Mohammad Munir 'Alam. Iran-Pakistan Institute of Persian Studies. Islamabad, 1991. 567 p. (In Persian).
7. Бабаджанов Б. М. Джуйбари // Ислам на территории бывшей Российской империи: энциклопедический словарь / Сост. и отв. ред. С. М. Прозоров. М.: Восточная литература, 2006. Т. 1. С. 138–139.
8. Бабаджанов Б. М. Лутф Аллах Чусту // Ислам на территории бывшей Российской империи: энциклопедический словарь / Сост. и отв. ред. С. М. Прозоров. М.: Восточная литература, 2006. Т. 1. С. 242–243.
9. Бабаджанов Б. М. Политическая деятельность шейхов Накшбандийа в Мавараннахре (I половина XVI в.): дисс. ... канд. ист. наук, 1996. 171 с.
10. Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений в пяти томах / под ред. А. Х. Маргулана. Т. I. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1961. 615 с.
11. Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений в пяти томах / под ред. А. Х. Маргулана. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1962. Т. II. 796 с.
12. Диван-и Машраб. Жизнеописание популярного представителя мистицизма в Туркестанском крае. С тюркского перевел и снабдил примечаниями Н. С. Лыкошин. Самарканд: Типо-литография т-ва «Б. А. Газаров», 1910. 244 с.
13. История Казахстана в персидских источниках: Джамал ал-Карши. *Ал-Мулхакат би-с-сурах* / отв. ред. А. К. Муминов; введ., пер. с араб.-перс., коммент., текст, факсим. Ш. Х. Вохидова, Б. Б. Аминова. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. Т. I. 416 с.
14. Каримов Э. Э. Ахрар // Ислам на территории бывшей Российской империи: энциклопедический словарь / Сост. и отв. ред. С. М. Прозоров. М.: Восточная литература, 2006. Т. 1. С. 44–45.
15. Қазақстан тарихы туралы түркі деректемелері. Мухамед-Садық Қашғари. Тазкира-йи азизан. Т. IV. Алматы: Дайк-Пресс, 2006. 310 с.+ 350 с. факсимиле.
16. Махмуд Қәшқәри. Диван-и луғәт әт-түрк. Үрүмчи: Шинжаң хәлқ нәшрияти, 1981. 1-кисим. [Ч. 1.] 687 с.
17. Махмуд Қәшқәри. Диван-и луғәт әт-түрк. Үрүмчи: Шинжаң хәлқ нәшрияти, 1983. 2-кисим. [Ч. 2.] 533 с.
18. Мирза Мухаммад Хайдар. Та`рих-и Рашиди / пер. с перс. А. Урунбаева и др. Ташкент: ФАН АН РУз, 1996. 728 с.
19. Молла Һажи. Бұғра-ханлар тәзкириси. Қәшқәр: Қәшқәр уйғур нәшрияти, 1988. 171 с.
20. Тазкира-йи Бугра-хан. Рукопись ИВ РУз. Инв. № 1818. 89 л.
21. Тазкира-йи Бугра-хан. Рукопись ИВ РУз. Инв. № 1991. 248 л.
22. Тазкира-йи Бугра-хан. Рукопись ИВ РУз. Инв. № 5531. 144 л.
23. Тазкира-йи Бугра-хан. Рукопись ИВ Руз. Инв. № 862. 250 л.
24. Тазкира-йи Бугра-хан. Рукопись ИВР РАН, г. Санкт-Петербург. Шифр В 731 (589 dd). 145 л.
25. Тазкира-йи Бугра-хан. Рукопись Национальной библиотеки Парижа. Инв. шифр «Supplement turc 1286». 375 л.

26. Тазкира-йи Саййид Афак-х^ааджа. Рукопись из коллекции Г. Ярринга. Инв. № 22. 63 л.
27. Тазкира-йи Саййид Афак-х^ааджа. Рукопись из коллекции Г. Ярринга. Инв. № 369. 63 л.
28. Тазкира-йи Саййид Афак-х^ааджа. Рукопись Национальной библиотеки Калькутты. Инв. № 940. 114 л.
29. Тазкира-йи Х^ааджа Кутб ад-дин Ираки. Рукопись ИВР РАН. Шифр В 737 (589 d*h). 69 л.
30. Тримингэм Дж. С. Суфийские ордены в исламе / пер. с англ. А. А. Ставиской, под ред. и предисл. О. Ф. Акимушкина. М.: Наука, 1989. 328 с.
31. Тулибаева Ж. М. Трактат о Сайраме / пер. с чагат., предисл. и примеч. Ж. М. Тулибаевой. Астана: Изд-во НЦАИ, 2007. 60 с.
32. Хисматулин А. А. Ал-‘Илм ал-ладуни // Ислам на территории бывшей Российской империи: энциклопедический словарь / Сост. и отв. ред. С. М. Прозоров. М.: Восточная литература, 2006. Т. 1. С. 156–157.
33. Хисматулин А. А. Суфизм. СПб.: Азбука–классика; Петербургское Востоковедение, 2003. 216 с.
34. Шах-Махмуд ибн Мирза Фазил Чурас. Хроника. 2-е изд. / Крит. текст, пер., коммент., исслед. и указ. О. Ф. Акимушкина. СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2010. 496 с.
35. Юдин В. П. Анонимное тюркоязычное сочинение второй половины XVI в. из Восточного Туркестана «Тазкира-йи Ходжа Мухаммад Шариф» // Вопросы истории и культуры уйгуров. Алма-Ата, 1987. С. 4–40.

References

1. Babadjanov B. M. Juibari // Islam na territorii byvshey Rossiyskoy imperii: Entsiklopedicheskiy slovar’ / sost. i отв. red. S. M. Prozorov. [Juibari // Islam in the territories of the Former Russian Empire: Encyclopaedic Lexicon / Ed. by Stanislav M. Prozorov. Moscow: Vostochnaya literatura, 2006]. Vol. 1. P. 138–139. (In Russian).
2. Babadjanov B. M. Lutf Allah Chusti // Islam na territorii byvshey Rossiyskoy imperii: Entsiklopedicheskiy slovar’ / sost. i отв. red. S. M. Prozorov. [Lutf Allah Chusti // Islam in the territories of the Former Russian Empire: Encyclopaedic Lexicon / Ed. by Stanislav M. Prozorov]. Moscow: Vostochnaya literatura, 2006. Vol. 1. P. 242–243. (In Russian).
3. Babadjanov B. M. Politicheskaya deyatel’nost’ shaykhov Nakshbandiya v Mavarannakhre (I polovina XVI v.): diss. ... kand. ist. nauk, 1996. [Political activity of the shaykhs of Naqshbandiya in Mavarannahr (1st half of the XVI century): PhD thesis (History), 1996]. 171 p. (In Russian).
4. Baldick Julian. Imaginary Muslims. New York: New York University Press – London: I. B. Tauris, 1993. 266 p.

5. DeWeese D. The Tadhkira-i Bughra-khan and the «Uvaysi» Sufis of Central Asia: Notes in Review of Imaginary Muslims // *Central Asiatic Journal*. 1996. Vol. 40. № 1. P. 87–127.
6. Divan-i Mashrab. Jizneopisanie populyarnogo predstavatelya mistitsizma v Turkestanskom krae. S turkского perevel i snabdil primechaniyami N. S. Lykoshin. [Divan-i Mashrab. Life of the popular representative of mysticism in the Turkistan region. Translated from Turkic and supplied with notes by N. S. Lykoshin]. Samarkand: Tipo-Lithography T-va “B. A. Gazarov”, 1910. 244 p. (In Russian).
7. Hofman H. R. Turkish Literature: A Bio-bibliographical survey. Utrecht: Published by the Library of the University of Utrecht under the auspices of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland, 1969. Section III. Part I. Vol. 1. 495 p.
8. Hofman H. R. Turkish Literature: A Bio-bibliographical survey. Utrecht: Published by the Library of the University of Utrecht under the auspices of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland, 1969. Section III. Part I. Vol. 4. 312 p.
9. Istoriya Kazakhstana v persidskikh istochnikakh: Jamal al-Qarshi. Al-Mulkhakat bi-s-surakh. [History of Kazakhstan in Persian sources: Jamal al-Qarshi. Al-Mulkhakat bi-s-surakh]. Almaty: Dayk-Press, 2005. Vol. I. 416 p. (In Russian).
10. Karimov E. E. Akhrar // Islam na territorii byvshey Rossiyskoy imperii: Entsiklopedicheskiy slovar' / sost. i otv. red. S. M. Prozorov. [Akhrar // Islam in the territories of the Former Russian Empire: Encyclopaedic Lexicon / Ed. by Stanislav M. Prozorov]. Moscow: Vostochnaya literatura, 2006. Vol. 1. P. 44–45. (In Russian).
11. Katalog Sufischer Handschriften aus der Bibliothek des Instituts für Orientalistik der Akademie der Wissenschaften, Republik Usbekistan. Stuttgart: Steiner, 2002. 358 p.
12. Khismatulin A. A. Al-'Ilm al-laduni // Islam na territorii byvshey Rossiyskoy imperii: Entsiklopedicheskiy slovar' / sost. i otv. red. S. M. Prozorov. [Islam in the territories of the Former Russian Empire: Encyclopaedic Lexicon / Ed. by Stanislav M. Prozorov]. Moscow: Vostochnaya literatura, 2006. Vol. 1. P. 156–157. (In Russian).
13. Khismatulin A. A. Sufism. St Petersburg: Azbuka–klassika, Peterburgskoe Vostokovedenie, 2003. 216 p. (In Russian).
14. Mahmut Qāshqāriy. Divan-i lughat at-turk. Urumchi: Shinjang khalq nashriyati, 1981. Part 1. 687 p. (In Uyghur).
15. Mahmut Qāshqāriy. Divan-i lughat at-turk. Urumchi: Shinjang khalq nashriyati, 1983. Part 2. 533 p. (In Uyghur).
16. Mirza Muhammad Khaydar. Ta'rikh-i Rashidi / Transl. from Persian by A. Urumbaev et al. Tashkent: FAN AS RUz, 1996. 728 p. (In Russian).
17. Molla Haji. Bughra-khanlar tazkirisi. Qashqar: Qashqar Uyghur nashriyati, 1988. 171 p.
18. Qazaqstan tarikhī turalı turki derektemeleri. Muhamed-Sadyq Qashghari. Tazkira-yi azizan. [Turkic sources on history of Kazakhstan. Muhamed-Sadyq Qashghari. Tadhkira-yi azizan]. Vol. IV. Almaty: Dayk-Press, 2006. 310 p. + 350 p. facsimile. (In Kazakh).

19. Shakh-Makhmud ibn Mirza Fazil Churas. *Khronika*. [Chronicle] / Ed., transl., comments, study and indices by O. F. Akimushkin. St Petersburg: Peterburgskoe lingvisticheskoe obshchestvo, 2010. 496 p. (In Russian).

20. Tadhkira-yi Bughra-khan. Manuscript of the Bibliothèque nationale de France. Supplement turc 1286. 375 fols.

21. Tadhkira-yi Bughra-khan. Manuscript of the Institute of Oriental studies of AS RUz. Inv. No. 1818. 89 fols.

22. Tadhkira-yi Bughra-khan. Manuscript of the Institute of Oriental studies of AS RUz. Inv. No. 1991. 248 fols.

23. Tadhkira-yi Bughra-khan. Manuscript of the Institute of Oriental studies of AS RUz. Inv. No. 5531. 144 fols.

24. Tadhkira-yi Bughra-khan. Manuscript of the Institute of Oriental studies of AS RUz. Inv. No. 862. 250 fols.

25. Tadhkira-yi Bughra-khan. Manuscript of the Institute of Oriental Manuscripts of RAS. No. B 731 (589 dd). 145 fols.

26. Tadhkira-yi Khwaja Qutb ad-din Iraqi. Manuscript of IOM RAN. No. B 737 (589 d*h). 69 fols.

27. Tadhkira-yi Sayyid Afaq-khwaja. Manuscript of G. Jarring collection. Inv. No. 22. 63 fols.

28. Tadhkira-yi Sayyid Afaq-khwaja. Manuscript of G. Jarring collection. Inv. No. 369. 63 fols.

29. Tadhkira-yi Sayyid Afaq-khwaja. Manuscript of National Library of Calcutta. Inv. No. 940. 114 fols.

30. Tazkiraye Bughra Khani (by an anonymous author, circa 16th Century A.D) / Ed. by Dr. Mohammad Munir ‘Alam. Iran-Pakistan Institute of Persian Studies. Islamabad, 1991. 567 p. (In Persian).

31. Trimingham J. S. *Sufiyskie ordeny v Islame*. [The Sufi orders in Islam]. Moscow: Nauka, 1989. 328 p. (Russian translation).

32. Tulibaeva J. M. *Traktat o Sayrame*. [The treatise on Sayram]. Transl. from Chagatai. Astana: Izd-vo NCAI, 2007. 60 p. (In Russian).

33. Valikhanov Ch. Ch. *Sobranie sochineniy v pyati tomakh / Pod red. A. Kh. Margulana*. [Collected works / Ed. A. Kh. Margulan]. 5 vols. Alma-Ata: AS KazSSR, 1961. Vol. I. 615 p. (In Russian).

34. Valikhanov Ch. Ch. *Sobranie sochinniy v pyati tomakh / Pod red. A. Kh. Margulana*. [Collected works / Ed. A. Kh. Margulan]. 5 vols. Alma-Ata: AS KazSSR, 1962. Vol. II. 796 p. (In Russian).

35. Yudin V. P. *Anonimnoe turkoyazichnoe sochinenie vtoroy poloviny XVI v. iz Vostochnogo Turkestana “Tazkira-yi Khodja Mukhammad Sharif” // Voprosy istorii i kul’turi uygurov*. [Anonymous Turkic work of the second half of the 16th century from Eastern Turkestan “Tadhkira-yi Khwaja Muhammad Sharif” // Issues of history and culture of Uyghurs]. Alma-Ata, 1987. P. 4–40. (In Russian).

Author's information

Elvira M. Molotova

PhD (History), Senior Researcher, Department of Philology and Linguistics;
Institute of Oriental Studies named after R. B. Suleimenov.

29, Kurmangazy St., Almaty, 050010, Republic of Kazakhstan

E-mail: m.elvira_76@mail.ru

Информация об авторе

Молотова Эльвира Максимовна

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Отдел литературы
и языкознания, Институт востоковедения им. Р. Б. Сулейменова.

Республика Казахстан, 050010, Алма-Ата, ул. Курмангазы, 29

E-mail: m.elvira_76@mail.ru

Milena N. Osmanova (IHAE DFRC RAS, Makhachkala, Russia)

Arabographic Old Printed Books in the Fund of Oriental Manuscripts of the Daghestan Federal Research Centre of Russian Academy of Sciences: Recent Acquisitions

Summary: Identification and fixation, as well as further study and cataloguing of the historical heritage of book culture, including manuscripts and old printed books and other materials, are one of the most important fields of the academic work of Daghestani orientalists. It includes the scholarly description of old printed books, which have recently been acquired by the Oriental Manuscripts Fund of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of Russian Academy of Sciences. The poor condition of some copies, resulting from inadequate storage and other negative factors, considerably complicates their study.

The description of old printed books has been made according to the established system that reflects their main characteristics. As regards to their subjects, they are typical of most Daghestani book collections, where grammar, dogmatics, Muslim law, Sufism, logic, and rhetoric prevail. The geography of the book publication is quite broad: Egypt, Turkey, Iran, as well as the East of the Russian Empire. The books are published in Arabic, Persian, Turkish (Old Ottoman), Tatar, Azerbaijani, and Daghestani languages. New acquisitions include widely known works by the Middle East scholars, as well as treatises and poetic works by Daghestani authors.

It is worth mentioning a large number of convolutes, which was a traditional method of combining works selected by their subject in the late 19th — early 20th centuries. The convolutes were made by printing houses, book sellers, as well as readers themselves. Some books were used as textbooks, as evidenced by notes in the margins and bookmarks with extracts from texts. The simplification of book bindings to make them cheaper can also be traced; cardboard and homemade paper bindings became widespread. Long-term cooperation of Daghestani booksellers with a number of Egyptian, Turkish and East Russian printing houses is confirmed by a large number of printed editions of these publishing houses, dating back to different years of the late 19th — early 20th centuries.

The information obtained during the current research would allow more objective assessment of the outlook of Daghestani readers at the beginning of the 20th century, as well as will help tracing academic and cultural ties of educated people of the Muslim world during this period.

Keywords: archaeographic work; book culture; private and mosque collections; old printed books; lithography; Middle East countries.

Османо́ва М. Н. (ИИАЭ Дагестанского ФИЦ РАН, Махачкала, РФ)

Арабографические старопечатные книги в Фонде восточных рукописей Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН: новые поступления

Аннотация: выявление и фиксация, а также дальнейшее изучение и каталогизация памятников книжной культуры (рукописных и старопечатных материалов) — одни из важнейших направлений работы дагестанских востоковедов, в рамках которой было произведено научное описание старопечатных книг, поступивших в недавнее время из разных источников в Фонд восточных рукописей Института истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН. Ветхое состояние некоторых экземпляров, явившееся следствием ненадлежащих условий хранения книг и других негативных факторов, значительно затрудняет их изучение.

Описание старопечатных книг производится в соответствии с выработанной схемой, отражающей их основные характеристики. Отмечая их тематический состав, автор подчеркивает, что он характерен для большинства дагестанских книжных коллекций: преобладают грамматика, догматика, мусульманское право, суфизм, логика, риторика. География мест издания весьма обширна: Египет, Турция, Иран, восток Российской империи. Книги изданы на арабском, персидском, турецком (староосманском), татарском, азербайджанском, языках народов Дагестана. Отмечается наличие большого числа конволютов как способа тематического подбора сочинений, производимого самими типографиями, продавцами, а также читателями книг в конце XIX — начале XX в. Среди новых поступлений присутствуют как широко известные труды ученых Ближнего и Среднего Востока, так и трактаты и поэтические сочинения дагестанских авторов. Некоторые книги использовались в качестве учебников, о чем свидетельствуют пометки на полях и закладки с выдержками из текстов.

Прослеживается процесс упрощения переплетов книг с целью удешевления их стоимости, широкое распространение получают картонные и самодельные бумажные переплеты. Долгосрочное сотрудничество дагестанских книготорговцев с рядом египетских, турецких и восточнороссийских типографий подтверждается большим количеством печатной продукции этих издательств, датируемой разными годами.

Введение полученной информации в научный оборот позволит объективно оценить кругозор дагестанских читателей начала XX в., а также проследить научные и культурные связи образованных людей мусульманского мира в этот период.

Ключевые слова: археографическая работа; книжная культура; частные и мечетские коллекции; старопечатные книги; литография; страны Ближнего и Среднего Востока.

Фонд восточных рукописей Института ИАЭ ДФИЦ РАН был создан на базе рукописных материалов Института национальной культуры и Дагестанского краеведческого музея в 1945 г. Однако более интенсивное пополнение материалов фонда происходило за счет приобретений ежегодных археографических экспедиций в 50–70-е годы XX в. В 1963 году распоряжением Президиума АН СССР был создан Отдел восточных рукописей (переименованный позже в Отдел востоковедения), основными задачами которого были определены выявление, фиксация и публикация памятников письменной культуры Дагестана на восточных языках. Поисковой работой был охвачен целый ряд районов Дагестана, археографическими экспедициями обследованы многочисленные коллекции восточных рукописей и старопечатных книг, находящихся у частных лиц и при мечетях¹.

Создание этого богатого хранилища является прежде всего заслугой дагестанских востоковедов, развернувших в разное время энергичную деятельность по выявлению и приобретению рукописей: Али Каяева, М.-С. Саидова, М.-К. Ахмедова, М. Г. Нурмагомедова, М.-Р. Мугумаева А. Р. Шихсаидова. Впоследствии к этой работе присоединились Х. А. Омаров, Г. М.-Р. Оразаев, А. А. Исаев, Т. М. Айтберов, Н. А. Тагирова, Д. Х. Гаджиева, А. Р. Наврузов и другие.

В настоящее время в Фонде восточных рукописей (ФВР) сосредоточено более 3000 рукописей, около 10 000 документов, свыше 1500 старопечатных книг. Тематика книг Фонда восточных рукописей исключительно разнообразна: здесь представлены грамматика, лексикография, «коранические науки», художественная литература, мусульманская юриспруденция, логика, этика, астрономия, медицина и др.

В течение последних лет изучение памятников письменной культуры народов Дагестана успешно продолжалось в рамках исследовательских и экспедиционных проектов Российского государственного научного фонда (РГНФ) «Археографические исследования в Дагестане (частные и мечетские рукописные коллекции)»², Программы фундаментальных исследований Прези-

---

¹ Шихсаидов А. Р. Археографическая работа в Дагестане // Изучение истории и культуры Дагестана: археографический аспект. Сборник статей. Махачкала, 1988. С. 3–21; Наврузов А. Р., Оразаев Г. М.-Р. Археографические исследования в Дагестане в 2014 г. // *Вестник Института ИАЭ*. 2015. № 4. С. 146–151; Наврузов А. Р. и др. Итоги археографических исследований в Дагестане в 2015–2016 гг. // *Вестник Института ИАЭ*. 2017. № 2. С. 173–180; Наврузов А. Р. Итоги археографических исследований в Дагестане в 2017—2018 гг. // *История, археология и этнография Кавказа*. 2019. 15. № 2. С. 282–291.

² В настоящее время автор статьи Османова М. Н. является участницей гранта РФФИ № 18–09–00024 «Археографические исследования в Дагестане (частные и мечетские рукописные коллекции)», руководитель — в. н. с. ИИАЭ ДФИЦ РАН А. Р. Наврузов.

диума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре», Российского фонда культуры («Рукописи Дагестана»), Фонда исследований исламской культуры при посольстве Ирана.

В Ф. 15 (Старопечатные книги на восточных языках) ФВР сосредоточено более 1500 старопечатных книг (литографий и наборных изданий), изданных в странах Востока — Египте, Турции, Иране, а также в Казани, Темир-Хан-Шуре, Порт-Петровске, Санкт-Петербурге, Симферополе, Бахчисарае и др. Большая часть из них — на арабском языке, значительно меньшая — на тюркских языках: турецком, азербайджанском, татарском, кумыкском; небольшое количество — на персидском языке, а также на языках народов Дагестана и Северного Кавказа.

Фонд в разное время пополнялся за счет поступавшего экспедиционного материала, экземпляров, переданных в дар Институту, а также небольшого количества экземпляров, приобретенных за счет средств ДНЦ РАН. В конце 80-х годов XX в. ФВР пополнился также экземплярами старопечатных книг, конфискованными у частных лиц в рамках ряда уголовных дел¹. Необходимость описания, идентификации, а также атрибуции этих сочинений неоднократно обсуждалась на заседаниях Отдела востоковедения.

В 2017 г. автором были произведены описание и идентификация около 200 «неоприходованных» книг, находящихся в одном из хранилищ ФВР. Особенность исследуемого материала — большое количество дефектных экземпляров, часть которых, ввиду их крайней ветхости, было рекомендовано законсервировать и хранить отдельно от экземпляров, пригодных для сдачи в Ф. 15 ФВР ИИАЭ ДФИЦ РАН.

После консультации с коллегами была выработана схема описания, состоящая из 6 пунктов:

1. Название сочинения (если на титульном листе рассматриваемого издания указан один из вариантов названия, привести также его полную версию); если издание является сборником сочинений, указать это.

2. Автор сочинения (полное имя, годы жизни, если они известны).

3. Язык, тематика.

4. Способ печати (литография или наборная печать). Место и дата издания, сведения о повторности издания, сведения о разрешении цензуры, издатель (если эти данные указаны).

5. Состояние книги, формат, переплет, бумага, оформление, количество страниц, особенности пагинации, наличие владельческих записей.

6. Переписчик (его имя и *нисба*), место и дата переписки, если они указаны; примечания (особенности издания, если они есть).

---

¹ Речь идет о книгах Абдулхамида Аджиева, уроженца с. Аксай Хасавюртовского района РД. В 1987 г. арабографические старопечатные книги, принадлежащие ему, были изъяты после обыска в его доме в г. Хасавюрте в связи с возбуждением уголовного дела в отношении его сына по ст. 228 УК РСФСР.

Как известно, основными носителями информации при изучении старопечатных книг являются титульный лист и колофон. Большинство типографий (в том числе и дагестанская типография «*ал-Матба 'а ал-Исламиййа*» М. Мавраева) при соединении блоков книги указывали в правом/левом нижнем углу на развороте страниц ее название и *джуз* (часть), что облегчает исследовательскую работу при отсутствии титульного листа и колофона.

Рассматривая переплеты книг, следует отметить тот факт, что большая часть сохранившихся переплетов сделана кустарным способом. Очевидно, в целях экономии покупатель книг обклеивали первоначальный бумажный переплет ненужной исписанной бумагой в несколько слоев, так что получался своего рода самодельный картон. Встречаются случаи, когда одинаковые экземпляры книг переплетены по-разному. Это можно объяснить тем, что изначально книги выпускались в мягких бумажных переплетах, что стоило дешевле. Покупатель книги мог по своему вкусу заказать переплет: либо картонный (самый дешевый), либо матерчатый, либо самый дорогой — кожаный (экземпляры с таким переплетом встречаются в наименьшем количестве)¹. Кожаные переплеты делали с тиснением в виде медальона или цветов, закрывались они «клапаном» (следование восточной традиции оформления переплетов рукописей). Переплетные услуги оказывала упомянутая выше типография «*ал-Матба 'а ал-Исламиййа*», что отражено в официальном торговом каталоге «*Фихрист ал-кутуб*» за 1914 г.² Переплетные услуги в Дагестане также оказывали все три типографии, выпускающие печатную продукцию с использованием арабской графики.

Необходимо также пояснить, что при идентификации «неоприходованной» печатной продукции не ставилась задача описывать бумагу (такой вид идентификации обычно присутствует при работе с рукописями), поскольку печатная книга — это продукт массового производства, созданный с использованием исключительно фабричной бумаги. Своеобразным исключением при работе с дефектными экземплярами являются некоторые наборные издания, выпущенные в Египте в типографии «*ал-Матба 'а ал-Майманиййа*»³. Они, как правило, легко узнаваемы благодаря более крупному формату и особой разновидности бумаги, отличающейся по цвету и текстуре. Казанские печатные издания также легко узнаваемы благодаря использованию шрифта, называемого в Дагестане *казан басма*⁴.

¹ Османова М. Н. Каталог печатных книг на арабском языке, выпущенных дагестанскими издателями в России и за рубежом в начале XX века. Махачкала, 2008. С. 33.

² فهرست الكتب. تميم خان شور: المطبعة الإسلامية، ١٩١٤. ص. ٢.

³ Киктев М. С. О каирских старопечатных книгах в дагестанских рукописных собраниях // *Pax Islamica*. 2009. № 2(3). С. 204.

⁴ Османова М. Н. Казань — центр мусульманского книгопечатания в Российской империи в XIX — начале XX века // *Исламоведение*. 2013. № 1(15). С. 54–63.

Большая часть книг, находящихся в Ф. 15, напечатана с использованием в литографиях и наборных шрифтах почерка *насх*¹, который остался самым распространенным на всем мусульманском Востоке вплоть до наших дней: в настоящее время шрифты почти всех печатных изданий (газеты, журналы, книги) создаются на его базе. Экземпляры литографий, выпущенных в Дагестане, созданы на основе почерка «дагестанский *насх*» (региональная разновидность почерка *насх*, утвердившаяся в Дагестане в конце XVII — начале XVIII в.). Впервые термин «дагестанский *насх*» был употреблен известным дагестанским востоковедом М.-С. Саидовым, изучившим большое количество дагестанских рукописей, созданных с использованием арабской графики. Активно пользовался этим термином и выдающийся российский востоковед проф. А. Р. Шихсаидов.

Некоторые дагестанские переписчики (например, известный *катиб* типографии «*ал-Матба 'а ал-Исламиййа*» Исмаил Абакаров из Шулани), использовали элементы почерка *наста 'лик*², распространенного в персидской каллиграфии. Среди рассмотренных печатных изданий встречаются экземпляры литографий, созданных почерком *наста 'лик* (например, толковый словарь арабского языка «*Та'рифат*», изданный в Турции в конце XIX в.).

Внетекстовые записи на титульных листах и форзацах печатных книг носят в основном владельческий характер. Запись также может фиксировать факт купли-продажи книги с указанием имени приобретателя, цены. Внетекстовые записи на полях в большинстве случаев делались в учебных целях. В качестве учебников использовались сочинения разнообразной тематики, что свидетельствует о достаточно большом числе изучаемых в мусульманских школах дисциплин. В книгах-учебниках периодически встречаются бумажные закладки с выдержками из текстов других сочинений аналогичной тематики.

В рамках подобной «стационарной» археографической работы выяснилось, что тематический состав «неоприходованных экземпляров» характерен для большинства дагестанских книжных коллекций, в которых также преобладают грамматика, догматика, мусульманское право, суфизм, логика, риторика и др. Рассматриваемые книги изданы в конце XIX — начале XX в. в известных типографиях в Египте (Каир), Турции (Стамбул), Иране (Тебриз), Санкт-Петербурге, Казани, Темир-Хан-Шуре, Порт-Петровске на арабском, турецком (староосманском), персидском (2 экз.), татарском, аварском, кумыкском и азербайджанском языках.

¹ Халидов А. Б. Арабские рукописи и арабская рукописная традиция. М.: Наука, 1985. С. 172.

² Акимускин О. Ф. Персидская рукописная книга // Рукописная книга в культуре народов Востока. Книга I. М., 1987. С. 349–351.

Большую помощь автору в работе с дефектными экземплярами на староосманском языке оказал с. н. с. отдела востоковедения ИИАЭ ДФИЦ РАН Г. М.-Р. Оразаев, известный дагестанский тюрколог, которому хочу выразить глубокую благодарность.

***

К сожалению, невозможно рассказать обо всех изученных книгах из «неоприходованных материалов» в рамках одной статьи, поэтому я хотела бы остановиться на наиболее характерных для дагестанских книжных коллекций экземплярах.

Довольно часто встречаются сборники, состоящие из нескольких сочинений (конволюты), объединенных по тематическому принципу (составные части сборников подбирались и компоновались как издателем, так и самими владельцами).

Пример дагестанского издательского конволюта (литографированное издание, формат 24 × 15 см) — грамматический сборник, состоящий из 3 сочинений на арабском языке:

«*Аджуррумийя фи 'илм ан-нахв*», автор (не указан) — Мухаммад б. Дауд ас-Санхаджи Ибн Аджуррум (ум. 723/1323 г.), место издания — г. Темир-Хан-Шура, исламская типография М. Мавраева; дата издания — 1909 г. (рис. 1).

«*Ал-Иzzi фи-т-тасриф*», автор — 'Иzz ад-дин 'Абд ал-Ваххаб б. Ибрахим аз-Занджани (XIII в.) (автор, место и дата издания не указаны), переписчик — Гази-Мухаммад из Уриба.

«*Ми'ат 'амил фи-н-нахв*», автор — 'Абд ал-Кахир б. 'Абд ар-Рахман ал-Джурджани (ум. 471/1078 г.), исламская типография М. Мавраева, дата издания — 1909 г., переписчик — Гази-Мухаммад из Уриба (дефектный экземпляр).

Прочную нишу на книжном рынке Дагестана занимали казанские старопечатные издания. Кораны, изданные в разных типографиях Казани, пользовались большой популярностью у населения Дагестана конца XIX — начала XX в. за их четкий и красивый шрифт, простое, но изящное оформление. Они часто встречаются как в мечетских, так и частных коллекциях, откуда они в количестве 16 экземпляров в разное время попали в хранилище ФВР ИИАЭ ДФИЦ РАН. К сожалению, часть из них в очень ветхом состоянии (рис. 2).

Среди «неоприходованных» Коранов имеется также частично дефектный экземпляр, изданный в Иране (Тебриз) литографским способом с использованием двухцветной печати (красного и черного цветов) на тонкой и гладкой бумаге кремового цвета, формат: 22 × 26 см. Начало — сура «*ал-Бакара*», конец — сура «*ал-Фалак*». Почерк — *наsx*, переписчик — Мирза Мухаммад Шафи ибн Мухаммад Али ат-Тебризи, дата переписки — 1277 г. х. (1860 г.)¹ (рис. 3).

¹ Об использовании почерка *наsx* в персидской литографированной книге см.: Щеглова О. П. Иранская литографированная книга. М.: Наука, 1979. С. 142–143.

Рис. 1. «Аджуррумиййа фи-н-нахв» (грамматика). Литография. Темир-Хан-Шура, Исламская типография М. Мавраева, 1909 г.

Рис. 2. Коран. Наборная печать. Казань, Типография Б. Л. Домбровского, 1903 г.

Рис. 3. Коран. Иран (Тебриз). Двухцветная литография. Почерк — *наسخ*, переписчик — Мирза Мухаммад Шафи ибн Мухаммад Али ат-Тебризи, дата переписки — 1277 г. х. (1860 г.)

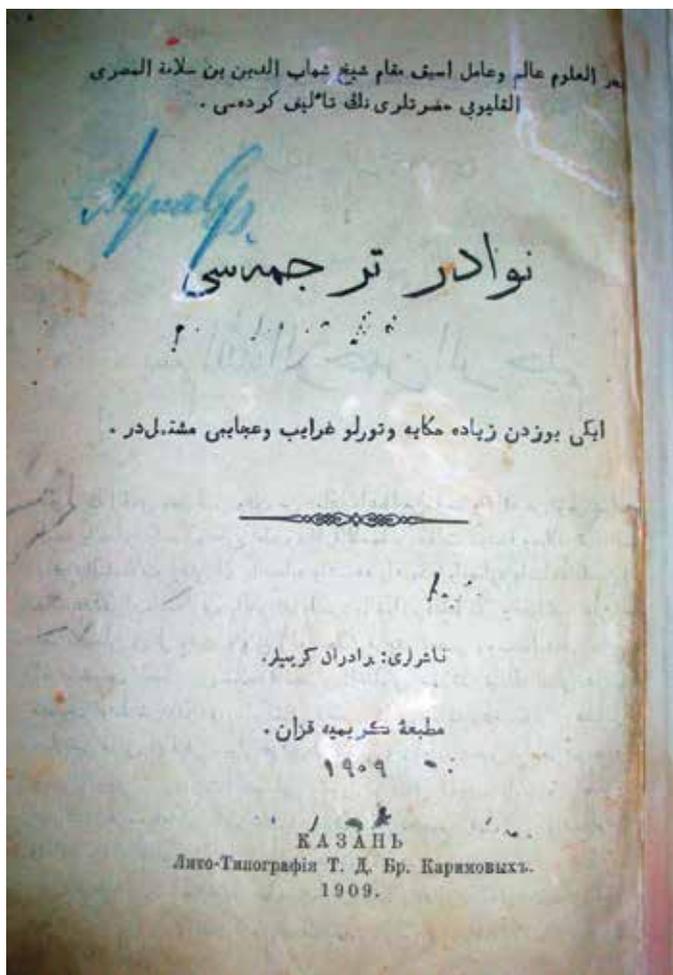

Рис. 4. «Навадир» Шихаб ад-дина ал-Калийуби в переводе на татарский язык. Наборная печать. Казань, Типография братьев Каримовых, 1909 г.

Продукция Типографии Торгового дома братьев Каримовых¹ (Казань) представлена несколькими экземплярами, среди которых: изданное в 1903 г. наборным способом сочинение «*Kisac al-anbiya*» (история пророков) на татарском и арабском языках (27 × 17 см, 475 с.); сочинение «*Tuxfat al-muluk*» (*таджвид*, сборник молитв), изданное в 1909 г., автор — имам Зайн ад-дин Мухаммад б. Аби Бакр Абд ал-Махсун ар-Рази ал-Ханафи (первое издание; наборная печать, 48 с.);

¹ Каримуллин А. Г. Татарская книга начала XX века. Казань, 1974. С. 24–44.

Рис. 5. «Мукаддима ал-Джазари» (таджвид). Наборная печать. Казань, Типография Казанского университета, 1893 г. Издатель — Шамс ад-дин Хусаинов

сборник различных историй «*Навадир*» Шихаб ад-дина ал-Калйуби (ум. в 1659 г.) (1909 г., 184 с.). В Типографии Торгового дома братьев Каримовых практиковалась печать текста параллельно на арабском и татарском языках (рис. 4).

Среди казанских наборных изданий присутствует также сочинение по таджвиду «*Мукаддима ал-Джазари*» Мухаммада б. Али ад-Димашки аш-Ширази (Ибн ал-Джазари) (XV в.), изданное в типографии Казанского университета в 1893 г. Шамс ад-дином Хусаиновым (на его средства) (рис. 5).

Из конволютов религиозного содержания следует отметить тематический сборник по *таджвиду* на арабском языке, также изданный в Казани в Типографии Торгового дома братьев Каримовых в 1909 г., состоящий из двух частей: 1) «*Китаб та 'алим ас-салават*» (автор не указан); 2) «*Тухфат ал-мулук*», автор — имам Зайн ад-дин Мухаммад ибн Аби Бакр Абд ал-Махсун ар-Рази ал-Ханафи (21 × 15 см). Татарский *шамал*, напечатанный в виде плаката, с красочными изображениями Мекки, Каабы, *айатов* из Корана, находился в составе «неоприходованных» материалов в крайне ветхом состоянии, что не дало возможности определить его точные размеры.

Важной находкой стал трактат «*Тарих ал-хулафа*» («История халифов») Джалал ад-дина ас-Суйути (1445–1505), изданный в Египте в типографии «*ал-Матба 'а ал-Майманийя*», дата издания — *сафар* 1305 г. х. (1887 г.), издатель — Ахмад ал-Баби ал-Халаби (наборное издание, дефектный экземпляр, 214 страниц, *фихрист*)¹. Это сочинение часто упоминается в торговых каталогах дагестанских книгоиздателей и распространителей книг, но редко встречается в книжных коллекциях.

Практически каждая книжная коллекция Дагестана, как мечетская, так и частная, характеризуется наличием нескольких сочинений по мусульманскому праву — как в рукописях, так и в виде старопечатных книг. Коллекция «неоприходованных» книг не является исключением. Сочинение Шихаб ад-дина ар-Рашиди «*Хашийя Шихаб ад-дин ар-Рашиди аш-Шафи 'и 'ала Шарх Шам ад-дин ар-Рамли ли-л-Минхадж*», изданное в Египте (дата издания не указана), посвящено широкому кругу вопросов *фикха* шафиитского *мазхаба* (25 × 18 см, 278 с., *фихрист*). Эти же вопросы затрагиваются в наборном египетском издании Сулаймана ал-Джамала «*Хашийя шейх Сулайман ал-Джамал*» (28 × 19,5 см).

Наличие большого количества книг, изданных в Египте, в основном религиозной тематики («*Тафсир ал-Куртуби*», «*Дака 'ик ал-ахбар фи зикр ал-джаннат*» и др.), в том числе по мусульманскому праву («*Тухфат ал-мухтадж ли Шарх ал-Минхадж*», «*Шарх ал-Махалли*»)² подтверждает существование устойчивых торговых связей между каирскими типографиями и дагестанскими книжными магазинами «*Дар ал-кутуб*» и «*Иттихад*», работавшими в начале XX в. в Темир-Хан-Шуре — столице Дагестанской области. В торговых каталогах этих книжных магазинов фигурировали вышеперечисленные названия с указанием Каира как места издания³.

¹ Киктев М. С. О Каирских старопечатных книгах в дагестанских рукописных собраниях. С. 204.

² Шихсаидов А. Р. Каталог арабских рукописей. Коллекция Хаджжи Ибрагима Урадинского. Махачкала: ИД МавраевЪ, 2014. С. 138–206.

³ إعلان تميرخان شورہ ۱۹۰۸، فهرست الكتب تميرخان شورہ ۱۹۱۴

И'лан. Темир-Хан-Шура. Б./г. (1908?) (на араб. яз.); *Фихрист ал-кутуб*. Темир-Хан-Шура, 1914 (на араб. яз.).

Поэтические сочинения на религиозные темы были чрезвычайно популярны у народов Дагестана конца XIX — начала XX в. Касыды «ал-Бурда» и «ал-Мударрийа» неоднократно переписывались, комментировались,¹ переводились на национальные языки (аварский, кумыкский, даргинский) и бытовали уже как самостоятельные произведения. Они неоднократно издавались в типографии М. Мавраева в Темир-Хан-Шуре. Одно из таких изданий — «Касидат ал-Бурда фи мадх хайр ал-барийа», представляющее собой подстрочный перевод касыды «ал-Бурда» Мухаммада б. Са'ида ал-Бусири с арабского на аварский язык, сделанный Уммаханом из Дылыма (23 × 15 см, 30 с.).²

В книжных коллекциях Дагестана, как правило, присутствует немалое количество старопечатных книг, изданных в Стамбуле. Известно, что дагестанский первопечатник М. Мавраев тесно сотрудничал с турецкими книжными издательствами, а подборку книг для его магазина «Дар ал-кутуб» в Темир-Хан-Шуре делал известный просветитель, поэт и переводчик Абусуфьян Акаев, выезжавший для этой цели в Стамбул.

Среди «неоприходованных» стамбульских литографированных и наборных книг на арабском языке — несколько грамматических сборников-конволотов, включающих от 3 до 5 сочинений. Как правило, в подобные сборники объединялись сочинения: «ал-'Иzzi фи-т-тасриф» аз-Занджани, «Аджуррумийа» Ибн Аджуррума, «Ми'ат 'амил фи-н-нахв» ал-Джурджани, «Кафийа» Ибн ал-Хаджиба и некоторые другие. Интересной находкой, бесспорно, может считаться стамбульское литографированное издание сочинения по медицине «Хикаят Абу Али Ибн Сина» на арабском языке (23 × 15 см; 191 с.).³

Среди «неоприходованных» книг встречается большое число сочинений по суфизму, причем география мест изданий самая разнообразная: Египет, Турция, Казань и др., что закономерно, учитывая глубокий интерес к этой тематике в Дагестане.

Хотелось бы отметить и другие ценные и интересные, на мой взгляд, издания: Толковый словарь арабского языка «Лата 'иф ал-луга» Ахмада б. Мустафы ал-Лабабиди ад-Димашки, изданный в Исламской типографии М. Мавраева в Темир-Хан-Шуре в 1911 г.; полемика дагестанских ученых, затрагивающая правила ведения религиозного диспута (дефектный экземпляр; в тексте упоминаются имена известных дагестанских ученых конца XIX в. — Мустафы из Годобери и Ибрагим Халила из Тляроша), и многое другое.

¹ Шихсаидов А. Р., Омаров Х. А. Каталог арабских рукописей (Коллекция М.-С. Саидова). Махачкала, 2005. С. 129.

² Исаев А. А. Каталог печатных книг и публикаций на языках народов Дагестана (дореволюционный период). Махачкала: ДФ АН СССР, 1989. С. 38.

³ О других турецких книгах по медицине см.: Рафиков А. Х. Очерки истории книгопечатания в Турции. Л.: Наука, 1973. С. 174–175.

Весьма редким можно назвать экземпляр, представляющий христианскую литературу на тюркском языке: «Деяния святых апостолов», крупного формата 33 × 23 см, 224 с. Книга находилась среди экземпляров, конфискованных у жителя Хасавюрта Абдулхамида Аджиева (см. выше). Место издания, дата и типография не указаны.

Выявление, инвентаризация и каталогизация памятников письменности на восточных языках в Дагестане и сопредельных регионах продолжает оставаться одним из важнейших направлений в исследовании истории, культуры и идеологии народов Дагестана и Северного Кавказа. Анализ информации и введение этих данных в научный оборот позволит получить более четкое представление о кругозоре и знаниях дагестанцев, дать глубокую и всестороннюю оценку научных и культурных связей духовной элиты Дагестана конца XIX — начала XX в. со странами Ближнего и Среднего Востока, а также другими мусульманскими регионами Российской империи.

Список литературы

1. اعلان. تميرخان شورہ، ۱۹۰۸.
2. فهرست الكتب. تميرخان شورہ: المطبعة الاسلامية، ۱۹۱۴، ص ۴۸.
3. Материалы Фонда восточных рукописей ИИАЭ ДФИЦ РАН, Фонд 15. Старопечатные книги («неоприходованные материалы»).
4. Акимушкин О. Ф. Персидская рукописная книга // Рукописная книга в культуре народов Востока. Книга I. М., 1987. С. 330–406.
5. Исаев А. А. Каталог печатных книг и публикаций на языках народов Дагестана (дореволюционный период). Махачкала: ДФ АН СССР, 1989. 298 с.
6. Каримуллин А. Г. Татарская книга начала XX века. Казань, 1974. 319 с.
7. Киктев М. С. О кайрских старопечатных книгах в дагестанских рукописных собраниях // *Pax Islamica*. 2009. № 2(3). С. 202–205.
8. Наврузов А. Р. Итоги археографических исследований в Дагестане в 2017–2018 гг. // *История, археология и этнография Кавказа*. 2019. 15. № 2. С. 282–291.
9. Наврузов А. Р., Оразаев Г. М.-Р. Археографические исследования в Дагестане в 2014 г. // *Вестник Института ИАЭ*. 2015. № 4. С. 146–151.
10. Наврузов А. Р. и др. Итоги археографических исследований в Дагестане в 2015–2016 гг. // *Вестник Института ИАЭ*. 2017. № 2. С. 173–180.
11. Османова М. Н. Казань — центр мусульманского книгопечатания в Российской империи в XIX — начале XX века // *Исламоведение*. 2013. № 1 (15). С. 54–63.
12. Османова М. Н. Каталог печатных книг на арабском языке, выпущенных дагестанскими издателями в России и за рубежом в начале XX века. Махачкала, 2008. 204 с.
13. Рафиков А. Х. Очерки истории книгопечатания в Турции. Л.: Наука, 1973. 230 с.
14. Халидов А. Б. Арабские рукописи и арабская рукописная традиция. М.: Наука, 1985. 313 с.

15. Шихсаидов А. Р. Археографическая работа в Дагестане // Изучение истории и культуры Дагестана: археографический аспект. Сборник статей. Махачкала, 1988. С. 3–21.
16. Шихсаидов А. Р. Каталог арабских рукописей. Коллекция Хаджи Ибрагима Урадинского. Махачкала: ИД Мавраевъ, 2014. 382 с.
17. Шихсаидов А. Р., Омаров Х. А. Каталог арабских рукописей (Коллекция М.-С. Саидова). Махачкала, 2005. 328 с.
18. Щеглова О. П. Иранская литографированная книга. М.: Наука, 1979. 252 с.

References

1. Akimushkin O. F. *Persidskaya rukopisnaya kniga // Rukopisnaya kniga v kul'ture narodov Vostoka. Kniga I. [Persian manuscript book // Manuscript book in the culture of the peoples of the East. Book I]*. М.: 1987. P. 330–406.
2. Isaev A. A. *Katalog pechatnykh knig i publikatsiy na yazykakh narodov Dagestana (dorevolutsionniy period). [Catalogue of printed books and publications in the languages of the peoples of Daghestan (pre-revolutionary period)]*. Makhachkala: Daghestan Branch of the Academy of Sciences of USSR, 1989. 298 p.
3. Karimullin A. G. *Tatarskaya kniga nachala XX veka. [Tatar book in the beginning of the 20th century]*. Kazan: 1974. 319 p.
4. Khalidov A. B. *Arabskie rukopisi i arabskaya rukopisnaya traditsiya. [Arabic manuscripts and Arabic manuscript tradition]*. М.: Nauka, 1985. 313 p.
5. Kiktev M. S. *O kairskikh staropechatnykh knigakh v dagestanskikh rukopisnykh sobraniyakh. [On Cairo old printed books in the manuscript collections of Daghestan] // Pax Islamica*. 2009. No. 2(3). P. 202–205.
6. *Materialy Fonda vostochnykh rukopisei IIAE DFITs RAN, Fond 15. Staropechatniye knigi («neoprikhodovanniye materialy»)*. [Materials of the Fund of Oriental manuscripts of the IIAE DFRC RAS (Institute of History, Archaeology and Ethnography of Daghestan Federal Research Centre of Russian Academy of Sciences), Fund No. 15. Old printed books (“Non-registered materials”)].
7. Navruzov A. R. *Itogi arkheograficheskikh issledovaniy v Dagestane v 2017–2018 gg. // Istoriya, arkheologiya i etnografiya Kavkaza. [Results of the archaeographic research in Daghestan in 2017–2018 // History, Archaeology and Ethnography of the Caucasus]*. 2019. Vol. 15. No 2. P. 282–291.
8. Navruzov A. R., Orzaev G. M.-R. *Arkheograficheskie issledovaniya v Dagestane v 2014 g. // Vestnik Instituta IAE. [Archaeographic studies in Daghestan in 2014 // Bulletin of the Institute of HAE]*. 2015. No 4. P. 146–151.
9. Navruzov A. R., et al. *Itogi arkheograficheskikh issledovaniy v Dagestane v 2015–2016 gg. // Vestnik Instituta IAE. [Results of the archaeographic research in Daghestan in 2015–2016 // Bulletin of the Institute of HAE]*. 2017. No 2. P. 173–180.
10. Osmanova M. N. *Katalog pechatnykh knig na arabskom yazyke, vypushchennykh dagestanskimi izdatel'yami v Rossii i za rubezhom v nachale XX veka. [Catalogue of*

printed books in Arabic published by Daghestani publishers in Russia and abroad in the beginning of the 20th century]. Makhachkala, 2008. 204 pages.

11. Osmanova M. N. Kazan' — tsentr musul'manskogo knigopechataniya v Rossiyskoy imperii v XIX — nachale XX veka // *Islamovedenie*. [Kazan as a centre of Muslim book printing in the Russian Empire in the 19th — early 20th century // *Islamic Studies*]. 2013. No. 1 (15). P. 54–63.

12. Rafikov A. Kh. Ocherki istorii knigopechataniya v Turtsii. [Essays on the history of book printing in Turkey]. Leningrad: Nauka, 1973. 230 p.

13. Shcheglova O. P. Iranskaya litografirovannaya kniga. [Iranian lithographic book]. M.: Nauka, 1979. 252 p.

14. Shikhsaidov A. R. Arkheograficheskaya rabota v Dagestane // *Izuchenie istorii i kul'tury Dagestana: arkheograficheskii aspekt. Sbornik statei*. [Archaeographic work in Daghestan // Study of history and culture of Daghestan: the archaeological aspect. Collected papers]. Makhachkala, 1988. P. 3–21.

15. Shikhsaidov A. R. Katalog arabskikh rukopisei. Kolleksiya Khadjji Ibragima Uradinskogo. [Catalogue of Arabic manuscripts. The collection of Hadji Ibrahim Uradinsky]. Makhachkala: Publishing House of Mavraev, 2014. 382 p.

16. Shikhsaidov A. R., Omarov Kh. A. Katalog arabskikh rukopisei (Kolleksiya M.-S. Saidova). [Catalogue of Arabic manuscripts (Collection of M.-S. Saidov)]. Makhachkala, 2005. 328 p.

Author's information

Milena N. Osmanova

PhD (History), Senior Researcher, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of Russian Academy of Sciences (IHAE DFRC RAS)

75, M. Yaragskogo St., Makhachkala, Republic of Daghestan, 367030, Russia

E-mail: osmanova-milena@rambler.ru

Информация об авторе

Османова Милена Нуриевна

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Отдел востоковедения Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН (ИИАЭ ДФИЦ РАН)

РФ, 367030, Республика Дагестан, г. Махачкала, ул. М. Ярагского, д. 75

E-mail: osmanova-milena@rambler.ru

*Galina Z. Poupian (Russian Academy of Sciences Library,
St Petersburg, Russia)*

The Church and Society in the XVII Century Russia as presented in “The Travel of Macarius, Patriarch of Antioch” (Ms. B 1230, 1700 AD)

Summary: The article discusses the features of Church life and the role of the Church in the Russian society of the XVII C. as presented in the work by Paul of Aleppo dedicated to the travel of Patriarch Macarius of Antioch to Russia (Tsardom of Muscovy) in 1652–1659¹. The travel was undertaken in order to collect alms for paying the debts of the diocese. Moscow authorities regarded Macarius to be an important arbiter for the Church reform.

The following issues as reflected in “The Travel of Macarius” are considered in the article:

1. The place of the Church in public and private life in Moscow Russia, including the life of the Tsar and his family.
2. The clergy, including the personality of Patriarch Nikon and his relationship with the Tsar.
3. Church reform in Russia, the role of Patriarch Macarius in these events and their assessment by Church historians.
4. Missionary activities of Russian Church.
5. Foreign relations of the Church, visits of foreign clergy and rules of their stay in Moscow.
6. Questions of dogma and description of liturgy, churches, monasteries, icons, Church utensils, vestments etc. (often in comparison with Syria).

Paul’s account demonstrates the deep penetration of religion into all the spheres of life in Russia: Church rules were maintained in everyday life, military and secular rituals and at court. Travelers were amazed by the firmness of faith of the locals. Paul also describes many of the episodes illustrating strong religious feelings of Tsar Alexei Mikhailovich, his excellent knowledge of worship, careful performance of rituals, reverence for the clergy and even the ability to correct the priest when necessary.

Paul narrates different events related to the Church reform aimed at bringing the Russian Church into full unity with the Greek Church, which was of political

---

¹ رحلة ماكاراوس Manuscript B 1230 of the Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences (St Petersburg), dated 1700 AD.

importance. He describes Patriarch Nikon (his high status, intellect, independence, arrogance, love for the Greeks and their rite, relations with the Tsar) and indicates the important role of Patriarch Macarius in the course of the reform (participation in the Church Council in 1655, his support for Nikon in taking the decision to destruct icons painted under the influence of Western European art, the transition to the three-fingered sign of the cross, etc.). Nikon's activity was evaluated differently in Church historiography, ranging from full support to critical attitude, e.g. by N. F. Kapterev.

Paul of Aleppo speaks about baptising different peoples by the Russian Church, its contacts with foreign Churches, wary attitude towards representatives of other faiths. Paul was the only foreigner (except N. Witsen) among those who wrote about Russia, who could visit Orthodox churches. He provides a wealth of detail of architecture of the cathedrals, bell ringing, arrangement of icons, services, Church festivals (including not extant such as the procession on the donkey on Palm Sunday (الشعائين), Lent food (in comparison with that in Syria), careful accounting and storage of gifts in Tsar's Treasury, etc. Differences in the construction of bulbous domes in Moscow (ممشوقات ربيعيات) and hemispherical domes in Byzantine style in Syria and the country of Cossacks (مثل قباب بلادنا واسعات مدورات) are marked. His works also reflect activities of a circle of zealots of spiritual piety that influenced later ethics of "Old Believers" (e.g., realization of the Nikon's decree of 11 August 1652 on restrictions on sale of vodka).

He compares the Church singing in Moscow (صوت منخفض عريض حنون حلو يفتقت القلب) with that in Syria (بصوت عالي), describes bringing boy singers from the land of the Cossacks and nuns from the Western lands to Moscow on the orders of Tsar Alexei Mikhailovich, which further contributed to the gradual development of new styles in Russian Church singing.

The book of Paul of Aleppo gives a multifaceted look at the Church life of Russian Tsardom before the end of the schism, on the eve of Peter's reforms.

Keywords: Tsardom of Muscovy; Arabic sources about Russia; Patriarch of Antioch Macarius; Archdeacon Paul of Aleppo; Tsar Alexei Mikhailovich; Patriarch Nikon; Church reform in the Russian Orthodox Church of the XVII C.; Russian Church architecture in the XVII C.; worship in the Russian Orthodox Church of the XVII C.; Russia and Christian East in the XVII C.

Г. З. Пумпян (БАН, Санкт-Петербург, РФ)

Церковь и общество в Московской Руси в XVII в. в «Путешествии Патриарха Макария Антиохийского» (рукопись В 1230, 1700 г.)

Аннотация: В статье рассматриваются особенности церковной жизни и роль Церкви в русском обществе XVII в., представленные в труде Павла Алеппского, посвященном путешествию Патриарха Макария Антиохийского в Московское царство в 1652–1659 гг. Поездка была предпринята с целью сбора милостыни для уплаты долгов епархии. Московскими властями Макарий рассматривался как важный арбитр в проведении церковной реформы. Архидиакон Павел

Алеппский, сын патриарха, сопровождал Макария и записывал его впечатления.

В статье затрагиваются следующие аспекты церковной тематики, отраженные в сочинении Павла Алеппского:

1. Место Церкви в общественной и частной жизни Московской Руси, в том числе в жизни царя и его семьи.

2. Духовенство, в том числе личность Патриарха Никона и его взаимоотношения с царем.

3. Церковная реформа в России, роль патриарха Макария в этих событиях и их оценка церковными историками.

4. Миссионерская деятельность Русской церкви.

5. Внешние сношения Церкви, визиты иностранных священнослужителей и правила их пребывания в Москве.

6. Вопросы догматики и описания богослужений, храмов, монастырей, икон, церковной утвари, облачений и пр. (часто в сравнении с Сирией).

Описания Павла свидетельствуют о глубоком проникновении религии во все сферы жизни Московского царства: церковные правила соблюдались в быту, воинских и светских обрядах, при дворе. Путешественники были поражены стойкостью в вере местных жителей.

Павел также приводит многие эпизоды, иллюстрирующие сильное религиозное чувство царя Алексея Михайловича, его прекрасное знание богослужения, тщательное исполнение обрядов, почтение к духовным лицам и даже умение исправлять священника.

В записках Павла отражены события, связанные с церковной реформой с целью приведения Русской церкви в полное единство с греческой церковью, что имело политическое значение. Охарактеризован Патриарх Никон (его высокий статус, острота ума, независимость, высокомерие, любовь к грекам и их обряду, отношения с царем). Также показана важная роль Патриарха Макария в ходе реформ (участие в 1655 г. в Церковном Соборе, поддержка Никона в уничтожении икон, написанных под влиянием западноевропейской живописи, переход к троеперстию, «книжная справа» и пр.). Сама деятельность Никона в церковной историографии оценивалась по-разному — от полной поддержки до критического отношения к ней церковного историка Н. Ф. Каптерева.

Рассказывается о крещении разных народов, контактах с иностранными церковными престололами, настороженном отношении к представителям других конфессий. Павел Алеппский был единственным из иностранцев, писавших о России (кроме Н. Витсена), кто мог посещать православные храмы. Описаны особенности архитектуры храмов, колокольного звона, расположения икон, служб, праздников (в том числе, не дошедших до нас, в частности крестный ход на осла в Вербное воскресенье (الشعائين)), постной пищи (в сравнении с Сирией). Отмечены отличия внешнего вида луковичных куполов в Московской Руси (ممشوقات رفيعات) от полусферических куполов в византийском стиле в Сирии и стране казаков (مثل قباب بلادنا واسعات مدورات), тщательный учет и хранение даров в царской казне. Зафиксировано косвенное отражение деятельности

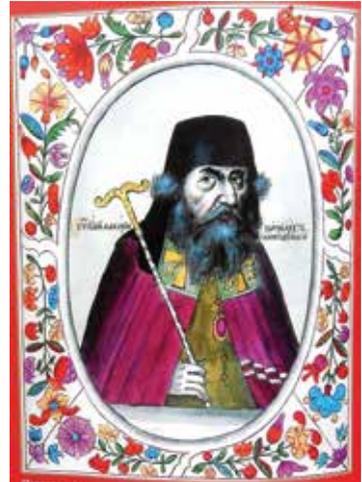
кружка ревнителей духовного благочестия, повлиявшей впоследствии на этику староверов (даны примеры реализации указа Никона от 11 августа 1652 г. об ограничении и даже запрете продажи водки).

Сравнивается церковное пение в Московской Руси (بصوت منخفض عريض حنون) (حلو يفتقت القلب) и в Сирии (بصوت عالي), рассказывается о привлечении певчих мальчиков из земли казаков и монахинь из западных земель в Москву по указанию Алексея Михайловича, что в дальнейшем способствовало постепенной выработке новых стилей в развитии русского церковного пения.

Записки Павла Алеппского дают многогранное представление о церковной жизни Московской Руси в период до завершения раскола, накануне Петровских реформ.

Ключевые слова: Московское царство; арабские источники о России; Патриарх Макарий Антиохийский; архидьякон Павел Алеппский; царь Алексей Михайлович; Патриарх Никон; церковная реформа в РПЦ XVII в.; русская церковная архитектура XVII в.; русское богослужение в XVII в.; Россия и христианский Восток в XVII в.

Памятник христианско-арабской литературы «Путешествие Патриарха Макария Антиохийского», написанный его сыном архидьяконом Павлом Алеппским¹, посвящен описанию поездки Макария² в Московское царство в 1652–1659 гг. с целью сбора милостыни, чтобы выплатить долги епархии (в Московской Руси они находились в 1654–1656 гг.). Московскими властями Макарий рассматривался как важный арбитр в проведении церковной реформы и поэтому был принят с особым почетом (ил. 1). При анализе текста нами использовались: содержащий одну из кратких редакций полный список рукописи 1700 г. (ИВР РАН, СПб.)³ (ил. 2); издание части парижской рукописи

Ил. 1. Патриарх Макарий Антиохийский
Миниатюра из Титулярника. 1672

¹ بولس ابن الزعيم الحلبي
Būlos ibn al-Za‘īm al-Ḥalabī (ок. 1627–1669).

² بطريرك ماكارىيوس ابن الزعيم الحلبي الانطاكي
Mākāriyūs ibn al-Za‘īm al-Ḥalabī al-Anṭākī (Патриарх в 1647(8?)–1667(72?) гг.; ум. в 1675 г.).

³ رحلة ماكارىيوس [Riḥlat Mākāriyūs].

«Путешествие патриарха Макария Антиохийского». Рукопись ИВР РАН (Санкт-Петербург) 1700 г. Шифр В 1230. Л. 1–369. (Далее — رحلة).

Ил. 2. Лист 3 (начало текста) рукописи ИВР РАН «Путешествие Патриарха Макария Антиохийского», В 1230. 1700 г.

Basile Radu¹. Имеются переводы «Путешествия...» на русский (Г. А. Муркоса по рукописи Архива МИД — копии со списка 1700 г.)² и западноевропейские языки³. В приведённых примерах сохранены диалектные особенности языка памятника, свойственные арабам-христианам средневековой Сирии.

В сочинении Павла Алеппского особое внимание уделяется церковной жизни в Московской Руси, при этом церковная тематика не ограничивается описанием служб и церквей, но содержит многообразные сведения, помо-

¹ Voyage du patriarche Macaire d'Antioche: Text arabe et traduction française / par Basil Radu // *Patrologia Orientalis* / R. Graffin, F. Nau (eds). Paris: Firmin-Didot et Cie, Imprimeurs-Editeurs. 1930. XXII, fasc. 1. P. 3–199; 1933. XXIV, fasc. 4. P. 203–604; 1949. XXVI, fasc. 5. P. 367–481.

² Путешествие патриарха Макария Антиохийского в половине XVII в. описанное его сыном архидьяконом Павлом Алеппским: по рукописи Московского главного архива МИД / пер. с араб. Г. Муркоса. М., 1896–1898. Вып. 1–2. 166 с. + 208 с. То же. Изд. 3. М.: О-во сохранения лит. наследия, 2016. 728 с.: ил.

³ The Travels of Macarius, Patriarch of Antioch: Written by his Attendant Archdeacon, Paul of Aleppo, in Arabic / Tr. by F. C. Belfour: 2 vols. London, 1833–1836; Voyage du patriarche Macaire d'Antioche: Text arabe et traduction française / par Basil Radu // *Patrologia Orientalis* / R. Graffin, F. Nau (eds). Paris: Firmin-Didot et Cie, Imprimeurs-Editeurs. 1930. XXII, fasc. 1. P. 3–199; 1933. XXIV, fasc. 4. P. 203–604; 1949. XXVI, fasc. 5. P. 367–481. (B. Radu не успел дойти до описания Москвы).

гающие более ярко представить жизнь и характер отношений в Русском государстве. Арабские путешественники были свидетелями и участниками эпохальных событий, связанных с церковной реформой и последующим расколом, во многом определившими дальнейшую жизнь Русского государства и повлиявшими на особенности общественного уклада.

Сочинение Павла позволяет рассмотреть следующие аспекты церковной тематики:

1. Место церкви в общественной и частной жизни в Московской Руси, в т. ч. в жизни царя и его семьи.

2. Духовенство, прежде всего личность патриарха Никона и его взаимоотношения с царем.

3. Церковная реформа, сведения о Соборе 1655 г. и роль патриарха Макария в этих событиях, их оценка церковными историками.

4. Проповедь и крещение других народов.

5. Внешние связи церкви, посещения иноземных духовных лиц и правила их пребывания в Москве.

6. Вопросы догматики и описание богослужения, архитектуры церквей, монастырей, икон, церковной утвари, облачения, церковного пения и пр. (часто в сравнении с Сирией).

Огромная роль церкви в Московской Руси XVII в. хорошо известна, глубокий интерес к церковным вопросам проявлял царь Алексей Михайлович (1629–1676, на престоле с 1645) (ил. 3). Будучи человеком светски образованным и в меру склонным к европейским новшествам¹, он в то же время имел особое пристрастие к выполнению церковных обрядов и правил, хорошо знал богослужение, что наглядно подтверждается и в «Путешествии Макария».

Павла поразило количество церквей в Москве (со слов патриаршего архидьякона он называет цифру более четырех тысяч), при этом в каждой было по три или более алтарей, строились и домовые церкви.

Церковные службы и праздники имели всенародный характер, в них принимали участие практически все жители Москвы. Путешественников удивляли

Ил. 3. Царь Алексей Михайлович
Миниатюра из Титулярника. 1672

¹ Ключевский В. О. Царь Алексей Михайлович — Ф. М. Ртищев // Ключевский В. О. Исторические портреты. Деятели исторической мысли. М., 1990. С. 107–120.

стойкость в вере и выносливость московитов, стоявших часами на службах на сильном холоде на железном полу, совершая до тысячи поклонов. Ни в Малороссии, ни в Московской Руси в церквях не было сидений (стасидиев)¹ даже для архиереев²: لان كنايسهم جميعها الي بلاد المصكوف بلا كراسي اصلاً حتى ولا لرئيس الكهنة³

Сами же путешественники умирали от усталости, подражая московитам против воли³:

و نحن موتى من التعب والوقوف و البرد الشديد الذى كان فى هذا اليوم. وسلبنا هذا كله بما شاهدناه من ثبات هؤلاء القوم على قصب ارجلهم فوق البلاط الحديد من باكر الى عشيته

Однажды, прохворав после службы несколько дней от боли в ногах и спине, Павел восклицает: на чужбине для иностранцев не бывает праздников, будь он хоть Александр Македонский.

Религия глубоко проникала во все сферы жизни, а в церковном быту был принят самый суровый монастырский устав. Строгие церковные правила поддерживались в повседневной жизни, военных и светских ритуалах, при дворе. На военных знаменах были изображения религиозного характера: Успения Богородицы (صورة نياح السيدة), плат с Образом, т. е. Спас Нерукотворный (منديل الصورة اى على اسم توب السيد المسيح), херувима с пламенным копьем⁴ (شاروفيم بحربه لهيبه), образы святых и мучеников, большие и малые кресты наряду с изображениями государственной и военной атрибутики. Войска при виде иконы над дверями церкви или монастыря или креста снимали шапки, оборачивались к ней и молились, несмотря на сильный холод:

فكانوا كلما نظروا ايقونه على باب كنيسة او دير او صليب ينزعوا قلابقهم يلتفتوا الخفهم ويسجدوا لهم فى هذا البرد الشديد الذى كان فى هذا اليوم.

И таким образом [шли] почти до вечера (ولا زالوا على هذا الحال الى قرب عشيته), все колокола в городе звонили вокруг (هذا ونواقيس المدينة جميعهم تفرح)⁵.

Религиозный характер носила встреча царя из Смоленского похода. Он прибыл с утра в монастырь во имя Святого Андрея Стратилата, где при его входе зазвонили все колокола. Царя вышел встречать патриарх в облачении и митре, окруженный и поддерживаемый дьяконами. Перед ним священники

¹ Стасидия (греч. στασίδια) — в греческой традиции деревянное кресло с откидным сиденьем, высокой спинкой и подлокотниками, стояли вдоль стен в храмах Греции, Кипра, Египта, Сирии, Палестины, Турции, Болгарии, Румынии и т. д. URL: <https://azbyka.ru/stasidii> (дата обращения: 01.10.19).

² Voyage 368(604).

³ رحلة Л. 217a.

⁴ رحلة Л. 161a–161b.

⁵ رحلة Л. 1616.

в облачениях несли хоругви, кресты, иконы; позади шли архиепископ рязанский и четыре архимандрита в облачении и митрах. Тут были все городские священники. Один из дьяконов нес за царем крест на блюде.

В первое воскресенье Великого поста жители в лучших одеждах шли в церковь. Описаны пост, кушанья во время трапез у царя и в монастыре, постная еда простого народа: каша, похожая на вареные бобы, и горох — (ملفوف وخيار مكبوس), солёные капуста и огурцы (المازارى المشابه للجلبان وفول سلوق), фиолетовые и белые бобы (فول بنفسجي واييض)¹. Это сравнивается с постом в Сирии: нет чечевицы (عدس) и овечьего гороха (حمص), только в домах у франков по цене дороже перца. Нет ничего дешевого, кроме рыбы. Церковные правила строго соблюдались и при дворе. Приемы у царя и бояр сопровождалась молебнами. Особенно строгий надзор бывал над жителями в течение первой недели поста, по средам и пятницам, на Страстной неделе и в первые четыре дня Пасхи, чтобы люди не пьянствовали, иначе их стегали без всякого милосердия и жалости. Горе тому, кого встречали пьяным или с винным сосудом в руках! Его обнажали в этот сильный холод, скручивали руки за спиной, палач шел позади, провозглашая совершенное им преступление, и стегал его по плечам и спине длинной плетью из сырых бычьих жил²:

ويا ويل ان وجدوا احدًا سكرانا او بيده وعاء مسكر

Постились царь и вельможи; разговлялся царь обычно сладким компотом (وفطر على خشاف حلو حسب عادته) и посылал его всем вельможам (وارسل فرقه [؟] لكل) (أكابر)³. Славилась монастырская кухня.

Радостными описываются пасхальные дни и другие церковные праздники. В четверг по Пятидесятнице жители Москвы отправлялись с радостью и весельем за город с царем, царицей и патриархом для раздачи милостыни и совершения служб и поминок, торговля переносилась за город. В остальные церковные праздники питейные дома запечатывали, а в первую неделю поста торговли не было вообще. Никон осуществлял строгое наблюдение за трезвостью духовных лиц⁴:

ومتى ما يسمع عن احد خطاء حتى عن السكر ينفي ذلك الانسان للحال لان الينكجاريته دايره دايما في المدينه متى ما وجدوا احدًا من الكهنة والرهبان سكران .....يسجنونه بكل هوان

Однако в гостях под конец обеда было принято выпить чарку до дна за здоровье хозяина дома и хозяйки. В описаниях иностранцев о Москве можно найти

¹ رحلة J. 240a.

² رحلة J. 217a, 20–21.

³ رحلة J. 217a.

⁴ رحلة J. 184б, 11–12.

упоминания о пьянстве, правда, капитан Жак Маржеррет (Маржерре)¹ отмечает, что хмельное «разрешается только для известных годовичных праздников»².

Здесь следует отметить, что в записках Павла Алеппского в какой-то мере нашла отражение реформаторская деятельность, начатая кружком ревнителей духовного благочестия, или «боголюбцев», возникшим в 30-х годах XVII в. Боголюбцы, обеспокоенные всеобщим падением нравов и хаосом после смуты и стремясь к нравственному оздоровлению духовенства и гражданского общества, выступили против пьянства, предлагали меры к упорядочению церковного богослужения. Среди них были такие церковные деятели, как духовник царя Стефан Вонифатьевич (в иночестве Савватий), нижегородский священник И. М. Неронов (о. Григорий), протопоп Аввакум. На первых порах их поддерживал и Никон³. 11 августа 1652 г. он издал «указ, ограничивавший и даже совершенно запрещавший продажу водки по праздникам и некоторым постным дням. <...> продажа водки духовенству и монахам была запрещена <...>»⁴. В записках Павла примеры реализации этого указа в самых жестоких формах встречаются многократно.

В дальнейшем в ходе церковной реформы Никона большая часть боголюбцев и патриарх стали непримиримыми врагами, боголюбцы в большинстве своем оставались ярыми приверженцами старомосковского богослужения. Однако после раскола их идеи получили широкое распространение и поддержку старообрядцев⁵, что во многом может объяснить формирование в их среде особого нравственного строя с присущими им трезвостью, деловитостью, аккуратностью, трудолюбием, что в дальнейшем позволило им сыграть заметную роль в индустриальном развитии России.

У западных путешественников упоминания о борьбе с пьянством в Московской Руси не встречаются, но само движение боголюбцев не осталось ими вовсе не замеченным. Так, шведский агент в России Адольф Эберс в донесениях правительству называл это течение «московская реформация»⁶. В эпоху

¹ Жак Маржеррет (1550-е гг. — после 1618 г.) — француз, капитан отряда иностранных наемников; служил у Лжедмитрия I, командовал отрядом иностранной стражи в Кремле; служил у Лжедмитрия II и затем у Сигизмунда III. В 1611 г. уехал из России.

² Маржеррет Жак. Состояние Российской державы и Великого княжества Московского, с присовокуплением известий о достопамятных событиях четырех царствований, с 1590 по сентябрь 1606 г. // Россия XVII в.: воспоминания иностранцев. Смоленск, 2003. С. 15.

³ Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович: в 2 т. М.: Изд-во В. Секачев, 2016. Т. I. С. 1–105.

⁴ Зеньковский С. А. Русское старообрядчество: в 2 т. М.: Ин-т ДДИ=ДИК, 2016. Т. I. С. 160.

⁵ Там же. Т. I. С. 126.

⁶ Донесения Эберса: Форстен Г. В. Сношения Швеции и России во второй половине XVII века (1648–1700) // *Журн. М-ва нар. просвещения*. 1898. Т. II. № 165 (февр.). С. 221.

Алексея Михайловича несколько раз предпринимались и другие попытки препятствовать пьянству, в т. ч. по его инициативе¹.

Сильное религиозное чувство проявляет и царь Алексей Михайлович, которому тогда было 25–27 лет. Он стоял на службе по 7 часов, на мясопустную неделю кадил, во время крестного хода шествовал в церковь с непокрытой головой, держа правую руку за пазухой по причине холода. Подобный эпизод встречается не единожды, например²:

وما كنا متحيرين الا من هذا الملك الذى اتا من مسافه هذا مقدارها ماشى مكشوف الراس ومع هذا يستنظر حتى احضروا له مفتاح صندوق ثوب وقبله ولكل الايقونات بكل شكرٍ

«Особенно мы удивлялись этому царю, который прошел такое расстояние пешком и с непокрытой головой. При этом он стоял, ожидая, когда ему принесут ключ от ковчега с ризой Господней и целовал ее и все иконы с огромной благодарностью».

Подчеркивается его почтение к духовным лицам. На приеме в царском дворце царь сам подает кубки с вином и кушанья, в первую очередь — патриархам и боярам. Из уважения к патриархам он от начала и до конца обедни стоит с непокрытой головой на сильном холоде³:

ولكنه كان مكشوف الراس لاجل احترام البطاركة من اول المايده الى آخره فى هذا البرد الشديد

Отмечены прекрасное знание им богослужения и даже умение поправить чтеца. Так, во время службы он указал на неправильное обращение к патриарху: правильно не «Благослови, отче!», а «Благослови, Владыко!», потому что здесь присутствует патриарх⁴:

ولماذا تقول بلاغوصلوفى اوچه وطوت يسد باطر يارخ سكاگو بلاغوصلوفى فلادىكو . اعنى لماذا تقول بارك يا اب وها هاهنا حاطر بطريك ولكن قل وهى سكاگو بارك ياسيد وهى فلادىكو

Алексей Михайлович проявлял строгость, доходящую до жестокости, по отношению к боярам, не проявившим должного религиозного рвения. Царь мог весьма сурово подшутить над вельможами: когда он отправился с ними на богомолье в загородный монастырь, то сам на лошади пересек вброд Москву-

¹ Соколов В. Пьянство на Руси в эпоху первых Романовых и меры борьбы с ним (по документам Разрядного приказа) // *Голос минувшего. Журнал истории и истории литературы* / под ред. С. П. Мельгунова и В. И. Семевского. 1915. Г. III. № 9. Сент. С. 105–118. URL: <http://memoirs.ru/texts/pianstvo.htm> (дата обращения: 26.09.2019).

² رحلة J. 300б.

³ رحلة J. 174а.

⁴ رحلة J. 313б.

реку и заставил их вброд на лошадях перейти реку. Он смеялся, глядя, как они «тучные и толстые» перебирались через Москву-реку, и сказал: «Моя цель — уменьшить ваши толстые животы, которые вы отрастили себе при моем отце в покое и безопасности»¹:

ونزل بفرسه في وسط النهر. وهو عميق جداً. وخاضه وخرج الى الحافة الاخرى وهو مبلول التياب كثيراً. ثم انه نادا اكابره كل من كلمى لا يجوز وراى اضاع حياته قصد ان يضحك عليهم. لان اكثرهم سمان غلاظ. فلما تحققوا اولايك هذه المصيبة. ولم يخذوا منها فرجا ولا هربه. نزلوا خصبا عنهم واطلقوا عنان خيلهم. واذ كان اكثرهم سمان غرقوا الى اغراقهم وهم رافعين روسهم للعلو مع روس خيلهم. هذا والملك ينظر اليهم ويقهقه عليهم الى ان جازوا النهر في اسر حاله. غرق بثيابهم المشاه والخياله. <...> فاجابهم ان قصدى بهذا ان اضعف كروشكم السمان الذى يبقوهم على زمان ابى بالراحه والاطمان

В мокрой одежде царь заставил их отстоять обедню и только во дворце дал им по 3 чарки водки. В другой раз он жестоко наказал бояр, опоздавших к заутрене.

У каждого царя была сокровищница, причем особенно ценились древние греческие иконы, святыни, наличие которых подчеркивало высокий статус страны как православной державы. Эти святыни (настоящие и поддельные) занимали важное место среди даров с Востока. Павел особо отмечает тщательную запись даров по нескольку раз, их передача проводилась в торжественной обстановке, после чего они помещались в царской сокровищнице вместе с описями, хранившимися для следующих поколений²:

و لكن يحفظ هذا الدفتر للاجيال الاتيه ليذكروه قائلين ان في زمن الملك اللكسيوس جا بطرك انطاكيه و قدم له ما هو كذا وكذا بتمامه

В записках Павла много места отводится церковному и политическому деятелю Никону (Никита Минаев, 1605–1681) — патриарху с 1652 г., который провел реформу церкви, приведшую к расколу (ил. 4). Изначально Никон пользовался расположением царя. Его влияние при дворе связано не только с незаурядностью его личности, но и с тем положением, которое занимали в Московском государстве люди его ранга до уничтожения патриаршего престола Петром Великим. Павел пишет о его образе жизни, остроте ума, любви к грекам и их обряду, подчеркивается его высокий статус, независимость и самостоятельность, управление страной в отсутствие царя, умение спорить и даже быть резким с царем. Ни одно дело не делается иначе, как с его совета и по докладу ему каждое утро. Павел отмечает, что предшественники Никона никогда не занимались государственными делами, но этот патриарх искусен во всех областях — духовных, государственных и мирских. Упоминается и о возникших

¹ رحلة Л. 215а.

² رحلة Л. 166а.

еще тогда разногласиях и ссоре Алексея Михайловича с Никоном, вызванной его высокомерием и грубостью. Этот эпизод отсутствует в рукописях МИД и ИВР РАН, но включён Г. Муркосом в свой перевод¹ по другому источнику². В дальнейшем, добываясь независимости церковной власти от светской, Никон вступил в конфликт с царем, был лишен сана на Соборе в 1666 г. и сослан в Ферапонтов, а с 1676 г. — в Кирилловский монастырь, где и умер.

В записках Павла отражены события, связанные с осуществлением церковной реформы. Инициатива в ее проведении принадлежала царю Алексею Михайловичу и его духовнику протопопу Стефану Вонифатьевичу. Ее целью было приведение русской церкви в полное единообразие с греческой, что во многом объяснялось политическими задачами Русского государства, стремлением упрочить свой статус среди православных государств («Москва — третий Рим!»). Единообразие было необходимо и для унификации богослужения с тем, которого придерживались в Малороссии, присоединенной к Российскому государству в 1654 г. по решению Переяславской Рады³.

Реформаторская деятельность Никона в церковной историографии оценивалась по-разному — от практически полной поддержки до весьма критического отношения к ней со стороны Н. Ф. Каптерева. По его мнению, ко времени реформ греки уже далеко отошли от византийского канона, подвергнувшись латинскому и турецкому влиянию (то есть, на самом деле, русская богослужebная практика не была искажением византийского канона). Кроме того, по мнению Н. Ф. Каптерева,

Ил. 4. Патриарх Никон в архиерейском облачении

По оригиналу Титулярника. 1672

¹ Путешествие патриарха Макария Антиохийского в половине XVII в., описанное его сыном архидьяконом Павлом Алеппским: по рукописи Московского главного архива МИД/ пер. с араб. Г. Муркоса. Изд. 3-е. М.: О-во сохранения лит. наследия, 2016. С. 530.

² The Travels of Macarius, Patriarch of Antioch... London, 1833–1836.

³ На её территории православная литургия проводилась по греческим канонам.

Никон действовал слишком грубо и резко и в ходе реформы не сумел найти согласия среди массы верующих, в то время как несколько ранее в Малороссии аналогичная церковная реформа была проведена более деликатно церковным деятелем и просветителем П. С. Могилой (Митрополит Петр).

Павел Алеппский подробно описал эти важные события Московской Руси, включая поместные соборы (в том числе и Собор 1655 г.), в которых участвовали восточные иерархи. В сочинении говорится о заметной роли Макария в осуществлении церковных реформ, на что обращал внимание и Н. Ф. Каптерев¹ (поддержка Никона в уничтожении икон «фряжского письма», т. е. написанных под влиянием западноевропейской — польской и французской — живописи, в переходе к трехперстному крестному знаменю, «книжная справа» и пр.)²:

وفى هذا اليوم حصل للبطرك فرسه للاعلام بوجود الملك. واعوط [اعوظ] كثيرًا على ان هذا التصور الذى على هذه الصورة لا يجوز ه وامتد شهد سيدنا البطرك بذلك. وتحقيق ذلك لانهم كانوا على مثال صور الافرنج واحرموا وافرزوا على كل من تبقى يصور مثلهم. وعلى كل من يقينهم فى بيته وكان يسكنهم ييمين واحد واحد و يوريهم للشعب. ويرمينهم على بلاط الكنيسة ليتكسروا. وامر باحراقهم. فيما ان الملك دين للغايه خايف من الله جدًا. وكان واقف بقربنا مكشوف راس دليل صانته للوعظ. طالب اليه بصوت منكر قايلًا لا يا ابي لا تحرقهم ولكن بطمرهم فى الارض وكذلك صار.

В этот день патриарху [Никону] представился удобный случай для беседы в присутствии царя, и он много говорил о том, что нельзя позволять такую живопись, как на этих образах. При этом он сослался на свидетельство нашего владыки патриарха и в доказательство незаконности новой живописи указывал на то, что она подобна изображениям франков. Патриархи предали анафеме и отлучили от церкви тех, кто продолжает изготавливать подобные образа, и тех, кто хранит их дома. Никон брал эти образа один за другим правой рукой, показывал народу и бросал их на железные плиты пола так, что они разбивались, и приказал их сжечь. В это время царь, человек глубоко верующий и крайне богобоязненный, стоял близ нас с открытой головой и с кротким видом молча слушал проповедь. Он попросил его с неодобрением в голосе [пер. Муркоса: тихим голосом]: Нет, отче, не сжигай их. Пусть их закопают в землю. Так и произошло.

Приведенный отрывок наглядно демонстрирует непримиримость и упорство Никона, с одной стороны, и характер отношений на раннем этапе реформ между царем и патриархом — с другой (почти полное тогда подчинение царя Алексея Михайловича Никону и в то же время попытка как-то смягчить его жестокость). Павел отмечает, что Никон созвал Собор (سينودس) в связи с указа-

¹ Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. С. 152–205.

² رحلة ل. 2246.

ниями Патриарха Макария и его советами касательно новшеств и различных погрешностей в делах веры (عن بدع ومناقص شتا في الدين)¹, по совету Макария был переведен (فسر) с греческого на русский и издан служебник литургии (قنداق القداس). По просьбе Никона и царя восточные иерархи фиксировали московские отличия от греческих обрядов, но в то же время Макарий в ряде случаев придерживался местных правил. Так, он благословлял «московским благословлением»² (البركة المصكوفية), то есть непосредственно касаясь лица, плеч и груди благословляемого (على جبهته واكتافه وصدره). Во время второй поездки в Москву Макарий присутствовал на Соборе в 1666 г., осудившем Никона.

В сочинении есть упоминания о миссионерской деятельности Русской православной церкви среди разных народов (казанских и сибирских татар, черемисов, калмыков, башкир, мордвы, монголов, ногаев, черкесов), и принятие ими крещения, иногда «от всего сердца» (من كل قلوبهم), но часто — ради вознаграждения³:

(اكثرهم) رغبةً في تياب و هبات الملك من الاموال والعلوفه

Русская православная церковь имела обширные контакты с зарубежными православными престолами⁴. У Макария и Павла были предшественники,

¹ رحلة Л. 2406.

² رحلة Л. 1346.

³ رحلة Л. 1636.

⁴ О контактах Московской патриархии с патриархатами Востока в XVII в. и об их организационной и содержательной сторонах и политической подоплеке см. в публ.: Каптерев Н. Ф. Приезд бывшего Константинопольского Патриарха в Москву в 1653 г. // *Чтения в О-ве любителей духовного просвещения*. 1889. Кн. 10. С. 373–385; Каптерев Н. Ф. Русская благотворительность Синайской обители в XVI, XVII и XVIII столетиях // *Чтения в О-ве любителей духовного просвещения*. 1881. Окт.–нояб. С. 363–414; Каптерев Н. Ф. Сношения иерусалимских патриархов с русским правительством с половины XVI до конца XVIII столетия // *Правосл. Палест. сб.* 1895. Т. 15. Вып. 1(43). 840 с.; Крачковский И. Ю. Описание путешествия Макария Антиохийского как памятник арабской географической литературы и как источник для истории России в XVII в. // Крачковский И. Ю. Избр. соч.: в 6 т. Т. 1. М.; Л.: Наука, 1955. С. 259–272; Крачковский И. Ю. Арабская географическая литература // Крачковский И. Ю. Избр. соч.: в 6 т. Т. 4. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 688–689; Панченко К. А. Ближневосточное православие под османским владычеством. Первые три столетия, 1516–1831 / отв. ред. С. А. Кириллина. М.: Индрик, 2012. С. 345–422; Панченко К. А. Россия и Антиохийский Патриархат: начало диалога // *Россия и Христианский Восток*. М., 2004. Вып. 2/3. С. 206–208; Пумпян Г. З. Христианско-арабские контакты Московской Руси XVII в. и Русское государство в христианско-арабской географической литературе (Путешествие Патриарха Макария Антиохийского) // *ASLATICANA: труды по философии и культурам Востока* / Санкт-Петербургское философское о-во; под ред. Т. Г. Туманяна, В. В. Маркова. СПб., 2018. Вып. 12(2). С. 98–122.

Ил. 5. Кремль и шествие на ослиати

Адам Олеарий. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906. С. 151

посещавшие Москву. Раз в несколько лет приезжали высокие церковные чины с Востока, имевшие разрешительные грамоты — *хрисовулы*, позволявшие получать милостыню от монастырей и дававшие право на беспошлинный провоз товара через приграничный город Путивль с юга, чем пользовались для провоза ценных мехов на продажу. Многих сопровождали многочисленные «квазиродственники», что позволяло увеличить «милостыню» на всех сопровождающих лиц. Обычным местом остановки патриархов было Кирилловское подворье в Кремле, где они жили в одной из келий монастыря. До представления царю и допущения к его руке путешественники не могли выходить из дома и принимать гостей, поэтому они смотрели тайно из окон своей кельи на въезд царя, возвращавшегося из Смоленского похода.

Отмечается настроенное отношение к представителям других конфессий. Царь возлагал руки на голову послов инославных конфессий в знак приязни, но потом мыл руки с мылом, а священники служили в этом месте чин водоосвящения. Примерно так это описано и у Олеария¹.

¹ Олеарий Адам. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно / пер. А. Ловягина. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1906. Кн. I. Гл. 7. Как нас в Москве принимали.

Посла Турции вели к царю так, чтобы он не проходил через Благовещенскую церковь. Боялись турецкого языка, который ассоциировался с враждебной стороной (хотя в то же время патриарх Никон приглашал восточных христиан Павла и Макария служить по-гречески и по-арабски). Позже, отмечает Павел, привыкли к иностранцам. Это был период весьма настороженного отношения к иноверцам, что можно объяснить сложным политическим положением России, исторически сложившимися непростыми отношениями с мусульманским и католическим миром. Недаром автор восклицает:

ابن قلة تدبير الروم و عما اعينهم وقلوبهم واين تدبيرهم هاهنا.¹

Вот ничтожность управления византийцев и ослепление их глаз и сердец, а вот умение управлять здесь!

В тексте памятника многочисленны описания церквей, монастырей, икон, церковных служб. Будучи православным, Павел Алеппский посещал русские храмы, что было запрещено другим иностранным путешественникам в России (исключение составил нидерландский ученый, политик и торговец Н. Витсен (Nicolaes Witsen; 1641–1717), который благодаря своим связям побывал в монастыре в Новом Иерусалиме на р. Истре и оставил его описание)². Обращается внимание на особенности и своеобразии архитектуры культовых зданий в Московской Руси, их внутренний вид, отличия от церквей в Малороссии и Сирии (размещение икон, иконостас, алтарь, особенности литургии, церковного пения, праздников). Церкви строят из дерева, камня или кирпича; в каждой имеются 3 входа — с запада, юга и севера³:

واما صفة كنائسهم فان جميعهم معلقات خشب كانوا ام من حجر وقرميد ملفقات وتطلع اليهم بدرج على الى رواق داير متعالى <...> و كل كنيسة ولها ثلاث ابواب من الغرب والقبلة والشمال من كل جهة باب. وعلى هذا منوال جميع ثقة [صفة] كنائسهم الى اقصى الشمال.

Они окружены возвышенной галереей («гульбищем») для женщин⁴ (وداير ما يدورها رواق مشرف لموقف النساء كثير) и украшены наличниками (اصداغ) окон и дверей в виде тонких колонн с красивой резьбой⁵:

¹ Л. 264а, б.

² Витсен Н. Путешествие в Московию, 1664–1665: дневник / пер. со старогол. В. Г. Трисман; предисл. Р. И. Максимовой, В. Г. Трисман; Амстердам. ун-т, Ин-т Вост. Европы. СПб.: Симпозиум, 1996. 272 с., вкладка.

³ Л. 113б.

⁴ Л. 120б.

⁵ Л. 130а.

واما اصداغ ابوابها وشبابيكها فهي كالعواميد المخروط مشغل بديع لتستدين لاصداغ رقيقه شبه عامود رفيع.

В храмах над главным входом помещают образ, по имени которого названа церковь¹:

وعلى الباب الكبير ايقونة نياح السيدة لتعرف الناس اسم الكنيسة. وهنا طقسهم في كل كنايسهم.

Путешественников восхитила конструкция кровли церковей, характерная для русской архитектуры XVI–XVII вв. — в виде многоярусных кокошников (по словам автора, красивое сооружение, похожее на кедровую шишку (ثمرة الارضى الشوكى) или артишок (جوزة الصنوبر)):

واما صفة سطح هذه الكنيسة وكل الكنايس المذكوره فهو كانه جوزة الصنوبر او ثمره الارضى الشوكى لان ما لهم سطح سوا ولا جمالون ولكن فى كل جهة من جهة حيطانها الادرج صفة ثلاث قناطر و فوقهم غيرهم اصغر ثم اصغر حول القبه عليها صيغه حسنه جداً.

Сказано о почитании икон, разнице в их расстановке в Сирии и Московской Руси. В отличие от Сирии, нет ни лампад с маслом (т.к. оно дорого и зимой замерзает), ни больших медных подсвечников, но большие толстые расписные свечи устанавливаются в укрепленных [в полу] каменных столбах с резьбой. Наверху столбов — жестяной кружок, куда вставляют большие и малые свечи, т.к. принято, что каждый прихожанин приносит с собой в церковь свечу и зажигает её перед образами²:

ما عندهم مثلنا فتناديل بزيت لانه غالى ويجلد فى شتا ولا شماعدين من النحاس الكبار ولكن شمع غلاظ [حجار؟] منقوشات فى ركائز من حجر منقوشات مركزات. وفى روسهم دايره من تنكا يغرزو بها شموع صغار و كبار. لان عاداتهم كل من ياتى الى كنيسة يجيب معه شمعه يشعلها امام ايقونات.

Отмечается отличие внешнего вида луковичных куполов в Московской Руси (они приподняты, тонки — لانهم ممشوقات رفيفات) от полусферических куполов в византийском стиле в Сирии и стране казаков (они широки и круглы — لانهم مثل قباب بلادنا واسعات مدورات)³:

Даже в самой малой и бедной церкви над дверями было по десять больших и малых колоколов, которые звонили в воскресенье, праздничные дни и в канун больших праздников — сначала поочередно, потом вместе. От их гула дрожала земля, поэтому путешественники не спали по ночам. Приведены

¹ رحلة Л. 3206.

² رحلة Л. 131a.

³ رحلة Л. 1306.

⁴ رحلة Л. 114a.

подробности отливки знаменитого большого колокола в Москве. Говорится об особенностях колокольного звона: колокола не раскачивают веревками, как в Молдавии и в земле казаков, но к их железным языкам привязаны бечевки, и в них звонят снизу подростки и дети, ударяя языком о края («прекрасное и остроумное устройство»)¹:

واما نواقيسهم التي في صوامع كنايسهم فجميعها من نحاس اصفر جان [شان؟] بديع ومن نقر صغير
حسبهم لبعده بعيد يشيع. ولكنهم لا يحركوهم كالبعضان والقزق بالحيال والرجال. لكنهم مربوطين في السنتهم
الحديد بخيطان ويطرقونهم على حافاتهم من تحت الاولاد و الاطفال ويطلع لحسبهم رنه لطيفه عظيمه
حلاوه وحرکه حسنه زريعه.

В записках рассказывается и о церковных песнопениях: в Московской Руси они исполнялись басом, широко, чувствительно, трогая сердце (бصوت منخفض عريض حنون حلو يفتقت القلب), у греков же и в Сирии — высоким голосом (بصوت عالي)². Говорится о сладостном пении с красивой мелодией в земле казаков³ (واهل الخورص وهم يترنموا صلوات لديدہ من فم واحد)³ и об изменениях, происшедших после Смоленского похода и присоединения Малороссии: по указанию Алексея Михайловича в Москву были привезены мальчики-певчие из земли казаков, а в Новодевичий монастырь переселены монахини из западных земель (روسيات), также восхитившие путешественников своим пением:

وبالاکثر ما كان يستلذ البطرک والمک الا من صلاة اولاد القزق لان الملك جاب معه منهم كثيرين من بلاد.
<...> دير نوفودافيج اعنى دير الراهبات البنات خارج المدينة الذى كما كنا ذكرنا اولاً ان الملك والبطرک
اخرجوا منه كل راهبات المصكوفيات واسكنوا به روسيات <...> ولما وصلنا اليه خرجوا لاستقبالنا
جميعهم وعادوا امامنا يترنمون نغمه تخرج القلوب الى ان سعدنا للكنيسة كالعاده وهم يترنمون اكيون
استين. وبالعجب من اتفاق نغمتهم وحلاوتها.⁴

Как известно, на Руси после крещения культивировалось церковное пение, основанное на заимствованном из Византии осмогласии (знаменное пение и позже — его варианты). В XVII в. началось знакомство с гармоническим, или партесным пением, пришедшим из Юго-Западной Руси, где оно возникло на рубеже XVI–XVII вв. под западноевропейским влиянием. Это была одна из промежуточных стадий в развитии русского церковного пения, в котором уже позже возникли так называемый «строгий стиль»⁵ и затем «московская

¹ رحلة Л. 113б, 3–114а.

² رحلة Л. 224а.

³ Voyage P. 367 (603)–368 (604).

⁴ رحلة Л. 324б.

⁵ П. И. Чайковский, Н. А. Римский-Корсаков, М. А. Балакирев, С. А. Танеев.

Ил. 6. Обряд омовения рук после приема иноземных посольств Московскими царями
С рисунка Н. Д. Дмитриева-Оренбургского

ским: вайя, Неделя вайи или вай), пальмовая же ветвь (عرق من النخل) имелась только у царя⁴.

Автора смутил обычай христосоваться на Пасху, когда священников целовали в уста не только мальчики и взрослые, но и женщины. Описаны нововведения, сделанные по настоянию Никона: крестный ход с участием царицы и её присутствие на служении патриархов в Соборе (الصبور). Когда царица спустилась из своего дворца, стрельцы разогнали народ с двух сторон. Впереди шли жёны бояр парами (اجوزًا) جورًا в одинаковых в каждой паре одеждах из черного или фиолетового бархата (مخامل سود والبنفسجي), с покры-

школа», или «новое направление»¹, обращавшиеся к древней традиции и национальным истокам, но уже на ином уровне.

Интересны описания церковных праздников и церемоний, не дошедших до наших дней. Так, описано «шествие на осляти» в Вербное Воскресенье (الشعائين) с участием царя в подражание входу Господню в Иерусалим. В Москве во время этого шествия Патриарх боком сидел на лошади, которую царь вел под уздцы и получал символическую плату «за труды». Этот обычай исчез к XVIII веку, его изображение имеется на гравюрах в записках о Москве той эпохи (Адама Олеария², альбоме Мейерберга³). Говорится об использовании веточек вербы на Вербное воскресенье вместо пальмы («особое дерево», или فايئون, от греч. βαιον, ср. с рус-

¹ С. В. Рахманинов, А. Т. Гречанинов, П. Г. и А. Г. Чесноковы, Викт. С. Калинин, М. М. Ипполитов-Иванов и др.

² Олеарий Адам. С. 151.

³ Альбом Мейерберга. Виды и бытовые картины России XVII века. Объяснительные примечания к рисункам составлены Ф. Аделунгом, просмотрены и дополнены А. М. Ловягиным. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1903. С. 115, рис. 73.

⁴ Правда, у других иностранных путешественников есть упоминания о торговле в Москве персидских купцов ветками пальмы в канун Вербного воскресенья.

валом поверх шапок (وعلى روسهم فوق القلبيق غطا ابيض صغير), с прикрепленными к голове и свисающими сзади лопастями из соболя или чернубурой лисицы (ومرخی فوقه صفة مقلبان من سمور ومن تغلب اسود ثمين ومخروق في روسهم ومدلا لوری). Рассказывается о рукоположении духовных лиц высокого сана, в котором участвует и царь. Рукополагаемые делали дары царю, царице, царевичу, за их счет приобретались ткани из парчи, фиолетового и черного бархата и зеленого сукна, которыми устилали трон и дорожки для царя, государственных чиновников и архиереев. Но после все ткани использовались из экономии.

В целом записки Павла Алеппского дают весьма многогранное и детальное представление об одной из важнейших сторон жизни Московской Руси — церковной — в эпоху до завершения раскола, в преддверии петровских реформ.

Литература

1. رحلة ماكارىوس [Rihlat Mākāriyūs].
2. «Путешествие патриарха Макария Антиохийского». Рукопись ИВР РАН (Санкт-Петербург) 1700 г., шифр В 1230. Л. 1–369.
2. The Travels of Macarius, Patriarch of Antioch: Written by his Attendant Archdeacon, Paul of Aleppo, in Arabic / translated by F. C. Belfour. London: The Oriental Translation Fund of Great Britain and Ireland. Vol. 1 1833. 421 p.; Vol. 2. 1836. 486 p.
3. Voyage du patriarche Macaire d'Antioche: Text arabe et traduction française / par Basil Radu // *Patrologia Orientalis* / R. Graffin, F. Nau (eds). Paris: Firmin-Didot et Cie, Imprimeurs-Éditeurs. 1930. XXII, fasc. 1. P. 3–199; 1933. XXIV, fasc. 4. P. 203–604; 1949. XXVI, fasc. 5. P. 367–481.
4. [Аделунг Ф.]. Альбом Мейерберга. Виды и бытовые картины России XVII века. Объяснительные примечания к рисункам составлены Ф. Аделунгом, просмотрены и дополнены А. М. Ловягиным. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1903. 210 с.
5. Витсен Н. Путешествие в Московию, 1664–1665: дневник / пер. со староголл. В. Г. Трисман; предисл. Р. И. Максимовой, В. Г. Трисман; Амстердам. ун-т, Ин-т Вост. Европы. СПб.: Симпозиум, 1996. 272 с., вкладка.
6. Зеньковский С. А. Русское старообрядчество: в 2 т. М.: Ин-т ДДИ=ДИК, 2016. 712 с.
7. Каптерев Н. Ф. Приезд бывшего Константинопольского Патриарха в Москву в 1653 г. // *Чтения в О-ве любителей духовного просвещения*. 1889. Кн. 10. С. 373–385.
8. Каптерев Н. Ф. Русская благотворительность Синайской обители в XVI, XVII и XVIII столетиях // *Чтения в О-ве любителей духовного просвещения*. 1881. Окт.–нояб. С. 363–414.
9. Каптерев Н. Ф. Сношения иерусалимских патриархов с русским правительством с половины XVI до конца XVIII столетия // *Правосл. Палест. сб.* 1895. Т. 15, вып. 1(43). 840 с.

¹ رحلة Л. 3026–303а.

10. Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович: в 2 т. М.: Изд-во В. Секачев, 2016. Т.1. 536. Т. 2. 616 с.

11. Каптерев Н. Ф. Характер отношений России к Православному Востоку в XVI и XVII столетиях. Изд. 2-е. Сергиев Посад: Изд. кн. маг. М. С. Елова, 1914. IV, 567, IX с. Указ. имен: с. 475–508.

12. Ключевский В. О. Царь Алексей Михайлович — Ф. М. Ртищев // Ключевский В. О. Исторические портреты. Деятели исторической мысли / сост., вступ. ст. и примеч. В. А. Александрова. М.: Правда, 1990. С. 107–120.

13. Крачковский И. Ю. Описание путешествия Макария Антиохийского как памятник арабской географической литературы и как источник для истории России в XVII в. // Крачковский И. Ю. Избр. соч. В 6-ти т. Т. 1. М.–Л.: Наука, 1955. С. 259–272.

14. Крачковский И. Ю. Арабская географическая литература // Крачковский И. Ю. Избр. соч. В 6 т. Т. 4. М.–Л.: Наука, 1957. С. 688–689.

15. Маржерет Жак. Состояние Российской державы и Великого княжества Московского, с присовокуплением известий о достопамятных событиях четырех царствований, с 1590 по сентябрь 1606 г. // Россия XVII в.: воспоминания иностранцев. Смоленск: Русич, 2003. С.10–76.

16. [Мейерберг Августин]. Альбом Мейерберга. Виды и бытовые картины России XVII века. Рисунки Дрезденского альбома, воспроизведенные с подлинника в натуральную величину с приложением карты пути цесарского посольства 1661–1662 гг. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1903. 124 с.

17. Олеарий Адам. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906. 174 с.

18. Панченко К. А. Ближневосточное православие под османским владычеством. Первые три столетия, 1516–1831/ отв. ред. С. А. Кириллина. М.: Индрик, 2012. С. 345–422.

19. Панченко К. А. Россия и Антиохийский Патриархат: начало диалога // Россия и Христианский Восток. М., 2004. Вып. 2/3. С. 206–208.

20. Пумпян Г. З. Христианско-арабские контакты Московской Руси XVII в. и Русское государство в христианско-арабской географической литературе (Путешествие Патриарха Макария Антиохийского) // *ASLATICA: труды по философии и культуре Востока* / Санкт-Петербургское философское общество; под ред. Т. Г. Туманяна, В. В. Маркова. СПб. 2018. Вып. 12 (2). С. 98–122.

21. Путешествие патриарха Макария Антиохийского в половине XVII в. описанное его сыном архидьяконом Павлом Алеппским: по рукописи Московского главного архива МИД / пер. с араб. Г. Муркоса. М., 1896–1898. Вып. 1–2. 166 с. + 208 с. (Изд. 3-е. М.: О-во сохранения литературного наследия, 2016. 728 с.: ил.).

23. Соколов В. Пьянство на Руси в эпоху первых Романовых и меры борьбы с ним (по документам Разрядного приказа) // *Голос минувшего. Журнал истории и истории литературы* / под ред. С. П. Мельгунова и В. И. Семева. 1915. № 9. Сент. С. 105–118. URL: <http://memoirs.ru/texts/pianstvo.htm> (дата обращения: 26.09.2019).

24. Форстен Г. В. Сношения Швеции и России во второй половине XVII века (1648–1700) // *Журн. М-ва нар. просвещения*. 1898. Т. II. № 165 (февр.). С. 221. (Донесения Эберса).

References

1. رحلة ماكارياوس [Rihlat Mākāriyūs]. [«The Travel of Macarius, Patriarch of Antioch»]. Ms. B 1230, Institute of Oriental Manuscripts (St Petersburg). 1700 AD. Fol. 1–369. (In Arabic).

2. Albom Meyerberga. Vidy i bytoviye kartiny Rossii XVII veka. Obyasnitelnye primechaniya k risunkam sostavleny F. Adelungom, vnov' prosmotreny i dopolneny A. M. Loviaginym. [Meyerberg's Album. Views and everyday scenes of Russia in XVII century. Comments to the drawings by F. Adelung, newly edited by A. M. Loviagin]. St Petersburg: Tip. A. S. Suvorina, 1903. 210 p. (In Russian).

3. Forsten G. V. Snosheniya Shvetsii i Rossii vo vtoroy polovine XVII veka (1648–1700). [Relations between Sweden and Russia in the second half of the XVII century (1648–1700)] // *Jurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1898. № 165 (February). P. 221. (Ebers' Reports). (In Russian).

4. Kapterev N. F. Kharakter otnosheniy Rossii k Pravoslavnomu Vostoku v XVI i XVII stoletiyakh. [The nature of Russia's relations to the Orthodox East in the XVI and XVII centuries]. 2nd ed. Sergiev Posad: Izd. mag. M. S. Elova, 1914. IV, 567, IX s. (In Russian).

5. Kapterev N. F. Patriarkh Nikon i tsar' Alexei Mikhailovich. [Patriarch Nikon and tsar Alexei Mikhailovich: in 2 t.]. Moscow: Izd. V. Sekachov, 2016. (In Russian).

6. Kapterev N. F. Priezd byvshego konstantinopol'skogo patriarkha v Moskvu v 1653 g. [The arrival of the former Patriarch of Constantinople to Moscow in 1653] // *Chteniya v Obshchestve liubitelei dukhovnogo prosveshcheniya*. Moscow. 1889. Book 10. P. 373–385. (In Russian).

7. Kapterev N. F. Russkaya blagotvoritel'nost' Sinaiskoi obiteli v XVI, XVII i XVIII stoletiyakh. [Russian charity for the Sinai monastery in the XVI, XVII and XVIII centuries] // *Chteniya v Obshchestve liubitelei dukhovnogo prosveshcheniya*. Moscow. 1881. Okt.–Noyab. P. 363–414. (In Russian).

8. Kapterev N. F. Snosheniya ierusalimskikh patriarkhov s russkim pravitel'stvom s poloviny XVI do kontsa XVIII stoletiya. [Relations of the Patriarchs of Jerusalem with the Russian government from the middle of the XVI to the end of the XVIII century] // *Pravoslavniy Palestinskiy sbornik*. 1895. T. 15, issue 1 (43). 840 p. (In Russian).

9. Klyuchevskiy V. O. Tsar' Alexei Mikhailovich — F. M. Rtischev // Klyuchevskiy V. O. Istoricheskiye portrety. Deyateli istoricheskoi mysli / sost., vstup. st. i primech. V. A. Alexandrova. [Tsar Alexei Mikhailovich — F. M. Rtischev // Klyuchevskiy V. O. Historical Portraits / Ed. by V. A. Alexandrova]. Moscow: Pravda, 1990. P. 107–120. (In Russian).

10. Krachkovskiy I. Yu. Opisanie puteshestviya Makariya Antiokhiyskogo kak pamyatnik arabskoy geograficheskoy literatury i kak istochnik dlya istorii Rossii v

XVII v. // Krachkovskiy I. Yu. Izbranniye sochineniya. [Description of the Travel of Macarius, Patriarch of Antioch as a monument of Arabic geographical literature and as a source for the history of Russia in the XVII century // Selected Works]. 6 vols. Moscow – Leningrad, 1955. Vol. 1. P. 259–272. (In Russian).

11. Krachkovskiy I. Yu. Arabskaya geograficheskaya literatura // Krachkovskiy I. Yu. Izbrannyye soch. [Arabic geographical literature // Selected Works]. 6 vols. Moscow – Leningrad, 1957. Vol. 4. P. 688–689. (In Russian).

12. Margeret Jacques. Sostoyanie Rossiyskoy derjavy i Velikogo kniajestva Moskovskogo, s prisovokupleniem izvestiy o dostopamiatnykh sobyitiyakh chetyriokh tzarstvovaniy, s 1590 po sentiabr' 1606 g. // Rossia XVII v.: vospominaniya inostrantsev. [Russian translation of: *Estat de l'Empire de Russie et Grand Duché de Moscovie avec ce que s'y est passé de plus memorable et tragique, pendant le règne de quatre Empe-reurs: à sçavoir depuis l'an 1590 jusques en l'an 1606 en septembre // XVII C. Russia: foreigners' memoirs*]. Smolensk: Rusich, 2003. P. 10–76. (In Russian).

13. Meyerberg A. Albom Meyerberga. Vidy i bytoviye kartiny Rossii XVII veka. Risunki Drezdenskogo alboma, vosproizvedennyye s podlinnika v natural'nyuy velichinu s prilozheniem karty puti tsesarskogo posol'stva. [Meyerberg's Album. Views and everyday scenes of Russia in XVII century. Drawings of the Dresden album, reproduced from the original in full size with the application of a map of the way of the Cesar Embassy 1661–62]. St Petersburg: Izd. A. S. Suvorina, 1903. 124 p. (In Russian).

14. Oliarius Adam. Opisanie puteshestviya v Moskoviyu i cherez Moskoviyu v Per-siyu i obratno [Description of the Travel to Moskovia and through Moskovia to Persia and back]. St Petersburg, 1906. 174 s.

15. Panchenko K. A. Blijnevostochnoye pravoslaviye pod osmanskim vladychestvom. Pervye tri stoletiya, 1516–1831. [Middle Eastern Orthodoxy under Ottoman rule. The first three centuries, 1516–1831] / otv. red. S. A. Kirillina. Moscow: Indrik, 2012. P. 345–422. (In Russian).

16. Panchenko K. A. Rossia i Antiokhiyskiy Patriarkhat: nachalo dialoga. [Russia and the Patriarchate of Antioch: the beginning of a dialogue] // Rossia i Khristianskiy Vostok. Moscow, 2004. Issue 2/3. P. 206–208. (In Russian).

17. Poumpian G. Z. Khristiansko-arabskiye kontakty Moskovsoy Rusi XVII v. i Russkoye gosudarstvo v khristiansko-arabskoy geograficheskoy literature (Puteshestviye Patriarkha Makariya Antiokhiyskogo). [Christian-Arab contacts of Moscow Russia in the XVII century and the Russian state in the Christian-Arab geographical literature (The Travel of Macarius, Patriarch of Antioch)] // *ASIATICA: Trudy po filosofii i kulturam Vostoka / Sankt-Peterburgskoye filosofskoye obschestvo*. Ed. T. G. Tumanian, V. V. Markov. St Petersburg. 2018. Issue 12 (2). P. 98–122. (In Russian).

18. Puteshestvie Patriarkha Makariya Antiokhiyskogo v polovine XVII v. opisannoye yego synom arkhidiakonom Pavlom Aleppskim: po rukopisi Moskovskogo glavnogo arkhiva MID / per. s arab. G. Murkosa. [The Travel of Macarius, Patriarch of Antioch in the 2nd half of the XVII century described by his son Archdeacon Paul of Aleppo: according to the manuscript of the Moscow Main Archive of the Ministry of Foreign Affairs/ Tr. from Arabic by G. Murkos]. Moscow, 1896–1898. Pt. 1–2. 166 p. + 208 p.

(In Russian). (3rd edition. Moscow: Obshchestvo sokhraneniia literaturnogo nasledia, 2016. 728 p., ill.).

19. Sokolov V. P'yanstvo na Rusi v epokhu pervykh Romanovykh i mery bor'by s nim (po dokumentam Razriadnogo prikaza). [Drunkenness in Russia in the age of the first Romanovs and measures against it (according to the documents of the *Razriadnyi Prikaz*)] // *Golos minuvshogo. Jurnal istorii i istorii literatury* / Ed. S. P. Melgunov i V. I. Semevskiy. 1915. Year III. № 9. Sent. P. 105–118. URL: <http://memoirs.ru/texts/pianstvo.htm> (accessed 26.09.2019). (In Russian).

20. The Travels of Macarius, Patriarch of Antioch: Written by his Attendant Archdeacon, Paul of Aleppo, in Arabic / Tr. by F. C. Belfour. London: The Oriental Translation Fund of Great Britain and Ireland. Vol. 1. 1833. 421 p.; Vol. 2. 1836. 486 p.

21. Voyage du patriarche Macaire d'Antioche: Text arabe et traduction française par Basil Radu // *Patrologia Orientalis* / R. Graffin, F. Nau (eds). Paris: Firmin-Didot et Cie, Imprimeurs-Editeurs. 1930. XXII, fasc. 1. P. 3–199; 1933. XXIV, fasc. 4. P. 203–604; 1949. XXVI, fasc. 5. P. 367–481.

22. Witsen N. Puteshestviye v Moscoviyu, 1664–1665: dnevnik / per. so starogol. V. G. Trisman; predisl. R. I. Maximovoi, V. G. Trisman. University of Amsterdam, Institute of Eastern Europe. [The Travel to Muscovy, 1664–1665: Diary (Moscovische Reyse, 1664–1665: Journal en aantekeningen). (Translated into Russian)]. St Petersburg: Simpozium, 1996. 272 p. (In Russian).

23. Zen'kovskiy S. A. Russkoye staroobriadchestvo. [Russian Old Believers]. 2 vols. Moscow: In-t DDI=DIK, 2016. 712 p. (In Russian).

Author's information

Galina Z. Poupjian

PhD (Philology), Senior Researcher, Asia and Africa Publications Department,
Russian Academy of Sciences Library

1, Birzhevaya liniya, Vasilyevsky Island, St Petersburg, 199034, Russia

E-mail: birsim@yandex.ru

Информация об авторе

Пумпян Галина Захаровна

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела
литературы стран Азии и Африки, Библиотека Российской академии наук
РФ, 199034, Санкт-Петербург, В. О., Биржевая л., д. 1

E-mail: birsim@yandex.ru

---

¹ Military administration in the Russian state in the XVI–XVII CC.

Juliette Rassi (Lebanese University, Beirut, Lebanon)

Relations between the Orthodox Church of Antioch and Russia from the 16th to the 17thCC.

Summary: Relations between the Russian Orthodox Church and the Antiochian Orthodox Church date back to the Middle Ages, when at the beginning of the 12th century the Russian pilgrim Hegumen Daniel arrived in the East for visiting the Holy Places. At that time, the Christian East was controlled by the Crusaders, who conquered it and formed principalities that lasted for almost two hundred years. The Eastern Orthodox Christians were subjected to the Franks, and their churches and convents, including the Church of the Resurrection and the main Church of the Orthodox Patriarchate of Antioch, the Church of St Peter, were confiscated.

As for the first visit of an Oriental prelate to Russia, it dates only to the 16th century, when Patriarch of Antioch Joachim V (Yuwakim Daww), accompanied by religious figures and Oriental laics, went to Russia in 1585 and arrived in Moscow in 1586. Russian Tsar Ivan IV the Terrible had previously sent financial aid to the Eastern churches including The Church of Alexandria and Jerusalem, so the reason of the voyage was to ask him for financial assistance to Antiochian Eastern Orthodox Christians, who were suffering because of the heavy taxes imposed by the Ottomans.

The Patriarch of Antioch was well received by Tsar Feodor, son of Ivan IV, who granted the wishes of the Patriarch. Thus, Joachim V's trip to Russia was successful, and it was likewise a success for Russia. At that time, the Russian Tsar wanted to transform the Bishopric of Moscow into a Patriarchy, thus he made approaches on the matter to the Patriarch of Antioch who agreed to discuss the issue with other Oriental Patriarchs. Eventually, the request of the Russian Orthodox Tsar was granted before the end of the 16th century.

Patriarch Joachim's first trip was followed by another one in the 17th century by the Antiochian Patriarch Makarius Ibn al-Za'im. Pushed by more pressing financial issues than before, he went to Russia and other Christian countries to ask for the help of Russian Tsar Alexei Mikhailovich and other Christian sovereigns. At that time the situation of the Orthodox Christians was even more complicated. On the one hand, they were subject to the vexations of the Ottomans; on the other hand, they were shaken in their Orthodox faith by the Catholic missionaries who tried to convert them. Moreover, some of the Eastern Christians at that time converted to Islam.

The first journey of Patriarch Makarius lasted seven years (1652–1659), during which he was welcomed by Tsar Alexei Mikhailovich who gave him everything he

wanted in terms of financial aid. Makarius' first trip was followed by another one in 1666–1668, in response to the invitation of visiting Russia to give his opinion on the issue of the Russian Patriarch Nikon. This speaks volumes about the respect of the Russians for the Patriarch of Antioch.

It is thanks to these journeys that relations between the Orthodox Church of Antioch and Russia have grown stronger over the centuries.

Keywords: Russia; Antioch; Antiochian Orthodox Church; Russian Orthodox Church; Hegumen Daniel; Ivan IV the Terrible; Patriarch Makarius Ibn al-Za'im; Patriarch of Antioch Joachim V; Tsar Alexei Mikhailovich; Patriarch Nikon.

Джультетта Расса (Ливанский университет, Бейрут, Ливан)

Отношения между Антиохийской православной церковью и Россией в XVI–XVII вв.

Резюме: Отношения Русской православной церкви и Антиохийской православной церкви восходят к Средневековью, когда в начале XII в. русский паломник игумен Даниил прибыл на Восток для посещения Святых мест. В то время христианский Восток контролировали крестоносцы, которые завоевали его и создали государства, просуществовавшие почти двести лет. Православные христиане подчинялись франкам, их церкви и монастыри, в том числе церковь Воскресения и главный храм Антиохийского православного патриархата — церковь Св. Петра, были конфискованы.

Первая поездка восточного патриарха в Россию относится только к XVI веку, когда в 1585 году Патриарх Антиохийский Иоаким V (Йуваким Давв) в сопровождении восточных клириков и мирян отправился в Россию, прибыв в Москву в 1586 году. Русский царь Иван IV Грозный ранее посылал денежную помощь восточным церквям, в том числе Александрийской и Иерусалимской церкви, так что главной целью путешествия патриарха было обращение с просьбой о материальной помощи антиохийским православным христианам, страдающим от тяжелых налогов, наложенных Османской империей.

Патриарх Антиохийский был хорошо принят царем Федором, сыном Ивана IV, который удовлетворил пожелания патриарха. Таким образом, поездка Иоакима V в Россию завершилась успешно. Не менее успешной она была и для России. В то время русский царь хотел превратить Московскую метрополию в Патриархию, в связи с чем он обратился за поддержкой к Антиохийскому патриарху, который согласился обсудить этот вопрос с другими восточными патриархами. В конечном счете в конце XVI века просьба русского царя была удовлетворена.

За первой поездкой Иоакима, уже в XVII в., последовала еще одна поездка Антиохийского патриарха — Макария ибн аз-За'има. Движимый более насущными, чем прежде, финансовыми соображениями, он отправился в Россию и другие христианские страны, чтобы просить помощи у русского царя Алексея Михайловича и других христианских государей. В то время положение православных христиан стало еще более сложным. С одной стороны,

они подвергались нападкам со стороны османов, с другой — православные оказались под сильным давлением католических миссионеров, пытавшихся обратить их в свою веру. Более того, некоторые восточные христиане того времени приняли ислам.

Первое путешествие патриарха Макария длилось семь лет (1652–1659). Царь Алексей Михайлович принял его радушно и оказал всю необходимую финансовую помощь. За первой поездкой Макария последовала еще одна — в 1666–1668 гг., в ответ на приглашение посетить Россию, чтобы высказать свое мнение по вопросам, связанным с патриархом Никоном. Это приглашение свидетельствует об особом уважении русских к Антиохийскому патриарху.

Именно благодаря этим путешествиям были установлены тесные отношения между Антиохийской православной церковью и Россией, которые укрепились на протяжении веков.

Ключевые слова: Россия; Антиохия; Антиохийская православная церковь; Русская православная церковь; игумен Даниил; Иван IV Грозный; патриарх Макарий ибн аз-За‘им; патриарх Антиохийский Иоаким V; царь Алексей Михайлович; патриарх Никон.

Introduction

The Russian people were converted to Christianity towards the end of the 10th century, and soon they demonstrated their attachment to the Holy Land and desire to go there to walk in the footsteps of Christ and visit the Holy Places. Whatever their social rank, these people, including peasants, wanted to go on pilgrimage; nothing could make them desist. The peasants left their homes to pray at the Tomb of Christ. In the same way dignitaries and monks went on pilgrimage to the Christian East.

1. Pilgrims and Russian travellers in the East

Relations between the Russian Orthodox Church and the Eastern Orthodox Church go back to the beginning of the twelfth century, when Daniel, a Russian pilgrim and Hegumen of a convent in Kiev, arrived in the East to visit the Holy Places (1106–1107)¹. The purpose of his journey was to visit “all Galilee and all the Holy Places around the Holy City of Jerusalem, which Christ, our God, trod upon his feet, and in which he manifested himself by dazzling miracles”². Besides,

---

¹ Vie et pèlerinage de Daniel, Hégoumène Russe (1106–1107) // *Itinéraires russes en Orient*. Tr. by Mme de Khitrowo for the Société de l’Orient Latin. Vol. I, 1. Genève: Imprimerie Jules-Guillaume Fick, 1889. P. 1–83. See also: Juliette al-Rassi. Bayrūt wa Jabal Lubnān fī riḥlat Daniel al-rūsī (al-qarn al thānī‘ ashar) fī Lubnān fī kitabāt al-rahḥāla [Beirut and Mount Lebanon in the voyage of Daniel the Russian (12th century) in Lebanon in the writings of the travelers] // *Manshūrat al-Jamī‘a al-Lubnāniyya*. 2008. 48. (Beirut). P. 38–96.

² Vie et pèlerinage de Daniel. P. 4.

Daniel had another purpose, that of describing all the Holy Places seen with his own eyes to the faithful who could not afford to go there. Daniel said, “I wrote this for the faithful, so that by listening to the description of the Holy Places, they aspire to mentally transport themselves from the depths of their souls and obtain from God the same reward as those who visited them”¹.

At that time, the Holy Land was controlled by the Crusaders, who had conquered it and had formed principalities that lasted for almost two centuries. The Eastern Orthodox Christians were subjected to the Franks, and their churches and convents, including the Church of the Resurrection and the main Church of the Orthodox Patriarchate of Antioch, the Church of St Peter, were confiscated. There were also changes in rituals and ornaments. As a result, priests, prelates and Orthodox monks were expelled and replaced by Latins. Our main witness on this subject is the monk and “Master of the Church of Antioch”, Nikon of the Black Mountain (died in the first half of the 12th century), who described in one of his works, still in manuscript, the changes imposed on the Eastern Orthodox Church. This is the Arabic manuscript of St Catherine’s Monastery at Mount Sinai — Sin. Ar. 385, which I studied, and which is one of the few rare Orthodox sources of that time.²

As for Daniel, a Russian pilgrim and monk, the changes brought by the Latins in the East, especially in the Holy Land, did not attract his attention, and their new policies are absent in his book. On the other hand, he mentions the first Latin King Baudouin I (1058–1118), whom he calls a prince, and his qualities: “a man of little pride, of great kindness and humility”. He asked the King a permission to place a lamp on “the Sepulchre of the Lord in the name of all the Russian land”³, and the permission was granted. Likewise, he mentions that he prayed for Russian princes and princesses and their children in all the Holy Places visited by him, included their names on the lists for prayers there, and celebrated Masses for their living and their dead:

“Glory to the mercy of God that enabled me the unworthy to write the names⁴ of the Russian princes in the Lavra of St Sabbas, so they [monks] are now praying for them during the services (*ektenias*), as well as for their wives and children. These are their names: Mikhail Sviatopolk, Vasily Vladimir, David Sviatoslavich, Mikhail Oleg, Pancras Sviatoslavich, Gleb of Minsk. I only remembered these names and

¹ Vie et pèlerinage de Daniel. P. 5, p. 73–74; Juliette al-Rassi. Bayrūt wa Jabal Lubnān fī riḥlat Daniel al-rūsī. P. 46.

² Ms. Sin. Ar. 385, fol. 340r-fol. 341v (this copy of the Arabic translation of a Greek work by Nikon of the Black Mountain was made in 621AH/ 1224AD, but since the first 50 folios of the MS are missing, the exact title of the work could not be established); see: Juliette Rassi. Le manuscrit arabe Sināi 385: s’agit-il des Pandectes de Nikon de la Montagne Noire? // *Parole de l’Orient*. 34 (2009). P. 157–236, in particular, p. 213–215.

³ Vie et pèlerinage de Daniel. P. 73–74.

⁴ I.e. to place their names on the list for prayers of intercession in the Lavra of St Sabbas.

I have written them down, not to mention all the Russian princes and *boyars*, in the Holy Sepulchre and in all the holy places. I celebrated fifty masses for Russian princes and all Christians, and forty masses for the dead...”¹

Based on Daniel’s story we can identify the names of his companions as well as their places of origin: “As for my stories and my humble person, God and the Holy Sepulchre of Our Lord make me the guarantor, as well as all my companions, the sons of Russia, from Novgorod and Kiev: Izyaslav Ivanovich, Gorodislav Mikhailovich, both Kashkiches and many others who were there on the same day...”²

The pilgrimage of Daniel was followed by several others throughout the centuries, but it is important to retain one, that of the merchant Basil (Vasily) Posniakov to the Holy Places of the East (1558–1561). He carried a “message of the Orthodox Tsar and Grand Duke of all Russia, Ivan Vassilievich³, to the Pope and Patriarch Joachim of Alexandria...”⁴ In his letter the first Tsar of Russia expressed his respect to and praised great virtues of Patriarch of Alexandria, asking to pray for him and his wife *Tsaritsa* Anastasia and their two children, *Tsareviches* Ivan and Theodore, as well as for all Orthodox Christians, throughout the Patriarchate and in Mount Sinai. The Tsar asked him to include the names of his parents (his father Basil and his mother Helen) on the lists for intercessions in the churches of Alexandria for daily prayers for the rest of their souls. The Tsar’s message was accompanied by a gift consisting of “a thousand pieces of Hungarian gold and a Zibeline fur coat covered with velvet, by virtue of your prayers, we have also sent to the Archbishop and to the monks of Mount Sinai the value of a thousand pieces of gold for the needs of the convent...”⁵

This generosity of the Tsar shows his attention to the Orthodox Christians, whom he had helped even before the journey of Basil Posniakov. We know from Posniakov’s book that monks Moses and Anempodist⁶ from the Convent of St Sabbas⁷ went

---

¹ Vie et pèlerinage de Daniel. P. 82–83.

² Ibid. P. 80.

³ Ivan IV, also known as Ivan the Terrible, first Russian Tsar (1547–1584).

⁴ Le pèlerinage du marchand Basile Posniakov aux Saints Lieux de l’Orient (1558–1561) // Itinéraires russes en Orient. Vol. I, 1. P. 285–334.

⁵ Le pèlerinage du marchand Basile Posniakov. P. 287.

⁶ Ibid. P. 325.

⁷ We know about the state of the Convent of St Sabbas on the eve of Basil Posniakov’s journey: “The convent of Saint Sabbas-le-Béni is situated twenty versts from the city of Jerusalem, it is inhabited by a hegoumen and fifty monks; the cells number is fourteen thousand, but they are all empty. The churches are twenty in this convent, but except for four churches, where the divine service is celebrated, they are deserted. Every day we officiate in the great Church of the Annunciation of the Blessed Virgin, which is one and a half times larger than the Cathedral of Moscow. This convent remained desolate for a hundred years, until the year 7048 [1540 AD]. It was then that the Hegumen Joachim came to live there with his monks, and he is there until now. He is of Vlach origin and came from Mount Sinai; the monks,

to “the most pious Tsar and Grand Duke Ivan Vassilievich of all Russia and to his Eminence Metropolitan Macarius, and begged the Tsar and the Metropolitan to give to them being so poor, enough to rebuild the refectory,” whose roof was ruined by the Turks. Their wish was granted by the Tsar¹.

An important episode in the journey of the merchant Basil Posniakov is the meeting between the Patriarch of Alexandria and the Russian messengers. During this meeting, Patriarch Joachim enquired them on several topics: the situation in Russia, the Tsar and his family, the Orthodox faith, the churches and masses celebrated there. He also asked about the countries subject to the Tsar, their peoples, their religions, and the way he preached to them the Orthodox faith. The messengers, in turn, asked Patriarch about the problems of the Patriarchate of Alexandria, while a monk from the Convent of St Sabbas translated between the Russians and the Patriarch².

The Tsar’s missive brought by Basil Posniakov was a response to the message sent by the Patriarch to the Russian Tsar with the monks from Mount Sinai, some time before the arrival of the Russian messengers in Egypt³. I believe that the letter of the Patriarch of Alexandria was sent with the Hieromonk Gregory of Mount Sinai, who went to Russia in 1547 and described to the Metropolitan of all Russia Macarius the city of Cairo, the church where the Patriarch of Alexandria Joachim officiated, and the situation of Christians, their Patriarchates and their churches in the East⁴.

But why did the messengers of the Tsar bring his gifts to the Patriarch of Alexandria and not to other Eastern Patriarchs? In my opinion, the message of the Hieromonk Gregory of Mount Sinai, who visited Moscow in 1547, influenced the Orthodox Tsar and the Grand Duke of all Russia Ivan IV, as well as the Moscow Metropolitan Macarius, to whom he described the situation in Orthodox Patriarchates in the East and their hierarchy. Gregory told him: “There are four ecumenical Patriarchs. The principal Patriarchate is that of Constantinople, the second is that of Alexandria, the third was that of Antioch, ruined by the [Sultan of] Misr (Egypt)⁵,

---

fifty in number, come from different Greek cities...” [Récit du moine Sophronius du couvent de Saint Sabbas-le-Béni, 1547 // *Itinéraires russes en Orient*. Vol. I, 1. P. 273–274]. Besides, from the story of monk Clément, we know that at the beginning of the 16th century, “all of these convents are deserted, except the Lavra of Saint Sabbas; thanks to his prayers monks still live there” [Récit du moine Clément au moine Vassian sur les couvents de Jérusalem. *Commencement du XVI siècle // Itinéraires russes en Orient*. Vol. I, 1. P. 267–268].

¹ Le pèlerinage du marchand Basile Posniakov. P. 325–326.

² Ibid. P. 288–290.

³ Ibid. P. 286.

⁴ Récit du hiéromoine Grégoire du Mont Sinai, 1547 // *Itinéraires russes en Orient*. Vol. I, 1. P. 269–270.

⁵ I. e. Mamluk Sultan Baybars in 1268. The Patriarchal seat of Antioch was transferred to Damascus in 1344 under Patriarch Ignatius II.

the fourth is that of Jerusalem, which is subject to that of Constantinople”¹. As a result, the Patriarch of Alexandria, compared to other Eastern Patriarchs, was still more or less independent at this time. Thus, the Tsar's donation was sent to the best and most suitable hands.

As for the Antiochian prelates, at that time they got acquainted with the news about the Russian Tsar, his Orthodox faith, and his generosity and some of them yearned to visit Russia and meet its first Tsar.

2. Oriental travellers in Russia and their writings

The first visit of a Patriarch of Antioch to Russia dates to the 16th century, when Joachim V (Yuwākīm) Daww (1581–1592)² went there in 1585 and arrived in Moscow in 1586, accompanied by religious figures and oriental laics. He came to seek financial assistance from Russian Tsar Ivan IV, who had earlier sent, as already mentioned, precious gifts to the Eastern churches and convents.

Joachim Daww, who had previously been the bishop of Tripoli, was elected Patriarch by the Damascenes in May 25, 1581, but it was only in 1583 when he became officially recognised, for there was at the same time another Patriarch Mikhail VI supported by Constantinople. The latter was unfairly accused of an offense, and the two Patriarchs excommunicated each other. The Orthodox Christians were divided, and conflicts broke out among the believers, which led to casualties. The situation calmed down when Mikhail resigned in 1581 and died in 1582³.

Patriarch Joachim Daww found himself in a very difficult financial situation, so he turned to the Tsar of Russia for help, and the Tzar sent him 200 roubles. Since that time the Patriarch who was very grateful to Ivan wanted to go to Russia to meet the Tsar personally⁴. His journey began in 1584. First, he crossed the Greek lands, then, towards the end of 1585, he decided to head for Russia, almost a year after the death of Tsar Ivan the Terrible. Did he know that the Tsar had already died?

---

¹ Récit du hiéromoine Grégoire du Mont Sinai. P. 270.

² His predecessor Patriarch Joachim IV (1543–1576) went to Constantinople in 1572, then visited Principalities of Moldavia and Wallachia as well as the Russian counties in Poland, but did not enter Russia itself. Before returning to Beirut, he went to Egypt where he participated in a synod in 1575 in Cairo concerning the Sinai Church. See: Chrysostomos Papadopoulos. *Tārīkh Kanīsat Antākya / Tarjamat al-usqf Istifānus Ḥaddād*. [History of the Church of Antioch / Transl. from Greek by Archbishop Istifanus Haddad]. Beirut: Manshūrat al-Nūr, 1984. P. 733–734; see also: Asad Rustum. *Kanīsat Madinat Allah Antākīya al-‘uzma. III ajza’*. [The Church of Great Antioch, the City of God. 3 vols.] // *Manshūrat al-Maktaba al-Būlisīyya*. 1988, June. Vol. III. P. 22.

³ On this subject see: Papadopoulos Ch. Op. cit. P. 735–736; see also: Rustum A. Op. cit. Vol. III. P. 23–25.

⁴ Papadopoulos Ch. Op. cit. P. 736.

He went to Lvov where he founded brotherhoods, and strongly criticized local priests and deacons who did not respect the laws of the Church. He remained there for several months. The heir of Tsar Ivan, Theodore (Fedor) I (1584–1598), was informed about the Patriarch's journey by the Russian merchants who passed through Lvov. The new Tsar gave an order to prepare the honourable welcome for the head of the church of Antioch, who wanted to go to Moscow via Smolensk with his company composed of 14 men well selected among the priests and the laics. They also had 19 horses at their disposal. This shows that Joachim had carefully planned his trip, which had several aims: to receive a personal support of the Orthodox Tsar, as well as his material and moral help¹.

The Patriarch arrived in Moscow on June 17, 1586, and was well received 12 miles from the city, from where he sent a letter to the Tsar praising him and comparing him to the Sun which illuminates the suffering and anguished Church of the East, and asking permission to enter his capital. Tsar Fedor was pleased with this visit, as it was the first time that Russia was receiving an Antiochian Orthodox Patriarch². Three receptions were organized for him on the way from Smolensk to Moscow, and he was received by the Tsar in his Moscow palace after a few days, because Fedor first wanted to find out about the aims of the visit and the intentions of the Patriarch. During the meeting, the Tsar who was seated on his throne, surrounded by the boyars, half-rose from his throne and took the blessing of the Patriarch. The latter handed him a message concerning the financial needs of the Patriarchate of Antioch and offered him gifts consisting of relics of Saints, as it was the custom for the visitors coming to Moscow. The Tsar received these gifts with piety and respect and invited the Patriarch to his table³.

Patriarch Joachim was well received by the Tsar, but the Metropolitan of Moscow Dionysius (1581–1586) downplayed him, demonstrated his superiority and did not take his blessing in accordance with the customs of the Church, although in the ecclesiastical hierarchy the Patriarch is superior to the Metropolitan. Perhaps, he already knew that the purpose of the visit was to ask for financial help; or possibly he wanted to be proclaimed Patriarch of Moscow, so he would be equal to the Patriarch of Antioch.

The latter subject, a very delicate one, was discussed by the Tsar with the Patriarch of Antioch during his stay in Russia. But Joachim did not make up his mind on the matter, telling the Tsar that he could not decide it alone, but promised to negotiate it with other Patriarchs, as well as with the Hegumens of the Mt Sinai and Mt Athos convents⁴. He thanked the Tsar for his help to the Christians of the East who suffered from the oppressions of the Ottomans and their heavy taxes.

---

¹ Papadopoulos Ch. Op. cit. P. 736–738.

² Ibid. P. 738.

³ Ibid. P. 738–739.

⁴ See: Rustum A. Op. cit. Vol. III. P. 30–32; and Papadopoulos Ch. Op. cit. P. 739–740.

To achieve his goal of creating a Patriarchy, the Tsar sent his messenger Mikhail Garkov, who accompanied the Patriarch of Antioch on his way back from Moscow. The Patriarch departed from Moscow on 11 August 1586, carrying the donations to the Patriarchs of the East and the Tsar's message to elevate the status of the Metropolis of Moscow to a Patriarchate¹.

Joachim fulfilled his promise and consulted with the other Patriarchs at the Tsar's request. As a result, on 26 January 1589, during the visit to Moscow by the Ecumenical Patriarch of Constantinople Jeremiah II, Jacob was crowned as the first Patriarch of Moscow. In 1590, the synod took place in Constantinople, which recognized him as a rightful Patriarch and fifth in the hierarchy of Patriarchs².

As for the date of Joachim's return to the East, our information on this subject is limited and confusing. According to Rustum, the Patriarch visited Ruthene and Moldavia on his way back, then took the road from Thessalonica to Tripoli before returning to Damascus³.

Since the sources concerning the history of Russia in the 16th century are relatively scarce, it is worth mentioning an Arabic manuscript that belongs to the Arab Fund of the Bibliothèque Nationale de France in Paris — MS Arabe 312. The manuscript is dealing with various subjects concerning the Holy Places and comprises 75 folios⁴. It contains citations from the Journey of Joachim V written by the Metropolitan of Aleppo called 'Isa, who accompanied the Patriarch of Antioch⁵. The text of Joachim Daww's journey written by Metropolitan 'Isa is located on folios 19v–22r. It was copied in Aleppo in the first half of the 17th century, because it contains a gloss that mentioned the visit of the Ottoman sultan Murad IV (1623–1640) to Aleppo before going to conquer Baghdad in 1639. This suggests that the deacon Būlus Ibn al-Za'īm (1627–1669)⁶, son of the bishop of the city of Aleppo in 1635–1647 Makarius Ibn al-Za'īm, may have made this copy, especially since he was interested in history in general, particularly in Christian history. He himself went to Russia twice with his father who became Patriarch of Antioch in 1648, as discussed below.

The trip of Joachim Daww is described in a poem of 72 verses written in the 16th century dialectal Arabic. It is a valuable source of information on the history

¹ Papadopoulos Ch. Op. cit. P. 740.

² Rustum A. Op. cit. Vol. III. P. 32; Papadopoulos Ch. Op. cit. P. 741. It is to note that the decision of the synod of 1590 was renewed by another synod in 1593.

³ Rustum A. Op. cit. Vol. III. P. 32.

⁴ Troupeau Gérard. Catalogue des manuscrits arabes. Pt. 1. Manuscrits chrétiens. T. 1, nos. 1–323. Paris: Bibliothèque Nationale, 1977. P. 273–275.

⁵ 'Isa, the Metropolitan of Haleb. *Qaṣīda* [A poem composed on occasion of his voyage to Russia with Patriarch of Antioch Joachim V] // MS Arabe 312. Division des manuscrits orientaux, Bibliothèque Nationale de France, Paris. Fol. 19v–22r.

⁶ On the biography of Būlus Ibn al-Za'īm, see: Juliette Rassi. La profession de foi de Gennade II, extrait de "Al-Durr Al-Manzūm" // *Parole de l'Orient*. 1999. 24. P. 270.

of Russia during the time of Tsar Ivan IV and his son and successor Fedor I. It contains political, economic, social, religious and artistic information. It is worth mentioning, among other things, the description of the convents and the churches of Moscow, their architecture, their majestic bells, their decor, the delicacy of their precious icons, the Tsar's palace, the Tsar and the *boyars*, Metropolitan Dionysius, the customs, the wealth of the city of Moscow and its population in general¹. This description is quite realistic and trustworthy. The Arabic poem of Metropolitan 'Isa provides reliable information on Russia, and gives a true panorama of Moscow, its monuments and population in the second half of the 16th century.

In the following 17th century, Russia was increasingly becoming the source of wealth for Oriental Christians as well as moral and material support to their churches. Whenever the Patriarchs of Antioch were faced with serious financial problems, they would turn to Russia and the "Christian countries", hoping they would pay some of their debts that were accumulated over time. For example, in 1640, Patriarch Euthyme de Chiot (Aftīmus al-Sāqizī), or Euthyme IV (1635–1648), came to Aleppo where he ordained the priest Yūsuf al-Ḥalabī bishop of 'Akkar and Raḥbī (in the north of Lebanon) and sent him to the "Countries of the Christians". However, the latter died when arrived in the town named Būfilya (Putivl) at the borders of the "Country of the Moscovites"².

Patriarch Euthyme chose as his successor Makarius Ibn al-Za'īm, in 1647, because he believed that Makarius was the best qualified to be the Patriarch after him. The Patriarchate encountered many problems at that time: debts between ten and thirteen thousand piastres (Ottoman *ghurush*), the orthodox Christians converting to Islam to avoid paying the *djizya* (head tax for non-Muslims) and other heavy taxes, on the one hand, and very strict rules concerning the large number of fasting days imposed by Patriarch Makarius (1648–1672)³, on the other hand. To this we must add the rivalry between the Christians themselves for the Patriarchal throne, which cost them dearly. Also, we have to bear in mind that at that time, the Antiochian

¹ Juliette Rassi. Quelques aspects archéologiques et artistiques du voyage de Patriarche antiochien Joachim Daww (16ème siècle), presented on 8 March 2018 at Ecole Doctorale, Université Libanaise. 16 p. (Unpublished).

² Nukhba min safrat al-batriyark Makāriyus al-Ḥalabī, bi-qalam waladihi al-shammās Būlus, 'uniya bi nashrihā al-khūrī Qīstanṭīn al-Bāshā. [Selections from the Voyage of Patriarch Makarius al-Halabi, written by his son deacon Paul / Ed. by priest Constantine al-Basha]. Ḥarissā: Maṭba'at al-Qiddīs Būlus, 1912. P. 46; see also: Rustum A. Op. cit. Vol. III. P. 49.

³ Christians from Gaza City as well as residents of several villages in Hawran (Syria) converted to Islam to relieve themselves of very strict dogmas concerning the large number of fasting days imposed by Patriarch Makarius, See: Juliette al-Rassi. Riḥlat Makāriyus Ibn al-Za'īm kama ḥaṭṭa muhimma fī tārikh al-'alāqāt bayna Rūsiyā wa Ūrthūdhux al-Sharq // Rūsiyā wa Ūrthūdhux al-Sharq. [The voyage of the Makarius Ibn al-Za'īm as a crucial point in the history of the relations between Russia and the Orthodox of Orient] // Russia and the Orthodox of Orient. *Manshūrāt Jāmī'at al-Balamand*. 1998. P. 670.

Orthodox Christians not only suffered the vexations of the Ottomans but were also shaken in their Orthodox faith because of the European Catholic missionaries who tried to convert them.

Patriarch Makarius met with a group of Christians and discussed with them ways to solve the financial problems of the Patriarchy. They agreed that the Patriarch should go to the “Land of Christians” to ask for help, especially because the son of the *voivode* of Moldavia called Vasily had invited him to his country and had promised to pay their debts. This governor had already paid the debts of the Church of the Resurrection, as well as those of the Ecumenical Patriarchate in Constantinople and the Patriarchate of Alexandria.

Consequently, Makarius chose Sylvester as a substitute (*locum tenens*) at the Patriarchal seat, then Gerasimus, after the death of the former, and started his first voyage which lasted seven years (1652–1659)¹. He first went to Constantinople, then to Wallachia, then to Moldavia where he was well received by the Romanian *voivodes*, then to Kiev and Putivl in Ukraine, and then to Moscow and Kolomna. Several people accompanied the Patriarch. Besides his son Paul, there was the Hegoumene of the Convent of Balamand called Sabbas, son of Joseph of the al-A‘radj family of Tripoli, as well as the priest Musa al-Bayassi, the deacon Gregory, and two laics whose names were Nicolas and Peter².

During this trip, in January 1655, the Patriarch was well received by Tsar Aleksei Mikhailovich, or Alexis I (1645–1676), who gave him a warm welcome, even better than that which had been granted to Joachim Daww in the 16th century³. Since the Tsar hated the Turkish language, Makarius spoke to him in Romanian (or Greek). The Tsar invited him to his own table, which was a sign of honour bestowed by the Czar on Makarius. The next day Paul gave the Tzar the gifts of the Patriarch of Antioch⁴.

After this meeting, the Tsar granted him what he wanted in terms of help. During his long journey, Makarius visited several cities and religious sites, which Archdeacon Paul described in detail in his book on this trip, focusing on the political, economic, artistic and religious features of all the places he visited. The author makes a special emphasis on the piety and knowledge of the Tsar and Patriarch Nikon, and their favour for Byzantine rites.

¹ Juliette al-Rassi. *Rihlat Makāriyus Ibn al-Za‘īm*. P. 67–68 and 91, note 16; see also: Nukhba min safrat al-batriyark Makārius al-Ḥalabī. P. 68–69.

² We found these names not in the text of the “Voyage of Makarius” written by his son Paul (i.e., the above-mentioned *Safrat al-batriyark Makāriyus al-Ḥalabī*), but in another work written during the trip, “Wallachia” by the Hegoumene of Balamand, who accompanied the Patriarch of Antioch. See: Nukhba min safrat al-batriyark Makāriyus al-Ḥalabī. P. 70, note 1; Juliette al-Rassi. *Rihlat Makāriyus Ibn al-Za‘īm*. P. 68–69 and P. 92, note 19.

³ Juliette al-Rassi. *Rihlat Makāriyus Ibn al-Za‘īm*. P. 84–85.

⁴ *Ibid.* P. 85.

As for Makarius' meeting with the Russian Patriarch, it was really warm because, contrary to the haughty air of Dionysius during his meeting with the Patriarch Joachim Daww, Nikon was very respectful to the Patriarch of Antioch and asked him for the blessing. The Patriarch was moved and blessed Nikon on his forehead, chest and shoulders. This shows great respect for the Patriarch of Antioch, who represented for the Russians at the time the successor of Paul, the Judge and the oldest Patriarch. According to the "Voyage of Makarius", at that time "they did not call the [Patriarch of] Constantinople *aykumenikus*, i. e. the Patriarch of the Earth, but *arshiyabiskus* only", which means they did not recognize him as the Ecumenical Patriarch¹.

Nikon celebrated several masses with Makarius, that Paul described in detail, mentioning that the Patriarch of Moscow was very attached to the Greek rites. He also reported the presence of the Jesuits in Russia at that time, who represented for him heretics (*Yazīdīs*), and who tried to convert the Cossacks who were very attached to Orthodoxy².

This first voyage of Makarius was reported in the work written by his son Paul, which exists in several handwritten copies, scattered in libraries both in the East and in the West. It has been published several times, and translated into several languages by many historians, but it still lacks a critical edition based on all the copies available, which would highlight the importance of this book, both for Russia and other East European countries visited by Makarius and his son Paul, as well as for the Christian East³.

The first voyage of Makarius was followed by another one in 1666–1668. He was invited to Russia by Tsar Alexis himself to give his opinion on the activities of the Russian Patriarch Nikon. The latter occupied the Patriarchal seat of Moscow since 1632. On the one hand, he declared the independence of the Church from the State, but on the other hand, he allowed himself to intervene in the affairs of the State to protect the faithful. This provoked the indignation of Tsar Alexis, who ordered the assembly of the synod to which Makarius was invited. This further confirms the respect of the Russians for Patriarch of Antioch, and the confidence that Tsar Alexis had in him. The synod was convened in 1667 and was presided over by Tsar Alexis. Makarius participated, as well as Patriarch of Alexandria Paisios (1757–1678), and his friend Paisios Ligarides, Metropolitan of Gaza.

A decision was taken at this synod that accepted the changes made by Patriarch Nikon, but forced him to resign. This decision was put into practice, but the schism of the "Old Believers" was very strong; in fact, it remained strong even in the early twentieth century. Nikon's resignation did not pass easily and after he was

¹ Juliette al-Rassi. *Rihlat Makāriyus Ibn al-Za'īm*. P. 79–80 (I quote from *Rihlat Makāriyus Ibn al-Za'īm*. MS 802–805, British Library, London).

² *Ibid.*. P. 79–86.

³ *Ibid.* P. 72–77.

excommunicated, fires spread in Moscow, and there were fears of a serious revolt. The Russian state facilitated the return journey of the two Patriarchs as well as other prelates who participated in the synod¹.

During the same trip, Makarius was consulted on the second baptism of the Poles, which he strongly disapproved of, because Christian doctrine permits one baptism only. Makarius also met Catholic missionaries in Russia, who were trying to reunite the Russian church, as well as the Eastern churches, with the Catholic church linking them to Rome. This point is not clearly reflected in Paul's book, but it can be found in the archives of the Vatican and Napoli, published by Augustin Theiner in 1859.² For example, in the letter no. XXII, dated January 18th, 1668, we read: "The Apostolic Nuncio informs the Pope of the conversation between the Czar, the Polish ambassadors, and the Patriarchs of the East at Moscow on the subject of the succession to the throne of Poland and the reunification of the Russian Church and the Catholic Church"³. We find also in letter no. XXIII, dated March 18, 1668, the following: "The King of Poland invites the Patriarchs of Alexandria, Antioch and the Metropolitan of Gaza to meet in Moscow together with the Czar to take part in the meeting of the Eastern Church and the Catholic Church"⁴. There are also several other letters dealing with this subject.

Metropolitan of Gaza Paisios Ligarides, known for his ruses, played an important role in this matter, that is why he was persecuted in Moscow, according to his words⁵. He was one of the most famous authors of his time; he had studied at the school of the Greeks, or School of Saint Athanasios in Rome, which was under the patronage of the Jesuit brothers. He was sent by the synod of the Propagation of Faith in Rome to convert Orthodox Christians to the Catholic faith⁶.

As for Makarius, after completing his task at the Moscow Synod, and providing help in solving internal disputes in the Russian church, he lost his son Paul on the way back to Tbilisi, Georgia in 1669, where the latter was buried. Makarius then returned to Damascus, after having problems with the Ottomans in Constantinople, and died of poisoning soon afterwards, in 1672. His second trip to Russia strongly influenced the relations between the Patriarchate of Antioch and Russia, which would develop over time.

¹ Nukhba min safrat al-batriyark Makāriyus al-Ḥalabī. P. 134–135.

² Theiner A. *Monuments historiques relatifs aux règnes d'Alexis Michaélowitch, Féodor III et Pierre le Grand czars de Russie: extraits des archives du Vatican et de Naples*. Rome, 1859.

³ Theiner A. *Monuments historiques*. P. 50–52.

⁴ *Ibid.* P. 52–54.

⁵ See letter No. XXXI, Moscow, dated 25 September 1668 // Theiner A. *Monuments historiques*. P. 61–62; and letter XXIX, June 20, 1668 // *Ibid.* P. 60.

⁶ Nukhba min safrat al-batriyark Makāriyus al-Ḥalabī. P. 137–138.

III. Consequences of the travels

The journeys of the Russian messengers to the East, as well as those of the Antiochian Patriarchs and prelates to Russia, had a positive impact on both parties. Their consequences — material, religious, cultural, artistic and moral, were the following:

1. Settling the debts of the Orthodox Patriarchate by the Russian Tzars in the 16th and 17th century; their donations of precious gifts to churches and convents in the East.

2. Strengthening the position of the Orthodox Christians in the East who endured the vexations of the Ottomans.

3. Reconstruction of the churches in the East and their decoration in the Russian style, especially in Damascus by Archdeacon Paul. Unfortunately, these churches together with other buildings were destroyed during the events of 1860 in Damascus.

4. Writing, translation and publication of the liturgical and historical books by Patriarch Makarius Ibn al-Zaʿim. He composed five books during his first trip to Russia, and ten others during his second voyage. His son Paul also wrote a book on the first trip.

5. Participation in masses and ordinations of priests and deacons in Russia and other Christian countries, especially by Patriarch Makarius.

6. Support for the establishment of the Patriarchate of Moscow, by Patriarch Joachim.

7. Providing help in solving liturgical conflicts in Russia by participating in several synods like the one related to Nikon.

8. Participation in the discussions with the legate of the Pope of Rome on the issues of unification of the Orthodox and Catholic Churches.

9. Strengthening relations between the Church of Antioch and Russia, despite the pressure from the Ottomans.

Conclusion

It is due to the above discussed journeys that relations between the Orthodox Church of Antioch and Russia were established and became stronger through the centuries. These relations reached their peak in the 19th century when Russian officials took care of the Eastern Orthodox Christians by opening schools, hospitals, churches and other institutions, especially through the Palestinian Orthodox Society. Founded in 1882, it was financed by almost all the Russian people, and helped to drive out the poverty, ignorance and apostasy of the Orthodox Christians in Palestine, Syria and Lebanon.

Bibliography

1. Al-Rassi Juliette. Bayrūt wa Jabal Lubnān fī riḥlat Daniel al-rūsī (al-qarn al thānī ‘ashar) fī Lubnān fī kitābāt al-raḥḥāla [Beirut and Mount Lebanon in the voyage of Daniel the Russian (12th century) in Lebanon in the writings of the travelers] // *Manshūrāt al-Jamī‘a al-Lubnāniyya*. 2008. (Beirut). P. 38–96. (In Arabic).
2. Al-Rassi Juliette. Riḥlat Makāriyus Ibn al-Za‘īm kama ḥaṭṭa muhimma fī tārikh al-‘alāqāt bayna Rūsiyā wa Ūrthūdhux al-Sharq // Rūsiyā wa Ūrthūdhux al-Sharq. [The voyage of Makarius Ibn al-Za‘īm as a crucial point in the history of the relations between Russia and the Orthodox of Orient] // *Russia and the Orthodox of Orient. Manshūrāt Jamī‘at al-Balamand*. 1998. P. 63–97. (In Arabic).
3. Itinéraires russes en Orient / Traduit par Mme B. de Khitrowo pour la Société de l’Orient Latin. Vol. I, 1. Genève: Imprimerie Jules-Guillaume Fick, 1889.
4. Le pèlerinage du marchand Basile Posniakov aux Saints Lieux de l’Orient (1558–1561) // *Itinéraires russes en Orient*. Vol. I, 1. P. 285–334.
5. Levesque Pierre Ch. Histoire de Russie tirée des chroniques originales, de pièces authentiques et des meilleurs historiens de la nation. Vol. 3. Yverdon, 1783. URL: https://play.google.com/books/reader?id=55ITAAAAQAAJ&printsec=frontcover&output=reader&hl=en_GB&pg=GBS.PA2 (accessed 08.02.2018).
6. MS Sin. Ar. 385. Library of Saint Catherine's Monastery, Sinai, Egypt. (Arabic translation of a Greek work by Nikon of the Black Mountain).
7. Nukhba min safrat al-batriyark Makāriyus al-Ḥalabī, bi-qalam waladihi al-sham-mās Būlus / ‘uniya bi nashrihā al-khūrī Qisṭanṭīn al-Bāshā. [Selections from the Voyage of Patriarch Makarius al-Halabi, written by his son deacon Paul / Ed. by priest Constantine al-Basha]. Ḥārissā: Maṭba‘at al-Qiddīs Būlus, 1912. (In Arabic).
8. Papadopoulos Chrysostomos. Tārikh Kanīsat Antākya / Tarjamat al-‘usqf Istifanus Ḥaddād. [History of the Church of Antioch / Transl. from Greek by Archbishop Istifanus Haddad]. Bayrūt: Manshūrāt al-Nūr, 1984. (In Arabic).
9. Rassi Juliette. La profession de foi de Gennade II, Extrait de Al-Durr al-Manzūm // *Parole de l’Orient*. 1999. 24. P. 267–317.
10. Rassi Juliette. Le manuscrit arabe Sināī 385: s’agit-il des Pandectes de Nicon de la Montagne Noire? // *Parole de l’Orient*. 2009. 34. P. 157–236.
11. Rassi Juliette. Quelques aspects archéologiques et artistiques du voyage de Patriarche antiochien Joachim Daww (16ème siècle), présenté le 8 mars 2018 à l’Ecole Doctorale, Université Libanaise. 16 p. (Unpublished).
12. Récit du hiéromoine Grégoire du Mont Sināī, 1547 // *Itinéraires russes en Orient*. Vol. I, 1. P. 269–270.
13. Récit du moine Clément au moine Vassian sur les couvents de Jérusalem. Commencement du XVI siècle // *Itinéraires russes en Orient*. Vol. I, 1. P. 267–268.
14. Récit du moine Sophronius du couvent de Saint Sabbas-le-Béni, 1547 // *Itinéraires russes en Orient*. Vol. I, 1. P. 273–274.

15. *Riḥlat Makāriyus Ibn al-Zā'im*. [The voyage of Makaryus Ibn Al Za'im]. MS 802–805. British Library, London.

16. Rustum Asad J. *Kanīsat Madinat Allah Antākiya al-‘uzma. III ajza’*. [The Church of the City of God, Great Antioch. 3 vols.] // *Manshūrat al-Maktaba al-Būlisiyya*. 1988, June. (In Arabic).

17. Theiner A. *Monuments historiques relatifs aux règnes d'Alexis Michaélowitch, Féodor III et Pierre le Grand czars de Russie: extraits des archives du Vatican et de Naples*. Rome, 1859.

18. Troupeau Gérard. Ms no. 312. 3 // Troupeau G. *Catalogue des manuscrits arabes. Première partie: Manuscrits chrétiens. T. I. Nos. 1–323*. Paris: Bibliothèque Nationale, 1977. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k229964q.image> (accessed 08.02.2018). P. 273–275.

19. ‘Isa, the Metropolitan of Aleppo. *Qaṣīda*. [A poem composed on occasion of his voyage to Russia with Patriarch of Antioch Joachim V]. MS Arabe 312. Division des manuscrits orientaux, Bibliothèque Nationale de France, Paris. Fol. 19v–22r.

20. *Vie et pèlerinage de Daniel, Hégoumène Russe (1106–1107)* // *Itinéraires russes en Orient*. Tr. by Mme de Khitrowo for the Société de l’Orient Latin. Vol. I, 1. Genève: Imprimerie Jules-Guillaume Fick, 1889. P. 1–83.

Author’s Information

Juliette Rassi

PhD (History), Professor, Head of Doctoral studies in the field of History,
Lebanese University, Beirut

Museum, Beirut, Lebanon

E-mail: jrassi@ul.edu.lb

Tursun I. Sultanov (FAAS, SPbU, St Petersburg, Russia)

The Department of Central Asia and Caucasus of St Petersburg University: from its Foundation till Today

Summary: The history of Central Asia (Turkestan), or Turkestan studies, is a traditional academic discipline for St Petersburg, which goes back to the first half of the XIX century. The rise of the Turkestan studies in Russia is tied to the name of Vasily Vladimirovich Bartold (1869–1930), also known as Wilhelm Barthold, who founded the school of the Turkestan studies in St Petersburg. Vasily Bartold identified Muslim sources that formed the scholarly base of the Turkestan studies. He also authored the fundamental works of the discipline. During the Soviet times, the Central Asian studies in Leningrad focused on archeology, ethnography and linguistics, while studying the history of Turkestan (Kazakhstan and Central Asia) was considered the prerogative of the national Soviet republics. In the new geopolitical conditions emerged after the collapse of the Soviet Union, the Russian Federation faced the need to train its own qualified Central Asia and Caucasus experts.

Considering the interests of Russia and its scholarly tradition, in 1996 at the Oriental faculty (Faculty of Asian and African Studies) of the St Petersburg State University the department of the Central Asia and Caucasus was established. The Oriental studies and their teaching in the Faculty are based on the principles forged by Vasily Bartold. Among them, worth highlighting are the understanding of the historical and cultural unity of Turkestan (modern term — Central Asia) as opposite to the tendency to see the history of Turkestan as the sum of local and national histories, comprehensive study of different Muslim sources, simultaneous teaching of the Turkic and Iranian languages.

The Caucasian studies at the Oriental faculty developed since the middle of the XIX century, primarily due to the efforts of Dean of the Faculty Mirza Kazembek. At the turn of the XX century Azerbaijani, Georgian and Armenian departments opened there. The academicians N. Marr (1864–1934) and J. Orbeli (1887–1961) made large contributions to the study of the Christian Caucasus. During the Soviet time a comprehensive approach to the Caucasian Studies was developed, encompassing the full historical and cultural study of the territories stretching from the northern foothills of the North Caucasus to the southern borders of the Transcaucasian republics of the USSR. The majority of Russian Oriental studies specialists agreed that despite the

ethnic and religious divisions, the Caucasus is a single historical region; and starting from the early Middle Ages, the main sources on the history and culture of the Caucasus are the materials in Arabic, Persian and Turkish.

The revival of teaching of the Caucasian history disciplines at the Oriental faculty began in 2000 with the opening of the sub-department dedicated to the “History of Caucasus and Turkey”, focused on the Muslim Caucasus. In 2002 at the department of Iranian philology a sub-department “Caucasian Studies: Armenian and Georgian Philology” opened, which focused on the study of the Christian Caucasus. The experience of these sub-departments showed a need to unite them under the umbrella of one department — that of the Central Asia and Caucasus. While keeping a comprehensive regional approach, special emphasis in the curriculum was placed on geographical, historical and linguistic aspects. A system of the three Caucasian Studies departments (Azerbaijani, Georgian and Armenian) was formed. The education of the students specialising in the Caucasian studies includes learning one of the three classical Muslim languages and two Caucasian languages. The history of the Caucasus is taught as a part of the history of the Middle East and Russia. The effectiveness of the Department’s work is proven by the successful research, teaching and practical work of its *alumni*.

Keywords: Turkestan; Turkestan studies; Central Asian studies; Caucasian studies; Department of Central Asia and the Caucasus of SPbU; teaching of Oriental studies; integrated regional studies.

Султанов Т. И. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ)
**Кафедра Центральной Азии и Кавказа СПбГУ:
с момента учреждения до наших дней**

Аннотация: Для петербургского востоковедения история Средней Азии (Туркестана), или туркестановедение, является традиционной дисциплиной, зародившейся в первой половине XIX в. Расцвет российского туркестановедения связан с именем академика В. В. Бартольда (1869–1930), в результате деятельности которого сформировалась петербургская школа туркестанских исследований. В. В. Бартольд выделил ту часть рукописной мусульманской литературы, которая составляет источниковедческую базу туркестановедения. Он же создал фундаментальные труды по этой дисциплине. В советское время среднеазиатские исследования в Ленинграде были сосредоточены на археологии, этнографии и лингвистике региона, тогда как изучение истории Туркестана (Казахстана и Средней Азии) считалось прерогативой национальных советских республик. В условиях новой геополитической реальности, возникшей в связи с появлением независимых государств после распада СССР, в России возникла потребность в подготовке высококвалифицированных экспертов по Центральной Азии и Кавказу. Учитывая интересы России и ее научные традиции, в 1996 году на Восточном факультете СПбГУ впервые была учреждена кафедра Центральной Азии и Кавказа. Востоковедное образование и исследования на кафедре базируются на принципах научной школы академика В. В. Бартольда,

главными из которых являются осознание историко-культурной целостности Туркестана (современный термин — Центральная Азия), отход от тенденции видеть в истории Туркестана сумму локальных и национальных историй, комплексное изучение мусульманских источников, одновременное изучение тюркских и иранских языков.

Кавказское направление на Восточном факультете развивалось с середины XIX в. (Мирза Казембек). На рубеже XIX и XX вв. были открыты азербайджанское, грузинское и армянское отделения. Академики Н. Я. Марр (1864–1934) и И. А. Орбели (1887–1961) внесли большой вклад в изучение христианского Кавказа. В советское время появился подход к кавказоведению как к комплексной дисциплине, охватывающей весь историко-культурный ареал от северных предгорий Кавказского хребта до южных границ закавказских республик СССР. Российское востоковедение в целом согласно с тем, что, несмотря на этническую и конфессиональную разделенность, Кавказ является единым регионом и, начиная с раннего Средневековья, основными источниками для изучения истории и культуры Кавказа являются материалы на арабском, персидском и турецком языках.

Восстановление преподавания дисциплин кавказоведческого цикла на Восточном факультете началось в 2000 г. с открытия на кафедре Центральной Азии и Кавказа отделения «История Кавказа и Турции», нацеленного на изучение мусульманского Кавказа. В 2002 г. при кафедре иранской филологии было открыто отделение «Кавказоведение: армяно-грузинская филология», сосредоточившееся на изучении христианского Кавказа. Опыт работы данных отделений показал необходимость объединения их на одной кафедре — кафедре Центральной Азии и Кавказа. При сохранении комплексного регионального подхода была усилена страноведческая, историческая и языковая подготовка; сложилась система трех кавказоведческих отделений: азербайджанского, грузинского и армянского. Подготовка студентов-кавказоведов базируется на изучении одного из трех классических мусульманских языков и одного или двух кавказских языков; история Кавказа изучается как часть истории Ближнего Востока, Среднего Востока и России. Об эффективности работы кафедры свидетельствует успешная научная, преподавательская и практическая деятельность ее выпускников.

Ключевые слова: Туркестан; туркестановедение; среднеазиатские исследования; кавказоведение; кафедра Центральной Азии и Кавказа СПбГУ; востоковедное образование; комплексный региональный подход.

Для петербургского востоковедения история Средней Азии (Западного и Восточного Туркестана) является традиционной дисциплиной, начальный этап формирования которой относится к первой половине XIX века. Именно на Восточном факультете Санкт-Петербургского университета и в Азиатском Музее Императорской Академии наук (ныне Институт восточных рукописей РАН) сложились те коллекции восточных рукописей и монет, которые стали

основой последующих туркестановедческих (среднеазиатоведческих) штудий столь крупных российских востоковедов XIX в., как Х. Д. Френ, П. С. Савельев, Б. А. Дорн, и в особенности В. В. Григорьев, В. В. Вельяминов-Зернов и Н. В. Веселовский.

Наивысший расцвет российского туркестановедения связан с именем академика В. В. Бартольда (1869–1930), в результате преподавательской и научной деятельности которого окончательно сформировалась *петербургская школа туркестанских исследований*¹. В научной и преподавательской деятельности Василия Владимировича Бартольда можно выделить три направления:

- изыскания в области политической, социальной и этнической истории;
- изыскания по исторической географии;
- источниковедческие исследования.

До появления основополагающих трудов В. В. Бартольда туркестановедения как специальной востоковедной дисциплины не существовало ни в России, ни в Западной Европе. История Средней Азии (Восточного и Западного Туркестана) попадала в поле зрения востоковедов лишь как периферийная история Ирана или Арабского халифата, а позднее как история колониальных устремлений России и Великобритании (*«Большая игра»*).

В отличие от своих немногих предшественников В. В. Бартольд выделил, исследовал и охарактеризовал в огромном фонде рукописной мусульманской историографической и географической литературы (арабской, персидской и тюркской) ту ее часть, которая и поныне составляет базу всех работ по туркестановедению. Именно системное использование мусульманского фонда позволило В. В. Бартольду создать фундаментальные труды, на которых строится вся дальнейшая исследовательская работа петербургской школы туркестановедения и ее ответвлений.

Крупнейший синолог, академик В. М. Алексеев (1881–1951) назвал В. В. Бартольда гигантом Восточного факультета, последним из могокан комплексного востоковедения, после ухода которых «каждый будет смотреть на Восток из своего уголка, а целого Востока не увидит»².

Важнейшим этапом в развитии туркестановедения и изучения истории Востока в целом стало издание собрания сочинений В. В. Бартольда, предпринятое в 60–70-х годах прошлого века (девять томов в десяти книгах, библиографический

¹ Султанов Т. И. Вклад российских ученых в изучение Туркестана // Казахстан: история, культура, язык. Материалы Международной научно-практической конференции. 30 сентября 2003 г. Межпарламентская Ассамблея Евразийского Экономического Сообщества. Санкт-Петербургский государственный университет. СПб.: ООО «Бере-ста», 2003. С. 17–20.

² Цит. по: *Баньковская М. В.* «Памятка» — в напоминание (к двум датам биографии Ю. К. Щуцко) // *Петербургское востоковедение*. Вып. 9. 1997. С. 479.

и архивный указатель)¹. До этого события труды В. В. Бартольда не были полностью доступны даже в основных востоковедных центрах СССР и не формировали с достаточной ясностью для новых поколений ученых целостной системы, именуемой обычно «научной школой».

Учениками и продолжателями В. В. Бартольда на Восточном факультете и в Азиатском музее (ныне Институт восточных рукописей РАН) было по существу все последующее поколение вплоть до нынешнего поколения историков-востоковедов, в тематике научных исследований которых Средняя Азия занимала немалое, а зачастую основное место до административного упразднения туркестановедения в Ленинграде в конце 1940–1950-х гг., связанного с репрессиями и иными действиями того же плана. Тогда же туркестановедческие исследования были переданы в академии наук союзных республик Средней Азии. Однако, несмотря на свою формальную ликвидацию, туркестановедение продолжало сохраняться в латентном состоянии; сохранялись также кадры историков-востоковедов и источниковедов, продолжавших освоение тех рукописных сокровищ и иных материалов, которые имеются в Петербурге.

Что касается петербургско-ленинградской научной школы, то в последние десятилетия существования СССР среднеазиатские исследования (часто достигавшие выдающихся результатов) были сосредоточены на археологии (В. Массон, А. Мандельштам, Б. Маршак, Евгений и Тамара Зеймаль), этнографии (Н. Кисляков, А. Розенфельд, В. Курьлев) и лингвистике (В. Лившиц, И. Стеблин-Каменский), тогда как изучение средневековой, новой и новейшей истории считалось прерогативой национальных республик.

Изменение политической карты Евразии в последнее десятилетие двадцатого столетия коренным образом преобразило структуру кадровых потребностей российского общества и государства. В условиях новой геополитической реальности, возникшей в связи с распадом СССР и появлением независимых государств в Центральной Азии и на Южном Кавказе, в России возникла потребность в подготовке высококвалифицированных экспертов по Центральной Азии и Кавказу. В создавшейся политической и научной ситуации возрождение туркестановедения (среднеазиатоведения) и кавказоведения стало актуальнейшей задачей современного востоковедения.

Учитывая нынешние интересы России, ее научные традиции и ее роль на Востоке, сознавая неотложный характер мер по формированию учебного и научного центра с центральноазиатским и кавказским циклами, в соответствии с решением Ученого совета СПбГУ от 27 ноября 1995 года, приказом ректора Л. А. Вербицкой 1 февраля 1996 г. на Восточном факультете Санкт-Петербургского государственного университета **впервые** была открыта **кафедра Центральной Азии и Кавказа**.

---

¹ Бартольд В. В. Сочинения. Т. I–IX. М.: Наука, 1963–1977.

1 февраля 1996 г. — это официальная дата рождения новой, двенадцатой по счету в то время, кафедры на Восточном факультете СПбГУ. В действительности новая кафедра начала свое функционирование с начала 1995 г., когда начался подбор преподавательского состава кафедры, когда были созданы программы для начальных курсов бакалавриата, когда были набраны две группы студентов со специализацией «история Центральной Азии и Ирана», «история Центральной Азии и Турции», которые вначале числились по кафедре истории стран Ближнего Востока. А сама же идея создания новой кафедры впервые была высказана проф. В. Г. Гузевым и С. Г. Кляшторным (и горячо поддержана академиком М. Н. Боголюбовым, проф. И. М. Стеблин-Каменским, Н. Н. Дьяковым и другими авторитетными учеными Петербурга) еще в период распада единого политического, экономического и культурного пространства СССР и появления на юго-востоке обновленной России суверенных государств под новым собирательным названием «Центральноазиатские республики»; в период, когда отменялись старые порядки и отвергались традиционные взгляды и повсюду — от Камчатки до Бреста и от Североморска до Кушки — преобладание получили разрушительные тенденции.

Именно в это многотрудное для страны, для науки время члены Ученого совета Восточного факультета СПбГУ единогласно поддержали идею создания новой кафедры и своими решительными действиями ускорили ее официальное учреждение. Это, несомненно, было своевременное и мудрое решение. Ибо, как заметил еще В. В. Бартольд, опыт истории показывает, что в области науки, как и во всякой другой, необходимо, чтобы созидательная работа не откладывалась до окончания разрушительной, но шла параллельно ей, чтобы критика традиционных взглядов не приводила к беспочвенному скептицизму и субъективному произволу, чтобы одновременно с разрушением старого здания возводилось новое, на более прочных основаниях.

С момента формирования новой кафедры предполагалось и планировалось ее функционирование **как исторической кафедры** факультета. И вполне понятно поэтому, что востоковедное образование и востоковедные исследования на новой кафедре базируются на принципах научной школы академика В. В. Бартольда, главными из которых являются:

- осознание историко-культурной целостности Туркестана, его исторической близости к цивилизациям Передней Азии и решительный отход от сложившейся в 1930–1970-х годах тенденции видеть в истории Туркестана лишь сумму локальных и национальных историй;
- комплексное и системное изучение всего репертуара мусульманских источников средневекового периода, а на их основе — и само изучение истории Востока¹.

¹ О термине Туркестан и о подходах к туркестановедению как к востоковедной дисциплине читайте: Джандосова З. А. Десять Туркестанов: разные значения одного

В. В. Бартольд неоднократно подчеркивал, что тюрколог, как и иранист (историю Ирана до монгольского периода также приходится изучать преимущественно по иноземным источникам — греческим и арабским), редко становится историком. Для изучения истории тюркских народностей недостаточно быть тюркологом, необходимо быть также, смотря по тому, какой эпохой интересуешься, синологом, арабистом или иранистом¹.

Памятуя эти слова основателя русского туркестановедения, студенты со специализацией «история Центральной Азии» обязательно изучают с первого курса два восточных языка — турецкий и персидский, а с третьего курса еще — таджикский или узбекский.

Обратимся теперь к кавказскому циклу. Кавказское направление на Восточном факультете активно развивалось с середины XIX в., прежде всего благодаря стараниям выдающегося востоковеда, декана факультета в 1855–1861 гг., члена-корреспондента Академии наук Мирзы Казембека. В дальнейшем, на рубеже XIX–XX веков, оно было представлено филологическими программами. Были открыты азербайджанское, грузинское и армянское отделения. Наиболее выдающимся представителем кавказоведения в этот период был академик Н. Я. Марр (1864–1934). В дальнейшем весомый вклад в данную отрасль востоковедения внес академик И. А. Орбели (1887–1961), который в 1955 г. возглавил кафедру истории Ближнего Востока ЛГУ. В последующие годы изучение Кавказа в Петербургском (Ленинградском) университете было практически прекращено. Основные учебные программы и курсы стали преподаваться в университетах союзных республик Закавказья. Направление, которое представляли Н. Я. Марр и И. А. Орбели — изучение «христианского Кавказа», т. е. понимания кавказоведения как суммы грузино- и армяноведения, — практически угасло.

Вместе с тем в 1920–1970-х годах родился новый подход к кавказоведению как к комплексной дисциплине, охватывающей весь историко-культурный ареал от северных предгорий Кавказского хребта до южных границ закавказских республик. В силу особенностей национальной политики недавнего прошлого этот огромный регион рассматривался как сообщество изолированных этнических анклавов, границы которых определялись административными решениями

топонима // Проблемы изучения нематериального культурного наследия народов Казахстана и Центральной Азии: топонимика, эпиграфика, искусство. Сборник материалов международной научной конференции. Алматы: EVO PRESS, 2014. С. 56–65; Султанов Т. И. Туркестан: историко-политологическое и географическое содержание термина // Энергия Казахстана. Алматы, 2000. № 3. С. 79–83; Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Государства и народы Евразийских степей. ОТ Древности к Новому времени. Третье издание, исправленное и дополненное. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2009. С. 5–13.

¹ Бартольд В. В. Сочинения. Т. V. М., 1968. С. 19, 454–455.

директивных органов. Таким образом, на исторически сложившуюся этническую, конфессиональную и культурную специфику различных частей Кавказа и Закавказья была наложена искусственная административно-политическая структура, чуждая существовавшим историческим этнотерриториальным объединениям, но во многом определявшая нынешнее состояние всего региона.

Для изучения Кавказа с позиции традиционного российского востоковедения следует иметь в виду, что, несмотря на этническую и конфессиональную разделенность, Кавказ вместе с тем являлся и является **единым регионом**, где в течение без малого полутора тысячелетий сосуществуют и активно воздействуют друг на друга два цивилизационных ареала, порожденных его положением на стыке между Азией и Европой.

Начиная с раннего Средневековья, основными источниками для изучения истории и культуры Кавказа все более становятся материалы на арабском, персидском и турецком языках. Для северной части ареала и Азербайджана эти материалы, помимо русских документов (начиная с XVII–XVIII вв.), имеют определяющее историческое значение, а для Армении и Грузии они не менее важны, чем источники на языках этих стран. В этой связи небезынтересно, что персидский язык, как заметил проф. И. П. Петрушевский, еще в первой половине XIX в. в закавказских ханствах играл роль литературного языка феодальной верхушки¹.

Восстановление преподавания дисциплин кавказоведческого цикла на Восточном факультете началось в 2000 г. с открытия отделения «История Кавказа и Турции», нацеленного на изучение мусульманского Кавказа. В 2002 г. при кафедре иранской филологии было открыто отделение «Кавказоведение: армяно-грузинская филология», сосредоточившееся на изучении христианского Кавказа (руководитель отделения А. К. Шагинян). В 2004 г. на кафедре иранской филологии была предпринята попытка открытия отделения «Иранская филология (алановедение)», однако в связи с тем, что преподавание осетинского и аланского языков так и не было налажено, решением Ученого совета учебный план отделения был стандартизирован под учебный план отделения «Иранская филология».

Опыт работы данных отделений показал необходимость объединения и координирования их на одной кафедре, что и было произведено переводом отделения «Кавказоведения» на кафедру Центральной Азии и Кавказа (руководитель отделения А. К. Алексеев). При сохранении комплексного регионального подхода было решено усилить страноведческую, историческую и языковую подготовку, в результате на кафедре сложилась система трех кавказоведческих отделений: в 2008 г. было открыто отделение «История Кавказа

¹ Петрушевский И. П. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI — нач. XIX в. Л.: Изд-во ЛГУ, 1949. С. 384.

(Азербайджан)» (изучаемые восточные языки: персидский, турецкий, азербайджанский), в 2009-м — отделение «История Кавказа (Армения)» (изучаемые восточные языки: армянский, персидский, грузинский), а в 2012-м — отделение «История Кавказа (Грузия)» (изучаемые восточные языки: грузинский, персидский, армянский).

Учитывая неразрывные связи истории Кавказа как с историей Ближнего и Среднего Востока, так и с историей России, и специфику кавказоведческих исследований, ее ориентированность, подготовка студентов-кавказоведов (как сказано) базируются на изучении одного из трех классических литературных мусульманских языков — арабского, персидского или османо-турецкого, а также изучается как часть истории Ближнего Востока, Среднего Востока и России.

Таким образом, специалист, окончивший курс по кафедре Центральной Азии и Кавказа, будет сочетать общие и специальные знания и в области тюркологии, и в области иранистики, и в области кавказоведения, знать и иметь опыт исследования как истории Центральной Азии, так и Кавказа.

О ходе работы кафедры свидетельствует успешная научная, преподавательская и практическая деятельность ее выпускников: их ныне (2019 г.) более 50, из которых 14 стали кандидатами исторических наук, 1 — кандидатом экономических наук. Выпускники кафедры работают в учреждениях РАН (МАЭ им. Петра Великого «Кунсткамера», Институте восточных рукописей), Гос. Эрмитаже, вузах (СПбГУ, ИСАА при МГУ), структуре МИД России (4-й Департамент СНГ), посольстве РФ в Иране, Генеральном консульстве РФ в Стамбуле и др., в органах государственной власти РФ, в коммерческих структурах, ведущих деятельность в странах Азии и Африки.

В заключение следует особо отметить, что цели и задачи петербургского туркестановедения и кавказоведения, их несвязанность с какими-либо региональными, этническими или другими пристрастиями и привязанностями, роль Петербурга как одного из международных центров востоковедения и традиционно высокий методологический уровень исследовательской и образовательной работы — все это открыло возможности относительно быстрого возрождения здесь образовательного центра углубленного изучения Центральной (Средней) Азии и Кавказа, прежде всего историографического изучения в связи с историей как мусульманского мира, так и России.

Список литературы

1. Баньковская М. В. «Памятка» — в напоминание (к двум датам биографии Ю. К. Щуцкого) // *Петербургское востоковедение*. Вып. 9. 1997.
2. Бартольд В. В. Сочинения. Т. V. М.: Наука, 1968. 757 с.
3. Бартольд В. В. Сочинения. Т. I–IX. М.: Наука, 1963–1977.

4. Джандосова З. А. Десять Туркестанов: разные значения одного топонима // Проблемы изучения нематериального культурного наследия народов Казахстана и Центральной Азии: топонимика, эпиграфика, искусство. Сборник материалов Международной научной конференции. Алматы: EVO PRESS, 2014. С. 56–65.

5. Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Государства и народы Евразийских степей. От Древности к Новому времени. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2009. 432 с.

6. Петрушевский И. П. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI — нач. XIX в. Л.: Изд-во ЛГУ, 1949. 182 с.

7. Султанов Т. И. Вклад российских ученых в изучение Туркестана // Казахстан: история, культура, язык. Материалы Международной научно-практической конференции. 30 сентября 2003 г. Межпарламентская Ассамблея Евразийского Экономического Сообщества. СПбГУ. СПб.: ООО «Береста», 2003. С. 17–20.

8. Султанов Т. И. Туркестан: историко-политологическое и географическое содержание термина // *Энергия Казахстана*. (Алматы). 2000. № 3. С. 79–83.

References

1. Ban'kovskaja M. V. «Pamyatka» — v napominanie (k dvum datam biografii Yu. K. Schutского). [“Memo” — as a reminder (to the two dates of the biography of Yu. K. Schutsky)] // *Peterburgskoe vostokovedenie*. Вып. 9. 1997.

2. Bartol'd V. V. Sochineniya (Works). Vol. I–IX. Moscow: Nauka, 1963–1977.

3. Bartol'd V. V. Sochineniya (Works). Vol. V. Moscow: Nauka, 1968. 757 p.

4. Dzhandosova Z. A. Desyat' Turkestanov: razniye znacheniya odnogo toponima. [Ten Turkestans: different meanings of one toponym] // *Problemy izucheniya nematerial'nogo kul'turnogo naslediya narodov Kazakhstana i Tsentral'noy Azii: toponimika, epigrafika, iskusstvo. Sbornik materialov mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. Алматы: EVO PRESS, 2014. P. 56–65.

5. Klyashtorny S. G., Sultanov T. I. Gosudarstva i narody Evrazijskih stepej. Ot Drevnosti k Novomu vremeni. Tret'ye izdanie, ispravlennoe i dopolnennoe. [States and peoples of the Eurasian steppes. From Antiquity to the Modern Period. 3rd edition, revised and supplemented]. St Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2009. 432 p.

6. Petrushevskiy I. P. Ocherki po istorii feodal'nyh odnosheniy v Azerbajdzhanе i Armenii v XVI — nach. XIX vv. [Essays on the history of feudal relations in Azerbaijan and Armenia in the XVI — beg. XIX centuries]. Leningrad: Izdatel'stvo LGU, 1949. 182 p.

7. Sultanov T. I. Turkestan: istoriko-politologicheskoye i geograficheskoye sodержanie termina. [Turkestan: historical, political, and geographical content of the term] // *Energija Kazahstana*. (Almaty). 2000. № 3. P. 79–83.

8. Sultanov T. I. Vklad rossiyskikh uchenyh v izuchenie Turkeстана. [The contribution of Russian scholars to the study of Turkestan] // *Kazakhstan: istoriya, kul'tura, yazyk. Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. 30 sentyabrya 2003 g. Mezhparyamentskaya Assambleya Evraziyskogo Ekonomicheskogo Soobshchestva. SPbGU. St Petersburg: ООО «Beresta», 2003. P. 17–20.

Author's information

Tursun Ikramovich Sultanov

Doctor of History, Professor, Department of Central Asia and Caucasus,
Faculty of Asian and African Studies, St Petersburg University

11, Universitetskaya nab., St Petersburg, 199034, Russia

E-mail: tursun_sultanov@mail.ru

Информация об авторе

Султанов Турсун Икрамович

доктор исторических наук, профессор, кафедра Центральной Азии
и Кавказа, Восточный факультет, СПбГУ

РФ, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 11

E-mail: tursun_sultanov@mail.ru

Daria Vasilyeva (State Hermitage Museum, St Petersburg, Russia)

Elephants as Diplomatic Gifts: Nādir Shāh's Embassy of 1739–1742¹

Summary: The compelling story of the embassy sent to the Russian court in 1739 by Iranian monarch Nādir Shāh Afshār (1736–1747) can be considered one of the most remarkable episodes of diplomatic relations between Russia and Iran. This extraordinary embassy was aimed at announcing the triumphant victory of Nādir Shāh over the Emperor of the Great Mughals Muḥammad Shāh (1719–1748) and the conquest of Bukhara and Khiva that followed soon after the Indian campaign.

Diplomatic gifts brought by the embassy to St Petersburg included high-status jewellery items, lavishly decorated vessels and other precious objects from the Mughal treasury plundered by Nādir Shāh's army, along with textiles of different sorts and colours. The substantial Iranian delegation numbered sixteen elephants accompanied by forty-two Indian male elephant keepers of different ages. Historical sources documented the everyday life of the embassy on its way to St Petersburg and described how the elephants were being taken care of.

Sending elephants to the Imperial Russian court continued the practice of exchanging rare species of wild, tamed and domesticated animals and birds as official diplomatic presents between Russian and Iranian monarchs, already common by that time. The first mention of an unusual beast brought to Russia refers to the time of Tsar Ivan IV the Terrible (1533–1584). According to a postscript to 'Piskarevsky Chronicler' ('Piskarevskiy letopisets'), among presents gifted to Tsar Mikhail Fyodorovich (1613–1645) were two elephants accompanied by 'Moors'. For the first time this

---

¹ Васильева Д. О. Живые подарки: слоны посольства Надир-шаха 1739–1742 годов // XXX Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки. К 150-летию академика В. В. Бартольда (1869–1930). 19–21 июня 2019 г. Материалы конгресса. СПб.: Студия «НП-Принт», 2019. Т. 1. С. 179–187. / Vasil'eva D. O. Zhiviye podarki: slony posol'stva Nadir-shakha 1739–1742 godov [Live presents: elephants of the embassy of Nādir Shāh in 1739–1742] // XXX International Congress on Historiography and Source Studies of Asia and Africa: On the Occasion of the 150th Anniversary of Academician Vasily V. Barthold (1869–1930). 19–21 June 2019 / Ed. by Nikolay N. Dyakov, Alexander S. Matveev. St Petersburg: NP-Print Publishers, 2019. Vol. 1. P. 179–187. (In Russian).

Illustrations: © The State Hermitage Museum, St Petersburg.

Photographers: Pavel Demidov, Konstantin Sinyavsky.

exotic animal, dispatched from Iran by the embassy of Faḡl 'Alī Bik together with other animals and birds, appeared in St Petersburg during the time of Peter I the Great. Elephants were brought to the Russian capital from Iran again in 1723 and 1737.

Nine out of fourteen elephants that reached St Petersburg in autumn 1741 were gifted to Ivan VI (1740–1741). Regent Anna Leopoldovna, her husband Anton Ulrich, Princess Elizabeth Petrovna, Count Andrey Osterman (Heinrich Johann Friedrich Ostremann) and Oberhof Marshal Reinhold Gustaw von Loewenwolde were presented with one animal each.

In early summer of 1741 preparatory arrangements were started in St Petersburg to meet and house the foreign guests. The Elephant Yard ('Slonoviy dvor') constructed near the Fontanka river close to the Summer Palace (Letniy dvorets) for the elephant sent from Iran with the previous embassy was to be enlarged. The existing elephant barn was renovated, and a second barn with a similar layout was built. The construction of the third barn was finished by mid-November 1741. By January 1742 this complex of buildings was supplemented by a shed, an icehouse, a kitchen and stables.

The Elephant Square leading to the Fontanka was constructed opposite the barns, and the footbridge was built for the purpose of walking and bathing the animals. The river was cleaned, and poles were installed to strengthen the riverbank. Apart from building the barns, reconstruction works were carried out to strengthen city bridges prior to the animals' arrival.

In 1742 half of the keepers, by that time numbering thirty-eight people, joined by the former elephant keeper Āghā Ṣadiq, returned to Iran together with the embassy. In 1743 eight out of the remaining nineteen elephant keepers who stayed in Russia were dismissed to Persia by the order of Elizabeth Petrovna (1741–1761).

The population of the elephants settled in St Petersburg was gradually reducing. The last female elephant gifted by Nādir Shāh died in 1765. Several decades later, in 1797 and 1815, elephants appeared in St Petersburg again with embassies sent from Bukhara and Iran.

Keywords: Diplomatic relations between Russia and Iran; embassy of Nādir Shāh Afshār; elephants in St Petersburg.

Васильева Д. О. (Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, РФ)

Слоны как дипломатический дар: посольство Надир-шаха 1739–1742 гг.

Резюме: Отправление торжественного чрезвычайного посольства Надир-шаха Афшара к российскому двору в 1739 г. является одной из ярких страниц дипломатических отношений России и Ирана. Поводом для снаряжения посольства послужила победа Надир-шаха (1736–1747) над правителем империи Великих Моголов Мухаммад-шахом (1719–1748), а также завоевание Бухары и Хивы, последовавшее вскоре после индийского похода.

Дипломатические дары, привезенные в Петербург, включали драгоценные украшения, сосуды и предметы утвари из могольской сокровищницы,

захваченной войском Надир-шаха, а кроме того ткани различных сортов и расцветок. Представительную иранскую делегацию сопровождали шестнадцать слонов, за которыми смотрели сорок два индийских служителя. Исторические документы сохранили сведения о том, как была обустроена жизнь посольства во время его нахождения на территории России и каким образом был организован уход за слонами.

Отправка слонов являлась продолжением практики обмена редкими видами диких, прирученных или домашних животных и птиц в качестве официальных дипломатических подарков, сложившейся к этому времени между монархами России и Ирана. Первое упоминание о необычном звере, привезенном в Россию, относится к правлению Ивана IV Грозного (1533–1584). Согласно приписке к «Пискаревскому летописцу», среди подарков царю Михаилу Федоровичу (1613–1645) находились два слона с «арапами». В Петербург диковинное животное впервые было приведено из Ирана в петровское время в составе посольства Фазл 'Али-бека, вместе с прочими животными и птицами. Еще дважды слонов доставляли в российскую столицу из Ирана в 1723 и 1737 гг.

Из четырнадцати слонов, достигших Петербурга осенью 1741 г., девять особей были переданы императору Иоанну Антоновичу (1740–1741). По одному животному было назначено в дар правительнице Анне Леопольдовне, ее супругу Антону Ульриху, царевне Елизавете Петровне, а также графу Андрею Ивановичу Остерману и обер-гофмаршалу Рейнгольду Густаву Левенвольде.

В начале лета 1741 г. в столице начались активные приготовления к встрече и размещению прибывающих гостей. Слоновый двор, возведенный у Фонтанки поблизости от Летнего дворца для слона, доставленного с предыдущим посольством, и нуждавшийся в расширении, был перестроен и дополнен вторым амбаром со схожей планировкой. К середине ноября 1741 г. был воздвигнут третий слоновник, а к январю 1742 г. этот комплекс сооружений был дополнен прочими строениями, включившими сарай, ледник, кухню и конюшню.

Для выгуливания и купания животных напротив амбаров было решено разбить Слоновую площадь, ведущую к Фонтанке, и построить мостки. Сама река была расчищена, а ее берег укреплен сваями. Помимо строительства амбаров к приезду зверей были произведены масштабные ремонтные работы по укреплению городских мостов.

В 1742 г. половина слоновых смотрителей, к тому времени насчитывавших тридцать восемь человек, вернулась в Иран вместе с посольством. С ними отправился на родину и прежний слоновщик Ага-Садък. В 1743 г. восемь из девятнадцати оставшихся в России слоновых служителей по указу Елизаветы Петровны (1741–1761) были отпущены в Персию.

Поголовье слонов, оставшихся в Петербурге, постепенно сокращалось, и в 1765 г. пала последняя слониха, подаренная Надир-шахом. Вновь слоны появились в Петербурге лишь спустя несколько десятилетий, в 1797 г., а затем в 1815 г. с приездом посольств, отправленных из Бухары и Ирана.

Ключевые слова: Русско-иранские дипломатические отношения; посольство Надир-шаха; слоны в Петербурге.

The compelling story of the embassy sent to the Russian court in 1739 by Iranian monarch Nādir Shāh Afshār (1736–1747) can be considered one of the most remarkable episodes of diplomatic relations between Russia and Iran.¹ This extraordinary embassy, headed by Sardār Khān and later passed under control of Muḥammad Ḥusayn Khān, was aimed at announcing the triumphant victory of Nādir Shāh over the Emperor of the Great Mughals Muḥammad Shāh (1719–1748) and the conquest of Bukhara and Khiva that followed soon after the Indian campaign.

Diplomatic gifts brought by the embassy to St Petersburg included high-status jewellery items², lavishly decorated vessels and other precious objects from the Mughal treasury plundered by Nādir Shāh's army, along with textiles of different

¹ For recent studies on the history of Nādir Shāh, see Axworthy M. *The Sword of Persia: Nader Shah, from tribal warrior to conquering tyrant*. London: I. B. Tauris, 2006. XIX, 348 p.; Floor W. *The Rise and Fall of Nader Shah: Dutch East India Company Reports 1730–1747*. Mage Publishers, 2009. 292 p.; Tucker E. S. *Nadir Shah's Quest for Legitimacy in Post-Safavid Iran*. Gainesville: University Press of Florida, 2006. XIV, 150 p.; Sabéran F. *Nader Chah ou la folie au pouvoir dans l'Iran du XVIIIe siècle*. Paris: Editions L'Harmattan, 2013. 258 p. For further reading, see Axworthy M. *The Army of Nader Shah // Iranian Studies*. Vol. 40. No 5. 2007, December. P. 635–646; Axworthy M. *Nader Shah and Persian Naval Expansion in the Persian Gulf, 1700–1747 // Journal of the Royal Asiatic Society*. Third Series. Vol. 21. No. 1. 2011, January. P. 31–39; Tucker E. *Explaining Nadir Shah: Kingship and Royal Legitimacy in Muhammad Kazim Marvi's "Tārīkh-i 'ālam-ārā-yi Nādirī"* // *Iranian Studies*. Vol. 26. No. 1/2. 1993, Winter–Spring. P. 95–117; Tucker E. *Nadir Shah and the Ja'fari Madhhab Reconsidered // Iranian Studies*. Vol. 27. No. 1/4: Religion and Society in Islamic Iran during the Pre-Modern Era. 1994. P. 163–179; and *Crisis, Collapse, Militarism and Civil War: The History and Historiography of 18th Century Iran* / ed. by Michael Axworthy. NY: Oxford University Press, 2018. 247 p., in particular the important article by Sussan Babaie 'Nader Shah, the Delhi Loot, and the 18th-Century Exotics of Empire' (p. 215–234) and valuable contributions by Michael Axworthy and Willem Floor. See also an important work on social and economic relations in Iran during the time of Nādir Shāh, largely based on archival documents, published in Russian by Marianna Arunova and Klara Ashrafyan: Арунова М. Р., Ашрафян К. З. *Государство Надир-шаха Афшара: очерки общественных отношений в Иране 30–40-х годов XVIII века / Академия наук СССР. Институт востоковедения. М.: «Восточная литература», 1958 / Arunova M. R., Ashrafyan K. Z. Gosudarstvo Nadir-shakha Afshara: ocherki obshchestvennykh otnosheniy v Irane 30–40-kh godov XVIII veka [The State of Nadir Shah Afshar: Essays on social relations in Iran in the 1730–40s] / Akademiya nauk SSSR. Institut vostokovedeniya. Moscow: "Vostochnaya literatura", 1958. 284 p. (In Russian).*

² Discussed in Васильева Д. О. *Могольские ювелирные украшения в составе даров посольства Надир-шаха // Ювелирное искусство и материальная культура. Сборник материалов конференции. 5–6 марта 2019 г. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2020. Вып. 6 / Vasil'eva D. O. Mogol'skie yuvelirnye ukrasheniya v sostave darov posol'stva Nadir-shakha [Mughal jewellery as part of gifts by the embassy of Nādir Shāh] // Yuvelirnoe iskusstvo i material'naya kul'tura. Sbornik materialov konferentsii. 5–6 marta 2019 g. St Petersburg: State Hermitage Publishers, 2020. Issue 6. (Forthcoming). (In Russian).*

Fig. 1. Portrait of Nādir Shāh

Signed by Bahrām. Iran. 1156 AH/ 1743–1744 AD

The State Hermitage Museum, St Petersburg. Inv. no. VR-552

sorts and colours. The substantial Iranian delegation consisted of diplomats, officials, military men and servants, with sixteen elephants accompanied by forty-two Indian male elephant keepers of different ages¹, four of them followed by wives.

¹ Arkhiv vnesheinei politiki Rossiyskoi imperii (Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire, hereafter AVPRI). Fond 77. Snosheniya Rossii s Persiei [Relations between Russia and Persia]. Opis' 77/1. 1740 g. Delo 9. Chast' I. Fol. 178; AVPRI. Fond 77. Snosheniya Rossii s Persiei. Opis' 77/1. 1740 g. Delo 15. Fol. 145v.

Sending elephants to the Imperial Russian court continued the practice of exchanging rare species of wild, tamed and domesticated animals and birds as official diplomatic presents between Russian and foreign monarchs, including those of Iran, already common by that time. One of the most high-demanded presents, often sent to Iran from Russia, were hunting birds used in falconry. Among gifts, delivered to the Safavid court by the embassy of Grigoriy Vasilchikov (1588–1589), Shāh ‘Abbās I (1587–1629) gave special attention to gyrfalcons.¹ In 1590 a gyrfalcon and a hobby were dispatched to Iran with Butak Bek and Andi Bek (Hādī Bīk), and these gifts were much appreciated by the shah.² Gyrfalcons were sent to the shah once again with Azi Khosrov and Andrei Zvenigorodskiy, but the hunting birds didn’t survive the trip, much to the shah’s disappointment.³ In autumn 1595 Andi Bek requested a number of wild animals, among them a black bear and a polar bear, and dogs of the Medelyan breed to be gifted to the shah. His request was partially granted, and animals were soon sent to Iran with both Andi Bek himself and several other Russian and Iranian diplomats and officials.⁴ In 1597 gyrfalcons and a white hawk, accompanied by gyrfalconers (‘krechetniki’), were brought to the shah by the ill-fated embassy of Vasilii Tyufyakin.⁵

This practice of gifting animals and birds as a diplomatic gesture continued well into the next century and beyond. Until 1740s hunting birds were still being brought to Iran and remained one of the most wanted diplomatic gifts for shahs and their offspring. In 1740 gyrfalcons were sent from Russia to Iran, and in the same year Russian officials considered dispatching ‘German well-grown riding horses’ that ‘would be regarded as curiosity’ as gifts to Nādir and his three sons.⁶ In the same

¹ See Бушев П. П. История посольств и дипломатических отношений русского и иранского государств в 1586–1612 гг. (по русским архивам) / АН ССР, Институт востоковедения. М.: Наука, 1976 / Bushev P. P. Istoriya posol’stv i diplomaticheskikh otnosheniy russkogo i iranskogo gosudarstv v 1586–1612 gg. (po russkim arkhivam) [History of embassies and diplomatic relations of the Russian and Iranian states in 1586–1612 (based on Russian archives)] / AN SSR, Institut vostokovedeniya. Moscow: Nauka, 1976. (In Russian). P. 107; Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией / изд. под ред. Н. И. Веселовского. СПб.: Товарищество паровой скоропечатни Яблонский и Перотт, 1890. Т. I: Царствование Федора Иоанновича / Pamyatniki diplomaticheskikh i torgovykh snosheniy Moskovskoi Rusi s Persiei [Records of diplomatic and trade relations between Muscovite Russia and Persia] / izd. pod red. N. I. Veselovskogo. St Petersburg, 1890. Vol. I: Tsarstvovanie Fedora Ioannovicha. [Reign of Fedor Ioannovich] (In Russian). P. 88.

² Bushev. *Istoriya posol’stv*. P. 142, 143; Pamyatniki diplomaticheskikh i torgovykh snosheniy Moskovskoi Rusi s Persiei. Vol. I. P. 148.

³ Pamyatniki diplomaticheskikh i torgovykh snosheniy Moskovskoi Rusi s Persiei. Vol. I. P. 203, 217, 246, 262.

⁴ *Ibid.* P. 305, 394–395, 402.

⁵ *Ibid.* P. 394, 440, 447.

⁶ AVPRI. Fond 77. Snosheniya Rossii s Persiei. Opis’ 77/1. 1740 g. Delo 6. Fol. 13v; Delo 15. Fol. 431; Delo 18. Fol. 1.

year four hunting dogs ('dogs that follow the hawks and track quails') and three small lap-dogs (lit.: 'small bed dogs') as well as three falcons and four gyrfalcons were requested to be brought from Astrakhan for the eldest son of Nādir Shāh, Rizā Qulī Mirzā.¹ Protocols of Empress Elizabeth Petrovna's meetings with the executives of the Collegium of Foreign affairs record that after a decree signed by Elizabeth in April 1745, hunting birds and gyrfalconers were to be dispatched to the shah with the return embassy to Iran.² Sent with the embassy of Mikhail Golitsyn were twenty-two gyrfalcons, twelve hobbies and twelve falcons.³

The first mention of an elephant sent to Russia from Arabia refers to the time of Tsar Ivan IV (the Terrible) (1533–1584).⁴ According to archival data, an elephant

¹ AVPRI. Fond 77. Snosheniya Rossii s Persiei. Opis' 77/1. 1740 g. Delo 9. Chast' II. Fol. 889r–889v; 1741 g. Delo 11. Fol. 136r–136v. Kutepov mentions three gyrfalcons and two falcons brought to Iran in 1740, see Кутепов Н. И. Великокняжеская, царская и императорская охота на Руси. Т. III: Царская и императорская охота на Руси. Конец XVII и XVIII век. СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1902 / Kutepov N. I. Velikoknyazheskaya, tsarskaya i imperatorskaya okhota na Rusi [Grand Ducal, Tsarist and Imperial hunting in Russia]. St Petersburg: Ekspeditsiya zagotovleniya gosudarstvennykh bumag, 1902. Vol. III: Tsarskaya i imperatorskaya okhota na Rusi. Konets XVII i XVIII vek [Tsarist and Imperial hunting in Russia. Late 17th and 18th century]. (In Russian). Endnote 24.

² AVPRI. Fond 2. Vnutrennie kollezhskie dela [Internal affairs of the Collegium]. Opis' 2/6. 1745 g. Delo 814. Fols. 76v, 79v; Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М.: Российский фонд культуры; Студия «ТриТэ»; Российский Архив, 2007. [Вып. XVI] / Rossiyskiy arkhiv: Istoriya Otechestva v svдетельствakh i dokumentakh XVIII–XX vv. [Russian archive: History of Motherland in testimonies and documents of the 18th–20th centuries]. Moscow: Rossiyskiy fond kul'tury, Studiya 'TriTe', 'Rossiyskiy Arkhiv', 2000. [Issue XVI]. (In Russian). P. 111, 112.

³ Kutepov N. Velikoknyazheskaya, tsarskaya i imperatorskaya okhota na Rusi. P. 21–22, endnote 24.

⁴ Shtaden states that the animal was brought 'from Arabia' with a keeper, see Штаден Г. Записки о Московии. М.: Древлехранилище, 2008. Т. 1: Публикация / Shtaden G. (Staden Heinrich von). Zapiski o Moskovii [Notes on Muscovite affairs]. Moscow: Drevlekhranilishche, 2008. Vol. 1: Text. (In Russian). P. 124–127, 170–171. See also Петрей де Ерлезунда, П. История о Великом княжестве Московском, происхождении великих русских князей, недавних смутах, произведенных там тремя Лжедмитриями, и о московских законах, нравах, правлении, вере и обрядах, которую собрал, описал и обнародовал Петр Петрей де Ерлезунда в Лейпциге 1620 года. М.: Университетская типография (Карков и К), 1867 / Petrei de Erlezunda P. Istoriya o Velikom knyazhestve Moskovskom, proiskhozhdenii velikikh russkikh knyazei, nedavnikh smutakh, proizvedennykh tam tremya Lzhedmitriyami, i o moskovskikh zakonakh, nrvakh, pravlenii, vere i obryadakh, kotoruyu sobral, opisal i obnarodoval Petr Petrei de Erlezunda v Leiptsige 1620 goda [The history of the Grand Duchy of Moscow, the origin of the Great Russian Princes, the recent turmoil organised there by three False Dmitrys, and Moscow laws, customs, government, faith and ceremonies gathered, described and made public by Petr de Erlezunda in Leipzig in 1620].

was brought to Moscow in 1567 by Sekit Imildesh, envoy of the Shamhal of Tarki.¹ A mention of an elephant sent to the tsar is also found in archival documents related to 1620.² The mammal set out for Muscovite Russia with the embassy of Bulat Bek (1619–1621). The embassy was accompanied by two ‘Moorish’ elephant keepers.³ However, the animal has not reached its destination for it was not listed among other diplomatic gifts presented by Bulat Bek to the tsar. It is important to note that shortly before the departure of the embassy for Moscow six elephants with ‘Moorish’ riders were received by the shah as part of lavish gifts from the Mughal emperor.⁴

According to a postscript to ‘Piskarevsky Chronicler’ (‘Piskarevskiy letopisets’), among presents gifted to Tsar Mikhail Fyodorovich (1613–1645) in 1625 were two elephants accompanied by ‘Moors’ (‘arapy’).⁵ It’s not clear, though, if the ‘Moorish’ (African) appearance of elephant keepers and riders reflected in Russian sources was related more to their ethnic identity and origin, or rather, their skin colour.

In 1703 ‘Vedomosti’ reported, citing sources from Iran, that an elephant was sent by ‘the Indian tsar’ as part of numerous gifts to Peter I the Great (1682–1725). The animal was reported to have reached Shamakhi and set out by land for Astrakhan.⁶ No further information on its route and whereabouts appeared in later issues of the

---

Moscow: Universitetskaya tipografiya (Katkov i K), 1867. (In Russian). P. 162. It should be taken into consideration, though, that Heinrich von Staden’s account lacks credibility, still remaining a matter of discussion.

¹ Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом: Материалы, извлеченные из Московского главного архива министерства иностранных дел. М.: Университетская типография, 1889. Вып. 1: 1578–1613 гг. / Belokurov S. A. Snosheniya Rossii s Kavkazom. Materialy, izvlechenyye iz Moskovskogo glavnogo arkhiva ministerstva inostrannykh del [Relations between Russia and the Caucasus. Materials extracted from the Moscow Main Archives of the Ministry of foreign affairs]. М.: Universitetskaya tipografiya, 1889. Issue 1: 1578–1613 gg. (In Russian). P. 578. Another source mentions ‘Moors’ (‘arapy’) as its keepers.

² Bushev P. P. Istoriya posol’stv i diplomaticheskikh otnosheniy russkogo i iranskogo gosudarstv v 1613–1621 gg. P. 234; Pamyatniki diplomaticheskikh i torgovykh snosheniy Moskovskoi Rusi s Persiei. St Petersburg, 1898. Vol. III: Tsarstvovanie Mikhaila Feodorovicha (prodolzhenie) [Reign of Mikhail Feodorovich (continuation)]. P. 388.

³ Bushev P. P. Istoriya posol’stv i diplomaticheskikh otnosheniy russkogo i iranskogo gosudarstv v 1613–1621 gg. P. 241; Pamyatniki diplomaticheskikh i torgovykh snosheniy Moskovskoi Rusi s Persiei. Vol. III. P. 501, 556, 557.

⁴ Bushev P. P. Istoriya posol’stv i diplomaticheskikh otnosheniy russkogo i iranskogo gosudarstv v 1613–1621 gg. P. 197; Pamyatniki diplomaticheskikh i torgovykh snosheniy Moskovskoi Rusi s Persiei. Vol. III. P. 422.

⁵ Полное собрание русских летописей / Академия наук СССР. Институт истории СССР. М.: Наука, 1978. Т. 34: Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы. / Polnoe sobranie russkikh letopisei [Complete collection of Russian chronicles] / Akademiya nauk SSSR. Institut istorii SSSR. Moscow: Nauka, 1978. Book 34: Postnikovskiy, Piskarevskiy, Moskovskiy i Bel’skiy letopistsy. (In Russian). P. 220.

⁶ Вedomosti. 2 января 1703 г. / Vedomosti. [News]. 2 January 1703. (In Russian).

newspaper. It is tempting to assume that a brief and vague mention of a small elephant sent as a gift by the Mughal emperor Awrangzīb (1658–1707) in late 1590s, refers to the same mammal.¹

For the first time this exotic animal appeared in St Petersburg on 27 June 1713.² It was brought from Iran by the embassy of Fazl ‘Alī Bik together with other animals and birds.³ In his ‘Notes’ on Peter the Great, Weber provides some information on the life of the elephant in the new Russian capital.⁴ The elephant died on 20 May 1717⁵, and his skin was stuffed.

During the audience given by Shāh Sulṭān Ḥusayn on 3 July 1717, the Russian envoy Artemiy Volynskiy asked the Safavid ruler to send ‘small elephants as well

¹ Материалы Военно-ученого архива Главного штаба / под ред. А. Ф. Бычкова. СПб.: Печатня В. И. Головина, 1871. Т. I / Materialy Voenno-uchenogo arkhiva Glavnogo shtaba [Materials of the Military Scientific Archive of the General Staff] / Ed. A. F. Bychkov. St Petersburg: Pechatnya V. I. Golovina, 1871. Vol. I. (In Russian). Column 218.

² All dates are given in the Julian (Old Style) calendar.

³ On the arrival of the elephant to Moscow, see Встреча в Москве персидского слона в царствование Петра I. Рассказ очевидца // *Русская старина*. 1880. Т. XXIX. (СПб.) / Vstrecha v Moskve persidskogo slona v tsarstvovanie Petra I. Rasskaz ochevidtsa. [Entrance of a Persian elephant into Moscow during the reign of Peter I. An account of an eyewitness] // *Russkaya starina*. 1880. Vol. XXIX. (St Petersburg). (In Russian). P. 169–172. The scene of the embassy’s grand entrance into Moscow is shown on an etching by Peter Piccard, see Ровинский Д. А. Подробный словарь русских гравированных портретов. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1888. Т. III: П–Ф / Rovinskiy D. A. Podrobniy slovar’ russkikh gravirovannykh portretov. [Detailed Dictionary of Russian engraved portraits]. St Petersburg: Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk, 1888. Vol. III: P–F. (In Russian). Column 1690, footnote.

⁴ Записки Вебера о Петре Великом и об его преобразованиях // *Русский архив*. М.: Типография Грачева и К, 1872. № 6. Стб. 1068–1069 / Zapiski Vebera o Petre Velikom i ob ego preobrazovaniyakh [Notes of Weber on Peter the Great and his reforms] // *Russkiy arkhiv*. Moscow: Tipografiya Gracheva i K, 1872. No. 6. (In Russian). Columns 1068–1069; Походный журнал 1713 года. СПб.: [Изд. 2-м отд-нием Собственной его имп. величества канцелярии], 1854 / Pokhodniy zhurnal 1713 goda [The campaign journal for 1713]. St Petersburg, 1854. (In Russian). P. 32, 58; Походный журнал 1714 года. СПб.: [Изд. 2-м Отд-нием Собственной его имп. величества канцелярии], 1854 / Pokhodniy zhurnal 1714 goda [The campaign journal for 1714]. St Petersburg, 1854. (In Russian). P. 93.

⁵ Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М.: Российский фонд культуры, Студия «ТриТэ», «Российский Архив», 2000. [Вып. X]: Повседневные записки делам князя А. Д. Меншикова 1716–1720, 1726–1727 гг. / Rossiyskiy arkhiv: Istoriya Otechestva v svidetel’stvakh i dokumentakh XVIII–XX vv. [Russian archive: History of Motherland in testimonies and documents of the 18th–20th centuries]. Moscow: Rossiyskiy fond kul’tury, Studiya “TriTe”, Rossiyskiy Arkhiv, 2000. [Issue X]: Povsednevnyye zapiski delam knyazya A. D. Menshikova 1716–1720, 1726–1727 gg. [Daily records of the activities of Prince A. D. Menshikov in 1716–1720, 1726–1727]. (In Russian). P. 129.

as lions¹ and other animals, among them both monkeys and dappled horses', to the Russian tsar.² Next time an elephant was brought from Iran only five years later. A young male elephant in its seventh year was shipped to St Petersburg via Shlisselburg on 30 October 1723.³ According to Kutepov, on 29 July 1725, Catherine I (1725–1727), accompanied by Duke of Schleswig-Holstein-Gottorp, took a close look at the mammal that was brought to the meadow in front of the Summer Palace.⁴

The next mammal that reached St Petersburg in 1737 (though in a number of publications the year of 1736 is mentioned) is said to have come from India and was accompanied by two Indian keepers.⁵ This time brought to St Petersburg was

¹ Delivered from Iran throughout the 17th — first half of the 18th century, leopards and — occasionally — lions were not uncommon as diplomatic presents in Russia. On lions, see, for instance, Kutepov N. *Velikoknyazheskaya, tsarskaya i imperatorskaya okhota na Rusi*. Endnote 22.

² Бушев П. П. Посольство Артемия Вольнского в Иран в 1715–1718 гг. (по русским архивам). М.: Наука, 1978 / Bushev P. P. *Posol'stvo Artemiya Volynskogo v Iran v 1715–1718 gg.* (po russkim arkhivam) [The embassy of Artemiy Volynskiy to Iran in 1715–1718 (based on Russian archives)]. Moscow: Nauka, 1978. (In Russian). P. 152. On the elephant that has never reached the Russian capital, see Алиев Ф. М. Миссия посланника русского государства А. П. Вольнского в Азербайджане (1716–1718 гг.) / АН АЗССР, Институт истории. Баку: Элм, 1979. / Alev F. M. *Missiya poslannika russkogo gosudarstva A. P. Volynskogo v Azerbaidzhane (1716–1718 gg.)* [The mission of the envoy of the Russian State A. P. Volynskiy in Azerbaijan (1716–1718)]. Baku: Elm, 1979. P. 117.

³ Дневник камер-юнкера Берхгольца, веденный им в России в царствование Петра Великого с 1721-го по 1725-й год. М.: Типография Лазаревского института восточных языков, 1860. Ч. 3: 1723-й год. / *Dnevnik kamer-yunkera Berkhgol'tsa, vedenniy im v Rossii v tsarstvovanie Petra Velikogo s 1721-go po 1725-i god* [Kamer-Junker Berhgzol's diaries, kept in Russia during the reign of Peter the Great, from 1721 to 1725]. Moscow: Tipografiya Lazarevskogo instituta vostochnykh yazykov, 1860. Part 3: 1723 AD. (In Russian). P. 247, 248; Походный журнал 1723 года. СПб.: [Изд. 2-м Отд-нием Собственной его имп. величества канцелярии], 1855 / *Pokhodniy zhurnal 1723 goda* [The campaign journal for 1723]. St Petersburg, 1855. (In Russian) P. 40. See also Столпянский П. Н. Петербург: Как возник, основался и рос Санкт-Питербурх. Пг.: Издательское Товарищество «Колос», 1918 / Stolpyanskiy P. N. *Peterburg: Kak vznik, osnovalsya i ros Sankt-Piterburkh*. [St Petersburg: The way Sankt-Piterburkh appeared, was founded and grew. Petrograd: Izdatel'skoe Tovarishchestvo "Kolos", 1918. (In Russian). P. 264; Столпянский П. Старый Петербург: В зверином и птичьем мире // *Человек и природа. Популярный естественно-научный журнал*. М.–Л.: Государственное издательство, 1926. № 2. Стб. 81–82 / Stolpyanskiy P. *Stariy Peterburg: V zverinom i ptichyem mire* [Old Petersburg: In the animal and bird kingdom] // *Chelovek i priroda. Populyarniy estestvenno-nauchniy zhurnal*. Moscow–Leningrad: Gosudarvennoe izdatel'stvo, 1926. No. 2. (In Russian). Columns 81–82.

⁴ However, the reference cited by Kutepov appears to be either incomplete or misleading. See Kutepov N. *Velikoknyazheskaya, tsarskaya i imperatorskaya okhota na Rusi*. P. 194; endnote 236.

⁵ Kutepov N. *Velikoknyazheskaya, tsarskaya i imperatorskaya okhota na Rusi*. Endnote 251. Stored in AVPRI are documents related to the dispatching of this animal to Russia.

a 25-year old animal.¹ On 3 May 1737, after the audience given to the Iranian ambassador was finished, Anna Ioannovna observed the tricks performed by the mammal: ‘Then brought by the Indians and Persians to the Letniy House was the East Indian elephant in its full dress, sent as a gift to Her Imperial Majesty by Nādir Shāh. Her Imperial Majesty saw it and watched different tests of its dexterity and strength for over an hour’.² On 6 February 1740 the elephant joined the procession of the mock wedding celebrated in the Ice House.³ Most probably this was the elephant depicted on a popular print published by Rovinskiy (see fig. 2).⁴

The elephants that arrived in 1741 also appear to be brought directly from India and travelled all the way through Iran, traversing the country. Initially, five elephants that were sent to Russia with the embassy of 1739–1742 were intended for Russian court dignitaries at the discretion of the ambassador, while eleven animals were

---

AVPRI. Fond 77. Snosheniya Rossii s Persiei. Opis’ 77/1. 1736 g. Delo 17; AVPRI. Fond 77. Snosheniya Rossii s Persiei. Opis’ 77/1. 1737 g. Delo 14; AVPRI. Fond 77. Snosheniya Rossii s Persiei. Opis’ 77/1. 1737 g. Delo 33.

¹ Внутренний быт русского государства с 17-го октября 1740 года по 25-е ноября 1741 года по документам, хранящимся в Московском Архиве Министерства Юстиции. М.: Университетская типография (М. Катков), 1880. Книга 1: Верховная власть и императорский дом / Vnutrenniy byt russkogo gosudarstva s 17-go oktyabrya 1740 goda po 25-e noyabrya 1741 goda po dokumentam, khanyashchimsya v Moskovskom Arkhive Ministerstva Yustitsii [The inner life of the Russian State from October 17, 1740 to November 25, 1741, according to the documents stored in the Moscow Archives of the Ministry of Justice]. Moscow: Universitetskaya tipografiya (M. Katkov), 1880. Book 1: Verkhovnaya vlast’ i imperatorskiy dom. (In Russian). P. 326–330; Kutepov N. Velikoknyazheskaya, tsarskaya i imperatorskaya okhota na Rusi. Endnotes 251, 280; Хартанович М. Ф., Хартанович М. В. Летопись Кунсткамеры. 1714–1836. СПб.: МАЭ РАН, 2014. / Khartanovich M. F., Khartanovich M. V. Letopis’ Kunstkamery. 1714–1836 [The Chronicle of the Kunstkamera]. St Petersburg: Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences, 2014. (In Russian). P. 115. Peder von Haven mentions two elephants gifted by Nādir Shāh, see Хавен П. фон. Путешествие в Россию. СПб.: Всемирное Слово, 2007. / Haven P. von (Havens P. von). Puteshestvie v Rossiyu [Travel to Russia]. St Petersburg: Vsemirnoe Slovo, 2007. (In Russian). P. 109–110.

² *Санкт-Петербургские ведомости*. 19 мая 1737 г. № 40. / *Sankt-Peterburgskie vedomosti*. [St Petersburg News]. 19 May 1737. No. 40. (In Russian).

³ For the depiction of the procession, see Шубинский С. Н. Исторические очерки и рассказы. СПб.: Типография А. С. Суворина, 1908 / Shubinskiy S. N. Istoricheskie ocherki i rasskazy [Historical essays and stories]. St Petersburg: Tipografiya A. S. Suvorina, 1908. (In Russian). P. 173, il.

⁴ Ровинский Д. А. Русские народные картинки. Атлас. СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1881. Том II. [Ч. I.] 294–524. / Rovinskiy D. A. Russkie narodnye kartinki [Russian popular prints]. Atlas. St Petersburg, 1881. Vol. II. [Part I: Pls.] 294–524. (In Russian). Pl. 356a.

Fig. 2. Russian popular print with the image of an elephant brought from Persia. Rovinskiy D. A. *Russkie narodnye kartinki*. [Russian popular prints]. Atlas. St Petersburg, 1881. Vol. II. [Part I: Pls.] 294–524. Pl. 356a

The State Hermitage Museum, St Petersburg. Inv. no. ERG-10239

supposed to be gifted to Empress Anna Ioannovna (1730–1740) and members of royal family, including the Empress' niece Anna Leopoldovna and cousin Elizabeth Petrovna (1741–1761).

The arrival of Iranian delegation, which was dispatched as early as in 1739 and crossed the Russian border only a year later, was full of quirky twists of fate. The sudden death of ambassador Sardār Khān was followed by the death of Empress Anna Ioannovna, to whom the Iranian mission was headed, and the much-delayed appointment of the new ambassador. When Elizabeth ascended to the throne having overthrown infant Emperor Ivan VI (Ioann Antonovich) and his mother, Regent Anna Leopoldovna, the embassy was still in Russia. The ambassador with his retinue was invited to Moscow to take part in the coronation ceremonies. Finally, the delegation returned to Iran in late autumn 1742.

Russian diplomats tried to persuade the Iranians to diminish the enormous mission staff and suggested transporting it by ships, all to no avail. The Iranians continued insisting on getting to the Russian capital by land. One of the counterarguments they

Fig. 3. Persian ambassador with his retinue observing the coronation ceremonies on 25 April 1742

A detailed account of the solemn order of the ... coronation of Her Imperial Majesty, Great Empress Elizabeth Petrovna of Russia. Pl. 30: Perspective view of the Cathedral of the Dormition, the square in front of it and other buildings (detail)¹

The State Hermitage Museum, St Petersburg. Inv. no. 134475

¹ *Обстоятельное описание торжественных порядков благополучнаго вшествия в царствующий град Москву и священнейшаго коронования ея августейшаго императорскаго величества всепресветлейшия державнейшия великия государыни императрицы Елисавет Петровны самодержицы всероссийской, еже бысть вшествие 28 февраля, коронование 25 апреля 1742 года. СПб.: печатано при Императорской академии наук, 1744. № 30 / *Obstoyatel'noe opisanie torzhestvennykh poriadkov blagopoluchnago vshestiya v tsarstvuyushchiy grad Moskvu i svyashchenneishago koronovaniya eya avgusteishago imperatorskago velichestva vsepresvetleishiya derzhavneishiya velikiya gosudaryni imperatritsy Elisavet Petrovny samoderzhitsy vserossiyskoi, ezhe byst' vshestvie 28 fevralya, koronovanie 25 aprelya 1742 goda* [A detailed account of the solemn order of the safe entry into the ruling city of Moscow and the most sacred coronation of Her Imperial Majesty, Great Empress Elizabeth Petrovna of Russia, the entry to be on February 28, the crowning on April 25, 1742]. St-Petersburg: печатано при Imperatorskoi Akademii nauk, 1744. (In Russian). No. 30.*

referred to was the bad experience of transporting the elephant sent by the previous embassy by sea from Baku to Astrakhan. The elephant stayed for a long time in the ship's hold that was full of sea water. The salty water reached the animal's knees irritating its skin, which resulted in wounds on its legs. The shah was worrying that this time the elephants might acquire the same wretched appearance and the gifts would lose their attractiveness, 'as it is ungracious to look at sick and wounded elephants, and thus the present would no more be a present'.¹

Not all the elephants managed to overcome the hardships of the lengthy and dangerous journey from India to Russia. One of them died while the embassy was still on the territory of Iran, in Sabzavar.² Later, one more elephant drowned when the mission was crossing the Kura river by floating bridges.³

Russian envoy in Iran Semen Arapov, based in Rasht, left the following detailed account on the animals numbering fifteen by that time: '...very large, one measuring eight *lokots*⁴, five measuring seven *lokots* and others measuring six *lokots*; and I saw them being led and where they are staying, they have no decorations; the big elephants have teeth projecting outwards at one *arshin*⁵ and the others slightly less, covered with silver and some of them with iron at the ends; out of them four females; and they eat per day one elephant three and a quarter *puds*⁶ of bread⁷, seven pounds of sugar, seven pounds of butter, eight elephants per day each two *puds* thirty pounds of bread, seven pounds of sugar and seven pounds of butter, six — two *puds* fifteen pounds of bread, seven pounds of sugar and seven pounds of butter'.⁸ The British envoy to Russia Edward Finch later noticed that the height of the biggest elephant brought to St Petersburg reached 5.5 *arshins* (around 4 meters).⁹

¹ AVPRI. Fond 77. Snosheniya Rossii s Persiei. Opis' 77/1. 1740 g. Delo 6. Fol. 78v; AVPRI. Fond 77. Snosheniya Rossii s Persiei. Opis' 77/1. 1740 g. Delo 15. Fol. 6v.

² AVPRI. Fond 77. Snosheniya Rossii s Persiei. Opis' 77/1. 1740 g. Delo 9. Chast' I. Fols. 174v, 176; Delo 15. Fol. 143.

³ AVPRI. Fond 77. Snosheniya Rossii s Persiei. Opis' 77/1. 1740 g. Delo 15. Fols. 111v, 112v.

⁴ Old Russian measure of length equal to 45 cm.

⁵ Old Russian measure of length equal to 0.7112 m or 28 inches.

⁶ Old Russian measure of weight equal to 16.38 kg.

⁷ In this context may also mean 'grain'.

⁸ AVPRI. Fond 77. Snosheniya Rossii s Persiei. Opis' 77/1. 1740 g. Delo 9. Chast' I. Fols. 177v–178; Delo 15. Fol. 145r–145v.

⁹ Сборник Императорского русского исторического общества. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1894. Т. 91 / Sbornik Imperatorskogo russkogo istoricheskogo obshchestva [Collected works of the Imperial Russian historical society]. St Petersburg: Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk, 1894. Vol. 91. (In Russian). P. 283.

Though Semen Arapov mentioned that the elephants didn't have any decoration, in fact, by the order of the shah the animals were brought to the Russian court dressed in caparisons made of 'golden and silver brocades', which were delivered specially for this occasion from Isfahan by a courier sent by the first head of the mission, Sardār Khān.¹

In September 1740, while the embassy was still on its way to the Russian capital, the building of fourteen heated barns intended for housing elephants was started in Moscow by the order of the Governing Senate. The barns with masonry heaters were built by Matvey Galkin, who had been awarded the contract as the lowest bidder, by mid-October. They were located behind Tverskaya sloboda, standing in a yard surrounded by a fence. On 14 October the representative of the Iranian delegation, who was inspecting the construction site, asked to add private premises to these dwellings in order to accommodate elephant keepers and their wives². Afterwards the barns stayed unguarded and became shabby, waiting for their residents who were delaying.

Historical sources documented the everyday life of the embassy on its way to St Petersburg and described how the elephants were being taken care of. While the embassy was still in Tambov and later in Moscow, various pigments were bought for painting the elephants.³ On 27 December 1740 fifty-two *zolotniks*⁴ of *Strychnos nux-vomica*⁵ were acquired in Tambov as a medical treatment for elephants. Four pounds of the same medicine were bought in Moscow on the demand of elephant keepers on 6 August 1741. On 6 December 1740 two Russian leathers were bought for the animals in Tambov. On 31 July 1741 four iron frying pans were acquired in Moscow to bake chureks⁶ for the elephants. According to the numerous provision lists, in the cold period the embassy received several buckets of 'simple wine'⁷ as part of elephants' diet on a daily basis, which was obviously regarded as a protective measure.

¹ AVPRI. Fond 77. Snosheniya Rossii s Persiei. Opis' 77/1. 1740 g. Delo 6. Fol. 78; Delo 15. Fol. 6.

² AVPRI. Fond 77. Snosheniya Rossii s Persiei. Opis' 77/1. 1740 g. Delo 15a. Fol. 123.

³ On 6 November 1740 acquired were such pigments as red lead, ochre, white lead, verdigris and blue copperas, weighing one pound each, while on 10 March 1741 one of the elephant keepers requested buying twenty *zolotniks* of cinnabar and half a pound of white lead, verdigris, ochre and red lead. See AVPRI. Fond 77. Snosheniya Rossii s Persiei. Opis' 77/1. 1740 g. Delo 16. Tom 1. Fols. 25v, 30, 44, 47. The pigments might have been applied during parades, used as make-up ingredients.

⁴ Old Russian measure of weight equal to 4.26 g.

⁵ Seeds of the tropical tree *Strychnos nux-vomica*, containing alkaloids strychnine and mentioned in Russian sources as *chilibukha*, *chilibuga* or *selibukha*.

⁶ Unleavened bread.

⁷ Grain spirit produced by single distillation from raw spirit.

Fig. 4. Plan of the Imperial capital city of St Petersburg, composed in 1737 (detail).¹
No. 31. Elephant Yard

The State Hermitage Museum, St Petersburg. Inv. no. 105769

In early summer of 1741 preparatory arrangements were started in St Petersburg to meet and house the foreign guests. The Elephant Yard ('Slonoviy dvor') constructed near the Fontanka river close to the Summer Palace (Letniy dvorets) for the elephant sent from Iran with the previous embassy was to be enlarged. Following the instructions given to the Chancellery of Buildings by the Senate in accordance with the notification from the Cabinet of Ministers², architects Zemtsov and

¹ Внутренний быт русского государства с 17-го октября 1740 года по 25-е ноября 1741 года по документам, хранящимся в Московском Архиве Министерства Юстиции. М.: Типография Л. Ф. Снегирева, 1886. Книга 2: Высшие государственные учреждения / Vnutrenniy byt russkogo gosudarstva s 17-go oktyabrya 1740 goda po 25-e noyabrya 1741 goda po dokumentam, khraryashchimsya v Moskovskom Arkhive Ministerstva Yustitsii [The inner life of the Russian State from October 17, 1740 to November 25, 1741, according to the documents stored in the Moscow Archives of the Ministry of Justice]. Book 2: Vysshie gosudarstvenniye uchrezhdeniya. Moscow: Tipografiya L. F. Snegireva, 1886. (In Russian). P. 432, pl.

² Сенатский архив. СПб.: Типография Правительствующего Сената, 1890. Т. III: Журналы и определения Правительствующего Сената за март, апрель и май 1741 г. / Senatskiy arkhiv [The Senate archive]. St Petersburg: Tipografiya Pravitel'stvuyushchego Senata, 1890. Vol. III: Zhurnaly i opredeleniya Pravitel'stvuyushchego Senata za mart, april' i mai 1741 g. (In Russian). P. 159; Vnutrenniy byt russkogo gosudarstva. Book 1. P. 330.

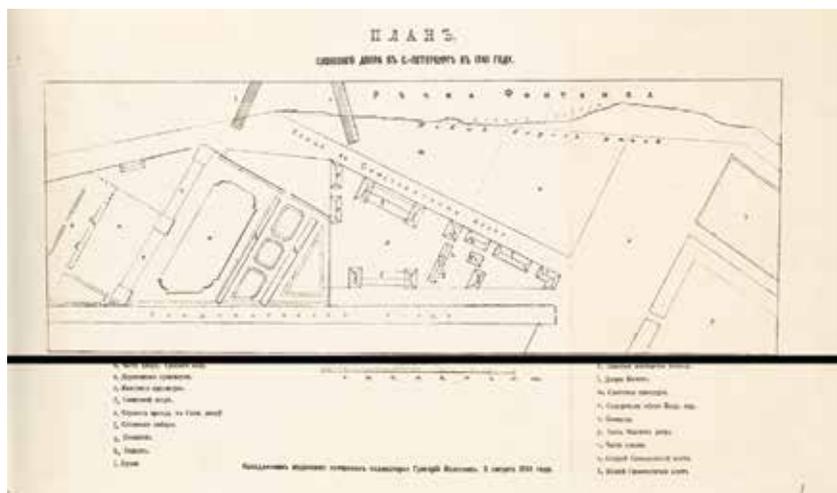

Fig. 5. Plan of the Elephant Yard in St Petersburg, 1741¹
The State Hermitage Museum, St Petersburg. Inv. no. 102434

Schumacher found the site for building the new barn near the Ligovsky Canal, ‘which is sandy and high, dry and covered with pine forest’. Eventually, the yard remained at the same site, for the water in the Fontanka turned out to be more suitable for bathing the elephants than the water in the Ligovsky Canal, the latter being ‘calcareous and has hardness in itself’. The architects suggested renovating the old building so that it could house seven more mammals, equipping it with six masonry heaters and adding premises for keepers and an icehouse. Besides, they planned to build the second barn with a similar layout, supplemented by a shed, an icehouse, a kitchen and stables.² Asatiy, the elephant trainer³, played an active role in this project as a consultant.

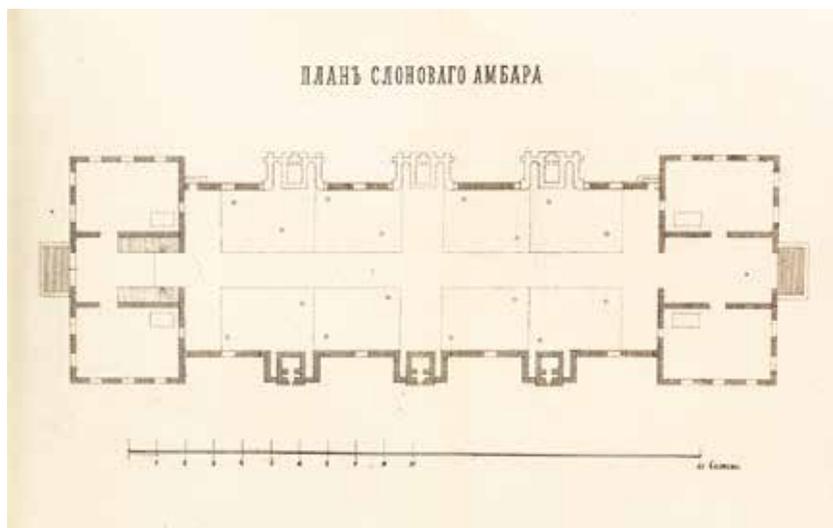
On 5 June 1741 in ‘Sankt Peterburgskie vedomosti’ the following announcement was published: ‘Since it was ordered by the Chancellery of Buildings to build the barn for the elephants with the addition of living chambers, therefore through this is announced, if somebody wishes to build the aforesaid building, they should immediately show up at the abovementioned Chancellery for price negotiations and contract’.⁴ In June the Chancellery repeatedly announced the enrolment of

¹ Vnutrenniy byt russkogo gosudarstva. Book 1. P. 326, pl.

² Ibid. P. 330–331.

³ Referred to as ‘Persian elephant expert’ or ‘elephant teacher’, Asatiy was mentioned among other people working at the Elephant Yard in 1741.

⁴ Санкт-Петербургские ведомости. 5 июня 1741 г. № 45. / Sankt-Peterburgskie vedomosti. [St Petersburg News]. 5 June 1741. No. 45. (In Russian).

*Fig. 6. Plan of the Elephant barn*¹
The State Hermitage Museum, St Petersburg. Inv. no. 102434

those willing to take part in competitive bidding.² The contract was awarded to Ivan Melent'ev, the son of a merchant.³

By the end of August main construction works were finished. Suddenly it became clear that an additional barn for two elephants, a male and a female, who had formed a couple on their way to the Russian capital, was to be constructed. In spite of all the efforts undertaken to meet the schedule, the third barn was finished only by mid-November 1741 and the other constructions, including the shed, the icehouse, the kitchen and the stables — by January 1742.⁴

The Elephant Square leading to the Fontanka was constructed opposite the barns, and the sloping footbridge was built for the purpose of walking and bathing the animals.⁵ The river was cleaned, and poles were installed to strengthen the riverbank.

Reconstruction works were carried out to strengthen city bridges prior to the foreign guests' arrival. On 25 August the Dutch builder Herman von Boles reported

¹ Vnutrenniy byt russkogo gosudarstva. Book 1. P. 330, pl.

² Ibid. P. 332.

³ Ibid. P. 332.

⁴ Ibid. P. 333–334.

⁵ Vnutrenniy byt russkogo gosudarstva. Book 1. P. 331; Пыляев М. И. Старый Петербург. Рассказы из былой жизни столицы. М.: Сварог и К, 2000 / Pylyayev M. I. Stariy Peterburg. Rasskazy iz byloi zhizni stolitsy [Old Petersburg. Stories from the past life of the capital]. Moscow: Svarog i K, 2000. (In Russian). P. 62.

the results of the examination of the Anichkov bridge, which was ‘considerably decayed’ with its decking ‘rotten to the bone’, and stated that the bridge needed to be repaired in advance.¹ A number of other city bridges also underwent restoration works: ‘across the canal, along the Nemetskaya ulitsa, close to the Zimniy dvorets; the draw-bridge near the Court of Her Highness Elizabeth Petrovna; across the Moika river, opposite the Moshkov pereulok, to the Grecheskaya ulitsa; near the Elephant Yard, built from the gates to the Pershpektivnaya doroga over the mud (redecked for 10 *sazhens*²)’.³

Out of ten elephants delivered to Ivan VI and Anna Leopoldovna on the day of public audience that took place on 2 October 1741 the largest number of animals — nine — were intended for the Emperor. Among them were seven males and two females with five golden and four silver *izarbaf*⁴ caparisons decorated with fringe and golden and silver tassels.⁵ Anna Leopoldovna received one female elephant under the caparison made of silver brocade and decorated with fringe and silver tassels.⁶ The rest of the mammals were divided between royal family members and state officials. One animal ‘under the rich cover with richly decorated chamber’ was gifted to Anton Ulrich, father of Ivan VI.⁷ On 12 October one female elephant dressed in silver *izarbaf* caparison adorned with silver fringe and silver tassels was sent to Elizabeth Petrovna.⁸ Count Andrey Osterman (Heinrich Johann Friedrich Ostremann) (1686–1747) and Oberhof Marshal Reinhold Gustaw von Loewenwolde (1693–1758) were presented with one elephant each.

Ten elephants were assigned to the Jägermeister Chancellery⁹ by the oral personal order of Anton Ulrich as soon as on 2 October 1741, on the day of the first public audience given to Iranian ambassador. The elephant gifted to Anton Ulrich was assigned to the Chancellery by the same order several days later, on 5 October 1741.¹⁰ The next

¹ Vnutrenniy byt russkogo gosudarstva. Book 1. P. 335; Pylyayev. Stariy Peterburg. P. 62.

² Old Russian measure of distance equal to 213.36 cm.

³ Vnutrenniy byt russkogo gosudarstva. Book 1. P. 335; Pylyayev. Stariy Peterburg. P. 62.

⁴ *Izarbaf* (*zarbaf*, Persian: زرباف, ‘gold-woven’). Silk fabric woven with metallic threads, either gilded or silver.

⁵ AVPRI. Fond 77. Snosheniya Rossii s Persiei. Opis’ 77/1. 1741 g. Delo 18. Chast’ II. Fols. 539, 545v, 550v–551.

⁶ AVPRI. Fond 77. Snosheniya Rossii s Persiei. Opis’ 77/1. 1741 g. Delo 18. Chast’ II. Fols. 540, 547.

⁷ AVPRI. Fond 77. Snosheniya Rossii s Persiei. Opis’ 77/1. 1741 g. Delo 18. Chast’ II. Fols. 540–540v, 551v–552.

⁸ AVPRI. Fond 77. Snosheniya Rossii s Persiei. Opis’ 77/1. 1741 g. Delo 18. Chast’ II. Fols. 542, 549.

⁹ The Jägermeister Chancellery, later transformed to the Ober-Jägermeister Chancellery, managed the Imperial hunts and maintained menageries.

¹⁰ Vnutrenniy byt russkogo gosudarstva. Book 1. P. 335.

day, 6 October, Stepan Apraksin, who accompanied the embassy, was asked to prepare elephants' provision lists and information on elephant keepers' food provisioning and salaries.¹ On 26 November 1741 the female elephant presented to Elizabeth Petrovna and until then provisioned by its owner was assigned to the same department.

At that period the animals were provisioned with eighteen *puds* and eight pounds of wheat flour, one *pud* and sixteen pounds of sugar, thirty pounds of butter, thirty-six pounds of rice, four buckets of simple wine, ninety-eight *puds* of hay², sixty candles, sixteen pounds of salt and eight pounds of garlic per day.³

On 9 October the elephants were placed in the newly built and renovated barns.⁴ A short time after their arrival and settling on the new place the animals caused a great stir. In the morning of 16 October three of them broke free from their enclosure and ran away, 'having become angry between themselves because of females'. Two escapees were soon detected and seized, and the last one 'went through the garden and broke the wooden hedge, and got to the Vasilyevsky island, and there broke the Senate and the Finnish village', where it was finally captured.⁵ Elephant keeper Āghā Ṣadīq⁶, who reported this accident to the authorities, urged to supply him with thick iron chains and rings (shackles) with hasps, worrying that otherwise the elephants would 'do much trouble at night'. It seems that his request was not granted, as early in the morning of the next day four restless residents of the Elephant Yard broke the gates and escaped from their barns once again.

In a couple of months the animals received another chance to demonstrate their fiery temper. 'Sankt Peterburgskie vedomosti' mentioned the elephant battle staged

¹ Сенатский архив. СПб.: Типография Правительствующего Сената, 1892. Т. V: 1. Журналы и определения Правительствующего Сената со 2 октября по 23 ноября 1741 г.; 2. Журнал и протокольная записка собрания министров и генералитета с 25 ноября по 12 декабря 1741 г.; 3. Журналы и определения Правительствующего сената с 16 декабря 1741 г. по 15 декабря 1743 г. / Senatskiy arkhiv [The Senate archive]. St Petersburg: Tipografiya Pravitel'stvuyushchego Senata, 1892. Vol. V: 1. Zhurnaly i opredeleniya Pravitel'stvuyushchego Senata so 2 oktyabrya po 23 noyabrya 1741 g.; 2. Zhurnal i protokol'naya zapiska sobraniya ministrov i generaliteta s 25 noyabrya po 12 dekabrya 1741 g.; 3. Zhurnaly i opredeleniya Pravitel'stvuyushchego senata s 16 dekabrya 1741 g. po 15 dekabrya 1743 g. (In Russian). P. 10.

² Later, provisioning elephants with hay was reduced to fifty *puds* per day.

³ Vnutrenniy byt russkogo gosudarstva. Book 1. P. 336. Extra expenses on medicine and other supplies provided for the elephants were to be covered upon requests of the Jägermeister (Ober-Jägermeister) Chancellery. Rossiyskiy gosudarstvenniy arkhiv drevnikh aktov (Russian State Archives of Ancient Acts, hereafter RGADA). Fond 1239. Opis' 3. Delo 32414; Vnutrenniy byt russkogo gosudarstva. Book 1. P. 337.

⁴ Ibid. P. 330; Pylyaev. Stariy Peterburg. P. 62.

⁵ Vnutrenniy byt russkogo gosudarstva. Book 1. P. 339. See also Pylyaev. Stariy Peterburg. P. 63.

⁶ Āghā Ṣadīq, the Persian elephant keeper, arrived in St Petersburg in 1737.

in late December 1741 for the new Empress, Elizabeth: ‘On Sunday in the afternoon Her Imperial Majesty watched the play fight between several elephants organized on the square behind the Imperial house’.¹

By 22 December 1741 the keepers who had arrived in Russia with the embassy amounted to thirty-eight people, among them fourteen elephant keepers and twenty-four lower-grade animal keepers. Four of them had wives and children. In accordance with the oral order of Elizabeth Petrovna of 13 November 1741, the keepers were bestowed with warm winter clothes. The cost of a complete set received by fourteen senior elephant keepers amounted to 11 roubles 96 kopecks. Commissioned for the rest twenty-four keepers were similar sets of clothes, each costing 11 roubles 51 kopecks. The only difference between these two types of sets was the fabric of the kaftans and trousers. In the second set green *droguet*² was replaced by broadcloth of the same colour.³

In the beginning of the next year, not long before the embassy set off to Moscow, Stepan Apraksin and Mūḥammad Ḥusayn Khān who was appointed the head of Iranian diplomatic mission after the death of Sardār Khān opened negotiations on the possibility of leaving all or at least half of them to stay in Russia and continue taking care of the elephants.⁴ In the course of negotiations the Iranian diplomat expressed his willingness to leave only a minor number of keepers.⁵ Later, at the request of Russian officials, Nādir Shāh agreed to leave part of the elephant keepers in Russia for another year and a half and sent his decree to Muḥammad Ḥusayn Khān.⁶

In 1742 half of the keepers joined by the former elephant keeper Āghā Ṣadīq returned to Iran together with the embassy, while nineteen keepers stayed in Russia assigned to the Ober-Jägermeister Chancellery. The annual salary of the chief elephant keeper named Dini⁷ amounted to 100 roubles. The other keepers earned

¹ *Санкт-Петербургские ведомости*. 22 декабря 1741 г. № 102 / *Sankt-Peterburgskie vedomosti*. [St Petersburg News]. 22 December 1741. No. 102. (In Russian).

² Here: coarse wool or part-wool fabric.

³ AVPRI. Fond 77. Snosheniya Rossii s Persiei. Opis’ 77/1. 1743 g. Delo 17. Fols. 148r–148v, 153v. The description of these sets appears with minor changes in Vnutrenniy byt russkogo gosudarstva. Book 1. P. 338.

⁴ AVPRI. Fond 77. Snosheniya Rossii s Persiei. Opis’ 77/1. 1742 g. Delo 14. Tom 1. Fols. 147r–147v.

⁵ Архив князя Воронцова. М.: Типография А. И. Мамонтова и К, 1870. Кн. 1: Бумаги графа Михаила Ларионовича Воронцова / *Arkhiv knyazy Vorontsova* [Archives of Prince Vorontsov]. Moscow: Tipografiya A. I. Mamontova i K, 1870. Book 1: Bumagi grafa Mikhaila Larionovicha Vorontsova [Papers of Count Mikhail Vorontsov]. (In Russian). P. 186; AVPRI. Fond 77. Snosheniya Rossii s Persiei. Opis’ 77/1. 1743 g. Delo 17. Fol. 145.

⁶ *Arkhiv knyazy Vorontsova*. Book 1. P. 163; AVPRI. Fond 77. Snosheniya Rossii s Persiei. Opis’ 77/1. 1741 g. Delo 33. Fol. 9. See also AVPRI. Fond 77. Snosheniya Rossii s Persiei. Opis’ 77/1. 1742 g. Delo 4. Fols. 209–210.

⁷ Also variously mentioned in archival documents as Dinya, Diniya or Dina.

a less handsome salary of 60 roubles per year. Besides that, elephant keepers were supplied with flour, rice, butter, meat, salt and tallow candles.¹

While in Russia, the chief elephant keeper married Fatma (Fāṭimah), a gypsy, captured during the conquest of Khotyn together with her mother Anastasia, an Orthodox Christian. Both women were taken to St Petersburg and stayed in the service of the Italian physician Johann Aruntius Azzariti (?–1747).²

On 12 April 1743 ten keepers, including Dini himself, petitioned the Ober-Jägermeister Chancellery asking for permission to return to Iran. Two out of ten Indians, Azam and Jani, eventually decided to stay in Russia and convert to Orthodox Christianity³, while the other eight were dismissed to Persia by the order of Elizabeth Petrovna on 25 May 1743. The group was joined by the wife of the chief elephant keeper. On their way back the Indians were escorted by Ivan Klimov, a soldier of the garrison of Astrakhan, and an Armenian interpreter, Petr Ivanov, who had previously served at the Animal Yard ('Zverovoy dvor') as an animal keeper and retired from service. At their departure the keepers were offered travel allowances as well as ration allowances for three months to cover travelling expenses. When Dini reached Astrakhan, he radically changed his mind and asked for permission to stay in Russia and convert to Orthodox Christianity together with his wife. The Empress allowed him to get baptised in Astrakhan and return to her service as an elephant keeper⁴.

The population of the elephants settled in St Petersburg was gradually reducing.⁵ By 31 August 1765 there was only one resident of the Elephant Yard, by that time moved to the Ligovsky Canal, and the caparisons were rejected as useless and transferred

¹ AVPRI. Fond 77. Snosheniya Rossii s Persiei. Opis' 77/5. 1742 g. Delo 6. Fol. 128v. See also Vnutrenniy byt russkogo gosudarstva. Book 1. P. 339. On 4 November 1742 Pavel Pavlov, an Indian converted to Orthodox Christianity, was accepted for employment by the order of Elizabeth Petrovna. He was expected to receive the same annual salary of 60 roubles and the same supplies as his fellow countrymen. See RGADA. Fond 1239. Opis' 3. Delo 32413.

² AVPRI. Fond 77. Snosheniya Rossii s Persiei. Opis' 77/1. 1743 g. Delo 17. Fols. 143–144, 152r–152v.

³ AVPRI. Fond 77. Snosheniya Rossii s Persiei. Opis' 77/1. 1743 g. Delo 17. Fols. 139–141.

⁴ Архив князя Воронцова. М.: Типография Ф. Иогансон, 1872. Кн. 4: Бумаги графа Михаила Ларионовича Воронцова / Arkhiv knyazya Vorontsova [Archives of Prince Vorontsov]. Moscow: Tipografiya F. Ioganson, 1872. Book 4: Bumagi grafa Mikhaila Larionovicha Vorontsova [Papers of Count Mikhail Vorontsov]. (In Russian). P. 332; AVPRI. Fond 2. Vnutrennie kollezhskie dela. Opis' 2/6. 1742 g. Delo 812. Fol. 225.

⁵ In autumn 1742 the elephant named Takhter Avan (after Persian تخت روان, palanquin) died at the Elephant Yard. See Khartanovich M. F., Khartanovich M. V. Letopis' Kunstkamery. P. 157. Recorded in archival documents are names of other three elephants that died in the next decades: Alekbash, Nastrat and Sala. [Ibid. P. 183, 218, 291]. Dead bodies were autopsied to determine the cause of death. Skeletal material, skins, dry and wet specimens were prepared and preserved in the Academy of Sciences. On the tusks that were transferred to the Ober-Jägermeister Chancellery, see Kutepov N. Velikoknyazheskaya, tsarskaya i imperatorskaya okhota na Rusi. Endnote 254.

Fig. 7. V. D. Saltykov. Persian procession marching along the Neva embankment on 20 December 1815. (Russia, 1816)

The State Hermitage Museum, St Petersburg. Inv. no. ERR-965

for storage to the Ober-Jägermeister Chancellery.¹ The last female elephant gifted by Nādir Shāh died the same year.² Catherine II (the Great) (1762–1796) ordered that the fourteen remaining keepers, Orthodox Christian converts, many of whom were well on in years and had suffered serious injuries, continue receiving full salaries, provisions, firewood and uniform dress for the rest of their lives.³ Several decades later, in 1797 and 1815, elephants appeared in St Petersburg again with embassies sent from Bukhara and Iran.

¹ Ibid. P. 292. The caparisons were used to decorate the elephants on rare occasions, such as parades. Kutepov mentions the elephant parade that took place on 6 September 1758 and was observed by Elizabeth Petrovna and Prince Charles of Saxony. See Kutepov N. *Velikoknyazheskaya, tsarskaya i imperatorskaya okhota na Rusi*. P. 132. On 9 June 1759 Prince Charles of Saxony, Duke of Courland, visited the Elephant Yard in the company of Count Kirill Razumovsky, where he was shown the elephants and white bears. Ibid. Endnote 126.

² Kutepov N. *Velikoknyazheskaya, tsarskaya i imperatorskaya okhota na Rusi*. P. 146, 204; endnote 195; Khartanovich M. F., Khartanovich M. V. *Letopis' Kunstkamery*. P. 292.

³ Kutepov N. *Velikoknyazheskaya, tsarskaya i imperatorskaya okhota na Rusi*. P. 146, 148; endnote 195. However, these expenses were not provided in the budget of the Chancellery in 1773 and the following year. Ibid. Endnote 188.

Bibliography

1. Aliev F. M. *Missiya poslannika russkogo gosudarstva A. P. Volynskogo v Azerbaidzhane (1716–1718 gg.)* [The mission of the envoy of the Russian State A. P. Volynskiy in Azerbaijan (1716–1718)] / AN AzSSR, Institut istorii. Baku: Elm, 1979. 122 p. / Алиев Ф. М. Миссия посланника русского государства А. П. Вольнского в Азербайджане (1716–1718 гг.) / АН АЗССР, Институт истории. Баку: Элм, 1979. 122 с.
2. *Arkhiv knyazyu Vorontsova* [Archives of Prince Vorontsov]. Moscow: Tipografiya A. I. Mamontova i K, 1870. Book 1: Bumagi grafa Mikhaila Larionovicha Vorontsova [Papers of Count Mikhail Vorontsov]. II, 656, IV p. (In Russian) / Архив князя Воронцова. М.: Типография А. И. Мамонтова и К, 1870. Кн. 1: Бумаги графа Михаила Ларионовича Воронцова. II, 656, IV с.
3. *Arkhiv knyazyu Vorontsova* [Archives of Prince Vorontsov]. Moscow: Tipografiya F. Ioganson, 1872. Book 4: Bumagi grafa Mikhaila Larionovicha Vorontsova [Papers of Count Mikhail Vorontsov]. 542, 8 p. (In Russian) / Архив князя Воронцова. М.: Типография Ф. Иогансон, 1872. Кн. 4: Бумаги графа Михаила Ларионовича Воронцова. 542, 8 с.
4. Arunova M. R., Ashrafyan K. Z. *Gosudarstvo Nadir-shakha Afshara: ocherki obshchestvennykh otnosheniy v Irane 30–40-kh godov XVIII veka* [The State of Nadir Shah Afshar: Essays on social relations in Iran in the 1730–40s] / Akademiya nauk SSSR. Institut vostokovedeniya. Moscow: Vostochnaya literature, 1958. 284 p. (In Russian) / Арунова М. Р., Ашрафян К. З. Государство Надир-шаха Афшара: очерки общественных отношений в Иране 30–40-х годов XVIII века / Академия наук СССР. Институт востоковедения. М.: Восточная литература, 1958. 284 с.
5. Axworthy M. *Nader Shah and Persian Naval Expansion in the Persian Gulf, 1700–1747* // *Journal of the Royal Asiatic Society*. Cambridge University Press on behalf of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. Third Series. Vol. 21. No. 1. 2011, January. P. 31–39.
6. Axworthy M. *The Army of Nader Shah* // *Iranian Studies*. Vol. 40. No. 5. 2007, December. P. 635–646.
7. Axworthy M. *The Sword of Persia: Nader Shah, from Tribal Warrior to Conquering Tyrant*. London: I. B. Tauris, 2006. XIX, 348 p.
8. Babaie S. *Nader Shah, the Delhi Loot, and the 18th-Century Exotics of Empire // Crisis, Collapse, Militarism and Civil War: The History and Historiography of 18th Century Iran* / Ed. by Michael Axworthy. NY: Oxford University Press, 2018. P. 215–234.
9. Belokurov S. A. *Snosheniya Rossii s Kavkazom. Materialy, izvlechennyye iz Moskovskogo glavnogo arkhiva ministerstva inostrannykh del* [Relations between Russia and the Caucasus. Materials extracted from the Moscow Main Archives of the Ministry of foreign affairs]. М.: Universitetskaya tipografiya, 1889. Issue 1: 1578–1613 AD. CXXIX, 584 p. (In Russian) / Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом. Материалы, извлеченные из Московского главного архива министерства иностранных дел. М.: Университетская типография, 1889. Вып. 1: 1578–1613 гг. CXXIX, 584 с.
10. Bushev P. P. *Istoriya posol'stv i diplomaticheskikh otnosheniy russkogo i iran'skogo gosudarstv v 1613–1621 gg. (po russkim arkhivam)* [History of embassies and

diplomatic relations of the Russian and Iranian states in 1613–1621 (based on Russian archives)] / AN SSR, Institut vostokovedeniya. Moscow: Nauka, 1987. 279 p. (In Russian) / Бушев П. П. История посольств и дипломатических отношений русского и иранского государств в 1613–1621 гг. (по русским архивам) / АН ССР, Институт востоковедения. М.: Наука, 1987. 279 с.

11. Bushev P. P. Istoriya posol'stv i diplomaticheskikh otnosheniy russkogo i iran'skogo gosudarstv v 1586–1612 gg. (po russkim arkhivam) [History of embassies and diplomatic relations of the Russian and Iranian states in 1586–1612 (based on Russian archives)]. Moscow: Nauka, 1976. 478 p. (In Russian) / Бушев П. П. История посольств и дипломатических отношений русского и иранского государств в 1586–1612 гг. (по русским архивам) / АН ССР, Институт востоковедения. М.: Наука, 1976. 478 с.

12. Bushev P. P. Posol'stvo Artemiya Volynskogo v Iran v 1715–1718 gg. (po russkim arkhivam) [The embassy of Artemiy Volynskiy to Iran in 1715–1718 (based on Russian archives)]. Moscow: Nauka, 1978. 288 p. (In Russian) / Бушев П. П. Посольство Артемия Вольнского в Иран в 1715–1718 гг. (по русским архивам). М.: Наука, 1978. 288 с.

13. Crisis, Collapse, Militarism and Civil War: The History and Historiography of 18th Century Iran / Ed. by Michael Axworthy. NY: Oxford University Press, 2018. 247 p.

14. Dnevnik kamer-yunkera Berkhgol'tsa, vedenniy im v Rossii v tsarstvovanie Petra Velikogo s 1721-go po 1725-i god [Kamer-Junker Berhgzol's diaries, kept in Russia during the reign of Peter the Great, from 1721 to 1725]. Moscow: Tipografiya Lazarevskogo instituta vostochnykh yazykov, 1860. Part 3: 1723 AD. 292 p. (In Russian) / Дневник камер-юнкера Берхгольца, веденный им в России в царствование Петра Великого с 1721-го по 1725-й год. М.: Типография Лазаревского института восточных языков, 1860. Ч. 3: 1723-й год. 292 с.

15. Floor W. The Rise and Fall of Nader Shah: Dutch East India Company Reports 1730–1747. Washington, D.C.: Mage Publishers, 2009. 292 p.

16. Havens P. von. Puteshestvie v Rossiyu [Travel to Russia]. St Petersburg: Vsemirnoe Slovo, 2007. 527 p. (In Russian) / Хавен П. фон. Путешествие в Россию. СПб.: Всемирное Слово, 2007. 527 с.

17. Khartanovich M. F., Khartanovich M. V. Letopis' Kunstkamery. 1714–1836 [The Chronicle of the Kunstkamera. 1714–1836]. St Petersburg: Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences, 2014. 738 p., il. (In Russian) / Хартанович М. Ф., Хартанович М. В. Летопись Кунсткамеры. 1714–1836. СПб.: МАЭ РАН, 2014. 738 с., ил.

18. Kutepov N. I. Velikoknyazheskaya, tsarskaya i imperatorskaya okhota na Rusi¹ [Grand Ducal, Tsarist and Imperial hunting in Russia]. St Petersburg: Ekspeditsiya Zagotovleniya Gosudarstvennykh bumag, 1902. Vol. III: Tsarskaya i imperatorskaya okhota na Rusi. Konets XVII i XVIII vek [Tsarist and Imperial hunting in Russia. Late 17th and 18th century]. (In Russian). XXXII, 300, 284 p.; ils. (In Russian) / Кутепов Н. И. Великокняжеская, царская и императорская охота на Руси. СПб.: Экспедиция заготовления государственных

¹ This four-volume edition is also widely referred to as Царская охота на Руси / Tsarskaya okhota na Rusi [Tsarist hunting in Russia].

бумаг, 1902. Т. III: Царская и императорская охота на Руси. Конец XVII и XVIII век. СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1902. XXXII, 300, 284 с.; ил.

19. Materialy VoЕННО-uchenogo arkhiva Glavnogo shtaba [Materials of the Military Scientific Archive of the General Staff] / Ed. A. F. Bychkov. St Petersburg: Pechatnaya V. I. Golovina, 1871. Vol. I. IV p., 846 columns, 14 p., 28 p. (In Russian) / Материалы Военно-ученого архива Главного штаба / под ред. А. Ф. Бычкова. СПб.: Печатня В. И. Головина, 1871. Т. I. IV с., 846 стб., 14 с., 28 с.

20. Obstoyatel'noe opisaniye torzhestvennykh poryadkov blagopoluchnago vshestviya v tsarstvuyushchiy grad Moskvu i svyashchenneishago koronovaniya eya avgusteishago imperatorskago velichestva vsepresvetleishiya derzhavneishiya velikiya gosudaryni imperatritsy Elizabeth Petrovny samoderzhitsy vserossiyskoi, ezhe byst' vshestvie 28 fevralya, koronovanie 25 aprelya 1742 goda [A detailed account of the solemn order of the safe entry into the ruling city of Moscow and the most sacred coronation of Her Imperial Majesty, Great Empress Elizabeth Petrovna of Russia, the entry to be on February 28, the crowning on April 25, 1742]. St Petersburg: Imperatorskaya Akademiya nauk, 1744. (In Russian) / Обстоятельное описание торжественных порядков благополучного вшествия в царствующий град Москву и священнейшаго коронования ея августейшаго императорскаго величества всепресветлейшия державнейшия великия государыни императрицы Елисавет Петровны самодержицы всероссийской, еже бысть вшествие 28 февраля, коронование 25 апреля 1742 года. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1744.

21. Pamyatniki diplomaticheskikh i torgovykh snosheniy Moskovskoi Rusi s Persiei [Records of diplomatic and trade relations between Muscovite Russia and Persia] / izd. pod red. N. I. Veselovskogo. St Petersburg: Tovarishchestvo parovoi skoropечатni Yablonskiy i Perott, 1890. Vol. I: Tsarstvovanie Fedora Ioannovicha [Reign of Fedor Ioannovich]. [6], 455 p. (In Russian) / Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией / изд. под ред. Н. И. Веселовского. СПб.: Товарищество паровой скоропечатни Яблонский и Перотт, 1890. Т. I: Царствование Федора Иоанновича. [6], 455 с.

22. Pamyatniki diplomaticheskikh i torgovykh snosheniy Moskovskoi Rusi s Persiei [Records of diplomatic and trade relations between Muscovite Russia and Persia] / izd. pod red. N. I. Veselovskogo. St Petersburg: Leshtukovskaya parovaya skoropечатnaya P. O. Yablonskogo, 1898. Vol. III: Tsarstvovanie Mikhaila Feodorovicha (prodolzhenie) [Reign of Mikhail Feodorovich (continuation)]. [5], 731 p. (In Russian) / Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией / изд. под ред. Н. И. Веселовского. СПб.: Лештуковская паровая скоропечатня П. О. Яблонского, 1898. Т. III: Царствование Михаила Федоровича (продолжение). [5], 731 с.

23. Petrei de Erlezunda P. Istoriya o Velikom knyazhestve Moskovskom, proiskhozhenii velikikh russkikh knyazei, nedavnikh smutakh, proizvedennykh tam tremya Lzhedmitriyami, i o moskovskikh zakonakh, npravakh, pravlenii, vere i obryadakh, kotoruyu sobral, opisal i obnarodoval Petr Petrei de Erlezunda v Leiptsige 1620 goda [The history of the Grand Duchy of Moscow, the origin of the Great Russian Princes, the recent turmoil organised there by three False Dmitrys, and Moscow laws, customs, government, faith and ceremonies gathered, described and made public by Petr de Erlezunda in Leipzig

in 1620]. Moscow: Universitetskaya tipografiya (Katkov i K), 1867. XII, 574, [4] p. (In Russian) / Петрей де Ерлезунда П. История о Великом княжестве Московском, происхождении великих русских князей, недавних смутах, произведенных там тремя Лжедмитриями, и о московских законах, нравах, правлении, вере и обрядах, которую собрал, описал и обнародовал Петр Петрей де Ерлезунда в Лейпциге 1620 года. М.: Университетская типография (Катков и К), 1867. XII, 574, [4] с.

24. *Pokhodniy zhurnal 1713 goda* [The campaign journal for 1713]. St Petersburg, 1854. [6], 64 p. (In Russian) / Походный журнал 1713 года. СПб.: [Изд. 2-м Отд-нием Собственной его имп. величества канцелярии], 1854. [6], 64 с.

25. *Pokhodniy zhurnal 1714 goda* [The campaign journal for 1714]. St Petersburg, 1854. [6], 161 p. (In Russian) / Походный журнал 1714 года. СПб.: [Изд. 2-м Отд-нием Собственной его имп. величества канцелярии], 1854. [6], 161 с.

26. *Pokhodniy zhurnal 1723 goda* [The campaign journal for 1723]. St Petersburg, 1855. [6], 41 p. (In Russian) / Походный журнал 1723 года. СПб.: [Изд. 2-м Отд-нием Собственной его имп. величества канцелярии], 1855. [6], 41 с.

27. *Polnoe sobranie russkikh letopisei* [Complete collection of Russian chronicles] / Akademiya nauk SSSR. Institut istorii SSSR. Moscow: Nauka, 1978. Book 34: Postnikovskiy, Piskarevskiy, Moskovskiy i Bel'skiy letopistsy. 304 p. (In Russian) / Полное собрание русских летописей / Академия наук СССР. Институт истории СССР. М.: Наука, 1978. Т. 34: Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы. 304 с.

28. Pylyayev M. I. *Stariy Peterburg. Rasskazy iz byloi zhizni stolitsy* [Old Petersburg. Stories from the past life of the capital]. Moscow: Svarog i K, 2000. 470 p.; ils. (In Russian) / Пыляев М. И. Старый Петербург. Рассказы из былой жизни столицы. М.: Сварог и К, 2000. 470 с.; ил.

29. *Rossiyskiy arkhiv. Istoriya Otechestva v svidetel'stvakh i dokumentakh XVIII–XX vv.* [Russian archive: History of Motherland in testimonies and documents of the 18th–20th centuries]. Moscow: Rossiyskiy fond kul'tury, Studiya "TriTe", Rossiyskiy Arkhiv, 2000. [Issue X]: Povsednevnye zapiski delam knyazya A. D. Menshikova 1716–1720, 1726–1727 gg. [Daily records of the activities of Prince Alexander D. Menshikov in 1716–1720, 1726–1727]. 646, [1] p.; ils. (In Russian) / Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М.: Российский фонд культуры, Студия «ТриТэ», Российский Архив, 2000. [Вып. X]: Повседневные записки делам князя А. Д. Меншикова 1716–1720, 1726–1727 гг. 646, [1] с.; ил.

30. *Rossiyskiy arkhiv: Istoriya Otechestva v svidetel'stvakh i dokumentakh XVIII–XX vv.* [Russian archive: History of Motherland in testimonies and documents of the 18th–20th centuries]. Moscow: Rossiyskiy fond kul'tury, Studiya "TriTe", Rossiyskiy Arkhiv, 2000. [Issue XVI]. 751 p.; ils. (In Russian) / Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М.: Российский фонд культуры, Студия «ТриТэ», Российский Архив, 2007. [Вып. XVI]. 751 с.; ил.

31. *Rovinskiy D. A. Podrobniy slovar' russkikh gravirovannykh portretov* [Detailed Dictionary of Russian engraved portraits]. St Petersburg: Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk, 1888. Vol. III: P–F. (In Russian) / Ровинский Д. А. Подробный словарь русских

гравированных портретов. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1888. Т. III: П–Ф.

32. Rovinskiy D. A. Russkie narodnye kartinki [Russian popular prints]. Atlas. St Petersburg: Ekspeditsiya zagotovleniya gosudarstvennykh bumag, 1881. Vol. II. [Part I: Pls.] 294–524. (In Russian) / Ровинский Д. А. Русские народные картинки. Атлас. СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1881. Т. II. [Ч. I.] 294–524.

33. Sabéran F. Nader Chah ou la folie au pouvoir dans l'Iran du XVIIIe siècle. Paris: Editions L'Harmattan, 2013. 258 p.

34. *Sankt-Peterburgskie vedomosti*. [*St Petersburg News*]. 19 May 1737. No. 40. (In Russian) / *Санкт-Петербургские ведомости*. 19 мая 1737 г. № 40.

35. *Sankt-Peterburgskie vedomosti*. [*St Petersburg News*]. 22 December 1741. No. 102. (In Russian) / *Санкт-Петербургские ведомости*. 22 декабря 1741 г. № 102.

36. *Sankt-Peterburgskie vedomosti*. [*St Petersburg News*]. 5 June 1741. No. 45. (In Russian) / *Санкт-Петербургские ведомости*. 5 июня 1741 г. № 45.

37. *Sbornik Imperatorskogo russkogo istoricheskogo obshchestva* [*Collected works of the Imperial Russian historical society*]. St Petersburg: Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk, 1894. Vol. 91. XII, 531 p. (In Russian) / *Сборник Императорского русского исторического общества*. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1894. Т. 91. XII, 531 с.

38. Senatskiy arkhiv [The Senate archive]. St Petersburg: Tipografiya Pravitel'stvyushchego Senata, 1890. Vol. III: Zhurnaly i opredeleniya Pravitel'stvyushchego Senata za mart, aprel' i mai 1741 g. 621, 64 p. (In Russian) / Сенатский архив. СПб.: Типография Правительствующего Сената, 1890. Т. III: Журналы и определения Правительствующего Сената за март, апрель и май 1741 г. 621, 64 с.

39. Senatskiy arkhiv [The Senate archive]. St Petersburg: Tipografiya Pravitel'stvyushchego Senata, 1892. Vol. V: 1. Zhurnaly i opredeleniya Pravitel'stvyushchego Senata so 2 oktyabrya po 23 noyabrya 1741 g.; 2. Zhurnal i protokol' naya zapiska sobraniya ministrov i generaliteta s 25 noyabrya po 12 dekabrya 1741 g.; 3. Zhurnaly i opredeleniya Pravitel'stvyushchego senata s 16 dekabrya 1741 g. po 15 dekabrya 1743 g. [1], 681, 48 p. (In Russian) / Сенатский архив. СПб.: Типография Правительствующего Сената, 1892. Т. V: 1. Журналы и определения Правительствующего Сената со 2 октября по 23 ноября 1741 г.; 2. Журнал и протокольная записка собрания министров и генералитета с 25 ноября по 12 декабря 1741 г.; 3. Журналы и определения Правительствующего сената с 16 декабря 1741 г. по 15 декабря 1743 г. [1], 681, 48 с.

40. Shtaden G. (Staden Heinrich von). Zapiski o Moskovii [Notes on Muscovite affairs]. Moscow: Drevlekhranilishche, 2008. Vol. 1: Publication. 582 p. (In Russian) / Штаден Г. Записки о Московии. М.: Древлехранилище, 2008. Т. 1: Публикация. 582 с.

41. Shubinskiy S. N. Istoricheskie ocherki i rassказы [Historical essays and stories]. St Petersburg: Tipografiya A. S. Suvorina, 1908. VIII, 712 p., ils. (In Russian) / Шубинский С. Н. Исторические очерки и рассказы. СПб.: Типография А. С. Суворина, 1908. VIII, 712 с., ил.

42. Stolpyanskiy P. N. Peterburg: Kak vznik, osnovalsya i ros Sankt-Piterburkh. [*St Petersburg: The way Sankt-Piterburkh appeared, was founded and grew*]. Petrograd:

Izdatel'skoe Tovarishchestvo "Kolos", 1918. 400 p. (In Russian) / Столпянский П. Н. Петербург: Как возник, основался и рос Санкт-Петербурх. Пг.: Издательское Товарищество «Колос», 1918. 400 с.

43. Stolpyanskiy P. Stariy Peterburg: V zverinom i ptichyem mire [Old Petersburg: In the animal and bird kingdom] // *Chelovek i priroda. Populyarniy estestvenno-nauchniy zhurnal*. Moscow–Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1926. No. 2. Columns 75–82. (In Russian) / Столпянский П. Старый Петербург: В зверином и птичьем мире // *Человек и природа. Популярный естественно-научный журнал*. М.–Л.: Государственное издательство, 1926. № 2. Стб. 75–82.

44. Tucker E. Explaining Nadir Shah: Kingship and Royal Legitimacy in Muhammad Kazim Marvi's "Tārīkh-i 'ālam-ārā-yi Nādirī" // *Iranian Studies*. Vol. 26. No. 1/2. 1993, Winter–Spring. P. 95–117.

45. Tucker E. Nadir Shah and the Ja'fari Madhhab Reconsidered // *Iranian Studies*. Vol. 27. No. 1/4: Religion and Society in Islamic Iran during the Pre-Modern Era. 1994. P. 163–179.

46. Tucker E. S. Nadir Shah's Quest for Legitimacy in Post-Safavid Iran. Gainesville: University Press of Florida, 2006. XIV, 150 p.

47. Vasil'eva D. O. Mogol'skie yuvelirnye ukrasheniya v sostave darov posol'stva Nadir-shakha [Mughal jewellery as part of gifts by the embassy of Nādir Shāh] // Yuvelirnoe iskusstvo i material'naya kul'tura. Sbornik materialov konferentsii. 5–6 marta 2019 g. St Petersburg: State Hermitage Publishers, 2020. Issue 6. (Forthcoming). (In Russian) / Васильева Д. О. Могольские ювелирные украшения в составе даров посольства Надир-шаха // Ювелирное искусство и материальная культура. Сборник материалов конференции. 5–6 марта 2019 г. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2020. Вып. 6.

48. Vasil'eva D. O. Zhiviye podarki: slony posol'stva Nadir-shakha 1739–1742 godov [Live presents: elephants of the embassy of Nādir Shāh in 1739–1742] // XXX International Congress on Historiography and Source Studies of Asia and Africa: On the Occasion of the 150th Anniversary of Academician Vasily V. Barthold (1869–1930). 19–21 June 2019 / Ed. by Nikolay N. Dyakov, Alexander S. Matveev. St Petersburg: NP-Print Publishers, 2019. Vol. 1. P. 179–187. (In Russian) / Васильева Д. О. Живые подарки: слоны посольства Надир-шаха 1739–1742 годов // XXX Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки. К 150-летию академика В. В. Бартольда (1869–1930). 19–21 июня 2019 г. Материалы конгресса. СПб.: Студия «НП-Принт», 2019. Т. 1. С. 179–187.

49. *Vedomosti*. [News]. 2 January 1703. (In Russian) / *Ведомости*. 2 января 1703 г.

50. Vnutrenniy byt russkogo gosudarstva s 17-go oktyabrya 1740 goda po 25-e noyabrya 1741 goda po dokumentam, khranyashchimsya v Moskovskom Arkhivе Ministerstva Yustitsii [The inner life of the Russian State from October 17, 1740 to November 25, 1741, according to the documents stored in the Moscow Archives of the Ministry of Justice]. Moscow: Universitetskaya tipografiya (M. Katkov), 1880. Book 1: Verkhovnaya vlast' i imperatorskiy dom. XVI, 588 p., [11] ils. (In Russian) / Внутренний быт русского государства с 17-го октября 1740 года по 25-е ноября 1741 года по документам,

хранящимся в Московском Архиве Министерства Юстиции. М.: Университетская типография (М. Катков), 1880. Книга 1: Верховная власть и императорский дом. XVI, 588 с., [11] л. ил.

51. Vnutrenniy byt russkogo gosudarstva s 17-go oktyabrya 1740 goda po 25-e noyabrya 1741 goda po dokumentam, khranyashchimsya v Moskovskom Arkhive Ministerstva Yustitsii [The inner life of the Russian State from October 17, 1740 to November 25, 1741, according to the documents stored in the Moscow Archives of the Ministry of Justice]. Book 2: Vysshie gosudarstvenniye uchrezhdeniya. IX, 432, 8, [3] p., [1] il. Moscow: Tipografiya L. F. Snegireva, 1886. (In Russian) / Внутренний быт русского государства с 17-го октября 1740 года по 25-е ноября 1741 года по документам, хранящимся в Московском Архиве Министерства Юстиции. М.: Типография Л. Ф. Снегирева, 1886. Книга 2: Высшие государственные учреждения. IX, 432, 8, [3] p., [1] il.

52. Vstrecha v Moskve persidskogo slona v tsarstvovanie Petra I. Rasskaz ochevidtsa [Entrance of a Persian elephant into Moscow during the reign of Peter I. An account of an eyewitness] // *Russkaya starina*. 1880. Vol. XXIX. (St Petersburg). P. 169–172. (In Russian) / Встреча в Москве персидского слона в царствование Петра I. Рассказ очевидца // *Русская старина*. 1880. Т. XXIX. (СПб.). С. 169–172.

53. Zapiski Vebera o Petre Velikom i ob ego preobrazovaniyakh [Notes of Weber on Peter the Great and his reforms] // *Russkiy arkhiv*. No. 6. Moscow: Tipografiya Gracheva i Ko, 1872. Columns 1057–1168. (In Russian) / Записки Вебера о Петре Великом и об его преобразованиях // *Русский архив*. No. 6. М.: Типография Грачева и Ко, 1872. Стб. 1057–1168.

Author's Information

Daria O. Vasilyeva

Head of Byzantium and the Middle East Section, the Oriental Department,
State Hermitage Museum

34, Dvortsovaya Emb., St Petersburg, 190000, Russia

E-mail: daria_vasia@mail.ru

Информация об авторе

Васильева Дарья Олеговна

зав. Сектором Византии и Ближнего Востока, Отдел Востока,
Государственный Эрмитаж

Россия, 190000, Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 34

E-mail: daria_vasia@mail.ru

Konstantin Zhukov (FAAS, SPbU, St Petersburg, Russia)

**Frederick Millingen (Osman Bey)
and his account of the siege of Kars in 1877**

Summary: The “Russian period” of the life of Major Osman Bey (1836–1901?), stepson of Grand Vizier Kibrıslı Mehmed Pasha, which covers the years from 1873 to 1882, gave him an opportunity to publish a number of works devoted to the Ottoman army. For example, in 1877 appeared the Russian translation of his memoirs of the Crimean War, which contain a narrative of military and political events in the Caucasus from the autumn of 1854 to the summer of 1855, including the so-called “Circassian expedition” of Field Marshal Alyanak Mustafa Pasha, the Commander of the Batum Ottoman army, in which Osman Bey took part as his aide-de camp.

The present article deals with other war memoirs of his, namely the account of the final Russian siege of Kars during October–November of 1877, which can be found in his book “Les russes en 1877–1878 (Guerre d’Orient)” (Berlin, 1889). Since the book was published after his resignation from the Russian service it has been scarcely used by Russian historians. In the present article, special attention is paid to his relations with his old friend, Turkish Colonel Huseyin Bey, the then commander of the fortress artillery in Kars, and their contacts during the siege. The author traces Osman Bey’s account of the events in comparison with other historical sources. Among them the reports of a Russian war correspondent, the well-known military observer and historian Mikhail A. Terentiev and the memoirs of Prince Nikolai Tumanov are of particular importance. The work of Gazi Ahmed Muhtar Pasha “Sergüzeşt-i hayatım” (“The Adventures of my Life”), the then commander of the Anatolian Ottoman army, is also used. Besides, the author analyzes some reports of Western war correspondents such as Charles Williams and Charles Norman which are of importance for the study. The various explanations of the Turkish defeat, generated in both belligerent camps immediately after the fall of the fortress which had been previously regarded as impregnable, are treated. Among these opinions such explanations as treason, bribery, cowardice of the garrison and courage of the Russian army as well as the surprise night attack can be listed. Taking into consideration the fact that contradictory versions of the fall of Kars still co-exist in Russian historiography — a feature partly inherited from the pre-revolutionary past, the author considers the memoirs of Osman Bey as a valuable historical source which is worthy of further examination. Finally, the author argues that stressing the importance of moral factor in the warfare, Osman

Bey shared to some extent the views of Leo Tolstoy which had been expressed in his famous novel “War and Peace”.

Keywords: Frederick Millingen; Osman-Bey; Russo-Turkish war of 1877–1878; Kars; history of the Russian Empire; history of the Ottoman Empire; Russian military journalism; British military journalism; Mikhail A. Terentiev; Leo Tolstoy.

Жуков К. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ)
**Frederick Millingen (Осман-бей) и его мемуары
об осаде Карса в 1877 году¹**

Города сдают солдаты,
Генералы их берут.

А. Твардовский. «Василий Теркин».

Аннотация: Автор рассматриваемых в нашей статье воспоминаний об осаде Карса — Фредерик Миллинген (Frederick Millingen), сын протестанта-англичанина (придворного османского лекаря) и константинопольской левантинки католического вероисповедания, он же — принявший ислам приемный сын турецкого великого везира, именовавшийся Осман-Сейфи-бей Кыбрыслы-заде, он же — перешедший в православие Владимир Андреевич Осман-бей (1836 — не ранее 1901). Русский период жизни бывшего офицера турецкого Генерального штаба майора Осман-бея продолжался с 1873 по 1882 г. Изломы судьбы, приведшие нашего героя на русскую службу, изложены им самим в сочинении *Les Anglais en Orient, 1830–1876* (Paris, 1877). К этому времени за его плечами было обучение в Римской семинарии и Стамбульском военном училище, участие в боевых действиях на Кавказе в 1854–1855 гг. и военная служба в Ване в 1863–1864 гг., тесное общение и разрыв с известным туркофилом и русофобом Давидом Уркартом, сотрудничество и последующая судебная тяжба с «новыми османцами» в Лондоне в 1867 г. Осман-бей уже был автором нескольких опубликованных в Европе книг, брошюр и научных статей о Турции. Благодаря одной из этих книг (Millingen Fr. *Wild Life among the Koords*. London, 1870) он приобрел репутацию знатока турецких курдов. В России научная и публицистическая деятельность Осман-бея сосредоточилась на нескольких направлениях, одним из которых было военное дело. Опыт службы в чине майора турецкого Генштаба изложен в статье в «Военном сборнике» за 1874 г. В 1877 г. в «Кавказском сборнике» опубликованы мемуары о Крымской войне. Тогда же в Тифлисе вышел «Турецкий проводник для рус-

---

¹ Данная публикация представляет собой расширенную и доработанную версию доклада: Жуков К. А. Frederick Millingen, он же — Осман-Сейфи-бей Кыбрыслы-заде, он же — Владимир Андреевич Осман-бей (1836 — не ранее 1901) // «Локальное наследие и глобальная перспектива». XXVII Междунар. науч. конф. по этноисториографии и историографии стран Азии и Африки, 24–26 апреля 2013 г. Тезисы докладов. СПб.: ВФ СПбГУ, 2013. С. 77–78.

ского солдата. Слова и разговоры, составленные майором Владимиром Андреевичем Осман-беєм». Особую ценность имеют его мемуары об осаде Карса: *Les russes en 1877–1878 (Guerre d'Orient)*, напечатанные в Берлине в 1889 г. Они содержат его собственную версию падения этой турецкой крепости.

В настоящей статье версия Осман-бея анализируется в сопоставлении с другими источниками: военными корреспонденциями русских и западных журналистов, мемуарами участников осады и штурма Карса, воспоминаниями главнокомандующего турецкой азиатской армией Гази Ахмеда Мухтар-паши, опубликованными документальными свидетельствами. По мнению автора, окончательная версия Осман-бея, которая была сформулирована в его книге (массовый героизм, глубокое знание и использование слабостей противника при решающей роли морального фактора), могла сложиться под воздействием известных взглядов Л. Н. Толстого.

Ключевые слова: Frederick Millingen; Миллинген; Осман-бей; Русско-турецкая война 1877–1878 гг.; Карс; история Российской империи; история Османской империи; российская военная журналистика; британская военная журналистика; М. А. Терентьев; Л. Н. Толстой.

Русский период жизни Осман-бея (Фредерика Миллингена), приемного сына бывшего великого везира Мехмеда-Эмин-паши Кыбырлы, продолжался с 1873 по 1882 г. В России Осман-бей внес вклад в изучение вооруженных сил Османской империи. Интересны его мемуары о Крымской войне «Воспоминания 1855 года. События в Грузии и на Кавказе», опубликованные в 1877 г. в «Кавказском сборнике». Опыт военной службы в качестве майора турецкого Генерального штаба был им изложен в статье, напечатанной в «Военном сборнике» за 1874 г. Накануне Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в Тифлисе вышел «Турецкий проводник для русского солдата. Слова и разговоры, составленные майором Владимиром Андреевичем Осман-беєм»¹.

Воспоминания Осман-бея об осаде Карса в 1877 г.², содержащие его собственную версию падения этой турецкой крепости³, полностью были опубликованы после его ухода с русской службы. В настоящей статье эти мемуары

¹ Подробнее об Осман-бее см.: Жуков К. А. Осман-бей и его сочинение «Воспоминания 1855 года. События в Грузии и на Кавказе» // *Гуманитарные и социально-экономические науки*. 2015. Вып. 5 (84). С. 28–33.

² [Millingen Fr.] *Les russes en 1877–1878 (Guerre d'Orient)* par Le Major Osman-Bey, Kibrisli-zadé. Berlin: Frédéric Luckhardt, éditeur, 1889. По цензурным соображениям в работах российских историков о Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. этот труд использован не был.

³ Впервые эта версия была представлена в газетной публикации: Le Major Osman-Bey. Comment nous avons pris Kars // *Le Temps*. 1879. 18 août. P. 5. Рукописный экземпляр статьи (в сафьяновом переплете с золотым тиснением) был преподнесен императору Александру III через министра внутренних дел графа Н. П. Игнатьева в июне 1881 г. [Révélations sur l'assassinat d'Alexandre II par Le Major Osman-Bey, Kibrisli-zadé. Genève: Librairie H. Stapelmohr, 1886. P. 120–121].

рассматриваются в сопоставлении с отечественными, западными и турецкими источниками.

Триумфальный ночной штурм Карса 5(17)–6(18) ноября 1877 года — величайшее событие не только в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., но и во всей истории побед российского оружия в целом. Однако вряд ли можно утверждать, что все аспекты этой военной операции получили однозначную трактовку в научной литературе. В частности, периодически возобновляются попытки представить главным героем этого штурма командующего действующим корпусом Кавказской армии генерала кавалерии М. Т. Лорис-Меликова¹.

Между тем полководческие заслуги Лорис-Меликова во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. отнюдь не бесспорны. Известно, например, что только срочная командировка на Кавказский фронт генерала Н. Н. Обручева, где им был разработан план по разгрому Авлияр-Аладжинской группировки противника, спасла русскую армию от серьезных проблем после проигранного сражения при Зивине в июне 1877 г. и отхода войск Лорис-Меликова от Карса².

Что касается лавров «покорителя неприступной Карсской крепости», то претендентов на этот почетный венок было немало, включая самого главнокомандующего великого князя Михаила Николаевича и его помощника князя Д. И. Святополк-Мирского. Лорис-Меликов, доживавший в отставке свои последние годы в Ницце, вспоминал в 1886 г.: «Одним из самых ярких претендентов на взятие Карса явился, к огорчению Мирского, Лазарева и компании, некто Осман-бей, бывший майор турецкой службы, ренегат и присланный в действующий корпус в качестве переводчика, как отлично знающий арабский и турецкий языки. Осман-бей издал на французском языке книгу, в которой указывал, что овладением Карса русские обязаны исключительно ему одному. Шарлатан этот развезжал по столичным городам Европы и читал

¹ См., например: Герасимова Ю. Н. «Обеспечить... судьбу Кавказа и разрушить надежды турок» // *Военно-исторический журнал*. 2010. № 8. С. 11.

² Красноречивый факт: 7 июля Лорис-Меликов из Кюрюк-дара прислал в Александрополь на хранение комендату свой сервиз и серебро. «Это показывает, — отметил в своем дневнике участник тех событий Н. Е. Туманов, — что Лорис не рассчитывает отстоять свои позиции на фронте Башкадыкляр — Кюрюк-дара, в случае нападения Мухтара, если он позволил себе прибегнуть к такой некрасивой <...> мере для спасения своего имущества!» [Туманов Н. Е. Дневник участника войны 1877–1878 гг. на Азиатском театре борьбы // *Военно-исторический сборник*. (СПб.: Типограф. Гл. упр. уделов). 1915, № 2. С. 164]. Князь Туманов — один из наиболее образованных военных специалистов, оставивших свои воспоминания об осаде Карса: до своего отъезда в действующую армию он давал уроки фортификации вел. кн. Николаю Михайловичу. В период осады Карса Туманов командовал саперными частями [Здесь и ниже даты, взятые из отечественных дореволюционных источников (за исключением особо оговоренных), даются по старому стилю. Также сохранены оригинальные написания имен собственных и географических названий].

о Карсе публичные лекции»¹. Этим «шарлатаном» был герой нашей статьи, лично знакомый с четырьмя из пяти старших офицеров осажденного карсского гарнизона. В частности, его давним другом был выпускник Королевской военной академии в Вулвиче начальник крепостной артиллерии полковник Гусейн-бей², через которого во время осады велись переговоры с турками.

Разноречивость суждений о вкладе того или иного лица в общую победу имеет корни не только в сфере былого соперничества генеральских самолюбий и хода придворной или политической борьбы³; до некоторой степени она может быть объяснена состоянием источников. Кавказский фронт изначально рассматривался как второстепенный, поэтому «информационное покрытие» происходивших там событий значительно уступало тому, что имело место на Балканском ТВД; в особенности сказанное относится к периоду осады и штурма Карса. Показательный факт: поздней осенью 1877 г. при русском корпусе находилось всего два военных корреспондента: англичанин А. Форбс из «Дейли ньюс» и М. А. Терентьев из «Русского мира»⁴. Письма в «Русский мир» шли почтой около 18 дней, еще два-три дня уходило на их печатание⁵. Впервые исключение было сделано для князя Мещерского. Для передачи сообщения о взятии Карса в редакцию «Московских ведомостей» им (с дозволения главнокомандующего Кавказской армией вел. кн. Михаила Николаевича) был использован походный телеграф. Эта депеша появилась в газете 7 ноября, а затем (уже из Москвы) была передана «во все города Европы»⁶. Мещерский прибыл к Карсу в самый разгар штурма. Он, в частности, отметил тот факт, что французский военный агент при русском штабе генерал де Курси (по специальности артиллерист) несколькими днями ранее покинул главную

¹ Итенберг Б. С., Твардовская В. А. Граф М. Т. Лорис-Меликов и его современники. М.: Центрполиграф, 2004. С. 336–337.

² Его полное имя — Гусейн Решид-бей (Hüseyin Reşid Bey) [См.: Gazi Ahmed Muhtar Paşa. Anılar: Sergüzeşt-i hayatım. Cilt 2 / Sadeleştirerek yayına hazırlayan N. Akbayar. İstanbul: Numune Matbaacılık, 1996. S. 239]. Другими бывшими сослуживцами Осман-бея в чине генерала были: комендант форта Канлы Давуд-паша, комендант форта Карадаг Мехмед Черкес и секретарь командующего карским гарнизоном Мехмед Мюниб [Les russes en 1877–1878 (Guerre d'Orient) par Le Major Osman-Bey, Kibrisli-zadé. P. 121–122].

³ «Многочисленная главная квартира <...> обратилась в большой придворный муравейник, где вчерашний воин стал сегодняшним царедворцем <...>. Начались друг против друга сплетни и интриги. <...> Герои Карса превратились в виндзорских кумушек...» [Мещерский В. П. Воспоминания. М.: Захаров, 2001. С. 396–397].

⁴ Туманов Н. Е. Дневник участника войны 1877–1878 гг. на Азиатском театре борьбы // *Военно-исторический сборник*. 1915. № 1. С. 170–171.

⁵ *Русский мир*. 1877. № 320, 23 ноября/5 декабря. С. 1–2.

⁶ Мещерский В. П. Воспоминания. С. 393.

квартиру, будто бы заявив своим русским коллегам: «Не взять вам Карс никогда!»¹ Других иностранных военных агентов при главной квартире русских войск на Кавказском ТВД в тот период не было². Последнее обстоятельство отчасти объяснялось общепринятым убеждением (и турок, и западных военных специалистов) в абсолютной неприступности Карса³, в фортификацию которого накануне войны были вложены гигантские финансовые средства.

Число описаний осады и штурма Карса, опубликованных по горячим следам (без оглядки на последующие события и привнесенные обстоятельства, как это часто бывает в мемуарной и исследовательской литературе)⁴, сравнительно невелико. Особо ценными в этой связи представляются корреспонденции с фронта, печатавшиеся в газете «Русский мир» известным военным востоковедом майором М. А. Терентьевым, в то время причисленным к штабу Лорис-Меликова.

Вот что он написал после взятия Карса: «Честь блистательного начала и честь блистательного конца приписывают себе — один шутя, а другой серьезно — два человека: Осман-бей и штаб-офицер над вожатыми [С. О. Кишмишев. — *К. Ж.*]. Я всегда уверял начальство, что турок в Карсе только 7–8 тысяч, — говорит штаб-офицер, — поэтому у нас и рискнули на штурм. Если бы я доставлял верные сведения, то есть что в гарнизоне есть до 20, 000, то, пожалуй, и штурма не было, а, следовательно, не было бы и победы»⁵.

¹ *Московские ведомости*. 1877. № 314, 18 декабря. С. 5.

² Туманов Н. Е. Дневник участника войны 1877–1878 гг. на Азиатском театре борьбы // *Военно-исторический сборник*. 1915. № 1. С. 171.

³ В своих воспоминаниях, опубликованных через 20 лет после штурма Карса, Мещерский приписывает такое же мнение Лорис-Меликову [Мещерский В. П. Воспоминания. С. 394]. Что касается русского военного лагеря, то в нем (перед первой осадой этой крепости в июне 1877 г.) господствовали шапкозакладательские настроения: «Для взятия Карса, по мнению многих, было необходимо: 1) устройство осадных батарей, для чего считалось достаточным одной ночи; 2) три дня усиленной, непрерывной бомбардировки и, наконец, штурм одного или двух укреплений. Из остальных, полагали, перепуганные турки сами побегут, да и карские жители их выгонят...» — сообщал корреспондент газеты «Голос» [Градовский Г. К. Война в Малой Азии в 1877 году. Очерки очевидца. М.: Гос. публ. ист. б-ка России, 2008. С. 60].

⁴ А. А. Свечин, анализируя ход Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., отмечал, что «официальная история войны бесконечно запоздала», а кроме того — «официальная история не только не дает надлежащей критики событий, но и замалчивает важные документы» [Свечин А. А. Эволюция военного искусства. М.: Академический проект; Жуковский: Кучково поле, 2001. С. 659]. Наиболее полное собрание документов см. в: *Материалы для описания русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Кавказско-Малоазиатском театре с планами / под ред. ген.-лейт. Чернявского*. Тифлис: Издание Военно-исторического отдела Штаба Кавказского военного округа. 1907. Т. 3.

⁵ Провалив разведывательную работу под Карсом, Кишмишев через несколько лет попробовал себя в роли военного историографа и заложил, таким образом,

Я написал коменданту письмо, — заявляет Осман-бей, — и по-товарищески советовал сдаться, уверяя, что русские озлоблены упорством и решились переколоть весь его военный совет и его самого. Ами-паша [Гусейн-Хами-паша. — К. Ж.] так испугался, что поспешил убежать из города, как только нижние и правые форты были заняты вами. Если бы я его не напугал, то он легко продержался бы в Токмасы еще дня два и причинил бы вам большие потери.

Что касается до меня, — резюмирует Терентьев, имея в виду общеизвестную стойкость и самопожертвование русского солдата, — то, помимо расчетливости и знаний главных распорядителей штурма, я готов приписать успех именно тем, кто о себе вовсе не говорит...»¹

В личной канцелярии султана Абдул-Хамида II причину падения Карса усмотрели в трусости: «Не устоять в укреплении — значит то же, что передаться неприятелю!» — заявлял первый секретарь султана Саид-паша. В свою очередь, командующий Анатолийской армией Гази Ахмед Мухтар-паша 9 ноября (н. ст.) докладывал в Стамбул: «Я получил вашу высокую депешу от 8-ого ноября относительно расследования подробностей положения Карса. <...> неприятель сосредоточил все свои орудия на каком-нибудь одном важном пункте и осыпал крепость таким градом снарядов, что держаться под ними не было никакой человеческой возможности. Вот мое мнение, но вопрос еще не разъяснен окончательно...»² Позже, касаясь сдачи Карса в своих воспоминаниях, он ограничился описанием общей канвы событий³.

Турецкой стороной в качестве основных причин падения Карса, помимо «внезапности ночного штурма», назывались также такие факторы, как неспособность коменданта крепости и деморализованность ее гарнизона⁴. Наконец, сразу же после поражения в Стамбуле начали циркулировать слухи о «продаже»

фундамент официальной версии событий. [Кишмишев С. О. Война в Турецкой Армении 1877–1878 гг. СПб.: Военная типография, 1884].

¹ *Русский мир*. 1877. № 329, 2/14 декабря. С. 2.

² Сборник турецких документов о последней войне / пер. с тур. трех последних глав сборника «Зубдетуль-Хакаи», составленного Ахмед-Мидхатом-эфенди // *Военный сборник*. 1879. № 5. Приложение. С. 86–89.

³ Gazi Ahmed Muhtar Paşa. Anılar: Sergüzeşt-i hayatım. Cilt 2. S. 238–242. Впервые мемуары Мухтар-паши были изданы в Стамбуле в 1912 году, когда он занял пост великого везира. Часть этого текста (воспоминания о ходе военных действий до июля 1877 г.) была опубликована в русском переводе, автором которого являлся драгоман российского посольства в Константинополе М. С. Шахтагинский [«История русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в Анатолии» Гази-Ахмеда-Мухтара-паши, бывшего главнокомандующего Анатолийской армией // *Военно-исторический сборник*. 1913–1916].

⁴ Военные операции в Малой Азии в русско-турецкую войну 1877–1878 гг. (по турец. офиц. источникам сост. турецким штаб-офицером) // *Военный сборник*. 1898. № 1. Отдел II: С. 41–42. Переводчик — В. Н. Шебеко, в чине капитана российского Генштаба с 1896 по 1899 г. находился в распоряжении военного агента в Константинополе.

Мухтаром Карса и Анатолии русским¹. В завуалированной форме они были озвучены летом 1878 г. издателем уже цитированного нами сборника “Zübdetül Nakâiik” («Суть истин») влиятельным османским журналистом Ахмедом Мидхатом: «Перо стыдится описывать бегство, случившееся перед Карсом и другие события, сопровождавшие сдачу Карса и носившие на себе печать лихоимства»².

Разговоры о подкупе коменданта Карса имели место и в русском лагере. «Действительно, турецкая полевая артиллерия <...>, пехота <...> действовали <...> крайне вяло и нерешительно, почему и распространился даже слух о подкупе со стороны нашей коменданта крепости Карса, что конечно, невероятно», — вспоминал, например, военный прокурор Кавказского военно-окружного суда Н. П. Хитрово³. По свидетельству Осман-бея, сама мысль относительно допустимости подкупа карсского коменданта все же была не чужда некоторым руководителям осады Карса, а именно Святополк-Мирскому и Лорис-Меликову. Так, 13/25 октября, по их поручению, Осман-бею следовало конфиденциально на словах передать через турецкого парламентаря, коим являлся его давнишний друг полковник артиллерии Гусейн-бей, предложение, что в случае сдачи крепости в 24 часа, будет выплачено 400, 000 руб. (1 млн франков по тогдашнему курсу). В ответ Гусейн-бей «от души рассмеялся». «Держу пари, — пишет Осман-бей, — что если бы торг начался, то стоимость Карса подскочила бы до 6 млн фр.»⁴

Тема подкупа активно муссировалась английской прессой. Например, корреспондент «Дейли ньюс» сообщал из Эрзерума 11/23 ноября, что уцелевшие после штурма Карса якобы утверждали, что русские вошли в амбразуру форта Канлы и что между его гарнизоном и атакующими было соглашение⁵. В законченном виде версия о подкупе как главной причине падения Карса была обнародована бывшим военным корреспондентом газеты «Таймс» капитаном Норманом в его книге, посвященной генерал-лейтенанту сэру Арнольду Кембеллу (Kemball)⁶. Вынужденный покинуть армию Мухтар-паши в сентябре

¹ Gazi Ahmed Muhtar Paşa. Anılar: Sergüzeşt-i hayatım. Cilt 2. S. 244.

² Сборник турецких документов о последней войне / пер. с турец. трех последних глав сборника «Зубдетуль-Хакаиик», составленного Ахмед-Мидхатом-эфенди. С. 84.

³ Хитрово Н. П. Последний штурм крепости Карса в 1877 году и предшествующие взятию этой крепости события в действующей Кавказской армии и на Кавказе // *Русская старина*. 1915. № 2. С. 408.

⁴ Les russes en 1877–1878 (Guerre d’Orient) par Le Major Osman-Bey, Kibrisli-zadé. P. 115–120.

⁵ *Русский мир*. 1877/1878. № 347, 20 декабря/1 января. С. 1. Форт Канлы, ключевым в системе передовых карских оборонительных укреплений, командовал генерал кавалерии Давуд-паша [Les russes en 1877–1878 (Guerre d’Orient) par Le Major Osman-Bey, Kibrisli-zadé. P. 166–167].

⁶ Этот военный комиссар британского правительства при штабе Мухтар-паши имел богатый послужной список: генеральный консул в Багдаде; пристав при шахе Ирана

1877 г., Норман впоследствии собрал некоторое количество «косвенных свидетельств», лучше сказать — избыливающих фактическими ошибками сплетен, которые, по его мнению, убедительно говорили о решающей роли в этом событии командующего крепостной артиллерией полковника Гусейн-бея и его приятеля майора русской службы Осман-бея. Любопытно, что, помимо самого факта приятельских отношений вышеуказанных лиц, основным аргументом Нормана стало происхождение Гусейн-бея¹, которое, заметим попутно, в свое время совершенно не мешало ни Норману, ни другим специальным английским корреспондентам петь дифирамбы Гусейн-бею после успешной защиты Карса в период первой русской осады этой крепости летом 1877 г.²

Дело в том, что отцом полковника был Юсуф Мухлис-паша Серезли, комендант Варны, капитулировавший в сентябре 1828 г. во время Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. После сдачи в плен паша вместе с многочисленной свитой был направлен в Одессу, где находился на содержании российского правительства вплоть до августа 1829 г.³ Его пятнадцатимесячный сын (будущий полковник Гусейн-бей) был взят на воспитание супругой Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора М. С. Воронцова. По возвращении в Турцию Юсуф-паше удалось оправдаться; в дальнейшем он продолжал занимать различные высокие посты, а повзрослевший Гусейн был отправлен учиться в Англию, в Вулвич. Окончив тамошнюю Академию в 1852 г. (к этому времени относится начало его знакомства с Осман-беем), Гусейн вернулся в Стамбул⁴. Ход мыслей капитана Нормана был таков: коль скоро отец в свое время «продал» русским Варну, то почему бы и сыну было не сделать то же самое с Карсом?⁵

Версии о подкупе имели под собой психологическую подоплеку: их разработчикам было просто трудно поверить, что русские смогли «взять на штык» такую твердыню, как Карс. Надо признать, что неверие в способность русской

в Англии в 1873 г.; военный комиссар британского правительства при штабе Абдул-Керима во время сербской кампании; официальный переводчик на Константинопольской конференции держав в декабре 1876 г. (владел турецким, персидским и арабским языками).

¹ Norman C. B. *Armenia and the campaign of 1877*. London–Paris–New York: Cassell Peter and Galpin, 1878. 2nd ed. P. 418–421.

² Например, один из них писал: «...могу сказать, что оборона Карса <...> — триумф Вулвича. Гусейн-бей, отвечающий за все приготовления к обороне Карса, о котором вскоре я надеюсь писать как о Гусейн-паше [т.е. уже как о генерале. — К. Ж.], провел 7 лет в Вулвиче» [Williams Ch. *The Armenian campaign of 1877. A diary of the campaign in Armenia and Koordistan*. London: C. Kegan Paul and Co., 1878. P. 135].

³ Познахирев В. В. *Турецкие генералы и адмиралы в русском плену (XVIII–XX вв.)*. СПб.: Нестор-История, 2019. С. 75, 167–168.

⁴ *Les russes en 1877–1878 (Guerre d'Orient) par Le Major Osman-Bey, Kibrisli-zadé*. P. 113–114.

⁵ Norman C. B. *Armenia and the campaign of 1877*. P. 421.

армии овладеть крепостью имело под собой основание. Ее численность для такой операции представлялась недостаточной, в артиллерии турки имели преимущество (303 орудия против 120). По качеству вооружения русская армия уступала турецкой. В ней по-прежнему царило губительное для любой армии двоевластие. Многие высшие офицеры не соответствовали занимаемым должностям. Например, только после ряда провалов был снят с должности начальника штаба генерал-майор С. М. Духовской. С другой стороны, такой выдающийся офицер, как покоритель Ташкента, бывший командующий сербской армией в 1876 г. генерал-майор М. Н. Черняев в августе-сентябре нашел чрезвычайно сухой прием в ставке великого князя. При инспекции позиций у Кюрюк-дара в ответ на свои замечания генерал услышал такой ответ: «Строить укрепления не в характере славянского племени!» В результате, пишет Туманов, «мы в лице Черняева, кажется, лишились талантливого генерала с правильным глазомером»¹.

Армейские проблемы усугублялись крайне нездоровой обстановкой в тылу. Эривань и Тифлис были переполнены тысячами турецких пленных. На фоне по сути нищенского снабжения русской армии пленным турецким пашам полагалась готовая квартира и 5 руб. содержания в сутки, а один из высших военных чинов, Омер-паша, только «на обзаведение и подъем» получил из казны одну тысячу рублей². В Тифлисе, пишет Хитрово, «пленные офицеры приглашались обывателями на обеды и вечера и посещали летнее помещение единственного в то время в Тифлисе клуба, носящего название «Художественного и Артистического кружка». Павильон клуба, где читались газеты, был всегда переполнен публикою, а газеты выписывались не только русские, но и иностранные, даже английские; все стремились узнать, что делается у нас на театрах военных действий, и вообще население Кавказа как бы было наэлектризовано войною. Либеральные газеты, а к числу их принадлежал и «Тифлисский Вестник»³, редактором коего был солидно образованный князь Бебутов, относились к нашим первоначальным военным успехам на Кавказе с какою-то недоверчивостью, признавая, подобно английской прессе, Мухтара-пашу за полководца, не лишённого дарований. Приезжающие офицеры из действующей армии в Тифлис тоже передавали иногда неутешительные сведения о состоянии нашей армии, о её голодовке, усиленной смертности от тифа и интригах генералов, почему, когда после неудачи наши войска должны были оставить осаду Карса и отступить по направлению к Александрополю,

¹ Туманов Н. Е. Дневник участника войны 1877–1878 гг. на Азиатском театре борьбы // *Военно-исторический сборник*. 1915. № 3. С. 169–180.

² Мещерский В. Кавказский путевой дневник. СПб.: Типограф. Г. Е. Благовосветлова, 1878. С. 50–51.

³ «Это — орган «Молодой Армении» <...>. Здесь вы найдете чуть-ли не в каждом номере прямое или косвенное обличение чего-нибудь *русского* ...» [Мещерский В. Кавказский путевой дневник. С. 122–123].

то в обществе уже появилось не только сомнение в стойкости наших войск, но даже и боязнь за вторжение Мухтара-паши в пределы наших владений»¹.

На нуждах армии наживались различного рода дельцы, например, глубокое возмущение у князя Мещерского вызвало поведение местных торгашей из числа армянского населения: «Эксплуатация армянами нужд в Александрополе страшная по бесстыдству и безжалостности...»²

В цитадели Александрополя царило полное разгильдяйство: 2/14 октября здесь взорвался склад артиллерийских снарядов, подготовленных к отправке под Карс³. Правда, в целом это не отразилось на ходе боевых действий, поскольку бомбардировка Карса не приносила видимых результатов. Красноречивый факт: после капитуляции турецкого гарнизона русские войска обнаружили «огромную кучу» своих неразорвавшихся снарядов, которая была сложена турками у ворот цитадели⁴.

Провал интендантской службы усугубили наступившие холода. Хитрово, прибыв к Карсу, сделал такую запись: «...наша действующая армия под крепостью Карсом находится в страдательном положении: смертность от тифа и дизентерии довольно значительна, что главным образом происходит от неимения у нижних чинов фуфаек и тёплых одеял⁵ и отчасти неудовлетворительности пищевых продуктов, а между тем на Карском возвышенном плато уже с сентября месяца начались заморозки, которые в последнее время стали доходить ночью до пяти градусов холода по Реомюру»⁶. Майор Терентьев о погодных условиях в районе Карса, находящегося на высоте 1760 м выше уровня моря, сообщает, что мороз накануне штурма достигал девяти градусов ниже нуля⁷. И в этих условиях «многие солдаты не имели и суконных шаровар»! Один из военных врачей в русском лагере в своей беседе с Терентьевым так описал создавшуюся ситуацию: «Если простоим до половины ноября, то не с кем будет идти на штурм!» Штурм крепости, таким образом, стал «роковой,

¹ Хитрово Н. П. Последний штурм крепости Карса в 1877 году. С. 393–394.

² Мещерский В. Кавказский путевой дневник. С. 183. В русской армии храбро воевали офицеры-армяне (генералы Лазарев, Шелковников и др.), однако в массах местного населения Мещерский не увидел ни жертвенности, ни сопереживания. Отдельный вопрос — отношение к войне российского общества в целом, в восприятии которого похороны умершего 27 декабря Н. А. Некрасова заняли несравнимо более важное место, чем победный штурм Карса.

³ Хитрово Н. П. Последний штурм крепости Карса в 1877 году. С. 395–396.

⁴ Туманов Н. Е. Под Карсом. Из дневника участника войны 1877–1878 гг. (со схем.) // *Военно-исторический сборник*. 1913. №. 3. С. 53–54.

⁵ Дело в том, что Кавказское интендантство на зимнюю кампанию совсем не считывало [Мещерский В. Кавказский путевой дневник. С. 8–9].

⁶ Хитрово Н. П. Последний штурм крепости Карса в 1877 году. С. 398.

⁷ Очевидно, также по Реомюру, т. е. –11,25 °С.

но неизбежной необходимостью!»¹ Взять Карс или погибнуть. Выбора у русской армии уже не оставалось.

Мемуары Осман-бея добавляют содержательные штрихи к этой общей картине. История его появления в русском военном лагере 3/15 октября известна не только по его собственным словам, но и из ряда других источников. Интересные подробности сообщает, например, майор Терентьев: «18/30 октября был перехвачен гонец от Мухтара из Зивина в Карс с шифрованной депешей. У нас здесь по части восточных языков очень слабо: говорят многие, а читать-писать не мастера, — пишет Терентьев, — так что приходится часто обращаться за помощью к разным, довольно подозрительным личностям, которые, таким образом, узнают разные наши тайны. Разобрать шифр и на своем-то языке вещь довольно мудреная, а на чужом и подавно. Тем не менее прикомандированным к армии консулам нашим в Турции гг. Максимова и Обермиллеру поручено было испытать счастье. Они пригласили на помощь известного в нашей литературе турецкого писателя Осман-бея. Эта личность совершенно почти не известная ни в каком другом отношении² <...>. Сюда он приехал как раз 3 октября, точно свалился с неба. И никто не знает достоверно, откуда он взялся <...>. Ввиду недостатка письменных переводчиков Осман-бей оставлен при отряде, и ему предназначено 100 рублей в месяц содержания. Деньги оказались недаром брошенными: он первый угадал в шифрованной депеше два слова и затем, подставляя разоблаченные буквы над соответствующими цифрами, прочел всю депешу <...>³. Таким образом, благодаря Осман-бею русскому командованию стал доступен турецкий военный шифр⁴.

¹ *Русский мир*. 1877. № 326, 29 ноября/11 декабря. С. 1.

² «Русские в восторге от такого выдающегося новообращенного. Молодой человек, однако, всего лишь сын английского доктора из Перы», — заметил по этому поводу А. Форбс [The war correspondence of the “Daily News” 1877 with a connecting narrative forming a continuous history of the war between Russia and Turkey to the fall of Kars. Including letters of Mr. A. Forbes, Mr. MacGahan and many other special correspondents in Europe and Asia. Leipzig: Bernhard Tauchnitz, 1878. Vol. 3. P. 295].

³ *Русский мир*. 1877. № 315, 18 ноября/30 ноября. С. 1.

⁴ Расшифровка депеши проходила в походной палатке В. А. Максимова, первого драгомана великого князя. Интересно, что красочно описывая эту сцену в своей книге, Осман-бей при характеристике Максимова употребляет русское слово «чиновник» (tchinovnik) в пейоративном смысле [Les russes en 1877–1878 (Guerre d’Orient) par Le Major Osman-Bey, Kibrisli-zadé. P. 139–141].

В этой связи любопытно сравнить созданный Осман-беем образ В. А. Максимова и восприятие этого же «чиновника» его сослуживцем по дипломатической части, известным писателем-философом К. Н. Леонтьевым. Для последнего Максимов был олицетворением ненавистного ему разрушительного типа «среднего европейца» [К. А. Жуков. Восточный вопрос в историсофской концепции К. Н. Леонтьева. СПб.: Алетей, 2006. С. 172].

Еще одной заслугой Осман-бея было получение разведывательной информации от давнего знакомого, доктора Кассона (John Nesby-Casson) — английского хирурга, 14/26 октября (т. е. на следующий день после парламентарской миссии полковника Гусейн-бея) вместе со своим коллегой покинувшего Карс и со словами “I trust on Russian civilization” (“Я полагаюсь на русскую цивилизацию») предавшего себя в руки осаждавших. Перед отправкой английских медиков в Тифлис Осман-бей выудил из Кассона все, что тот знал о болезни и психическом состоянии коменданта Карса Гусейна-Хами-паши, о точном местоположении его штаба и мн. др.¹

В турецком Карсе, так же, как и в русском лагере, свирепствовали тиф и дизентерия. Фактически командование в крепости перешло в руки «здорового и решительного» начальника артиллерии полковника Гусейн-бея², однако морально-психологический климат в крепости был неустойчив. По имеющейся информации турецкое офицерство раскололось: одна его часть (во главе с начштаба) склонялась к капитуляции; другая (во главе с Гусейн-Хами-пашой) была за продолжение сопротивления. 26 октября обстановку общей неуверенности в гарнизоне усугубило известие о поражении войск Мухтар-паши на перевале Деве Бойну. Помощи ждать было неоткуда. В крепости царил шпиономания: число казненных шпионов, мнимых и действительных, перевалило за 60 человек³. Осман-бей решил использовать эту ситуацию и искусственно усилить атмосферу взаимного недоверия среди турецкого гарнизона. Для этого он использовал старую турецкую страгегему времен борьбы султана Мурада II (1421–1451) с претендентом Лжемустафой,

¹ Les russes en 1877–1878 (Guerre d’Orient) par Le Major Osman-Bey, Kibrisli-zadé. P. 123–133. Заняв Карс, русские обнаружили там 6 медиков-иностранцев: познанских поляков, немцев, венгров. Присутствие иностранцев в турецкой Анатолийской армии — особая тема. В основном это были профессиональные военные, как, например, бывший полковник австрийского генштаба венгр Кольман (Мехмед Фейзи-паша), занимавшийся фортификацией Карса. Были, однако, исключения. Одним из них был Польский легион, набранный в основном из портных и сапожников. Их командир (в чине колагасы) прежде служил лакеем в константинопольской гостинице [*Русский мир*. 1877. № 277, 11 октября/23 октября. С. 2]. Офицеры легиона шеголяли в красно-синих с золотой и серебряной вышивкой мундирах, воротники которых украшали серебряные польские орлы. В общем, отмечает Ч. Вильямс, своим видом они напоминали опереточных персонажей. Но «поляки всегда искусны в войне на бумаге», замечает английский спецкор, поэтому они сразу приступили к подготовке прокламаций на русском языке [Williams Ch. The Armenian campaign of 1877. P.71–72]. Описание этих прокламаций см. в: Градовский Г. К. Война в Малой Азии в 1877 году. С. 139–140, 198.

² *Русский мир*. 1877. № 315, 18 ноября / 30 ноября. С. 1.

³ Материалы для описания русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Кавказско-Малоазиатском театре с планами. Т. 3. С. 41–42; Les russes en 1877–1878 (Guerre d’Orient) par Le Major Osman-Bey, Kibrisli-zadé. P. 147.

описанную в османских исторических летописях. Суть ее состояла в засылке в стан противника посланий с будто бы случайно перепутанными именами адресатов. Использование этой хитрости в 1422 г. имело успех: накануне сражения большинство мятежных беев переметнулись к султану. По словам Осман-бея, похожий прием сработал и в 1877 г. Для осуществления этого плана им был найден посыльный — юноша, по имени Риза, обнаруженный среди захваченных 23 октября /4 ноября при Деве Бойну турецких пленных. Риза оказался сыном коменданта форта Тохмас майора артиллерии Хаджи Омера-аги. Его удалось уговорить отправиться вместе с русскими парламентарями в крепость, взяв с собою письма от военнопленных для их родственников. При нем было также письмо самого Осман-бея, адресованное полковнику Гусейн-бею, которое содержало угрозы подвергнуть репрессиям за военные преступления все командование крепости во главе с Гусейном-Хами-пашой. Письмо было обнаружено при обыске, после чего паша отдал приказ о казни Ризы. Поскольку полковник Гусейн-бей отказался выполнять это распоряжение, приказ был переадресован другому офицеру, и 4/16 ноября Риза (по факту, пишет Осман-бей, парламентар) был повешен¹.

По версии Осман-бея, неуверенность в своих подчиненных, а также боязнь плена и возможного военного трибунала стали главными причинами, определившими дальнейшие действия коменданта крепости. Был, однако, еще один фактор, о котором стало известно позже, из допросов старого знакомого Осман-бея генерала Мехмеда Мюниб-паши (секретаря коменданта). Дело в том, что в гарнизоне Карса находился полковник Ибрахим-бей, сын одного из самых влиятельных государственных деятелей империи Намыка-паши². Гусейн-Хами-паша был уверен, что ему скорее простят потерю Карса, чем плен или гибель этого юного полковника. Поэтому 6/18 ноября между часом и двумя ночи он бросил на произвол судьбы гарнизон цитадели и отправился «организовывать оборону» в верхний форт Вели-паша. Уже в 4 часа утра бегство турок стало всеобщим, но цитадель продолжала сопротивляться. Наконец, около 6 утра полковник Гусейн-бей поднял белый флаг³. В плен сдались 800 офицеров и 17 000 солдат. Коменданту Карса Гусейн-Хами-паше вместе с Ибрахим-беем

¹ Les russes en 1877–1878 (Guerre d’Orient) par Le Major Osman-Bey, Kibrisli-zadé. P. 148–162; Le Major Osman-Bey. Comment nous avons pris Kars. P. 5.

² Маршал Мехмед-Эмин-Намык-паша. Входил в турецкую делегацию, подписавшую Адрианопольское перемирие 19/31 января 1878 г. В 1883 г. был удостоен почетного титула «шеих везиров».

³ Лорис-Меликов не ожидал такой быстрой развязки, и незадолго до капитуляции поручил Осман-бею составить на турецком языке и отправить коменданту крепости с трофейного телеграфа ультиматум с требованием сдачи Карса через 6 часов [Les russes en 1877–1878 (Guerre d’Orient) par Le Major Osman-Bey, Kibrisli-zadé. P. 175–177; *Русский мир*. 1877. № 328, 1 декабря/13 декабря. С. 1].

и кучкой приближенных все же удалось спастись и бежать в Эрзерум¹. Его расчет оказался верен: в Стамбуле ему удалось оправдаться перед Военным советом за этот разгром².

В заключение отметим некоторые отличия в главных выводах Осман-бея относительно причин падения Карса, которые мы обнаруживаем при чтении первоначальной газетной публикации, с одной стороны, и текста мемуаров Осман-бея, появившихся десять лет спустя, с другой. Так, его статью в газете «Тан» завершает следующее резюме: «Карс пал благодаря соединенному действию двух факторов: 1) глубокое (intime) знание врага; 2) героизм войск. По сути, именно глубокое знание характера врага, его инстинктов, его слабостей было тем, что позволило нам привести его в замешательство и разгромить его...»³ В то же время в своих воспоминаниях Осман-бей пишет: «Я рассматриваю взятие Карса не как физический, технический феномен, а как феномен морального порядка. Карс пал морально до того, как он пал физически!»⁴

В общем плане такая оценка перекликается с мыслями Л. Н. Толстого, высказанными писателем в романе «Война и мир» словами князя Андрея перед Бородинским сражением: «Успех никогда не зависел и не будет зависеть ни от позиции, ни от вооружения, ни даже от числа <...>. Сражение выигрывает тот, кто твердо решил его выиграть»⁵. Глубокой осенью 1877 г. под Карсом произошло именно это: воля наступавших превозмогла силу безвольно оборонявшихся.

¹ Les russes en 1877–1878 (Guerre d’Orient) par Le Major Osman-Bey, Kibrisli-zadé. P. 172–173.

² Через несколько месяцев он умер «под всеобщие проклятья» [Les russes en 1877–1878 (Guerre d’Orient) par Le Major Osman-Bey, Kibrisli-zadé. P. 173]. Судьба некоторых турецких военнопленных сложилась трагически. В плену умер Давуд-паша [Gazi Ahmed Muhtar Paşa. Anılar: Sergüzeşt-i hayatım. Cilt 2. S. 279]. Паша скончался в Тамбове 26 августа 1878 г. [Познахирев В. В. Турецкие генералы и адмиралы в русском плену (XVIII–XX вв.). С. 165]. В тифлисской тюрьме такая же участь постигла полковника Гусейн-бея. До этого, по словам майора Осман-бея, Гусейн-бея и его компаньонов вынудили подписать декларацию, которая «аннулировала все, что было между нами в период осады Карса» [Les russes en 1877–1878 (Guerre d’Orient) par Le Major Osman-Bey, Kibrisli-zadé. P. 210–212].

³ Le Major Osman-Bey. Comment nous avons pris Kars. P. 5

⁴ Les russes en 1877–1878 (Guerre d’Orient) par Le Major Osman-Bey, Kibrisli-zadé. P. 182–183.

⁵ Перевод графини Паскевич романа Толстого на французский язык появился в Париже в конце 1879 г. В связи с этим можно сделать предположение о возможном влиянии взглядов Толстого на Осман-бея в этом вопросе. Интересно, что одним из сторонников толстовских взглядов на «военную правду» был Н. Н. Муравьев-Карский, дважды руководивший штурмом Карса (в 1828 и в 1855 гг.) [См.: Война из-за «Войны и мира»: Роман Л. Н. Толстого в русской критике и литературоведении. СПб.: Азбука-классика, 2002. С. 39].

Список литературы

1. [Millingen Fr.] *Le Major Osman-Bey. Comment nous avons pris Kars // Le Temps*. 1879. 18 août. P. 5.
2. [Millingen Fr.] *Les russes en 1877–1878 (Guerre d'Orient) par Le Major Osman-Bey, Kibrisli-zadé*. Berlin: Frédéric Luckhardt, éditeur, 1889. 229 p.
3. [Millingen Fr.] *Révélations sur l'assassinat d'Alexandre II par Le Major Osman-Bey, Kibrisli-zadé*. Genève: Librairie H. Stapelmohr, 1886. 252 p.
4. [Muhtar Paşa] *Gazi Ahmed Muhtar Paşa. Anılar: Sergüzeşt-i hayatım. Cilt 2 / Sadeleştirerek yayına hazırlayan N. Akbayar*. İstanbul: Numune Matbaacılık, 1996. 327 p.
5. Norman C. B. *Armenia and the campaign of 1877*. London-Paris-New York: Cassell Peter and Galpin, [1878]. 484 p.
6. *The war correspondence of the "Daily News" 1877 with a connecting narrative forming a continuous history of the war between Russia and Turkey to the fall of Kars. Including letters of Mr. A. Forbes, Mr. MacGahan and many other special correspondents in Europe and Asia*. Leipzig: Bernhard Tauchnitz, 1878. Vol. 3. 302 p.
7. Williams Ch. *The Armenian campaign of 1877. A diary of the campaign in Armenia and Koordistan*. London: C. Kegan Paul and Co., 1878. 366 p.
8. *Военные операции в Малой Азии в русско-турецкую войну 1877–1878 гг. (по турец. офиц. источникам сост. турецким штаб-офицером) // Военный сборник*. 1898. № 1. Отдел II. С. 1–47.
9. *Война из-за «Войны и мира»: Роман Л. Н. Толстого в русской критике и литературоведении*. СПб.: Азбука-классика, 2002. 480 с.
10. Герасимова Ю. Н. «Обеспечить... судьбу Кавказа и разрушить надежды турок» // *Военно-исторический журнал*. 2010. № 8. С. 7–11.
11. Градовский Г. К. *Война в Малой Азии в 1877 году. Очерки очевидца*. М.: Гос. публ. ист. б-ка России, 2008. 233 с.
12. Жуков К. А. *Восточный вопрос в историософской концепции К. Н. Леонтьева*. СПб.: Алетейя, 2006. 227 с.
13. Жуков К. А. *Осман-бей и его сочинение «Воспоминания 1855 года. События в Грузии и на Кавказе» // Гуманитарные и социально-экономические науки*. 2015. Вып. 5 (84). С. 28–33.
14. Итенберг Б. С., Твардовская В. А. *Граф М. Т. Лорис-Меликов и его современники*. М.: Центрполиграф, 2004. 687 с.
15. Кишмишев С. О. *Война в Турецкой Армении 1877–1878 гг*. СПб.: Военная типография, 1884. 509 с.
16. *Материалы для описания русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Кавказско-Малоазиатском театре с планами / под ред. ген.-лейт. Чернявского*. Тифлис: Издание Военно-исторического отдела Штаба Кавказского военного округа, 1907. Т. 3. 228 с. Приложения. 372 с.
17. Мещерский В. *Кавказский путевой дневник*. СПб.: Типограф. Г. Е. Благовсветлова, 1878. 373 с.
18. Мещерский В. П. *Воспоминания*. М.: Захаров, 2001. 687 с.

19. *Московские ведомости*. 1877. № 314, 18 декабря.
20. Познахирев В. В. Турецкие генералы и адмиралы в русском плену (XVIII–XX вв.). СПб.: Нестор-История, 2019. 224 с.
21. *Русский мир*. 1877. № 277, 11 октября/23 октября; № 315, 18 ноября/30 ноября; № 320, 23 ноября/5 декабря; № 326, 29 ноября/11 декабря; № 328, 1 декабря/13 декабря; № 329, 2/14 декабря; 1877/1878. № 347, 20 декабря/1 января.
22. Сборник турецких документов о последней войне / пер. с тур. трех последних глав сборника «Зубдетуль-Хакаик», составленного Ахмед-Мидхатом-эфенди // *Военный сборник*. 1879. № 4. Приложение. С. 1–60. № 5. Приложение. С. 61–131.
23. Свечин А. А. Эволюция военного искусства. М.: Академический проект; Жуковский: Кучково поле, 2001. 864 с.
24. Туманов Н. Е. Дневник участника войны 1877–1878 гг. на Азиатском театре борьбы // *Военно-исторический сборник*. (СПб.: Типограф. Гл. упр. уделов). 1915. № 1. С. 161–176; № 2. С. 157–176; № 3. С. 167–182.
25. Туманов Н. Е. Под Карсом. Из дневника участника войны 1877–1878 гг. (со схем.) // *Военно-исторический сборник*. (СПб.: Типограф. Гл. упр. уделов). 1913. № 3. С. 43–56.
26. Хитрово Н. П. Последний штурм крепости Карса в 1877 году и предшествующие взятию этой крепости события в действующей Кавказской армии и на Кавказе // *Русская старина*. 1915. № 2. С. 388–413.

References

1. [Millingen Fr.] Le Major Osman-Bey. Comment nous avons pris Kars // *Le Temps*. 1879. 18 août. P. 5.
2. [Millingen Fr.] Les russes en 1877–1878 (Guerre d’Orient) par Le Major Osman-Bey, Kibrisli-zadé. Berlin: Frédéric Luckhardt, éditeur, 1889. 229 p.
3. [Millingen Fr.] Révélations sur l’assassinat d’Alexandre II par Le Major Osman-Bey, Kibrisli-zadé. Genève: Librairie H. Stapelmohr, 1886. 252 p.
4. [Muhtar Paşa] Gazi Ahmed Muhtar Paşa. Anılar: Sergüzeşt-i hayatım. Cilt 2 / Sadeleştirerek yayına hazırlayan N. Akbayar. İstanbul: Numune Matbaacılık, 1996. 327 s.
5. Gerasimova Yu. N. «Obespechit’... sud’bu Kavkaza i razrushit’ nadezhdy turok» [‘To secure... the future of the Caucasus and destroy the hopes of the Turks’] // *Военно-исторический журнал*. 2010. № 8. P. 7–11. (In Russian).
6. Gradovskiy G. K. Voyna v Maloy Azii v 1877 godu. Ocherki ochevidtstva. [The war in Asia Minor in 1877. An eye-witness’ sketches]. М.: Gos. publ. ist. b-ka Rossii, 2008. 233 p. (In Russian).
7. Hitrovo N. P. Posledniy shturm kreposti Karsa v 1877 godu i predshestvuyushchie vzyatiyu etoy kreposti sobytiya v deystvuyushchey Kavkazskoy armii i na Kavkaze. [The final assault of the fortress of Kars in 1877 and previous events in the Caucasian Army in the Field and the events in the Caucasus] // *Russkaya starina*. 1915. № 2. P. 388–413. (In Russian).

8. Itenberg B. S., Tvardovskaya V. A. Graf M. T. Loris-Melikov i ego sovremenniki. [Count M. T. Loris-Melikov and his contemporaries]. M.: Centrpoligraf, 2004. 687 p. (In Russian).

9. Kishmishev S. O. Voyna v Turetskoy Armenii 1877–1878 gg. [The war in the Turkish Armenia in 1877–1878]. St Petersburg: Voyennaya tipografiya, 1884. 509 p. (In Russian).

10. Materialy dlya opisaniya russko-turetskoy voyny 1877–1878 gg. na Kavkazsko-Maloaziatskom teatre s planami. [Materials for a description of the Russo-Turkish war of 1877–1878 in the theatre of operations encompassed the Caucasus and Asia Minor, with plans]. Pod red. gen.-leyt. Chernyavskogo. Tiflis: Izdanie Voенno-istoricheskogo otdela Shtaba Kavkazskogo voennogo okruga. 1907. Vol. 3. 228 p. Appendixes. 372 p. (In Russian).

11. Meshcherskiy V. Kavkazskiy putevoy dnevnik. [The Caucasian itinerary]. St Petersburg: Tipograf. G. E. Blagosvetlova, 1878. 373 p. (In Russian).

12. Meshcherskiy V. P. Vospominaniya. [Memoirs]. M.: Zaharov, 2001. 687 p. (In Russian).

13. *Moskovskie vedomosti*. 1877. № 314.

14. Norman C. B. Armenia and the campaign of 1877. London–Paris–New York: Cassell Peter and Galpin, [1878]. 484 p.

15. Poznahirev V. V. Turetskie generaly i admiraly v russkom plenu (XVIII–XX vv.). [Turkish generals and admirals in Russian captivity (from the XVIIIth to the XXth century)]. St Petersburg: Nestor-Istoriya, 2019. 224 p. (In Russian).

16. *Russkiy mir*. 1877. № 277; № 315; № 320; № 326; № 328; № 329; 1877/1878. № 347.

17. Sbornik tureckih dokumentov o posledney voyne. Per. s turets. trekh poslednih glav sbornika «Zubdetul’-Hakaik», sostavlennogo Ahmed-Midkhatom-efendi. [A collection of documents concerning the last war. Translation from the Turkish of the three final chapters of the work «Zubdetul’-Hakaik» compiled by Ahmed Midhat Efendi] // *Voенniiy sbornik*. 1879. № 4. Prilozhenie. P. 1–60; № 5. Prilozhenie. P. 61–131. (In Russian).

18. Svechin A. A. Evolyutsiya voennogo iskusstva. [The evolution of the art of war]. M.: Akademicheskii proekt; Zhukovskiy: Kuchkovo pole, 2001. 864 p. (In Russian).

19. The war correspondence of the “Daily News” 1877 with a connecting narrative forming a continuous history of the war between Russia and Turkey to the fall of Kars. Including letters of Mr. A. Forbes, Mr. MacGahan and many other special correspondents in Europe and Asia. Leipzig: Bernhard Tauchnitz, 1878. Vol. 3. 302 p.

20. Tumanov N. E. Dnevnik uchastnika voyny 1877–1878 gg. na Aziatskom teatre bor’by. [The diary of a participant in the war of 1877–1878 in the Asiatic theatre of operations] // *Voенno-istoricheskiiy sbornik*. (St Petersburg: Tipograf. Gl. upr. udelov). 1915. №. 1. P. 161–176; №. 2. P. 157–176; №. 3. P. 167–182. (In Russian).

21. Tumanov N. E. Pod Karsom. Iz dnevnika uchastnika voyny 1877–1878 gg. (so skhem.). [In the environs of Kars. Extracts from the diary of a participant in the war of 1877–1878 (with diagrams)] // *Voенno-istoricheskiiy sbornik*. (St Petersburg: Tipograf. Gl. upr. udelov). 1913. №. 3. P. 43–56. (In Russian).

22. Voennye operatsii v Maloy Azii v russko-turetskuyu voynu 1877–1878 gg. (po turets. ofits. istochnikam sost. turetskim shtab-ofitserom). [Military operations in Asia Minor in the Russo-Turkish war of 1877–1878 (compiled by a Turkish senior officer on the basis of the official sources)] // *Voenniy sbornik*. 1898. № 1. Otdel II. P. 1–47. (In Russian).

23. Voyna iz-za «Voyny i mira»: Roman L. N. Tolstogo v russkoy kritike i literaturovedenii. [The war because of the “War and Peace”: Russian criticism and study of literature about the novel by L. N. Tolstoy]. St Petersburg: Azbuka-klassika, 2002. 480 p. (In Russian).

24. Williams Ch. The Armenian campaign of 1877. A diary of the campaign in Armenia and Koordistan. London: C. Kegan Paul and Co., 1878. 366 p.

25. Zhukov K. A. Osman-bey i ego sochinenie “Vospominaniya 1855 goda. Sobytiya v Gruzii i na Kavkaze”. [Osman-Bey and his work “The Memoirs of the year 1855. The events in Georgia and the Caucasus”] // *Gumanitarniye i sotsial’no-ekonomicheskie nauki*. 2015. 5 (84). P. 28–33. (In Russian).

26. Zhukov K. A. Vostochniy vopros v istoriosofskoy kontseptsii K. N. Leontieva. [The Eastern Question in K. N. Leontiev’s conception of philosophy of history]. St Petersburg: Aletya, 2006. 227 p. (In Russian).

Author’s information

Konstantin Zhukov

PhD (History), Associate Professor, Middle East History Department, Faculty of Asian and African Studies, St Petersburg State University

11, Universitetskaya nab., St Petersburg, 19034, Russia

E-mail: k.zhukov@spbu.ru ; konstantin.zhukov2011@yandex.ru

Информация об авторе

Жуков Константин Александрович

кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории стран Ближнего Востока, Восточный факультет, СПбГУ

РФ, 19034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 11

E-mail: k.zhukov@spbu.ru ; konstantin.zhukov2011@yandex.ru

III.

FAR EAST, SOUTH AND SOUTH-EAST ASIA

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК, ЮЖНАЯ И ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ

Mark E. Caprio (Rikkyo University, Tokyo, Japan)

The Contradictory Achievement of the 1946–1947 US-USSR Joint Commission: Strengthening North-South Korean Divisions

Summary: From March 1946 delegations from the United States and Soviet Union began a series of Joint Commission meetings to work toward realizing the task established by the Moscow Decision the previous December: to oversee a process to create a unified Korean government. This plan directed the Commission to form a provisional government that would be placed under a four-state trusteeship plan as a prerequisite toward the establishment of a sovereign united Korean government.

Even before the first meeting the two delegations began bickering over which Korean political and social organizations to include in this process. The Soviet Delegation demanded that those groups that opposed trusteeship, and by extension the Moscow Decision and Joint Commission, be prohibited from participating in this process. The American Delegation, realizing that eliminating these groups would severely weaken Korea's conservative bloc, argued the Korean right to free speech. That is, their opposition to trusteeship should not purge them from the process. Though the delegations met off and on for two years, and though they realized progress toward the goal, this difference eventually aborted the Joint Commission process.

Much English-language research has to date attributed this failure to the Soviet Union's stubborn lack of flexibility, an attitude that reflected the state's long-term strategy to extend its influence over the entire peninsula. This paper does not directly challenge this assumption but considers also the United States' responsibility in the Commission's ultimate failure. It also sees the aggressive actions of conservative Koreans that extended beyond mere verbal objections of the process, and the hostile

atmosphere spread by the deepening Cold War, as additional factors that impeded the meetings' success. Considering the influence of the latter factor, it questions whether the two Cold War rivals could have succeeded in reuniting the peninsula even if the Commission had succeeded in putting the process of forming a single provisional government on the peninsula.

Keywords: Soviet Union; United States; Korea; trusteeship; anti-trusteeship; 1946–1947 US-USSR Joint Commission; Moscow Decision; Korean unification.

Марк Эдвард Канпуо (Rikkyou University, Tokyo, Japan)

Спорные достижения Совместной советско-американской комиссии в 1946–1947 гг.: Закрепление разделения Северной и Южной Кореи

Аннотация: С марта 1946 г. делегации США и Советского Союза начали серию заседаний Совместной советско-американской комиссии для работы над реализацией задачи, поставленной Московским совещанием в декабре предыдущего года: наблюдать за процессом создания единого корейского правительства. Этот план предполагал, что в качестве предварительного условия для создания суверенного единого корейского правительства Комиссия сформирует временное правительство, которое будет поставлено под опеку четырёх государств.

Еще до первой встречи две делегации начали спорить о том, какие корейские политические и общественные организации должны быть включены в этот процесс. Советская делегация потребовала запретить участие в процессе тем группам, которые выступают против введения внешней опеки и, соответственно, решений Московского совещания и Совместной советско-американской комиссии. Американская делегация, понимая, что исключение этих групп серьезно ослабит консервативный блок Кореи, выступила в защиту права Кореи на свободу самоопределения, настаивая на том, что несогласие с внешней опекой не должно исключать ее противников из процесса. Несмотря на то, что делегации периодически встречались на протяжении двух лет и добились определенного прогресса в достижении поставленной цели, эта разница в подходе в конечном счете привела к прекращению работы Совместной комиссии.

Многочисленные англоязычные исследования до сих пор объясняют эту неудачу упрямством и отсутствием гибкости со стороны Советского Союза, что, по их представлениям, отражало долгосрочную стратегию этого государства по распространению своего влияния на весь полуостров. В данной работе это положение непосредственно не оспаривается, однако отмечается и ответственность Соединенных Штатов за конечный провал работы Комиссии. В статье также рассматриваются агрессивные действия корейских консервативных кругов, которые далеко выходили за рамки чисто вербального противодействия процессу, и враждебная атмосфера, распространившаяся

в результате углубляющейся «холодной войны», как дополнительные факторы, препятствовавшие успеху заседаний Комиссии. Учитывая влияние последнего фактора, мы ставим под сомнение, могли ли два соперника в «холодной войне» преуспеть в воссоединении полуострова, даже если бы Совместной комиссии удалось наладить процесс формирования единого временного правительства на полуострове.

Ключевые слова: Советский Союз; Соединенные Штаты; Корея; Совместная советско-американская комиссия 1946–1947 гг.; Московское совещание; объединение Кореи.

In late December 1945 the foreign ministers of the United States, Soviet Union, and Great Britain agreed on a plan to unify the Korean peninsula that had been divided since the previous August by Soviet and U.S. occupations in the north and south respectively. The formula that they created appeared rather straightforward: The two occupying forces would form a Joint Commission that would work with Korean democratic political parties and social organizations to form a provisional government as a first step toward electing a permanent Korean government. This body would be guided for up to five years by a four-nation trusteeship (The Soviet Union, United States, Great Britain, and China) to direct the new government toward developing strong political and economic institutions. The Joint Commission that formed enjoyed a number of successes, but in the end failed to agree on the most basic of questions: What constituted a democratic political and social organization? Their failure consequently strengthened North-South Korean divisions, encouraged separate elections, and fortified the two Korean state framework that remains to this day.

Despite the importance of the Commission's efforts, and the rich trove of documents that the meetings produced, very little in-depth research had appeared in this historiography. This lack of significant interest in such an important issue may be the conviction that the talks' failure was a foregone conclusion from the start, their commencing as U.S.-Soviet relations deteriorated and the Cold War set in. Brief mentions of the meetings in the English literature argue the Soviet Union's participation as driven by internal interests that sought a short-term solution that maintained peninsular division, and anticipated a long-term goal of complete peninsular communization. This paper sees this conclusion as premature, one drawn without full exploitation of the documents available. It also ignores public statements left by Joseph Stalin and other Soviet officials that suggest views to the contrary, that the Soviet Union favored a quick, non-military occupation that guided Koreans to sovereignty. Do Joint Commission documents suggest otherwise? Can it be concluded that United States interests, themselves, were purely altruistic? What role did Korean play in influencing this process? Were there external forces that factored into the meetings' failure as well?

A Dispute over Trusteeship

Throughout these proceedings the dispute between the two occupiers centered on a single word: trusteeship. From there emerged a tangled web of differences that eventually caused an initial suspension in the talks, and later their complete breakdown. Trusteeship administration, a product of the Wilson-Roosevelt line in American foreign policy, had been tacitly understood as the mode in which post-liberated Korea would be administered as early as December 1943, when U.S. President Franklin D. Roosevelt, British Prime Minister Winston Churchill, and Chinese Nationalist Generalissimo Chiang Kai-shek met in Cairo, Egypt where they drafted a public communiqué that mapped out Northeast Asia's postwar fate. Their insertion of the phrase "in due course" informed that prior to the peninsula gaining sovereignty it would endure Allied occupation to guide the people toward this end. The question left unanswered at this meeting concerned which states would participate, with Roosevelt envisioning the "four policemen" — the three participants at this meeting plus the Soviet Union — assuming this task. The president gained Stalin's cautious approval in Teheran when he and Churchill met with Stalin soon after the Cairo meeting, and then later at Yalta.¹ Alternative scenarios for Korea's post-liberation did emerge, including the idea that Japan would continue to administer Korean trusteeship², as well as Koreans being granted immediate sovereignty³. But future meetings between the Allied forces leaders reaffirmed the Cairo decision; following Japan's surrender the United States and the Soviet divided Korean occupation duties at the 38th parallel.

In December 1945 foreign ministers from the Soviet Union (Vyacheslav Molotov), United States (James F. Byrnes), and Great Britain (Ernest Bevin) met in Moscow to discuss outstanding World War II issues, including the divided Korea peninsula. The three officials succeeded in carving out a plan to reunite a peninsula that was growing increasingly volatile.⁴ The four-part roadmap towards Korean sovereignty, which became known as the Moscow Decision, confirmed that 1) the

¹ Stalin responded to Roosevelt's idea of a decades-long occupation by advising it be as short in duration as possible. See B. Cumings. *The Origins of the Korean War: Liberation and the Emergence of Separate Regimes, 1945–1947*. Princeton: Princeton University Press, 1981. P. 109.

² For the idea of Japan administering post-war Korea, see H. Borton. *Spanning Japan's Modern Century: The Memoirs of Hugh Borton*. Lanham, MD: Lexington Books, 2002. P. 80–81; Letter, Hoover to Stimson (May 15, 1945) // Henry Lewis Stimson Papers, Reel 112. New Haven, CT: Yale University Library.

³ S. Welles. *The Time for Decision*. New York: Harper & Brothers, 1944. P. 300–301; A. Granjdanzev. *Korea Looks Ahead*. New York: Institute of Pacific Relations, 1944. P. 60–61.

⁴ One early report on the Korean situation likened the conditions of a divided Korea to a "powder keg ready to explode upon application of a spark." See The Political Adviser in Korea (Benninghoff) to the Secretary of State (September 15, 1945). *Foreign Relations of the United States [from here FRUS] // 1945 VI, The British Commonwealth, The Far East*. Washington, D.C.: Government Printing Office, 1971. P. 1049–53.

goal was to establish “Korea as an independent state... [by] developing the country on democratic principles and liquidat[ing]... the disastrous results of the protracted Japanese domination of Korea”; 2) a U.S.-U.S.S.R. Joint Commission would form for this purpose; 3) this Commission would work with democratic political parties and social organizations to actualize a provisional government; and 4) a conference of representatives from the two occupying powers would convene to establish “permanent coordination in administrative-economic matters.” The statement defined “trusteeship” in Point 3 as necessary for the “development of democratic self-government and the establishment of the national independence of Korea.”¹

Korean groups began to voice objections to “trusteeship” soon after the Decision’s release to the public on December 27. The Soviets responded by insisting that groups support the Decision in its entirety. Leftist groups soon fell in line, but key right-wing political figures continued their protests, equating the policy with that enforced upon them by the Japanese protectorate arrangement (1905–1910) prior to Japan’s outright annexation of the peninsula. While it may be an oversimplification of a complicated process to lay the blame of the Commission’s failure solely upon the shoulders of the anti-trusteeship bloc, their continued presence delivered the Soviet Union reason to block their participation, and (by United States’ calculations) exclude over 15 million politically conservative Koreans from participating in this “democratic” process.² As will be detailed below the question became a matter of a weighing a political group’s right to free speech over their unqualified acceptance of the Moscow Decision and the work of the Joint Commission.

Joint Commission Areas of Success

Despite the Joint Commission’s ultimate failure, the two delegations did experience successes worthy of mention. The meetings themselves commenced on March 20, 1946 with a fog of optimism, as suggested in the following Press Release that described the reception that the American Delegation arranged in conjunction with the Soviet delegates’ arrival in Seoul:

Arriving at Duc Soo Palace after a drive through streets lined with throngs of Korean citizens and passing through aisles of colorfully uniformed Korean mounted and foot police and U.S. Army honor guards, the delegates were greeted by music of a U.S. Army band. Before entering the conference room Generals [John R.] Hodge, [T. F.] Shtikov and [Archibald V.] Arnold inspected the U.S. Army guard at the palace.³

---

¹ The text of the Moscow Decision on Korea: from Young Hum Kim. *East Asia’s Turbulent Century*. New York: Appleton-Century-Crofts, 1966. P. 317–18.

² Transcript of the Fifty-Seventh Meeting of the US-USSR Joint Commission, Seoul, Korea, 3 September 1947 // NARA.

³ Special Press Release. March 21, 1946 // NARA.

Speeches followed the welcoming ceremonies. Chief Commissioner of the Soviet Delegation Shtikov emphasized the importance of the task at hand. He noted that the two commands have been “called upon to carry out the historic decisions of the Moscow Conference of the Foreign Ministers...pertaining to Korea.” He then reminded his listeners that it was the “great armies of the United States and the Soviet Union [that] crushed the Japanese imperialists, [and] forever eliminated Japanese domination in Korea and liberated the Korean people.” He then stated the Soviet intention to support the Korean people’s right to “their self determination and free existence...,” before appealing for their cooperation to ensure that this plan materialized. Gaining this right involved a “gradual democratization of the whole of the internal life of the Korean people...” through a process of “temporary trusteeship” that would guide the people’s “political, economic, and social progress...”¹

John R. Hodge, Commanding officer of the United States Armed Forces in Korea (USAFIK), then offered a much shorter and rather bland welcoming address where he recognized the importance of the day and the responsibility of the two delegations.

Today is an important day in Korean history. This is a day to which all Koreans have looked forward with great hope for the future of their nation, and should be a day Koreans will celebrate in this future as a start of a new era in Korean history. The eyes of the entire world, as of the Korean people, will be watching our deliberations here. The results of the work of this commission will prove the ability of two great nations of the world to cooperate fully in capitalizing upon their victory over oppression and despotism and to restore a less fortunate, long oppressed nation to an independent, sovereign status among the family of free nations.²

The two delegations got to work on March 22 and quickly found success in agreeing upon basic protocol for the meetings: dual (Russian and English) official languages, their frequency, and how the results would be made public, particularly to the Korean press. The delegations also discussed how they would actualize Paragraph 2 of the Moscow Decision: their consultation with Korean democratic parties and social organizations. “The exchange of views,” Joint Communiqué No. 2 read, “is to serve as a basis for determining the order in which [the tasks delineated within the Decision] are to be accomplished.”³

Another important accomplishment involved their agreeing on Joint Communiqué No. 5 in April 1946, a pledge of support that interested Korean political parties and

---

¹ The text of Shtikov’s speech is found in Lieutenant John R. Hodge to the Secretary of State (Received March 22, 1946) // FRUS, VIII, The Far East. P. 652–654.

² Statement of Lieutenant John R. Hodge at Opening session of Joint Soviet-United States Commission at Seoul, Korea (March 20, 1946) // NARA.

³ Joint Communiqué No. 2 (March 22, 1946) // NARA.

social organizations were required to sign to gain rights of consultation with the Joint Commission. Signing this statement committed the Korean organization to “uphold the aims of the Moscow Decision on Korea as stated in Paragraph 1 of this decision,” to “abide by the decisions of the Joint Commission in its fulfillment of Paragraph 2 of the Moscow Decision,” and to “cooperate with the Joint Commission in the working out by it with the participation of the Provisional Korean Democratic Government.”¹ Curiously omitted from this communiqué was a direct mention to “trusteeship,” suggesting that the problematic word had been negotiated out of the document. By the Soviet interpretation, however, it was included indirectly through explicit mention of Moscow Decision paragraphs that carried the controversial word. The American Delegation refused to accept this interpretation and bickered with the Soviet Delegation over it up through the meetings’ September 1947 conclusion. In this regard the “success” that the delegations realized in agreeing on the communiqué’s wording was tenuous.

The Joint Commission’s second major success appeared in the form of a questionnaire that the two delegations compiled and distributed to Korean political and social groups. The results from this endeavor revealed the broad political spectrum through which they would have had to sift had they reached agreement over the groups with which they would consult. The questionnaire required Koreans to offer opinion on a variety of issues, ranging from politically neutral items such as legal matters, public health, education, culture, and the economy, and more ideologically loaded items such as Korean views on collectivism, land reform, wealth distribution, and the lingering Japanese influence.

The two delegations also categorized the Korean groups by political orientation. This data appeared in a September 30, 1947 report titled “Analysis of Replies to Questionnaire Submitted to the Joint Commission.” This report noted that 435 out of 453 political parties and social organizations had answered the questionnaire. Of these groups 38 were from the north and 397 from the south. In terms of ideological base, the groups spread as follows:

	Right-wing	Moderates	Left-wing
Percentage of groups	51.4	18.7	29.9
Membership	22,809,800	14,944,000	27,809,800 ²

A small number of groups were rejected as they did not qualify as a political party or social organization. Also, the membership figures appear suspicious given that the

¹ For the text of Joint Communiqué No. 5 see Joint Press Release (Signed by both Arnold and Shtikov), Joint Communiqué No. 5 (April 17, 1946) // NARA.

² Analysis of Replies to Questionnaire Submitted to the Joint Commission (September 30, 1947) // NARA. P. 1–2.

total population of the Korean peninsula at the time hovered around 30 million. Clearly political groups had inflated their membership lists and individual Koreans claimed membership in multiple political groups, with some appearing on five or six lists¹.

This 32-page report that analyzed responses found stark diversity between groups of different political orientation in some areas, but unexpected continuity in others. Clear and perhaps expected division appeared under the heading of political organization, with 90 percent of groups listed as “right-wing” supporting a national election for president, who would then appoint a legislature. These groups expressed overwhelming confidence in Syngman Rhee. Left-wing groups a strong cabinet, with a People’s Republic emerging from the People’s Front to dominate this political bloc. Sandwiched between the two were the moderates who leaned toward Kim Kyusik as the leader of a powerful legislation, to be appointed from among the groups that consulted with the Joint Commission.

The groups displayed more cohesiveness under the category of “economic policy.” Here, the report concluded that “all major blocs support progressive agriculture and labor legislation,” particularly in the “nationalization of major industries, mines, railroads, and utilities.” The three blocs also favored some form of land reform, but varied in their ideas over compensation. For example, the left-wing supported a land redistribution similar to that advanced in the North with the new landlords not having to provide compensation for the land transfer. On the other hand, right-wing groups favored new owners compensating the former landlords in the form of annual payments of 20–25 percent of their harvests over 10–15 years.² These successes would be negated by the general failure to advance toward the Commission’s most important goal: the forming of a provisional Korean government to reunited the Korean peninsula.

Ideological Clogs in the Joint Commission Process

The first hint of trouble preceded the welcoming ceremonies organized to commence the meetings. John R. Hodge delivered the U.S. position in a Press Release dated March 19, the day before the festivities were to begin. Here Hodge informed that the “object of the American forces [is] to establish and perpetuate the freedoms of speech, assembly, religion, and press in Korea.... They represent principles on which any genuine democracy must be based and are as old as democracy itself. Furthermore, they are absolute and not relative or subject to exceptions.”³ Void of context his words appear rather reasonable, a simple declaration of an important element found in his country’s Bill of Rights.

---

¹ Analysis of Replies to Questionnaire Submitted to the Joint Commission. P. 5–9.

² Ibid. P. 5–9.

³ Press Release: Statement of Aims U.S. Delegation on Joint American-Soviet Commission in Korea (March 11, 1946 (?)) // NARA.

The very next day Soviet Chief Commissioner Colonel General T. F. Shtikov's welcoming address quickly qualified Hodge's declaration. After his congenial welcoming remarks, Shtikov reminded his American counterparts that they too had committed to the process of trusteeship, an approach that corresponded "with the fundamental [hopes?] of the Korean people." He then suggested that while the Soviet Delegation, too, respected free speech, the right had limitations:

[I]n the way of the gradual democratization of the whole of the internal life of the Korean people, there stand serious difficulties, brought about by the furious resistance of reactionary and anti-democratic groups and certain elements, whose object is to undermine the work of creating and firmly establishing a democratic system in Korea.

....

The future provisional Korean democratic government must be created on the basis of wide unification of all the democratic parties and organizations, supporting the decisions of the Moscow Conference of the Ministers of Foreign Affairs.¹

In Shtikov's mind, it was the "free speech" of the "reactionary and anti-democratic groups" who protested trusteeship (and thus the essence of the Moscow Decision) that could not be tolerated. Anything less than full acceptance should eliminate their right of consultation with the Commission.

This disagreement eventually brought the talks to a premature halt in May 1946, after just short of two months of deliberations. It spilled over into a series of letters exchanged by the two commanding officers, Hodge and Colonel General Ivan Chistakov, and later between the U.S. and Soviet foreign ministers, George C. Marshall and Vyacheslav Molotov, over the yearlong hiatus of talks. Here, both sides acknowledged the importance of their continuation, but traded accusations over which side was responsible for this breakdown. On November 1, 1946, for example, Hodge emphasized in a letter to Chistakov the necessity of restarting the meetings before summarizing the primary point of difference: "The representatives of the United States see a great difference between (1) the instigation of mass opposition to the work of the Joint Commission and the fulfillment of the Decision; and (2) the proper exercise of freedom of expression by Korean individuals, democratic parties and groups concerning their wishes and desires in the formation of their own government."²

Chistakov responded three weeks later with a statement of "regret": the contents of this letter "do not differ from the position laid down in your previous letters, which, in the opinion of the Soviet delegation is in contradiction to the Moscow Decision

---

¹ Lieutenant John R. Hodge to the Secretary of State.

² Hodge to Chistakov (November 1, 1946) // NARA.

on Korea.” He then repeated the Soviet conviction that the American Delegation’s proposition not only allowed “parties and organizations which are hostile to this decision” to participate, but it also gave these hostile groups “an opportunity to continue their activities directed against the Moscow Decision with the exception that they should not instigate or format mass opposition to the work of the Joint Commission or the fulfillment of the Moscow Decision.” Rather than “call to reactionary parties and groups not to retreat from their hostile position toward the Moscow Decision,” it encourages them “merely to curtail temporarily their activities...so that they may have an opportunity to take part in the consultations with the Joint Commission.” Chistakov noted that many leaders of these groups immediately returned to actively fight against the process soon after signing Joint Communique No. 5.¹

The Soviet general appended a three-point proposal that would return the Soviet Delegation to the negotiating table should the U.S. deem it acceptable. This proposal essentially required groups that had signed the Communiqué to honor its contents. Hodge’s response to Chistakov’s proposal was positive save for one amendment and several rewording issues. For example, in response to Point 2 where Chistakov proposed eliminating groups that had signed the Communiqué but then voiced opposition, Hodge countered this (successfully) by suggesting that in such a case these groups be allowed to substitute its leadership with a member who supports the process.²

A similar exchange of letters took place between the Soviet and U.S. foreign ministers, Vyacheslav Molotov and George Marshall.³ The Molotov-Marshall agreement gained frequent mention during the disagreements that arose between Arnold’s replacement, Major General Albert Brown and Shtikov during this second round. Resulting from the foreign minister exchange was an agreement that parties opposed to the Moscow Decision be disqualified from the process of consultation. However, this produced a further disagreement over at what level would the party be deemed “in opposition” to the process. Did objection to an element within the process constitute overall opposition to the process? The Soviet side did offer an important compromise in agreeing to consult with groups that had previously rejected trusteeship, but now agreed to cooperate in the spirit and letter of the Moscow Decision. Questions also arose over the nature of anti-trusteeship protests: Were they limited only to verbal expressions, or did they also involve more active means, such as organizing mass protest rallies?

On May 21, 1947 the two delegations relived the optimism of the first meetings of March 1946 by dusting off and amending previous welcoming speeches,

¹ Chistakov to Hodge (November 26, 1946) // NARA.

² Hodge to Chistakov (December 24, 1946) // NARA.

³ For the exchange of letters between Molotov and Marshall to reconvene the Joint Commission see FRUS 1947, VI The Far East. P. 632–35, 638–39, 640–42.

reviving the marching bands, and again hoisting the two participants' national flags. The bickering, however, resumed. On one occasion the General Brown lamented over the impossibility of the two sides ever agreeing on fundamental definitions for concepts such as "social" and "political parties," both critical terms for determining a group's eligibility in the process.¹ The transcripts of the meetings demonstrate the two sides stalled in a vicious unproductive cycle, as reflected in the following exchange:

Brown: After three months of deliberation, the Chief Commissioner of the American Delegation has come to the conclusion that the Soviet Delegation defines a truly democratic party as one which subscribes to the principles of the Democratic People's Front; that all other parties are defined by them as reactionary anti-democratic

Shtikov: Whether they support the Moscow Decision and the Joint Commission or do not, these demands of the Soviet Delegation fully follow that agreement which has been reached between Molotov and Marshall on the question of resumption of the work of the Joint Commission.

Brown: Under what authority does the Chief Commissioner of the Soviet Delegation exclude parties that do not fully uphold the Moscow Decision?

Shtikov: On the basis of the agreement that has been achieved in Point 1 of the three provisions it is agreed.

Brown: Point 1 ... states that "the signature of the applicant for consultation, Joint Communiqué No. 5, will be accepted as a declaration of good faith in upholding fully the Moscow Decision."

Shtikov: It seems that the American Delegation is thinking not of the question as how to exactly fulfill the agreement reached between the two Ministers, but how to avoid that argument. Otherwise General Brown couldn't just now in Joint Commission session made such a statement in which he shows how parties and organizations should avoid documents signed not only by the Joint Commission but each of our governments.

The discussion continued with both sides trading accusations that their counterpart misconstrued statements made in the past. To Shtikov's contention that those opposed to trusteeship were trying to "kill two [political ambitions] with one stone," Brown countered that it was the Soviet Delegation itself that was in search for one "stone to kill a few [political participants] which are very much alive."²

---

¹ Transcript of Fifty-Eighth Meeting of the US-USSR Joint Commission, Seoul Korea (September 4, 1947) // NARA. The general eventually turned to dictionary definitions, which led to a discussion as to whether this source was adequate for this purpose.

² Transcript of the Fifty-Sixth Meeting of the US-USSR Joint Commission, Seoul, Korea (August 26, 1947) // NARA.

Other matters contributed to claims that the confrontations faced by the two delegations had leaked beyond the confines of the meeting rooms and spilled onto the streets of P'yŏngyang and Seoul, and across the peninsula. Both sides accused the other of harassing members of opposition parties in their respective zones. On one occasion Shtikov complained that cars carrying members of the Soviet Delegation were stoned by anti-trusteeship people.¹ Later, in his closing statement issued just before the Joint Commission finally broke up Shtikov complained that “democratic parties and social organizations upholding the Moscow Decision on Korea, their leaders, members and even sympathizers of these organizations, are subject to cruel persecution.”² General Brown defended the United States military administration’s actions as legal responses to illegal actions:

The South Korean Labor Party and other parties and organizations, members of the Democratic People’s Front, of South Korea, have since their inception been disloyal to the government of South Korea. They have used illegal means, including subversive action, to embarrass and destroy the government. They have been aided and abetted in such action by the Democratic People’s Front of North Korea. Agents from without South Korea have been sent into South Korea to organize disorders against the government and to lead parties and organizations, members of the Democratic People’s Front, in such disorders.

It was the Soviet leadership’s responsibility to “advise these parties to cooperate with the existing government under which they are living.”³ The American Delegation also claimed that the Soviets harassed and imprisoned northern conservatives, the most notable case being the “protective custody” under which Soviet leadership confined Cho Mansik, the leader of both the northern branch of the Committee for the Preparation of Korean Independence and the Chosŏn Democratic Party, because of his objections to trusteehip. The American Delegation also accused the Soviet occupation of oppressing religious groups, of denying north Koreans of basic human rights, and Soviet soldiers of raping Korean women.⁴

---

¹ Soviet Delegation Vehicles, Threatening and/or Stoning of (July 25, 1947) // NARA. The report questioned whether the stone throwers directly targeted the Soviet Delegation.

² Statement of the Soviet Delegation in the Meetings of the Joint Commission (September 26, 1947) // NARA.

³ Statement of the Chief Commissioners of American Delegation 54th meeting (August 20) (August 23, 1947) // NARA.

⁴ For religious persecution see Leonard M. Bertsch. Report to General Brown, Protestant Leaders in North Korea (July 14, 1947) // NARA.

Korean Participation

One unfortunate consequence of the United States and Soviet Union failure was that it blocked direct Korean participation in a process dedicated toward restoring their country's reunification and sovereignty. This, however, does not mean that the Korean people were not active in putting forth their views during the two years of Joint Commission meetings. Indeed, at the core of the US-USSR dispute was the zealous opposition to trusteeship, and in some cases the entire process, by influential Korean right-wing leaders. In truth, though, Korean activities varied in accordance with the different ideological blocs that they represented, with each influencing the talks in different ways.

In the south the newspapers provided one outlet for Koreans of influence to voice their concerns over the process. Pak Hŏn'yŏng, an important leftist leader in the South Korean Worker's Party until 1948 when he relocated to the north, was particularly active in encouraging southern Koreans to accept the Moscow Decision process as the quickest way toward their regaining national sovereignty. Pak appeared careful not to publicly criticize trusteeship directly; he also did not actively endorse it. His newspaper editorials and public lectures criticized the "fascist opposition," its close traitorous connections with colonial-era Japanese, and its determined efforts to undermine the Moscow Decision process. He advertised the People's Committees' capacity to produce a unified Korean state and a land reform policy to sweep landlords from Korean society. While he hinted at the need for overseas guidance he avoided direct mention of the word "trusteeship." Instead, he used the word "*hukyŏn*," a term he defined as Allied "cooperation and assistance to guarantee Korea's independence."¹

Koreans who opposed parts or all of the Moscow Decision appealed to all "patriotic organizations" to oppose trusteeship.² Syngman Rhee, who later would serve as the Republic of Korea's first president, urged Koreans to voice their opposition to trusteeship. He was among the first to advance the idea of south-only elections, perhaps over the concern that his political ambitions would be in jeopardy should Korea opt for a national election. Internal U.S. reports described Rhee as a thorn in the side of the United States administration, with Hodge privately warning Secretary of State Marshall that Rhee's activities in Seoul "threatened to sabotage the Russian-American talks here." Hodge also reasoned that "the state [department]

¹ Pak Hŏn'yŏng. Chŏngbu suripkwa na ūi chŏng'ŏn [My Suggestions for Government in Formation] and Chosŏn imsi chŏngbu Pusurip e tae haya (wi) [What is essential for the Establishment of a Korea Provisional Government]. Both articles are found in "Ichŏng Pak Hŏn'yŏng chŏnjip" P'yŏnjip wiwŏnhoe / Ed. Ichŏng Pak Hŏn'yŏng chŏnjip [Pak Hŏn'yŏng Collected Works]. Vol. 2. Seoul: Yŏksa pip'yŏgsa, 2004. P. 218–22. (In Korean).

² Kim Ku. Kak aekuk tanch'e kuiha: Pantak tokrip t'uchaeng e kwanhan kŏn // Paekbom Kim Ku chŏnjip. [Kim Ku. Collected Works // To All Patriotic Organizations: Regarding the Anti-Trusteeship Struggle]. Vol. 8. Seoul: Namamch'ulp'an, 1999. P. 686. (In Korean).

would find it much easier to come to an understanding with the Russian delegates... if Dr. Rhee were completely out of the picture.”¹

Commission members also arranged meetings to discuss with Koreans their views on various issues being negotiated by the US and Soviet delegations. In July 1947 Edmund Fai, of the US Military Government’s Finance Department, met over dinner with Kim Kyusik and other Koreans to exchange views on the leftist position over group selection. A report summarizing this discussion noted that Kim supported the U.S. position that “all parties should be consulted which had signed Communiqué No. 5 and that ... discussion of trusteeship at this time is neither beneficial nor proper.” He further showed concern over the Korean capacity to govern their country, admitting that “national temperament has changed profoundly and for the worse over the years of Japanese occupation.” The summary report focused primarily on Kim’s views, although conservative, appear rather moderate next to the extreme views harbored by Syngman Rhee and Kim Ku.² Members of the American Delegation also were granted audiences with Cho Mansik in the north, but their conversations cautiously avoided political matters due to the Korean’s precarious situation.³

Ordinary Koreans also participated, primarily by communicating directly to the two commission leaders. One Yoo Yawng Chon [Yu Yang Chan?] signed a “Welcoming Greeting” on behalf of the alleged 800,000 members of the South Korean Democratic Women’s League. This correspondence, timed to arrive at the time the meetings reconvened, transmitted the League’s support for the Moscow Decision, and added a plea that the U.S. Delegates “work toward its completion.”⁴ Also around this time, the Supporting Society for the Establishment of Anti-Japanese Movements, wrote the American Delegation to “remind” it of the “reactionary elements” that were disrupting the Joint Commission process. After thanking the Americans for their efforts on behalf of Korean democratization and independence, the letter cited Korean traitors as a primary obstacle blocking the Commission’s success:

As you know, after the Joint Commission adjourned because of obstructions by the pro-Japanese, National traitors and pro-Fascistic elements on 6 May 1946, political confusion, economic rupture and cultural gloom in South KOREA has been most critical in our history and even in the history of the world. These reactionary elements and policies have arrested democratic patriots and put them into prison and even killed them.

---

¹ Incoming Message: From War (WDSPI) to CINCFE (Personal to MacArthur and Hodge) (May 27, 1947) // NARA.

² Session with Kimm Kiusic and others (July 17, 1947) // NARA.

³ Buntz Commission, Visit to Pyong yang (October 8, 1946) // NARA.

⁴ The message also included a plea for female suffrage rights. A Welcome Greeting (May 23, 1947) // NARA.

These same forces, it continued, are set on establishing a separate southern Korean government. Identifying its link to the left-wing People's Front, it vowed to "fight against reactionary elements for the success of the Joint Commission."¹

Conclusions

Both delegations blamed the other over the Joint Commission's lack of success despite the two delegations' efforts. The American Delegation pointed to the 24 political parties and social organizations that the Soviet Delegation had stricken from the list of groups to be accepted for consultation privileges. Should this decision hold, the American Delegation calculated, as many as 15 million Koreans, or half the Korean population, would be stricken from participation lists. The Soviet Delegation countered that the group could have participated if only their leaders accept without qualification the Moscow Decision process, including the role of trusteeship. As the sessions drew to a close both sides made suggestions to keep the process alive. These suggestions were rejected outright even though they potentially could have brought the two sides closer to the goals set by the Moscow Decision. The Soviet Delegation proposed that the two sides conduct informal hearings with those parties that rejected trusteeship to ascertain where their objections lay. The American Delegation, believing this to be unnecessary as the two delegations planned to hold oral hearings anyway, immediately vetoed the gesture as a waste of time.² The Soviet side, which had voiced its disdain over a military occupation prior to division, then suggested a total military withdrawal from the peninsula,³ another suggestion that the U.S. rejected. The United States, on the other hand, repeated a plan to turn the Korean case over to the United Nations Security Council, a proposal to which the Soviet Delegation offered no support. In a later publication the Soviet Union explained that it based its decision not to cooperate with the United Nations delegation over the illegality of this procedure, the delay it would cause Korea's true independence, and the obstruction it would bring to the progress of unifying Korea.⁴

---

¹ Letter TO: The American Delegations to the Joint Commission, FROM Supporting Society for the Establishment of Anti-Japanese Movements (May 18, 1947) // NARA.

² General Brown reported this proposal and explained why the United States rejected it in Statement to the Press by the Chief Commissioner of the American Delegation Major General Albert E. Brown (August 7, 1947) // NARA.

³ The idea of total troop withdrawal was presented by Shtikov in Statement of the Soviet Delegation in the Meeting of the Joint Commission (September 26, 1947) // NARA.

⁴ The United States officially proposed this to the United Nations Security Council on September 23. See Statement to the Press by Major General Albert E. Brown, Chief Commissioner of American Delegation (October 17, 1947) // NARA. For the Soviet Argument see Falsification of Elections in Southern Korea Under the Cloak of the U.N.O. Commission: Speech by the U.S.S.R Delegate Y. A. Malik in the Political Committee on December 8, 1948 // The Soviet Union and the Korean Question (Documents). London: Soviet News, 1950. P. 66–77.

Their rejections, and apparent unwillingness to negotiate compromise, suggest both the U.S. and Soviet delegations stubbornly clinging to ideology-driven interests at the expense of the reunification interests of the Korean people.

Considering peripheral events involving the two emerging superpowers, however, one might wonder whether the Commission would have enjoyed success even if they did manage to overcome their differences. U.S.-Soviet trust had been a waning since the final days of the war, and it continued to slide after Roosevelt's death and Germany's surrender. Soviet activity in Poland had, in U.S. eyes, particularly disturbed U.S. officials who transferred its intentions to other areas of contention, such as the Korean peninsula.¹ Poland shared with Korea one characteristic in that both territories had served as a conduit for Napoleonic France and Nazi Germany (Poland) on the western front, and Japan (Korea) at the eastern frontier to advance into Russian territory. However, at least Stalin's public statements suggest his concerns lay more with Poland's postwar leadership than with the Korea peninsula.

Within the United States administration there were those who were critical of trusteeship as a system — it had proven a failure after World War I — and were negative toward any suggestion that the United States and the Soviet Union had a postwar future as allies. With Roosevelt's death those opposed to the president's postwar idealism enjoyed the more practical and inviting ear of his successor, Harry S. Truman, a leader who proved to be more open to the views of others regarding diplomatic affairs. One with considerable influence was James F. Byrnes who served in both the Roosevelt and Truman administrations. As Truman's first foreign minister, Byrnes assumed a role as the president's top advisor on foreign matters. He had accompanied Roosevelt to Yalta and Truman to Potsdam. He later led U.S. delegations to postwar foreign minister meetings, including the December 1945 Moscow meeting. His explanation of the division of Korea as a temporary "military convenience" that had evolved into a more permanent "closed boundary" omitted the role that the United States played in having postwar occupation penned into the 1943 Cairo Communique and trusteeship administration included in the 1945 Moscow Decision.²

In Truman's eyes, Byrnes' attendance at Yalta qualified him as the president's "expert" in postwar diplomatic issues. For this reason, his views on the Soviet Union are most interesting here, particularly considering the influence that he wielded over a president in the early years of the Cold War. While admitting insufficient knowledge of Russian history, the secretary of state felt confident in concluding that despite

---

¹ One argument links Soviet actions in Poland with those at the Joint Commission. See, for example, Yi Chǒngsik. *Taehan min'guk ūi kiwǒn* [The Origins of the Korean Nation]. Seoul: Ilchokak, 2017. P. 100–103. (In Korean).

² J. F. Byrnes. *Speaking Frankly*. London: William Heinemann, 1947. P. 219–20.

the violence of the Russian Revolution, the aims of Bolshevik diplomacy differ very little from those of the Czars. And the aims that Stalin and Molotov have pursued since the end of the war vary little from the demands they made of Adolf Hitler.

After summarizing wartime Soviet expansion, he continued: “It is clear, then, that expansion is not an innovation of the Communist regime. It is rooted in Russian history. Only the personalities and the tactics have changed.” He advised the U.S. adopting a carrot and stick approach toward its new Cold War rival: it should extend an olive branch of peace while applying “firm resistance” to its ambitions to expand. Though he did not mention Korea directly, his statement mirrors the U.S. position at the Joint Commission.¹

British officials reached similar connections over Soviet ambitions regarding the Korean peninsula, arguing that Russians across generations shared that of the Soviet Union: securing an ice-free port in the Far East. Its postwar strategy in Korea was thus securing at a minimum permanent control over northern Korea and if feasible over the entire peninsula. This view was expressed in a handwritten comment penned by the British diplomat, G. F. Hudson, beneath a telegram from his country’s Moscow Embassy to the British Foreign Office in London. Hudson saw Soviet long-term plans developing as follows:

The Soviet Union is likely to press for the granting of early independence for Korea against proposals for trusteeship, as this line will commend them to Korean nationalists and it is reasonable for the Russians to expect that by virtue of geographical continuity and of the compact organization of the local Communists the Soviet Union would soon gain a preponderant influence in an “independent” Korea.²

This same prediction appeared in a more advance form in an August 1947 report compiled by the Joint Intelligence Sub-Committee of the British Chiefs of Staff titled “Soviet Interests and Intentions.” This report considered Soviet ambitions in various locations across the globe. In Korea it predicted that the Soviets were simply waiting for U.S. withdrawal from the south to gain “establishment of Communist control over country as a whole.”³ Foreign diplomatic officers are

---

¹ J. F. Byrnes. *Speaking Frankly*. P. 282, 283, 295. His account of the Moscow Conference omits all mention of discussions on Korea, despite the importance of the meetings to the peninsula’s future. See J. F. Byrnes. *All in a Lifetime*. New York: Harper & Brothers, 1958. Chapter 22.

² Telegram from Mr. Roberts in Moscow to Foreign Office (November 11, 1945). FO 371 Far Eastern 1945 Japan File No. 1394. London: British National Archives.

³ Chiefs of Staff, Joint Intelligence Sub-Committee. *Soviet Interests, Intentions and Capabilities* (August 6, 1947). Secret Files from World War to Cold War: Intelligence, Strategy,

employed to develop contingency plans based on worst-case scenarios without having to account for their conclusions that failed to materialize; thus, such an opinion appearing in once-classified documents is not necessarily surprising. That Cold War scholars have also adopted similar conclusions as historical fact without attempting to verify their degree of truth is a different matter.¹ This question of Soviet short- and long-term plans for Korea represents a critical issue for our understanding of the distressing history that Koreans has endured as a result of the Commission's failure, a legacy that brought a devastating civil war, the separation of a people including families, and strengthened a national division that delivered totalitarian administrations to both sides of the demilitarized zone.

This short paper has attempted to offer tentative conclusions for what it sees as a collective responsibility for this unfortunate history. That is, it first sees responsibility for failure in the inability of both delegations to find a middle ground of compromise to complete their tasks, as assigned by the Moscow Decision. Additionally, it considers the responsibility of self-serving activities perpetuated by certain Korean groups who at times violently opposed this process. And finally, it ponders the role that factors independent of Korean matters played in disrupting this process. Might the growing Cold War divisions between Moscow and Washington have blocked the materialization of any meaningful agreement that the two delegations might have forged in their Joint Commission meetings? Developing research into these areas requires the collective efforts of scholars from the states of the concerned peoples.

References

Primary Sources

1. British National Archives. London: United Kingdom.
2. Foreign Relations of the United States (FRUS). Washington, D.C.: Government Printing Office, 1971.
3. Ichǒng Pak Hǒn'yǒng chǒnjip / Ichǒng Pak Hǒn'yǒng chǒnjip p'yǒnjip wiwonhoi. [Pak Hǒn'yǒng. Collected Works / Editorial board of "Pak Hǒn'yǒng's Collected Works"]. 9 vols. Seoul: Yǒksa pip'yǒngsa, 2004. (In Korean).
4. National Archives Record Administration (NARA). College Park, MD. RG 43.
5. Paekbom Kim Ku chǒnjip / Kim Ku chǒnjip p'yǒch'an wiwonhoi. [Kim Ku. Collected Works / Editorial board of "The Collected Works of Kim Ku"]. 12 vols. Seoul: Namamch'ulp'an, 1999. (In Korean).

---

and Diplomacy. URL: <http://www.secretintelligencefiles.com/Content/swwf.cab158/0001/009> (accessed 14.09.2019).

¹ Uk Heo and Terence Roehrig in their *The Evolution of the South Korean-United States Alliance*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2018. P. 56, conclude that "the Soviets were committed to the permanent division of [the Korean peninsula]."

6. Secret Files from World War to Cold War: Intelligence, Strategy, and Diplomacy. URL: <http://www.secretintelligencefiles.com/Content/swwf.cab158/0001/009> (accessed 14.09.2019).

7. Stimpson H. L. Henry Lewis Stimson Papers. New Haven, CT: Yale University Library.

Secondary Sources

8. Borton H. Spanning Japan's Modern Century: The Memoirs of Hugh Borton. Lanham, MD: Lexington Books, 2002. 286 p.

9. Byrnes J. F. Speaking Frankly. London: William Heinemann, 1947. 324 p.

10. Byrnes J. F. All in a Lifetime. New York: Harper & Brothers, 1958. 432 p.

11. Cumings B. The Origins of the Korean War: Liberation and the Emergence of Separate Regimes, 1945–1947. Princeton: Princeton University Press, 1981. 608 p.

12. Falsification of Elections in Southern Korea Under the Cloak of the U.N.O. Commission: Speech by the U.S.S.R Delegate Y. A. Malik in the Political Committee on December 8, 1948 // The Soviet Union and the Korean Question (Documents). London: Soviet News, 1950. P. 66–77.

13. Granjdanzev A. Korea Looks Ahead. New York: Institute of Pacific Relations, 1944. 64 p.

14. Heo U., T. Roehrig. The Evolution of the South Korean-United States Alliance. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2018. 290 p.

15. Ki Kwangsŏ. Hunryŏng-ŭro pon Soryŏn-ŭi Miso kongdong wiwŏnhoe chŏnryak [Soviet Strategies on the Soviet-U.S. Joint Commission as seen from Soviet Directions] // *Yŏksa Munje Yŏn'gu*. 2010. P. 299–335. (In Korean).

16. Kim Y. H. East Asia's Turbulent Century. New York: Appleton-Century-Crofts. 1966. 386 p.

17. Welles S. The Time for Decision. New York: Harper & Brothers, 1944. 431 p.

18. Yi Chŏngsik, Taehan min'guk ŭi kiwŏn. [The Origins of the Korean Nation]. Seoul: Ilchokak, 2017. 494 p. (In Korean).

Author's information

Mark E. Caprio

PhD, Professor, College of Intercultural Communication, Rikkyo University
(Saint Paul's University)

3 Chome-34-1 Nishiikebukuro, Toshima City, Tokyo, 171-8501, Japan

E-mail: caprio@rikkyo.ac.jp

Irina A. Dorokhova (Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia)

Joseph Doke — the First Biographer of Mahatma Gandhi

Summary: The article analyzes the book of Joseph John Doke (1861–1913) “M. K. Gandhi. Indian patriot in South Africa”, first published in 1909 in London. Its author was not a compatriot of Mahatma Gandhi. He was a European, a British Baptist pastor from Johannesburg, who became his friend. However, it was Doke who first introduced to the world the personality of the future leader of the Indian national liberation movement, his views and activities in South Africa. Two storylines are intertwined in the book: on the one hand, the situation of the Indian population in southern Africa, and on the other, the multifaceted figure of the community leader M. K. Gandhi. Both stories are inextricably linked and complement each other. The book is based on material from the author’s conversations with Gandhi and his personal perception of the Indian community’s protest against racial discrimination in South Africa at the beginning of the 20th century.

In his book Doke outlined the main subjects and problems that later began to develop in other biographical essays dedicated to Mahatma Gandhi. Starting from Gandhi’s childhood and paying tribute to his family, J. Doke consistently acquainted the reader with his hero’s studies in London, his disappointment and professional failures after returning to his homeland. Then Doke passed to the new stage of Gandhi’s life that began in 1893, when Gandhi ended up in South Africa and refused to accept racial discrimination of his compatriots. Doke closed his story with a description of the climax of the first stage of the South African Indian community’s struggle in 1908. Significant coincidences of the contents of Doke’s book with the corresponding sections in M. K. Gandhi’s autobiography “My Life” indicate that Gandhi was sincere with Doke while narrating him about his life.

The emphasis was made by Doke on the moral side of the behavior of his hero. He was attracted by the simplicity of the young Indian leader’s lifestyle, his honesty, will and determination, which combined with his ability to compromise. Doke already then saw in Gandhi the real leader of the Indian community, who was able to rally people of different faiths and social status around him. The article also examines Gandhi’s opinion of Joseph Doke.

Keywords: Mahatma; M. K. Gandhi; Joseph Doke; civil disobedience; satyagraha; India; South Africa.

Дорохова И. А. (Петрозаводский ГУ, Петрозаводск, РФ)
Джозеф Док — первый биограф Махатмы Ганди

Аннотация: В статье проанализирована книга Джозефа Джона Дока (1861–1913) «М. К. Ганди. Индийский патриот в Южной Африке», опубликованная впервые в 1909 г. в Лондоне. Её автор не был соотечественником Ганди. Это был европеец, британский баптистский пастор из Йоханнесбурга, ставший его другом. Однако именно Док впервые познакомил мир с личностью будущего лидера индийского национально-освободительного движения, его взглядами и деятельностью. В книге переплетаются две сюжетные линии: с одной стороны, рассмотрено положение индийского населения на Юге Африки, а с другой — многогранная фигура лидера общины М. К. Ганди. Оба сюжета неразрывно связаны между собой и дополняют друг друга. Книга основана на материале бесед автора с Ганди и его личном восприятии протеста индийской общины против расовой дискриминации в Южной Африке в начале XX века.

Док наметил в ней основные сюжеты и проблемы, которые позднее стали развиваться в других биографических эссе. Начав с детских лет М. К. Ганди и отдав должное его семье, Дж. Док последовательно знакомил читателя с учебой героя в Лондоне, разочарованием и профессиональными неудачами после возвращения на родину. Новый этап его жизни Док начинает в 1893 г., когда Ганди оказался в Южной Африке и не захотел мириться с расовой дискриминацией соотечественников. Свой рассказ Док завершает описанием кульминации первого этапа борьбы южноафриканской индийской общины в 1908 г. Значительные совпадения содержания книги Дока с соответствующими разделами в автобиографии М. К. Ганди «Моя жизнь» свидетельствуют о том, что Ганди был искренен с Доком в рассказах о себе.

Акцент делался Доком на нравственной стороне поведения своего героя. Его привлекла простота образа жизни молодого индийского лидера, его честность, воля и целеустремленность, которые сочетались у него со способностью к компромиссам. Док уже тогда увидел в Ганди настоящего лидера индийской общины, который оказался способен сплотить вокруг себя людей разных конфессий и разного социального статуса. В статье также отражено мнение Ганди о Дж. Доке. Учитывая, что работа не переведена на русский язык, автор статьи позволил себе сохранить значительное цитирование.

Ключевые слова: Махатма; М. К. Ганди; Джозеф Док; гражданское неповиновение; сатьяграха; Индия; Южная Африка.

Деятельности и мировоззрению Мохандаса Карамчанда Ганди, одной из наиболее ярких фигур в истории национально-освободительной борьбы народов Индии первой половины XX века, посвящены сотни книг. Их абсолютное большинство знакомит читателей с Ганди, которого уже назвали на

родине Махатмой¹. Однако, более ста лет тому назад в 1909 г., в Лондоне была опубликована работа, которая представила М. К. Ганди, как индийского патриота в Южной Африке. Она так и называлась «М. К. Ганди. Индийский патриот в Южной Африке». Её автор не был соотечественником Ганди. Это был европеец, британский баптистский пастор из Йоханнесбурга Джозеф Джон Док. Свою работу он писал в 1907–1908 гг., когда индийская община на Юге Африки под руководством М. К. Ганди, начала коллективные массовые действия, направленные против притеснений и расовой дискриминации.

Поводом к ним послужила публикация в августе 1906 г. так называемого «черного закона». Теперь каждый проживавший в Трансваале индеец-мужчина, женщина и даже ребенок, начиная с восьмилетнего возраста, должен был зарегистрироваться в полиции, сообщить сведения о своем общественном положении, оставить отпечатки пальцев и получить особое регистрационное удостоверение. Не имевшие его могли быть арестованы и депортированы. Док отметил, что этот закон явился ключевым моментом в борьбе, которая в дальнейшем приобрела форму «пассивного сопротивления»². Ее стимулировали и новые антииндийские законы, принятые в 1907 г. Один из них разрешал торговлю только по лицензии, выданной властями. Другой закон фактически ограничивал индийскую иммиграцию в Южную Африку. Иммигранты должны были, как отмечал Док, пройти специальный образовательный тест для въезда в страну. Степень его сложности определялась сотрудником иммиграционной службы³. Индийское население отказалось подчиниться законам и начало борьбу, которая сопровождалась огромным напряжением сил и тяжелыми последствиями для многих из них. Док отметил что, проигнорировав запрет властей, индийцы отказались от регистрации и продолжили торговлю, за что их сотнями сажали в тюрьму и посылали на каторжные работы. «Мы часто могли видеть, — писал он, — как они маршируют по пыльной дороге колоннами, в наручниках и под охраной»⁴. В этой борьбе приняли участие люди, принадлежавшие к различным религиозным конфессиям, но для всех было характерно мужество и самопожертвование⁵. «Невозможно определить, принадлежавшие

¹ Махатма (букв. — «великая душа») — человек, обладающий редчайшими духовными способностями. В современной Индии — уважительный титул, добавляемый к имени особо почитаемых лиц, выдающихся общественных деятелей.

² Doke Joseph J. M. K. Gandhi. An Indian Patriot in South Africa. New Delhi: Ministry of Information, Government of India, 1967. P. 90.

³ Ibid. P. 92–93.

⁴ Ibid. P. 8.

⁵ Дорохова И. А. М. К. Ганди о соотечественниках — участниках сатьяграхи в Южной Африке в начале XX века // Политическая история и историография (от античности до современности). Выпуск II. Петрозаводск: Издательство Петрозаводского государственного университета, 1996. С. 75–84.

к какой религии сделали больше для общих интересов. Качалия, Дауд Мухаммад, Бавазир исповедовали ислам, Рустомджи и Собарджи — зороастрийцы, Д. Вьяс и Тхамби Найду — индусские лидеры. Все прошли через тюремное заключение, все оказали неоценимую помощь и общие страдания сплотили их»¹, — писал Д. Док.

Происходившее взбудоражило европейское население, породило разнообразные слухи о лидере индийской общины. Джозеф Док, всегда внимательно относившийся к своим прихожанам, решил составить собственное мнение о М. К. Ганди, чье имя было у всех на устах и о котором ходило так много разных слухов². Это и привело его в юридическую контору Ганди в Йоханнесбурге в декабре 1907 г.

Зная о влиянии Ганди на соотечественников, Док предполагал увидеть человека высокого роста, властного и даже высокомерного. Однако, как он написал, «...передо мной стояла маленькая, гибкая и худая фигура, и на меня смотрело серьезное лицо с утонченными чертами. Кожа и глаза были темными, но улыбка и прямой бесстрашный взгляд могли просто заставить загореться любое сердце. На вид ему было около 38 лет. Но характер его работы отпечатался в его волосах седыми прядями. Он говорил по-английски в совершенстве, и было очевидно, что это человек высокой культуры»³. Пастора интересовала позиция Ганди по азиатскому вопросу, и получив исчерпывающий ответ, он предложил посильную помощь. Ганди мысленно извинился перед ним за то, что, прочитав на визитной карточке Дока, слово «преподобный», сразу предположил, что это очередной христианский священник, который пришел обращать его в свою веру⁴. Вскоре они стали друзьями.

В работе «Сатьяграха в Южной Африке» и нескольких статьях М. К. Ганди, преимущественно посвященных памяти умершего Джозефа Дока, мы находим некоторые факты биографии христианского миссионера. Джозеф Док родился в Англии в 1861 г. в семье пастора и в 17 лет выбрал для себя аналогичную деятельность. Он был пастором в Египте, Палестине, Индии. В 1903 г. его вызвали из Новой Зеландии в одну из баптистских церквей в Южной Африке, где он и оставался вплоть до своей смерти в 1913 г.

Положение Дока было двойственным. Симпатизируя движению индийцев, он рисковал потерей популярности среди своей паствы. Его прихожане были белыми. И мало кто из них сочувствовал индийцам. Ганди восхищался мужеством пастора, так как Док не раз оказывал индийской общине важные услуги.

¹ Doke Joseph J. Op. cit. P. 108.

² Ibid. P. 10.

³ Ibid. P. 11.

⁴ Gandhi M. K. Satyagraha in South Africa. Ahmedabad: Navajivan Publishing House, 1950. P. 171.

Док посещал арестованных индийцев в тюрьме. В его доме к любому индийцу, вне зависимости от его статуса и положения, относились с уважением. Это было характерно и для всей семьи Дока, чье гостеприимство и участие в февралю 1908 г. испытал на себе избитый патанами Ганди¹. Позднее на собрании организованном соратниками Ганди — европейцами, индийцами и китайцами, была публично выражена благодарность семье Джозефа Дока за заботу о Ганди.

Индийцы доверяли ему. Как один из арбитров, Док участвовал в определении победителя на приз, учрежденный индийским еженедельником «Индиан Опион» за лучшее эссе по теме «Этика пассивного сопротивления», а в 1912 г. он около полугода исполнял обязанности его редактора, когда лидер общины был в тюрьме. Ганди отмечал различные грани деятельной натуры Дока, который был прекрасным оратором, обладал талантом писателя и художника. Самой большой похвалы со стороны Ганди удостоились человеческие качества Дока. В некрологе он написал, что «если бы все англичане были такими, как он, то не было бы ожесточения между ними и индийцами»².

Док считал, что неприязнь между белым и азиатским населением была следствием расовых предрассудков и неправильных действий официальных лиц и чиновников Азиатского департамента, а также неинформированности белого населения об истинных целях борьбы индийцев. Крайне смутное представление было, в том числе и в Англии, и о личности самого Ганди, в чьих действиях усматривали меркантильные интересы. И у Джозефа Дока возникла идея написать краткую, яркую и хорошо оформленную книгу для того, чтобы показать реальную личность индийского лидера. Этим планом Док поделился с Ганди, который, после некоторых колебаний, согласился. Книга Джозефа Дока «М. К. Ганди. Индийский патриот в Южной Африке» состоит из двадцати двух глав³. Док наметил в них основные сюжеты и проблемы, которые позднее стали развиваться в других биографических эссе. Начав с детских лет

¹ Патаны — восточные пуштуны. Их земли в конце XIX века оказались формально включенными в состав Британской Индии. Для них характерны устоявшиеся представления о долге и чести, суровое осуждение любых проявлений малодушия, трусости, предательства. В данном случае, таковым патаны считали компромисс, достигнутый Ганди с трансваальским министром Я. Смэтсом, о добровольной регистрации индийцев в обмен на отмену «черного закона». Именно по пути на регистрацию Ганди и был ими сильно избит. Предательства со стороны Ганди не было, а была попытка найти решение проблемы еще одним способом. Правда, как показали дальнейшие события, Ганди был обманут и кампания протеста возобновилась.

² Gandhi M. K. The Late Rev. Joseph Doke // Gandhi M. K. The Collected Works of Mahatma Gandhi: In 90 vol. Ahmedabad: Navajivan Press, 1958–1984. Vol. 12, 1964. P. 172.

³ Подробнее см.: Дорохова И. А. Первая биография М. К. Ганди // Политическая история и историография (от античности до современности). Выпуск III. Петрозаводск: Издательство Петрозаводского государственного университета, 2000. С. 188–198.

М. К. Ганди, он завершает ее описанием кульминации первого этапа борьбы южноафриканской индийской общины в 1908 г.

Книга состоит как бы из двух пластов: первый написан в основном со слов самого Ганди, второй освещает события, непосредственным свидетелем и участником которых был Джозеф Док. В книге две сюжетные линии: с одной стороны, рассмотрено положение индийского населения на Юге Африки, а с другой — многогранная фигура лидера общины М. К. Ганди. Оба сюжета неразрывно связаны между собой и дополняют друг друга. Вопросы, касающиеся положения индийской общины на Юге Африки, рассматриваются Доком с момента прибытия Ганди в 1893 г. в южноафриканскую провинцию Наталь. Это пять глав: «Батарей на рифах», «Пробуждение Наталья», «На поле битвы», «Сердце в тревоге» и «Восстание зулусов».

Непосредственно М. К. Ганди посвящены 16 из 22 глав книги. Глава «Белый город» знакомит читателей с родным городом Ганди. Главы «Его родители», «Ранние дни» и «Изменения» посвящены его семье и событиям до отъезда на учебу в Лондон. Две главы освещают лондонский период жизни молодого Ганди, а название главы «Разочарование» связано с крушением надежд на быструю карьеру дома. Значительные совпадения с соответствующими разделами в автобиографии М. К. Ганди «Моя жизнь» свидетельствуют о том, что Ганди был искренен с Доком в рассказах о себе. Остальные главы посвящены жизни Ганди в Южной Африке.

Док подробно воспроизводит основные эпизоды из жизни и деятельности своего героя: первую петиционную кампанию, организацию Индийского конгресса Наталья, деятельность Ганди в Трансваале, трагические дни эпидемии чумы 1904 г., издание еженедельника «Индиан Опинион», создание трудовой колонии в Фениксе и многое другое. В частности, именно в книге Дока сохранилось описание юридической конторы Ганди, которую Док назвал «святилищем». Офис адвоката находится на пересечении двух улиц и был подобен остальным. Окна и двери были исписаны именем того, кто его занимал, а сверху была надпись «адвокат». Первая комната была отдана машинистке, во второй работал Ганди. «Она было бедно обставлена и чиста. Вдоль стены висело несколько картин и фотографий: индийский санитарный корпус, отдельные индийские портреты, фотографии миссис Безант, У. У. Хантера, Дж. Ранаве и прекрасное изображение Иисуса Христа. Несколько одинаковых стульев, кресел и полок, заполненных юридическими книгами, заканчивали интерьер»¹.

Джозеф Док оставил нам описание манеры выступления молодого индийского лидера. Он отметил, что тот «не был страстным оратором. Его речь была спокойной и неторопливой, обращенной в основном к рассудку. Но вместе с тем у него был дар освещать тему просто и убедительно. Тоны его голоса, которые редко изменялись, были полны искренности... Он никогда не

¹ Doke Joseph J. Op. cit. P. 10.

размахивал руками, чтобы усилить впечатление от слов, но сила его убеждения, его скромность притягивали к нему слушателей»¹.

Док писал об особом доверии, которым пользовался Ганди среди соотечественников. «Они знали ему цену и любили его. Любые попытки игнорировать или оскорбить их лидера делали индийцев более решительными»².

Док назвал Ганди мечтателем. «Он мечтает, — пишет автор, — сплотить воедино индийскую общину в Южной Африке общими интересами и идеалами. Но делать это он будет так, чтобы Южная Африка могла гордиться ее гражданами с Востока и предоставила им по праву те привилегии, которыми пользуется каждый британский подданный. Он готов умереть за это»³. Док называет Ганди мечтателем-практиком и рассказывает о том, что тот уже сделал для реализации этой мечты

Джозеф Док использовал термин «пассивное сопротивление», говоря о борьбе индийцев. Так он назвал и одну из глав. Автор считал, что идея пассивного сопротивления как метод противления злу уходит корнями в индийскую философию. Он отметил влияние на формирование мировоззрения индийского лидера идей Д. Раскина, Г. Д. Торо. Но, «несомненно, и граф Толстой повлиял на него. Старый русский реформатор простотой своей жизни, смелостью своих высказываний и природой своего учения о борьбе и труде нашел искреннего приверженца в Ганди»⁴. Однако он признал, что Ганди термин «пассивное сопротивление» не нравился, так как не отражал всей сути борьбы индийцев. «Позже я введу термин, чтобы он был хорошо знаком и легко понимался», — сказал Ганди Доку⁵. И хотя в книге Джозефа Дока еще нет этого нового названия, именно в 1908 г. тактика борьбы, предложенная Ганди, станет известна во всем мире как сатьяграха⁶.

Пытался Док разобраться и в религиозных взглядах своего героя. Он считал Ганди религиозным человеком, который видел в религии практическую силу. «Я задался вопросом, — писал Док, — может ли какое-нибудь религиозное вероучение быть достаточно емким, чтобы выразить его взгляды, или какая-нибудь церковная система достаточно обширна, чтобы соединить их. Иудаизм и христианство, индуизм, магометанство, зороастризм, буддизм, конфуцианство — все они занимали свое место в его сердце»⁷. Док пришел

¹ Doke Joseph J. Op. cit. P. 51.

² Ibid. P. 71.

³ Ibid. P. 80.

⁴ Ibid. P. 100.

⁵ Ibid. P. 101.

⁶ Сатьяграха: *сатья* — истина, воплощенная в любви; *аграха* — твердость духа. Отсюда — упорство в истине, основанное на ненасилии. Тактика ненасильственного сопротивления, примененная Ганди в Южной Африке в форме кампаний гражданского неповиновения.

⁷ Doke Joseph J. Op. cit. P. 107.

к выводу, что Ганди нельзя назвать приверженцем какой-либо одной религии¹. Проф. М. Т. Степанянц отмечает, что именно первый биограф Ганди обратил внимание на этот «всемирский» характер гандизма².

По мнению Джозефа Дока, М. К. Ганди — главный советник индийцев в Южной Африке, главный организатор их борьбы. Он обладал великой душой и готов стать мучеником для пользы дела. Воля и целеустремленность сочетались у него со склонностью к компромиссам. Акцент делался Доком на нравственной стороне поведения своего героя. Он восхищается гуманизмом Ганди, отказавшимся от судебного преследования патанов, напавших на него в 1908 г. Отметил он и его бескорыстие, так как Ганди вернул деньги, данные ему общиной на дорогу в Англию, а подарки сдал в общественный фонд индийцев. Док признал, что такое поведение вызывало у некоторых участников кампании протеста недоумение и непонимание, а иногда даже подозрительность и раздражение. Объясняет он поступки лидера тем, что Ганди живет «в несколько иной, более высокой плоскости, чем большинство людей», и считал его «несомненно, одной из выдающихся личностей»³. М. К. Ганди вызывал у него только восхищение и сочувствие. От внимания пастора не ускользнули проблемы, которые были у Ганди с частью собственных соотечественников. «Многие были против него... но для большинства соотечественников он являлся бесспорным авторитетом»⁴. Таким образом, работа Джозефа Дока «М. К. Ганди. Индийский патриот в Южной Африке», — как считает проф. О. В. Мартышин, — задала тон для целого направления в литературе, освещающего деятельность М. К. Ганди с нравственно-религиозных позиций⁵.

В 1909 г. книга уже была опубликована в Лондоне. Вместе с очередным письмом М. К. Ганди послал ее и Л. Н. Толстому. «Книга эта имеет отношение к моей жизни и проливает свет на борьбу, которой я посвятил свою жизнь»⁶, — пишет он. Л. Н. Толстой в своем дневнике 21 апреля 1910 г. записал: «Читал книгу о Gandhi. Очень важная»⁷. Сам М. К. Ганди характеризовал работу Дж. Дока как «популярный рассказ об истории индийского сопротивления»⁸.

¹ Doko Joseph J. Op. cit. P. 106.

² Степанянц М. Т. Судьба гандистского наследия: взлеты и забвение. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sudba-gandistskogo-naslediya-vzlety-i-zabvenie> (дата обращения: 15.12.2019).

³ Doko Joseph J. Op. cit. P. 13.

⁴ Ibid. P. 91.

⁵ Мартышин О. В. Политические взгляды Мохандаса Карамчанда Ганди. М.: Наука, 1970. С. 15.

⁶ Цит. по: Шифман О. И. Лев Толстой и Восток. М.: Наука, 1971. С. 164.

⁷ Там же. С. 168.

⁸ Gandhi M. K. The Late Mr. Joseph J. Doko. P. 168.

Умер Джозеф Док в августе 1913 г. во время миссионерской поездки на северо-запад Родезии. М. К. Ганди отметил в некрологе, что пастор «был из тех немногих, кто не делал различий по расе, цвету кожи или вероисповеданию... Для него каждый человек был настоящим другом и братом»¹. Ганди и многие, кто знал пастора, выразил искренние соболезнования его семье. Сын Дж. Дока — Клемент Мартин, который был с отцом в его последней поездке, стал миссионером и лингвистом, одним из крупнейших специалистов по языкам банту. Дети и внуки Дж. Дока сохранили память о дружбе пастора с Ганди. Уже в нынешнем веке дочь Клемента Мартина передала в Университет Южной Африки, крупнейший университет африканского континента в г. Претория, коллекцию различных документов за 1907–1970 гг. Среди них есть и переписка Ганди и Дж. Дока (1908–1910), письма Ганди детям Дж. Дока, в том числе уже из Индии, письма сыновей Махатмы Ганди — Рамдаса и особенно Манилала — семье Дж. Дока, и многое другое².

Книга Дж. Дока неоднократно переиздавалась в Индии. Её активно использовали в своих работах авторы старшего поколения: Дж. Б. Крипалани, один из соратников Ганди и автор его биографии³, Найяр Пьярелал, бывший секретарем Ганди до убийства последнего в 1948 г.⁴, историк Деванесен Чандран Д. С., отдавший предпочтение первым сорока годам жизни М. К. Ганди⁵, и многие другие. Она продолжает использоваться исследователями, которые обращают внимание на конкретные эпизоды из южноафриканского периода Махатмы Ганди. Американский историк и индолог Стенли Вулперт обратил внимание на события 1908 г., связанные с нападением на Ганди⁶. Он отметил, что Ганди был другом всей семьи пастора.

Однако так происходит не всегда. В биографии Ганди, написанной французской писательницей Кристиной Жордис, отсутствует какое-либо упоминание о Дж. Доке⁷.

¹ Gandhi M. K. The Late Mr. Joseph J. Doke. P. 168.

² Doke C. M. Collection (DCAS Acc 385). URL: <http://uir.unisa.ac.za/handle/10500/4668> (дата обращения: 18.12.2019).

³ Kripalani J. B. Gandhi. His Life and Thought. New Delhi: Publication Division, Ministry of Information and Broadcasting, Government of India, 1975. 508 p.

⁴ Pyarelal. Mahatma Gandhi. The Early Phase. Ahmedabad: Navajivan Publishing House, 1965. Vol. I. 854 p.

⁵ Devanesen Chandran D. S. The Making of Mahatma. Madras: Orient Longmans, 1969. 432 p.

⁶ Wolpert Stanley. Gandhi's Passion: The Life and Legacy of Mahatma Gandhi. New York: Oxford University Press, 2001. P. 68.

⁷ Жордис К. Махатма Ганди. М: Молодая гвардия; Палимпсест, 2013. 327 с. (Жизнь замечательных людей: Малая серия. Вып. 43).

К памятным датам, связанным с жизнью и деятельностью Махатмы Ганди, в индийской прессе появлялись и появляются публикации об английском пасторе¹.

Имя Дж. Дока присутствует в списке соратников Махатмы Ганди на сайтах, посвященных Махатме Ганди²

Работа пастора Джозефа Джона Дока «М. К. Ганди. Индийский патриот в Южной Африке» не претендовала на какие-то научные выводы. Автор преследовал конкретную практическую цель — посодействовать налаживанию взаимопонимания между белым и азиатским населением на Юге Африки. И хотя он описал только начальный этап движения гражданского неповиновения, но смог уловить характерные черты, присущие тактике, предложенной М. К. Ганди индийской общине, особенности его взаимоотношений с соратниками и оппонентами. Его книга стала первым важным свидетельством человека, непосредственно наблюдавшего формирование политического лидера, названного позднее Махатмой.

Список литературы

1. Devanesen Chandran D. S. *The Making of Mahatma*. Madras: Orient Longmans, 1969. 432 p.
2. Doke C. M. Collection (DCAS Acc 385). URL: <http://uir.unisa.ac.za/handle/10500/4668> (дата обращения: 18.12.2019).
3. Doke Joseph J. M. K. Gandhi. *An Indian Patriot in South Africa*. New Delhi: Ministry of Information, Government of India, 1967. 116 p.
4. Doule Sager. Gandhi and the Baptist preacher. URL: <https://baptistnews.com/article/gandi-and-the-baptist-preacher/#.XluI9agzY2w> (дата обращения: 14.01.2020).
5. Gandhi M. K. *Satyagraha in South Africa*. Ahmedabad: Navajivan Publishing House, 1950. 351 p.
6. Gandhi M. K. The Late Mr. Joseph J. Doke // Gandhi M. K. *The Collected Works of Mahatma Gandhi: In 90 vol.* Ahmedabad: Navajivan Press, 1958–1984. Vol. 12. 1964. P. 167–171.
7. Gandhi M. K. The Late Rev. Joseph Doke // Gandhi M. K. *The Collected Works of Mahatma Gandhi: In 90 vol.* Ahmedabad: Navajivan Press, 1958–1984. Vol. 12. 1964. P. 172.
8. Kripalani J. B. *Gandhi. His Life and Thought*. New Delhi: Publication Division, Ministry of Information and Broadcasting, Government of India, 1975. 508 p.

---

¹ Например, Doule Sager. Gandhi and the Baptist preacher. URL: <https://baptistnews.com/article/gandi-and-the-baptist-preacher/#.XluI9agzY2w> (дата обращения: 14.01.2020).

² Например, Gandhi's Associates in South Africa. URL: http://www.gandhi-manibhavan.org/gandhicomelive/comesalive_associates_southafrica.htm (дата обращения: 10.02.2020).

9. Wolpert Stanley. *Gandhi's Passion: The Life and Legacy of Mahatma Gandhi*. New York: Oxford University Press, 2001. 303 p.

10. Дорохова И. А. М. К. Ганди о соотечественниках — участниках сатьяграхи в Южной Африке в начале XX века // *Политическая история и историография (от античности до современности)*. Вып. II. Петрозаводск: Издательство Петрозаводского государственного университета, 1996. С. 75–84.

11. Дорохова И. А. Первая биография М. К. Ганди // *Политическая история и историография (от античности до современности)*. Вып. III. Петрозаводск: Издательство Петрозаводского государственного университета, 2000. С. 188–198.

12. Жордис К. *Махатма Ганди*. Москва: Молодая гвардия; Палимпсест, 2013. 327 с. (Жизнь замечательных людей: Малая серия. Вып. 43).

13. Мартышин О. В. *Политические взгляды Мохандаса Карамчанда Ганди*. М.: Наука, 1970. 300 с.

14. Степанянц М. Т. Судьба гандистского наследия: взлеты и забвение. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sudba-gandistskogo-naslediya-vzlety-i-zabvenie> (дата обращения: 15.12.2019).

15. Шифман О. И. *Лев Толстой и Восток*. М.: Наука, 1971. 552 с.

References

1. Devanesen Chandran D. S. *The Making of Mahatma*. Madras: Orient Longmans, 1969. 432 p.

2. Doke C. M. Collection (DCAS Acc 385). URL: <http://uir.unisa.ac.za/handle/10500/4668> (accessed: 18.12.2019).

3. Doke Joseph J. M. K. *Gandhi. An Indian Patriot in South Africa*. New Delhi: Ministry of Information, Government of India, 1967. 116 p.

4. Dorohova I. A. М. К. Ганди о соотечественниках — участниках сатьяграхи в Южной Африке в начале XX века [M. K. Gandhi and his Compatriots' Participation in Satyagraha in South Africa at the Beginning of the 20th Century] // *Политическая история и историография (от античности до современности)*. Вып. II. Петрозаводск: Издательство Петрозаводского государственного университета, 1996. С. 75–84. (In Russian).

5. Dorohova I. A. *Pervaya biografiya M. K. Gandi [M. K. Gandhi's First Biography]* // *Политическая история и историография (от античности до современности)*. Вып. III. Петрозаводск: Издательство Петрозаводского государственного университета, 2000. С. 188–198. (In Russian).

6. Doule Sager. *Gandhi and the Baptist preacher*. URL: <https://baptistnews.com/article/gandi-and-the-baptist-preacher/#.XluI9agzY2w> (accessed 14.01.2020).

7. Gandhi M. K. *Satyagraha in South Africa*. Ahmedabad: Navajivan Publishing House, 1950. 351 p.

8. Gandhi M. K. *The Late Mr. Joseph J. Doke* // *Gandhi M. K. The Collected Works of Mahatma Gandhi: In 90 vol.* Ahmedabad: Navajivan Press, 1958–1984. Vol. 12. 1964. P. 167–171.

9. Gandhi M. K. The Late Rev. Joseph Doke // Gandhi M. K. The Collected Works of Mahatma Gandhi: In 90 vol. Ahmedabad: Navajivan Press, 1958–1984. Vol. 12. 1964. P. 172.

10. Kripalani J. B. Gandhi. His Life and Thought. New Delhi: Publication Division. Ministry of Information and Broadcasting, Government of India, 1975. 508 p.

11. Martishin O. V. Politicheskie vzglyady Mohandasa Karamchanda Gandi [Mohandas Karamchand Gandhi's Political Views]. Moscow: Nauka, 1970. 300 p. (In Russian).

12. Shifman O. I. Lev Tolstoy i Vostok [Leo Tolstoy and the Orient]. Moscow: Nauka, 1971. 552 p. (In Russian).

13. Stepanyants M. T. Sud'ba gandistskogo naslediya: vzlety i zabveniyе [The Fate of Gandhi's Heritage: Rise and Oblivion]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sudbagandistskogo-naslediya-vzlety-i-zabvenie> (accessed 15.12.2019). (In Russian).

14. Wolpert Stanley. Gandhi's Passion: The Life and Legacy of Mahatma Gandhi. New York: Oxford University Press, 2001. 303 p.

15. Zhordis K. Mahatma Gandhi. (Zhizn zamechatelnih lyudei: Malaya seriya. Vyp. 43). Moscow: Molodaya gvardiya; Palimpsest, 2013. 327 p. (In Russian).

Author's information

Irina A. Dorokhova

PhD (History), Associate Professor, Department of World History, Political Science and International Relations, Petrozavodsk State University

33, Lenina av., Petrozavodsk, Republic of Karelia, 185035, Russia

E-mail: prakido.2591@gmail.com

Информация об авторе

Дорохова Ирина Алексеевна

кандидат исторических наук, доцент, кафедра зарубежной истории, политологии и международных отношений, Петрозаводский государственный университет

Россия, 185910, Республика Карелия, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

E-mail: prakido.2591@gmail.com

*Evgeniy V. Kobelev, Vladimir M. Mazyrin (Institute of Far Eastern Studies,
RAS, Moscow, Russia)*

On the role of the Soviet Union in the anti-American war in Vietnam (1965–1975) and Attempts to Falsify History

Summary: The article contributes to the historiography of the anti-American war in Vietnam during its most important stage of 1968–1973 — the Paris peace talks. New sources and approaches to this topic, including attempts to interpret it from pro-Chinese positions, are also considered. In the first part the authors show how some modern scholars interpret today the role of the USSR in this war and its ending. In particular, the article refutes the allegations that the Soviet Union took a moderate, conciliatory position on Vietnam, did not support major military operations in the South, pushed Hanoi to make peace with the United States, looked with indifference at American acts of aggression, colluded with President Nixon, and the like. Besides, the authors analyze allegations that DRV diplomacy achieved success through their own efforts, while the Soviet Union's impact on the course of events at that time should not be overestimated; that Hanoi did not ask the USSR for military assistance; that the Paris agreement became an obstacle to the reunification of Vietnam and served the interests of the United States, etc.

Some other erroneous statements popular among modern Vietnamese scholars are also discussed, including those hinting at Moscow's betrayal of the interests of its Vietnam ally, or at least forcing it to sign peace agreement with the US. These assessments openly belittle the role of the USSR in the DRV negotiations with American representatives and the successful signing of the Paris agreement. Attempts to rewrite the history of the war in Vietnam are natural for experts and politicians of the United States, however, it is surprising to find them in the works of the Vietnamese scholars. Possibly, this approach is dictated by new strategic interests of Hanoi.

Some Western experts' opinions on the division of the Vietnamese leaders by factions, their different approaches to the issues of war and peace, and total "dependence on Moscow" are also criticized.

The authors' conclusions are based on recent publications of the Institute of Far Eastern studies of the Russian Academy of Sciences, unknown Vietnamese archives and direct evidence of a participant of the negotiation process. An objective comparison of dubious "discoveries" and real events shows instances of falsification of history, as well as reveals the position of the official Hanoi today, some aspects of which are unexpected.

The second part of the article shows the real actions of the USSR during the Vietnam war against the United States. It shows significance in terms of volume and effectiveness, of military and technical assistance to the DRV by the USSR, as well as important contribution of the Soviet military specialists to the final Vietnamese victory. It also reveals the importance of the political, diplomatic and moral support from the Soviet Union, in particular the significant political and diplomatic influence on the course of negotiations in Paris, the relentless work of Soviet diplomats in close contact with the diplomats from the DRV, pressing the US leadership to sign an agreement to end the war. The effectiveness of the Soviet propaganda campaign of solidarity with Vietnam people that condemned the US aggression is also highlighted. It is concluded that the Soviet assistance was one of the decisive factors in the victory of Vietnam.

Keywords: Soviet Union; Vietnam war against USA; Paris talks on ending the war in Vietnam; attempts to falsify history; Ho Chi Minh Academy archives.

Кобелев Е. В., Мазырин В. М. (ИДВ РАН, Москва, РФ)

О роли Советского Союза в войне Вьетнама против США (1965–1975) и попытках фальсификации истории

Аннотация: В статье дополнена историография войны Вьетнама против США и ее важнейшего этапа 1968–1973 гг. — Парижских переговоров о восстановлении мира. Представлены новые источники и подходы в изучении данной темы, в том числе попытки ее трактовки с прокитайских позиций. В первой части показано, как освещается сегодня рядом ученых роль СССР в этой войне и ее завершении, и каким было фактическое положение дел. В частности, дан анализ утверждений о том, что Советский Союз занимал умеренную, соглашательскую позицию по Вьетнаму, не поддерживал проведение крупных военных операций на Юге, подталкивал Ханой к миру с США, безразлично смотрел на развертываемые ими агрессивные действия, вступил в сговор с Р. Никсоном. В то же время выявлена несостоятельность заявлений о том, что дипломатия ДРВ добилась успеха только благодаря собственным усилиям и влияние Советского Союза на ход тех событий не стоит переоценивать, Ханой не просил СССР о военной помощи, Парижское соглашение стало препятствием на пути объединения Вьетнама, отвечало интересам США и т. д.

Рассмотрены другие некорректные утверждения, нередко выдвигаемые современными вьетнамскими учеными, в том числе о якобы предательстве Московской интересам своего союзника, по меньшей мере, принуждении его к миру. В этих оценках откровенно принижена роль СССР в переговорах ДРВ с американскими представителями и успешном подписании Парижского соглашения. Авторы данной статьи исходят из того, что попытки переписать историю войны во Вьетнаме естественны для экспертов и политиков США, но вызывают удивление в работах ученых СРВ. Высказано предположение, что «свежие подходы» могут быть продиктованы новыми стратегическими интересами Ханоя.

Подвергнуты критике также суждения западных экспертов о разделении вьетнамских лидеров на фракции, различии взглядов по вопросам войны и мира, их полной «зависимости от Москвы».

Авторские оценки опираются на недавние публикации ИДВ РАН, вьетнамские архивы и прямые свидетельства участника подготовки переговорного процесса. Объективное сравнение сомнительных «открытий» и реальных событий выявляет примеры фальсификации истории, открывает в ряде аспектов неожиданную позицию официального Ханоя.

Во второй части статьи показаны реальные действия СССР в годы войны Вьетнама против США. Отмечены значительная по объему и эффективности военно-техническая помощь ДРВ со стороны СССР, немаловажный вклад в победу вьетнамского народа советских военных специалистов, выполнивших свой интернациональный долг. Раскрыты значение политико-дипломатической и моральной поддержки со стороны Советского Союза, в частности мощное политико-дипломатическое воздействие на ход переговоров в Париже, работа советской дипломатии в тесном контакте с дипломатией ДРВ, давление на руководство США в целях подписания соглашения о прекращении войны. Подчеркнута эффективность проводившейся в СССР общенародной кампании солидарности с вьетнамским народом, по осуждению агрессии США. Сделан вывод, что советская помощь стала одним из решающих факторов победы Вьетнама.

Ключевые слова: Советский Союз; война Вьетнама против США; переговоры в Париже о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме; попытки фальсификации истории; архивы Академии Хо Ши Мина.

Введение

Историю конфликта во Вьетнаме с участием США в годы их интервенции в эту страну сегодня изучает новое поколение ученых, которое опирается на документальные свидетельства, воспоминания и интерпретации событий их участниками и специалистами. Конечно, при этом складывается достаточно субъективное, продиктованное привходящими обстоятельствами восприятие, часто далекое от действительности. Не задумываясь о реальных фактах, такие ученые — вместе с политиками, журналистами — не придают значения даже ключевым понятиям и названиям. Например, современную СРВ они называют Республикой Вьетнам — по имени сайгонского режима. Войну в этой стране именуют вьетнамской, а не антиамериканской. Причем, если для российских экспертов, особенно невьетнамистов, «неточность» отчасти простительна, то у вьетнамских как минимум заставляет задуматься. Видимо, путем смены вывесок, определений они помогают укреплять современные отношения Ханоя и Вашингтона, но фактически способствуют тому, чтобы вычеркнуть из памяти преступления американских агрессоров и уравнивать две воюющие вьетнамские стороны — война-то была гражданская.

В этой связи нас удивила, но оказалась характерной реакция известного вьетнамского социолога, директора одного из научных центров Университета г. Хошимина Чан Нгок Тхема¹. Увидев в оглавлении новой книги ИДВ РАН «Современный Вьетнам. Справочник» (М., 2015) раздел под названием «Антинародные режимы на юге Вьетнама», он с осуждением спросил, а разве сайгонский режим правильно так называть? Видимо, во Вьетнаме его уже стали считать вполне «народным», а не марионеточным, неоколониальным и проамериканским, как считалось на протяжении 55 лет в северовьетнамской историографии.

Попытки пересмотра истории войны

Среди российских авторов привлекает внимание позиция китаистов, пишущих о Вьетнаме, — они выступают с прокитайских позиций. Типичны для этой группы подходы О. Боговковой — аспирантки ИДВ РАН². *Первый* из них состоит в том, что Сталин и Хрущев не просто проявляли мало интереса к Индокитаю, но даже в конце 1950-х — начале 1960-х годов «перепоручили регион Мао»³. Вряд ли подобный вывод совместим с активным наращиванием СССР экономической помощи ДРВ, хотя известно, что в этот период Ханой придерживался китайской модели строительства социализма.

Согласно *второму* подходу именно Китай активно участвовал в борьбе за независимость стран Индокитая, а Советский Союз занимал более умеренные позиции, почти безразлично смотрел на развертываемые США агрессивные действия, в том числе воздушные и наземные атаки на ДРВ. Факты советской политики опровергают такие измышления, но российский автор берет на веру утверждения представителя вьетнамской эмиграции в США — выпускницы Северо-Калифорнийского университета Нгуен Тхи Лиен Ханг. Характерный источник с точки зрения распространения антисоветских измышлений.

Третье спорное открытие исходит также из среды западных ученых, в данном случае — европейской школы (Университета Утрехта). Согласно ему, первый секретарь Партии трудящихся Вьетнама (ПТВ) Ле Зуан был ястребом,

---

¹ Мнение этого ученого тем более значимо, что он является составителем и ответственным редактором монографии, представляющей систему современных ценностей Вьетнама (см. *Một số vấn đề về hệ giá trị Việt Nam trong giai đoạn hiện tại*. Trần Ngọc Thêm chủ biên [Ряд проблем системы ценностей во Вьетнаме / под ред. Чан Нгок Тхем]. Hồ Chí Minh, 2015.

² Боговкова О. И. Вьетнамский вопрос в контексте советско-китайского раскола 1960–1970-х годов // *Актуальные проблемы вьетнамоведения*. 2018. М.: ИДВ РАН, 2018. С. 62–80.

³ Nguyen Lien-Hang T. Hanoi's War: An International History of the War for Peace in Vietnam. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 2000. P. 41.

сторонником войны с США, противником советской концепции «мирного сосуществования», оппонентом «умеренной» фракции в руководстве ДРВ, ориентированной на СССР. В доказательство приводятся документы пленума ЦК ПТВ в декабре 1963 г. Утверждается, что арбитром между фракциями выступал Хо Ши Мин, который искал международной поддержки НФОЮВ и предлагал на встрече с Мао Цзэдуном в 1965 г. начать международные переговоры¹. В этом раскладе явно надуманным представляется разделение вьетнамских лидеров на фракции и противопоставление Ле Зуана Фам Ван Донгу². Тем более странно выглядит утверждение, что, следуя своей жесткой линии, Ле Зуан провел в Политбюро чистку «просоветской фракции». Что это за чистка, кого вывели из Политбюро, нам неизвестно, хотя понятно умение Ханоя разыгрывать разные карты.

Можно согласиться, что на начальном этапе «американизации» войны (Тонкинский инцидент 1964 года и отправка во Вьетнам американских войск в 1965 г.) Ханой тяготел к сотрудничеству с Китаем, но затем ориентация изменилась, хотя официально было заявлено, что политика ПТВ не совпадает однозначно ни с политикой КПК, ни с политикой КПСС. Это же, по сути, признают западные ученые, отмечая, что Ле Зуан, будучи сторонником жесткого курса на вооруженную борьбу, в ходе дебатов на пленуме ЦК ПТВ 1965 г. по вопросу стратегии «*dàm và đánh*» (ведения переговоров одновременно с боевыми действиями) исходил из того, что серьезные мирные переговоры возможны только после достижения осязаемых побед на поле боя³.

Значит, более близким к истине будет вывод, что и в 1960-е, и в начале 1970-х годов ДРВ проводила собственную политику, причем не вынужденно — из-за невозможности опереться на поддержку Пекина или Москвы, — а по внутренним убеждениям. В этом с нами согласен видный австралийский вьетнамовед Адам Фьорд, стремящийся разобраться в реальных механизмах политики Ханоя в отличие от культивируемых на Западе представлений. В совместной главе недавно вышедшей под редакцией К. Ёрл в Копенгагене книги «Развенчание мифов о Вьетнаме» мы сделали вывод, что «вьетнамцев почти невозможно заставить делать то, чего они не хотят делать, остановить в тех начинаниях, которые они хотят выполнить»⁴.

¹ Kokshoorn Peter. A Communist Love Triangle? Sino-Soviet-Vietnamese relations 1960–1968. Master thesis. Utrecht University, 2013. P. 37.

² По данным западных историков, в организации переговоров при посредничестве Польши в 1966 г. принимал участие премьер-министр ДРВ Фам Ван Донг, см.: Nguyen Lien-Hang T. Hanoi's War. P. 77.

³ Nguyen Lien-Hang T. Hanoi's War. P. 78.

⁴ Mazyrin Vladimir, Fforde Adam. Soviet influence on Vietnamese development policy — some myths // Mythbusting Vietnam. Facts, Fictions, Fantasies. Ed. by Catherine Earl. Copenhagen: NiAS Press, 2018. P. 111.

Для большинства вьетнамских исследователей старшего поколения характерен объективный подход к освещению событий антиамериканской войны и ее участников, в том числе пресловутого выбора между Китаем и СССР. Так, известный ученый Ты Тхи Лоан пишет: «... (когда) возникли разногласия и раскол между Советским Союзом и Китаем, ДРВ постаралась тактично сохранить хорошие отношения с обеими странами, избежать чрезмерного уклона в одну сторону в ущерб отношениям с другой стороной. Но когда Китай повернулся к Америке, ... желая «разыграть вьетнамскую карту» в торге с США, ДРВ со всей определенностью избрала Советский Союз»¹. По мнению Китая, продолжает Лоан, Вьетнам должен был продолжать воевать, а не вести переговоры о мире в Париже. ... Советский Союз рекомендовал возможно скорее подписать соглашение, если оно будет способствовать прекращению войны. На самом деле замысел Китая заключался в поддержке войны и американского присутствия во Вьетнаме, максимальном затягивании раздела Вьетнама, дабы сохранить «пояс безопасности» на юге страны, упрочить зависимость ослабленного Вьетнама и, за счет этого, стать «третьей сверхдержавой» мира, осуществляющей экспансию в Индокитае и Юго-Восточной Азии. Коварный замысел Китая «бить Америку до последнего вьетнамца», по оценке Лоан, был признан многими исследователями Запада.

Спорным является и *четвертое* рассуждение — о выборе вьетнамскими лидерами методов борьбы с противником в антиамериканской войне. Якобы Москва не одобряла вооруженное наступление НФОЮВ в Тэт 1968 г., как и последующие такие атаки на крупные южновьетнамские города. Ссылаясь на китайских экспертов, О. Боговкова склоняется к версии, что в начале 1968 года Пекин пытался умерить воинственный пыл вьетнамского руководства². Эта точка зрения кажется российскому автору более правдоподобной, поскольку стратегия широкомасштабного наступления соответствовала советской военной доктрине, а не китайским идеям о затяжной войне. Но тут же со ссылкой на другой китайский источник говорится об обратном: Мао Цзэдун подталкивал Ханой к тому, чтобы от тактики партизанской борьбы перейти к широкомасштабному наступлению на Юге³. При любом варианте главная мысль состоит в том, что влияние Советского Союза на ход событий в то время не стоит переоценивать. Повторяется известный тезис, будто Москва вообще не имела точных сведений о планах Ханоя, при этом без оснований

¹ Ты Тхи Лоан. Роль «мягкой силы» в прекращении войны во Вьетнаме // *Актуальные проблемы вьетнамоведения*. 2018. М.: ИДВ РАН, 2018. С. 51–52.

² Zhai Qiang. *China and the Vietnam Wars 1950–1975*. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 2000. P. 178.

³ Zhang Xiaoming. The Vietnam War, 1964 — 1969: A Chinese Perspective // *The Journal of Military History*. 1996. Vol. 60. No. 4 (October). P. 731–762.

утверждается, что советские исследователи в основном сходятся на этом мнении. Но как можно считать влияние Москвы незначительным, когда начало 1970-х годов признано периодом расцвета «братской советско-вьетнамской дружбы», пика нашей, в том числе военной, помощи?

Пятый тезис сводится к тому, что вьетнамские лидеры вели политику лавирования между двумя коммунистическими державами и использовали в своих интересах помощь обеих из них, но успех новой дипломатической линии Р. Никсона нанес чувствительный удар по этой политике. Если с первой частью утверждения можно согласиться, то вторую убедительно опровергают итоги Парижских переговоров.

СССР обвиняется также в том, что не очень считался с интересами своего союзника: он якобы не реагировал на попытки южновьетнамских войск при поддержке американской авиации перерезать «тропу Хо Ши Мина» в Лаосе в начале 1971 г. Однако нужно учитывать, что официальная Москва не могла и не пыталась повлиять на каждое сражение в Южном Вьетнаме, тем более за его пределами, зато советская печать и общественные организации широко освещали и осуждали действия США и сайгонского режима. В СССР, в Европе и даже в США развернулось массовое антивоенное движение, которое среди прочих факторов заставило Вашингтон завершить свою войну.

Шестое, сопутствующее, утверждение: СССР больше интересовался урегулированием отношений с США и разрядкой напряженности в мире, поэтому занял в 1972 г., как и Китай, соглашательскую позицию по Вьетнаму. Поэтому Ханой якобы опасался, что Москва может «сдать» вьетнамские интересы на переговорах в Париже ради своей геополитической выгоды. Опять же здесь намеренно смешана правда и откровенные подтасовки, что является типичной технологией контрпропаганды западных спецслужб. Разрядка отвечала интересам всех стран мира и была правильно инициирована СССР, итоги же мирного урегулирования во Вьетнаме говорят о полной победе совместной линии Ханоя и Москвы. Утверждение же о том, что Ханой остался фактически один на поле боя, так как Москва и Пекин ограничились поставками оборонительного вооружения, просто не выдерживают критики. СССР помог Ханю создать мощную систему ПВО и оснастить войска на юге самой современной техникой. Благодаря этому состоялось так наз. сражение Дьенбьенфу в воздухе над Ханоем в декабре 1972 г. и наступление сил освобождения на юге весной 1975 г., после чего США пошли на прекращение поддержки сайгонского режима.

Седьмой миф из той же серии состоит в том, что Ханой был поставлен в жесткие условия ведения переговоров в Париже, поскольку оба бывших «патрона» подталкивали его к их скорейшему завершению. И будто бы это заставило руководство ДРВ подписать Парижское соглашение, которое стало препятствием на пути объединения Вьетнама и отвечало интересам

США. На деле мирным переговорам не было альтернативы, они стали частью усилий на нескольких фронтах, в том числе дипломатическом. Тем более непонятно, в чем соглашение противоречило интересам вьетнамского народа, если через 2 года произошло объединение страны, и в чем выиграл Вашингтон, когда США после 9 лет войны понесли огромные потери и с позором ушли из Вьетнама?

Примечателен в этом свете подход исследователей Академии Хо Ши Мина Данг Ким Оань и Нгуен Тхи Май Хоа. И продиктован он архивными документами, которые хранятся в академии — кузнице руководящих кадров СРВ, но до сих пор были неизвестны, хотя в войне мы участвовали на одной стороне. Представители высшей партийной школы СРВ взяли на себя миссию «уточнить роль и влияние Советского Союза в отношении Вьетнама в ходе переговоров и подписания соглашения в Париже, дать собственную оценку и анализ этого процесса»¹.

Ссылаясь на внутренние документы, они утверждают, что еще в марте 1965 г. в ходе переговоров на высоком уровне с делегацией ДРВ Советский Союз предложил Ханю отказаться от требования к США прекратить бомбардировки Северного Вьетнама без всяких условий. Представитель СССР отметил, что «США трудно согласиться на прекращение бомбардировок без всяких условий, это требование ничего не дает, лишь мешает переговорам...», и дал понять, что Москва считает «возможным согласиться на формальную дэскалацию, чтобы обмануть США»². Авторы, признавая всестороннюю помощь ДРВ со стороны Советского Союза и его «определенное влияние», подчеркивают, что Москва подталкивала Ханю к контактам с США и завершению войны путем переговоров. В этой связи цитируется письмо первому секретарю ЦК ПТВ Ле Зуану и премьер-министру ДРВ Фам Ван Донгу от советских лидеров, в котором они якобы рекомендовали Вьетнаму не вести вооруженную борьбу, а продолжать дипломатические усилия, чтобы прекратить войну³. По оценке ученых СРВ, эти призывы показывают, что Советский Союз хотел, чтобы Ханю шел навстречу требованиям США по принципу «шаг

¹ Данг Ким Оань, Нгуен Тхи Май Хоа. СССР и Вьетнам на Парижских переговорах // *Вьетнамские исследования* (электронный журнал). Серия 2. 2018. № 3. С. 44–45.

² Hồ sơ quan hệ Việt-Xô trong giai đoạn chống Mỹ, cứu nước (7–1954 đến tháng 4–1975). Viện Hồ Chí Minh, Học viện Chính trị — hành chính quốc gia Hồ Chí Minh [Досье по вьетнамо-советским отношениям в период войны против американцев за спасение родины (1954–1975). Институт Хо Ши Мина Государственной политической академии Хо Ши Мина]. Тр. 38–39.

³ Sổ công tác của Đại tướng Văn Tiến Dũng. Bản đánh máy, lưu tại Ban Tổng kết lịch sử, Bộ Tổng tham mưu [Рабочая тетрадь генерала армии Ван Тиен Зунга. Машинописная копия, хранящаяся в отделе изучения исторических итогов Генерального штаба]. Tài liệu lưu trữ Bộ Quốc phòng, phòng Cục Tác chiến, hồ sơ 5247.

вперед, шаг назад», а именно: ДРВ прекращает вводить свои войска на Юг, а США в ответ на это прекращают бомбардировки Севера.

В отличие от Советского Союза, Китай, по данным того же архива, не хотел, чтобы Вьетнам вел переговоры, и критиковал вьетнамских товарищей за то, что они «легко идут на уступки (...)»¹. Твердый в своей позиции, премьер-министр Фам Ван Донг отвечал, что Вьетнам будет сражаться с Америкой и в конце концов победит ее»².

Данг Ким Оань и Нгуен Тхи Май Хоа констатируют, что Советский Союз «планировал вначале решить проблему прекращения бомбардировок Севера, затем проблему Юга, вначале решить военную проблему на Юге, а уж затем политическую проблему»³. Согласимся, что это реалистическая политика. Но если утверждать, что «Москва добивалась от Вьетнама уступок, чтобы он быстрее закончил войну и сохранил состояние раздела страны на две части»⁴, то такая трактовка явно призвана умалить и исказить роль помощи СССР.

Еще дальше идут другие вьетнамские авторы, заявляя, что США с помощью Москвы пытались «ограничить наши победы... и вынудить нас пойти на ускоренное урегулирование»⁵. Под этим подразумевается одобрение политического урегулирования на Юге с участием трех политических сил, против чего скрытно выступал Ханой. Как следует из документов архива Академии, Советский Союз призывал «к правильной оценке политических сил, действующих во Вьетнаме, и признанию законных, равных прав этих сил за столом переговоров»⁶. Такая позиция СССР оправданна с учетом того, что на протяжении 1960–1970-х гг. он активно поддерживал НФОЮВ, а затем ВРП РЮВ, признавал, исходя из реалий и исследований советских ученых того периода, наличие влиятельных оппозиционных сил внутри сайгонской зоны⁷.

¹ Hồ sơ quan hệ Việt-Xô. Op. cit. Tr. 142–143.

² Zhou Enlai and Pham Van Dong [Чжоу Эньлай и Фам Ван Донг]. Beijing, 1968. Tr. 122–123.

³ Hồ sơ quan hệ Việt — Xô. Op. cit. Tr. 39.

⁴ Данг Ким Оань, Нгуен Тхи Май Хоа. Указ. соч. С. 46.

⁵ Lưu Văn Lợi, Nguyễn Anh Vũ. Các cuộc thương lượng Lê Đức Thọ — Kitxinhgiơ tại Paris [Переговоры Ле Дык Тхо и Киссинджера в Париже]. Hà Nội: Công an nhân dân, 1996. Tr. 440.

⁶ Note from Soviet Leaders to President Nixon, February 17, 1969 [Послание от советских лидеров президенту Никсону 17.02.1969] // National Archives, Moscow Nixon Presidential Materials [Национальные архивы, московские материалы президента Никсона], NSC Files, Box 340, Subject Files, USSR Memcons Dobrynin/ President 2/17/69, Document 15. 1969. P. 15.

⁷ Это с помощью методов контент-анализа сайгонской прессы для исследования политической борьбы в РВ выявил один из авторов данной статьи Мазырин В.М.,

«Новые» подходы к рассматриваемой теме характерны и для еще одного влиятельного образовательного и научного центра СРВ — Дипломатической академии МИД. Они наглядно отражены в книге Лыу Ван Лоя «50 лет вьетнамской дипломатии»¹, в которой автор де-факто пересматривает роль Советского Союза в успехе Парижских переговоров. Говоря о них, он вообще избегает слова Советский Союз, как бы давая понять, что вьетнамская дипломатия добилась успеха только благодаря собственным усилиям.

К сожалению то, что СССР и Китай достигли с США в 1972 г. договоренностей по общемировым вопросам, по мнению ученых СРВ новой волны, невыгодно для Ханоя воздействовало на переговоры в Париже. Сегодня они почти прямо говорят, что это помешало ДРВ проводить независимую дипломатическую линию, хотя она сумела свести к минимуму «негативное воздействие со стороны стратегических союзников». Отмечается, что поддержка соцстран не могла быть полноценной, единой из-за нарастающих противоречий между Советским Союзом и Китаем, из-за нестабильной обстановки в этих государствах². Даже при признании важности срочной материальной помощи населению освобожденных районов Южного Вьетнама весной 1975 г. отмечается, что «Ханой не просил об этом», видимо, поскольку «Советский Союз не поддерживал крупные операции на Юге», включая Генеральное наступление, положившее конец сайгонскому режиму. Признавая мужество и умение бойцов ВНА, как важнейший фактор победы, хотелось бы спросить у таких экспертов, могли ли силы освобождения успешно провести операцию без современной военной техники, полученной из СССР? Историки Академии Хо Ши Мина заканчивают исследование, многозначительно заявляя, что «влияние Советского Союза на Вьетнам в тот период и до настоящего времени, является большим историческим уроком»³.

Реальные действия СССР в годы войны

В тот момент, когда в феврале 1965 г. началась воздушная война США против Северного Вьетнама, в Ханое находилась высокая советская делегация во главе с председателем Совета Министров СССР Косыгиным А.Н. На встречах с вьетнамским руководством были рассмотрены и удовлетворены заявки вьетнамской стороны о срочном предоставлении современного советского вооружения, прежде всего зенитных ракет.

обобщив собранный материал в книге «Крахе сайгонского режима Нгуен Ван Тхиеу в Южном Вьетнаме (1965–1975)» (М.: Наука, 1978).

¹ Lưu Văn Lợi. 50 năm ngoại giao Việt Nam. Hà Nội: Nhà xuất bản chính trị, 2002. Tr. 56.

² Данг Ким Оань, Нгуен Тхи Май Хоа. Указ. соч. С. 48–49.

³ Там же.. С. 50.

С опорой на бескорыстную помощь нашей страны Северный Вьетнам был превращен в поистине неприступную крепость, которую безуспешно штурмовали в течение 8 лет авиация и корабли 7-го военного флота США. Созданную высокоэффективную, оснащенную современным вооружением и техническими средствами общенациональную систему противовоздушной обороны американские генералы оценили впоследствии как одну из самых мощных систем ПВО, когда-либо имевших место в истории войн.

Действительные масштабы весьма значительной по объему и эффективности военно-технической помощи Вьетнаму со стороны СССР иллюстрируют следующие красноречивые цифры. С 1953 по 1991 г. было поставлено: 2000 танков, 1700 БТР, 7000 орудий и минометов, свыше 5000 зенитных пушек и установок, 158 зенитно-ракетных комплексов, свыше 700 боевых самолетов, 120 вертолетов, свыше 100 боевых кораблей, введено в строй 117 военных объектов¹.

При этом нельзя не учитывать немаловажный вклад в победу вьетнамского народа советских военных специалистов, направленных во Вьетнам и самоотверженно выполнявших свой воинский долг по оказанию интернациональной помощи вьетнамскому народу. По данным Генерального штаба Вооруженных сил СССР, с 11 июля 1965 года по 31 декабря 1974 года в боевых действиях во Вьетнаме приняли участие 6359 офицеров и генералов и более 4,5 тыс. солдат и сержантов советских Вооруженных сил².

Не меньшее значение имела постоянная политико-дипломатическая и моральная поддержка нашей страной борьбы вьетнамского народа. В этом контексте важное международное звучание приобретали периодические заявления съездов КПСС о неизменной поддержке борющегося Вьетнама, а также слова солидарности в совместных декларациях по итогам советско-вьетнамских встреч на высшем и других уровнях, которые регулярно проходили в те годы в Москве или Ханое. Особенно большой резонанс получило весьма решительное заявление XXIII съезда КПСС (1966 г.): «Осуществляя „эскалацию“ постыдной войны против вьетнамского народа, агрессоры встретятся со все возрастающей поддержкой Вьетнаму со стороны Советского Союза...»³

Поддержка борющегося Вьетнама стала для миллионов советских людей интернациональным долгом. Развертыванию общенародной кампании солидарности помогали общественные организации СССР, прежде всего

---

¹ Война во Вьетнаме: взгляд сквозь годы. М.: Институт военной истории Министерства обороны РФ, 2000. С. 25.

² Война во Вьетнаме... Как это было (1965–1973). М.: Институт военной истории Министерства обороны РФ, 2005. С. 502.

³ Материалы XXIII съезда КПСС. М., 1966. С. 25.

профсоюзы, молодежные и женские организации, сторонники мира, Общество советско-вьетнамской дружбы и его многочисленные филиалы в союзных республиках, Советский комитет поддержки Вьетнама, созданный в 1965 г. и объединивший видных деятелей общественности, науки и культуры.

Один из авторов данной статьи, Кобелев Е. В., в те годы работал в Международном отделе ЦК КПСС и принимал личное участие в мероприятиях Советского комитета поддержки Вьетнама по организации международного движения солидарности с Вьетнамом¹. По его мнению, это мощное давление, все более решительное осуждение агрессии США и требование немедленного ее прекращения, стало одним из решающих факторов победы Вьетнама. Советские общественные организации, используя свой авторитет, обширные международные связи и материальные возможности, внесли весомый вклад в дело сплочения антивоенных, пацифистских сил различных стран мира вокруг лозунга «Руки прочь от Вьетнама!».

По свидетельству Е. В. Кобелева, лично участвовавшего в составе делегаций советских сторонников мира во многих международных конференциях в поддержку Вьетнама (в Париже, Риме, Стокгольме, Хельсинки, Ханое, Москве), три слова «Мы — с тобой, Вьетнам!» приобретали буквально магическую силу, объединяя вокруг себя людей самых разных идеологических и политических взглядов.

Международная кампания солидарности с народом Вьетнама приобрела к началу 1970-х годов такой невиданный размах (она даже захлестнула сами США), что в конечном счете явилось одним из решающих «нематериальных» факторов, заставивших правящие круги США согласиться на прекращение бессмысленной войны и подписать в Париже историческое Соглашение о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме.

Поэтому, когда в 1968 г. в Париже открылись вьетнамо-американские переговоры, у вьетнамских посланников, наряду с военными победами, было еще одно, не менее веское преимущество — за ними стояла огромная политико-дипломатическая мощь Советского Союза. Советская дипломатия работала в тесном контакте с дипломатией ДРВ. Руководители ДРВ, вьетнамские официальные представители на парижских переговорах, проезжая через Москву, регулярно встречались с представителями советского руководства для обмена информацией об обстановке во Вьетнаме, по

¹ Е. В. Кобелев в годы Парижских переговоров курировал контакты с представителями ДРВ и ВРП РЮВ, был близко знаком с их ведущими переговорщиками: с Ле Дык Тхо он неоднократно встречался в Москве, с Суан Тхюи — на авеню Клебер в Париже, где проходили переговоры. Поэтому Е. В. Кобелев не понаслышке знаком с событиями того времени, доподлинно знает расклад сил и скрытые пружины механизма переговоров, может объективно судить о причинах подписания Парижского соглашения и «роли Москвы» в этом процессе.

проблемам, которые находились в центре внимания на Парижских переговорах, по тактике ведения переговоров. Большую работу по содействию вьетнамскому урегулированию вели советские дипломатические миссии в Вашингтоне, Париже, Ханое и других причастных столицах мира. Они своевременно информировали Москву о текущих изменениях ситуации во вьетнамском вопросе и о позициях заинтересованных сторон. В дальнейшем руководители делегации ДРВ получали необходимую информацию из первых рук и, вооруженные ею, уверенно вступали в очередной раунд переговоров с противником.

Советское руководство использовало также любой подходящий повод, чтобы оказывать давление на руководство США, постепенно подталкивать Вашингтон к принятию единственно верного решения — подписанию соглашения о прекращении войны. Особенно показательны в этом плане переговоры Л. И. Брежнева с Р. Никсоном в мае 1972 г., когда тот прилетел в Москву для обмена мнениями с советской стороной. С первых же минут переговоров в Кремле Никсону в жесткой форме было указано, что решение вьетнамской проблемы возможно только за столом переговоров и что реальный выход из тупика, в который сами себя загнали американцы, возможен только на справедливых условиях, предлагаемых ДРВ–ВРП РЮВ. Л. И. Брежнев решился на «недипломатичный» шаг, открыто заявив президенту США: «Господин президент, у вас руки в крови!»¹

Президент Хо Ши Мин в своем Завещании писал, что после прекращения войны он хотел бы посетить братские социалистические страны, чтобы выразить благодарность за помощь и поддержку борьбы вьетнамского народа. Он не успел этого сделать, эту миссию выполнили его самые близкие соратники. В июле 1973 г. в Москву с официальным дружественным визитом прибыла высокая вьетнамская делегация во главе с Ле Зуаном и Фам Ван Донгом. Вьетнамских гостей принимали в нашей стране как триумфаторов. В Совместном советско-вьетнамском заявлении вьетнамские гости, «выполняя Завещание уважаемого Президента Хо Ши Мина, выразили сердечную, глубокую признательность КПСС, Советскому правительству, всему советскому народу за большую, ценную и эффективную поддержку и помощь вьетнамскому народу на военном, политическом и дипломатическом фронтах, что явилось важным вкладом в историческую победу вьетнамского народа в деле защиты своей независимости, свободы и строительства социализма»².

Но самым главным моментом на этапе завершения войны стало то, что Советское правительство приняло решение «рассматривать кредиты,

¹ Советско-американские отношения: Годы разрядки. 1969–1976. М., 2007. Т. 1. С. 434–445.

² Советский Союз — Вьетнам. 30 лет отношений. 1950–1980. М., 1982. С. 322.

предоставленные Советским Союзом ДРВ в предыдущие годы на цели экономического развития, как безвозмездную помощь»¹.

Бывший в те годы заведующим сектором Вьетнама Отдела ЦК КПСС Игорь Огнетов вспоминал, что «после такого заявления Л. И. Брежнева, обычно сдержанный, Фам Ван Донг вскочил, зааплодировал и воскликнул: „Вот это подарок! Это самый большой подарок вьетнамскому народу!“»².

Заключение

При видимой объективности подхода вьетнамских ученых новой волны картину событий войны, особенно ее последнего этапа, они представляют в искаженном виде. В ней откровенно принижена роль СССР в переговорах ДРВ с американскими представителями и успешном подписании Парижского соглашения. Приводятся многие некорректные утверждения, основанные на предположении об уступках Советского Союза США и даже намекающие на предательство Москвой интересов своего союзника, по меньшей мере принуждение его к миру.

Если стоять на позициях непредвзятости и объективности, то невозможно представить успех Ханоя на переговорах в Париже и завершение войны в его пользу без решающего вклада Советского Союза. Порождают сожаление попытки переписать историю войны во Вьетнаме, которые естественны для экспертов и политиков США, но вызывают удивление в работах ученых СРВ. Можем предположить, что эти действия продиктованы, в частности, горячим желанием сделать приятное новому стратегическому партнеру, стремящемуся стереть в исторической памяти свою вину за разрушение Вьетнама и гибель миллионов его граждан.

Список литературы

1. Hồ sơ quan hệ Việt-Xô trong giai đoạn chống Mỹ, cứu nước (7–1954 đến tháng 4–1975). Viện Hồ Chí Minh, Học viện Chính trị — hành chính quốc gia Hồ Chí Minh [Досье по вьетнамо-советским отношениям в период войны против американцев за спасение родины (1954–1975). Институт Хо Ши Мина Государственной политической академии Хо Ши Мина].

2. Kokshoorn Peter. A Communist Love Triangle? Sino-Soviet-Vietnamese relations 1960–1968. Master thesis. Utrecht University, 2013.

3. Lưu Văn Lợi. 50 năm ngoại giao Việt Nam [Лью Ван Лой. 50 лет вьетнамской дипломатии]. Hà Nội: Nhà xuất bản chính trị, 2002.

---

¹ Советский Союз — Вьетнам. 30 лет отношений. 1950–1980. С. 324.

² Огнетов И. А. На вьетнамском направлении. М., 2007. С. 243.

4. Lư Văn Lợi, Nguyễn Anh Vũ. Các cuộc thương lượng Lê Đức Thọ — Kítxinhiơ tại Paris [Переговоры Ле Дык Тхо и Киссинджера в Париже]. Hà Nội: Công an nhân dân, 1996.
5. Mazyrin Vladimir, Fforde Adam. Soviet influence on Vietnamese development policy — some myths // *Mythbusting Vietnam. Facts, Fictions, Fantasies*. Ed. by Catherine Earl. Copenhagen: NiAS Press, 2018. 234 p.
6. Một số vấn đề về hệ giá trị Việt Nam trong giai đoạn hiện tại. Trần Ngọc Thêm chủ biên [Ряд проблем системы ценностей во Вьетнаме / под ред. Чан Нгок Тхем]. Т.р. Hồ Chí Minh, 2015. 528 tr.
7. Nguyen Lien-Hang T. Hanoi's War: An International History of the War for Peace in Vietnam. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 2000.
8. Note from Soviet Leaders to President Nixon, February 17, 1969 // National Archives, Moscow Nixon Presidential Materials, NSC Files, Box 340, Subject Files, USSR Memcons Dobrynin/President 2/17/69, Document 15–1969.
9. Sổ công tác của Đại tướng Văn Tiến Dũng [Рабочая тетрадь генерала армии Ван Тиен Зунга]. Bản đánh máy, lưu tại Ban Tổng kết lịch sử, Bộ Tổng tham mưu [Машинописная копия, хранящаяся в отделе изучения исторических документов Генерального штаба]. Tài liệu lưu trữ Bộ Quốc phòng, phòng Cục Tác chiến, hồ sơ 5247.
10. Zhai Qiang. China and the Vietnam Wars 1950–1975. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 2000.
11. Zhang Xiaoming. The Vietnam War, 1964–1969: A Chinese Perspective // *The Journal of Military History*. 1996. Vol. 60. No. 4 (October). P. 731–762.
12. Zhou Enlai and Pham Van Dong. Beijing, 1968.
13. Боговкова О.И. Вьетнамский вопрос в контексте советско-китайского раскола 1960–1970-х годов // *Актуальные проблемы вьетнамоведения*. 2018. М.: ИДВ РАН, 2018. С. 62–80.
14. Война во Вьетнаме: взгляд сквозь годы. М.: Институт военной истории Министерства обороны РФ, 2000.
15. Война во Вьетнаме... Как это было (1965–1973). М.: Институт военной истории Министерства обороны РФ, 2005.
16. Данг Ким Оань, Нгуен Тхи Май Хоа. СССР и Вьетнам на Парижских переговорах // *Вьетнамские исследования* (электронный журнал). Серия 2. 2018. № 3. С. 44–53.
17. Мазырин В.М. Крах сайгонского режима Нгуен Ван Тхьеу в Южном Вьетнаме (1965–1975). М.: Наука, 1978. 138 с.
18. Материалы XXIII съезда КПСС. М., 1966.
19. Огнетов И.А. На вьетнамском направлении. М., 2007.
20. Советский Союз — Вьетнам. 30 лет отношений. 1950–1980. М., 1982.
21. Советско-американские отношения: Годы разрядки. 1969–1976. М., 2007. Т.1.
22. Современный Вьетнам: справочник. М.: ИД «Форум», 2015. 368 с.
23. Ты Тхи Лоан. Роль «мягкой силы» в прекращении войны во Вьетнаме // *Актуальные проблемы вьетнамоведения*. 2018. М.: ИДВ РАН, 2018. С. 43–61.

References

1. Bogovkova O. I. *Vyetnamskiy vopros v kontekste sovetsko-kitayskogo raskola 1960-h — 1970-h godov // Aktual'nye problemy vyetnammedeniya*. 2018. [The Vietnamese question in the context of the Soviet-Chinese schism of the 1960s — 1970s // *Current problems of Vietnamese studies*. 2018]. Moscow: IDV RAN, 2018. P. 62–80. (In Russian).
2. Dang Kim Oanh, Nguyen Thi Mai Hoa. SSSR i Vyetnam na Parizhskih peregovorah // *Vyetnamskie issledovaniya* (elektronniy zhurnal). Seriya 2. [USSR and Vietnam at Paris Talks. *Vietnamese Studies* (Internet Journal)]. Series 2. 2018. № 3. P. 44–53. (In Russian).
3. Hồ sơ quan hệ Việt-Xô trong giai đoạn chống Mỹ, cứu nước (7–1954 đến tháng 4–1975). Viện Hồ Chí Minh, Học viện Chính trị — hành chính quốc gia Hồ Chí Minh. [Dossier on Vietnam-Soviet relations during the war against the Americans for the salvation of the Motherland (1954–1975). Ho Chi Minh Institute, the Ho Chi Minh State political Academy]. (In Vietnamese).
4. Kokshoorn Peter. *A Communist Love Triangle? Sino-Soviet-Vietnamese relations 1960–1968*. Master thesis. Utrecht University, 2013.
5. Lưu Văn Lợi, Nguyễn Anh Vũ. Các cuộc thương lượng Lê Đức Thọ — Kítxinghio tại Paris. [Talks of Le Duc tho and Kissinger in Paris]. Hanoi: Military publishing, 1996. (In Vietnamese).
6. Lưu Văn Lợi. *50 năm ngoại giao Việt Nam*. [Luu Van Loi. 50 years of Vietnamese diplomacy]. Hanoi: Political publ. house, 2002. (In Vietnamese).
7. *Materialy XXIII syezda KPSS*. [Materials of XXIII SPSU Congress]. Moscow, 1966. (In Russian).
8. Mazyrin V. M. *Krah saygonskogo rezhima Nguyen Van Thieu v Yuzhnom Vyetname (1965–1975)*. [The collapse of the Saigon regime of Nguyen Van Thieu in South Vietnam (1965–1975)]. Moscow: Nauka, 1978. 138 p. (In Russian).
9. Mazyrin Vladimir, Fforde Adam. *Soviet influence on Vietnamese development policy — some myths // Mythbusting Vietnam. Facts, Fictions, Fantasies*. Edited by Catherine Earl. Copenhagen: NiAS Press, 2018, 234 p.
10. Một số vấn đề về hệ giá trị Việt Nam trong giai đoạn hiện tại. Trần Ngọc Thêm chủ biên. [A number of problems of the value system in Vietnam. Ed. by Tran Ngoc Them]. Hochiminh city, 2015. 528 p. (In Vietnamese).
11. Nguyen Lien-Hang T. *Hanoi's War: An International History of the War for Peace in Vietnam*. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 2000.
12. Note from Soviet Leaders to President Nixon, February 17, 1969 // National Archives, Moscow Nixon Presidential Materials, NSC Files, Box 340, Subject Files, USSR Memcons Dobrynin/President 2/17/69, Document 15–1969.
13. Ognětov I. A. *Na Vyetnamskom napravlenii*. [On the Vietnamese Direction]. Moscow, 2007. (In Russian).
14. Sổ công tác của Đại tướng Văn Tiến Dũng [Army General Van Tien Dung's workbook]. Bản đánh máy, lưu tại Ban Tổng kết lịch sử, Bộ Tổng tham mưu. [Typewritten

copy kept in the Department of historical documents of the General staff]. Ministry of defense of Vietnam, file n. 5247. (In Vietnamese).

15. Sovetskiy Soyuz — Vyetnam. 30 let otnosheniy. 1950–1980. [Soviet Union — Vietnam. 30 years of relations. 1950–1980]. Moscow, 1982. (In Russian).

16. Sovetsko-amerikanskie otnosheniya: Gody razryadki. 1969–1976. [Soviet-American Relations: Years of Détente. 1969–1976]. Vol. 1. Moscow, 2007. (In Russian).

17. Sovremenniy Vyetnam. Spravochnik. [Modern Vietnam. Reference book]. Moscow: ID «Forum», 2015. 368 p. (In Russian).

18. Tu Thi Loan. Rol' «myagkoy sily» v prekraschenii voyny vo Vyetname // *Aktual'nyye problemy vyetnamovedeniya*. 2018. [The role of “soft power” in ending the war in Vietnam // *Current problems of Vietnamese studies*. 2018]. Moscow: IDV RAN, 2018. P. 43–61. (In Russian).

19. Voyna vo Vyetname: vzglyad skvoz' gody. [The war in Vietnam: Looking through the years]. Moscow: Institute of Military History of the Ministry of Defense of the Russian Federation, 2000. (In Russian).

20. Voyna vo Vyetname... Kak eto bylo (1965–1973). [The war in Vietnam... How It Was]. Moscow: Institute of Military History of the Ministry of Defense of the Russian Federation, 2005. (In Russian).

21. Zhai Qiang. China and the Vietnam Wars 1950–1975. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 2000.

22. Zhang Xiaoming. The Vietnam War, 1964 — 1969: A Chinese Perspective // *The Journal of Military History*. 1996. 60. No. 4 (October). P. 731–762.

23. Zhou Enlai and Pham Van Dong. Beijing, 1968.

Authors' information

Evgeniy V. Kobelev

PhD (History), Leading research fellow, the Centre of Vietnam and ASEAN studies, Institute of Far Eastern studies, RAS

32, Nakhimovskiy Prospekt, Moscow, 117997, Russia

E-mail: evgeny.kobelev@mail.ru

Vladimir M. Mazyrin

DSc (Economy), Head of the Centre of Vietnam and ASEAN studies, Institute of Far Eastern studies, RAS; professor, the Institute of Asian and African studies, MSU

11, Mokhovaya St., Moscow, 125009, Russia

E-mail: mazyrin_v@mail.ru

Информация об авторах

Кобелев Евгений Васильевич,
кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения Вьетнама и АСЕАН, ИДВ РАН
РФ, 117997, Москва, Нахимовский пр., 32
E-mail: evgeny.kobelev@mail.ru

Мазырин Владимир Моисеевич,
доктор экономических наук, руководитель Центра изучения Вьетнама и АСЕАН ИДВ РАН; профессор Института стран Азии и Африки МГУ
РФ, 125009, Москва, ул. Моховая, д. 11
E-mail: mazyrin_v@mail.ru

Elena Kolpachkova (FAAS, SPbU, St Petersburg, Russia)

Sources of Legal Terminology in Chinese

Summary: The aim of this research is to analyse the Chinese legal terminology and to trace its connection with other legal systems. The law of the People's Republic of China belongs to the continental system. It was formed after the founding of the People's Republic of China in 1949 on the basis of the legal system of the USSR, with a number of specific national features and a significant number of legal terms recently borrowed from other languages. The lexical stratum in legal Chinese consists of a unique core originated from domestic culture and terms borrowed from legal systems of European countries. This paper examines in chronological order the most important factors for the development of legal terminology in Chinese history.

Before the XX century, legal terminology in China was formed on the basis of Confucian categories and Confucian criminal codes, with the presumption of moral standards superseding the rule of law. In the framework of the doctrine of Legalism, the system of legal norms of Ancient China received a new impetus when Fajia established the written laws as the main source of law. Legislation in ancient China was officially called 刑 *xing* "criminal", although it could regulate any legal relations, including procedural, civil and administrative ones; violation of the rules entailed criminal punishment. Many provisions of the criminal law directly referred to the concepts and ethical standards set forth in the canonical literature.

Since the Middle Ages, China's legislative tradition has seen continuity of the legal framework when the dynasty changed. Starting from the Qing Empire, a judicial precedent as a source of law has been used more and more often.

As the judicial decisions made at higher courts were published and cited by lawyers and judges, they also acted as the source of terminology for legal practitioners. At the turn of the XX century, in the course of modernization and codification of the legal system of the Republic of China, a number of legal and economic terms from Japanese were borrowed into Chinese, thanks to the convenient hieroglyphic form that did not require significant adaptation in the recipient language. The next wave of law-making took place in the 1950s, when the PRC adopted the Romano-Germanic legal system and terminology from the USSR. Another wave of the last four decades started in the 1980s, was due to the economic reforms and openness in China.

The modern legal terminology is characterized by a significant number of lexical units recently borrowed from foreign languages. Both scholars and lawyers usually agree that the continuous inflow of new legal terms to Chinese hinders

the understanding of legal texts and presents serious difficulties because it makes these texts ambiguous and incomprehensive. Since legal interpretation of a term may differ from its literal meaning, the absence of an established terminology can cause misunderstanding, so the meaning of the borrowed terms has to be fixed in the dictionaries. Phonetic borrowings are found in the areas with some influence of Islamic law only, however they also tend to be replaced by semantic loans. This stratum includes vocabulary related to the legal culture of Chinese Muslims (marriages, family relations, community communication issues), and is supplemented by borrowings from the *fiqh* legal terminology used in China to describe the legal systems of Islamic states. There is a number of discrepancies between the legal vocabulary of mainland China and Hong Kong, due to the influence of the Anglo-Saxon legal tradition, which has taken root in Hong Kong during the century and a half of the British presence in those territories.

Keywords: Chinese language; Chinese legal terminology; Legislative tradition of China; law-making in China; Legal regulations of Ancient China; Chinese legalism; Confucian norms.

Колпачкова Е. Н. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ)

Источники юридической терминологии в китайском языке

Аннотация: В условиях презумпции норм морали над нормами права в Китае юридическая терминология до XX в. формировалась на базе конфуцианских категорий и уголовных уложений. Апелляция к закону была крайней и вынужденной мерой. Конфуцианство, в отличие от карательного по методам и тоталитарного по сути подхода легистов, стремилось предупреждать нарушения социального порядка превентивными мерами, путем воспитания и убеждения, а не принуждением или под угрозой кары. Однако именно в рамках легистского учения система правовых норм Древнего Китая получила новый импульс к развитию, именно «школа законников» поставила писаный закон 法 *фа* в центр системы как основной источник права, что в дальнейшем, после включения целого ряда легистских постулатов в конфуцианское учение, позволило оптимизировать правовое регулирование функционирования государственного аппарата в Китае.

Законодательство в Древнем Китае официально именовалось 刑 *син* «уголовным», хотя, по существу, могло регулировать и иные правовые отношения, включая процессуальные, гражданские и административные; нарушение норм влекло уголовное наказание. Многие положения уголовных уложений напрямую отсылали к понятиям и этическим нормам, изложенным в канонической литературе. Вся юридическая терминология была исконной, она черпалась из конфуцианских трактатов и нормативно-правовых актов властей.

Со Средних веков в законодательной традиции Китая наблюдается преемственность нормативной базы при создании правовых актов следующей династией. Начиная с эпохи Тан и появления первого кодифицированного

правового акта, регулирующего административные отношения, можно говорить о появлении четкого отраслевого деления системы права на уголовное и административное. Все чаще как источник в праве Цинской империи проявляется себя судебный прецедент.

На рубеже XIX–XX вв. в ходе модернизации и кодификации системы права Китайской Республики в китайский язык был заимствован целый ряд юридических и экономических терминов из японского языка, благодаря удобной иероглифической форме не потребовавших значительной адаптации в языке-реципиенте.

Следующие волны активного правотворчества пришлось на период становления КНР в 1950-х гг. и с началом реализации политики реформ и открытости в 1980-х гг. Переняв у Советского Союза романо-германскую модель права и соответствующую терминосистему, Китай пошел по пути поступательного и ограниченного расширения законодательной базы, используя в правовом регулировании преимущественно подзаконные акты. Ощутимые сдвиги произошли в системе нормативно-правовых актов КНР за последние четыре десятилетия с началом политики реформ и открытости, значительно модернизовавшей право нового Китая в современных социально-экономических условиях. Ныне функционирующая в КНР юридическая терминосистема характеризуется значительным числом лексических единиц, заимствованных путем калькирования из иностранных языков. Фонетические заимствования обнаруживаются лишь в регионах с присутствием исламского права (но и они имеют тенденцию к замене на более привычные для носителей китайского языка и иероглифической письменности кальки). Кроме того, существует ряд расхождений между правовой лексикой материкового Китая и Гонконга, что обусловлено влиянием англосаксонской правовой традиции, укоренившейся за полуторавековой период присутствия Великобритании на территории Гонконга, поскольку все принимаемые местные законодательные акты обязательно проходили утверждение британским парламентом.

Ключевые слова: китайский язык; китайская юридическая терминология; законодательная традиция Китая; китайское законотворчество; правовые нормы Древнего Китая; легизм в Китае; конфуцианские нормы.

Право КНР относится к континентальной системе и в нынешнем виде сформировалось после образования в 1949 году Китайской Народной Республики на базе правовой системы СССР с рядом национальных особенностей, обусловленных глубоко укоренившимися в сознании народа конфуцианскими представлениями о социальных нормах поведения, которые обеспечиваются прежде всего через понятие «лица» и страха его потери и только затем путем применения мер государственного принуждения, осуществляемого в рамках действующего позитивного права.

Для этой системы с момента установления конфуцианства в роли официальной идеологии типична презумпция норм морали над нормами права.

В ходе исторического становления централизованной власти в Китае, пройдя этап ожесточенного противоборства двух учений — конфуцианства и легизма, противостояния понятий высокой морали и писаного закона, противопоставления 禮 *ли* как системы социальных норм и 刑 *син* как системы принудительных мер, нацеленных на общую цель обеспечения порядка в государстве, произошел синтез двух подходов, позволивший укрепить конфуцианский базис социальных отношений путем наложения легистских представлений на систему государственного управления. С этого момента эффективным регулятором общественных отношений выступали именно социальные нормы, сложившиеся в рамках существовавших религиозно-философских учений в связи с провозглашением идеи самосовершенствования человека как существа социального. «Главной оперативной мерой обуздания дурных сторон человеческой природы и достижения социальной гармонии стали в конфуцианской теории так называемые *ли* 禮, трактовавшиеся как стереотипы поведения, соблюдать которые каждый воспитанный член общества обязан в силу морально-социального долга и 義»¹. Остальные источники права — нормативные правовые документы, правовой обычай и судебный прецедент — как внешние формы правотворческой деятельности становятся более значимыми в правовом регулировании не ранее эпохи династии Мин.

До XX века юридическая терминология в китайском языке формировалась волнообразно. В рамках конфуцианской идеологии изложение норм социальных отношений базировалось на понятиях, которые были представлены в канонических текстах, прежде всего в трактате 禮記 «Ли цзи» (I в. до н. э.), зафиксировавшем идеал поведения человека в социуме, а также целый ряд терминов, характеризовавших «достойного мужа» (君子 *цзюнь-цзы*) и его моральные ценности, реализуемые на принципах добровольности и добродетельности. В итоге эти внутренние нормы и предписания и сформировали жесткую систему этических установок, с помощью которых обеспечивалась стабильность общества и государства, например, самая тяжелая кара предусматривалась за сыновнюю непочтительность, то есть за нарушение социальной презумпции 孝 *сяо* «почитание родителей». Приоритетное место категории 禮 *ли* в системе общественного устройства Древнего Китая, которая на всем протяжении истории страны являла и до сих пор продолжает составлять основу внутривластной деятельности государства, определяет трактат «Ли цзи», по значимости и влиянию на китайский социум сопоставимый с Библией в христианском мире².

¹ Рыбаков В. М. Танская бюрократия. Ч. I: Генезис и структура. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2009. С. 45.

² Кейдун И. Б. Классический конфуцианский трактат «Ли цзи» и китайский ритуал конца XVII — начала XX в.: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2003.

Апелляция к закону была в Китае крайней и вынужденной мерой, конфуцианское учение, в отличие от карательного по методам и тоталитарного по сути подхода легистов, стремилось предупреждать нарушения социального порядка превентивными мерами, путем воспитания и убеждения, а не принуждением или под угрозой кары, но именно в рамках легистского учения система правовых норм Древнего Китая получила новый импульс к развитию. Первым концепцию управления государством на базе нормативных актов 法 *фа* обосновал основоположник легизма Гуань Чжун (管仲), живший в период Чуньцю (VIII–V вв. до н. э.). Именно ему принадлежит и авторство базового для китайской юридической терминосистемы понятия 法律 *фалюй* «право». Гуань Чжун объединил названия двух типов законов 法 *фа* и 律 *люй* в единое понятие, описывавшее всю систему правовых норм.

В истории Китая существовал целый ряд терминов для обозначения нормативных правовых актов, которые, в отличие от современной законодательной системы с ее строго иерархической структурой, были не системны, различаясь как по форме, так и по юридической силе. Самые ранние из дошедших до нас письменных источников права и правовых понятий представляли собой 刑 *син*. Этот вид нормативных актов, активно применявшихся в эпоху династий Ся, Шан, Западная Чжоу и период Чуньцю, был близок к 法 *фа* и в основном относился к уголовному праву, но еще не к системе наказаний. Законодательство в тот период официально именовалось 刑 *син* «уголовным», хотя по существу могло регулировать и иные правовые отношения, включая процессуальные, гражданские и административные, нарушение которых в любом случае влекло уголовные санкции.

Начиная с эпохи Чжаньго (V–III вв. до н. э.) 刑 *син* все чаще используется в значении «кара, казнь, наказание», это название начинают относить к сфере наказаний, в результате чего в законодательной системе 刑 *син* трансформируется в «уложения о наказаниях», то есть акты, регулировавшие уголовные и уголовно-процессуальные отношения с подробным описанием различных видов членовредительских по своей сути наказаний, включавших 肉刑 *жоу син* «телесные наказания» и 死刑 *сы син* «смертную казнь».

Были детально разработаны формы внесудебного разрешения споров, позволявшие конфликтующим сторонам избежать «потери лица» из-за огласки конфликта и осуждения со стороны общества путем разрешения спора без обращения в судебные инстанции. Нормы обычного права, регулировавшие различные аспекты социальных отношений, существовавших на общинном уровне, на ранних этапах в письменную форму системно не облекались, хотя в отдельных княжествах правовые акты, регулировавшие те или иные аспекты социальных или имущественных отношений или устанавливавшие правовые основания для этих отношений, принимались и имели именно документальную форму.

К началу реформ Шан Яна (商鞅) стандартной формой правового акта в Китае была 法 *фа*, которую по замыслу правителя области Шан следовало превратить в 律 *люй* (改法為律 *гай фа вэй люй*), что, собственно, он и сделал, создав на базе 法經 *фацзин* уложение циньских законов 秦律 *Цинь люй*. Государственные реформы периодов Чуньцю и Чжаньго унифицировали использование термина 法 *фа*, который стал применяться как родовой, например: 法經 *фацзин* «Свод законов» в царстве Вэй, 被廬之法 *бэй лю чжи фа* в царстве Цзинь. Именно на базе 法 *фа* позднее формируется понятие 法典 *фадянь* «кодекс».

Еще один термин, который входит в юридическую практику после реформ Шан Яна как форма правового акта с широкой сферой применения, это 律 *люй* «устав»: 田律 *Тянь люй* царства Цинь (по сути, первый в Древнем Китае нормативный документ, регулировавший отношения в сфере охраны природных ресурсов и экологии), 九章律 *цзю чжан люй* «Кодекс в девяти главах» династии Ранняя Хань. Начиная с династии Вэй в законодательной традиции Китая наблюдается преемственность нормативной базы при создании каждой последующей династией «Свода уголовных уложений»: 魏律 *Вэй люй* «Свод уголовных уложений Вэй», 晉律 *Цзинь люй* «Свод уголовных уложений Цзинь», 唐律 *Тан люй* «Свод уголовных уложений Тан», 大明律 *Да Мин люй* «Свод уголовных уложений Мин», 大清律 *Да Цин люй* «Свод уголовных уложений Цин».

Правоприменительная практика того времени опиралась на закрепленный в уложениях принцип верховенства ритуала 依禮制刑、禮法合一 *и ли чжи син, ли фа хэ и* «С помощью ритуала устанавливать наказание, ритуал и закон едины». В целом многие положения уголовных уложений напрямую отсылали к нормам 禮記 «Ли цзи», из которого черпались даже виды составов преступлений, например: 大不敬 *да бу цзин* «оскорбление старшего, дерзость»; 同居相隱 *тун цзюй сянь инь* «члены семьи друг друга покрывают» (принцип, запрещающий родственникам, живущим вместе, свидетельствовать против друг друга); 八議 *ба и* «восемь смягчающих обстоятельств» (при определении наказания); 五服制罪 *у фу чжи цзуй* «наказание определяется по 5 степеням траура» (принцип определения тяжести наказания в зависимости от степени родства, которая была закреплена в нормах ношения траура по усопшему).

В эпоху династии Тан (VII–IX вв.) появляется первый в истории Китая административный кодекс 唐六典 *Тан лю дянь* «Шесть уложений Тан». Его название 典 *дянь* восходит к трактату 周禮 *Чжоу ли* «Чжоуские ритуалы», тексту предшествовавшему «Ли цзи». В разделе 天官 *Тянь гуань* «Небесные чиновники» 周禮 «Чжоу ли» говорится о 六典 *лю дянь* «Шести кодексах», определяющих различные аспекты функционирования идеальной политической системы. Использованием этого термина танские законодатели стремились подчеркнуть преемственность традиций между совершенномудрыми правителями древности и правотворчеством соответствующей эпохи. После появления административного кодекса 唐六典 *Тан лю дянь* и целого пласта кодифици-

рованных документов в дальнейшем в императорском Китае начинает четко прослеживаться деление на право уголовное 律 *люй* и право административное 令 *лин*. Термин 令 *лин* «указ» восходит к названию одного из подзаконных актов — распоряжений, издаваемых правителем по конкретному вопросу, т.е. изначально в системе нормативных актов 令 *лин* представлял собой документ вспомогательного характера, служил дополнением к 律 *люй*.

В дальнейшем тенденция разделения китайского права по отраслевому признаку сохранялась. Во время последней династии источниками правовых норм и понятий были два свода законов. 大清律 *Дацин люй* «Свод уголовных уложений Цин» (1646) определял составы преступлений, виды наказаний, смягчающие обстоятельства, способы разрешения гражданских споров и др. Этот свод, отмененный в Китае в начале XX в., в Гонконге продолжал действовать до 1972 года. Систематизированный свод административных законов 清會典 *Цин хуэй дянь* пересматривался и дополнялся при Цин пять раз, содержал нормы регулирования государственно-правовых и административных отношений, был снабжен систематизированным сборником прецедентных решений.

В разные эпохи существовали и иные формы правовых актов, регулировавших деятельность госаппарата и широко применявшихся в административной сфере: 式 *ши*, 格 *гэ*, 詔 *чжао*, 誥 *гао*, 命 *мин* и др. Судебные решения выносились в форме 科 *кэ*, 敕 *чи* и 格 *гэ*. В случае пробела в праве использовалась аналогия закона и применялась норма, регулирующая сходные случаи; подобные решения назывались 比 *би* «сравнение, аналогия».

Судебный прецедент был источником права в Древнем Китае и раньше, соответствующие решения, вынесенные по принципу 例 *ли* «пример», в ходе правоприменительной практики в эпоху династии Хань оформились в особый вид правового акта, до этого бытовали термины 廷行事 *тин синши*, 故事 *гуши*. В целом к эпохе династии Мин судебное правотворчество фактически стало полноценным источником права в Китае, а во время последней династии, Цин, юридическая сила судебного прецедента 例 *ли* уже превышала силу нормативно-правового акта 律 *люй*.

Новая волна правотворчества в Китае пришлось на конец XIX в., когда ориентация была главным образом на японское законодательство, в результате чего в китайский язык был заимствован целый ряд юридических и экономических терминов, существовавших в японском языке в удобной для Китая иероглифической форме и не требовавших адаптации в языке-реципиенте. После Синьхайской революции началась модернизация китайского права, была принята «Временная конституция» компилятивного типа, составленная преимущественно по западноевропейским образцам, последовала отраслевая кодификация, основанная на европейском опыте. Однако усилия по систематизации права первой половины XX в. были сведены на нет отменой всех дей-

ствовавших на тот момент законов с провозглашением в 1949 году Китайской Народной Республики.

Новый виток правотворчества был связан с переориентацией на опыт построения социалистической правовой системы в СССР: сначала были приняты законы, регулировавшие правовые отношения в отдельных отраслях и институтах права, представленные как очень ограниченно кодифицированные акты правотворчества, что актуально и на сегодняшний день. В целом на фоне других стран законодательство КНР в техническом плане менее развито, для правовой системы Китая типично относительно небольшое число нормативно-правовых актов, имеющих статус закона, объясняется это стремлением китайских властей использовать в правовом регулировании подзаконные акты, позволяющие более оперативно реагировать на меняющуюся ситуацию.

Трудности становления юридической терминологии как искусственно формируемого лексического пласта, включающего совокупность устоявшихся в ходе правотворческой и правоприменительной практики терминов, связаны как с лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами. В условиях отсутствия длительной традиции системного законотворчества в стране, где правосознание и правовое поведение человека в социуме вторично по отношению к нормам морали, современная юридическая терминология является результатом наложения идеологических установок КПК на философские понятия конфуцианства и легизма, а также использования терминологии китайской исторической науки и иностранных заимствований.

Как уже не раз отмечалось в литературе, яркой особенностью правовой системы Китая до сих пор является расплывчатость и неконкретизированность правовых норм¹. С началом целенаправленной работы по формированию правовой терминотерминологии, очень политизированной по своей природе, ситуация улучшилась, хотя, безусловно, в первые годы нового Китая, а также сразу после Культурной революции, когда в 1979 году страна встала на рельсы преобразований и пошла по пути реформ и открытости, в нормативно-правовых актах наблюдались неоднозначные, довольно расплывчатые формулировки, допускавшие различные толкования, что, естественно, не отвечало требованию однозначности в терминологии.

С точки зрения происхождения, в юридической терминологии обнаруживаются исконно китайские слова, однако в современной правовой лексике китайского языка присутствует внушительный пласт заимствований. К исконно китайским терминам относятся 義務 *ю* «обязанность», 自首 *цзышоу* «явка с повинной», 大赦 *дашэ* «общая амнистия», 訴狀 *сучжэуан* «исковое заявление».

¹ Трошинский П. В. Право и традиция современного Китая // Материалы Всероссийской научной конференции Центра изучения новейшей истории Китая и его отношений с Россией ИДВ РАН. М., 2016. С. 50–63.

С 1980-х гг. в юридической терминологии в Китае наблюдается новая волна заимствований из иностранных языков. Среди возможных способов рецепции в данном лексическом пласте фонетические заимствования присутствуют только в части исламского права, в остальных областях преобладает калькирование, т. е. построение лексических единиц по образцу соответствующих слов иностранного языка путем перевода их значимых частей или заимствование отдельных значений слов. На современном этапе термины заимствуются из разных языков. Например, в 合同法 *хэтуньфа* «Закон о договорах» (1999) присутствует целый ряд новых иностранных заимствований из немецкого, латинского и английского языков: 無權處分 *уцюань чуфэнь* «без права распоряжения» от нем. *kein Verfügungsrecht*; 同時履行抗辯 *тушунши люйсин канбянь* «возражение о неисполнении контрагентом договорных обязательств» от лат. *Exceptio non adimpleti contractus*; 代位權 *дайвэйцзюань* «право на суброгацию» от англ. *Right of subrogation*. Это, с одной стороны, свидетельствует о расширяющейся открытости китайской правовой терминосистемы, но, с другой стороны, создает объективные трудности для практики правоприменения, поскольку значение заимствованных терминов не закреплено в словарях, они оказываются недоступными для носителей языка, кроме того, даже если их понимание не составляет труда, отсутствие закрепленного значения может вызвать конфликт понимания. Министерство юстиции КНР уже не раз критически высказывалось в отношении тенденции современной юридической терминологии заимствовать термины из западных языков, превращающих, по мнению чиновников, китайский юридический язык в пиджин.

Еще одной проблемой является наличие расхождений в юридической терминологии между материковым Китаем и Гонконгом, более века находившемся под колониальным господством Великобритании, то есть в рамках иной системы права. Это привело и к расхождениям в терминологической лексике:

	КНР	Гонконг
Anti-unfair competition law	反不正当竞争法 (反不當競爭法)	公平交易法
Civil wrong	过错 (過錯)	民事過失
Judicial review	行政诉讼 (行政訴訟)	司法復核
Scheme of arrangement	和解协议 (和解協議)	債務償還安排
Stay of proceedings	中止诉讼 (中止訴訟)	擱置法律程序

Особое место в системе права КНР занимает исламское право, регулирующее ряд аспектов жизни этноса хуэй, исповедующего ислам, и других национальных меньшинств, проживающих на территории СУАР (уйгуров, казахов и киргизов). Этот пласт включает лексику, описывающую правовую культуру.

туру китайских мусульман (браки, семейные отношения, внутриобщинные вопросы), и пополняется за счет заимствований из правовой терминологии фикха, используемой в Китае для описания правовых систем исламских государств. Эта часть китайской терминосистемы характеризуется наличием фонетических заимствований, в силу отсутствия соответствующих понятий в традиционной культуре Китая, однако со временем и эти термины все равно дополняются семантическими кальками:

Исходный термин	Транскрипция	Фонетическое заимствование	Калька	Значение
قياس	qiyās	格亞斯 гэясы	援例 юаньли	«на основании прецедента»
استصلاح	istislah	伊斯提斯拉赫 исытисылахэ	公益 гунъи	«общее благо»
استحسان	istihsān	伊斯提哈桑 исытихасан	優選 юсянь	«наилучший выбор»

Таким образом, юридическая терминология, сложившаяся в рамках правовой системы КНР, по внешней форме представляет собой романо-германскую модель, однако, по существу, несет ощутимый отпечаток конфуцианских представлений о морали и правовой культуре, где правовой акт призван выполнять не регулирующую, а преимущественно карающую функцию. Основу правовой системы Китая долгое время составляло именно уголовное законодательство, что на фоне общенационального культивирования добродетели и следования ритуалу 禮 ли развило у жителей Китая стойкое стремление избегать явных нарушений существующих норм и не соприкасаться с уголовными уложениями. На современном этапе в рамках заимствованной у Советского Союза романо-германской модели права терминотворческая деятельность в Китае ведется преимущественно через заимствование (в основном путем калькирования).

Литература

1. Кейдун И. Б. Классический конфуцианский трактат «Ли цзи» и китайский ритуал конца XVII — начала XX в.: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2003.
2. Очиров О. Р. Терминология современного китайского языка // *Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета*. 2009. № 3. С. 236–238.
3. Переломов Л. С. Конфуцианство и легизм в политической истории Китая. М., 1981.

4. Рыбаков В. М. Танская бюрократия. Ч. 1: Генезис и структура. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2009.
5. Трощинский П. В. Основные этапы формирования правовой системы Китайской Народной Республики // *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. 2012. № 4. С. 69–79.
6. Трощинский П. В. Право и традиция современного Китая // Материалы Всероссийской научной конференции Центра изучения новейшей истории Китая и его отношений с Россией ИДВ РАН. М., 2016. С. 50–63.
7. Хижняк С. П. Юридическая лингвистика. Саратов, 2009.
8. 浦法仁 應用法律詞典 北京, 2015. *Pǔ Fǎrén Yìngyòng fǎlǜ cídiǎn Běijīng*, 2015. Пу Фажэнь. Прикладной юридический словарь. Пекин, 2015.
9. 信春鷹 法律辭典 北京, 2004. *Xìn Chūnyīng Fǎlǜ cídiǎn Běijīng*, 2004. Синь Чуньинь (ред.) Словарь юридической лексики. Пекин, 2004.
10. 方流芳 翻譯和外來法律術語, 《法學翻譯與中國法的現代化: “美國法律文庫暨法學翻譯與法律變遷”研討會紀實》北京, 2005, 15–18頁. *Fāng Liúfāng Fǎnyì hé wàilái fǎlǜ shùyǔ*, “*Fǎxué fānyì yǔ zhōngguó fǎ de xiàndàihuà: “Měiguó fǎlǜ wénkù jì fǎxué fānyì yǔ fǎlǜ biànciān” yántǎo huì jìshí*”, *Běijīng*, 2005. Фан Люфан. Перевод и иностранные терминологические заимствования в праве // Юридический перевод и модернизация китайского права: материалы семинара «American Law Library: юридический перевод и изменения в законодательстве». Пекин, 2005. С. 15–18.

References

1. Fang Liufang *Fānyì hé wàilái fǎlǜ shùyǔ* [Translation and Foreign Terminological Borrowings in Law // Legal Translation and Modernization of Chinese Law: Proceedings of the Seminar “American Law Library: Legal Translation and Legislative Changes”]. Beijing, 2005. P. 15–18. (In Chinese).
2. Keidun I. B. *Klassicheskiy konfutsianskiy traktat “Liji” i kitayskiy ritual kontsa XVII — nachala XX vv.* [Confucian treatise “Liji” and Chinese ritual of the XVII–XX centuries]. Abstract of PhD Dissertation (History). St Petersburg, 2003. (In Russian).
3. Khizhnyak S. P. *Yuridicheskaya lingvistika* [Legal linguistics]. Saratov, 2009. (In Russian).
4. Ochirov O. R. *Terminologiya sovremennogo kitayskogo yazyka* [Terminology of the modern Chinese language] // *Bulletin of the Transbaikal State University of Humanities and Education*. 2009. № 3. P. 236–238. (In Russian).
5. Perelomov L. S. *Konfutsianstvo i legizm v politicheskoy istorii Kitaya* [Confucianism and Legalism in the Political History of China]. Moscow, 1981. (In Russian).
6. Pu Faren. *Yìngyòng fǎlǜ cídiǎn* [Applied legal dictionary]. Beijing, 2015. (In Chinese).

7. Rybakov V. M. Tanskaya byurokratiya. Chast' 1: Genezis i struktura [The Tang Bureaucracy. Part 1: Genesis and structure]. St Petersburg: Peterburgskoye vostokovedeniye, 2009. (In Russian).

8. Troshchinskiy P. V. Osnovnye etapy formirovaniya pravovoy sistemy Kitayskoy Narodnoy Respubliki [Main stages of formation of the legal system of the People's Republic of China] // *Journal of foreign legislation and comparative jurisprudence*. 2012. №4. С. 69–79. (In Russian).

9. Troshchinsky P. V. Pravo i traditsiya sovremennogo Kitaya [Law and tradition of modern China] // Proceedings of the All-Russian Scientific Conference of the Center for the Study of the Contemporary History of China and its Relations with Russia, the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. Moscow, 2016. P. 50–63. (In Russian).

10. Xin Shunying (eds.). Fǎlǔ cǐdiǎn [Legal dictionary]. Beijing, 2004. (In Chinese).

Author's information

Elena Kolpachkova

PhD (Philology), Associate Professor, Department of Chinese Philology,
Faculty of Asian and African Studies, St Petersburg University

11, Universitetskaya nab., St Petersburg, 199034, Russia

E-mail: ekolpachkova@gmail.com

Информация об авторе

Колпачкова Елена Николаевна

кандидат филологических наук, доцент, кафедра китайской филологии,
Восточный факультет, СПбГУ

РФ, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 11

E-mail: ekolpachkova@gmail.com

Marina P. Kukla, Valentin I. Voloshchak (FEFU, Vladivostok, Russia)

Political Discourse in the Republic of Korea: Analyzing Presidents' Budget Addresses¹

Summary: The paper presents a practical application of the discourse analysis approach in examining contemporary political and economic processes of the Republic of Korea (ROK). The methodological framework for the research is based on key provisions of the communication theory, discourse studies and functional stylistics. Using this approach, along with historical and comparative methods of the text analysis, the authors explore the transformation process of South Korean presidents' discursive practices in the light of the South Korean shift to the welfare state model.

The purpose of the study is to outline lexical and stylistic devices used for political and economic discourse in the speeches of ROK's presidents. In order to assess the characteristics of presidents' discursive practices, an attempt is made to examine the structural organization and expressive elements of presidents' speeches. The authors provided the selected quotes with translations and comments, as well as identified changes in the political discourse and their relation to the transformation of state policy. The primary sources for the paper are 2003–2019 Republic of Korea's presidents' budget addresses, in which the speakers assess the South Korean economic situation and try to formulate the vision of the future economic development policy. It is argued that the concise style of Roh Moo-hyun 2003–2008 budget addresses has gradually changed to the sophisticated and metaphorical discourse of Moon Jae-in, which is intended to persuade the Korean people to believe that the interests of the population are the Government's priority.

The authors conclude that the transformation of the presidents' discourse reveals the complexity of the economic climate in ROK and a dual task of country's leadership — to reassure the public through empathy (to convince people that the protection of their interests is a national priority) without making any clear statements regarding the methods to build welfare economics. Another element of the presidential discourse is the persistence of export-oriented model of economy. In spite of the attempts to present the domestic demand as a basis of economic growth

---

¹ This work was supported by the Core University Program for Korean Studies through the Ministry of Education of the Republic of the Korea and Korean Studies Promotion Service of the Academy of Korean Studies (AKS-2015-OLU-2250003).

(in Lee Myong-bak and Park Geun-hye discourses), the former remains still relevant, since it helps to unite the Korean people by constructing the images of external “enemies”, namely the growing protectionist tendencies, trade wars and general slowdown of world economic growth.

The research results provide a basis for further study of the political and economic discourse in ROK, with a particular emphasis on such topical concepts as “crisis”, “development” and “success”, which are of a paramount importance for the modern Korean society.

Keywords: Republic of Korea; Korean economic policy; budget; crisis; discourse analysis.

Кукла М. П., Волощак В. И. (ВИ-ШРМИ ДВФУ, Владивосток, РФ)

Анализ политического дискурса Южной Кореи (на материале бюджетных посланий президентов)

Аннотация: В настоящей работе рассматриваются вопросы применения основных положений теории коммуникации, теории дискурса и функциональной стилистики при изучении современных экономических и политических процессов Республики Корея. Методологическую основу исследования составили такие методы анализа текста, как дискурсивный, сравнительно-сопоставительный и историко-сопоставительный. Сочетание этих методов дает интересные результаты на материале экономических текстов, так как непростая экономическая ситуация в Корее осложняется противоречиями между различными субъектами экономики и политическими акторами.

Целью исследования является описание лексико-стилистических средств организации экономико-политического дискурса президентов Республики Корея на примере бюджетных посланий 2003–2019 гг., оценивающих состояние экономики страны и формулирующих модель экономического развития. Предпринята также попытка сопоставительного анализа выступлений Мун Чжэина и премьер-министра Ли Нагёна, приуроченных к началу 2019 г. Выбранный в качестве хронологических рамок исследования период характеризуется особой сложностью определения приоритетов экономической политики государства на стадии постиндустриального развития экономики.

По результатам проведенного анализа политических текстов авторы приводят отдельные цитаты из бюджетных посланий президентов РК, их переводы и комментарии к ним, а также дают оценку трансформации политического дискурса на основе интерпретации выбранных президентами Республики Корея коммуникативных стратегий и языковых средств с точки зрения их соотношения с поставленными политическими задачами. Авторы приходят к выводу, что изменения в президентском дискурсе отражают сложную ситуацию в стране и двойную задачу руководства — успокоить народ через сопереживание, не делая четких заявлений относительно методов построения экономики благосостоя-

ния по образцу развитых стран. Второй дискурсивный элемент — сохранение ориентации на экспортно-ориентированную модель развития, которая даёт возможность сплотить население, создав образ внешних «врагов», каковыми в нынешних условиях представляются растущий протекционизм и замедление экономического развития мировой экономики.

Результаты исследования дают основу для дальнейшего изучения концептов президентского экономического дискурса РК, отражающих наиболее критичные на сегодняшний день проблемы южнокорейского общества, таких как «кризис», «развитие», «успех».

Ключевые слова: Республика Корея; экономическая политика Кореи; бюджет; кризис; дискурс-анализ.

Передовая по мировым меркам цифровизация южнокорейского общества, богатство дискурсивного пространства дают исследователю возможности интерпретации социополитических процессов в Республике Корея как с точки зрения лингвистики, так и политики. Прямой доступ к актуальной информации и её разнообразие — видеозаписи выступлений лидеров Кореи, архивные и актуальные материалы, широкий ассортимент южнокорейских СМИ различной направленности — с одной стороны, представляют широкое поле для исследования, а с другой — нередко затрудняют объективную оценку происходящего.

Насущной проблемой является недостаток *объективной* информации и существенный лаг в восприятии актуальных тенденций политико-экономических процессов стран Корейского полуострова. Как представления обывателя, так и взгляд профессионального сообщества не всегда успевают за изменениями в экономико-политической ситуации в Южной Корее. Это приводит к завышенным ожиданиям в отношении взаимодействия с этой страной, невозможности обеспечить координацию интересов России и Южной Кореи, снижению возможностей экономической дипломатии России как на двусторонних треках, так и на региональных.

Возможность дать объективную оценку происходящим в Южной Корее процессам с точки зрения политики предоставляет дискурс-анализ, один из наиболее востребованных на сегодняшний день методов интерпретации источников в политической сфере. Интересные результаты этот метод даёт на материале экономических исследований, так как непростая экономическая ситуация в Корее осложняется противоречиями между различными субъектами экономики и политическими акторами.

Конфликт между бизнесом и наёмными работниками, крупным бизнесом и правительством, противоречия между крупным и малым бизнесом, между стремлением удержаться в рамках традиционной экспортно-ориентированной стратегии и нарастающими торговыми конфликтами

в мировой экономике — все это ставит руководство Южной Кореи в весьма непростое положение. Правительству необходимо, во-первых, определить траекторию будущего развития, так как привычная и зарекомендовавшая себя как успешная экспортно-ориентированная модель в условиях кризиса свободной торговли перестала приносить ожидаемые результаты. Во-вторых, необходимо убедить население в реальности преодоления тупиковой экономической ситуации, смягчая многочисленные конфликты в политической и экономической сфере.

Традиционные параметры экономического развития, определяемые правительством Южной Кореи сохраняются. Это положительный экономический рост и рост экспорта. Однако в последнее десятилетие на первое место выходят и социальные параметры экономического развития — правительство страны ставит перед собой задачу добиться уровня благосостояния, сопоставимого с развитыми европейскими державами. Наиболее острый вопрос при этом заключается в том, за счет чего будет финансироваться социальная поддержка. С точки зрения экономической теории существуют две возможности — повышение налогов и наращивание государственного долга. Правительству необходимо выбрать один из источников обеспечения социального роста, либо отказаться от него. Таковую ситуацию иногда называют «финансовой трилеммой». Как представляется из оценки преобразований, происходящих в экономике, правительство определенно склоняется к первому варианту финансирования социального благосостояния — росту налогового бремени.

Важно подчеркнуть, что растущее налоговое бремя одинаково бьет как по крупному бизнесу, так и по рядовым гражданам. Однако у крупного бизнеса есть больше возможность нивелировать отрицательные последствия этой ситуации, выводя за границу производства, тогда как у населения такой возможности в широком смысле нет. В качестве компенсации государство планирует создать благоприятные условия для инвестирования внутри страны для бизнеса, и систему социальной поддержки европейского уровня для населения.

Напомним, что острые конфликты в обществе, неравенство различных экономических субъектов, проблемы старения и долга домохозяйств вынуждают руководителей страны быть предельно осторожными в своих высказываниях, чтобы не обострить эти конфликты.

Вопрос о том, какое же отражение данная проблема находит в президентском экономическом дискурсе, и составляет предмет настоящего исследования. Задачи, стоящие перед исследователями, заключаются в поиске динамических изменений или в опровержении гипотезы об их наличии в политико-экономическом дискурсе президентов Республики Корея.

Методологическую основу исследования составили основные положения теории дискурса. Используются такие методы анализа текста как дискурсив-

ный, сравнительно-сопоставительный и историко-сопоставительный метод. Дискурс-анализ уже зарекомендовал себя как междисциплинарный подход, который оформился на пересечении лингвокультурологии и социолингвистики, впитав в себя различные методики гуманитарных наук: философии, психологии, риторики, политологии, языкознания, социологии и других. В рамках данного исследования предпринята попытка оценить характер речевой практики президентов Республики Корея, рассмотрев отдельные формулировки на предмет их структурной организации, языковой выразительности и тональности с целью сделать вывод о характере изменений в политическом курсе государства и их взаимосвязи с существующими речевыми практиками. По результатам анализа политических текстов авторы приводят отдельные цитаты с высказываниями президентов РК, их переводы и комментарии к ним, а также дают оценку трансформации политического дискурса на основе интерпретации выбранных президентами Республики Корея коммуникативных стратегий и языковых средств с точки зрения их соотношения с поставленными политическими задачами.

Авторы многочисленных работ последних лет пользуются термином «политический дискурс», определяя его по-разному, при этом до сих пор существует множество расхождений в трактовке самого понятия «дискурс» и в подходах определения его места в ряду уже устоявшихся терминов, но, тем не менее, именно дискурсивный подход к сфере политической коммуникации оказывается особенно плодотворным. В нашем исследовании мы понимаем политический дискурс как совокупность текстов политической тематики.

Такая постановка задач в корееведческих исследованиях, предоставляющих интересный материал, встречается не впервые.

Так, заслуживает упоминания исследование С. О. Курбанова¹, в котором автор предлагает использование «многомерного анализа текстов» при изучении публичной речи. По замыслу автора, применение этого подхода, учитывающего три уровня (измерения) прочтения текста — непосредственное, культурологическое, хронологическое — позволяет извлечь наиболее полную информацию из источников. На материале публичной речи лидера КНДР Ким Ченгына 15 апреля 2012 г. автор анализирует произведенные северокорейским лидером высказывания, рассмотрев их в трех измерениях и придя к выводу о том, что комбинация разных уровней прочтения помогает найти новую информацию в речи и сделать вывод об отражении изменений политического курса в дискурсе Ким Ченгына.

---

¹ Курбанов С. О. Многомерный анализ текста как способ извлечения информации из первоисточников (на примере первой публичной речи лидера КНДР Ким Ченгына 15 апреля 2012 г.) // *Вестник Центра корейского языка и культуры*. 2013. Вып. 15. С. 100–107.

В работе Е. В. Ли¹ автор апеллирует к «стратегии самопрезентации в предвыборном дискурсе Пак Кынхе» и предпринимает попытку дать оценку эффективности предвыборной стратегии её в президентской гонке. В работе формулируются тактики самопрезентации в предвыборном дискурсе Пак Кынхе (самореклама, апелляция к сочувствию, лесть, запугивание), дается оценка методам самопрезентации кандидата. Е. В. Ли приходит к выводу, что реализованная Пак Кынхе в предвыборном дискурсе стратегия самопрезентации оказалась успешной.

В исследовании А. М. Каплуненко и В. В. Вишняковой² анализируются тексты бюджетных посланий президентов Республики Корея и выявляются особенности организации этих текстов, прежде всего используемых с целью воздействия на аудиторию. Авторы исследования приходят к выводу о том, что со сменой экономической ситуации в Корее меняется и приоритетный адресат в политическом дискурсе (избиратели — в периоды кризисов, парламент/правительство — в условиях стабильности). По мнению исследователей, «в качестве ведущего фактора иллюкутивной силы персуазивов преобладают популистские апелляции к ценностям»³.

В ходе настоящего исследования проанализированы бюджетные послания президентов парламенту президентов Но Мухёна (2003–2007), Ли Мёнбака (2007–2012), Пак Кынхе (2013–2017), Мун Чжэина (2017 — н. вр). Проведена также попытка сопоставительного анализа выступлений Мун Чжэина, а также премьер-министра Ли Нагъёна, приуроченных к началу 2019 г. Глубина исследования (2003–2019 гг.) представляет возможность показать, изменился ли президентский дискурс в отношении оценки экономической ситуации в наиболее сложный с точки зрения определения приоритетов экономической политики период постиндустриального развития. В качестве **цели исследования** выделяется описание лексико-стилистических средств организации экономико-политического дискурса президентов Республики Корея на примере бюджетных посланий 2003–2019 гг., оценивающих состояние экономики страны и формулирующих модель экономического развития начиная с периода преодоления валютно-финансового кризиса конца 1990-х гг.

---

¹ Ли Е. В. Реализация стратегии самопрезентации в южнокорейском политическом дискурсе / Политический дискурс в парадигме научных исследований. II Международная научно-практическая конференция. Тюменский государственный университет, Институт филологии и журналистики. 2015. С.74–83.

² Каплуненко А. М., Вишнякова В. В. Об эффективности употребления речевых приемов убеждения в бюджетных посланиях президентов Республики Корея // *Проблемы Дальнего Востока*. 2019. №3. С.84–89.

³ Там же. С. 87.

***

Бюджетное послание президента Республики Корея традиционно проводится в середине осени (в конце октября — начале ноября). Все высказывания, как правило, структурно построены по одному принципу — в первой части выступления приводится общая оценка достижений, успехов и генеральной линии руководства, вторая посвящена собственно бюджетным деталям — на что и куда потратятся деньги. Именно в первой части бюджетных посланий формулируются важные дискурсивные маркеры, которые относятся к общей оценке социальноэкономической ситуации, определяется степень серьезности и причины экономических проблем, объем стоящих перед обществом задач. Большую по объему часть посланий составляет информация о структуре расходной части бюджета — куда и на что планируется расходовать бюджет. О наполняемости доходной части упоминается лишь опосредованно — через успехи внешней торговли, прорывы в промышленности или сфере услуг.

Приведем наиболее примечательные с точки зрения нашего анализа формулировки, содержащиеся в выступлениях президентов Южной Кореи.

2003 г. Выступление президента Но Мухёна с обоснованием необходимости выделения дополнительного бюджета¹ сформулировано сухим и лаконичным, даже канцелярским языком.

«최근 세계 경제는 이라크 전쟁의 종결로 경제심리는 다소 회복되었으나, 주요 선진국의 경제는 여전히 부진한 상황입니다». [Благодаря окончанию войны в Ираке мировая экономика восстановилась, однако развитые страны все еще переживают период застоя.]

우리 경제 또한 대내외 여건의 악화로 어려움을 겪고 있습니다. 투자와 소비의 위축 추세가 지속되고 최근 들어서는 수출여건도 나빠지고 있습니다. [Наша экономика также переживает сложности из-за ухудшения внутренних и внешних условий. Сохраняется отрицательная динамика инвестиций и потребления, ухудшаются условия экспорта.]

이에 따라 청년실업률이 높아지고 서민과 중산층의 경제적 어려움이 가중되고 있으며 수출·중소기업의 경영여건도 악화되고 있습니다. [Вслед за этим растёт безработица среди молодежи, усугубляются проблемы среднего класса, ухудшаются условия работы малого и среднего бизнеса.]

¹ 2003년도 제1회 추가경정예산안 제출에 즈음한. [Речь о выделении дополнительного бюджета на 2003 г.]. URL: <http://www.korea.kr/archive/speechView.do?newsId=132012338&cateId=2&pageIndex=1&srchType=title&srchKeyword=시정> (дата обращения: 19.09.2019).

2004 г. Регулярное бюджетное послание президента Но Мухёна парламенту РК¹

더구나 앞으로 고유가가 지속되면 내년에는 수출 증가세마저 다소 둔화될 것으로 전망되어 내수 확대가 필요합니다. *[Необходимо расширение внутреннего спроса, так как ожидается, что динамика роста экспорта как минимум замедлится в следующем году, если цены на нефтепродукты будут сохраняться на высоком уровне.]*

그러나 여전히 중소기업과 서민들이 느끼는 체감경기는 매우 안 좋습니다. *[То, что ощущают на себе малый и средний бизнес, а также простые граждане, — очень неприятно.]*

문제는 경제시스템입니다. *[Проблема в экономической системе.]*

우리 경제가 당면한 어려움과 문제점을 근본적으로 극복할 수 있는 중장기 전략이 필요합니다. 산업 전반의 효율성 향상을 통해 성장잠재력을 확충하는 혁신주도형 경제로 가야 합니다. *[Нам нужна среднесрочная стратегия, чтобы фундаментально преодолеть трудности и проблемы, стоящие перед нашей экономикой. Нам нужно перейти к инновационной экономике, которая расширяет потенциал роста за счет повышения эффективности в промышленности.]*

시간이 넉넉하지도 않습니다. 우리가 선진국과의 기술격차를 따라잡는 속도보다, 중국 등 개발도상국들은 더욱 빠르게 추격해 오고 있습니다. 뿐만 아니라 우리나라는 세계에서 유례가 없을 만큼 빠른 속도로 인구 고령화가 진행되고 있습니다. *[Времени у нас недостаточно. Развивающиеся страны, такие как Китай, быстрее преодолевают технологический разрыв с развитыми странами, чем мы. Кроме того, Корея стареет с беспрецедентной по мировым меркам скоростью.]*

2005 г. Представление бюджета на 2006 г. и плана управления средствами президентом Но Мухёном парламенту РК². Речь выглядит сложнее предыдущих в плане формулировок, используются отсылки к предыдущим выступлениям. Причинами проблем в экономике называются внутренние проблемы.

¹ 정기국회 시정연설. [Регулярное послание парламенту, 2004 г.]. URL: <http://www.korea.kr/archive/speechView.do?newsId=132012553&catId=2&pageIndex=1&srchType=title&srchKeyword=시정> (дата обращения: 19.09.2019).

² 2006년도 예산안 및 기금운용계획안 제출에 즈음한 국회 시정연설. [Послание президента парламенту о проекте бюджета и плана расходования средств, 2006 г.]. URL: <http://www.korea.kr/archive/speechView.do?newsId=132012736&catId=2&pageIndex=1&srchType=title&srchKeyword=시정> (дата обращения: 19.09.2019).

돌이켜보면 참여정부 전반기는 카드채와 신용불량자 문제, 내수위축과 양극화 추세, 북핵위기, 정치·사회적 갈등구조 등 당면한 문제를 해결하면서 미래를 착실하게 준비해 온 시기였습니다. *[Оглядываясь назад, понимаешь, что предыдущая администрация готовилась к будущему, решая разнообразные проблемы: задолженность физических лиц, сокращение внутреннего спроса и рост имущественного расслоения, конфликты, ядерный кризис, социально-политические конфликты.]*

무엇보다 신용위기 등 경제 불안을 해소하고 경제시스템을 정상화시키는 한편, 경제의 견실한 회복과 민생안정을 위해 노력해 왔습니다. *[Более всего внимание уделялось восстановлению экономики и стабильности системы общественного благосостояния, борьбе с кредитным кризисом и нестабильностью экономики, нормализации экономической системы.]*

그러나 아직도 해결해야 할 과제가 많습니다. 명실상부한 선진국이 되기 위해서는 지속적인 경제성장과 더불어 사회 각 분야의 의식과 체도를 세계수준에 맞게 선진화해야 합니다. *[Перед нами стоит много задач. Чтобы стать полноценной развитой страной, вместе с экономическим ростом нам требуется актуализация сознания во всех сферах и модернизация экономической системы в соответствии с современным мировым уровнем.]*

장차 심각한 위협이 될 수 있는 저출산과 고령사회 문제에 대해서도 더 늦기 전에 대책을 세워나가야 합니다. *[Нам нужно пока не поздно принять меры противодействия старению населения и низкой рождаемости, которые могут стать серьезной угрозой.]*

2007 г. Представление бюджета на 2008 г. и плана управления средствами президентом Но Мухёном парламенту РК¹. Существенная часть данного выступления посвящена достижениям межкорейского урегулирования и межкорейскому экономическому взаимодействию, которое вступило в активную фазу. Это преподносится как возможность (или повод) изменить траекторию экономического развития.

남북관계가 새로운 단계로 진입했습니다. 한반도 평화정착에 대한 확신을 가질 수 있게 되었습니다. 남북 공동번영과 동북아 시대를 향한 힘찬 발걸음을 시작했습니다. *[Межкорейские отношения вступили в новый этап. Теперь я могу быть уверен в мирном урегулировании на Корейском полуострове. Мы начали мощный шаг к взаимному процветанию и эпохе Северо-Восточной Азии.]*

¹ 2008년도 예산안 및 기금운용계획안 제출에 즈음한 시정연설. [Послание президента парламенту о проекте бюджета и плана расходования средств, 2008 г.]. URL: <http://www.korea.kr/archive/speechView.do?newsId=132012954&cateId=2&pageIndex=1&srchType=title&srchKeyword=시정> (дата обращения: 19.09.2019).

그러나 여기에 머물 수는 없습니다. 한 걸음 더 나아가야 합니다. [*Мы не можем здесь остановиться. Нужно сделать еще один шаг.*]

지금은 변화의 속도가 국가의 성패를 좌우하는 시대입니다. [*Пришло время, когда скорость перемен определит судьбу нашей страны.*]

2008 г. Бюджетное послание президента Ли Мёнбака парламенту РК на 2009 г.¹ осложнено метафорами, лексическими и стилистическими приёмами выражения народу в связи с трудностями, переживаемыми в сложный экономический период. Тематически большая часть послания посвящена проблеме мирового финансового кризиса и его воздействия на корейскую экономику. Долгое вступление предваряет обоснование расходов, направленных на противодействие кризисным явлениям в экономике.

전 세계를 쓰나미처럼 휩쓸고 있는 전대미문의 금융위기로 인해서 국민들께서 얼마나 불안해하고 고통을 받고 계신지 잘 알고 있습니다. [*Я отлично знаю, какие страдания вы, граждане (Кореи), испытываете из-за финансового кризиса, который, словно цунами, обрушился на целый мир.*]

금리 부담이 늘어나 가계 부담에 한숨 짓는 서민의 어려움을 이해합니다. [*Я понимаю трудности наших людей, у которых растут финансовые проблемы из-за роста процентной ставки.*]

지금 다니고 있는 직장인 어떻게 되지 않을까 하는 직장인의 걱정과 일자리를 찾지 못하고 답답해 하는 젊은이들의 좌절감도 안쓰럽습니다. [*Мне очень беспокоит от того, что люди не уверены в том, что не потеряют работу, а молодежь — что не сможет устроиться на работу.*]

국민들의 고통은 저에게도 뼈저린 아픔이 되고 있습니다. [*Боль народа становится пронизывающей болью и для меня.*]

Президент Ли Мёнбак прибегает и к цитатам из высказываний выдающихся политиков:

루즈벨트 대통령은 세계 대공황 이후에 “우리가 두려워해야 할 것은 두려움 그 자체”라고 말한 바가 있습니다. [*По словам президента Ф. Рузвельта, сказанным им после окончания Великой депрессии: «Единственное, чего мы должны бояться, — это сам страх».*]

Появляются в тексте и отсылки к народной мудрости:

¹ 2009년도 예산안 및 기금운용계획안에 대한 정부의 시정연설. [Речь о проекте бюджета и плана расходования средств, 2009 г.]. URL: <http://www.korea.kr/archive/speechView.do?newsId=132014210&cateId=2&pageIndex=1&srchType=title&srchKeyword=시정> (дата обращения: 19.09.2019).

폼앗이와 십시일반(十匙一飯), 나아가 위기를 만나면 굳게 뭉치는 것은 우리 민족의 유전인자라고 할 수 있습니다. 지금이야말로 다시 한 번 우리의 힘과 지혜를 모을 때입니다. [*Народная мудрость гласит: «С 10 ложек выйдет плошка риса». Можно сказать, что в генах нашего народа — объединять усилия перед лицом кризиса, уметь помогать другому. Именно сейчас время собрать всю силу и мудрость.*]

Более теплыми и сердечными становятся и обращения к слушателям:

사랑하는 국민 여러분! [*Любимые сограждане!*]

위대한 대한민국 국민 여러분! [*Граждане великой Кореи!*]

2009 г. Бюджетное послание президента Ли Мёнбака парламенту РК на 2010 г.¹ сформулировано под воздействием успешного опыта Кореи по преодолению кризисных явлений. Показаны действия правительства по преодолению кризисных явлений, надежда на его быстрое преодоление. С большой гордостью говорится о планах Кореи принять в 2010 г. саммит Большой двадцатки, о значении, которое это будет иметь для страны. Тем самым внимание от насущных экономических проблем отвлекается.

해외언론들은 앞 다투어 한국경제의 미래에 대해 비관적으로 전망 하던 매우 어둡고 절박한 상황이었습니다. [*Год назад...*] *Зарубежные СМИ с пессимизмом смотрели на будущее корейской экономики, которое представлялось мрачным и безнадежным.*]

그러나 이제 위기확산의 불안보다는 위기 극복의 희망을 얘기할 수 있게 되었습니다. “우리는 할 수 있다”는 자신감도 생겼습니다. [*Можно говорить не об угрозе распространения кризиса, а о надежде на его преодоление. «Мы можем это сделать» — у нас появилась уверенность в себе.*]

자랑스러운 대한민국 국민 여러분! [*Граждане Кореи — страны, которой мы гордимся!*]

2010년은, G20 의장국이자 정상회의 개최국으로서 더 큰 대한민국으로 나아가는 한 해가 될 것입니다. G20 정상회의 개최는 단순히 큰 국제회의의 하나를 유치한 것이 아닙니다. 세계 경제위기를 극복해나가는 과정에서 국제공조를 이끌고, 위기 이후 형성될 새로운 국제질서의 중심에 서게 됐다는 것을 의미합니다. [*2010 год станет годом председательства*

¹ 2010년도 예산안 및 기금운용계획안 제출에 즈음한 시정연설. [Речь о проекте бюджета и плана расходования средств, 2010 г.]. URL: <http://www.korea.kr/archive/speechView.do?newsId=132019090&catId=2&pageIndex=1&srchType=title&srchKeyword=시정> (дата обращения: 19.09.2019).

Кореи в G20 и местом проведения саммита. Проведение саммита G20 было не просто приглашением на большую международную конференцию. В ходе преодоления глобального экономического кризиса это означает, что мы будем руководить международным сотрудничеством и станем в центре нового международного порядка, который будет сформирован после кризиса.]

정부는 국민과 힘을 합쳐 G20 정상회의를 성공적으로 개최함으로써 우리나라의 신인도와 브랜드를 한 단계 끌어올리는 한편, 의식과 체도의 선진화를 통해 국가품격도 드높이고자 합니다. [*Правительство вместе с народом проведением саммита G20 намерено не только повысить национальный престиж и стоимость национального бренда, но и намерено посредством модернизации самосознания усилить национальный характер.*]

1년 전 우리가 길고 긴 터널의 입구에 서있었다면, 지금은 멀리 밝은 출구가 보이기는 하지만 아직 터널을 빠져나오지는 못한 상황입니다. [*Если считать, что год назад мы стояли на входе в длинный тоннель, то сейчас мы вдалеке видим свет, однако из тоннеля мы еще не выбрались.*]

2010 г. Бюджетное послание президента Ли Мёнбака парламенту РК¹
посвящено преимущественно тому, какие положительные последствия последуют за проведением саммита «Большой двадцатки» в Корею. Президент констатирует, что страна выбирается из кризиса, накопив в этом процессе новые силы, новую мудрость.

올해도 많은 어려움이 있었지만, 대한민국이 힘차게 일어나고 있습니다. 경제위기의 긴 터널을 벗어나고 있습니다. [*В этом году мы вновь испытали много трудностей, однако Корея поднимается. Мы выходим из длинного тоннеля экономического кризиса.*]

세계 20여 개 주요국 정상들이 곧 서울에 오며, 대한민국은 역사상 처음으로 세계사의 당당한 주체로 설 것입니다. [*Когда к нам в Сеул придут лидеры 20 ведущих государств, Корея станет впервые в истории своей заметным актором мировой истории.*]

식민지배와 전쟁의 참화를 겪고 국제사회의 원조를 받으며 살아야 했던 나라가 이제 세계 질서 형성을 주도하는 당당한 일원이 되었습니다. [*Страна, прошедшая колониальное господство и ужасы войны, которая не могла существовать без внешней помощи, сейчас становится заметным звеном, определяющим новый миропорядок.*]

¹ 2011년도 예산안 및 기금운용계획안 제출에 즈음한 시정연설. [Речь о проекте бюджета и плана расходования средств, 2011 г.]. URL: <http://www.korea.kr/archive/speechView.do?newsId=132021600&cateId=2&pageIndex=1&srchType=title&srchKeyword=시정> (дата обращения: 19.09.2019).

우리 앞에는 아직도 넘어야 할 많은 어려움이 있습니다. [*Нас тем не менее впереди ждёт ещё много трудностей, которые нужно преодолеть.*]

경제가 나아지고 있지만 아직 일자리가 충분하지 못하고 중소기업과 소상공인들은 여전히 어려움을 호소하고 있습니다. [*Экономика улучшается, однако рабочих мест все ещё недостаточно, а частные предприниматели и малый и средний бизнес продолжает жаловаться на трудности.*]

우리 사회가 하나로 화합되지 못하고 갈등과 분열의 골이 깊은 것도 걱정입니다. [*Наше общество не является единым, в нем существуют конфликты и разногласия, что не может не беспокоить.*]

‘공정한 사회’는 서민과 중산층에게 희망을 주고, 온 국민이 다 함께 잘 사는 사회입니다. [*«Справедливое общество» даёт надежду гражданам и среднему классу, это такое общество, где все вместе живут хорошо.*]

2011 г. Бюджетное послание президента Ли Мёнбака парламенту РК¹ все больше фокусируется на успехах страны на внешнеэкономической арене.

존경하는 국민 여러분, 박희태 국회의장과 의원 여러분, 들녘과 바다에서 땀 흘리는 농어민 여러분, 시장에서 생업에 매진하고 계신 중소기업인 여러분, 생산현장에서 밤낮없이 일하는 근로자 여러분, 올 한 해 정말 고생 많으셨습니다. [*Уважаемые жители страны, парламентарии, крестьяне и рыбаки, проливающие пот на полях и в море, предприниматели, с трудом зарабатывающие свой хлеб на рынке, без усталости работающие на производстве рабочие — все вы пережили непростой год.*]

조만간 한미 FTA가 비준되면 우리는 세계 3대 경제권인 미국, EU, 아세안과 FTA를 체결한 유일한 국가로서, 세계 최대 수준의 경제영토를 가진 나라가 될 것입니다. 글로벌 금융위기를 극복하며 ‘더 큰 대한민국’의 꿈은 더욱 가까워졌습니다. [*Как единственная страна, заключившая ССТ с тремя крупными экономическими блоками — США, ЕС, АСЕАН, мы станем страной, обладающей максимальным экономическим пространством. Мечта о «Великой Корее» становится все более близкой с преодолением глобального кризиса.*]

¹ 2012년도 예산안 및 기금운용계획안 제출에 즈음한 시정연설. [Речь о проекте бюджета и плана расходования средств, 2012 г.]. URL: <http://www.korea.kr/archive/speechView.do?newsId=132023132&cateId=2&pageIndex=1&srchType=title&srchKeyword=시정> (дата обращения: 19.09.2019).

2013 г. Бюджетное послание на 2014 г. президента Пак Кынхе парламенту РК¹

국내외적인 이 위기를 극복하기 위해서는 국내적으로 국민의 힘을 하나로 모아 각 분야별로 혁신을 이루어야 하고, 국제적인 경쟁에서 앞서가야 한다고 생각합니다. *[Для преодоления внутреннего и внешнего кризиса в стране мы должны собрать воедино наши силы, и в каждой сфере реализовать инновации, и преуспеть в международной конкуренции.]*

2014 г. Бюджетное послание на 2015 г. президента Пак Кынхе парламенту РК² довольно нейтрально и в большей части констатирует проблемы экономики, связанные со старением населения и повышением нагрузки на бюджет.

하지만, 지금 우리 경제는 여전히 위기입니다. *[Однако сегодня наша экономика всё еще находится в кризисе.]*

지금 우리 경제는 저성장, 저물가, 엔저라는 신3저의 도전으로 기업의 경쟁력이 크게 약화되고 있고, 미국의 조기 금리인상 가능성 등 세계경제의 불확실성도 심화되고 있습니다. *[По экономике бьют низкий экономический рост, низкие цены и низкая иена, что ухудшает конкурентоспособность наших предприятий. Усугубляется нестабильность мировой экономики, повышается возможность роста процентной ставки в США.]*

가장 심각한 문제는 세계에서 가장 빠른 고령화로 2017년부터는 일할 수 있는 생산가능인구가 줄어들게 되고, 성장잠재력이 떨어질 수밖에 없다는 점입니다. *[Самая большая проблема — самые высокие в мире темпы старения населения, из-за которого сокращается число трудоспособного населения, и падает потенциал экономического роста.]*

2015 г. Бюджетное послание на 2016 г. президента Пак Кынхе³ обосновывает необходимость стимулирования креативной сферы как двигателя

¹ 2014년도 예산안 정부 대통령 시정연설. [Обращение президента к правительству о проекте бюджета, 2014 г.]. URL: <http://www.korea.kr/archive/speechView.do?newsId=132026655&pageIndex=1&srchType=title&srchKeyword=시정연설> (дата обращения: 19.09.2019).

² 2015년도 예산안 대통령 시정연설. [Выступление президента о проекте бюджета, 2015 г.]. URL: <http://www.korea.kr/archive/speechView.do?newsId=132027811&pageIndex=1&srchType=title&srchKeyword=시정연설> (дата обращения: 19.09.2019).

³ 2016년도 예산안 대통령 시정연설. [Выступление президента о проекте бюджета, 2016 г.]. URL: <http://www.korea.kr/archive/speechView.do?newsId=132029099&pageIndex=1&srchType=title&srchKeyword=시정연설> (дата обращения: 19.09.2019).

экономического роста. Представлен трехлетний план инновационного развития. Наряду со старением населения упоминаются проблемы турбулентности мировой экономики как причины проблем в корейской экономике.

세계경제의 불확실성이 커지고 있는 상황에서 내수와 수출, 기업과 가계, 제조업과 서비스업의 균형있는 성장이 더욱 중요합니다. [В условиях неопределенности мировой экономики нам важно добиться гармоничного роста внутреннего спроса и экспорта, предприятий и домашних хозяйств, производства и сферы услуг.]

2016 г. Бюджетное послание на 2017 г. президента Пак Кынхе парламенту РК¹ состоялось в непростой политической обстановке и посвящено предложению конституционной реформы, которая, по замыслу руководства страны, позволила бы президенту находиться у власти более одного срока.

무엇보다, 대한민국이 창업국가로 변모하고 있으며, 우리 경제구조가 '역동적인 혁신경제'로 탈바꿈하고 있습니다. [Прежде всего Корея превращается в креативное государство, а наша экономическая структура превращается в динамичную и инновационную.]

존경하는 국민 여러분, 국회의원 여러분, 이러한 성과에도 불구하고, 우리의 상황은 여전히 불투명하고 어렵습니다. 세계경제의 침체 속에 교역증가율이 급격히 둔화되고 있고, 보호무역주의의 어두운 그림자가 드리워지면서 보이지 않는 무역장벽이 각국으로 확대되고 있습니다. [Дорогие сограждане и парламентарии, несмотря на все успехи, наша ситуация все еще сложна и непрозрачна. В условиях застоя мировой экономики замедляются темпы роста товарооборота, а протекционизм темной тенью нависает над нами, а торговые барьеры угрожают каждому государству.]

2017 г. Бюджетное послание на 2018 г. президента Мун Чжэина парламенту РК² отсылает к кризису 20-летней давности, когда корейский народ противостоял валютно-финансовому кризису. Подчеркивается сильный дух и национальный характер:

---

¹ 2017년도 예산안 대통령 시정연설. [Выступление президента о проекте бюджета, 2017 г.]. URL: <http://www.korea.kr/archive/speechView.do?newsId=132029791&pageIndex=1&srchType=title&srchKeyword=시정연설> (дата обращения: 19.09.2019).

² 2018년도 예산안 및 기금운용계획안 제출 국회 시정연설. [Послание президента парламенту о проекте бюджета и плана расходования средств, 2018 г.]. URL: <http://www.korea.kr/archive/speechView.do?newsId=132030270&pageIndex=1&srchType=title&srchKeyword=시정연설> (дата обращения: 19.09.2019).

그로부터 20년이 지난 지금, 우리 경제는 매우 건실해졌습니다. 외환보유액은 세계 9위 수준이 되었습니다. 금융과 기업의 수익성도 크게 나아졌습니다. 국제 신용평가기관들도 우리나라의 신용등급을 역대 최고수준으로 평가하고 있습니다. 한국경제는 국가부도사태를 맞았던 그때와는 완전히 달라졌습니다. *[С того времени прошло уже 20 лет, и сейчас наша экономика стала намного сильнее. По валютным резервам мы находимся на 9-м месте в мире. Финансовая сфера и прибыльность корпорация заметно улучшились. Мировые финансовые компании высоко оценивают наш рейтинг впервые в истории. Экономика Кореи полностью отлична от той, какой она была в период, когда столкнулась с суверенным дефолтом.]*

2018 г. Бюджетное послание на 2019 г. президента Мун Чжэина парламенту РК¹ продолжает серию выступлений, объясняющих новую идею развития экономики, предполагающую модернизацию системы социального обеспечения.

우리는 함께 잘 살아야 합니다. 국민 모두가 각자의 자리에서 잘 살아야 개인도, 공동체도 행복할 수 있습니다. 함께 잘 살자는 꿈이 민주주의와 경제발전의 동력이 되었습니다. *[Мы должны жить хорошо все вместе. Только если каждый человек живёт на своём месте хорошо, все сообщество может быть счастливым. Мечты о том, чтобы жить вместе хорошо, стали движущей силой демократии и экономического развития.]*

사실 우리가 이룬 경제발전의 성과는 놀랍습니다. *[На самом деле успехи нашего экономического развития удивляют.]*

지난 1년 6개월은, ‘함께 잘 살기’ 위해 우리 경제와 사회구조를 근본적으로 바꾸고자 했던 시간이었습니다. 평범한 국민의 삶에 힘이 되도록 사람중심으로 경제기조를 세웠습니다. ‘함께 잘 살기’ 위한 성장전략으로 소득주도성장, 혁신성장, 공정경제를 추진했습니다. *[Прошедшие полтора года прошли под лозунгом коренного изменения нашей социально-экономической структуры для «хорошей жизни вместе». Мы построили такую экономическую структуру, в центре которой человек, чтобы придать сил нашим жителям. «Все вместе живём хорошо» — для этой стратегии мы обеспечиваем рост, стимулируемый доходами, инновациями, а также справедливую экономику.]*

¹ 2019년도 추가경정예산안 및 기금운용계획변경안 제출에 즈음한 국회시정연설. [Послание президента парламенту о проекте дополнительного бюджета и плана расходования средств, 2019 г.]. URL: <http://www.korea.kr/archive/speechView.do?newsId=132031331&pageIndex=1&srchType=title&srchKeyword=시정연설> (дата обращения: 19.09.2019).

В выступлении, предваряющем новогоднюю пресс-конференцию 10 января 2019 г.¹, Президент Мун Чжэин вновь фокусируется на проблеме справедливого роста:

우리가 함께 이룬 경제성장의 혜택이 소수의 상위계층과 대기업에 집중되었고, 모든 국민에게 고루 돌아가지 않았기 때문입니다. [*Результаты экономического роста, которого мы достигли вместе, распределены между небольшим высшим классом и крупными предприятиями, а не распределяются равномерно между всеми жителями страны.*]

이미 오래 전에 낙수효과는 끝났습니다. 수출의 증가가 고용의 증가로 이어지지 않은 지도 오래됐습니다. [*Эффект распределения перестал работать. Давно уже рост экспорта не приводит к росту занятости.*]

‘포용적 성장’을 그 해법으로 제시하고 있습니다. [*Мы предлагаем как метод решения «справедливую экономику».*]

포용적 성장이 반드시 필요합니다. [*Нам непременно необходим «справедливый рост».*]

"겨울은 추워야 제 맛"이라고 합니다. 제대로 겨울이 추워야 병충해를 막고, 보리농사가 풍년을 이룹니다. [*«Только холодная зима рождает истинный вкус (плодов)» — холодная зима, препятствуя появлению вредных насекомых, дает возможность снять хороший урожай.*]

Ли Нагён, премьер-министр РК, выступая на **встрече с представителями деловых кругов Республики Корея 03 января 2019²**, во многом дублировал слова президента о достижениях и проблемах экономики, однако в целом его выступление было направлено на то, чтобы убедить представителей бизнеса в том, что государство намерено создать для них благоприятные условия хозяйствования. Это выступление можно расценить как подготовку бизнес-сообщества к переменам и попытку убедить его представителей в том, что их интересы правительство намерено учитывать.

밖으로는 미중 무역분쟁, 미국 금리인상과 보호무역주의 같은 불확실성이 계속됐습니다. [*За пределами страны торговый конфликт Китая и США, повышение процентной ставки в США, рост протекционизма и др. признаки нестабильности продолжались.*]

¹ (전문)문재인 대통령 신년 기자회견 연설문. [Выступление Президента Мун Чжэина на новогодней пресс-конференции—2019]. URL: http://news.chosun.com/site/data/html_dir/2019/01/10/2019011001052.html (дата обращения: 19.09.2019).

² 2019년 경제계 신년인사회 인사말씀('19.1.3). 국무총리실. [Приветственное слово на новогодней встрече 2019 г. с деловыми кругами (03.01.2019). Премьер-министр Республики Корея]. URL: <https://primeministerkr.blog.me/221434120988> (дата обращения: 19.09.2019).

대외적으로는 1944년 브레튼우즈 협정 이후 70년 이상 계속돼온 자유무역이 흔들리고, 주요국 경제가 하강하는 등 불확실성이 커질 것으로 보입니다. 대내적으로는 고령화와 출생률 저하, 노사관계와 몇 가지 정책의 안착 과정에서 오는 부담이 계속될 것입니다. [*Ожидается, что в мире будет расти нестабильность, вызванная снижением динамизма развития мировых держав и кризисом системы свободной торговли, просуществовавшей более 70 лет с 1944 г., когда было заключено Бреттон-Вудское соглашение. Внутри страны продолжают оставаться проблемы, связанные со снижением рождаемости, старением населения и трудовыми конфликтами.*]

중석몰촉(中石沒鏃). [*«Вбить стрелу в камень» — совершить что-то невозможное.*]

***

Исходя из поставленных задач, результаты исследования можно интерпретировать следующим образом.

Сухое бюджетное послание, характер которого был очевиден в дискурсе Но Мухёна, приобретает все больше популистский характер, обрастает метафорами, националистическими утверждениями, что видно по динамике президентского дискурса на протяжении десятилетий. Краткий лаконичный стиль, присущий в целом Но Мухёну, постепенно уступает место витиеватому, сложному, обросшему метафорами дискурсу Мун Чжэина. Краткосрочные текущие достижения в президентских выступлениях занимают более существенное место, чем долгосрочная экономическая парадигма. Лишь в высказываниях Пак Кынхе утверждается, что страна находится в кризисе.

Это демонстрирует сложную ситуацию в стране и двойную задачу руководства — успокоить народ через сопереживание (убедить, что интересы населения — в приоритете у государства) без четкой формулировки, за счёт чего планируется создать экономику благосостояния по образцу развитых стран. Второй дискурсивный элемент — сохраняющаяся экспортно-ориентированная модель, которая, несмотря на попытки обозначить внутренний спрос как базу для экономического роста (у Ли Мёнбака и Пак Кынхе), продолжает быть актуальной, так как дает возможность в том числе и сплотить население, создав образ внешнего противника — в данном случае таковым представляется растущий протекционизм, торговые войны и общее замедление экономического развития мировой экономики.

Результаты исследования дают основу для дальнейшей разработки темы вокруг концептов президентского экономического дискурса РК, отражающих наиболее критичный на сегодняшний день проблемы южнокорейского общества, — «кризис», «развитие», «противоречия», «успех». Использование отсылок, метафор а также националистических утверждений в экономическом дискурсе также могут стать продолжением настоящего исследования.

Список литературы

1. (전문)문재인 대통령 신년 기자회견 연설문. [Выступление президента Мун Чжэина на новогодней пресс-конференции 2019 г.]. URL: http://news.chosun.com/site/data/html_dir/2019/01/10/2019011001052.html (дата обращения: 19.09.2019).
2. 2019년 경제계 신년인사회 인사말씀 ('19.1.3). 국무총리실. [Приветственное слово на новогодней встрече 2019 г. с деловыми кругами (03.01.2019). Премьер-министр Республики Корея]. URL: <https://primeministerkr.blog.me/221434120988> (дата обращения: 19.09.2019).
3. 2003년도 제1회 추가경정예산안 제출에 즈음한 시정연설. [Речь о выделении дополнительного бюджета на 2003 г.]. URL: <http://www.korea.kr/archive/speechView.do?newsId=132012338&cateId=2&pageIndex=1&srchType=title&srchKeyword=시정> (дата обращения: 19.09.2019).
4. 2004 정기국회 시정연설. [Регулярное послание парламенту, 2004 г.]. URL: <http://www.korea.kr/archive/speechView.do?newsId=132012553&cateId=2&pageIndex=1&srchType=title&srchKeyword=시정> (дата обращения: 19.09.2019).
5. 2006년도 예산안 및 기금운용계획안 제출에 즈음한 국회 시정연설. [Послание президента парламенту о проекте бюджета и плана расходования средств, 2006 г.]. URL: <http://www.korea.kr/archive/speechView.do?newsId=132012736&cateId=2&pageIndex=1&srchType=title&srchKeyword=시정> (дата обращения: 19.09.2019).
6. 2008년도 예산안 및 기금운용계획안 제출에 즈음한 시정연설. [Послание президента парламенту о проекте бюджета и плана расходования средств, 2008 г.]. URL: <http://www.korea.kr/archive/speechView.do?newsId=132012954&cateId=2&pageIndex=1&srchType=title&srchKeyword=시정> (дата обращения: 19.09.2019).
7. 2009년도 예산안 및 기금운용계획안에 대한 정부의 시정연설. [Речь о проекте бюджета и плана расходования средств, 2009 г.]. URL: <http://www.korea.kr/archive/speechView.do?newsId=132014210&cateId=2&pageIndex=1&srchType=title&srchKeyword=시정> (дата обращения: 19.09.2019).
8. 2010년도 예산안 및 기금운용계획안 제출에 즈음한 시정연설. [Речь о проекте бюджета и плана расходования средств, 2010 г.]. URL: <http://www.korea.kr/archive/speechView.do?newsId=132019090&cateId=2&pageIndex=1&srchType=title&srchKeyword=시정> (дата обращения: 19.09.2019).
9. 2011년도 예산안 및 기금운용계획안 제출에 즈음한 시정연설. [Речь о проекте бюджета и плана расходования средств, 2011 г.]. URL: <http://www.korea.kr/archive/speechView.do?newsId=132021600&cateId=2&pageIndex=1&srchType=title&srchKeyword=시정> (дата обращения: 19.09.2019).
10. 2012년도 예산안 및 기금운용계획안 제출에 즈음한 시정연설. [Речь о проекте бюджета и плана расходования средств, 2012 г.]. URL: <http://www.korea.kr/archive/speechView.do?newsId=132023132&cateId=2&pageIndex=1&srchType=title&srchKeyword=시정> (дата обращения: 19.09.2019).
11. 2014년도 예산안 정부 대통령 시정연설. [Обращение президента к правительству о проекте бюджета, 2014 г.]. URL: <http://www.korea.kr/archive/speechView.do?newsId=132026655&pageIndex=1&srchType=title&srchKeyword=시정연설> (дата обращения: 19.09.2019).

12. 2015년도 예산안 대통령 시정연설. [Выступление президента о проекте бюджета, 2015 г.]. URL: <http://www.korea.kr/archive/speechView.do?newsId=132027811&pageIndex=1&srchType=title&srchKeyword=시정연설> (дата обращения: 19.09.2019)

13. 2016년도 예산안 대통령 시정연설. [Выступление президента о проекте бюджета, 2016 г.]. URL: <http://www.korea.kr/archive/speechView.do?newsId=132029099&pageIndex=1&srchType=title&srchKeyword=시정연설> (дата обращения: 19.09.2019).

14. 2017년도 예산안 대통령 시정연설. [Выступление президента о проекте бюджета, 2017 г.]. URL: <http://www.korea.kr/archive/speechView.do?newsId=132029791&pageIndex=1&srchType=title&srchKeyword=시정연설> (дата обращения: 19.09.2019).

15. 2018년도 예산안 및 기금운용계획안 제출 국회 시정연설. [Послание президента парламенту о проекте бюджета и плана расходования средств, 2018 г.]. URL: <http://www.korea.kr/archive/speechView.do?newsId=132030270&pageIndex=1&srchType=title&srchKeyword=시정연설> (дата обращения: 19.09.2019).

16. 2019년도 추가경정예산안 및 기금운용계획변경안 제출에 즈음한 국회 시정연설. [Послание президента парламенту о проекте дополнительного бюджета и плана расходования средств, 2019 г.]. URL: <http://www.korea.kr/archive/speechView.do?newsId=132031331&pageIndex=1&srchType=title&srchKeyword=시정연설> (дата обращения: 19.09.2019).

17. Каплуненко А. М., В. В. Вишнякова. Об эффективности употребления речевых приемов убеждения в бюджетных посланиях президентов Республики Корея // *Проблемы Дальнего Востока*. 2019. № 3. С. 84–89.

18. Курбанов С. О. Многомерный анализ текста как способ извлечения информации из первоисточников (на примере первой публичной речи лидера КНДР Ким Ченына 15 апреля 2012 г.) // *Вестник Центра корейского языка и культуры*. 2013. Вып. 15. С. 100–107.

19. Ли Е. В. Реализация стратегии самопрезентации в южнокорейском политическом дискурсе // Политический дискурс в парадигме научных исследований: сборник статей II международной научной конференции. Тюмень: Тюменский государственный университет, Институт филологии и журналистики, 2015. С. 74–83.

20. Тичер С., Мейер М., Водак Р., Веттер Е. Методы анализа текста и дискурса / пер. с нем. Харьков: Издательство Гуманитарный Центр, 2017. 356 с.

References

1. (Jeonmun) munjaein daetongyeong sinnyeon gijahoegyeon yeonseolmun [President Moon Jae-in's Speech at the New Year's Press Conference]. URL: http://news.chosun.com/site/data/html_dir/2019/01/10/2019011001052.html (accessed 19.09.2019). (In Korean).

2. 2003 yeondo jeilhoe chugageyeongjeongyesanan jechure jeueumhan sijeongyeonseol [Speech on the Occasion of Submission of the First Additional Budget for the Fiscal Year 2003]. URL: <http://www.korea.kr/archive/speechView.do?newsId=132012338&cateId=2&pageIndex=1&srchType=title&srchKeyword=시정> (accessed 19.09.2019). (In Korean).

3. 2004 Jeonggigukoe sijeongyeonseol [Regular Address to the National Assembly, 2004]. URL: <http://www.korea.kr/archive/speechView.do?newsId=132012553&cateId=2&pageIndex=1&srchType=title&srchKeyword=시정> (accessed 19.09.2019). (In Korean).

4. 2006 nyeondo yesanan mit gigeumnyonggyehoegan jechure jeueumhan gukoe sijeongyeonseol [Address to the National Assembly on the Occasion of Submission of 2006 Budget and Fund Management Plan]. URL: <http://www.korea.kr/archive/speechView.do?newsId=132012736&cateId=2&pageIndex=1&srchType=title&srchKeyword=시정> (accessed 19.09.2019). (In Korean).

5. 2008 nyeondo yesanan mit gigeum unyonggyehoegan jechure jeueumhan sijeongyeonseol [Speech on the Submission of the 2008 Budget and Fund Management Plan]. URL: <http://www.korea.kr/archive/speechView.do?newsId=132012954&cateId=2&pageIndex=1&srchType=title&srchKeyword=시정> (accessed 19.09.2019). (In Korean).

6. 2009 nyeondo yesanan mit gigeumnyonggyehoegane daehan jeongbuui sijeongyeonseol [Speech on the 2009 Budget and Fund Management Plan]. URL: <http://www.korea.kr/archive/speechView.do?newsId=132014210&cateId=2&pageIndex=1&srchType=title&srchKeyword=시정> (accessed 19.09.2019). (In Korean).

7. 2010 nyeondo yesanan mit gigeumnyonggyehoegan jechure jeueumhan sijeongyeonseol [Speech on the Submission of the 2010 Budget and Fund Management Plan]. URL: <http://www.korea.kr/archive/speechView.do?newsId=132019090&cateId=2&pageIndex=1&srchType=title&srchKeyword=시정> (accessed 19.09.2019). (In Korean).

8. 2011 nyeondo yesanan mit gigeumnyonggyehoegan jechure jeueumhan sijeongyeonseol [Speech on the Submission of the 2011 Budget and Fund Management Plan]. URL: <http://www.korea.kr/archive/speechView.do?newsId=132021600&cateId=2&pageIndex=1&srchType=title&srchKeyword=시정> (accessed 19.09.2019). (In Korean).

9. 2012 nyeondo yesanan mit gigeumnyonggyehoegan jechure jeueumhan sijeongyeonseol [Speech on the Submission of the 2011 Budget and Fund Management Plan]. URL: <http://www.korea.kr/archive/speechView.do?newsId=132023132&cateId=2&pageIndex=1&srchType=title&srchKeyword=시정> (accessed 19.09.2019). (In Korean).

10. 2014 nyeondo yesanan jeongbu daetongnyeong sijeongyeonseol [Presidential Address to the Government on the Proposal of 2014 Budget Plan]. URL: <http://www.korea.kr/archive/speechView.do?newsId=132026655&pageIndex=1&srchType=title&srchKeyword=시정연설> (accessed 19.09.2019). (In Korean).

11. 2015 nyeondo yesanan daetongnyeong sijeongyeonseol [Presidential Speech on the Proposal of the 2015 Budget Plan]. URL: <http://www.korea.kr/archive/speechView.do?newsId=132027811&pageIndex=1&srchType=title&srchKeyword=시정연설> (accessed 19.09.2019). (In Korean).

12. 2016 nyeondo yesanan daetongnyeong sijeongyeonseol [Presidential Speech on the Proposal of the 2016 Budget Plan]. URL: <http://www.korea.kr/archive/speechView.do?newsId=132029099&pageIndex=1&srchType=title&srchKeyword=시정연설> (accessed 19.09.2019). (In Korean).

13. 2017 nyeondo yesanan daetongnyeong sijeongyeonseol [Presidential Speech on the Proposal of the 2017 Budget Plan]. URL: <http://www.korea.kr/archive/speechView.do?newsId=132029791&pageIndex=1&srchType=title&srchKeyword=시정연설> (accessed 19.09.2019). (In Korean).

14. 2018 nyeondo yesanan mit gigeumunyonggyehoegan jechul gukoe sijeongyeonseol [Address by President Moon Jae-in at the National Assembly Proposing the Government's Budget Plan for FY 2018 and Plans for Fiscal Operations]. URL: <http://www.korea.kr/archive/speechView.do?newsId=132030270&pageIndex=1&srchType=title&srchKeyword=시정연설> (accessed 19.09.2019). (In Korean).

15. 2019 nyeon gyeongjegye sinnyeoninsahoe insamsalssuem ('19.1.3). gungmunchongnisil [Welcoming Remarks at the New Year's Meeting with the Business Community ('19.1.3). Prime Minister's Office]. URL: <https://primeministerkr.blog.me/221434120988> (accessed 19.09.2019). (In Korean).

16. 2019 nyeondo chugagyongjeongyesanan mit gigeumunyonggyehoekbyeongyeongan jechure jeeumhan gukoesijeongyeonseol [National Assembly Address by President Moon Jae-in to Propose Government Budget for 2019 and Plans for Fiscal Operations]. URL: <http://www.korea.kr/archive/speechView.do?newsId=132031331&pageIndex=1&srchType=title&srchKeyword=시정연설> (accessed 19.09.2019). (In Korean).

17. Kaplunenko A. M., Vishnyakova V. V. Ob effektivnosti upotrebleniya rechevykh priyemov ubezhdeniya v byudzhethnykh poslaniyakh prezidentov Respubliki Koreya // Problemy Dalnego Vostoka. [On the Effectiveness of the Use of Speech Techniques of Persuasion in the Budget Messages of the Presidents of the Republic of Korea // The Far Eastern Affairs]. 2019. No. 3. P. 84–89. (In Russian).

18. Kurbanov S. O. Mnogomerniy analiz teksta kak sposob izvlecheniya informatsii iz pervoistochnikov (na primere pervoy publichnoy rechi lidera KNDR Kim Chenyna 15 aprelya 2012 g.) // Vestnik Tsentra koreyskogo yazika i kultury. [Multidimensional Text Analysis as a Method to Extract Information from Primary Sources (on the Example of the First Public Speech of the DPRK Leader Kim Jong Un, April 15, 2012) // Proceedings of the Center for Korean Language and Culture]. 2013. No. 15. P. 100–107. (In Russian).

19. Li Ye. V. Realizatsiya strategii samoprezentatsii v yuzhnokoreyskom politicheskom diskurse // Politicheskij diskurs v paradigme nauchnyh issledovaniy: sbornik statei vtoroy mezhdynarodnoi nauchnoi konferentsii. [Self-presentation Strategy in the Political Discourse of the Republic of Korea // Political Discourse in the Scientific Paradigm: The Proceedings of the II International Scientific Conference]. Tyumen: Institute of Philology and Journalism, University of Tyumen, 2015. (In Russian). P. 74–83.

20. Titscher S., Meyer M., Wodak R., Vetter E. Metody analiza teksta i diskursa. [Methods of Text and Discourse Analysis]. Kharkov: Center for Humanities Publishing House, 2017. 356 p.

Authors' information

Marina P. Kukla

PhD (Economy), Associate Professor, Department of Korean Studies, Institute of Oriental Studies — School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University

D627 Office, Bldg. D, FEFU Campus, Russkiy Island, Vladivostok, 690091, Russia

E-mail: mpkukla@gmail.com

Valentin I. Voloshchak,

Assistant Professor, Department of International Relations, Institute of Oriental Studies — School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University

D626 Office, Bldg. D, FEFU Campus, Russkiy Island, Vladivostok, 690091, Russia

E-mail: voloshchak.vi@dvfu.ru

Информация об авторах

Кукла Марина Петровна

кандидат экономических наук, доцент, кафедра корееведения, Восточный Институт — Школа региональных и международных исследований, Дальневосточный федеральный университет

РФ, 690091, Владивосток, о. Русский, Кампус ДВФУ, корпус D, D 627

E-mail: mpkukla@gmail.com

Волощак Валентин Игоревич

ассистент, кафедра международных отношений, Восточный Институт — Школа региональных и международных исследований, Дальневосточный федеральный университет

РФ, 690091, Владивосток, о. Русский, Кампус ДВФУ, корпус D, D 626

E-mail: voloshchak.vi@dvfu.ru

Kyung Hee RHO (University of Ulsan, South Korea)

Private Metal-Type Books and their Readers in Early-Modern Korea

Summary: This study focused on the sociocultural meaning of private moveable metal-type books in Chosŏn during the 17–18th centuries. Although moveable metal-type printing, in principle, was only reserved for official publishing, some high officials and literati in this period used government-owned metal type systems to print books they desired to possess and distribute. *Yi yuan zhi yan* and *Shi shuo xin yu bu*, compiled by Ming Dynasty writer, Wang Shizhen 王世貞, discussed in this paper, are such cases. Later, wooden type printing was adopted to meet the increasing demand of these books. However, it did not lead to a mass publication using woodblock prints, suggesting that their readers were still limited to a small number of the literati elite. This makes a sharp contrast to the cases of the late Ming and early Qing China and Edo Japan, where commercial printing culture flourished with the huge expansion of readers among commoners. Nevertheless, I consider these cases as a step from official printing toward commercial printing. This paper argued that the privately printed books in early 18th century Chosŏn are meaningful, as they materialized the elite's pursuit of private taste and desire, being an expression of individuality, which became the most distinctive characteristic of Chosŏn literature in the late 18th century.

Keywords: Metal-Type Book; Korean books; Early-modern Korea; sociocultural meaning of Korean premodern printed books; *Yi yuan zhi yan*; *Shi shuo xin yu bu*.

Но Гёнхи (Университет Ульсан, Республика Корея)

Сочинения, изданные частным образом при помощи металлического подвижного шрифта, и их читатели в Корее XVII–XVIII вв.

Аннотация: Основное внимание в представленной статье уделено социокультурному значению книг, издававшихся частным образом при помощи металлического подвижного шрифта в Корее (Чосон) в XVII–XVIII вв. Несмотря на то, что подобный способ в принципе предназначался исключительно

для издания официально утвержденных сочинений, некоторые высокопоставленные чиновники и образованные люди в этот период использовали государственные печатни для изготовления книг, которые они хотели иметь в собственном владении или распространять. Китайские сочинения «И юань чжи янь» 藝苑卮言 и «Ши шо синь юй бу» 世說新語補 относятся к таким случаям. Позднее, ввиду необходимости удовлетворить возросший спрос на подобную литературу, для этой цели стала использоваться печать деревянными литерами. Однако это не привело к массовому появлению изданий такого рода, что позволяет предположить, что их читатели все еще ограничивались относительно небольшой группой представителей интеллектуальной элиты. Этот факт представляет собой резкий контраст с Китаем конца династии Мин — начала династии Цин и Японией периода Эдо, где расцвет коммерческого книгопечатания был сопряжен с активным ростом числа читателей среди простолюдинов. Тем не менее я рассматриваю эти примеры как важный шаг на пути от официального государственного книгопечатания к коммерческому. В статье утверждается, что книги, напечатанные частными издательствами в Чосоне в начале XVIII века, имеют большое значение, так как в них материализовалось стремление элиты к удовлетворению частных устремлений и личного вкуса, выражавших индивидуальность, что стало наиболее характерной чертой литературы Чосон в конце XVIII века.

Ключевые слова: металлический подвижный шрифт; книгопечатание в Корее; Корея в XVII–XVIII вв.; социокультурное значение корейской печатной книги; *И юань чжи янь*; *Ши шо синь юй бу*.

1. Introduction

This study explored the sociocultural meaning of certain private moveable metal type publications in Chosŏn, early modern Korea.¹ Although moveable metal type printing, in principle, was only reserved for official publishing,² some high

¹ This article is a summary of the author's articles that have been published in recognized Korean academic journals, which are listed at the end of the paper. In this paper, the research works of foreign scholars are not referred because there was no sufficient communication between Korean and foreign academia in the field of Korean pre-modern publishing culture. Korean scholars are conducting independent research on the subject, while foreign scholars are doing the same. The main purpose of this paper is to introduce the research achievements of Korean scholars to Western academia. I hope this may contribute to the improvement of exchange of scholarly achievements between the Korean and Western scholarships in the field of studying the Korean publishing culture.

(Though illustratively demonstrating the Korean scholarship's deliberate ignoring of the Western studies this article reveals the indigenous Korean approach to the study of Korean traditional book culture. — Editors).

² For Chosŏn publishing culture, see: Minje Park Byeng-sen. Korean Printing-From its Origins to 1910. Jimoondang, 2003; Kim Doo-Jong. 한국고인쇄기술사 (Korean Printing Technology History). Tamgudang, 1973; Cheon Hye Bong. 한국서지학 (Korean Bibliography).

officials and *literati* in this period used government-owned metal type systems to print books they desired to possess and distribute. The publication of these books, driven by individual taste and demand, is meaningful, considering that printing in Chosŏn had been mostly limited to official publishing. Later, wooden type printing was adopted to meet the increasing demand of these books. However, it did not lead to a mass publication using woodblock prints, suggesting that their readers were still limited to a small number of the *literati* elite. This makes a sharp contrast to the cases of the late Ming and early Qing China and Edo Japan, where commercial printing culture flourished with the huge expansion of readers among commoners. Nevertheless, privately printed books in early 18th century Chosŏn are meaningful as they materialized the elite's pursuit of private taste and desire, as an expression of individuality, which became the most distinctive characteristic of Chosŏn literature in the late 18th century.

2. Methodology

In this study, I focused on “books” and “print technology” to get a glimpse of the sociocultural landscape of early 18th century Korea. For this, I selected two printed editions of contemporary Chinese texts published in Chosŏn and analyze their publication process and reader circles. Particular attention would be paid to the technological aspects of the publication; for example, whether the books were published in manuscript forms or printed, whether the printed books used moveable type printing or woodblock printing, and again whether the moveable type printing used metal type or wooden type.

The main purpose is, however, not to survey the development of print technology itself, but to understand the sociocultural environment in which that technology was enacted. Also, my focus in this study is on the material aspects of books rather than their contents, and the sociocultural conditions that facilitated this particular type of production.

3. Publishing system of Chosŏn

Unlike in contemporary China and Japan, the print system of Chosŏn was almost entirely led by the government and official sect, and thus the market for printed books was very limited. Metal type printing was a major technology used in the central government print system. The distinctive role of metal type printing is an important characteristic of Chosŏn print culture in general.

Rev. ed. Minumsa, 1997. These are among the most representative works on the matter. References to Chosŏn publishing culture, if not specifically mentioned, are mostly based on these books.

The center of Chosŏn official publishing was Kyosŏgwan 校書館 (Office of Editorial Review), and regional offices also had facilities to reprint and distribute official publications. In the private sector, Confucian academies and Buddhist monasteries published scholarly and religious books and scripts, and elite families also issued various publications to record their family lineages to honor their family members. These publications were still non-profit in nature and commercial publishing in the form of mass-productive woodblock prints only appeared in the 19th century (these commercial woodblock print editions are called *panggakpon* 坊刻本). As printing required high expense, it either needed high demand of the readers (consumers) or publishers who could willingly pay the expenses. In Chosŏn, most books were printed in the second context. This means that the range of people who published and read books was extremely narrow and limited, which is again a key reason that commercial publishing never flourished in Chosŏn.

As mentioned, the high percentage of metal type prints is a distinctive characteristic of Chosŏn, when compared to Ming and Qing China and Edo Japan. Metal type printing required even higher expense and advanced technology of casting. For this reason, it was not easily accessible to private publishers, and has been largely reserved for central government projects. Until the 17th century Kyosŏgwan was practically the only institution in Chosŏn that issued metal type print editions.

As metal typesets should be disassembled after uses, metal type printing is not suitable for mass prints. This technology, on the other hand, is perfect for “multi-item, small-sized production.” Books officially published by Kyosŏgwan were intended to circulate within a small circle of elite as gifts. In this circle, there was a continuous demand for copies of various new texts introduced from China. Metal type, which enabled quick reproduction of texts in a small number of high quality prints, was therefore most favored. In this context, the popularity of metal type in Chosŏn is closely related to the fact that the demand for printed books stayed within a small, limited circle of readers. Certain books of high demand such as textbooks, medical texts, and agricultural and other practical manuals were first printed in metal type in central government offices and sent to regional offices. There, the copies were reprinted in woodblock prints and distributed to a wider group of readers. Private families and institutions also chose woodblock prints or wooden type prints instead of expensive metal type prints for their own publications.

Throughout the Chosŏn dynasty, metal type print books were published out of the public needs of the state and the royal family. They include historic records such as the Annals of the Chosŏn Dynasty 朝鮮王朝實錄, Confucian texts, and various manuals used for ruling and administrative purposes. Books for personal interests or tastes were not entitled to be published using this high-expense system, as such intentions could not be justified. Metal type editions, in principle, were the type of books that served foremost public interests.

4. Texts (Books) for analysis

In the following sections, I analyzed Korean metal type print editions of two Chinese texts, *Yi yuan zhi yan* 藝苑卮言 and *Shi shuo xin yu bu* 世說新語補, both written and compiled by Ming Dynasty writer, Wang Shizhen (王世貞, 1526–1590). The Korean editions of these two books were printed in official metal type called Hyōnjong Sillok Type 顯宗實錄字, meaning the metal type used to print the Annals of King Hyōnjong 顯宗實錄. Without prefaces, either of these editions cannot be precisely dated, but some collector's seals on extant copies, such as Yi Kōnmyōng (李健命, 1663–1722)'s seal on the copy of *Yi yuan zhi yan* in the collection of Korea University, suggest that they were printed in early 18th century or earlier.

Since the late 16th century, late Ming literature gained popularity in Chosŏn, and Wang Shizhen was one of those writers who attracted most attention. These two books by Wang, however, are far from must-read texts for all Chosŏn *literati*. Rather, they were only sought after by a very small number of privileged elite who were most keen to contemporary Chinese literary trends. Therefore, the fact that these books were printed in Kyosōgwan, using their official metal type, needs particular attention. Certainly, they were published in a very different context than in the cases of other publications of Kyosōgwan, such as the Annals.

What should also be noted is that these books were also republished in wooden type editions, as would be discussed in detail later in the paper. Most of the extant copies, however, are metal type editions as wooden type editions are very rare. Moreover, there is no evidence that they were finally mass produced in woodblock prints. This means that there was no way of purchasing these books in the market, which again confirms that these types of printed books were only circulated within a limited circle of elite readers.

5. Characteristics of Hyōnjong Sillok Type and private publication

The set of types used for the printing of *Yi yuan zhi yan* and *Shi shuo xin yu bu* is Hyōnjong Sillok Type. This set was made in a slightly different conditions than in usual cases. Most Chosŏn metal types were made in government offices, but some types were privately cast from as early as the late 16th century. An exemplary case is Naktong-gye Type 洛東契字, made by the royal society called Naktong-gye (records on this society can be found in a 1677 entry of *Sūngjōngwōn ilgi* 承政院日記 (the Diaries of the Royal Secretariat)). Members of this society, who were princes and high aristocrats, cast their own metal types to print books they wanted to publish and distribute. In 1677, Kyosōgwan purchased this type from the society, and after supplementing more letters, used this to print the Annals of the King Hyōnjong. This newer version is known as Hyōnjong Sillok Type. In rewards, Kyosōgwan presented new copies of *Shiji* 史記 and *Hanshu* 漢書 printed in Hyōnjong Sillok Type to the members of the Naktong-gye society.

Hyōnjong Sillok Type continued to be used for printing of the Annals and other royal publications until the end of the Chosŏn Dynasty. Interestingly, some early 18th century publications printed in this type are far from royal or state publications. Examples are *Yi yuan zhi yan* and *Shi shuo xin yu bu* (both compiled by Wang Shizhen), *Tongguk yŏktae ch'ongmok* 東國歷代總目 and *Chŭngbo yŏktae ch'ongmok* 增補歷代總目 (both compiled by Hong Manjong 洪萬宗), *Shi Chi Ping Lin* 史記評林 and *Han Shu Ping Lin* 漢書評林 by Ling Zhi Long 凌稚隆, *Namhwagyŏng chuhaesanbo* 南華經註解刪補 by Pak Sedang 朴世堂, and *Sinsu jagyŏnpy'ŏn* 新修自警編 by Pak Sech'ae 朴世采. These books are varied in genre and content, from up-to date literature of Ming, China to history books and Daoist texts, and miscellaneous texts of hobbies and taste.

Typically, these books don't have prefaces, strongly indicating that the publication processes were unofficial. Most official publications of Chosŏn have prefaces, explaining how and why the publications were initiated and carried out. In other cases, such contents are documented in the Annals. While unofficial publications typically don't have such documentations, some hints on their publication contexts can be gathered from other peripheral documents. For example, *Tongguk yŏktae ch'ongmok*, compiled by Hong Manjong and published in 1704 was personally ordered by Sin Wan (申琬, 1646 ~ 1707), the head official of Kyosŏgwan at that time. One year after compiling *Tongguk yŏktae ch'ongmok*, Hong Manjong also wrote *Chŭngbo yŏktae ch'ongmok*, which is a supplementary version of the anthology of Chinese history texts, *Yŏktae ch'ongmok*. All of these were printed in Hyōnjong Sillok Type. These books were later criticized for having numerous fallacies, "because they were arbitrarily published by a Kyosŏgwan official, without the permission of the government,"

Actually, similar cases are often found from the early Chosŏn period. In the mid-16th century, a Kyosŏgwan official Song Serim 宋世琳 (1479-?) published *Ŏmyŏnsun* 禦眠榘, the writing collections of his brother Song Sehyŏng 宋世珩, using the types and other resources of the office. Around the same time, another Kyosŏgwan official Yun Ch'unnyŏn 尹春年 published novels such as *Chŏndŭng sinhwa kuhae* 剪燈新話句解 (1559). Other findings are early Chosŏn copies of novels and collections of vernacular stories such as *Samgukchi t'ongsogvŏni* 三國志通俗演義, *Kijae kii* 企齋記異, *Chŏndŭng sinhwa* 剪燈新話, *Sanbo munwŏnsagyul* 刪補文苑榘, and *Wangkyŏngnyong chŏn* 王慶龍傳, all printed in metal type.

All these cases suggest that the selection of Kyosŏgwan publications was affected by the personal needs and tastes of the officials in charge. For popular novels and Daoist books could not be printed in Kyosŏgwan without the personal interests of its officials. Some books printed in Hyōnjong Sillok Type were probably selected in similar contexts. Considering that the original version of the typeset was bought from a royal society, Naktong-gye, the members of that society could have more actively sought opportunities to use this set to publish books of their own interests.

6. Wooden type editions and early stage of commercial prints

Yi yuan zhi yan and *Shi shuo xin yu bu* were also reprinted in wooden type. Again without prefaces, publication dates of these editions are not known. Therefore, it is impossible to confirm whether these editions predate or postdate the metal type editions. However, considering the social environment and situations surrounding their publications, it is most likely that the wooden type editions followed the metal type editions. The originals of these two Korean editions are Ming Dynasty books. These books were directly purchased by Korean envoys sent to China and brought to the court after the mission. In the strictly stratified and closed society of Chosŏn, current scholarly and cultural texts were only available to a privileged few. Up-to-date Chinese publications in particular were only accessible to the members of the highest elite. Therefore, it is more logical that these two books were initially targeted to more privileged readers, and thus first published in metal type.

Wooden type books of personal interests have been published largely through two paths. First, wooden type sets in regional offices could be privately used with the order or permission of governors and magistrates. In other words, governors or magistrates could publish their own writings or writings of their friends and relatives using wooden type systems of regional offices. For examples, Hŏ Sil 許 (1574–1629) printed Su Shi 蘇軾's writing collection, *Somunch'o* 蘇文抄, in wooden type when he served as a magistrate of Kohŭng. Also, Yun Hwŏn 尹暄 (1573–1627) printed a wooden type edition of *Tangsi hwisŏn* 唐詩彙選 (Anthology of Tang Poems) compiled by his close acquaintance, Yi Sugwang 李晬光 (1563–1628) when he was in charge of the Kyŏngju office.

The second path is through the wooden type print system in Hullyŏn togam 訓練都監, the Military Training Directorate. After the Japanese invasion of Korea in the late 16th century, the government allowed the soldiers of Hullyŏn togam to make profits by craftworks and printmaking as a means of supplementing their low salaries. Subsequently, some soldiers and their family members made their livings by wooden type printing. Most of their projects were commissioned by government offices but some were privately commissioned. Such individual transactions are meaningful as an early aspect of commercial printing. Commissions, however, are different from market transactions, in which commodities are produced in advance for non-specific groups of consumers. In this period, there was still no sizable group of consumers for books of personal taste such as *Yi yuan zhi yan* and *Shi shuo xin yu bu*. Therefore, movable type printing rather than woodblock printing still remained as a primary method of their production. Finally, it should be mentioned again that there are less wooden type editions of these two books than their metal type editions. This also strongly suggests that wooden type editions were “custom-made” by individual commissions.

Private publishing of books in wooden type prints was made in a similar context as in the case of metal type printing. In both cases, publishers selected texts based

on their personal needs and tastes and printed them utilizing public resources. In Chosŏn, this is a notable characteristic of the early phase of private publications of printed books.

7. Conclusion

Until early Chosŏn, most printed books were “books for public interests,” such as Confucian texts, religious scripts, textbooks for the preparation of civil examinations, and practical manuals. Individuals could write their poems and essays in manuscript forms but hardly publish them in prints. Also, there was no way of purchasing others’ writings. In order to get a Chinese book, for example, one would have to either borrow a copy and have it hand-copied, or purchase a copy through an envoy to China.

During the Japanese invasion (the Imjin War), the Korean government maintained a closer diplomatic relationship with Ming, China. Through the envoys, a variety of popular contemporary Chinese books were imported to Korea, which created a considerable demand of such books among the *literati* elite. However, there was no private system to meet this demand in Chosŏn at that time, and the interested readers had to resort to public resources to print the books they wanted. *Yi yuan zhi yan* and *Shi shuo xin yu bu* as discussed in this presentation are such cases. I view these cases as a step from official printing toward commercial printing.

Extant copies of *Yi yuan zhi yan* and *Shi shuo xin yu bu* are all movable type prints. This means that the demand for these books were still not great enough and the copies were circulated in small numbers around Seoul. It also suggests that the readers were a very privileged few who had enough power to control the central government or regional print system. Because the reader circle was very narrow and consisted of the elite officials of Seoul, there was no reason to send these to regional offices to have woodblock print copies made. According to the late 18th century record by Yu Manju 俞晩柱 (1755–1788), no one in the Kyŏngsang Province, even among the most renowned *literati*, had *Shi shuo xin yu* 世說新語 in their collections. Almost one hundred years after the Hyŏnjong Sillok Type copies of the book were printed, they were still not circulated in provinces.

Publishers and collectors of *Yi yuan zhi yan* and *Shi shuo xin yu bu* were high officials and members of prestigious families. With their economic and cultural power, they monopolized the most current information on Chinese literature and publications. Using their authorities and networks, they utilized public resources and facilities to print books of their own personal tastes. In a larger context, these cases indicate a growth of a group prioritizing personal taste and individuality, which eventually led the literary trend of late Chosŏn.

Appendix

Chosŏn editions of *Yi yuan zhi yan* and *Shi shuo xin yu bu*,
by Wang Shizhen

1. *Yi yuan zhi yan*

Image 1-1. Metal type print

Yi yuan zhi yan printed
with Hyŏnjong Sillok Type

藝苑卮言 (8卷 2冊), Kyujanggak copy, 奎中 2026

Image 1-2. Wooden type print

Yi yuan zhi yan printed
with Wooden Type

藝苑卮言 (零本(卷5~8),
Kyemyŏng University Copy,
<(이) 812.8 왕세경 0-2>

2. Shi shuo xin yu bu

Image 2-1. Metal type print

Shi shuo xin yu bu, printed with Hyōnjong Sillok Type
世說新語補 (20卷7冊), Kyujanggak copy,
奎中 1801

Image 2-2. Wooden type print

Shi shuo xin yu bu printed with Wooden Type
世說新語補 (20卷7冊),
Ewha University copy <812.3 兪78>

References

1. Cheon Hye Bong (천혜봉). 한국서지학 [Korean Bibliography]. Rev. ed. Minumsa, 1997. 649 p. (In Korean).
2. Kim Doo-Jong (김두중). 한국고인쇄기술사 [Korean Printing Technology History]. Tamgudang, 1973. 623 p. (In Korean).
3. Kyung Hee Rho, et al. 동아시아의 문헌교류: 16세기~18세기 한중일 서적의 전파와 수용 [Publication Exchange among Korea, China and Japan from the 16th to 18th Centuries]. Seoul: Somyōng Publishing Co., 2014. (In Korean).
4. Kyung Hee Rho. (十七、十八世紀朝鮮和江戸文壇對唐詩選集接受與刊行之比較研究), 域外漢籍研究集刊 9, 中華書局, 2013. [Circulation and Transformation of Tang Poetry Anthology in Chosŏn and Edo Literary World of the 17th–18th Centuries //

A collection of overseas Chinese Studies]. Bijing: Zonghua Book Company, 2013. Vol. 9. P. 421–442. (In Chinese).

5. Kyung Hee Rho. 17-18 세기 조선과 에도 문단의 당시선집 수용과 간행 양상 비교 연구 [Circulation and Transformation of Tang Poetry Anthology in Chosŏn and Edo Literary World of the 17th-18th Centuries] // *Tasan and the Present*. Yonsei University Publishing, 2010. 3. P. 135–169. (In Korean).

6. Kyung Hee Rho. 17세기 전반 조선과 18세기 에도 문단의 명대 전후칠자 시론 수용 [Accommodation of the poetic theory of the earlier and later Seven Ming Masters in the early 17th century Chosŏn and the 18th century Edo literary worlds] // *Journal of Korean Classical Literature*. 2013. 43. P. 401–445. (In Korean).

7. Kyung Hee Rho. 17세기 전반기 한중문학교류 [Sino-Korean Literary Exchange in the 17th Century]. Seoul: Taehaksa Publishing Co., 2015. 250 p. (In Korean).

8. Kyung Hee Rho. 세설신어보'의 조선과 에도 문단의 출판과 향유층 비교 [Comparison of the Publication of Shi Shuo Xin Yu Bu in Joseon and Edo and its Reader Group] // *Han'guk Munhwa* [Korean Culture]. 2015. 72. P. 71–97. (In Korean).

9. Kyung Hee Rho. 조선과 에도문단의 중국 시문집 출판형태와 향유층 비교 [Contrasting publication format and reader group of Chinese literature between Joseon and Edo] // *Journal of Ming-Qing Historical Studies*. 2014. 23. P. 175–210. (In Korean).

10. Kyung Hee Rho. 현종실록자본 세설신어보 간행과 유전의 문화사적 의미 [Publication and Circulation of Shi Shuo Xin Yu Bu in Hyung Jong Sillokja Types and its Implications in Cultural History] // *Journal of Korean Literature in Chinese*. 2013. 52. P. 498–532.

11. Minje Park Byeng-sen. Korean Printing-From its Origins to 1910. Jimoondang, 2003. 226 p.

Author's information

Kyung Hee RHO (노경희, 盧京姬)

Doctor of Literature, Associate Professor, Department of Korean Language and Literature, University of Ulsan

93, Daehak-ro, Nam-gu, Ulsan, 44665, South Korea

E-mail: meehee11@hanmail.net; meehee11@ulsan.ac.kr

Olga Lundysheva (Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences, Russia)

Some Aspects of Paleography of the Bilingual *Udānavarga* Manuscripts from the Serindia Collection of the Institute of Oriental Manuscripts of RAS

Summary: According to the extant manuscript fragments, *Udānavarga* was one of the most important Buddhist texts in East Turkestan. Usually, these are bilingual texts, where a word-by-word Tocharian translation follows the Sanskrit part.

Not only do such bilingual fragments deepen the understanding of the Tocharian language and the processes of formation of the Tocharian literary repertoire, they can also help clarify some issues of codicology. For example, relying on the size of fragments, it is possible to restore the average dimensions of *pothi* folios in the Tocharian manuscript tradition. Since by far the majority of the extant Tocharian manuscripts are small fragments, this type of reconstruction remains virtually the only source of such data.

The Serindia collection of the IOM RAS contains 11 bilingual Tocharian-Sanskrit fragments, previously identified as *Udānavarga*, found in the Kucha region, one of the northern oases of the Tarim Basin. Eight of them are fragments of different manuscripts, and three are fragments of the same manuscript. In total, we can talk about nine versions. Not only are they written in different ducts and various sorts of paper, the script of these fragments, which became known as Tocharian *brāhmī*, is either archaic or classical. The language is also represented by the so-called archaic and classical phases. Using these manuscript versions as an example, one can trace the development of the *Udānavarga* text in the Tocharian manuscript tradition over a sufficiently long period. Thus, based on the fragments of the *Udānavarga* from the Serindia Collection of the IOM RAS, some preliminary conclusions can be drawn about the Tocharian codicology.

The article presents a methodology based on the analysis of the peculiarities of the layout of a *brāhmī* text on a *pothi* folio. The ratio is taken into consideration as well. Using this methodology, the most archaic manuscript of the collection, the typologically most common manuscript version, as well as a fragment containing a small amount of text (the most difficult to reconstruct), were analyzed. The study provides the approximate sizes of *pothi* folios for the archaic and classical periods of the Tocharian written tradition.

Keywords: Tocharian palaeography; Tocharian codicology; Udānavarga; the Serindia Collection of the Institute of Oriental Manuscripts RAS; Tocharian-Sanskrit bilingual texts.

Лундышева О. В. (ИВР РАН, Санкт-Петербург, РФ)

Палеографические особенности фрагментов рукописей двуязычных текстов «Уданаварги» из Сериндийской коллекции ИВР РАН

Аннотация: Множество сохранившихся фрагментов рукописей «Уданаварги»¹ свидетельствуют о том, что это был один из наиболее важных буддийских текстов в Восточном Туркестане. Чаще всего он был представлен двуязычной версией, в которой дословный перевод на тохарский язык следовал за санскритской частью.

Такие двуязычные фрагменты не только углубляют понимание тохарского языка и процессы формирования тохарского литературного репертуара. Они также могут помочь прояснить некоторые вопросы кодикологии. Например, опираясь на размеры отдельных фрагментов, можно восстановить средние размеры листов *потхи* для тохарской письменной традиции. Поскольку большинство сохранившихся тохарских рукописей на сегодняшний день представляют собой небольшие фрагменты, реконструкция этого типа остается практически единственным источником ряда кодикологических данных.

В Сериндийской коллекции ИВР РАН содержатся 11 двуязычных тохаро-санскритских фрагментов, ранее идентифицированных как «Уданаварга», найденных в регионе Кучи (один из северных оазисов бассейна Тарима). Восемь из них представляют собой фрагменты различных рукописей, а три — фрагменты одной и той же рукописи. Всего можно говорить о девяти версиях. Они написаны не только разными дуктами и на различных видах бумаги. Тохарская разновидность письма брахми, использованная для записи текста этих фрагментов, представлена архаичной и классической стадиями. Язык также представлен так называемыми архаичной и классической стадиями. Таким образом, используя данные рукописные версии в качестве примера, можно проследить бытование текста «Уданаварги» в тохарской письменной традиции в течение достаточно длительного периода и, соответственно, сделать некоторые предварительные выводы об особенностях тохарской кодикологии.

В статье приводится авторская методика, основанная на изучении особенностей расположения рукописного текста, выполненного письмом брахми, на листах *потхи*, а также соотношения размеров санскритского и тохарского текста. С ее помощью проанализированы самая архаичная рукопись собрания,

---

¹ Уданаварга (санскр. *Udānavarga*) — поэтический текст раннего буддизма, в котором, устами Будды, изложены основные этические принципы учения. «*Udāna*» можно перевести как «высказывание», «*varga*» — «глава, часть, список, группа, собрание смысловых единиц». Состоит из чередующихся стихотворных и прозаических частей.

типологически самая распространенная рукописная версия, а также фрагмент, содержащий незначительное количество текста и, соответственно, самый сложный для реконструкции. В результате исследования получены приблизительные размеры листов *потхи* для архаического и классического периодов тохарской письменной традиции.

Ключевые слова: тохарская палеография; тохарская кодикология; «Уданаварга»; Сериндийская коллекция ИВР РАН; тохаро-санскритские двуязычные тексты.

«Уданаварга», судя по количеству дошедших до нашего времени фрагментов рукописей, была одним из самых популярных буддийских текстов в Восточном Туркестане¹. В настоящее время она известна в санскритской версии и ее тибетском, тохарском и двух китайских переводах. Сама санскритская версия, вероятно, представляет собой компиляцию ряда палийских канонических текстов, созданную во II в. н. э.², или же все они восходят к некоему общему источнику³.

Бытование текста «Уданаварги» в литературной традиции народа, населявшего в первом тысячелетии северные оазисы бассейна реки Тарим и говорившего на так называемых тохарских языках⁴, имело определенные особенности. Его могли оставить в санскритском оригинале, могли (гораздо реже) перевести на тохарский А или тохарский Б, а могли записать в виде последовательного перевода каждой санскритской *пады* из *шлоки*⁵ (или строфы в другом сти-

¹ Hartmann J.-U. Buddhist Sanskrit Texts from Northern Turkestan and their relation to the Chinese Tripitaka // Collection of essays 1993: Buddhism across boundaries: Chinese Buddhism and the western regions. Sanchung, Taiwan: Fo Guang Shan Foundation for Buddhist & Culture Education, 1999. P. 108–136; Hartmann J.-U. On the Relationship between the Buddhist Sanskrit Texts from Northern Turkestan and those from Afghanistan // Turfan Revisited – The First Century of Research into the Arts and Cultures of the Silk Road. Berlin: Dietrich Reimer Verlag, 2004. P. 125–128.

² Nakamura H. Indian Buddhism: A Survey with Bibliographical Notes. Delhi: Motilal Banarsidass Publ., 1987. P. 42–43.

³ Подробнее об Уданаварге, ее переводах и параллельных ей текстах см. Ānandajoti Bhikkhu (2nd rev., 2007; last rev. 2018). A Comparative Edition of the Dhammapada: URL: <https://www.ancient-buddhist-texts.net/Buddhist-Texts/C3-Comparative-Dhammapada/Comparative-Dhammapada.pdf> (дата обращения: 19.09.2019).

⁴ Мертвые языки индоевропейской группы, известные по рукописным источникам на бумаге и дереве, найденным преимущественно в северных оазисах бассейна реки Тарим (совр. Синьдзян-Уйгурский автономный округ Китая). Чаще всего в научной литературе фигурируют как «тохарский А» и «тохарский Б».

⁵ *Шлока* (санскр. *Śloka*) – санскритский стихотворный размер. Представляет собой строфу из двух строк по 16 слогов, каждая из которых в свою очередь состоит из двух полустроков — «*пада*» (санскр. *pāda*) — по восемь слогов каждая. Понятие «*пада*» может относиться и к другим стихотворным размерам. В таком случае количество слогов в каждой *паде* будет меняться в соответствии с общим количеством слогов в строке.

хотворном размере, или части прозаического текста), по количеству слогов¹ примерно совпадающего с размером санскритского текста². В итоге получался двуязычный текст, в котором за санскритской частью следовал тохарский перевод, обычно пословный.

Все известные на данный момент фрагменты тохарско-санскритской «Уданаварги» опубликованы, некоторые неоднократно³.

Подобные двуязычные фрагменты позволяют не только углубить понимание тохарского языка и процессы формирования тохарского литературного репертуара, но также могут помочь в уточнении некоторых вопросов кодикологии. Например, опираясь на размеры единичных фрагментов, можно восстанавливать средние размеры целых листов *потхи* тохарской письменной традиции. А если учесть, что подавляющее большинство дошедших до нашего времени тохарских рукописей представлены небольшими фрагментами, то такого рода реконструкции остаются практически единственным источником подобных данных.

В Сериндийском собрании ИВР РАН хранится 11 двуязычных тохаро-санскритских фрагментов, найденных в районе Кучи — одного из северных оазисов Таримского бассейна, — и ранее идентифицированных как «Уданаварга»⁴. Восемь из них являются фрагментами различных руко-

¹ Слогов или *акшар* — письменных единиц. В системе письма, которую использовали для записи тохарских языков — так называемое северо-туркестанское брахми, — один слог или цифра записываются одной *акшарой*.

² С помощью электронного ресурса CEToM (A comprehensive edition of Tocharian manuscripts. URL: <https://www.univie.ac.at/tocharian>), а также критического издания санскритской Уданаварги Bernhard F. Udānavarga. Band I: Einleitung, Beschreibung der Handschriften, Textausgabe, Bibliographie. (Sanskrittexte aus den Turfanfunden 10). Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1965, были проанализированы несколько десятков сохранившихся рукописей двуязычной тохаро-санскритской «Уданаварги». В среднем на 9–10 *акшар* санскритского текста приходится 10–11 *акшар* текста тохарского. Иногда тохарский текст по сумме *акшар* немного, на 30–40 %, длиннее санскритского, крайне редко — наоборот. Но на средних значениях можно сказать, что по сумме *акшар* тохарский пословный перевод санскритского текста на 10% больше либо равен оригиналу.

³ Подробнее о публикациях двуязычной тохарско-санскритской «Уданаварги» см.: Peyrot M. More Sanskrit–Tocharian B bilingual Udānavarga fragments // *Indogermanische Forschungen*. 113. Berlin: W. de Gruyter, 2008. P. 83–125; Peyrot M. Further Sanskrit–Tocharian bilingual Udānavarga fragments // *Tocharian and Indo-European Studies*. 17. Copenhagen: Museum Tusulanum Press, 2016. P. 153–211.

⁴ О публикациях этих фрагментов см. Ogihara H. Sanskrit-Tocharian B Bilingual Udānavarga Fragments Kept in the Russian Collection // Сергей Федорович Ольденбург — ученый и организатор науки. Сост. и отв. ред. И. Ф. Попова. М.: Наука — Восточная литература, 2016. С. 223–235; Лундышева О. В. Рукописи на Тохарском Б из коллекции Березовского: фрагмент двуязычного текста «Уданаварги» // *Mongolica*. 2019. 1 (22). С. 60–63.

писей, три — фрагменты одной рукописи. Итого можно говорить о девяти рукописных версиях. Различия их не ограничиваются вариациями дуктов и разновидностями бумаги. Тексты данных фрагментов записаны как архаическим, так и классическим типом письма. Язык текстов, в свою очередь, также представлен так называемыми архаическим и классическим вариантами, при этом выбранное для записи письмо не всегда согласовано с языком по степени архаичности. Таким образом, на примере данных версий можно проследить бытование текста «Уданаварги» в тохарской рукописной традиции за достаточно большой временной период. И так как фрагменты, содержащие двуязычный текст известного в полном объеме литературного оригинала, позволяют высказывать предположения относительно размеров и формы полного листа *потхи*, на основе фрагментов «Уданаварги» из Сериндийской коллекции ИВР РАН можно делать некоторые предварительные выводы об особенностях оформления рукописных текстов в ареале распространения тохарского языка в целом.

Насколько можно судить по дошедшим до нашего времени рукописным находкам, тохарские рукописи буддийского содержания брошюровались в форме так называемых листов *потхи* — прямоугольных листов бумаги, по форме напоминающих пальмовый лист индийских рукописей. Лист *потхи* организован так, что на нем есть определенное количество строк, левое поле с пагинацией, и отверстие для брошюровки, оформленное с разной степенью декоративности. Отверстие для брошюровки обычно находится в левой трети листа примерно посередине.

Строки обычно бывают двух типов — стандартные и укороченные. Укороченные располагаются рядом с отверстием для брошюровки. Если на листе 6 строк текста, отверстие будет располагаться между третьей и четвертой укороченными строками, если на листе 7 строк текста, отверстие будет находиться между третьей и пятой или напротив четвертой укороченной строки, и т. д.

В среднем в каждой строке листа *потхи* находилось одинаковое количество *акшар*. В укороченных строках *акшар* меньше, но то, насколько будут короче эти строки, определяет свободное место, которое выделяют под отверстие для брошюровки. Оно может быть минимально и укорачивать только одну строку, оно может быть очень большим и значительно укорачивать три строки.

Санскритский текст «Уданаварги» сохранился почти полностью. Поэтому для большинства фрагментов двуязычной «Уданаварги» мы можем восстановить полный объем санскритского текста, который был на этом листе. Тохарский текст был пословным переводом санскритского оригинала. И, как уже было указано выше, в среднем на 9–10 *акшар* санскритского текста приходится 10–11 *акшар* тохарского. Соответственно, чтобы рассчитать полный объем всего текста рукописи в *акшарах* и то, сколько

акшар было в стандартной и укороченных строках, необходимо удвоить объем санскритского текста в *акшарах*, прибавив к «тохарской половине» 10% погрешности. Подобный расчет не будет учитывать дополнительный объем, который дают знаки препинания, *вирамы*¹, а также особо массивные лигатуры. Но это та погрешность, которой на средних значениях (с учетом прибавки 10%) можно пренебречь.

На примере рукописи SI 2921/3 (старый шифр В/3–3), которая, судя по палеографическим особенностям, относится к классическому периоду, подробно покажем, как можно восстановить приблизительные размеры листа даже для фрагмента с незначительно сохранившимся текстом² (размер фрагмента 5,7 × 4,1 см, сохранились по 4 строки текста на каждой стороне от 1 до 9 слогов в строке).

- Санскритская *пада шлоки* в 8 слогов переводится в среднем 9 слогами тохарского текста. *Пады* (или прозаические строки) с другим количеством слогов переводятся разным количеством слогов тохарского текста. Но, если брать средние значения, можно сказать, что санскритский письменный текст передается примерно равным объемом письменного тохарского текста или чуть большим.
- Слог соответствует *акшаре*, если это не последний слог в текстовом блоке. В таком случае он может записываться двумя *акшарами* (вторая — с *вирамом*, над которым помещен пунктуационный знак). Если он записывается одной *акшарой*, то после него будет идти пунктуационный знак, занимающий примерно столько же места, что и половина *акшары*.
- На листе *потхи* длины строк могут варьироваться. Если на листе *потхи* брошюровочное отверстие графически выделяется, то рядом с ним будут располагаться укороченные строки. Укороченных строк может быть одна, две или три в зависимости от общего числа строк (всего строк от 3 до 10). Брошюровочное отверстие обычно располагается посередине листа. И, зная общее количество строк, мы можем сказать, которые из них будут укороченными. И наоборот — количество и порядок расположения укороченных строк указывают на общее число строк на данной стороне листа.

Высказав предположение (для санскритской версии с большой степенью уверенности, для тохарской — с меньшей) о том, какой текст был записан между сохранившимися частями на фрагменте, можно подсчитать, сколько *акшар* было во второй и в третьей строках. У нас получится разное количество *акшар* —

¹ Особый знак в системе письма северотуркестанского брахми, указывающий на отсутствие гласного в слоге.

² Реконструкцию листа и факсимиле фрагмента см.: Лундышева О. В. Рукописи на Тохарском Б из коллекции Березовского: фрагмент двузязычного текста «Уданаварги». С. 60-63.

во второй больше, чем в третьей (в стандартной строке примерно 58 акшар, в укороченной — 45). То есть укороченные строки на данном листе начинаются с третьей строки. Следовательно, на листе должно быть 6 или 7 строк.

- Мы знаем, сколько *акшар* в стандартной строке. Мы знаем, сколько в среднем *акшар* в 5 см. Следовательно, мы можем вычислить длину листа без полей. У нас получится примерно 41 см.
- Мы можем измерить высоту строки. Следовательно, если узнать, сколько было строк, можно высчитать высоту листа без полей.
- Нам известно, что в стандартной строке примерно 58 *акшар*, в укороченной — 45. Если на каждой стороне листа по 6 строк, то на листе поместится примерно 644 *акшары*, если по 7 строк, то — 734 *акшары*.
- На фрагменте сохранилась часть верхней строки стороны recto и часть нижней строки стороны verso. Следовательно, мы можем подсчитать приблизительный объем текста на всем листе *потхи* (кроме текста, который шел до начала сохранившейся части первой строки, и текста, который шел после окончания сохранившейся части последней строки — ведь мы не знаем, к какой именно части листа относится фрагмент. Это значит, что к тексту, чей объем в *акшарах* мы планируем реконструировать, нужно будет прибавить 50 *акшар*).

Мы не можем с большой точностью предполагать, каким объемом тохарского текста был переведен данный санскритский текст, но с очень большой вероятностью можем определить минимальное количество тохарского текста — оно будет равно санскритскому. Поэтому, если мы посчитаем количество *акшар* санскритского текста и умножим это число на 2 (и прибавим 50 акшар), то получим минимальное общее число *акшар* на листе.

$$\begin{aligned}
 & 299 \text{ слогов } \backslash \text{ акшар санскрита } * 2 \\
 & + 9 \text{ акшар } \backslash \text{ цифр} \\
 & + 9 \text{ акшар } \backslash \text{ завершения главы} \\
 & + 70:2 \text{ акшар } \backslash \text{ последних слогов блока} \\
 & + 50 \text{ акшар неучтенного текста} \\
 & = \\
 & 701 \text{ акшара}
 \end{aligned}$$

701 — минимально возможное число *акшар* данного двуязычного текста. Если же соблюдать правило «9 слогов тохарского на санскритскую *паду*» (а *пад шлоки* здесь 30), то к этому минимальному числу нужно прибавить еще 30. То есть **731 акшара**.

- Как ранее было подсчитано, если на каждой стороне листа по 6 строк, то на листе поместится примерно 644 *акшары*, если по 7 строк, то — **734 акшары**.

Соответственно, на данном листе было по 7 строк текста на каждой стороне.

- Теперь, зная общее количество строк, можно вычислить высоту листа без полей. Она составит примерно 9 см.

Теперь, зная разницу стандартной и укороченной строк, сколько в среднем *акшар* в 5 см, каково междустрочное расстояние, какова высота строки и сколько строк были укороченными, можно подсчитать высоту и ширину прямоугольника без текста, обрамляющего брошюровочное отверстие. Они составят 10×4 см.

Подобная процедура подсчета достаточно громоздкая. Для листов менее фрагментарных процедура упрощается до формулы «удвоить объем санскритского текста в *акшарах*, прибавив к «тохарской половине» 10 % погрешности». Проведем подсчеты для фрагмента с шифром SI 2985/1 (B/75) (размер фрагмента $9,0 \times 15,5$ см, сохранилось по 7 строк текста на каждой стороне до 17 слогов в строке).

Для данного листа у нас получается, что в стандартной строке было около 51 *акшары*. В укороченной — около 43 *акшар*. Зная, что 19 *акшар* занимают в среднем 14,5 см, можно посчитать, что длина листа без полей составляла 39 см.

В данном листе укороченными оказались 3-я и 4-я строки, 5-я занимает промежуточное положение. Следовательно, отверстие для брошюровки было чуть смещено от центра. Занимало оно не более 6 сантиметров. Что достаточно значительно.

Строки располагались на равном расстоянии друг от друга. Поэтому, зная общее количество строк, можно посчитать высоту листа и максимальную высоту отверстия для брошюровки. Для данного листа она составит примерно 3,5 см.

Высота данного листа составляет 9,5 см.

Судя по палеографическим особенностям, это — поздняя рукопись. Посмотрим, что покажет самая архаичная из рукописей «Уданаварги» в собрании — SI 2995/6 (старый шифр B/119/2) (размер фрагмента $8,0 \times 15,0$ см, сохранилось по 6 строк текста на каждой стороне. Текст значительно разрушен. Сохранилось до 12 слогов в строке).

Для данного листа у нас получается, что в стандартной строке было около 35 *акшар*. В укороченной — около 32 *акшар*. Зная, что 10 *акшар* занимают в среднем 6,5 см, можно посчитать, что длина листа без полей составляла 23 см.

В данном листе по текстовому анализу укороченными оказались 3-я и 4-я строки, что совпадает с реальной ситуацией. Укороченная строка меньше стандартной примерно на 3 *акшары*, что опять-таки совпадает с тем, что есть на самом деле. Здесь отверстие для брошюровки — 2 см в ширину.

Строки располагались на равном расстоянии друг от друга. Поэтому, зная общее количество строк, можно посчитать высоту листа и максимальную высоту отверстия для брошюровки. Для данного листа она составит примерно 3,5 см.

Высота данного листа составляла 9 см.

Итого получаем следующие приблизительные размеры листов *потхи* (без полей):

- Архаика: 9,0 × 23 см, отверстие для брошюровки 2 см в ширину. Декоративно не выделяется.
- Классика (1): 9,0 × 41 см, отверстие для брошюровки около 4 см в ширину.
- Классика (2): 9,5 × 39 см, отверстие для брошюровки не более 6 см в ширину. Скорее всего, судя по значительным размерам, было декоративно оформлено графлением.

Хотя определенная закономерность выявляется уже сейчас, делать окончательные выводы на основе небольшой выборки преждевременно. В идеале стоило бы подобным образом проанализировать все рукописи «Уданаварги». Такой анализ с привлечением данных палеографии и исследования материальных носителей мог бы значительно обогатить наши знания по кодикологии тохарской рукописной книги.

References

1. A comprehensive edition of Tocharian manuscripts (CEToM). URL: <https://www.univie.ac.at/tocharian> (accessed 01.06.2019).
2. *Ānandajoti Bhikkhu* (2nd rev., 2007; last rev. 2018). A Comparative Edition of the Dhammapada. URL: <https://www.ancient-buddhist-texts.net/Buddhist-Texts/C3-Comparative-Dhammapada/Comparative-Dhammapada.pdf> (accessed 19.09.2019).
3. Bernhard F. Udānavarga. Band I: Einleitung, Beschreibung der Handschriften, Textausgabe, Bibliographie. (Sanskrittexte aus den Turfanfunden 10). Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1965.
4. Hartmann Jens-Uwe. Buddhist Sanskrit Texts from Northern Turkestan and their relation to the Chinese Tripitaka // Collection of essays 1993: Buddhism across boundaries: Chinese Buddhism and the western regions. Sanchung, Taiwan: Fo Guang Shan Foundation for Buddhist & Culture Education, 1999. P. 108–136.
5. Hartmann Jens-Uwe. On the Relationship between the Buddhist Sanskrit Texts from Northern Turkestan and those from Afghanistan // Turfan Revisited — The First Century of Research into the Arts and Cultures of the Silk Road. Berlin: Dietrich Reimer Verlag, 2004. P. 125–128.
6. Lundysheva O. V. Rukopisi na Toxarskom B iz kolleksiі Berezovskogo: fragment dvuyazychnogo teksta Udanavargi [Tocharian B manuscripts in M. M. Berezovsky's collection: a bilingual Udānavarga Fragment] // *Mongolica*. 2019. 1 (22). St Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie. 2019. P. 60–63. (In Russian). / Лундышева О. В. Рукописи на Тохарском Б из коллекции Березовского: фрагмент двуязычного текста Уданаварги // *Mongolica*. 2019. 1 (22). С. 60–63.
7. Nakamura Hajime. Indian Buddhism: A Survey with Bibliographical Notes. Delhi: Motilal Banarsidass Publ., 1987.

8. Ogihara Hirotoshi. Sanskrit-Tocharian B Bilingual Udānavarga Fragments Kept in the Russian Collection // Sergey Fedorovich Ol'denburg — ucheniy i organizator nauki [Sergei F. Oldenburg as a scholar and academic administrator]. Ed. by I. F. Popova. Moscow: Vostochnaya literatura. P. 223–235.

9. Peyrot M. Further Sanskrit–Tocharian bilingual Udānavarga fragments // *Tocharian and Indo-European Studies*. 17. Copenhagen: Museum Tusulanum Press, 2016. P. 153–211.

10. Peyrot M. More Sanskrit–Tocharian B bilingual Udānavarga fragments // *Indogermanische Forschungen*. 113. Berlin: W. de Gruyter, 2008. P. 83–125.

Author's information

Olga Lundysheva

Junior researcher, *Serindica* Laboratory, Institute of Oriental Manuscripts,
Russian Academy of Sciences

18, Dvortsovaya nab., St Petersburg, 191186, Russia

E-mail: olgavecholga@gmail.com

Информация об авторе

Лундышева Ольга Владимировна

младший научный сотрудник, Лаборатория «Сериндика», ИВР РАН

РФ, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18

E-mail: olgavecholga@gmail.com

Maiatskii Dmitrii (FAAS, SPbU, St Petersburg, Russia)

Collection of “Xin Nianhua” in the Oriental Fund of the St Petersburg State University Academic Library¹

Summary: The paper is devoted to the study of an album of Chinese “*xin nianhua*” prints (the other names are: “new *nianhua*”, “new Spring festival pictures”, “revolutionary *nianhua*”, “new Chinese popular engravings” etc.), recently found in the Oriental department of the Academic library of St Petersburg University (SPbU). In the first part of this paper the author offers a short historical review of the genres of “*nianhua*” and “*xin nianhua*”, supplemented by some information about their study in Russia and abroad. The author explains the difference between “*nianhua*” and “*xin nianhua*” genres and undertakes a systematic description of the SPbU’s album consisting of 60 prints. The pictures are classified according to their size, structure and thematic content.

Based on a visual analysis the author divides the pictures into 16 thematic groups and characterizes them. The large corps of the pictures is related to main historical and political events that happened in China and in the world during the years of 1949 and 1950 or a little earlier. These pictures had a great political meaning for the Communist party of China and were used as a sort of propaganda, for “*xin nianhua*” were very cheap and easy to understand, thus convenient for Chinese common people.

At the same time the author tries to find the ties between traditional *nianhua* and *xin nianhua* pictures. It has been found that although the content of the pictures was absolutely modern, and the printing method had been changed, the artists borrowed some traditional ideas, forms, images and details typical for old *nianhua*. These observations are illustrated by visual materials given in the article.

The paper may attract attention of scholars who study Chinese, as well as political history of China of the mid-20th century. The paper also could be used for teaching students in sinology.

Keywords: Chinese popular art; Chinese popular prints; Chinese New Year pictures; *nianhua*; new *nianhua*; canon in art; transformation of the art canon.

---

¹ The study was supported by the RFBR, research project No. 19-59-52001 “Commerce, Folk Beliefs, Arts and Culture on Traditional Chinese Woodblock Prints from Understudied Collections of Russia and Taiwan”.

Маяцкий Д. И. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ)

Коллекция китайских «новых новогодних картин» в восточном собрании Научной библиотеки СПбГУ¹

Аннотация: В данной статье рассматривается альбом китайских картинок «*синь няньхуа*» (известны также как: «новые *няньхуа*», «новые новогодние картинки», «революционные *няньхуа*», «новые китайские народные картинки» и т. д.), недавно обнаруженный в Восточном отделе Научной библиотеки им. М. Горького СПбГУ. В первой части статьи автор дает краткую справку об истории жанров *няньхуа* и *синь няньхуа*, дополнив ее сведениями о проводившихся в России и за рубежом исследованиями по данной теме. Автор объясняет разницу между *няньхуа* и *синь няньхуа*; дает кодикологическое описание коллекции СПбГУ, включающей в себя 60 неповторяющихся изображений. Картинки классифицируются в соответствии с их размером, структурой и тематическим содержанием. Автор выделил картинки 16 тематических групп и предложил их краткую характеристику. В процессе изучения изображений автором было замечено, что большинство картинок связаны с основными политическими событиями, происходившими в Китае и мире в 1949 и 1950 гг. или чуть раньше. Они имеют политическое содержание и использовались Коммунистической партией Китая в качестве одного из средств пропаганды, поскольку были дешевы в изготовлении, удобны и понятны широкому слою населения. Также автор пытается найти связь между старыми и новыми *няньхуа*. Он устанавливает, невзирая на обновление содержания в *синь няньхуа* и использование новых технологий при их печати, создатели картинок позаимствовали у *няньхуа* и китайской средневековой живописи ряд легко узнаваемых традиционных идей, форм, образов и деталей. Наблюдения автора подтверждаются демонстрируемым иллюстративным материалом. Статья может представлять интерес как для специалистов по политической истории Китая, так и для тех, кто занимается изучением китайского изобразительного искусства середины XX века. Также может использоваться в вузах при преподавании синологических дисциплин.

Ключевые слова: китайское народное изобразительное искусство; китайская народная картина; китайская новогодняя картина; *няньхуа*; новые *няньхуа*; канон в искусстве; трансформация художественного канона.

I. Введение

Настоящая публикация посвящена исследованию небольшого собрания *синь няньхуа*, имеющегося в Восточном отделе Научной библиотеки им. М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета. Коллекция была обнаружена автором недавно и о ее наличии в СПбГУ прежде не было известно.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19–59–52001: «Торговля, народные верования, искусство и культура на традиционной ксилографической картине Китая из малоисследованных коллекций России и Тайваня».

Данная статья призвана ввести в научный оборот университетское собрание *синь няньхуа*. Впервые автором предлагается ее кодикологическое описание, анализ структуры и тематического содержания собрания, дополненный обзором ряда картин. На их примере исследуется проблема соединения в *синь няньхуа* нового содержания с элементами «старых» *няньхуа*, китайской средневековой живописи и приметам традиционной культуры Китая.

«*Няньхуа*» («новогодние картины» 年画) — китайские народные ксилографические гравюры. Данный тип печати подразумевал использование деревянных досок-матриц из мягкой древесины. На досках мастера вырезали в зеркальном отражении изображения, затем поверх матриц наносилась краска, к ним прикладывались листы бумаги, на которых отпечатывались картины. Подобные гравюры появились в Китае еще в сунскую эпоху (960–1279), когда ксилография получила небывалое распространение. Их стали называть «новогодними», потому что значительная часть произведений традиционно изготавливалась и продавалась в канун китайского Нового года (конец января — начало февраля). Как правило, они были связаны с новогодней тематикой, содержали благожелательные образы и использовались для украшения помещений. Но существовали народные картинки и с другим тематическим содержанием, создававшиеся по иным поводам и имевшие иное функциональное предназначение. Поэтому использующийся для их обозначения термин носит скорее условный характер. Несмотря на то, что народные лубки в Китае были известны уже давно, сам термин «*няньхуа*», по словам их видного исследователя академика Б. Л. Рифтина (1932–2012), впервые возник в середине XIX века, когда был введен в оборот Ли Гуантин (李光廷, 1812–1880) в его книге «Деревенские разговоры под смех» (*Сян янь цзе и хуан хуа хуань*¹). Хотя в широкий обиход термин вошел только в 1920–1930-е годы².

«Новые *няньхуа*» (или «новые новогодние картины», *синь няньхуа* 新年画) — разновидность художественных гравюр, создававшихся в Китае в 1930–1950-е годы в рамках «движения за новые новогодние картины» (*синь няньхуа юньдун* 新年画运动) с целью идеологической пропаганды и массовой популяризации важных с точки зрения тогдашнего китайского руководства идей. Исследовательница И. Ф. Муриан называет их «современными китайскими лубками»³. По сути, они представляли собой соединение китайского традиционного и массового вида искусства — изготовления лубков — с техниками западной плакатной живописи и новыми сюжетами, наполненными актуальным ярко выраженным политическим содержанием. Производство

¹ 李光廷. 乡言解颐. 1849年. [Ли Гуантин. Деревенские разговоры под смех. 1849 г.].

² Рифтин Б. Л. Няньхуа // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 6 т. Т. 6. Искусство / ред. М. Л. Титаренко и др. М.: Восточная литература, 2010. С. 684–686.

³ Муриан И. Ф. Китайский народный лубок. М.: Искусство, 1960. С. 90.

картинок довольно быстро переместилось в типографии, где стали использоваться современные печатные технологии. Массовость, низкая затратность, материальная и содержательная доступность бесхитростных и схематичных *синь няньхуа* должны были позволить максимально быстро сформировать в умах китайского крестьянства и представителей других низовых слоев населения, служивших важнейшей опорой для Коммунистической партии Китая, необходимый уровень политического сознания, задать нужный вектор развития общества. Картинки впервые начали создаваться в 1938 году в Яньнаньской академии искусств имени Лу Синя и обрели исключительную популярность в период антияпонской (1937–1945) и гражданской войны в Китае (1927–1936 и 1946–1950 гг.) и в первые годы после образования КНР¹.

В России основоположником научного изучения искусства *няньхуа* был в начале XX в. академик В. М. Алексеев (1881–1951). Ему принадлежит ставшая хрестоматийной фундаментальная книга «Китайская народная картина»², в которой он в серии статей осуществил многостороннее изучение китайского народного изобразительного искусства с позиций историка, лингвиста, этнографа и культуролога.

После академика В. М. Алексеева *няньхуа* исследовала М. Л. Рудова (Пчелина, 1927–2013). Она занималась изучением ленинградских коллекций картин, хранящихся в фондах Государственного Эрмитажа, Музея антропологии и этнографии, Российской национальной библиотеки и Государственного музея истории религии. В своих публикациях особое внимание уделяла религиозным, театральным и историческим сюжетам³. В 1968 году ею была защищена кандидатская диссертация на тему «Народная картина няньхуа как источник для изучения духовной культуры Китая».

Одновременно с М. Л. Рудовой, но в Москве (по материалам собрания Музея народов Востока) картину *няньхуа* изучала И. Ф. Муриан. В 1960 году она издала книгу (на нее мы ссылались выше), где раскрыла истоки *няньхуа* и проследила основные этапы в истории развития этого вида искусства вплоть до начала 1950-х годов⁴. Отдельную (заключительную) главу автор уделила

¹ Муриан И. Ф. Китайский народный лубок. С. 92–94.

² Алексеев В. М., Китайская народная картина. Духовная жизнь старого Китая в народных изображениях. М.: Наука, 1966. 260 с.

³ Рудова М. Л. Китайская театральная лубочная картина // Труды Государственного Эрмитажа. Л., 1958. Т. 2. С. 238–251; Рудова М. Л. Коллекция академика ВМ Алексеева // Сообщения Государственного Эрмитажа. Т. XIX. Л., 1960. С. 38–41; Рудова М. Л. Систематизация китайских народных картин няньхуа ленинградских собраний // Труды Государственного Эрмитажа. Л., 1961. Т. 5. С. 286–298; Рудова М. Л. Цай Шэнь — Гуань Юй // Страны и народы Востока. Вып XI М., 1971. С. 105–118; Рудова М. Л. Китайская народная картинка. СПб.: Аврора; Калининград: Янтарный сказ, 2003. 64 с.

⁴ Муриан И. Ф. Китайский народный лубок.

синь няньхуа. И. Ф. Муриан впервые осуществила искусствоведческий анализ ряда картин конца XIX — первой половины XX века.

Многое для изучения *няньхуа* сделали академик Б. Л. Рифтин (1932–2012) и Т. И. Виноградова. Т. И. Виноградова в 2000 году защитила кандидатскую диссертацию по теме «Китайский народный театр на китайской народной картине (театральные *няньхуа* как источник изучения традиционной культуры Китая)» и опубликовала ряд статей, в которых изучает петербургские коллекции *няньхуа*¹, анализирует картинки на литературные и театральные сюжеты.

Картины *синь няньхуа* становились объектом специального исследования Н. А. Червовой, написавшей работу «Современная китайская гравюра. 1931–1958»². К близкой теме обращалась Гульятеева Г. С., защитившая в 2007 г. кандидатскую диссертацию по истории различных жанров *няньхуа* XX в.³, включая современные лубки. Отдельный аспект, связанный с влиянием политической ситуации в КНР на узкую группу *синь няньхуа* — так называемые «крестьянские картины» — исследуется в статье сотрудницы СПбГУ П. А. Комаровской⁴. Проблемам жанра *синь няньхуа* посвящена также недавняя статья Т. И. Виноградовой⁵.

Изучением *синь няньхуа* в западном мире в разное время занимались Джеймс Флэт⁶, Джон Ласт⁷, Шэнь Куйи⁸, Хун Чантай⁹ и другие специалисты.

¹ Виноградова Т. И. Китайская народная картина — *няньхуа*: проблемы систематизации и периодизации // XXVII Научная конференция «Общество и государство в Китае»: тезисы докладов. М.: Наука, 1986. Ч. 2. С. 50–55; Виноградова Т. И. Театральная *няньхуа* и пекинская музыкальная драма // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XX годовичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (доклады и сообщения). М.: Наука, 1986. Ч. 1. С. 109–113.

² Червова Н. А. Современная китайская гравюра. 1931–1958. М.: Восточная литература, 1960. 171 с.

³ Гульятеева Г. С. Китайская народная картина *няньхуа* XX века: типология жанров и эволюция: дис. ... канд. искусствоведения. СПб., 2007.

⁴ Например, см.: Комаровская П. А. Исторические факторы возникновения и развития современной китайской «крестьянской картины» (нунминьхуа) // *Страны и народы Востока*. 2013. № XXXIV. С. 287–299.

⁵ Виноградова Т. И. О новизне «новых народных картин» // *Общество и государство в Китае*. Т. XLV. Ч. 2. М.: ИВ РАН, 2015. С. 390–401.

⁶ Flath J. A. *The Cult of Happiness: Nianhua, Art, and History in Rural North China*. Vancouver and Toronto: UBC Press; Seattle: University of Washington Press, 2004.

⁷ Lust J. *Chinese Popular Prints*. Leiden: Brill, 1996.

⁸ Shen Kuyi. Propaganda Posters in China // S. R. Landsberger, M. Van der Heijden (eds). *Chinese Posters: The IISH-Landsberger Collections*. New York and London: Prestel, 2009. P. 8–20.

⁹ Hung Chang-Tai. Repainting China: New Year Prints (Nianhua) and Peasant Resistance in the Early Years of the People's Republic. *Comparative Studies in Society and History*. 2000. 42(4). P. 770–810.

Джеймс Флэт в 2004 г. выпустил монографию, в которой основное внимание уделяет политическим и сельскохозяйственным сюжетам, проблеме отражения в *синь няньхуа* событий новейшей истории Китая, а также особенностям взаимоотношений между государством и обществом.

II. Кодикологические аспекты описания альбома *синь няньхуа* НБ СПбГУ

В Восточном отделе Научной библиотеки им. М. Горького СПбГУ хранятся три папки гравюр антологии «Собрание избранных новых *няньхуа*» (*Синь няньхуа сюань цзи* 新年画选集), отпечатанных типографским способом в Пекине в первый год после образования КНР¹. Эти альбомы имеют одинаковый шифр хранения — О-III 1733. В действительности, они представляют собой два одинаковых альбома разной комплектации. Один альбом полон и состоит из двух папок (папки «шан» 上 и «ся» 下), с 30 листами в каждой. Второй альбом имеет в своем составе лишь 30 картинок в папке «шан». Сопоставление картинок обеих папок «шан» показало, что они абсолютно идентичны. Таким образом, выходит, что в совокупности в трех папках представлены 90 *синь няньхуа*, причем неповторяющихся картинок — 60. Собственно, все эти картинки, видимо, и образуют коллекцию *синь няньхуа* СПбГУ, поскольку других лубков данного жанра обнаружить в университетских фондах пока еще не удалось.

Согласно записям в инвентарной книге² Восточного отдела библиотеки СПбГУ, оба альбома в той же степени сохранности были получены от Всеобщего общества культурных связей с заграницей³ (ВОКС) и поступили на хранение в 1951 году.

Произведем кодикологическое описание комплекта из 60 картинок. Все картинки цветные, исполнены на тонкой рисовой или уплотненной бумаге. В папке «шан» 29 картинок имеют размер листа 24.9 X 33.8 см., одна картинка («В защиту мира» Дэн Шу) — 38.6 X 47.8 см. В папке «ся» 26 картинок с размером 24.9 X 33.8 см., одна («Прекрасные посевы» Ван Сюэхуа) — 29.2 X 45.6 см., одна («Хэбо женится» Ван Цюаньхуэя) — 46.2 X 55 см., одна («Работы четырех сезонов» Би Шэна и Ван Цзюэцзо) — 34 X 49.9 см.

---

¹ 新年画选集. 中华全国美术工作者协会. 上下册. 北京, 1950 年 [Собрание избранных новых *няньхуа* / Сост. Всекитайская ассоциация работников искусства]. Ч. 1–2. Пекин, 1950.

² Восточный отдел НБ СПбГУ. Инвентарная книга № 91 (9), янв.-окт. 1951 г. Даты записи: 8 мая и 27 июня 1951 г.

³ Советская общественная организация, существовавшая с 1925 по 1958 г. и занимавшаяся популяризацией зарубежной культуры в СССР и советской культуры за рубежом.

Приведем полный список авторов и названий картинок. Первая папка: 1)¹ Председатель Мао на военном смотре 毛主席大阅兵 (Ань Линь 安林, Дунбэй); 2) Осмотр трактора 参观拖拉机 (Ли Ци 李琦, Пекин); 3) Да здравствует советско-китайская дружба! 中苏友好万岁 (Чжао Минь 赵敏, Дунбэй); 4) Дверные картинки 门画 (Чжан Цзяньвэнь 张建文, Шицзячжуан); 5) Хорошее подсобное хозяйство 好副业 (Чжан Хуайсинь 张怀信, Шаньси); 6) Старательно учимся, чтобы поднять свой культурный уровень 努力学习提高文化 (Сяо Су 萧肃, Шицзячжуан); 7) Помощь фронту 支援前线图 (Цзян Янь 姜燕, Шицзячжуан); 8) Счастливая жизнь 好光景 (Ма Цзигуан 马基光, Хэнань); 9) Дети нового Китая 新中国的儿童 (Чжан Дин 张汀, Пекин); 10) Торжествуем победу и усердно трудимся 庆祝胜利努力生产 (Мо Лан 墨浪, Пекин); 11) Население растет — поголовье скота увеличивается 人畜两旺 (Лян Хуанчжоу 梁黄胄, Цинхай); 12) Поднимаем свой культурный уровень 提高文化 (Жэнь Цяньцяо 任迁乔, Шаньдун); 13) Встреча с советскими друзьями 欢迎苏联朋友 (Дэн Шу 邓澍, Пекин); 14) Наш старый герой вернулся 我们的老英雄回来了 (Фэн Чжэнь 冯真, Пекин); 15) Все почитают Мао Цзэдуна 人人敬爱毛主席 (Ули Цзиту 乌力吉图, Внутренняя Монголия); 16) Празднование образования КНР 庆祝中华人民共和国成立 (Гу Цюнь 顾羣, Пекин); 17) Народный кооператив 群众合作社 (Су Цзянь 苏坚, Дунбэй); 18) Все изучают культуру 大家学文化 (Син Лянь 邢琏, Внутренняя Монголия); 19) Весной добавим больше навозу — осенью соберем больше урожая 春日种地多上粪, 秋天收割好庄稼 (Во Чжа 沃渣, Дунбэй, два горизонтальных изображения со стилизацией под парные надписи); 20) Труд приносит почет 劳动换来光荣 (Гу Ичжоу 古一舟, Хэбэй); 21) Друзья в Новый год 友谊新春 (Вэнь Тао и Ван Хуэйчжи 文韬、王慧芝, Дунбэй); 22) Народ и армия едины 军民一家 (Цзи Гуйсэнь 计桂森, Ухань); 23) Доводы к снижению арендной платы 减租说理 (Сюй Лисэнь 徐立森, Ухань, серия из одного большого и четырех маленьких гравюр); 24) Празднование образования КНР 庆祝中华人民共和国成立 (Дин Хао 丁浩, Шанхай); 25) Устанавливаем политическую власть, выбирая добрых людей 建政权选好 人 (Улэ Цзибату 乌勒吉巴图, Внутренняя Монголия); 26) Песни нового Китая 新中国的歌声 (Мэй Шэн 梅生, Шанхай); 27) Проводим солдат НОАК в поход против Тайваня! Доведем революцию до конца! 欢送人民解放军, 打倒台湾去! 把革命战争进行到底! (Мо Пу 莫朴, Ханчжоу); 28) Помощь фронту 支援前线 (Цзюнь Шэн и Цин Цюань 俊生、清泉, Шанхай); 29) Торжественный парад в честь образования КНР 中华人民共和国开国典礼阅兵式 (Чжан Ци 张启, Ханчжоу); 30). Передовики производства встречаются с председателем Юнем 劳模会见云主席 (Инь Шоуши 尹瘦石, Внутренняя Монголия).

Вторая папка: 1). Домашнее производственное собрание 家庭生产会议 (Чун Син 重行, Шицзячжуан); 2) Сортировка семян 选种 (Син Лянь 邢琏,

¹ Нумерация картинок произвольная, т. к. они не пронумерованы.

Внутренняя Монголия); 3) Хорошенько посадим хлопок 种棉好 (Юэ Хэн 岳恒, Шаньси, состоит из большого полотна и серии из шести горизонтальных гравюр, иллюстрирующих этапы выращивания хлопка); 4) Возвращение в село на производство 回乡生产 (Чжан Биу 张碧梧, Шанхай); 5) Великое объединение китайской нации 中华民族大团结 (Дин Юй 丁鱼, Пекин); 6) Чтение газеты 读报 (Ли Шуцин 李书芹, Пекин); 7) Производственные планы 生产计划 (Лю Цзилу 刘继鹵, Тяньцзинь); 8) Экскурсия в госхоз 参观国营农场 (Дин Юй 丁鱼, Пекин); 9) Образование ассоциации крестьян 成立农民协会 (Ванцин Ласи 旺亲拉西, Ухань); 10) Миллионная могучая армия переправляется через Янцзы 百万雄师渡长江 (Цзинь Лан 金浪, Шанхай); 11) Великая НОА форсирует Янцзы 解放军渡长江 (Ван Вэньбинь 王文彬, Шаньдун, серия из трех горизонтальных гравюр); 12) Взаимопомощь при сборе осеннего урожая 互助秋收 (Чун Син 重行, Шицзячжуан); 13) Достижение новых рекордов 创造新纪录 (Гуань Цзянь 关健, Дунбэй); 14) Народная армия 人民的军队 (Ту Кэ 涂克, Шанхай); 15) Великий парад на воде в Шанхае 上海水上大游行 (без автора, Шанхай); 16) Народные выборы 民主选举 (Ту Кэ 涂克, Шанхай); 17) Подарок Мао Цзэду от синьцзянских делегатов Народного политического консультативного совета 人民政治协商会议上新疆代表向毛主席献礼 (Хуан Цзюнь 黄均, Пекин); 18) Празднование образования КНР 庆祝中华人民共和国成立 (Цзян Янь 姜燕, Пекин); 19) Великое объединение народов освобожденного Северо-Запада 解放西北民族大团结 (Чжао Ваньюнь 赵望云, Сиань); 20) Сельская сцена 农村小景 (Лян Цзихай 梁济海, Яньань); 21) Дом Ли Шуньда¹ 李顺达之家 (Чжао Фэнчуань 赵枫川, Шаньси); 22) Сбор урожая 丰收 (Не Юнтин 聂勇亭, Шаньси); 23) Цех по замешиванию теста 闹粉房 (Тянь Синьфу 田辛甫, Хэбэй); 24) Урожайи богатые — население живет долго 年丰人寿 (Цинь Пин 秦萍, Шицзячжуан); 25) Чтение газеты 读报 (У Вэй 吴为, Пекин); 26) Чтение газеты 读报图 (Ли Цюнь 力羣, Шаньси, исполнен в форме календаря); 27) Хороший урожай 好庄稼 (Ван Сюэжуа 王学化, Шицзячжуан; серия из четырех вертикальных иллюстраций); 28) Работы четырех сезонов 四季生产图 (Би Шэн и Ван Цзюэ 毕生、王角, Дунбэй; серия из четырех иллюстраций); 29) Хэбо берет жену 河伯娶妇 (Ван Цюаньхуэй 王权晖, серия из 16 иллюстраций к народному преданию); 30) Сбор подписей под Стокгольмским воззванием 保卫和平 (Дэн Шу 邓澍, Пекин).

Визуальное ознакомление с иллюстрациями позволило увидеть их некоторые особенности. За исключением одной картинки («Великий парад на воде в Шанхае»), все работы авторские: под каждым изображением указано название, имя художника и место создания картины. Стоит отметить, что авторство впервые появляется только у новых *няньхуа*, на традиционных

¹ Ли Шуньда (1915–1983) — видный сельскохозяйственный деятель Китая, организовавший и долгое время возглавлявший отмеченный лично Мао Цзэдуном образцовый производственный кооператив.

няньхуа могли ставить клейма мастреских, и то — не часто, об указании имен авторов не могло быть и речи. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что большинство художников творили в северных районах Китая. Двенадцать авторов работали в Пекине, девять — в окружающей Пекин провинции Хэбэй, восемь — в Шанхае, семь — в Дунбэе, по пять — в Шаньси и Внутренней Монголии, три — в Ухани, по два — Ханчжоу и Шаньдуне, по одному — в Сиане, Тяньцзине, Цинхае и Яньани. Ряд гравюр имеет тексты, дополняющие содержание изображений. Они могут быть исполнены в прозе, стихах или в виде параллельных строк. Названия некоторых лубков авторов из Внутренней Монголии дублируются на монгольском языке, авторов из Цинхая — на тибетском языке.

Большинство картинок исполнены в горизонтальной плоскости по одной на листе. Три лубка — вертикальные. Семь листов содержат от двух до шестнадцати иллюстраций. Среди них два лубка двойные (на листе отпечатаны по два изображения), один — тройной, один — с четырьмя изображениями, один — с пятью, один — с шестью и один — с шестнадцатью.

III. Тематика картинок *синь няньхуа*. Обзор отдельных иллюстраций

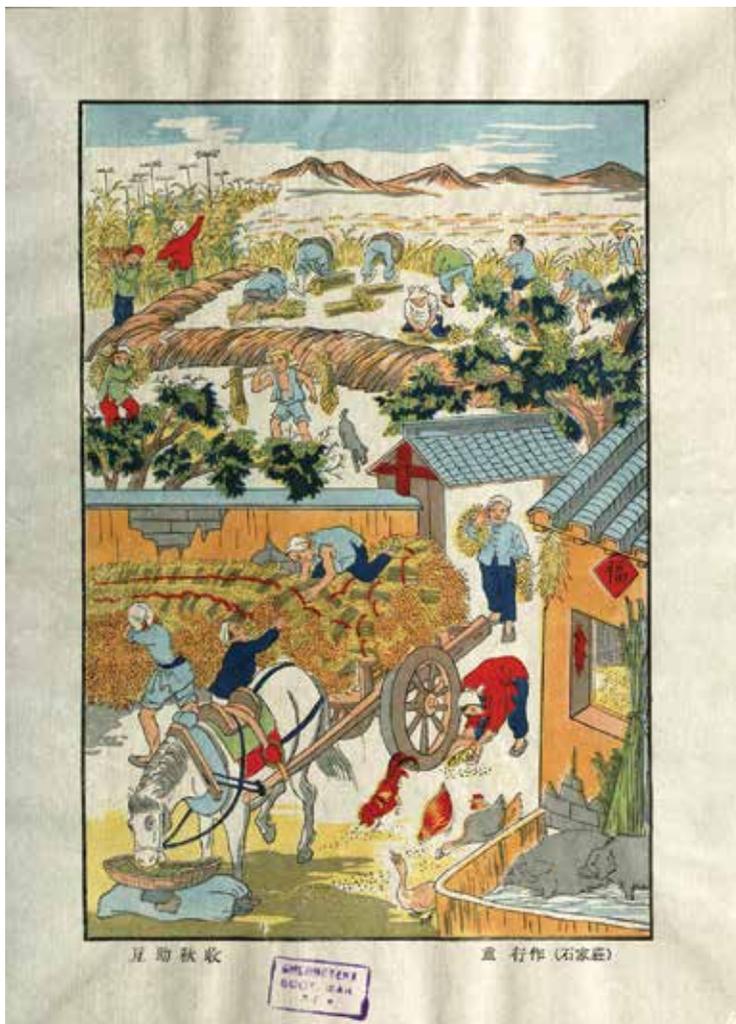
Детальное ознакомление с лубками позволило разделить их по содержанию на следующие основные тематические группы (названия некоторых из них могут носить условный характер):

- 1) сельское хозяйство (20 лубков);
- 2) учеба (шесть лубков);
- 3) народ и армия (шесть лубков);
- 4) празднование дня образования КНР (четыре лубка);
- 5) новые герои (четыре лубка);
- 6) единство нации (два лубка);
- 7) советско-китайская дружба (три лубка);
- 8) чествование Мао Цзэдуна (три лубка);
- 9) промышленное производство (три лубка);
- 10) народные выборы (два лубка);
- 11) гражданская война (два лубка);
- 12) борьба с империализмом (один лубок);
- 13) дверные картинки (один лубок);
- 14) народное празднество (один лубок);
- 15) народное предание (один лубок);
- 16) борьба за мир (один лубок).

Мы видим, что тематика картинок довольно разнообразна. Главным образом, в них нашли отражение важнейшие события, происходившие в Китае и мире в 1949–1950 годы.

Безусловно важнейшими событиями в стране стали победа в гражданской войне (1946–1949), объединение нации, рождение единого многонационального государства, утверждение в стране мира, развитие промышленности и сельского хозяйства. Причем подавляющее большинство лубков, как видно из классификации, тематически связаны именно с бурным подъемом села. Изображая сцены сельской жизни, художники воспевают успехи аграрной реформы, дают селянам нехитрые наглядные рекомендации и сулят им богатые урожаи, с которыми неизменно связываются благополучие и счастливая жизнь китайцев. Ведь китайское население тогда преимущественно состояло из крестьян. Доля городских жителей была ничтожно мала. Государству предстояло в первую очередь решить именно аграрный вопрос и проблему обеспечения многомиллионного населения продовольствием. Для этого создавались производственные кооперативы, государственные хозяйства, присылалась в село техника (тракторы и грузовые автомобили). Техника стала одним из символов новой жизни. Для овладения ею необходима грамотность. Отсюда и отдельные повторяющиеся в разных вариациях сюжеты с призывом к учебе и самообразованию. Через многие лубки лейтмотивом проходит идея коллективизма — на них везде присутствует обилие персонажей, занятых общим делом. Люди вместе трудятся, осваивают сельхозтехнику, обсуждают производственные планы, отдыхают, учатся, отмечают праздники, ходят на выборы, подписывают Стокгольмское воззвание. Именно такими выглядят селяне на картинах «Сортировка семян» Син Ляня, «Работы четырех сезонов» Би Шэна и Ван Цзюэ, «Взаимопомощь при сборе осеннего урожая» Чун Сина, «Экскурсия в госхоз» Дин Юя, «Чтение газеты» У Вэя и т. д. Часто труженникам села помогают солдаты, отзывчиво включающиеся в сельхозработы (картинка «Народная армия» Ту Кэ).

Мы рассмотрим два произвольно отобранных типичных, на наш взгляд, лубка. На небольшой по размеру картине «Взаимопомощь при сборе осеннего урожая» Чун Сина (ил. 1) показано обширное полотно, которое композиционно можно разделить на две основные части. В одной показаны крестьяне, вяжущие в поле снопы, на другой — доставляющие их во двор хозяйства и укладывающие вдоль стены. Вместе с тем на гравюре присутствует обилие мелких деталей — все снопы обмотаны красной веревкой, перевозящая их лошадь ест корм из корыта, поставленного на наполненный, видимо, им же мешок. В углу двора в специальном загоне развалились свиньи. По двору бегают петухи, куры и гуси — они клюют рассыпанный по земле корм. За воротами видна направляющаяся во двор собака. Вдалеке два крестьянина собирают кукурузу. На одной из сельхозпостроек висит иероглиф «счастье», под ним висит связка красных перцев. В действительности многие детали важны и несут смысловую нагрузку. Со времен поэмы «Персиковый источник» 《桃花源》 Тао Юаньмина 陶渊明 (IV век н. э.) пение петухов и лай собак символизируют

Ил. 1. «Взаимопомощь при сборе осеннего урожая» Чун Сина

зажиточность села. На то же указывают богатство урожая, сытая живность, красные ленты, знак «счастье». В совокупности эти и другие детали создают общую атмосферу сельской идиллии и счастья, которая может быть обобщена в устойчивом выражении «живут в покое и радостно трудятся» 安居乐业. Эта черта делает похожими *синь няньхуа* на канонические картины *гэнчжиту* 耕织图 о сельском труде.

Ил. 2. «Работы четырех сезонов» Би Шэна и Ван Цзюэ

Похожим образом организована картина «Работы четырех сезонов» (ил. 2). Она носит повествовательный характер. Состоит из четырех вертикальных частей, описывающих повседневную жизнь в деревне и разные виды сельскохозяйственных работ, актуальных для каждого времени года. Везде заметны идеи трудовой идиллии, коллективизма и благополучия, нашедшие отражение в картине Чун Сина. Единственное отличие состоит в том, что на лубках Би Шэна и Ван Цзюэ время показано в движении. На небольшом по объему пространстве авторам удалось уместить содержательный материал, показать десятки персонажей и множество деталей. Каждый лубок — словно сделанный с высоты птичьего полета снимок, изнутри показывает населенные пункты и окружающие его пространства с полями, садами, реками, дорогами. Первая часть показывает, как крестьяне весной готовят семена и плуги, везут их на поля, пашут, сеют. Кто-то кормит кур и свиней, кто-то носит на кухню воду. Дверь в кухню приоткрыта — видно, как девушка готовит пищу на печи-кане. И это — немаловажная деталь, потому что она сигнализирует о том, что люди не только трудятся, но и хорошо питаются. На втором изображении показан летний сюжет. Крестьяне пропалывают рис. В обеденное время женщины приносят им еду, и они, собравшись под деревом, принимают пищу, бурно обсуждая, видимо, рабочие моменты. На третьем изображении мы видим осень. Часть крестьян собирает в полях хлеб, часть — доставляет его в хозяйство, часть — укладывает в скирды, рушит и просеивает. На четвертом, «зимнем»

Ил. 3. «Сбор подписей под Стокгольмским воззванием» художницы Дэн Шу

эпизоде жители села ссыпают зерно в мешки, взвешивают, грузят в поезд и повозки, отправляют в город. Каждая из четырех частей дополнена стихотворным описанием. В стихах к четвертому эпизоду разъясняется важность отправки зерна в город: оно идет на нужды промышленного строительства, что необходимо для обеспечения того же села нужной продукцией и достижения самодостаточности страны.

Особо выделяется картина «Сбор подписей под Стокгольмским воззванием» художницы Дэн Шу (ил. 3). Лубок откликается на Стокгольмское воззвание — документ, принятый Постоянным комитетом Всемирного конгресса сторонников мира (впоследствии переименован во Всемирный совет мира) по инициативе нобелевского лауреата и выдающегося французского физика Фредерика Жолио-Кюри (1900–1958) во время сессии конгресса, проходившей в столице Швеции с 15 по 19 марта 1950 года. В документе было зафиксировано обращение общественности к правительствам мира с требованием о запрете применения ядерного оружия против человечества. Тогда воззвание подписали свыше 270 миллионов человек, представлявших государства Европы, Азии и американского континента. Эта картинка единственная, чье название дублируется на английском языке (*Villagers signing the Stockholm peace appeal*). Видимо, она изначально предназначалась для распространения не только в Китае, но и за рубежом.

На картине Дэн Шу показана сцена, случившаяся на окраине одного из многочисленных в Китае полей — к крестьянам принесли на подписание длинный свиток с коротким текстом «Сбор подписей в защиту мира». Они сооружают из мешков стол и, сгрудившись вокруг, по очереди ставят свои подписи. Видно, что это люди разных возрастов — от мала до велика. Кто-то, оживленно жестикулируя, бурно обсуждает происходящее. Кто-то машет рукой и подзывает других крестьян, издали устремляющихся к столу. Среди последних заметно выделяется мужчина с перевязанной головой и костылем, напоминающий отставного раненого солдата. Он тоже спешит к столу. Сцена выглядит живой и натуральной. Жесты и лица людей показаны выразительно. Заметно, что они относятся к событию серьезно, придают ему немалое значение.

Невзирая на то, что со времени образования КНР ко времени публикации альбома прошел только год, эти гравюры наполнены оптимизмом и уверенностью в том, что страна идет по правильному пути развития и ее ждет счастливое будущее. В каком-то роде *синь няньхуа* выглядят благопожелательными, так как в них показано то состояние общества, которое кажется авторам идеальным, которое если еще не достигнуто, то будет достигнуто.

IV. Проблема преемственности *няньхуа* и *синь няньхуа*

Многие картины имеют ярко выраженную связь с традиционной живописью *сохуа* и народным лубком. Она проявилась в использовании авторами некоторых деталей (благопожелательные надписи на красных полотнах, иероглифы «счастье», выкрашенные в красный цвет тыквы, обилие детей и красного цвета), структурных и композиционных приемов (текстовый и изобразительный параллелизм, подписывание изображений стихами, создание смысловых деталей), позаимствованных у более ранних *няньхуа* и традиционных картин.

Например, «Дверные картинки» Чжан Цзяньвэня (ил. 4) представляют собой стилизацию под изображения «духов ворот» *мэньшиэней*, вешавшихся на створки входных дверей и охранявших китайское жилище от нечистой силы и зла. Картина Чжан Цзяньвэня состоит из двух изображений, показывающих устремленных друг к другу рабочего и крестьянина, одетых в типичную для жителей города и села того времени одежду и ведущих в поводу лошадей. Примечательно то, что лошади принадлежат по-разному окрашенным мастям — белой и красно-коричневой. Едва ли по замыслу автора они должны символизировать темное и светлое начала китайской философии (т. е. *инь* и *ян*) — скорее всего, такое противопоставление проявилось подсознательно под влиянием традиционного искусства, в котором оно часто встречается. Лошадь крестьянина нагружена продукцией сельского хозяйства (мешками с зерном, связками с зеленью). Сам крестьянин на плече несет красный нарядный мешок, наполненный дарами села (предположительно, шерстью

Ил. 4. «Дверные картинки» Чжан Цзяньвэня

или хлопком). Лошадь рабочего везет необходимые в деревне промышленные изделия. На плече рабочего сложены рулоны ткани. На лубках запечатлены две оформленные в нарядные рамки парные надписи, имеющие содержание: «Взаимопомощь между городом и селом — Обмен товарно-материальными ценностями» (城乡互助, 物资交流). Таким образом, мы видим, что художник позаимствовал у традиционных дверных *няньхуа* форму парного лубка и вложил в него новый смысл — идею единства города и села, стоящих на страже взаимных интересов и дающих друг другу все необходимое для строительства счастливой жизни.

Элемент парных надписей присутствует также на картине «Весной добавим в поля больше навозу — осенью соберем больше урожая» Во Чжа (ил. 5). Обе надписи, давшие лубку название, приводятся на двух вертикальных красных полотнах по правую и левую стороны от основного изображения, на котором показана сцена сбора и переноски навоза. Поверх него предлагается другое изображение — с наглядной демонстрацией богатого урожая, который можно собирать, если удобрять поля навозом. Язык плаката прост и доходчив именно благодаря наличию визуального и текстового противопоставления. Параллельный текст лишь акцентирует внимание на этом противопоставлении и в то же время служит лозунгом, содержащим руководство к действию.

Ил. 5. «Весной добавим в поля больше навозу — осенью соберем больше урожая» Во Чжа

Другой художник — Ли Цюнь (картина «Чтение газеты» (ил. 6)) — для пропаганды грамотности и самообразования перенял у *няньхуа* форму народного календаря. Прежде в Китае в канун китайского Нового года для населения печатались специальные лунные календари-*няньхуа*, обычно с изображениями духа покровителя очага Цзао-вана, его супруги и слуг (ил. 7)¹. Такие календари выполняли двойную функцию. С одной стороны, они должны были охранять дом от нечисти и привлекать удачу. С другой — следовать прямому назначению и показывать расписанные по месяцам дни года. Календарь Ли Цюня внешне напоминает традиционный календарь. Он также состоит из двух частей. В верхней части — в рамке, весьма похожей на рамки на традиционных календарях, — показаны дни года и дается информация о том, когда и какие виды сельскохозяйственных работ надлежит выполнять. В нижней части изображено большое крестьянское семейство, собравшееся вокруг пожилого человека с номером газеты «Крестьяне провинции Шаньси» в руках. Он читает ее вслух, а окружающие внимательно слушают, повернувшись к нему. Примечательно то, что над календарем приводится изображение Мао Цзэдуна, обрамленное флагами КНР и СССР. Очевидно, этот *синь няньхуа* посвящался также теме советско-китайской дружбы.

¹ Календарь из Восточного отдела Научной библиотеки им. М. Горького СПбГУ.

Ил. 6. «Чтение газеты» Ли Цюня

Много сходства можно увидеть между рассматривавшимися выше лубками «Работы четырех сезонов» (ил. 2), «Взаимопомощь при сборе осеннего урожая» (ил. 1) и грандиозными полотнами средневековой китайской живописи, показывающими масштабные сцены городской и сельской жизни (например,

Ил. 7. Няньхуа-календарь на 1929 год

такова знаменитая панорама «По реке в День поминовения усопших» 清明上河图 Чжан Цзэдуаня (张择端, XI в.). Форма этих лубков также могла повлиять на художников *синь няньхуа*.

На связь с традиционными *няньхуа* может указывать также и прием использования многочисленных образов детей — преимущественно в произведениях, посвященных образованию КНР и советско-китайской дружбе. Появление в них детей может олицетворять начало новой жизни и пожелание блестящих перспектив.

V. Заключение

Изучив хранящиеся в Восточном отделе Научной библиотеки им. М. Горького СПбГУ картины жанра *синь няньхуа*, мы осуществили классификацию их тем и выделили в ней шестнадцать тем. Тематическое своеобразие картин мы объяснили их связью с событиями, современными или предшествовавшими публикации альбома. Установили, что количественное преобладание лубков с сельскохозяйственной тематикой было вызвано особой актуальностью происходивших тогда в китайской деревне преобразований. Детальный анализ иллюстраций позволил заметить связь искусства *синь няньхуа* с *няньхуа* и китайской традиционной культурой, проявившуюся в использовании для нового содержания старых форм, деталей и художественных приемов.

Список литературы

1. Алексеев В. М. Китайская народная картина. Духовная жизнь старого Китая в народных изображениях. М.: Наука, 1966. 260 с.
2. Виноградова Т. И. Китайская народная картина — *няньхуа*: проблемы систематизации и периодизации // XXVII Научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы докладов. М.: Наука, 1986. Ч. 2. С. 50–55.
3. Виноградова Т. И. О новизне «новых народных картин» // Общество и государство в Китае. Т. XLV. М.: ИВ РАН, 2015. Ч. 2. С. 390–401.
4. Виноградова Т. И. Театральная *няньхуа* и пекинская музыкальная драма // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XX годовичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (доклады и сообщения). М.: Наука, 1986. Ч. 1. С. 109–113.
5. Восточный отдел НБ СПбГУ. Инвентарная книга № 91(9), янв.-окт. 1951 г. Даты записи: 8 мая и 27 июня 1951 г.
6. Гультьева Г. С. Китайская народная картина *няньхуа* XX века: типология жанров и эволюция: дис. ... канд. искусствоведения. СПб., 2007. 231 с.
7. Гультьева Г. С. Китайская народная картина *няньхуа* в современной художественной культуре (1980–1990 гг.) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. СПб., 2007. Т. 10. № 31. С. 46–50.

8. Китайская народная картина няньхуа из собрания Государственного Эрмитажа: каталог выставки / авт. стат. и аннот. М. Л. Рудова и Н. Г. Пчелин. СПб.: Славия, 2003. С. 287.
9. Комаровская П. А. Исторические факторы возникновения и развития современной китайской «крестьянской картины» (нунминьхуа) // *Страны и народы Востока*. 2013. № XXXIV. С. 287–299.
10. Муриан И. Ф. Китайский народный лубок. М.: Искусство, 1960. 122 с.
11. Муриан И. Ф. Современный китайский лубок. М.: Изогиз, 1958. 42 с.
12. Рифтин Б. Л. Няньхуа // *Духовная культура Китая: энциклопедия: в 6 т. Т. 6. Искусство* / ред. М. Л. Титаренко и др. М.: Восточная литература, 2010. С. 684–686.
13. Рудова М. Л. Китайская народная картинка. СПб.; Калининград: Аврора — Янтарный сказ, 2003. 64 с.
14. Рудова М. Л. Китайская театральная лубочная картина // *Труды Государственного Эрмитажа*. Л.: Искусство, 1958. Т. 2. С. 238–251.
15. Рудова М. Л. Коллекция академика В. М. Алексеева // *Сообщения Государственного Эрмитажа*. Т. XIX. Л.: ГЭ, 1960. С. 38–41.
16. Рудова М. Л. Систематизация китайских народных картин няньхуа ленинградских собраний // *Труды Государственного Эрмитажа*. Л.: Искусство, 1961. Т. 5. С. 286–298.
17. Рудова М. Л. Цай Шэнь — Гуань Юй // *Страны и народы Востока*. Вып. XI. М.: Наука, 1971. С. 105–118.
18. Червова Н. А. Современная китайская гравюра. 1931–1958. М.: Восточная литература, 1960. 171 с.
19. Чэнь Янь-цяо. Лу Синь и гравюра на дереве. М.: Искусство, 1956. 65 с.
20. Flath J. A. *The Cult of Happiness: Nianhua, Art, and History in Rural North China*. Vancouver and Toronto: UBC Press; Seattle: University of Washington Press, 2004. 188 p.
21. Hung Chang-Tai. Repainting China: New Year Prints (Nianhua) and Peasant Resistance in the Early Years of the People's Republic // *Comparative Studies in Society and History*. 2000. No. 42(4). P. 770–810.
22. Lust J. *Chinese Popular Prints*. Leiden: Brill, 1996. 352 p.
23. Shen Kuiyi. Propaganda Posters in China // S. R. Landsberger, M. Van der Heijden (eds). *Chinese Posters: The IISH-Landsberger Collections*. New York and London: Prestel, 2009. P. 8–20.
24. 李光廷. 乡言解颐. 1849年. Ли Гуантин. Деревенские разговоры под смех. 1849 г.
25. 新年画选集. 中华全国美术工作者协会. 上下册. 北京, 1950年. Собрание избранных новых няньхуа / сост. Всекитайская ассоциация работников искусства. Ч. 1–2. Пекин, 1950.

References

1. Alekseev V. M. Kitayskaya narodnaya kartina. Duhovnaya zhizn' starogo Kitaya v narodnyh izobrazheniyah. [Chinese folk painting. The spiritual life of old China in folk images]. Moscow: Nauka, 1966. 260 p. (In Russian).
2. Chen Yan-qiao. Lu Sin' i gravyura na dereve. [Lu Xin and woodcut pictures]. Moscow: Iskusstvo, 1956. 65 p. (In Russian).
3. Chervova N. A. Sovremennaya kitayskaya gravyura. 1931–1958. [Chervova N. A. Contemporary Chinese engraving. 1931–1958]. Moscow: Vostochnaya literatura, 1960. 171 p. (In Russian).
4. Flath J. A. *The Cult of Happiness: Nianhua, Art, and History in Rural North China*. Vancouver and Toronto: UBC Press; Seattle: University of Washington Press, 2004. 188 p.
5. Gulyaeva G. S. Kitayskaya narodnaya kartina nian'hua v sovremennoy hudozhestvennoy kul'ture (1980–1990 gg.) // *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena*. [Chinese folk painting of nianhua in modern art culture (1980–1990)] // *Bulletin of the A. I. Herzen Russian State Pedagogical University*. St Petersburg, 2007. Vol. 10. No. 31. P. 46–50. (In Russian).
6. Gulyaeva G. S. Kitayskaya narodnaya kartina nian'hua XX veka: tipologiya zhanrov i evolyutsiya: diss. ... kand. iskusstvedeniya. [Chinese folk painting nianhua of the 20th century: typology of genres and evolution: PhD thesis (Arts)]. St Petersburg, 2007. 223 p. (In Russian).
7. Hung Chang-Tai. Repainting China: New Year Prints (Nianhua) and Peasant Resistance in the Early Years of the People's Republic // *Comparative Studies in Society and History*. 2000. No. 42(4). P. 770–810.
8. Kitayskaya narodnaya kartina nian'hua iz sobraniya Gosudarstvennogo Ermitazha. Katalog vystavki. Avtory statey i annotatsiy M. L. Rudova i N. G. Pchelin. [Chinese folk painting nianhua from the collection of the State Hermitage. Exhibition catalog. Authors of articles and annotations M. L. Rudova and N. G. Pchelin]. St Petersburg: Slavia, 2003. 287 p. (In Russian).
9. Komarovskaya P. A. Istoricheskie faktory voznikoveniya i razvitiya sovremennoy kitayskoy «krest'yanskoy kartiny» (*nunmin'hua*) // *Strany i narody Vostoka*. [Historical factors of the emergence and development of the modern Chinese “peasant picture” (*nongminhua*)] // *Countries and Peoples of the East*. 2013. No. XXXIV. P. 287–299. (In Russian).
10. Li Guangting. Xiang yan jie yi. [Li Guangting. Village talk under the laughter's jokes]. 1849. (In Chinese).
11. Lust J. *Chinese Popular Prints*. Leiden: Brill, 1996. 352 p.
12. Murian I. F. Kitayskiy narodniy lubok. [Chinese folk popular painting]. Moscow: Iskusstvo, 1960. 122 p. (In Russian).
13. Murian I. F. Sovremenniy kitayskiy lubok. [Chinese modern folk popular painting]. Moscow: Izogiz, 1958. 42 p. (In Russian).
14. Riftin B. L. Nian'hua // Duhovnaya kul'tura Kitaya: enciklopediya v 6 t. T. 6. Iskusstvo / red. Titarenko M. L. i dr. [Nianhua // The Spiritual Culture of China:

Encyclopedia in 6 Volumes. Vol. 6. Art / Ed. Titarenko M. L. et al.]. Moscow: Vostochnaya literatura, 2010. P. 684–686. (In Russian).

15. Rudova M. L. Kitayskaya narodnaya kartinka. [Chinese folk pictures]. St Petersburg, Kaliningrad: Aurora, Yantarniy skaz, 2003. 64 p. (In Russian)

16. Rudova M. L. Kitayskaya teatral'naya lubochnaya kartina // Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha. [Chinese theater popular print // Transactions of the State Hermitage]. Leningrad: Iskusstvo, 1958. Vol. 2. P. 238–251. (In Russian).

17. Rudova M. L. Kolleksiya akademika V. M. Alekseeva // *Soobshcheniya Gosudarstvennogo Ermitazha*. [Collection of Academician V. M. Alekseev // *Reports of the State Hermitage Museum*]. Vol. XIX. Leningrad: State Hermitage, 1960. P. 38–41. (In Russian).

18. Rudova M. L. Sistematizatsiya kitayskikh narodnykh kartin nian'hua leningradskikh sobraniy // Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha. [Systematization of Chinese folk paintings nianhua of the Leningrad collections // Transactions of the State Hermitage]. Leningrad: Iskusstvo, 1961. Vol. 5. P. 286–298. (In Russian).

19. Rudova M. L. Tsai Shen' — Guan' Yui // *Strany i narody Vostoka*. [Tsai Shen — Kuan Yui // *Countries and Peoples of the East*]. 1971. Issue XI. Moscow: Nauka, 1971. P. 105–118. (In Russian)

20. Shen Kuiyi. Propaganda Posters in China // S. R. Landsberger, M. Van der Heijden (eds). *Chinese Posters: The IISH-Landsberger Collections*. New York, London: Prestel, 2009. P. 8–20.

21. Vinogradova T. I. Kitayskaya narodnaya kartina — nian'hua: problemy sistematizatsii i periodizatsii // XXVII Nauchnaya konferentsiya «Obschestvo i gosudarstvo v Kitae». Tezisy dokladov. [Chinese folk painting — *Nianhua*: problems of systematization and periodization // 27th Scientific Conference “Society and the State in China”]. Abstracts. Moscow: Nauka, 1986. Part 2. P. 50–55). (In Russian).

22. Vinogradova T. I. O novizne «novykh narodnykh kartin» // Obschestvo i gosudarstvo v Kitae. [On the novelty of the “new folk paintings” // *Society and State in China*]. Moscow: Institute of Oriental studies, Russian academy of sciences, 2015. Vol. XLV. Part 2. P. 390–401. (In Russian).

23. Vinogradova T. I. Teatral'naya nian'hua i pekinskaya muzykal'naya drama // Pis'menniye pamyatniki i problemy istorii kul'tury narodov Vostoka. XX godichnaya nauchnaya sessiya LO IV AN SSSR (doklady i soobshcheniya). [Theater *nianhua* and Beijing musical drama // Written monuments and problems of the history of culture of the peoples of the East. 20th annual scientific session of the Leningrad Branch of the Institute of Oriental Studies of the Academy of Sciences of the USSR (Papers and abstracts)]. Moscow: Nauka, 1986. Part 1. P. 109–113. (In Russian).

24. Vostochnyi otdel NB SPbGU, Inventarnaya kniga № 91(9), yanv.-okt. 1951. Daty zapisi: 8 maya i 27 iyunya 1951. [Oriental Department of the Academic Library of St Petersburg State University, Inventory Book No. 91 (9), Jan.-Oct. 1951. Records Dates: May 8 and June 27, 1951)]. (In Russian).

25. Xin nianhua xuanji. Zhonghua quanguo meishu gongzuozhe xiehui. Shang xia ce. [A collection of selected new *nianhua*. Comp. by All-China Art Workers Association]. Pts. 1–2. Beijing, 1950. (In Chinese).

Author's information

Dmitrii I. Maiatskii

PhD (Philology), Associate Professor, Department of Chinese Philology,
Faculty of Asian and African Studies, St Petersburg University

11, Universitetskaya nab., St Petersburg, 199034, Russia

E-mail: d.mayatsky@spbu.ru, taishan@yandex.ru.

Информация об авторе

Маяцкий Дмитрий Иванович

кандидат филологических наук, доцент, кафедра китайской филологии,
Восточный факультет, СПбГУ

Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 11

E-mail: d.mayatsky@spbu.ru, taishan@yandex.ru.

Victoria G. Sharonova (Institute of Far Eastern Studies, RAS, Moscow, Russia)

Andrei T. Belchenko: The First Steps in Diplomacy¹

Summary: Among the important sources of historical information about Russian-Chinese relations are memoirs written by diplomat Andrei Terentyevich Belchenko.

He hailed from a large Cossack family living in the Voronezh province. While still studying in the secondary school, he showed great ability in sciences. Having received an excellent matriculation certificate, the young Andrei Belchenko in 1893 entered the Oriental Studies Faculty (Sino-Manchu-Mongol Department) of St Petersburg University. In 1894, he simultaneously studied at the Faculty of Law of the University. Student Belchenko showed a great zeal and a high interest in Oriental studies. Brilliantly graduating from St Petersburg University, he, after completing military service, was recruited to the Ministry of Foreign Affairs, and was soon sent to Beijing as a student of the Russian Mission. Arriving at the duty station in April 1899, A. T. Belchenko began his diplomatic career in China. The young diplomat proved himself to be the best; he was entrusted with very important and complex issues. He paid much attention to the study of the Chinese language and translation activities. Andrei Terentyevich had an impeccable reputation among the colleagues of the Mission, established himself as a decent person and a reliable friend.

In the autumn of 1900, Belchenko received his first diplomatic post at the Russian Consulate in Fuzhou. In this southern port, Andrei Terentyevich paid great attention to issues of Russian-Chinese trade, and began to study the specifics of the trade of tea, which in those years was the main Chinese export to Russia. In Fuzhou, two major Russian trading companies for the purchase and production of tea had their branches — “Molchanov, Pechatnov and Co” and “Tokmakov, Molotkov and Co”. With representatives of these companies, the head of the consulate Belchenko visited mountain tea plantations and got acquainted with the work of local factories.

In addition to trade issues, Andrei Terentyevich paid great attention to upholding Russian interests in southern China, kept consular records and resolved various legal issues of the local Russian diaspora. A few months later, Belchenko was sent to Hankou, where he replaced the deceased consul A. S. Vakhovich. The young diplomat

---

¹ The study was supported by the RFBR grant № 17–21–21002 “History of the Russian-Chinese tea trade in the central and southeastern provinces of China from the middle of the 19th century to the beginning of the 20th century. According to the materials of Russian and Chinese archives”.

was busy with numerous issues related to consular work and the construction of the Russian concession.

The head offices of Russian tea factories were located in Hankou, including “Molchanov, Pechatnov and Co” and “Tokmakov, Molotkov and Co” companies. In conditions of high competition in the local market, especially with British merchants, it was extremely important to defend the interests of the Russian merchants. Having stayed in Hankou for several months, A. T. Belchenko arranged consular affairs; at the same time he was making decisions on the construction of the consulate building. He established friendly relations with the Chinese authorities and the diplomatic corps. Among local residents, including well-known tea dealers, he earned great respect and authority. He paid great attention to the study of the tea industry, went to plantations, visited Russian factories.

In addition to Hankou, the head of the Consulate A. T. Belchenko visited the neighboring city of Jiujiang, where there were Russian factories for the production of brick and plate tea, as well as the Kulin mountain region, where in the village of Lulin there were tea plantations and summer residences of Russian tea traders. Here was the territory of the Russian Spiritual Mission, the affairs of which he also dealt with. In his memoirs, he described his experience in detail and made recommendations on the development of tea production in Russia. His merits were highly appreciated by the leadership of the Ministry of Foreign Affairs and the Russian Diplomatic Mission. In the fall of 1902, he received a new appointment to the post of dragoman of the Mission in Beijing and left his beloved Hankou.

The memoirs, extracts from which are given in the article, describe in detail the first steps of their author in diplomacy. This material, which is a unique archival source, is introduced into scholarly circulation for the first time.

Keywords: Andrey Terentyevich Belchenko; China; Hankou; Fuzhou; Russian Consulate in Hankou; tea trade; Russian tea companies; Russian-Chinese relations.

Шаронова В. Г. (ИДВ РАН, Москва, РФ)

А. Т. Бельченко в Ханькоу: первые шаги в дипломатии¹

Аннотация: Среди важных источников исторической информации о русско-китайских отношениях можно назвать мемуары, написанные дипломатом Андреем Терентьевичем Бельченко (16.10.1873 — 1.02.1958). Он происходил из многолетней казачьей семьи, проживавшей в Воронежской губернии. Еще обучаясь в средних учебных заведениях, он показал большие способности к изучению наук. Получив прекрасный аттестат зрелости, юный Андрей Бельченко в 1893 году поступает на Восточный факультет Санкт-Петербургского университета по китайско-маньчжуро-монгольскому разряду (отделению).

---

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ по гранту № 17–21–21002 «История русско-китайской чайной торговли в центральных и юго-восточных провинциях Китая с середины XIX века по начало XX века, по материалам российских и китайских архивов».

В 1894 году он параллельно проходит обучение и на юридическом факультете университета. Студент Бельченко демонстрировал большое усердие и высокое стремление к знаниям. Блестяще окончив Петербургский университет, он, после прохождения военной службы, был принят на службу в Министерство иностранных дел и вскоре направлен в Пекин студентом Российской миссии.

Прибыв к месту службы в апреле 1899 г., А. Т. Бельченко начал свою дипломатическую карьеру в Китае. Молодой дипломат зарекомендовал себя с лучшей стороны, ему поручались очень важные и сложные вопросы. Много внимания он уделял изучению китайского языка и переводческой деятельности. Андрей Терентьевич имел безупречную репутацию среди коллег Миссии, зарекомендовал себя порядочным человеком и надежным другом.

Осенью 1900 г. Бельченко получил первый дипломатический пост в Российское консульство в Фучжоу. В этом южном порту Андрей Терентьевич большое внимание уделял вопросам российско-китайской торговли и стал изучать специфику чайной торговли, которая в те годы была главным звеном в китайском экспорте в Россию. В Фучжоу имели свои филиалы две основные русские торговые фирмы по закупкам и производству чая — компания «Молчанов, Печатнов и К» и компания «Токмаков, Молотков и К». С представителями этих компаний управляющий консульством Бельченко посетил горные плантации и познакомился с работой местных фабрик. Кроме торговых вопросов Андрей Терентьевич уделял большое внимание отстаиванию российских интересов на юге Китая, вел консульский учет и решал различные юридические вопросы местной русской диаспоры.

Спустя несколько месяцев, Бельченко был направлен в Ханькоу, где он заменил скончавшегося консула А. С. Ваховича. Молодой дипломат был занят многочисленными делами, связанными с консульской работой и вопросами строительства Русской концессии. В Ханькоу находились главные конторы русских фабрик по производству чая, в том числе компаний «Молчанов, Печатнов и К» и «Токмаков, Молотков и К». В условиях высокой конкуренции на местном рынке, особенно с британскими торговцами, было крайне важно отстаивать интересы российского купечества. Пробыв в Ханькоу несколько месяцев, А. Т. Бельченко привел в порядок консульские дела, одновременно решая вопрос по строительству здания консульства. Он установил хорошие дружеские отношения с китайскими властями и дипломатическим корпусом. Среди местных жителей, в том числе известных чаоторговцев, он пользовался большим уважением и авторитетом. Он уделял большое внимание изучению чайной отрасли, выезжал на плантации, посещал русские фабрики. Кроме Ханькоу управляющий консульством А. Т. Бельченко посетил соседний город Цзюцзян, где находились русские фабрики по производству кирпичного и плиточного чая, а также горную местность Кулин, где в поселке Лулин находились чайные плантации и летние резиденции русских чаоторговцев. Здесь же располагалась территория Российской духовной миссии, делами которой также он занимался. В своих докладных записках он подробно описывал изученный им опыт и давал рекомендации по развитию чайного производства в России.

Его заслуги были высоко оценены руководством Министерства иностранных дел и Российской дипломатической миссии. Осенью 1902 года он получил новое назначение на должность драгомана Миссии в Пекине и покинул полюбившийся ему Ханькоу. В воспоминаниях, отрывки из которых приводятся в публикации, подробно рассказывается о первых шагах в дипломатии их автора. Данный материал впервые вводится в научный оборот и является уникальным архивным источником.

Ключевые слова: Андрей Терентьевич Бельченко; Китай; Ханькоу; Фучжоу; Российское консульство в Ханькоу; чайная торговля; русские чайные компании; русско-китайские отношения.

Одним из важных источников исторической информации о русско-китайских отношениях являются воспоминания российских дипломатов. Среди них можно назвать мемуары Андрея Терентьевича Бельченко, русского дипломата, много лет служившего в Китае и наиболее известного в качестве генерального консула императорской России в Ханькоу. О жизни и деятельности российского дипломата отечественными исследователями написано несколько работ¹. Однако его имя еще мало известно для широкого круга историков, поэтому подготовка к изданию его «Воспоминаний», в которых освещается более чем сорокалетний период его пребывания в Китае на различных дипломатических постах, имеет большое значение и представляет глубокий научный интерес.

Коллекция личного фонда А. Т. Бельченко находится в коллекции архива Русского музея в г. Сан-Франциско в фонде № 54. Данный фонд содержит многочисленные материалы о деятельности русских загранучреждений в Китае с конца XIX века, протоколы переговоров, документы о русских концессиях в Ханькоу и Тяньцзине. Среди служебных бумаг известного дипломата

¹ См.: Акиншин А. Н. Дипломат Андрей Терентьевич Бельченко // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология*. 2013. № 1. С. 73–76; Кононова М. М. Защищая интересы Русского дела: деятельность бывшего генерального консула в Ханькоу А. Т. Бельченко в эмиграции // Сб. статей Международной научно-практической конференции «Духовная миссия русской дипломатии в Китае». Санкт-Петербург: Культурный фонд «Знаменитые универсанты СПбГУ», 2016. С. 77–82; Хохлов А. Н. Русско-китайская чайная торговля и политика России в отношении Китая. Россия и страны Тихоокеанского региона в начале XIX–XX веков. Иркутск: Иркутск. педаг. ун-т, 1988. С. 18–38; Шаронова В. Г. Провинция Цзянси в русско-китайских отношениях в конце XIX — нач. XX века // *Китай в мировой и региональной политике. История и современность*. Вып. XXIII / отв. ред.-сост. Е. И. Сафронова. М.: ИДВ РАН, 2018. С. 363–376; Шаронова В. Г. История русской эмиграции в Восточном Китае в первой половине XX века / под ред. и с предисл. В. С. Мясникова. М.: Центр гуманитарных инициатив; СПб.: Университетская книга, 2015. С. 53–62; Шаронова В. Г. Чень Кайке. Русская концессия в Ханькоу; Шаронова В. Г. Русская эмиграция в Ханькоу // Сб. статей «Русское зарубежье и современность». Центр сравнительного изучения цивилизаций / ред.-сост. Т. Г. Петрова, В. Г. Шаронова. Вып. 6. М.: ИНИОН РАН, 2017. С. 17–27.

можно найти большой массив документов о проводимых им исследованиях по производству чая и изучению опыта чайной промышленности в Китае, его размышления о становлении чайной культуры в России. Кроме подробных дипломатических депеш он уделял особое место описанию взаимоотношений русских диаспор в тех городах, где проходила его служебная деятельность.

Так сложилось, что большая часть дипломатической службы А. Т. Бельченко в Китае была связана с городами-портами (Ханькоу, Фучжоу, Тяньцзинь, Инкоу, Кантон), осуществлявшими торговлю с Россией. Как известно, главным предметом экспорта был чай, пользующийся большой популярностью у русского населения. Именно на поприще продвижения русско-китайских торговых отношений Бельченко удалось добиться значительных успехов.

Будущий дипломат родился 16 октября 1873 г. в селе Козловка Бобровского уезда Воронежской губернии, у сельского писаря Терентия Парфентьевича и его жены Пелагеи Иоакимовны Бельченко. Его отец был отставным военным, переселившимся в эти края из Полтавской губернии. Мать происходила из елецких мещан, также переехавших в этот край в поисках лучшей доли. Кроме Андрея, в семье было еще четверо детей¹.

Окончив несколько средних учебных заведений, начиная от Бобровской прогимназии и заканчивая Воронежской гимназией, он отправился покорять столицу, где успешно поступил на 1-й курс Восточного факультета Петербургского университета. В течение многих десятилетий Восточный факультет столичного университета являлся кузницей кадров российской дипломатии, и его выпускники верно служили своему отечеству на дальних рубежах.

«С самого начала своего существования Восточный факультет целенаправленно готовил востоковедов, способных как в науке, так и в практических сферах. Поэтому многие его выпускники находили свое призвание на дипломатическом поприще, способствуя укреплению связей России со странами Востока. Первый декан Восточного факультета профессор Александр Касимович Казем-Бек еще в 1857 г. в этой связи отмечал, что „можно положительно и безошибочно заключить, что назначение нашего факультета чисто практическое, непосредственно применяемое к делу, именно — приготовление молодых людей для службы по ведомству иностранных дел, военному и другим...“

Начиная с самых первых выпусков Факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета всегда находились молодые люди, достигавшие больших успехов на дипломатической службе»².

¹ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 30103. Л. 6.

² Самойлов Н. А. Вклад выпускников Санкт-Петербургского (Ленинградского) университета в развитие российско-китайских отношений // Сб. статей Международной научно-практич. конференции «Духовная миссия русской дипломатии» в Китае. СПб.: Издательство «Знаменитые универсанты», 2016. С. 24.

Студент Бельченко демонстрировал хорошие знания и стремление к освоению изучаемых наук. Одновременно с учебой на Восточном факультете по китайско-монгольско-маньчжурскому разряду он поступил на юридический факультет. Из-за тяжелого материального состояния семьи талантливый универсант¹ получал стипендию «по бедности» и от оплаты за обучение был освобожден.

В своих воспоминаниях Андрей Терентьевич уделяет особое внимание преподавателям китайского языка. В частности, он писал: «О Дмитрие Алексеевиче Пешурове², математике и астрономе по образованию, у меня сохранились самые наилучшие воспоминания. Бывал я в его семье, и он хлопотал за меня при моих домогательствах к поступлению в Министерство иностранных дел. В декабре 1902 г. я писал ему из Пекина, что очень рад, что оправдал его доверие ко мне и что ему не приходится краснеть за меня в Министерстве.

В 1904 г., будучи в России в отпуске, я хотел посетить его, но никто не мог сказать мне определенно его адреса, и лишь из письма его ко мне от 8 ноября 1905 г. я узнал, что он в г. Мосальске Калужской области. По этому адресу 25 апреля 1906 г. ему были посланы мною из Пекина просимые им 50 черенков китайской груши. На мое письмо по этому поводу от 30 марта 1906 г. из Нючжунана (Инкоу) с его стороны ответа не последовало. Возможно, что он уже умер»³.

Успешно окончив университет в 1897 году, выпускник Бельченко отправился отбывать воинскую повинность в Александро-Невский резервный полк. Вернувшись в Петербург спустя год, Бельченко стал хлопотать о своем поступлении на службу в МИД. Вскоре, согласно приказу по МИД от 11 декабря 1898 г., он был направлен студентом в Императорскую миссию в Пекине. Началась его долгая жизнь, связанная с Китаем, продлившаяся полвека.

Отправляясь к месту своей первой службы, А. Бельченко посетил ряд китайских городов, где находились российские представительства. Уже перед самым Пекином у него была последняя остановка в Тяньцзине, где его тепло принял консул Н. А. Шуйский⁴. Портовый город был знаменит торгово-промышленной деятельностью и наличием нескольких иностранных концессий. Чуть позже здесь была учреждена и Русская концессия. Главными представителями нашей колонии были купцы, банкиры, агенты, перевозчики.

Деятельность русских купцов заключалась в переотправке китайских чаев и товаров из разных районов Китая до Кяхты и доставке русских товаров (меха, сукно, керосин) вовнутрь страны.

¹ Универсант (*устар.*) — студент университета.

² Пешуров Дмитрий Алексеевич (1833–1913) — востоковед, профессор китайской словесности.

³ Воспоминания А. Т. Бельченко. С. 41. Готовится к публикации.

⁴ Шуйский Николай Алексеевич (1852, Варнавино Костромской губ. — 1909, ст. Маньчжурия, КВЖД).

Несмотря на наличие консульства, главой местной русской колонии считался известный кяхтинский купец Алексей Дмитриевич Старцев, хозяин чайной фирмы, связанной с крупной чаоторговой компанией «Токмаков, Молотков и К», являющийся также владельцем большого имущества на Русском острове во Владивостоке. Вместе со своей семьей Старцев проживал в своем огромном доме-поместье на территории Французской концессии.

Вторым по значимости в русском городском сообществе был екатеринбургский купец Михаил Дмитриевич Батуев, чья чайная фирма была связана с компанией «Молчанов, Печатнов и К». Батуев владел большим имуществом на Британской концессии, его дом был всегда открыт для гостей, где русские и иностранцы находили радушный прием.

За то короткое время, которое Андрей Терентьевич находился в Тяньцзине, он успел подружиться с обоими купеческими семействами, посетил конторы их компаний, познакомившись как с комиссионерской, так и с чаоторговой деятельностью.

18 апреля 1899 г. Бельченко отправился в Пекин к месту своего назначения по железной дороге, которая в те времена еще только строилась и не доходила до самой столицы. Сразу по приезде молодой дипломат был принят посланником Михаилом Николаевичем Гирсом¹, который рассказал ему о деятельности Миссии и поставил перед новым сотрудником задачу скорейшего повышения уровня китайского языка, а также изучение французского языка.

В течение нескольких месяцев, являясь студентом Миссии, молодой дипломат тщательным образом занимался китайским языком. Его общительный характер и трудолюбие позволили ему завязать знакомства с коллегами, например, Н. Ф. Колесовым², а также с семьей начальника русской почты Н. Гомбоева, жена которого приходилась родной сестрой А. Д. Старцеву.

Описывая свое новое жилье в Пекине, Бельченко сообщал: «Все дипломатические миссии, окруженные высокими стенами, помещались в зданиях, переделанных из китайских строений или буддийских храмов, и смешивались с обычными китайскими жилищами»³.

Вскоре все служившие в Миссии студенты разъехались по консульствам, получив назначения, и Андрей Бельченко остался в ней в единственном числе, говоря о себе, что он «жнец и на дуде игрец».

Одним из важных вопросов, которые ему были поручены, был вопрос, связанный с обострением местных российско-британских отношений в Ханькоу, где в то время шло активное строительство Русской концессии.

---

¹ Гирс Михаил Николаевич (22.04.1856 — 27.11.1932, Париж).

² Колесов Николай Федорович (11.07.1868, Петербург — 28.11.1925, Пекин).

³ Воспоминания А. Т. Бельченко. С. 87.

Благодаря успехам нашей чайной торговли и итогам визита наследника — цесаревича Николая Александровича в этот город в 1894 году китайскими властями была выделена территория для строительства Русской концессии. Это очень не понравилось представителям местной английской колонии, т. к. русские купцы в 1890-х годах начали вытеснять их с рынка чайной торговли, а основание концессии закрепляло за ними еще большие права на ведение торговых дел в данном регионе.

Камнем преткновения стал спор за участки земли, которые принадлежали английской компании «Jardin&Matheson», расположенные практически в центре Русской концессии. Российский консул А. С. Вахович¹ не считал возможным признать эти участки британскими, и это повлекло конфликт, перешедший позже в вооруженное состояние. Местные английские власти всячески старались помешать укреплению позиций русского купечества и вернуть перехваченную у них инициативу лидеров чайной торговли.

Действительно, чай был в то время одним из самых популярных вывозимых китайских товаров, поэтому в Ханькоу шла жесткая конкуренция за его экспорт в европейские страны и Америку.

Для решения возникшего территориального спора была создана специальная комиссия, в которую со стороны России вошел Д. Д. Покотилов², а со стороны Британии — управляющий Гонконг-Шанхайским банком в Ханькоу. Наш представитель предложил выкупить спорные участки земли за любую сумму. Но англичане остались непреклонными.

Всю документацию по переписке между Миссией, Центром и консульством в Ханькоу вел молодой А. Т. Бельченко, стараясь, чтобы информация доходила до ее получателей своевременно и точно. Все больше погружаясь в суть проблемы, Андрей Терентьевич предлагал свои варианты выхода из сложной ситуации и параллельно подробно знакомился с ситуацией и деятельностью русской колонии в Ханькоу.

Созданная двухсторонняя Комиссия не пришла ни к какому соглашению, но как писал в своих воспоминаниях Андрей Терентьевич: «Дано было известное время для охлаждения страстей, и дело было закончено с взаимными уступками, и в том я принял известное участие»³.

Начальство обратило внимание на высокий потенциал молодого дипломата, вскоре ему, как хорошо владеющему ситуацией, было предложено место секретаря в новом штатном расписании консульства в Ханькоу.

---

¹ Вахович Александр Степанович (8.09.1858, с. Луковцы Седлецкой губернии Бельского уезда — 12.02.1904, Ханькоу).

² Покотилов Дмитрий Дмитриевич (1865–1908, Пекин).

³ Воспоминания А. Т. Бельченко. С. 107.

Он получил письмо от своего покровителя Г. А. Плансона¹ из Петербурга, в котором тот писал: «Давно не имел известий от Вас, хотя стороною знаю, что Вы отлично занимаетесь и начальство Вами довольно. Меня это весьма радует, хотя, впрочем, особо не удивляет, ибо я здесь убедился в Ваших прекрасных душевных качествах»².

В 1898 году в Китае разразилось «Боксерское» восстание (1898–1901), направленное против засилья иностранцев в стране. Восстание кончилось поражением начавших его ихэтуаней³ и гибелью большого количества людей с обеих сторон. Многие города были разрушены, а ценности уничтожены. Часть Российской дипломатической миссии была эвакуирована в Тяньцзинь и располагалась в доме купца А. Д. Старцева. Андрей Бельченко принимал участие в обороне миссии и защите русской школы. Большой трагедией стало уничтожение повстанцами уникальной библиотеки и коллекции предметов культуры знаменитого купца. Не пережив горя, он вскоре скончался.

По окончании осады столицы сотрудники Российской дипломатической миссии постепенно вернулись в Посольский квартал из Тяньцзиня. Андрей Терентьевич описывал разрушенный Пекин в своих воспоминаниях: «Что за печальный вид предоставлял Пекин тому, кто любил его, и как сильно любил его я! Целые части города были развалинами из кирпичей и разбитых стекол. Красивая башня над Цяньмыньскими воротами была сожжена и лежала в развалинах»⁴.

Дипломатическая работа была восстановлена, и А. Т. Бельченко было поручено переписывание ряда официальных нот. Его успешная деятельность была замечена руководством Министерства иностранных дел, и он был представлен к награде, получив в 1900 году орден Святого Владимира 3-й степени за свои заслуги перед Отечеством.

Продолжавшиеся в Ханькоу конфликты консула А. С. Ваховича с британцами, а также возложенные на него тяжелые обязанности по ведению строительства концессии сильно подорвали его здоровье. Узнав о назначении А. Т. Бельченко секретарем консульства, он забрасывал письмами Миссию, в которых просил срочно прислать молодого дипломата в помощь, так как силы его оставляли, и он просился в отпуск в Россию на лечение.

Андрей Терентьевич был готов к выезду в Ханькоу, коллеги посмеивались над ним, собирая его в дорогу, что его, такого молодого и воспитанного человека, бородатые русские купцы приучат к своим шумным попойкам, и он «совсем пропадет». Однако, поскольку Ханькоу становился очень важным звеном в русско-китайской чайной торговле, все коллеги радовались новому

¹ Георгий Антонович Плансон (Плансон-Ростков) (1859–1937).

² Воспоминания А. Т. Бельченко. С. 117.

³ Ихэтуани — букв.: «отряды гармонии и справедливости».

⁴ Воспоминания А. Т. Бельченко. С. 123.

назначению Бельченко. Но этим планам не суждено было сбыться. Вместо Ханькоу он в августе того же года был срочно направлен в Русское консульство в Фучжоу, в связи с внезапной кончиной там генерального консула Н. А. Попова¹. М. Н. Гирс назначил А. Т. Бельченко в качестве управляющего консульством, считая, что он справится со своей непростой миссией в этом южном порту, игравшем важную роль в российско-китайских отношениях.

Прибыв на место, на свою первую самостоятельную работу, Бельченко активно включился в работу. Прежде всего необходимо было решить вопрос со зданием консульства, которое располагалось в личном доме скончавшегося Попова. Его вдова после похорон мужа уехала на родину, оставив вопрос с продажей здания в казну открытым. Дом был опечатан, а все консульские документы перенесены в контору филиала торговой фирмы «Молчанов, Печатнов и К». В Фучжоу находились агенты двух крупных российских чайных компаний, вечно конкурирующих между собой, вышеупомянутая фирма «Молчанов, Печатнов и К» и фирма «Токмаков, Молотков и К», в лице их представителей П. П. Марцинкевича и Д. М. Мельникова, а также две-три небольшие российские чайные конторы. Они закупали в основном улунские чаи и производили на собственных фабриках и в цехах кирпичные чаи. По объему поставок чая Фучжоу значительно проигрывал Ханькоу, но местные чаи обладали прекрасными вкусовыми качествами и были популярны в России, а производимые кирпичные чаи имели хороший сбыт в Сибири и на Дальнем Востоке. К тому же Россия имела на южном побережье свои коммерческие интересы.

Русская колония была невелика, агенты, как правило, приезжали сюда на открытие сезона, поэтому непосредственной консульской работы по выдаче разных свидетельств, паспортов и судебных ролей было немного. Это позволило Андрею Терентьевичу посетить горные чайные плантации, расположенные, как правило, в труднодоступных местах, и ознакомиться с работой русских и иностранных фабрик.

Описывая свое общение с соотечественниками, Андрей Терентьевич делился тем, что в их семьях «я находил сибирское радушие, и с которыми мне пришлось встретиться позже в Кьюкиане² — Ханькоу и играть известную роль в жизни этих людей»³.

Проведя в Фучжоу несколько месяцев и дождавшись приезда нового генерального консула Н. А. Шуйского, знакомого ему еще по Тяньцзиню, Бельченко в срочном порядке был направлен в Ханькоу, в помощь умирающему там консулу А. С. Ваховичу. Его путь пролегал через Шанхай, откуда он на корабле по Янцзы за неделю добрался до Ханькоу.

¹ Попов Николай Александрович (ум. 9.08.1901, Фучжоу).

² Ныне г. Цзюцзян, провинция Цзянси.

³ Воспоминания А. Т. Бельченко. С. 136.

Он приехал в город, ставший для него «домом» на многие годы, в январское утро 1902 г. и записал в своем дневнике: «Совсем не гостеприимно принял меня Ханькоу. Было довольно холодно, дул сильный ветер, и с трудом можно было пристать к берегу»¹.

На молодого дипломата свалилось много различных забот, а задать вопросы было некому, поскольку доктора не разрешали беспокоить больного консула. Через месяц после прибытия Бельченко в Ханькоу 42-летний А. С. Вахович скончался. «Смерть Ваховича заставила меня взять в управление Консульством, и я одинокий, без опыта и знаний, принялся за дело. Правда, работал я с утра до вечера, но быстро освоился с работой, хорошо знакомился с русскими и иностранными обществами, и жизнь покатила нормальным порядком. Желание понять человека и такт — великое дело. И в моем уме всегда рисовалась история образования русского Ханькоу, что еще больше заставляло меня работать на благо Отечества»².

По приказу императорского посланника молодой Бельченко вступил в управление консульством. Дела консульства были найдены им в беспорядке, особенно финансовые расчеты («особенно сложно разобраться с деньгами»³). Он не нашел в канцелярии консульства никакой обстановки, кроме сейфа и шкафов, в одном из которых лежал сборник законов. Не было ни пишущей машинки, ни положенных символов российского загранучреждения (герба, флага, портрета государя). У консула не было выездного экипажа. Но самая большая проблема заключалась в консульском переводчике, который говорил «только на местном наречии, был стар и глуп. В городе нет людей с пекинским наречием»⁴. Андрей Терентьевич закупает необходимую мебель, посвящает много времени приведению в порядок отчетности и архива, которыми болевший более двух лет консул Вахович не занимался из-за проблем со строительством Русской концессии. В докладной записке Бельченко пишет: «Текущие дела еще переваримы, но старое, старое... Волосы становятся дыбом, когда начинаешь рыться в архиве»⁵. Бельченко полностью перебирает архив, создает опись старых документов и вводит учет новых. После этого он систематизирует необходимые документы для составления положенного ежегодного отчета консулов о деятельности консульства.

Вторым безотлагательным делом было решение о строительстве здания консульства. Шло обсуждение о выделении денежных средств из Государственного казначейства, и постоянно требовалось предоставление тех или иных документов, чтобы проект был утвержден. Молодой дипломат считал: вопросом

¹ Воспоминания А. Т. Бельченко. С. 138.

² Там же. С. 140.

³ АВПРИ МИД РФ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 392. Л. 27.

⁴ Там же. Л. 36.

⁵ АВПРИ МИД РФ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 392. Л. 37.

о консульском доме, строительство которого еще не началось, должен был бы заниматься вновь назначенный консул и строить дом по своему вкусу. Цельного плана строительства здания и казармы для казаков охраны еще не было. Тем не менее до своего отъезда из Ханькоу временному управляющему пришлось готовить документы и утверждать проект будущих консульских построек.

В ноябре 1902 г. Департамент государственной экономики Государственного совета разрешил предоставить МИД кредит на постройку казенного дома для генерального консульства в Ханькоу в размере 38 225 рублей¹. Однако строительством комплекса занимался назначенный в апреле 1903 г. новым консулом в Ханькоу А. Н. Островерхов².

Начатое в 1897 г. строительство Николаевской набережной было в самом разгаре. Почти ежедневно Бельченко ездил на стройку и следил за ходом работ. Кроме того, некоторые клочки земли, принадлежащие русским чайным фирмам, мешали проведению проспекта вдоль набережной, и были необходимы средства для выкупа этих земель. Большая часть земель принадлежала компании «Молотков, Токмаков и К». Остаток денежных средств, выделенных на строительство, был выплачен этой чаоторговой фирме. В то же время для получения новых денежных средств на продолжение строительства концессии Бельченко продал четыре участка казенной земли на прибрежной части концессии почетному гражданину и купцу 1-й гильдии Семену Андреевичу Чиркову и три участка земли также на прибрежной части концессии — кяхтинскому купцу 2-й гильдии Я. К. Панову³.

Изучив опыт иностранных концессий в Ханькоу, молодой дипломат подготовил проект о налогообложении, предложив по примеру английской и французской концессии ввести на Русской концессии налог на землю и строения, а также на ввоз и вывоз товаров (торговую пошлину), а вырученные деньги тратить на нужды концессии.

Быстро строящаяся Русская концессия, находившаяся под тщательным наблюдением Общественного совета, в который входил и глава консульства, становилась главным конкурентом привыкшей лидировать Британской концессии. Нелегкие отношения, которые складывались между русскими и английскими коммерсантами, выливались в постоянные конфликты как на чайном рынке, так и на владении земельными участками у обеих концессий.

К этому времени в Ханькоу уже сложился круг русских торговцев, имевших большой авторитет как среди своей колонии, так и у местных и иностранных жителей. Кирпичный чай прессовался на трех фабриках в Ханькоу и на двух фабриках в Цзюцзяне. Главными, как и в других чайных портах, были компании «Токмаков, Молотков и К» и «Молчанов, Печатнов и К». Со служащими

¹ АВПРИ МИД РФ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 392. Л. 96.

² Островерхов Андрей Николаевич (9.06.1863, Тамбов — 10.10.1920, Кантон).

³ АВПРИ МИД РФ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 392. Л. 42.

обеих компаний у молодого дипломата складывались прекрасные отношения, которые продлились на многие годы.

Андрей Терентьевич, проявивший интерес к изучению чайного дела, выезжал на расположенные в местечке Янлоудун чайные плантации, знакомясь с процессом выращивания чайных кустов. Его интересовали вопросы разведения чая в самой России. В Ханькоу, где находились русские фабрики по производству чая, он также был желанным гостем, помогая в приобретении нового оборудования и занимаясь юридической стороной этих вопросов.

Казавшаяся крепкой и дружной, русская колония раздиралась внутренними конфликтами, возникающими между московскими и сибирскими купцами за первенство в чайном производстве.

В своем дневнике А. Т. Бельченко писал: «Некоторые трения между русскими фирмами мне удалось до некоторой степени сгладить и, когда я получил назначение на должность драгомана Миссии в Пекине, когда я уезжал в столицу, вся колония русских, несмотря на ранний час, вышла меня проводить»¹.

В конце июня 1902 г. в помощь А. Т. Бельченко в Ханькоу прибыл студент Миссии В. К. Никитин², который должен был принять консульские дела и ждать скорейшего приезда нового секретаря консульства Л. Г. Бродянского³. Воспользовавшись присутствием Никитина, Андрей Терентьевич направился по реке Янцзы осмотреть окрестности Ичана, а также чайные плантации в горах Лушань. Свое путешествие он тщательно описал в дневнике, снабдив его рисунками и фотографиями.

В местечке Лулин, одном из районов Кулина, находилась «Русская долина», территория которой принадлежала Пекинской духовной миссии. Договор о вечной аренде крупного участка земли был заключен между Россией и Китаем в 1898 г. Получив землю в полное неограниченное владение и на вечные времена, начальник Миссии епископ Иннокентий Фигуровский отдал ее в управление генеральному консулу А. С. Ваховичу. Приобретенная земля использовалась для извлечения материальной выгоды и небольшими участками сдавалась в аренду с условием экстерриториальности⁴.

Проведя более недели в местечке Лулин в компании с чаоторговцем Иваном Кирилловичем Пановым, он узнал подробности выращивания чая на горных склонах Лушаня и осмотрел цехи по сушке собранного с этих плантаций чая «Туман», получившего свое название оттого, что собирали его на рассвете с утренней росой.

¹ Воспоминания Бельченко. С. 145.

² Никитин Владимир Константинович (23.10.1877, Москва — 10.04.1931, Шанхай).

³ Бродянский Лев Григорьевич (16.07.1875 —?).

⁴ Шаронова В. Г. Провинция Цзянси в русско-китайских отношениях в конце XIX — нач. XX века // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Выпуск XXIII. Отв. ред.-сост. Е. И. Сафронова. М.: ИДВ РАН, 2018. С. 363–375.

Вернувшись из своего путешествия, А. Т. Бельченко, нанеся необходимые прощальные визиты иностранным дипломатам, тепло попрощался со ставшими ему родными представителями русской колонии.

1 сентября 1902 г. он передал дела молодому дипломату В. К. Никитину и покинул полюбившийся ему город, направляясь в Пекин для принятия должности драгомана Российской миссии.

Так завершилась первая встреча российского дипломата Бельченко с Ханькоу, портом на реке Янцзы, с которым судьба свяжет его на долгие годы жизни в Китае. Впереди предстояла долгая и нелегкая работа на дипломатическом поприще. Андрей Терентьевич занимал руководящие посты в консульствах в Ньючжуане, затем в Фучжоу и Кантоне, пока судьба не забросила его вторично в Ханькоу. Он был туда назначен с предоставлением ему лично звания генерального консула. До 1920 года он занимал этот пост, а после закрытия императорского консульства возглавлял различные эмигрантские организации. В мае 1924 года он был утвержден в звании генерального консула Португалии в Ханькоу, однако не принял португальское гражданство, оставаясь в статусе русского эмигранта. Проработав в Китае почти 50 лет, Андрей Терентьевич в декабре 1946 года отправился в отпуск в Париж, где воссоединился со своей семьей, состоящей из супруги Анны Васильевны, двоих дочерей и двоих сыновей. В 1948 году он эмигрировал в Америку, где прожил до своей смерти в 1958 году. Незадолго до кончины он передал весь свой архив в Музей русской культуры в Сан-Франциско, чтобы сохранить для потомков историю своей многолетней дипломатической карьеры в Китае. В этих воспоминаниях он подробно описывает свои первые самостоятельные шаги в дипломатии, проходившие в центрах русско-китайской чайной торговли — городах Фучжоу и Ханькоу, благодаря которым он получил бесценный опыт дипломатической службы.

Список литературы

Архивы:

1. Архив внешней политики императорской России МИД РФ. (АВПРИ МИД РФ). Фонд 143 (Китайский Стол). Оп. 491. Д. 392. Русская концессия в Ханькоу.
2. Архив Музея русской культуры в Сан-Франциско. Ф. 54. Бельченко А. Т.
3. Центральный государственный исторический архив г. Санкт-Петербурга. (ЦГИА СПб.). Ф. 14. Личные дела студентов Санкт-Петербургского университета. Оп. 3. Д. 30103. Бельченко А. Т.
4. Воспоминания А. Т. Бельченко. Личный архив автора.

Литература:

5. Акиншин А. Н. Дипломат Андрей Терентьевич Бельченко // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: «История. Политология. Социология»*. 2013. № 1. С. 73–76.

6. Кононова М. М. Защищая интересы Русского дела: деятельность бывшего генерального консула в Ханькоу А. Т. Бельченко в эмиграции // *Духовная миссия русской дипломатии в Китае* / Отв. ред. Н. Я. Олесич. СПб.: Культурный фонд «Знаменитые универсаны СПбГУ», 2016. С. 77–82.
7. Самойлов Н. А. Вклад выпускников Санкт-Петербургского (Ленинградского) университета в развитие российско-китайских отношений // *Духовная миссия русской дипломатии в Китае*. Духовная миссия русской дипломатии в Китае / Отв. ред. Н. Я. Олесич. СПб.: Культурный фонд «Знаменитые универсаны СПбГУ», 2016. С. 23–31.
8. Хохлов А. Н. Русско-китайская чайная торговля и политика России в отношении Китая // *Россия и страны Тихоокеанского региона в начале XIX–XX веков*. Иркутск: Иркутск. пед. ун-т, 1988. С. 18–38.
9. Шаронова В. Г. История русской эмиграции в Восточном Китае в первой половине XX века. / под ред. и с предисл. В. С. Мясникова. М.: Центр гуманитарных инициатив; СПб.: Университетская книга, 2015. 310 с.
10. Шаронова В. Г. Русская эмиграция в Ханькоу // *Россия и современный мир*. № 4(89). М.: ИНИОН РАН, 2015.
11. Шаронова В. Г. Чень Кайке. Русская концессия в Ханькоу // *Сб. статей «Русское зарубежье и современность»*. Центр сравнительного изучения цивилизаций / ред.-сост. Т. Г. Петрова, В. Г. Шаронова. Вып. 6. М.: ИНИОН РАН, 2017. С. 17–27.
12. Шаронова В. Г. Провинция Цзянси в русско-китайских отношениях в конце XIX — нач. XX века // *Китай в мировой и региональной политике. История и современность*. Вып. XXIII / отв. ред.-сост. Е. И. Сафронова. М.: ИДВ РАН, 2018. С. 363–376.

References

Archives:

1. Arhiv vneshney politiki imperatorskoy Rossii MID RF. (AVPRI MID RF). Fond 143 (Kitayskiy Stol). Op. 491. D. 392. Russkaya kontsessiya v Han'kou. [Imperial Russia's Foreign Policy Archive of the Russian Foreign Ministry. (APR MID-RUSSIAN FOREIGN POLICY). Fund 143 (Chinese Desk). Op. 491. D. 392. Russian concession in Hankou]. (In Russian).
2. Arhiv Muzeya russkoy kul'tury v San-Francisko. [Archive of the Museum of Russian Culture in San Francisco]. F. 54. A. T. Belchenko. (In Russian).
3. Tsentral'niy gosudarstvenniy istoricheskiy arhiv g. Sankt-Peterburga (TsGIA St Petersburg). F. 14. Lichniye dela studentov Sankt-Peterburgskogo universiteta. [Central State Historical Archive of St Petersburg. F. 14. Personal files of students of St Petersburg University]. Op. 3. D. 30103. A. T. Belchenko. (In Russian).
4. Vospominaniya A. T. Bel'chenko. Lichniy arhiv avtora. [Memoirs of A. T. Belchenko. Author's personal archive]. (In Russian).

Secondary Literature:

5. Akin'shin A. N. Diplomat Andrei Terent'evich Bel'chenko // *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sociologiya*. [Diplomat Andrei Terent'evich Belchenko // *Vestnik of Voronezh State University. Series: "History. Political science. Sociology"*]. 2013. № 1. P. 73–76. (In Russian).
6. Khohlov A. N. Russko-kitayskaya chaynaya trgovlya i politika Rossii v otnoshenii Kitaya // *Rossiya i strany Tihookeanskogo regiona v nachale XIX–XX vekov*. [Russian-Chinese Tea Trade and Policy of Russia in Relation to China // *Russia and countries of Pacific region in the beginning of the XIX–XX centuries*. Irkutsk: Irkutsk. ped. un-t, 1988. pp. 18–38. (In Russian).
7. Kononova M. M. Zashchisaya interesy Russkogo dela: deyatel'nost' byvshego general'nogo konsula v Han'kou A. T. Bel'chenko v emigratsii // *Duhovnaya missiya russkoj diplomatii v Kitae* / *Otv. red. N. Ya. Olesich*. [Defending the Russian Cause: Activity of the former Consul General in Hankou, A. T. Belchenko in exile // *Spiritual mission of the Russian diplomacy in China* / Ed. N. Ya. Olesich]. St Petersburg: Kul'turniy fond «Znamenitiye universanty SPbGU», 2016. P. 77–82. (In Russian).
8. Samoylov N. A. Vklad vypusnikov Sankt-Peterburgskogo (Leningradskogo) universiteta v razvitie rossiysko-kitayskih otnosheniy // *Duhovnaya missiya russkoj diplomatii v Kitae* / *Otv. red. N. Ya. Olesich*. [Contribution of the *Alumni* of St Petersburg (Leningrad) University in Development of the Russian-Chinese Relations // *Spiritual mission of the Russian diplomacy in China* / Ed. N. Ya. Olesich]. St Petersburg: Kul'turniy fond «Znamenitiye universanty SPbGU», 2016. P. 23–31. (In Russian).
9. Sharonova V. G. Provinciia Tszyansi v russko-kitayskih otnosheniyah v kontse XIX — nach. XX veka // *Kitay v mirovoy i regional'noy politike. Istoriya i sovremennost'*. Vyp. XXIII / *Otv. red.-sost. E. I. Safronova*. [Jiangxi Province in Russian-China relations at the end of XIX — early XX C. // *China in world and regional politics. History and Modernity. Iss. XXIII* / Ed. E. I. Safronova]. Moscow: IDV RAN, 2018. P. 363–376. (In Russian).
10. Sharonova V. G. Chen Kaike. Russkaya kontsessiya v Han'kou // *Sb. statey «Russkoe zarubezhye i sovremennost'»*. Tsentr sravnitel'nogo izucheniya tsivilizatsiy / *Red.-sost. T. G. Petrova, V. G. Sharonova*. [Chen Kaike. Russian Concession in Hankou // *Collection of articles "The Russian Abroad and Modern World"*. Center for Comparative Study of Civilizations / ed. by T.G. Petrova, V.G. Sharonova]. Issue 6. Moscow: INION RAN 2017. P. 17–27. (In Russian).
11. Sharonova V. G. Istoriya russkoj emigratsii v Vostochnom Kitae v pervoj polovine XX veka / *pod red. i s predisl. V. S. Myasnikova*. [History of Russian Emigration in Eastern China in the first half of the XX century / Ed., foreword by V. S. Myasnikov. Moscow: Center for Humanitarian Initiatives; St Petersburg: University Book, 2015. 310 p. (In Russian).
12. Sharonova V. G. Russkaya emigratsiya v Han'kou // *Rossiya i sovremennyy mir*. [Russian Emigration in Hankou // *Russia and the Modern World*]. 2015. № 4 (89). Moscow: INION RAN. (In Russian).

Author's information

Victoria G. Sharonova

PhD (History), Leading Researcher, Institute of Far Eastern Studies of the
Russian Academy of Sciences

32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russia

E-mail: vsharonova@mail.ru

Информация об авторе

Шаронова Виктория Геннадьевна

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения новейшей истории Китая и его отношений с Россией, Институт Дальнего Востока РАН

РФ, 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32

E-mail: vsharonova@mail.ru

Ekaterina V. Smirnova (FAAS, SPbU, St Petersburg, Russia)

Development of girls' education in the Bombay Presidency under the East India Company

Summary: The first girls' schools in Bombay Presidency were opened mainly by the missionary societies of the United Kingdom and the United States. From their reports it is possible to trace the funding, the ethnic composition of the schools, teaching methods, as well as the response of traditional Indian society to the innovations.

In the early 19th century in Bombay there were many children with European roots. The majority of the children lived in poverty and could not get an education. In order to reduce social tensions, it was decided to establish boarding schools for such children. In the Bombay presidency the first institution that accepted girls was the Bombay Educational Society. It was founded in 1815 by Archdeacon Barnes, the first Archdeacon of Bombay. Originally, the goal of this institution was teaching of European children (both boys and girls) in the principles of Christianity and imparting to them such knowledge and habits of social life as may render them useful members of the European community.

Another notable attempt to promote the education of girls in Maharashtra was made by the Protestant missionaries. The missionaries of the American Board of Commissioners for Foreign Missions, the Church Missionary Society of London and the Scottish Mission of Edinburgh started their activities in Maharashtra.

The American Board of Commissioners for Foreign Missions started its activities in Bombay in 1815. American missionaries promoted girls' education in Bombay, Ahmednagar, Mahabaleshwar, Satara and Kolhapur. The number of female students of the schools reached several hundred. American missionaries, however, had to close a number of schools when the Board's receipts greatly diminished as a result of the panic caused by the financial crisis in the USA.

The Scottish Missionary Society of Edinburgh entered this field in 1823, starting with the organization of schools for girls in Konkan. Later they extended their activities to the districts of Pune and Indapur. After the disruption of the Church of Scotland in 1847, many of the schools were taken over by the Mission of the Free Church of Scotland.

All of these mission schools received financial support from government officials and the common people of Great Britain and the United States. The Ladies' Associations formed in various cities in America also supported these schools. The Scottish ladies formed "The Scottish Ladies' Society for Female Education in India" in Edinburgh. The Church Missionary Society raised a special fund for the education

of females in India every year. Ladies' Associations were formed in Bombay, Poona and Ahmednagar to support these Mission schools. During the financial crisis in America in 1837, local Ladies' Associations helped to maintain the girls' schools.

Progressive people of the Maharashtra society readily accepted the idea of girls' schools and continued the reforms initiated by the British. In the initial stages their efforts were concentrated in Bombay. In 1849, on the basis of the Student literary and scientific society of Dadabhai Naoroji three schools for Parsi girls and three Maratha schools were established. The Parsis were the first to realize the importance of education for girls and to contribute liberally towards the maintenance of their girls' schools. The contribution from the Hindus was small and their donations were to the schools for high caste girls only; the schools for lower caste girls did not receive such support.

The educational achievements of the first girls' schools were not outstanding, but the social importance of such institutions cannot be underestimated.

Keywords: girl's education; education in India; missionary schools in India; Pars; Indo-British community; East India Company; Bombay presidency.

Смирнова Е. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия)

Развитие образования девочек в Бомбейском президентстве в эпоху правления Ост-Индской компании

Аннотация: В Бомбейском президентстве первые школы для девочек открывались главным образом усилиями миссионерских обществ Соединенного Королевства и Соединенных Штатов Америки. Из докладов и отчетов миссионерских обществ можно проследить финансирование, национальный состав школ, методы преподавания, а также реакцию на данные реформы традиционного индийского общества.

В начале XIX в. в Бомбее было сосредоточено много детей с европейскими корнями. Большинство детей жили в нищете и не могли получить образование. В целях снижения социальной напряженности Ост-Индская компания приняла решение о создании для таких детей школ-интернатов. В Бомбейском президентстве первой организацией, позволившей девочкам учиться, было Бомбейское образовательное общество. Оно было открыто в 1815 г. усилиями архидиакона Барнса, первого архидиакона Бомбея. Первоначально целью этого учреждения было обучение европейских детей (как мальчиков, так и девочек) принципам христианства и привитие им знаний и образа жизни, которые помогли бы им стать полноправными членами европейского общества.

Значительный вклад в развитие женского образования в Махараштре внесли протестантские миссионеры. Образовательную деятельность в Махараштре осуществляли: Американский совет, уполномоченный по делам зарубежных миссий, Церковное миссионерское общество Лондона, Шотландская миссия Эдинбурга.

Американская коллегия уполномоченных по иностранным делам начала свою деятельность в Бомбее в 1815 г. Американские миссионеры содействовали образованию девочек в Бомбее, Ахмеднагаре, Махабалешваре, Сатаре и Колхапуре.

Число учениц в школах американских миссий достигало нескольких сот человек. Однако, когда доходы правления значительно сократились в результате финансового кризиса в США, американские миссионеры были вынуждены закрыть ряд школ.

Шотландское миссионерское общество Эдинбурга приступило к работе в 1823 г., начав с организации школ для девочек на Конкане. Позже они перенесли свою деятельность в районы Пуны и Индапура. После раскола Шотландской церкви в 1847 г. многие школы перешли под контроль миссии Свободной церкви Шотландии.

Все эти миссионерские школы получали финансовую поддержку как от правительственных чиновников и индийской аристократии, так и от простых жителей Великобритании и Соединенных Штатов Америки. Женские ассоциации, созданные в различных городах Америки, поддерживали эти школы. Шотландские женщины в Эдинбурге организовали «Движение шотландских леди за женское образование в Индии». Церковное миссионерское общество ежегодно собирало специальный фонд на нужды образования женщин в Индии. Женские ассоциации, поддерживающие миссионерские школы, были созданы в Бомбее, Пуне и Ахмеднагаре. Во время финансового кризиса в Америке в 1837 г. они помогали содержать школы для девочек.

Прогрессивные слои индийского населения восприняли открытие школ для девочек с воодушевлением и продолжили начатые британцами реформы. Первые школы, организованные индийцами, были открыты в Бомбее. В 1849 г. на базе студенческого литературно-научного общества Дадабхая Наороджи были созданы 3 школы для девочек парсов и 3 маратхские школы. Парсы первыми осознали важность образования для девочек и внесли щедрый вклад в развитие женского образования. Небольшие средства, выделяемые индусами, предназначались школам для девочек из высших каст; школы для девочек из низших каст не получали финансовой поддержки.

Образовательные достижения первых женских школ нельзя назвать выдающимися, но социальное значение таких учреждений нельзя недооценивать.

Ключевые слова: женское образование; образование в Индии; миссионерские школы в Индии; парсы; индо-британская община; Ост-Индская компания; Бомбейское президентство.

С началом британского правления Индия вступила в эпоху перемен. В первой половине XIX в. среди целого ряда социальных проектов, проводимых англичанами, важная роль отводилась реформе индийской системы образования, которое должно было стать доступным не только для мальчиков, но и для девочек. Прогрессивные слои индийского населения восприняли открытие школ для девочек с воодушевлением и продолжили начатые британцами реформы.

Цель данного исследования на основе отчетов благотворительных учреждений очертить вклад европейских и американских миссий, а также индийских

просветителей в развитие образования девочек в Бомбейском президентстве в эпоху правления Ост-Индской компании.

В Бомбейском президентстве первой организацией, позволившей девочкам учиться, стало «Бомбейское образовательное общество». Оно было открыто в 1815 г. благодаря усилиям архидиакона Бернса, первого архидиакона Бомбея. Первоначально цель этого учреждения заключалась в обучении европейских детей (как мальчиков, так и девочек) принципам христианства и привитии им культурных навыков, необходимых для адаптации в европейском обществе¹.

В начале XIX в. в Бомбее проживало много детей с европейскими корнями. Большинство из них были лишены родительского внимания, жили за чертой бедности и не могли получить образование. Для снижения социальной напряженности было решено создать для таких детей школы-интернаты, где их обеспечивали питанием и одеждой. Многие из учащихся были сиротами и не имели жилья; другие были детьми военнослужащих с отдаленных постов Бомбейского президентства. Помимо содержания собственной школы-интерната Бомбейское образовательное общество помогало полковым школам, обеспечивая их образовательной литературой и обновляя педагогический состав. Несмотря на то что цель данных учреждений заключалась в обучении европейских детей, дети индийцев также имели возможность обучаться в этих школах. Для девочек из низших каст это была единственная возможность повысить свой социальный статус. В докладе Общества за 1820 г. упоминаются 54 ученицы, посещавшие полковые школы, причем большинство из них были местными девочками².

Английская аристократия покровительствовала и оказывала финансовую поддержку подобным учреждениям. Президентом Бомбейского образовательного общества традиционно был губернатор Бомбейского президентства. В состав руководящего комитета входили как офицеры, так и гражданские лица. Для того чтобы следить за классами, а в дальнейшем и школами для девочек, был создан «Женский комитет», который проводил ежемесячные заседания. Женский комитет рассматривал заявления о приеме в школы, набирал учителей (преимущественно женщин), воспитателей и медсестер, а также осуществлял контроль за финансовой деятельностью. Кроме того, члены комитета следили за дисциплиной, входили в экзаменационные комиссии и помогали ученикам старших классов устраиваться на работу в качестве прислуги в домах европейских семей.

Учебная программа в этих школах состояла из чтения, письма, арифметики, английского языка, истории, географии и основ христианства. Для девочек обязательными предметами также были вязание и шитье. Они шили юбки,

---

¹ Report of the Bombay Education Society. Bombay, 1846. P. 7.

² Report of the Bombay Education Society. Bombay, 1820. P. 25.

рубашки, детскую одежду, вышивали простыни, наволочки, носовые платки и др. Деньги, вырученные от продажи изделий учениц, расходовались на нужды школы. В 1852 г. для обучения девочек навыкам домашнего хозяйства школы оборудовали учебными кухнями и прачечными. Женский комитет настаивал на том, что, покинув школу, девочки должны быть готовы к любым домашним обязанностям¹.

О заинтересованности британских правительственных кругов в развитии женского образования говорят цифры ежегодного финансирования. Согласно отчетам, в 1856 г. расходы на школы для девочек составили 20 285 103 рупий, в то время как в 1820 г. в эту сферу было вложено лишь 769 030 рупий². Доходную часть школ составляли также взносы и пожертвования британских офицеров и гражданских чиновников. В списках спонсоров можно найти имена таких высокопоставленных лиц, как Маунтстюарт Элфинстон и Сэр Джон Малкольм. Помимо пожертвований школы выручали средства от продажи изделий, сделанных девочками; например, в 1846 г. собранная таким образом сумма составила 76 268 рупий. Примечательно, что список жертвователей и доноров содержит имена четырех парсов, а именно: Курсетджи Джамсетджи, Курсетджи Ковасджи Дади, Курсетджи Рустумджи Дади³.

Еще одна попытка организовать женскую школу была предпринята секретарем комитета Церковного миссионерского общества Бомбея Джорджем Кэнди. В 1838 г. он основал в Бомбее школу-интернат для индо-британских девочек. Она была известна как Индо-британская миссия.

В отчете за 1848 г. «Восточный христианский обозреватель» пишет: «Индо-британская миссия в Бомбее управляет как мужскими, так и женскими школами <...> они были организованы благодаря усилиям великодушных людей и очень щедрым пожертвованиям от ...Общества содействия христианскому знанию. <...> [которое] наиболее эффективно работает с индо-британской общиной, и ...не жалея сил, собирает рассеянных по Бомбею членов индо-британской общины. ...В школы этого учреждения принимаются христианские дети, которые настолько обеднели, что не имеют возможности поступить в школы Бомбейского образовательного общества»⁴.

Помимо английских властей развитию образования девочек в Махараштре способствовали протестантские миссионеры из Америки и Шотландии. В XIX в. к активной деятельности в Махараштре приступили: Американский совет, уполномоченный по делам зарубежных миссий, Церковное миссионерское общество Лондона, Шотландская миссия Эдинбурга.

¹ Report of the Bombay Education Society. Bombay, 1852. P. 18.

² Report of the Bombay Education Society. Bombay, 1820. P. 27.

³ Report of the Bombay Education Society. Bombay, 1827. P. 14.

⁴ *Oriental Christian Spectator*. 1848 (July). New York, 1834. P. 237–238.

Американский совет уполномоченный по делам зарубежных миссий начал свою работу в Бомбее в 1815 г.¹ Мисс Синтия Фаррар, миссис Мэри Грейвс, миссис Баллантайн, миссис Хьюм, миссис Берджесс и миссис Вуд — пионеры американской миссии, которые изо всех сил старались содействовать образованию девочек в Бомбее, Ахмеднагаре, Махабалешваре и Сатаре.

В 1824 г. американские миссионеры основали первую школу, которая предназначалась для еврейских девочек. Она называлась «Салемской школой», поскольку спонсировали ее дамы из американского города Салем². Спустя 10 лет количество американских школ заметно возросло, а к 1851 г. в 12 американских школах насчитывалось 225 учениц. Только в Сатаре американские миссионеры содержали 3 школы, в которых могло учиться до 75 человек³. По отчетам 1853 г., в Колхапуре число девочек, посещавших школы под патронажем американской миссии, составляло 100 человек⁴. Однако американским миссионерам пришлось закрыть ряд школ, когда из-за паники, вызванной финансовым кризисом в США, денежные поступления Совета директоров значительно сократились.

Шотландское миссионерское общество Эдинбурга приступило к работе в Махаращтре в 1823 г. Их деятельность была сосредоточена в районе Банкот-Харнаи и регионе Конкан⁵. Однако на Конкане отдельные школы для девочек не пользовались популярностью, и там достаточно долгое время женские учебные учреждения считались нецелесообразными.

В 1832 г. Шотландской миссией была основана Бомбейская женская школа, школа-интернат для обездоленных местных девочек. Задача этого учреждения заключалась в обеспечении пропитанием, проживанием, а также христианским образованием местных девочек, которые остались без присмотра своих родственников и из-за нищеты не могли поступить в другие миссионерские школы⁶. К 1842 г. в Пуне было 4 такие шотландские миссионерские школы, а 2 — в Индапуре, где в общей сложности могли обучаться до 600 девочек⁷. После раскола в шотландской церкви в 1847 г. многие школы были переданы миссии Свободной церкви Шотландии.

¹ Bruce H. J. *The Literary Work of the American Marathi Mission, 1813–1881*. New York, 2011. P.2.

² *The Missionary Herald*, 1824. XX. Boston. P. 338.

³ *Memorial papers of the American Marathi Mission, 1813–1881*. Bombay, 1882. P. 64–65.

⁴ *Ibid.*

⁵ Wilson J. *The Memories of Mrs Margaret Wilson, of the Scottish mission, Bombay; including extracts from her letters and journals*. Edinburgh, 1840. P. 188.

⁶ *Oriental Christian Spectator*. 1834 (August). New York, 1834. P. 104.

⁷ *Ibid.* P. 128.

Все эти миссионерские школы получали поддержку благотворительных организаций Великобритании и США. Шотландки в Эдинбурге создали «Движение шотландских леди за женское образование в Индии». Женские ассоциации из разных городов Америки также оказывали содействие и финансовую помощь школам для девочек в Махараштре. Церковные сообщества ежегодно собирали средства в фонд развития женского образования в Индии. Женские ассоциации, поддерживающие миссионерские школы, были созданы в Бомбее, Пуне и Ахмеднагаре. В 1837 г. во время финансового кризиса в Америке они предотвратили закрытие нескольких школ для девочек.

К середине XIX в. в Махараштре появилось новое поколение прогрессивной молодежи, получившей европейское образование. Они ратовали за доступность образования для всех представителей общества.

Индийский филантроп и просветитель Джаганнатх Шанкарсет, выступая за развитие системы образования, стал одним из основателей Школьного сообщества и Национальной бомбейской школы, первой в своем роде в Западной Индии. В этой школе были классы для девочек. В дальнейшем школа неоднократно переименовывалась: в 1824 г. она стала Национальным бомбейским образовательным учреждением, в 1840 г. — Отделением народного просвещения, а в 1856 г. — Колледжем Элфинстона, последнее название школа носит и по сей день. Студентами этого колледжа были: Балшастри Джамбхекар, Дадабхаи Наороджи, Махадев Говинд Ранаде, Рамакришна Гопал Бхандаркар.

В 1848 г. Дадабхаи Наороджи при поддержке единомышленников организовал «Студенческое литературное и научное общество». В 1849 г. Общество основало 3 школы для девочек-парсов и 3 школы для маратхских девочек. Позже 2 школы для девочек- парсов были открыты в Гуджарате. (В дальнейшем Парсийские школы для девочек были переданы на содержание Совету парсийских аристократов.) В 1858 г. от Общества было всего 9 школ для девочек: 4 — для парсов, 3 — для маратхских девочек и 2 — для девочек с гуджарати. Постепенно Общество расширило свою деятельность до Тханы, где оно открыло для девочек школу с маратхи и школу с гуджарати. Число девочек, находящихся на содержании Общества, составляло около 800 человек¹.

Многие парсы делали щедрые пожертвования на книги, призы, мебель и т. д. В 1859 г. Манокджи Курсетджи организовал английскую школу для индийских девочек. Первоначально она располагалась в его доме, где с девочками занимались гувернантка-англичанка и его дочери. В 1863 г. Курсетджи основал Александровский национальный женский институт, названный в честь Александры Датской, принцессы Дании, супруги Эдуарда VII.

¹ Proceeding of the Student Literary and Scientific Society, 1854–1856. Bombay, 1856. P. 13.

Миссионеры и реформаторы, выступавшие за образование девочек, вынуждены были бороться с множеством предрассудков, существовавших в индийском обществе. Считалось, что образование портит девочек и мешает их исполнению домашних обязанностей. Чистые касты боялись осквернения и утверждали, что в школу ходят только девочки из низших слоев. Миссионеры все свои ресурсы: лекции, проповеди, а также периодические издания использовали для пропаганды образования девочек. «Бомбейский трактат» и Книжное сообщество проводили конкурс на лучшее эссе на родном языке на тему женского образования. Статьи на эту тему печатались в таких известных и популярных периодических изданиях, как: «Дарпан», «Днянапракаш», «Прабхакар» и в гуджаратских периодических изданиях.

Другая трудность заключалась в том, как удержать девочек в школах на необходимый для образования период времени. Они обычно покидали школу по достижении одиннадцати лет, а в некоторых случаях даже раньше. Причин для столь раннего ухода из школы было множество в индийском обществе. Нерегулярность посещения была обусловлена рядом социальных и религиозных обязанностей девочек, которые требовали их присутствия дома.

Широко распространенные в то время детские браки сводили к нулю многие начинания по развитию женского образования. К тому же девочек старше двенадцати лет не посылали в школу, так как не всегда учителями были женщины. Девочки из бедных семей бросали школу в поисках работы, чтобы помочь семье. Для того чтобы удержать хотя бы отличившихся в учебе девочек, образовательные учреждения применяли систему грантов. В ряде случаев миссионеры для обеспечения посещаемости выплачивали девочкам суточные. Таким образом, хотя число школ и учащихся впечатляет, прогресс в области образования девочек был очень скромным.

Отсутствие женщин-учителей было одним из основных препятствий к развитию женского образования. В этой связи следует упомянуть Гангабаи, первую женщину-учителя в Махараштре. Она работала в 1824 г. в течение шести месяцев в одной из школ для девочек Бомбея, управляемой американской миссией. К сожалению, у нас очень мало сведений о Гангабаи. Скорее всего, она получила образование в одной из полковых школ, существовавших в Бомбейском президентстве с 1815 г.

После 1848 г. мы встречаем упоминания уже нескольких имен индийских женщин-учителей. Это: Майна, Бхимабаи, Саи и Гирджи. Они были связаны либо с Миссией Свободной церкви, либо с церковным миссионерским обществом. В основном это были жены или дочери обращенных в христианство. Еще одним учителем была Чимабаи, которая преподавала в одной из маратхских школ Бомбея, но из-за плохого здоровья она преподавала только два года.

Самой выдающейся женщиной-учителем той эпохи была Савитрибаи Пхуле. Эта мужественная и стойкая женщина помогла своему мужу Джотибе Пхуле

основать и защищать школы для девочек в таком ортодоксальном городе, как Пуна.

Социальное неравенство по конфессиональному и кастовому признакам отразилось и на школах, создаваемых для девочек. Учениц распределяли по школам в зависимости от вероисповедания и социального статуса. Школы Бомбейского общества образования были только для христианских детей. Миссионерские школы пропагандировали социальное равенство и были ориентированы на представителей разных каст, однако, дабы набрать учениц из разных слоев и не вступать в конфликт с местным населением, им приходилось учитывать традиции и особенности индийской социальной структуры. В Бомбее и Ахмеднагаре существовали отдельные школы для махаров и мангов. В Пуне была отдельная школа для мусульманских девочек. Существовали отдельные школы для девочек-парсов, 2 гуджаратские школы для девочек-банья. Были открыты 2 маратхские школы для девочек, принадлежавших к высшим брахманским кастам, таким, например, как шенви и прабху. Отдельно действовала маратхская школа для девочек-шимпи. Школы Джотибы Пхуле были открыты для всех низших каст.

Таким образом, можно подвести итог. Первые шаги в развитии женского образования в Бомбейском президентстве были предприняты зарубежными христианскими миссиями, преимущественно протестантскими. В дальнейшем индийские просветители поддержали идею женского образования и перехватили инициативу по созданию учебных заведений для девочек. Индийское общество встретило это нововведение довольно враждебно. Ораторы, принадлежавшие к консервативным индуским кругам, заявляли: «Такого образования никогда не было, не может быть и никогда не должно быть»¹. Тем не менее миссионеры своими усилиями доказали, что внедрение женского образования в Индии осуществимо, а индианки, получившие образование, достойны восхищения.

На начальных этапах усилия большинства этих миссионеров были сосредоточены в Бомбее. Парсы первыми осознали важность образования для девочек и щедро спонсировали женские школы. Индусские пожертвования были очень скромными, и львиная их доля уходила на школы для девочек из брахманских семей. Школы для девочек из низших каст не имели местных спонсоров из-за существовавших предубеждений и отсутствия финансово независимых людей среди представителей низших каст.

Образовательные успехи этих школ не были выдающимися, однако социальную значимость первых образовательных учреждений для девочек нельзя недооценивать. Само их появление стало прорывом для индийской системы образования, предоставив возможность девочкам из низших слоев населения освоить грамоту и прикоснуться к научным знаниям.

¹ Allen D. O. *India: Ancient and Modern*. Boston, 1856. P. 324.

References

1. Allen D. O. *India: Ancient and Modern*. Boston, 1856. 618 p.
2. Bruce H. J. *The Literary Work of the American Marathi Mission, 1813–1881*. New York, 2011. 137 p.
3. *Memorial Papers of the American Marathi mission, 1813–1881*. Bombay: Education Society Press, 1882. 147 p.
4. *Oriental Christian Spectator*. 1834 (August). New York. 460 p.
5. *Oriental Christian Spectator*. 1848 (July). New York, 1834. 452 p.
6. *Proceeding of the Student Literary and Scientific Society, 1854–1856*. Bombay, 1856. 153 p.
7. *Report of the Bombay Education Society*. Bombay, 1846. 25 p.
8. *Report of the Bombay Education Society*. Bombay, 1820. 35 p.
9. *Report of the Bombay Education Society*. Bombay, 1852. 32 p.
10. *Report of the Bombay Education Society*. Bombay, 1827. 27 p.
11. *The Missionary Herald*. 1824. XX. Boston. 400 p.
12. Wilson. J. *The Memories of Mrs Margaret Wilson, of the Scottish mission, Bombay; including extracts from her letters and journals*. Edinburgh, 1840. 552 p.

Author's information

Ekaterina Smirnova

PhD (History), Associate Professor, Department of History of the Far East Countries, Faculty of Asian and African Studies, St Petersburg University

11, Universitetskaya nab., St Petersburg, 199034, Russia

E-mail: Ek_Smir@mail.ru

Информация об авторе

Смирнова Екатерина Викторовна

кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории стран Дальнего Востока, Восточный факультет, СПбГУ

РФ, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 11

E-mail: Ek_Smir@mail.ru

Alexander G. Storozhuk (FAAS, St Petersburg University, St Petersburg, Russia)

Concept of Soul as a Substitute of a Real Person in Chinese Short Stories

Summary: Stories about a soul replacing a real person and behaving as his substitute for a certain period of time can be already found in Chinese short stories of the Six Dynasties' period. During Tang (唐, 618–907) these stories have been collected in a great many prominent *miscellanea*. With all that, a problem of the actual definition of soul in the traditional Chinese beliefs and in literary works remains unsolved up to these days. In traditional China, a person has been believed to possess a dozen of souls, and though there is no such a phenomenon as the one and the only soul accommodating the personality itself, stories about a soul replacing a human for a certain period of time remain quite popular in the traditional Chinese literature.

The article analyses this issue on the basis of a traditional literary plot of “the separated soul” presented in Tang and Qing (清, 1644–1912) prose and offers the following conclusions:

1. A complex concept of soul in Chinese popular religion has been commonly used by Chinese storywriters starting from the 4–5 centuries, though the concept itself has never been properly interpreted and comprehended in those literary works.

2. In the later works the soul, being an aggregate of different spiritual components, is usually taken as an integral matter; perhaps here we can observe the traces of Buddhist influence.

3. The famous pre-Tang plots have brought to life quite a number of later interpretations, sometimes pretty far from the original but inheriting the same basic principles of comprehension.

Keywords: soul; theory of souls; traditional Chinese literature; Tang short stories; Qing prose; Pu Song-ling.

Сторожук А. Г. (Восточный факультет, СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ)

Концепция души как замены живого человека в традиционной литературе Китая

Аннотация: Истории о том, как душа выступала в качестве замены живого человека и действовала от его имени, известны уже в прозе Шести Династий. В период Тан (唐, 618–907) эти истории были уже объединены в корпусе несколь-

ких известных крупных сводов. При всём том проблема чёткого определения души в традиционных верованиях Китая и в литературных описаниях до сих пор не решена. По традиционным представлениям человеку полагалось около десятка душ; и, хотя не было такого понятия, как одна-единственная и неделимая душа, вмещающая в себя человеческую личность, рассказы о «душе», подменившей человека на какой-то временной период, остаются популярными в традиционной литературе Китая.

В данной статье указанная проблема анализируется на примере традиционного сюжета об «отделившейся душе», представленного в танской и цинской (清, 1644–1912) литературе, и делаются следующие выводы:

1. Сложное понятие души, характерное для простонародной китайской религии, часто используется новеллистами начиная с IV–V веков, хотя само понятие никогда не было должным образом объяснено и осмыслено в указанных работах.

2. В более поздних текстах душа как совокупность различных элементов тонкого тела выступает, тем не менее, как целостность; возможно, в этом прослеживаются следы буддийского влияния.

3. Известные дотанские сюжеты рождают к жизни множество поздних интерпретаций, иногда крайне далёких от оригинала, но основанных на тех же основных принципах истолкования.

Ключевые слова: душа; теория душ; китайская традиционная литература; танская новелла; цинская проза; Пу Сун-лин.

Concept of a soul replacing a real person and conducting as his substitute for a certain period of time can be already found in Chinese short stories of the Six Dynasties' period, and most of these plots were comprehensively released in Tang short stories. This soul can leave the body:

1. As a result of magical acts (for example, the story “Ma Shi’s Spouse”, 馬勢婦 — Taiping Guang Ji, juan 358¹; “Wei Ting-xun”, 衛庭訓 — Taiping Guang Ji, juan 302²; “Chou Jia-fu”, 仇嘉福 — Taiping Guang Ji, juan 301³ and others);

2. During illness, disease or an extreme emotional disturbance (for example, the story “Pang A”, 龐阿 — Taiping Guang Ji, juan 358⁴; “Nameless Marrieds”, 無名夫婦 — Taiping Guang Ji, juan 358⁵; “Zhen Qi-ying”, 鄭齊嬰 — Taiping

---

¹ Taiping Guang Ji (太平廣記, Records of the Taiping Era) / Li Fang deng bian (李昉等編, composed by Li Fang and others). Beijing: Renmin wuxue chubanshe, 1959. V. 4. P. 2830–2831.

² Taiping Guang Ji (太平廣記, Records of the Taiping Era). V. 4. P. 2395–2396.

³ Ibid. V. 4. P. 2390–2392.

⁴ Ibid. V. 4. P. 2830.

⁵ Ibid. V. 4. P. 2831.

Guang Ji, juan 358¹; “Liu Shao-you”, 柳少遊 — Taiping Guang Ji, juan 358² and others);

3. As a consequence of a premature decease, not expected and having no Heavenly permission for (for example “Qi Tui’s Daughter”, 齊推女 — Taiping Guang Ji, juan 358³).

During Tang (唐, 618–907) these stories have been collected in a great many prominent miscellanea, such as «Records Of The Collected Wonders» (集異記) by Xue Yong-ruo (薛用弱, 9th cent.), «Extensive Records Of Wonders» (廣異記) by Dai Fu (戴孚, 8th cent.), «Records From Xuanshi Hall» (宣室志) by Zhang Du (張讀, 9th cent.), «Records Of The Unparalleled Marvels» (獨異記) by Li Rong (李冗, 9th cent.) and many others. These collections have been studied by a lot of scholars in China and abroad (details of these studies can be found in special researches on the subject, such as the works by I. Alimov and Y. Serebriakov⁴⁵) with the main emphasis being put on historical and structural aspects of the texts.

With all that, a problem of actual definition of a soul in the traditional Chinese beliefs and in literary works remains unsolved up to these days. In traditional China a person has been believed to possess a dozen of souls — three Yang souls *hun* (魂), seven Yin Souls *po* (魄) and two receptacles of Yin and Yang energies, often described as “spirits” — *Shen* (神), receptacle of Yang, and *Ling* (靈), receptacle of Yin. The intercourse between these parts of a human spirit is utterly complex, and there’s no univocal explanation of these ghostly manifestations.

Most popular digest of these beliefs can be demonstrated in the following outline. The three Yang souls are:

1. Sheng Hun (生魂), a. k. a. Ren Hun (人魂) or Xiang Hun (象魂). It is the basic vital force, which, besides humans, is also possessed by plants and animals. According to folksy interpretations it either vanishes after death, or stays in the grave.

2. Jue Hun (覺魂), or Di Hun (地魂), or Shi Hun (視魂). It is the basis of feelings. It can be possessed only by humans and animals. Folksy theories differ in interpretations, whether it disappears after death or descends to Hell.

¹ Taiping Guang Ji (太平廣記, Records of the Taiping Era). V. 4. P. 2832–2833.

² Ibid. P. 2833.

³ Ibid. P. 2835–2837.

⁴ Alimov I. A. Vsled za kistyuu: Materialy k istorii sunskikh avtorskikh sbornikov bitczi: Issledovaniia, perevody. [Following the brush: Materials concerning history of Sung biji, story-collections of authorship: Studies, translations]. Part 1. St Petersburg: “Peterburgskoye Vostokovedeniye” Centre, 1996. 272 p.

⁵ Alimov I. A., Serebyakov Y. A. Vsled za kistyuu: Materialy k istorii sunskikh avtorskikh sbornikov bitczi: Issledovaniia, perevody. [Following the brush: Materials concerning history of Sung biji, story-collections of authorship: Studies, translations]. Part 2. St Petersburg: “Peterburgskoye Vostokovedeniye” Centre, 2004. 448 p.

3. Ling Hun (靈魂), or Zhu Hun (主魂), or Tian Hun (天魂). An immortal part of San Hun, receptacle of consciousness.

Seven Ying souls are manifestations of the vital force, its physical aspect¹. Both — *Hun* and *Po* — have names: “A human has three *Hun*; their names are Shuang Ling (爽靈), Tai Guang (胎光)² and You Jing (幽精). Pronouncing of these names makes the souls comfort the body” [comment to «Huang ting neijing jing» (黃庭內景經), ch. 19 «Ruo de» (若得) in «Yun ji qi qian», (雲笈七籤), juan 11³]. *Pos*' names are Shi Gou (尸狗), Fu Shi (伏失), Que Yin (雀陰), Tun Zei (吞賊), Fei Du (非毒), Yu Hui (餘穢), Chou Fei (臭肺) [comment to «Huang ting neijing jing» (黃庭內景經), ch. 11 «Gan bu» (肝部) in «Yun ji qi qian», (雲笈七籤), juan 11⁴].

Though it is quite obvious that there is not such a phenomenon as a detached soul in Chinese tradition, stories of a soul replacing a human for a certain period remain commonly popular in the traditional Chinese literature⁵. Sometimes the collection of all the ten souls works as a substitute of a living person. For instance, in the mentioned above story “Qi Tui's Daughter” (齊推女) all the *hun* and *po* of the premature deceased girl are collected and glued together with a special potion, after which the girl returns to life, gets married, has children and nobody could ever be wise to the fact that her physical body has decayed in the grave many years ago [Taiping Guang Ji, juan 358⁶]. One thing is crystal clear at this point — all the souls have left the girl's body and later all of them were glued together. But in most of cases this data is far from being correctly explained. One of the most prominent works of this kind is the short-story by Chen Xuan-you (陳玄祐, 8–9 cent.) «Record About The Separated Soul» (離魂記).

¹ For more details q. v. Storozhuk A. G. Concept of Soul in Chinese Folksy Beliefs // The Silk Road: Papers from the international conference, organized by Confucius Institute in Sofia, Bulgaria, June 3–4, 2011. Sofia: University of Sofia, 2011. P. 159–161, Storozhuk A. G., Kornilyeva T. I., Zavidovskaya Y. A. Duh i bozhestva kitaiskoi preispodnei. [Spirits and Deities of Chinese Inferno]. St Petersburg: Karo, 2012. P. 127–139; and Storozhuk A. G. Tri ucheniya i kultura Kitaya: Konfucianstvo, buddizm i daosizm v hudozhestvennom tvorchestve epohi Tan [Three Teachings and Chinese Culture: Confucianism, Buddhism and Taoism in Artistic Expression of Tang Epoch]. St Petersburg: Typographia Beresta Ltd., 2010. P. 382–386.

² In other texts the name of this soul is Tai Yuan (胎元).

³ Yun ji qi qian (雲笈七籤, Cloudy bookcase with seven labels) / Jiang Li-sheng deng jiaozhu (蔣力生校注, Verified and commented by Jiang Li-sheng and others). Beijing: Huaxia chubanshe. 1996. P. 63.

⁴ Yun ji qi qian (雲笈七籤, Cloudy bookcase with seven labels). P. 61.

⁵ For more details q. v. Storozhuk A. G. Tri ucheniya i kultura Kitaya [Three Teachings and Chinese Culture]. P. 382–394.

⁶ Taiping Guang Ji (太平廣記, Records of the Taiping Era). V. 4. P. 2835–2837.

A beautiful girl Qian-niang (倩娘) and a youth Wang Zhou (王宙) are in deep love, but the girl's father promises her to another man, knowing nothing about their feelings. Deeply insulted Wang Zhou leaves for the capital when of a sudden Qian-niang gains him up and wishes to stay. When after five years the young couple reverts, it turns out that Qian-niang hasn't left home, being seriously ill for all that time. Then the two Qian-niangs merge together, and it becomes clear that the runaway was just the soul of a real girl [Taiping Guang Ji, juan 358¹].

In fact, it has never been explained what combination of souls was meant by Chen Xuan-you or how this spiritual aggregation was enabled to give a birth to a child, while a part of spirit was remaining in Qian-niang's diseased body, having been left at her parents' home. Somehow these details have been taken as granted and never demanded a thorough explication. Moreover, the plot of the novelette (that may have also been adopted from some earlier sources) has influenced a lot of writers, especially Song (宋, 960–1279) and Yuan (元, 1271–1368) playwrights (including Zheng Guang-zu (鄭光祖, 1264–?), who've created a number of illustrious plays retelling the story of Qianniang's love. Presumably this plot has brought to life the well-known Pu Songling's (蒲松齡, 1640–1715) story «Nie Xiao-qian» (聶小倩), telling about a beautiful lady's ghost who wishes to abandon her services for a vicious demon and become an exemplary wife of a young scholar [the story is placed in the 2nd juan of the classical 12-juan corpus² and also in the 2nd juan of the alternate 16-juan collection³]. But another story by Pu Song-ling, «Student Ye» (葉生) is surely developing the same outline — a soul replacing a person as a result of extreme emotional disturbance. Though, the main emotion here is not conjugal devotion, but gratitude and loyalty.

Student Ye from Henan is talented and hard-working, but his efforts have never been adequately estimated at the government exams. When a high official Ding Cheng-he (丁乘鶴) appears in their county, he at once takes the talented youth under protection and finds a way to give him an official position and scholarship in the local academic structures. Hence the coming exams also bring mere frustration, and deep disappointment makes Ye seriously ill. He can't even walk and is positively unable to accompany Ding Cheng-he on his way to the hometown. Ding Cheng-he waits until one morning Ye eventually appears at his doors and declares himself totally recovered and ready for the journey. On arrival Ye becomes a tutor for Ding

¹ Taiping Guang Ji (太平廣記, Records of the Taiping Era). V. 4. P. 2831–2832.

² Pu Song-ling (蒲松齡). Liao Zhai zhi yi (聊齋志異, Strange Tales from a Chinese Studio) / Zhang You-he jijiao (張友鶴輯校, compiled and verified by Zhang You-he). Shang-hai: Guji chubanshe, 2011. V. 1. P. 160–168.

³ Pu Song-ling (蒲松齡). Xiangzhu Liao Zhai zhi yi tu yong (詳注聊齋志異圖詠, Commented and illustrated Strange Tales from a Chinese Studio) (reprinted Qing original). Beijing: Zhongguo shudian, 1981. V. 1. P. 132–138.

Cheng-he's son, spends all the time training him in classics and as a result well-prepares the young scholar for two higher stages of the government examinations. Young Zai-chang (再昌) — son of Ye's benefactor — becomes a top-official, and in alliance with his father they help Ye to successfully prepare for and pass the exams, and then to pay a visit to his home county.

But unexpectedly, nobody seems to be happy meeting Ye at home — his wife runs away and hides, and when Ye explains how rich and prominent he's become, she tells him, that in fact he's died long ago and the coffin is still standing unburied, because of the family penury. Thus, it turned out, that in fact, it has been the spirit of the deceased student, who helped his benefactor's son and passed the exams. For all this time everyone has taken him for a living person, and even the student himself was quite sure about that. Having seen the unburied coffin in the central hole, Ye suddenly falls down and vanishes with the only clothes and shoes left, resembling a lorn shell [Liao Zhai zhi yi, juan 2 of 12¹ or alternately 1 of 16²].

Thus, again, the main idea is still the same — complex of the souls is indistinguishable from a living person, and not only the others, but the ghost himself may be unaware of his decease. Here we observe quite a phenomenon, combining some traditional beliefs with the later popular-Buddhist lineaments. Though classical Buddhism denies such a thing as soul and speaks only of karmic transition process, folksy beliefs have transformed this idea into a new exegesis of reincarnation. This exegesis casts away the initial issue of Yin and Yang souls' separation as a main premise for rightful death, but speaks about sheer metempsychosis, where, on the contra, integrity of all the souls is recognized as the chief principle of a successful death and rebirth. This is fully demonstrated in such stories as, for example, “Zheng's Daughter” (鄭氏女) from the mentioned Zhang Du's collection «Records from Xuanshi Hall» [Taiping Guang Ji, juan 358³], this is broadly betaken in stories about Buddhist preceptors' astral journeys. The latter describe this complex of souls as a total copies of their owners, seen from aside and able to speak, walk — in short, indistinguishable from a living person: for example, short-story “Huai-xin” (懷信) from Li Rong's collection [Taiping Guang Ji, juan 98⁴], “Jian shi” (鑿師) from Zhang Du's miscellany [Taiping Guang Ji, juan

¹ Pu Song-ling (蒲松齡). Liao Zhai zhi yi (聊齋志異, Strange Tales from a Chinese Studio). V. 1. P. 139–146.

² Pu Song-ling (蒲松齡). Xiangzhu Liao Zhai zhi yi tu yong (詳注聊齋志異圖詠, Commented and illustrated Strange Tales from a Chinese Studio). V. 1. P. 96–101.

³ Taiping Guang Ji (太平廣記, Records of the Taiping Era) / Li Fang deng bian (李昉等編, composed by Li Fang and others). Beijing: Renmin wenzue chubanshe, 1959. V. 4. P. 2837.

⁴ Taiping Guang Ji (太平廣記, Records of the Taiping Era). V. 1. P. 654.

97¹] and many others². Therefore, this tracing to popular Buddhism interpretation is obviously shown in later texts, including the Pu Song-ling's novelettes.

Thus, analysis of the problem brings us to some conclusions:

A complex concept of a soul in Chinese popular religion has been commonly used by Chinese storywriters starting from the 4–5 centuries, though the concept itself has never been properly interpreted and comprehended in those literary works.

It the later works a soul, being an aggregate of different spiritual components, is usually taken as an integral matter; perhaps here we can observe the traces of Buddhist influence.

The famous pre-Tang plots have brought to life quite a number of later interpretations, sometimes pretty far from the original but inheriting the same basic principles of comprehension.

References

In Chinese

1. Gan Bao (干寶). *Sou Shen Ji* (搜神記) / *Hu Huai-chen biaodian* (胡懷琛標點, Punctuation marks by Hu Huai-chen). Shanghai: Shangwu ingshuguan, 1957. 156 p.

2. *Huang ting jing zhuyi*. *Tai-yi jin hua zong zhi zhuyi* (黃庭經注譯. 太乙金華宗旨注譯, Yellow Court Classic with comments and translation. Essence of Tai-yi's Golden Flower Teaching with comments and translation) / 杜琮, 張超中注譯 (Comments and translation by Du Cong and Zhang Chao-zhong). Beijing: Zhongguo shehui kexue chubanshe, 1996. 199 p.

3. Pu Song-ling (蒲松齡). *Liao Zhai zhi yi* (聊齋志異, Strange Tales from a Chinese Studio) / *Zhang You-he jijiao* (張友鶴輯校, compiled and verified by Zhang You-he). Shanghai: Guji chubanshe, 2011. V. 1–4. 1740 p.

4. Pu Song-ling (蒲松齡). *Xiangzhu Liao Zhai zhi yi tu yong* (詳注聊齋志異圖詠, Commented and illustrated Strange Tales from a Chinese Studio) (reprinted Qing original). Beijing: Zhongguo shudian, 1981. V. 1–3. 1430 p.

5. *Taiping Guang Ji* (太平廣記, Records of the Taiping Era) / *Li Fang deng bian* (李昉等編, composed by Li Fang and others). Beijing: Renmin wenxue chubanshe, 1959. V. 1–5. 4106 p.

6. *Yun ji qi qian* (雲笈七籤, Cloudy bookcase with seven labels) / *Jiang Li-sheng deng jiaozhu* (蔣力生等校注, Verified and commented by Jiang Li-sheng and others). Beijing: Huaxia chubanshe. 1996. 767 p.

---

¹ *Taiping Guang Ji* (太平廣記, Records of the Taiping Era) / *Li Fang deng bian* (李昉等編, composed by Li Fang and others). Beijing: Renmin wenxue chubanshe, 1959. V. 1. P. 649.

² For more details q. v. and Сторожук А. Г. Три учения и культура Китая: конфуцианство, буддизм и даосизм в художественном творчестве эпохи Тан (Storozhuk A. G. Tri ucheniya i kultura Kitaya [Three Teachings and Chinese Culture]). P. 414–417.

In English

7. Cai Zong-qi (蔡宗齊). The Polysemous Term of Shen 神 in Wenxin diaolong // *Recarving the dragon. Understanding Chinese Poetics*. Ed. by O. Lomova. Prague: Charles University, Karolinum Press, 2003. P. 85–116.

8. Storozhuk A. G. Concept of Soul in Chinese Folkly Beliefs // *The Silk Road: Papers from the international conference, organized by Confucius Institute in Sofia, Bulgaria, June 3–4, 2011*. Sofia: University of Sofia, 2011. P. 159–161.

In Russian

9. Alimov I. A. Vsled za kistyu: Materialy k istorii sunskikh avtorskikh sbornikov bitczi: Issledovaniia, perevody. [Following the brush: Materials concerning history of Sung biji, story-collections of authorship: Studies, translations]. Part 1. St Petersburg: “Peterburgskoye Vostokovedeniye” Centre, 1996. 272 p. / Алимов И. А. Вслед за кистью: Материалы к истории сунских авторских сборников бицзи: Исследования, переводы. Ч. I. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1996. 272 с.

10. Alimov I. A., Serebyakov Y. A. Vsled za kistyu: Materialy k istorii sunskikh avtorskikh sbornikov bitczi: Issledovaniia, perevody. [Following the brush: Materials concerning history of Sung biji, story-collections of authorship: Studies, translations]. Part 2. St Petersburg: “Peterburgskoye Vostokovedeniye” Centre, 2004. 448 p. / Алимов И. А., Серебряков Е. А. Вслед за кистью: Материалы к истории сунских авторских сборников бицзи: Исследования, переводы. Ч. II. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 2004. 448 с.

11. Guliaka i Volshebnik: Tanskiye Novelly (7–9 vv.) / Per. s kit. I. Sokolovoi i O. Fishman. [Reveller and Sorcerer: Tang Novels (7–9 cent.) / Tr. from Chinese by I. Sokolova and O. Fishman]. Moscow: Hudozhestvennaya Literatura, 1970. 384 p. / Гуляка и волшебник: Танские новеллы (VII–IX вв.) / Пер. с кит. И. Соколовой и О. Фишман. М.: Художественная литература, 1970. 384 с.

12. Pu Song-ling. Stranniye Istoriyi is Kabineta Neudachnika (Liao Zhai Zhi Yi) / Perevod s kitaiskogo V. M. Alekseyeva. [Pu Song-ling. Strange Tales from a Chinese Studio (Liao Zhai Zhi Yi) / Translated from Chinese by V. M. Alexeyev]. St Petersburg: “Peterburgskoye Vostokovedeniye” Centre, 2000. 395 p. / Пу Сун-лин. Странные истории из кабинета неудачника (Ляо Чжай чжи и) / Пер. с кит. В. М. Алексева. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 2000. 395 с.

13. Storozhuk A. G., Kornilyeva T. I., Zavidovskaya Y. A. Duhi i bozhestva kitaiskoi preispodnei. [Spirits and Deities of Chinese Inferno]. St Petersburg: Karo, 2012. 464 p., with ill. / Сторожук А. Г., Корнильева Т. И., Завидовская Е. А. Духи и божества китайской преисподней. СПб.: Каро, 2012. 464 с. с илл.

14. Storozhuk A. G. Tri ucheniya i kultura Kitaya: Konfucianstvo, buddizm i daosizm v hudozhestvennom tvorchestve epohi Tan. [Three Teachings and Chinese Culture: Confucianism, Buddhism and Taoism in Artistic Expression of Tang Epoch]. St Petersburg: Typographya Beresta Ltd., 2010. 552 p. / Сторожук А. Г. Три учения и культура Китая: конфуцианство, буддизм и даосизм в художественном творчестве эпохи Тан. СПб.: Типография Береста, 2010. 552 с.

Author's information

Alexander G. Storozhuk

Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Chinese Philology,
Faculty of Asian and African Studies, St Petersburg University

11, Universitetskaya nab., St Petersburg, 199034, Russia

E-mail: alexandre.storozhuk@gmail.com

Информация об авторе

Сторожук Александр Георгиевич

доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой
китайской филологии, Восточный факультет, СПбГУ

РФ, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 11

E-mail: alexandre.storozhuk@gmail.com

Sergei S. Tavastsherna (FAAS, SPbU, St Petersburg, Russia)

Syntactic construction with *-bhāva* in the Pāli language

Summary: The syntax of Sanskrit, both Old Indo-Arian (OIA) and Classical, has some constraints on the usage of indirect speech. The direct construction is usually marked by the quotative particle *iti* ‘thus’ at its end: *āgamisyāmi-ity avādīḥ* ‘You have said that you will come’ (lit. ‘I will come — thus you have said’). Instead of complement clauses, clauses of purpose or clauses of reason or some others, Sanskrit also uses the direct speech construction with the particle *iti*: *vaideśiko ‘smi-iti pṛcchāmi* ‘I ask [about this] because I am a foreigner’ (lit. ‘I am a foreigner — thus I ask’). Pāli, as a Middle Indo-Arian (MIA) and the closest to OIA in terms of time as well as grammar, shares many common features with OIA in its syntax. It also uses the quotative particle *ti* in the above mentioned contexts.

However, Pāli has an alternative model for the complement clause — not by means of the direct construction. It uses the lexical unit *-bhāva* (‘being’, ‘becoming’) to transform direct speech into a specific direct object, where the subject of the direct construction is put into Genitive, and *-bhāva* forms a compound word with a predicate (verbal or nominal), used in the Accusative. For example, the phrase ‘the king knows that he is a wise man’ may be realized in Pāli in two ways: (1) with the particle *ti*: *so paṇḍito ti rājā jānāti* (lit. ‘he is a wise man — the king knows’); (2) with *-bhāva*: *rājā assa paṇḍita-bhāvaṃ jānāti* (lit. ‘the king knows his being-wise’). This construction is very frequently used in prosaic portions of Jatakas (more than 500 usages) and in commentaries by Buddhaghosa (5 C. E.), but is not attested in the canonical text of Tipiṭaka. In Sanskrit this usage is not traced either.

Obviously, this syntactic model is a later invention that may indicate the influence of some substratum. Interesting material is found in Modern Indonesian. It is well known that at least from the 1st century AD Buddhism and Hinduism began to spread over South Asia from South India and Sri Lanka, and even now there are a lot of loan words from Pāli and Sanskrit in Modern Indonesian. This language uses the particle *bahwa* to form complement clauses: *Saya percaya bahwa itu benar* ‘I believe **that** this is true’. This *bahwa* is said to be a borrowing from Sanskrit (*bhāva*), but again we cannot trace any usage of this word as a conjunction in Sanskrit. Most likely, it was the Pāli construction with *-bhāva* that had an impact on the syntactic usage of *bahwa* in Indonesian.

Keywords: Middle Indo-Arian (MIA) languages; Pāli syntax; quotative particle in Old Indo-Arian (OIA); quotative particle in Pāli; construction with *-bhāva* in Pāli; *bahwa* particle in Indonesian.

Тавастшерна С. С. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ)

Синтаксическая конструкция с *-bhāva* в языке пали

Аннотация: В древнеиндийском языке зафиксировано большое количество различных типов сложноподчиненных предложений. Однако на ряд способов выражения подчинительной связи наложены ограничения. В частности, в ведийском и классическом санскрите практически не употребляется косвенная речь. Прямая речь, как правило, занимает позицию перед глаголом говорения (т. е. стандартную позицию прямого дополнения), а конец прямой речи маркируется частицей цитирования *iti*: *āgamīṣyāmi-ity avādīḥ* ‘Ты сказал, что придешь’ (букв. ‘Я приду — так ты сказал’). Также в санскрите не употребляются придаточные изъяснительные, придаточные причины, следствия, цели и др., но данные значения стандартно передаются все той же конструкцией прямой речи с частицей *iti*: *vaideśiko ’smi-iti pṛcchāmi* ‘Я спрашиваю [об этом], потому что я иностранец (букв. ‘Я иностранец — так я спрашиваю [об этом]’). Язык пали — среднеиндийский язык и ближайший родственник санскриту и по времени, и по своей структуре, имеет много общего с древнеиндийским и в области синтаксиса. В пали также употребляется частица цитирования *ti* в тех же конструкциях, что и в санскрите.

Однако в пали появляется альтернативная возможность для выражения значений, эквивалентных изъяснительным придаточным предложениям. Для этого используется лексема *-bhāva* (‘бытие’, ‘становление’), с помощью которой прямая речь преобразуется в своеобразное прямое дополнение при глаголе, где субъект прямой речи ставится в родительном падеже, а *-bhāva* образует сложное слово с предикатом (глагольным или именным), которое ставится в винительном падеже. Например, фраза ‘Царь знает, что тот [человек] ученый’ в пали может быть выражена двумя способами: 1) с помощью частицы *ti*: *so paṇḍito ti rājā jānāti* (букв. ‘Этот [человек] ученый — царь знает’); 2) с помощью *-bhāva*: *rājā assa paṇḍita-bhāvaṃ jānāti* (букв. ‘царь знает его бытие-ученым’). В прозаических частях джатак палийского канона (т. н. комментарии к стихам) данная конструкция встречается чрезвычайно часто (более 500 употреблений на 547 джатак), также в комментариях знаменитого цейлонского ученого Буддхагхосы (V в. н. э.) она довольно частотна, но в канонических текстах Типитаки, стихотворных или прозаических, ее обнаружить не удалось. В санскрите также подобное употребление не прослеживается.

Безусловно, данная синтаксическая модель является довольно поздним образованием, что может быть свидетельством влияния некоего лингвистического субстрата, например, старосингальского языка, о котором мы, к сожалению, почти ничего не знаем. Интересный материал нам может предоставить современный индонезийский язык. Известно, что как минимум с первых веков новой эры начинается распространение буддизма и индуизма в Юго-Восточной Азии из Южной Индии и Цейлона, что привело

и к распространению священных языков данных религий. И в настоящее время можно обнаружить достаточное количество заимствований из пали и санскрита в индонезийском языке. В частности, в нем используется частица/ союз *bahwa*, с помощью которой образуются конструкции с придаточными изъяснительными: *Saya percaya bahwa itu benar* 'Я верю, что это правда'. Считается, что частица *bahwa* это заимствование из санскрита (*bhāva*), но, как уже было сказано, там употребление данного слова в качестве союза или даже квазисоюза не зафиксировано. Скорее всего, именно палийская модель с *-bhāva* оказала влияние на индонезийский язык, так что заимствованное слово *bahwa* стало употребляться как синтаксическая частица.

Ключевые слова: среднеиндийские языки; синтаксис пали; частица цитирования в санскрите; частица цитирования в пали; конструкция с *-bhāva* в пали; союз *bahwa* в индонезийском.

В современной палистике, существующей около двух столетий, к сожалению, крайне мало можно встретить описаний синтаксиса языка пали. Рассматриваемая в статье конструкция с *-bhāva* лишь единожды кратко рассматривается в уникальной монографии Ханса Хендриксена, посвященной синтаксису неличных форм глагола в пали¹, но автора больше интересует не сама конструкция, ее специфика и генезис, а употребление в ней неличных форм. Цель настоящей статьи восполнить существующий пробел в описании данной модели с *-bhāva*.

В древнеиндийском языке зафиксировано большое количество различных типов сложноподчиненных предложений. Однако на ряд способов выражения подчинительной связи наложены ограничения. В частности, в ведийском и классическом санскрите практически не употребляется косвенная речь². Прямая речь, как правило, занимает позицию перед глаголом говорения (т. е. стандартную позицию прямого дополнения), а конец прямой речи маркируется частицей цитирования *iti*³:

- (1) *āgamiṣyāmi- ity avādīḥ*⁴
 приду так сказал (ты)
 'Ты сказал, что придешь.'

¹ Hendriksen H. Syntax of the Infinite Verb-Forms of Pāli. Copenhagen: Einar Munksgaard, 1944. P. 148–150.

² Елизаренкова Т. Я. Ведийский язык. М.: Наука, 1987. С. 418–419; Языки мира: Индоарийские языки древнего и среднего периодов. М.: Academia, 2004. С. 67.

³ Примеры для ясности даны без сандхи.

⁴ Цит. по: Speyer J. S. Sanskrit Syntax. Delhi: Motilal Banarsidas, 2009. P. 380.

Также в санскрите не употребляются конструкции с изъяснительными придаточными-дополнениями, придаточными цели, причины, следствия, при этом для передачи таких значений используется та же частица *iti*. Например, русская фраза с придаточным цели ‘Лампа заслонена бумажным щитом, чтобы свет не разбудил Серёжу’ на санскрите выглядела бы как ‘Свет да не разбудит Серёжу *iti* лампа заслонена бумажным щитом’. Вот пример из классической литературы¹:

- (2) *vaiḍeśiko śmi- iti pṛcchāmi*
 иностранец есмь QUOT спрашиваю
 ‘Я [об этом] спрашиваю, потому что я иностранец.’

Язык пали — среднеиндийский язык, язык буддийского канона Типитака южной буддийской традиции тхеравада², ближайший родственник древнеиндийского, который имеет много общих черт с санскритом, в частности, и в сфере синтаксиса. Все вышесказанное о санскрите равным образом относится и к языку пали. Единственное отличие — частица цитирования употребляется в усеченном виде как *ti*:

- (3) *Magadha-vāsino idāni migānaṃ pabbatapādā otaṛaṇa-kālo*
 жители-Магадхи теперь у антилоп с горы спускаться-время
ti ṇatvā (Jā. 13)³.
 QUOT узнав
 ‘Жители Магадхи, узнав, что наступило время антилопам мигрировать с гор...’

В пали, кроме того, появляется альтернативная прямой речи конструкция с использованием лексемы *-bhāva* как компонента сложного слова, и эта лексема образует своеобразное развернутое прямое дополнение при глаголе. *Bhāva* — это полнозначное слово, которое имеет самостоятельное употребление и буквально означает «бытие», «состояние». В классическом санскрите данное слово, наряду со всевозможными суффиксами, очень часто используется для

¹ Цит. по: Kale M. R. A Higher Sanskrit Grammar. Delhi — Patna — Varanasi: Motilal Banarsidas Publishers, 1960. P. 536.

² Период формирования и унификации языка был достаточно длительным — от первых буддийских соборов после паринирваны Будды (VI–V вв. до н. э.) до первой письменной фиксации канона уже за пределами Индии на о. Шри-Ланка.

³ Все примеры на языке пали взяты с официального сайта Vipassana Research Institute, где размещена электронная база текстов на пали, включая Типитаку. URL: <https://www.tipitaka.org/romn/> (дата обращения: 19.10.2019).

образования существительных с абстрактным значением: *bāla* — ребенок; *bāla-tva*, *bāla-tā*, *bāl-ya*, *bāla-bhāva* — детство. Единственным отличием от остальных имен будет род. Все абстрактные имена в санскрите либо среднего, либо женского рода, а образованные с помощью *bhāva* — мужского.

В пали такие образования абстрактных существительных также возможны. Однако данная лексема начинает использоваться для образования определенных синтаксических конструкций, эквивалентных придаточным изъяснительным. Например, мы имеем фразу ‘Он узнал, что Сократ — философ’. На санскрите и пали мы можем использовать частицу *iti/ti*, и тогда фраза будет выглядеть так: ‘Сократ философ *iti* он узнал’. Но в пали данная фраза может выглядеть иначе. Происходит преобразование прямой речи в прямое дополнение при глаголе. При этом субъект исходного высказывания ставится в родительном падеже, а к предикату (глагольному или именному) присоединяется этот компонент *-bhāva* в винительном падеже, образуя сложное слово с абстрактным значением, т. е. с нашим примером про Сократа это будет выглядеть как ‘Сократа философство он узнал’ или ‘Сократа бытие-философом он узнал’:

- (4) *rājā... assā... dāsi-bhāvaṃ ñatvā* (Jā. 7)
 царь:NOM. SG она:GEN. SG рабыня-бытие:ACC. SG узнав:CONV
 ‘Царь, узнав, что она рабыня...’ (букв. ‘ее рабство’)

В примере (4) приведена конструкция с деепричастием ‘узнав, что...’, поскольку это наиболее распространенный случай, хотя встречаются и причастия (‘знающий, что...’, пример (5)), личные глаголы (‘узнал, что...’, ‘знает, что...’, пример (6)) и даже изредка инфинитив (‘чтобы узнать, что...’, пример (7)):

- (5) *nāgo supaṇṇassa supaṇṇa-bhāvaṃ ajānanto* (Jā. 154)
 Наг Супарны бытие-Супарной не знающий
 ‘Наг, не понимая, что Супарна — это Супарна...’ (или ‘не понимая, что перед ним Супарна’)
- (6) *mayhaṃ pana paṇḍita-bhāvaṃ na jānāti* (Jā.1)
 меня ведь ученый-бытие не знает
 ‘Он ведь не знает, что я ученый.’
- (7) *attano c’ eva sesa-sakuṇānañ ca sotthi-bhāvaṃ kātuṃ* (Jā.35)
 себя и же остальных-птиц и счастливое-бытие сделать
 ‘Сделать, чтобы и сам, и оставшиеся птицы жили счастливо...’

Несколько слов следует сказать о глаголах, которые встречаются в данной конструкции. Как видно из примеров выше, наиболее частотным оказывается глагол ‘знать’ (прибл. 70% употреблений). Далее по частотности следуют глаголы, близкие по значению — ‘увидел, что...’, ‘услышал, что...’, пример (8), а также глаголы с каузативным значением от указанных — ‘дал знать, что...’, ‘объяснил, что...’, ‘показал, что...’, пример (9):

- (8) *rājā tassa naṭṭha-bhāvaṃ sutvā* (Jā. 92)
 царь его погибший-бытие услышав
 ‘Царь, услышав, что он погиб...’
- (9) *mūsikāya khādita-bhāvaṃ ārocayiṃsu* (Jā. 87)
 мышью съеденный-бытие рассказали
 ‘Рассказали, что мыши изгрызли [одежду].’

Редко встречаются и другие глаголы, как, например, «делать» или «верить» (примеры (10) и (11)):

- (10) *puttassa uṭṭhāya gamana-bhāvaṃ karohi* (Jā. 444)
 сына встав хождение-бытие сделай
 ‘Сделай так, чтобы сын встал и пошел.’
- (11) *sace... sarassa atthi-bhāvaṃ mayhaṃ na saddahatha...* (Jā. 37)
 если... озера есть-бытие мне не верите...
 ‘Если мне не верите, что озеро существует...’

Достаточно редко в таких конструкциях слово с компонентом *-bhāva* выступает в качестве подлежащего, но это, как правило, пассивные конструкции:

- (12) *ācariyena kira me dussīlabhāvo ñāto* (Jā. 64)
 учителем ведь у меня дурной-нрав-бытие узнано
 ‘Ведь учитель узнал, что у меня дурной нрав.’

Как видно из приводимых примеров, все они взяты из одного источника, а именно из прозаических частей сборника джатак палийского канона, и это требует пояснений. Джатаки представляют собой собрание притч, сказок, анекдотов, которыми Будда поучал своих последователей в определенных

ситуациях. Самой притче предшествует прозаический рассказ об условиях, при которых была произнесена проповедь, затем следует «рассказ о прошлом», в который инкорпорируются стихотворные части. Проблем здесь видится две. Во-первых, в самой традиции каноническими, т. е. принадлежащими слову Будды, считаются только стихи, а проза — это комментарий, составленный чуть ли не в V в. н. э. Есть даже мнение, что комментировал Джатаки известный цейлонский ученый Буддхагхоса (V в. н. э.)¹. Однако для исследователей очевидно, что проза и стихи в данных текстах неотделимы друг от друга, ибо огромное количество строф никак не могут быть адекватно поняты без прозаической части. Более того, некоторые строфы и намек не дают на сюжет проповеди. Даже если проза подверглась редакции очень поздно, также очевидно, что в каком-то виде она необходимо существовала с древнейших времен, хотя язык прозы Джатак значительно отличается от языка канона.

Анализ текста Джатак показал, что исследуемая конструкция никогда не встречается в стихотворных частях. В прозе же на 547 Джатак она встретилась более 500 раз, что говорит о ее достаточной употребительности. В других частях канона ни в стихах, ни в прозе данная конструкция не зафиксирована, однако в комментариях вышеупомянутого Буддхагхосы она в полной мере присутствует.

Что касается древнеиндийского, а также классического санскрита, который хронологически позже пали, данное употребление *-bhāva* обнаружить пока не удалось. Даже в таких текстах, как сказочные сборники Панчатантра, Хитопадеша, авторский сборник рассказов о перерождениях Будды «Джатакамала» Арьяшуря, которые используют во множестве сюжеты, встречающиеся в палийских Джатаках, данная модель не встречается. Субъективно данная конструкция может показаться несколько искусственной, больше подходящей к комментаторской прозе (т. е. к языку схоластическому), однако в Джатаках она нередко встречается в диалогической речи (см. примеры (10) и (11)), что свидетельствует об общеупотребительности данной модели в разговорном языке. Все говорит о том, что употребление *-bhāva* в качестве своеобразного квазисююза для преобразования прямой речи в квазипридаточное изъяснительное — явление достаточно позднее. Остается открытым только вопрос о том, было ли это результатом эволюции самого языка или следствием влияния некоего субстрата, например, старосингальского языка.

¹ Law Bimala Churn. A History of Pāli Literature. London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co, 1933. Vol. II. P. 472; Warder A. K. Indian Buddhism. Delhi: Motilal Banarsidas Publishers, 2007. P. 229.

В заключение один факт из индонезийского языка¹. Как известно, в первые века новой эры усиливаются связи юга Индии и Шри-Ланки с Юго-Восточной Азией посредством Южного Шелкового пути, по которому экспортировались не только товары, но и начали свое распространение буддизм и индуизм, а с ними — и священные языки индийских религий². В индонезийском языке и сейчас зафиксировано довольно много заимствований из пали и санскрита. В частности, в индонезийском используется союз *bahwa* ‘что’, который возводят к санскритскому *bhāva*³, хотя на пали данное слово звучит точно так же. С помощью этого союза образуются изъяснительные придаточные предложения:

(9) *Saya percaya bahwa itu benar*
 1Sg верить что DEM верный
 ‘Я верю, что это верно.’

(10) *Orang-orang dalam kelompok itu menyadari bahwa*
 человек-PL PREP группа DEM сознавать что
Obama tidak mematikan suara mereka.
 Обама не уничтожить голос 3pl
 ‘Люди данной группы осознавали, что Обама никогда не лишал их [права] голоса.’

Проблема в том, что подобного употребления, как было указано выше, в санскрите мы не обнаруживаем, а в позднем пали, наоборот, это весьма распространенный оборот. Поэтому следует сделать уточнение, что данное слово в качестве союза было заимствовано именно из пали.

Список литературы

1. Hendriksen H. *Syntax of the Infinite Verb-Forms of Pāli*. Copenhagen: Einar Munksgaard, 1944. 220 p.

¹ Автор статьи выражает признательность профессору А. К. Оглоблину и доценту С. Г. Крамаровой за консультации по индонезийскому языку.

² Jagq-Hergoualc’h Michel. *The Malay Peninsula: Crossroads of the Maritime Silk Road (100 BC — 1300 AD)*. Transl. by Victoria Hobson. Leiden – Boston – Köln: Brill, 2001. P. 74–92.

³ Russell Jones (ed.). *Loan Words in Indonesian*. Jakarta: Yayasan Pustaka Obar Indonesia, 2008. P. 30.

2. Jagq-Hergoualc'h Michel. The Malay Peninsula: Crossroads of the Maritime Silk Road (100 BC — 1300 AD). Transl. by Victoria Hobson. Leiden – Boston – Koln: Brill, 2001. 607 p.
3. Kale M. R. A Higher Sanskrit Grammar. Delhi – Patna – Varanasi: Motilal Banarsidas Publishers, 1960. XII+536+156 p.
4. Law Bimala Churn. A History of Pāli Literature. London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co, 1933. Vol. II. 689 p.
5. Pāli Tipiṭaka. URL: <https://www.tipitaka.org/romn/> (дата обращения: 19.10.2019).
6. Russell Jones (ed.). Loan Words in Indonesian. Jakarta: Yayasan Pustaka Obar Indonesia, 2008. 359 p.
7. Speyer J. S. Sanskrit Syntax. Delhi: Motilal Banarsidas, 2009. 402 p.
8. Warder A. K. Indian Buddhism. Delhi: Motilal Banarsidas Publishers, 2007. 601 p.
9. Елизаренкова Т. Я. Ведийский язык. М.: Наука, 1987. 438 с.
10. Языки мира: Индоарийские языки древнего и среднего периодов. М.: Academia, 2004. 160 с.

References

1. Elizarenkova T. J. Vedyjskiy yazik. [The Vedic Language]. Moscow: Nauka, 1987. 438 p. (In Russian).
2. Hendriksen H. Syntax of the Infinite Verb-Forms of Pāli. Copenhagen: Einar Munksgaard, 1944. 220 p.
3. Jagq-Hergoualc'h Michel. The Malay Peninsula: Crossroads of the Maritime Silk Road (100 BC — 1300 AD). Transl. by Victoria Hobson. Leiden — Boston — Koln: Brill, 2001. 607 p.
4. Kale M. R. A Higher Sanskrit Grammar. Delhi; Patna; Varanasi: Motilal Banarsidas Publishers, 1960. XII+536+156 p.
5. Law Bimala Churn. A History of Pāli Literature. London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co, 1933. Vol. II. 689 p.
6. Pāli Tipiṭaka, URL: <https://www.tipitaka.org/romn/> (accessed 19.10.2019).
7. Russell Jones (ed.). Loan Words in Indonesian. Jakarta: Yayasan Pustaka Obar Indonesia, 2008. 359 p.
8. Speyer J. S. Sanskrit Syntax. Delhi: Motilal Banarsidas, 2009. 402 p.
9. Warder A. K. Indian Buddhism. Delhi: Motilal Banarsidas Publishers, 2007. 601 p.
10. Yaziki mira: Indoariyskiye yaziki drevnego i srednego periodov. [Languages of the World: Old and Middle Indo-Arian Languages]. Moscow: Academia, 2004. 160 p. (In Russian).

Author's information

Sergei S. Tavastsherna

PhD (Philology), Associate Professor, Department of Indian Philology, Faculty of Asian and African Studies, St Petersburg University
11, Universitetskaya nab., St Petersburg, 199034, Russia
E-mail: serguei.tawast@gmail.com

Информация об авторе

Тавастшерна Сергей Сергеевич

кандидат филологических наук, доцент, кафедра индийской филологии,
Восточный факультет, СПбГУ
РФ, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 11
E-mail: serguei.tawast@gmail.com

Tsvetkova S. O. (FAAS, SPbU, St Petersburg, Russia)

Folk Formulae in the Lyric Religious Poems by Mira Bai (1499–1547)

Summary: The style of the lyrics by Mira Bai (1499–1547), the famous poetess and devotee of the Krishna bhakti cult in Northern India, should be characterised as “formulaic”. Her poems stand very close to the folk religious songs praising the god Krishna, which abound in formulae as a rule. The songs (*bhajans*) in Krishna bhakti, lyric and narrative as well, became a kind of emotional sacrifice of bhaktas to their beloved god. Thus, they were meant to express in a complete way the intense feelings of the devotee toward their deity; and the formulae were reckoned the proper expressive means for this, approved by the tradition.

What distinguishes the authorial poetry of Mira Bai from these folk lyrics is her flair for arranging stylistic figures on the basis of the traditional folk formulae or idioms. The paper is concerned with the study of the stylistic techniques of the poetess, that is the analysis of a new functional role of the formulae in her poetic texts — of their stylistic application. The expressiveness of the traditional Indian folk formulae could wane with the course of time. The author uses these formulae and some idioms as “semantic blocks” to create vivid images of the emotions, she arranges them into stylistic devices like palilogy, parallelism, inversions, chiasmus, gradation, — thus intensifying their semantic and expressive power. These stylistic techniques include some composite devices producing stylistic effects of evocative emphasis, movement and emotional outburst.

These techniques are characteristic of Mira Bai’s authorial style and can serve as criteria while authenticating some of the poems traditionally attributed to her. The poems—songs traditionally attributed to Mira Bai, which had existed for a long time in oral form in the Indian folk culture, became subject to many alterations that obviously influenced their original language. The manuscript collections of her texts known by now are dated differently and differ considerably in their contents; besides there is a lack of any textological information in the MSS concerning their origin. All this makes the task of their attribution very complicated. The stylistic characteristics peculiar to her poems discussed in this paper may prove to be of use in solving this problem.

Keywords: Bhakti movement; Medieval Indian poetry; Medieval Krishna-bhakti poetry; lyrics of Mira Bai; emotional sacrifice in bhakti poetry; Mira Bai stylistic techniques; folk formulae.

Цветкова С. О. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ)

Фольклорная формула в религиозной лирике Миры Баи (1499–1547)

Аннотация: Стиль лирических песнопений Миры Баи (1499–1547), прославленной поэтессы и последовательницы культа кришнаитского бхакти в Северной Индии, можно определить как «формульный» — ее поэзия тесно смыкается с устной народной песенно-поэтической культурой и почти неотделима от нее. Исполнение песнопения, прославляющего благодатные деяния воплощенного бога Кришны и отражающего чувства, переполняющие бхакта, осознавалось в культурной практике кришнаизма как религиозный акт служения — как жертвоприношение чувств возлюбленному богу. Фольклорная формула как своеобразное средство кодирования в традиционных образах и мотивах неизъяснимых душевных состояний бхакта сделалась основным выразительным средством, обеспечивающим *правильное* совершение эмоциональной жертвы. В лирической исповеди Миры Баи фольклорные формулы, по всей видимости, выполняют ту же функцию.

Вместе с тем обращает на себя внимание еще одна функциональная роль формул в лирике поэтессы — стилистическая. Особую экспрессивность и динамизм ее стихам придают не столько сами по себе традиционные формулы, выразительность которых со временем оказывалась «потускневшей», сколько различные стилистические и композиционные приемы, которые поэтесса выстраивает из формул и фразеологизмов как из «семантических блоков», создающих образ эмоции. Данная статья посвящена анализу стилистической «техники» Миры Баи, выявлению используемых ею приемов — повтора, параллелизмов, инверсии, хиазма, градации — и условий их наиболее эффективного функционирования. Наряду с этим выделены своеобразные «смешанные» стилистические приемы, характерные для стихов поэтессы. Эта особая стилистика произведений Миры Баи, на наш взгляд, может послужить одним из ключевых критериев установления подлинности авторства произведений, относимых традицией к творчеству поэтессы.

Ключевые слова: кришнаитское бхакти; индийская средневековая поэзия; средневековая поэзия кришнаитского бхакти; лирика Миры Баи; эмоциональное жертвоприношение в поэзии бхакти; стилистика бхаджанов Миры Баи; фольклорные формулы.

Средневековое религиозное движение кришнаитского *бхакти* оформилось в Северной Индии примерно к XV в. и, в силу своего происхождения и особенностей развития, завоевало себе популярность прежде всего в среде простого сельского населения. Учение *бхактов*-кришнаитов сочетало в себе два базовых постулата: представление о единой Верховной сущности, во всей полноте воплотившейся на земле в чарующем облике пастуха и правителя Кришны, и идею *бхакти* — самоотреченной любви и преданного служения

воплощенному, индивидуальному богу (*сагуна-бхакти*)¹. Эмоционально-экстатический характер этого культа обусловил складывание в нем особых форм поклонения Кришне, развивавшихся главным образом на основе народной песенно-музыкальной культуры. Так сформировались жанры песен-гимнов, славящих благодатные земные деяния бога, и народной религиозной лирической песни (*бхаджан*). В функциональном плане эти жанровые формы, в особенности последняя, подразумевали внутреннее, психологическое воссоздание адептом ярких эмоциональных состояний любовного общения с Кришной или иступленного томления в разлуке с ним. Исполнение песни осознавалось как религиозный акт служения, как своего рода эмоциональное жертвоприношение, «приношение чувств» возлюбленному богу.

Складываясь в недрах народной культуры, эти песнопения впитали в себя все черты индийской фольклорной лирики — в первую очередь присущий ей *формульный* характер. Фольклорная формула как своеобразное средство кодирования в традиционных образах и мотивах неизъяснимых душевных состояний бхакта сделалась основным выразительным средством, формирующим стиль не только народных лирических песенных текстов, но и авторских сочинений ранних поэтов кришнаитского бхакти.

Наиболее отчетливо проявление этой традиции можно видеть в творчестве Миры Баи (вторая половина XVI в.), раджпутской княжны, поэтессы и подвижницы бхакти, поэзия которой тесно смыкается с устной народной песенно-поэтической культурой и почти неотделима от нее. Стихотворения Миры созданы для песенного исполнения, и среди них преобладают лирические песни-исповеди о душевных радостях и страданиях самозабвенно любящей Кришну бхактини. «Парадигма» такой лирической исповеди поэтессы складывается по большей части из формул, из которых и выстраивается образ эмоции.

По своей структуре формулы средневековой народной лирики на диалектах хинди² распадаются на три основных типа: имена-эпитеты, относимые к лирическому герою/героине, формулы-словосочетания и формулы-мотивы. Имена-эпитеты первой группы в стихах Миры Баи — это принятые в традиции именования Кришны (как, например, *sāvaṅo* — «Смугло[ликий]», *manamohana* — «Чарующий душу», *śyāma* — «Темный» и т. п.); их количествен-

---

¹ Сагуна-бхакти (сскр. *saguṇa bhakti*) — букв.: «преданность обладающему качествами [богу]», то есть воплощенному в теле Абсолюта.

² Большинство стихотворений Миры Баи в настоящее время известно на средневековом североиндийском языке брадж, к XVI в. уже входившем в литературное употребление. Однако в народной культуре бытует множество переложений ее песен на другие народно-разговорные языки. Существует мнение, что оригинальным языком произведений поэтессы был родной для нее марварский диалект раджастан, хотя до сих пор по этому поводу ведутся споры. См. подробнее: *Tivārī Bhagavāndās. Mīrā kī bhakti aur unkī kāvyā-sādhnā kā anuśīlan. Pāhābād: Sāhitya Bhavan Limited, 1974. P. 265–283.*

ный состав ограничен, и они всегда предстают в неизменной (не варьируемой) форме. Помимо этих именовании в лирике Миры Баи эпитет вообще не играет существенной роли (в ее текстах, без учета имен-эпитетов, существительных примерно в 8 раз больше, а глаголов — почти в 6 раз больше, чем прилагательных и причастий, выступающих в качестве эпитета), число формульных выражений с участием эпитета (как, например, *kālā nāga* — «черная змея») крайне мало, и в настоящей работе они не рассматриваются.

В *pada*¹ Миры преобладают формулы-мотивы, о которых речь пойдет несколько позже. К ним тесно примыкает небольшая группа формул-словосочетаний, которые можно выделить как самые простые по структуре (и минимальные по объему) текстовые единицы, регулярно воспроизводимые в стихах поэтессы. Эти «элементарные» формулы, как правило, выступают в высказывании в роли обстоятельств, реже — дополнений, и представлены либо парными сочетаниями (или повтором) слов, либо сочетаниями знаменательных слов со служебными, такими как составные послелого. Примером парного сочетания-формулы может служить сочетание «ночь [и] день» («день [и] ночь»), представляющее в нескольких различающихся по количественному составу лексических вариантах — *nisadina*, *raṅga dinā*, *rāta divasa*, *dina rāṭi*, *nisi bāsara*²:

nisadina | pantha ni|hārā | pivaro, | palaka ṅā pala bhara lāgī | [90]

День и ночь на путь милого гляжу, веки ни на миг не смыкаю.

kaba ṅī ṭhaṅhī mhā maga jovā, | **nisadina** | viraha ja|gāvā | [78]

С каких уж пор стою, гляжу на путь, день и ночь разлука не дает уснуть.

rāta di|vasa kala | nāhī pa|rata hai, | jaise mīna bina pāṅī | [129]

Днем и ночью покоя [мне] нет, словно рыба [я] без воды.

Mīṅā re prabhu Giradhara nāgara, | maga jo|vā **dina** | **rāṭi** | [23]

Миры Господь, красавец-Гирадхар, на путь [твой] гляжу день и ночь.

В целом выборка включает в себя 15 стихов, текст которых согласуется с музыкальным ритмом 4 такта по 4 матра³ (1-е полустишие) + 3 (4) такта

¹ Пада (сскр. *pada*) — «стих». В поэзии хинди это слово употребляется во множественном числе («стихи») для обозначения коротких (от трех стихов, редко более тридцати), главным образом песенных текстов, неделимых на строфы / куплеты.

² Все примеры оригинальных текстов, нумерация стихотворений и статистические данные приводятся по изданию: Mīṅābāi-padāvalī. Sampādak evaṃ ṭīkākār Kṛṣṇadev Śarmā. Dillī: Rīgal Buk Dīpo, 2008. 287 p.

³ Матра (сскр. *mātrā*) — длина звучания краткого слога; соответственно, длина звучания долгого слога — 2 матра (при наличии противопоставления между краткими и долгими гласными звуками).

по 4 матра (2-е полустишие). Сочетание *nisadina*, составляющее один «такт» (4 матра), тяготеет к начальной позиции (нормативной для обстоятельства времени в предложении хинди) и, за одним исключением, заполняет 1-й «такт» в первом и втором полустишиях:

nisadina | *pantha ni|hārā* | *pivaro* |
 | 0 0 0 0 | — 0 0 | — — | 0 0 — |
 ночь-день на путь гляжу милого...

Та же начальная позиция в первом полустишии характерна для сочетаний *gaṇa dīnā* и *gāta divasa*, по своему квантитативному составу распространяющихся на полтора «такта» (4 + 2 матра). Сочетание *dīna gātī* («день [и] ночь»), также заполняющее 1,5 «такта», напротив, смещено на окончание полустишия.

Из 15 рассматриваемых строк в 14 случаях сочетание «ночь [и] день» дополняет собой ту или иную формулу-мотив. При этом *nisadina* тяготеет к весьма часто встречаемой формуле «гляжу на путь (ожидая с нетерпением)», предстающей в разных лексических вариантах (*jovā bāṭa* / *pantha nihārā* и др.), а сочетание *gāta divasa* — к не менее частотной, но более стабильной по форме формуле «покоя [мне] не выпадает» (*kala nāhī (ṇa) parata hai*).

Формулы, образованные сочетанием знаменательного компонента (местоимения, имени, причастия) с составным послелогом, обладающие существенной метрической «длинной», демонстрируют значительную вариативность и также занимают определенные ритмические позиции в начале или конце полустиший. Примером могут служить сочетания форм местоимений 2-го лица единственного числа с послелогам (*ke*) *kāraṇa* / (*kī*) *khātira* («ради, из-за»), которые в 12 из 13 встреченных случаев вместе с управляемым словом занимают два первых «такта» (4 + 4 матра) в 1-м и 2-м полустишиях; в одном случае — полтора «такта» (2 + 4 матра) в конце первого полустишия:

tere| **khātira**| *jogaṇa*| *hūgī*... [49] *Ради тебя — йогини стану...*
bhagavā| *bhekha dha*|*gū*| **thē**| **kāraṇa**... [68] *В багряные одежды¹ облеклась ради тебя...*
tere| **kāraṇa**| *hama saba*| *tyāge*... [124] *Ради тебя я все оставила...*

Такие сочетания также обычно сопровождают более или менее частотные формулы: в частности, сочетания с послелогам (*ke*) *kāraṇa* / (*kī*) *khātira* («ради, из-за») почти всегда связаны с формульным мотивом «отречения от мира» и с тесно примыкающим к этому контексту мотивом «безумия для мира» (*bhāi bāvaṛī* [93], *bhāi gelī* [79] — *сделалась безумной*).

¹ Одежда цвета красной охры являлась отличительной внешней особенностью йогов-натхов — бродячих аскетов, питавшихся подаянием. См.: Briggs G. W. *Gorakhnāth and the Kānpṛaṭa Yogīs*. Delhi: Motilal Banarsidass Publishers Ltd., 2009. P. 201.

Воспроизведение таких формульных элементов в поэтическом тексте для ранних авторов, судя по всему, служило средством «заполнения» ритмических позиций (тактов) в полустииши для урегулирования в нем количества матра, в тех случаях, когда поэт прибегал к использованию темообразующей формулы-мотива. Можно полагать, что такого рода формулы представляют собой реликты устной песенной поэзии в лирике Миры Баи — распространяющие высказывание-мотив, но при этом четко заполняющие собой недостающие «такты» и их отрезки. Попутно следует заметить, что и ударный слог таких формульных словосочетаний в стихах Миры неизменно оказывается в начале «такта» в 4 матра (в иктовой позиции).

Комплексы преданий о жизни святых поэтов-бхактов довольно часто в индийской традиции настаивают на том, что эти авторы самостоятельно *не записывали* своих сочинений (ввиду неграмотности, слепоты, отрешенности от мира и т. п.) и исполняли их по памяти. В отношении Миры Баи также бытует представление о том, что самозабвенная певица-бхактини лишь создавала и исполняла бхаджаны перед изображениями Кришны, а записывала их ее верная служанка и наперсница Лалита, повсюду ее сопровождавшая¹. Однако «идея фиксированного текста»² уже очевидно довлеет в ее сочинениях над устной техникой сложения лирического песнопения. На это, в частности, указывает соотносительность элементарных формул-словосочетаний с *определёнными* формульными мотивами. Таковую стабилизацию текста бхаджанов нельзя полностью отнести на счет необходимости «матричного» урегулирования стиха, поскольку эти мотивы предстают в стихах в форме, широко варьирующей во всех отношениях. Установление такой соотносительности в значительной мере способствует скорее решению стилистических задач: словосочетание служит вводной формулой, «приметой» формулы-мотива и, кроме того, «правильным» образом наделяет такой мотив-высказывание экспрессивной силой.

Формулы-мотивы в народной религиозной песенной поэзии обрели статус санкционированных традицией форм выражения религиозного любовного чувства исключительной интенсивности, особо культивируемого в кришнаитском бхакти. Именно за счет этих выразительных средств песнопение обеспечивало *правильное* совершение эмоционального жертвоприношения, внятного возлюбленному богу и способного «радовать» его. Таково же, по-видимому, основное функциональное назначение формул в лирике Миры Баи. Традиционные мотивы-формулы выступают в ее бхаджанах как главные тематические компоненты, посредством сочетания которых создается образ переживаемого

¹ Tivārī Bhagavāndās. Mīrā kī bhakti aur unki kāvyā-sādhnā kā anuśīlan. Ilāhābād: Sāhitya Bhavan Limited, 1974. P. 24.

² Лорд А. Б. Сказитель / Подгот. изд., пер. с англ. и коммент. Ю. А. Клейнера и Г. А. Левинтона. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в СПб, 2018. С. 243.

бхактом чувства — раскрывается тема песнопения: тема исступленного страдания в разлуке с любимым Кришной или восторга свидания с ним, жгучей ревности, обиды на него, темы сознания бхактом собственного ничтожества перед богом, отрешенности от себя и от мира и т. п.

Структурно формулы-мотивы бхаджанов Миры представляют собой базовые минимально распространенные высказывания: *mhā maga jōvā* [78] — *я смотрю на путь*; *mohi kachu ṅa suhāvaj* [129] — *мне ничто не по нраву*; *mohi ṅīda ṅā āvā* [28] — *сон ко мне не идет*; *mohi jaka ṅa parata haj* [99] — *покоя мне нет* (букв., «не выпадает») и др. Местоимения 1-го и 2-го лица ед. ч. (подлежащие, дополнения и т. п.) нередко опускаются¹: *āvaṅa kaha gayā ajū ṅa āyā* [54, 67, 220] — *ушел, прийти обещав, до сих пор не пришел!*; *kahā karū kita jāū* [44, 74, 84, 87, 171] — *что стану делать, куда пойду?* и т. п. Эти «базовые» формульные высказывания обычно бывают распространены стандартными обстоятельствами, дополнениями, обращениями, формулами-словосочетаниями и пр., как, например: *pala pala bhītara pantha nihārū* [110] — *всякий миг смотрю на путь*; *tana mana dhana giradhara para vārā* [11] — *тело, душу, достойные Гиридхаре² в жертву принесла*. Как правило, такое распространенное другими членами формульное высказывание совпадает с одним, первым или вторым, полустистишем.

Как уже было упомянуто, формулам в поэзии Миры Баи в значительной степени присуща вариативность, это косвенно свидетельствует о том, что поэтесса заимствовала свой формульный фонд (скорее в качестве семантических моделей) из фольклора или создавала собственные формулы по аналогии с фольклорными. Так, одна из наиболее частотных в ее стихах формула-мотив «смотрю на путь» (в значении «жду с нетерпением» — по существу, это выражение является не до конца «стертым» фразеологизмом) в 31 случае ее употребления предстает в 6 лексических вариантах. Эта формула встречается в 27 бхаджанах из 232 (в некоторых по два раза). Вообще же частотность формул в стихах Миры Баи весьма различна³. В собрании Парашурама Чатурведи⁴ некоторые пады почти целиком составлены из формульных высказываний со стандартным распространяющим составом, образующих своего рода «семан-

¹ Именно по этой причине мы определяем эти формулы как формулы-мотивы, поскольку очень часто подлежащее-местоимение бывает опущено, и от «базового» высказывания остается один глагол.

² «Держащий гору» (сскр., *giridhara*) — одно из имен-эпитетов Кришны, по легенде — поднявшего гору, чтобы укрыть бхактов от ливня стрел бога Индры.

³ В качестве «формулы-мотива» мы принимали базовые формульные высказывания с различным составом распространяющих членов, встреченные более двух раз в текстах Миры Баи или близких по времени создания источниках.

⁴ *Mīrābāī kī padāvalī. Sampādak Paraśurām Caturvedī. Prayāg: Hindī Sāhitya Sammelan, 1998 (1941). 262 p.; Mīrābāī-padāvalī. Sampādak evaṃ ṅīkākār Kṛṣṇadev Śarmā. Dillī: Rīgal Buk Dīpo, 2008. 287 p.*

тические блоки» в песенно-поэтическом тексте. В ряде других случаев установить «формульность» высказываний не представлялось возможным ввиду ограниченности сравнительного материала, который можно было бы отнести к времени, приблизительно соответствующему творческому периоду поэтессы.

Вместе с тем обращает на себя внимание еще одна функциональная роль формул-мотивов в лирике поэтессы — стилистическая. Песнопение создавалось в кришнаитском бхакти как культовый акт «приношения чувств» верующего богу, принципиальное значение имела его особая выразительность, которая способствовала раскрытию переживаний бхакта во всей их полноте и интенсивности. Это, несомненно, еще одна сфера, в которой проявилось действие формул; тем не менее создаваемый ими эффект яркости и динамизма со временем оказывался «потускневшим». Бхаджанам Миры Баи такой эффект придают не столько сами традиционные формулы, сколько различные стилистические и композиционные приемы, судя по всему, вполне осознанно применяемые поэтессой. Именно за счет особой стилистики авторские произведения Миры выделяются из всей «массы» фольклорных лирических песнопений кришнаитов, принимая во внимание и тот факт, что их автор преимущественно выстраивала стилистические фигуры из тех же «семантических блоков»-формул и сопутствующих им стандартизованных элементов, и, кроме того, фразеологизмов¹.

Основные стилистические приемы, применяемые Мирой Баи, — это различного рода повторы и несколько разновидностей словесно-образного и композиционного параллелизма: собственно параллелизм, противопоставление, градация, хиазм.

Повторы, как и различные виды параллелизма, пронизывают собою всю «ткань» поэтического текста Миры и различимы как по горизонтали, так и по вертикали. В частности, для стилистики стихов Миры Баи весьма характерны повторы стандартизованных элементов, распространяющих формулу. Чаще всего они представлены обстоятельствами, дополнениями, либо предикативными определениями (обстоятельствами образа действия):

pala pala bhītara pantha nihārū darasana mhāne dījo jī [110]
всякий миг на путь [твой] смотрю, подай мне свидеться с тобой!

tuma dekhyā bina kali na parata hai, talaphi talaphi jīva jāśī [49]
без свиданья с тобой [мне] покоя нет, страдаю, теряю жизнь².

¹ О степени распространенности ряда фразеологизмов, встречаемых в стихах Миры Баи, мы можем судить только на основе современных данных, в том числе литературных. Целый ряд фразеологизмов встречается в ее бхаджанах менее трех раз, что не позволяет нам принимать их в качестве формул. Тем не менее фразеологизмы предстают как перманентно сформулированные семантические языковые средства, которые могут выступать в роли формул.

² Букв.: «жизнь исходит».

khāna pāna sudha budha saba bisaryā, kâi mhāro prāna jiyā [52]

про пищу-питье позабыла, всякий разум [потеряла], нечто еще душа моя жива?!

Как правило, такого рода повторы соотносятся с формулами-мотивами, добавляя им усилительный оттенок (в примерах формулы-мотивы выделены подчеркиванием, повторы — полужирным шрифтом). Парное сочетание *sudha budha* («разум, сознание») также рассматривается нами как усилительный повтор синонимов, хотя он и вошел в настоящее время в словарь хинди как устойчивое сочетание¹. Последний пример демонстрирует своеобразный прием «нанизывания» стандартизованных парных сочетаний-дополнений в составе формулы-мотива — подобный прием также весьма характерен для стилистики поэзии Миры Баи:

tana mana jivana rġtama vāryā, thāre rūpa lubhāvā [69]

тело, душу, жизнь любимому в жертву отдала, обликом твоим очарована.

Встречаются примеры, хотя и немногочисленные, семантического повтора, представленного формулами, который также очевидно играет усилительную роль:

māi jaṇa terā pantha nihārū, māraga citavata tore [94]

я, любимый, гляжу на твой путь, на дорогу твою смотрю.

Еще один пример формульного повтора демонстрирует иную ситуацию:

sāvāro umaraṇa sāvāro sumaraṇa, sāvāro dhyāṇa dharā ḡ [21]

О Смуглоликом помышляю, Смуглоликого вспоминаю,

Смуглоликому в сердце внимаю.

В этом случае можно говорить об анафорическом повторе, поскольку повторяемое слово (*'sāvāro* — Смугло[ликий]) всегда занимает позицию в начале синтагм, и ударный слог оказывается в иктовой позиции в «такте». Вместе с тем созвучие, образуемое глаголами «*umaraṇa – sumaraṇa*», очевидно показывает, что данные формульные высказывания сопоставлены в стихах как единое целое.

Это важная характеристика сопоставления формул-мотивов или фразеологизмов в поэзии Миры Баи, поскольку, как правило, они сопоставляются как целостные выразительные единицы.

¹ Хинди-русский словарь: в 2 т. / сост. А. С. Бархударов, В. М. Бескровный, Г. А. Зограф, В. П. Липеровский; под ред. В. М. Бескровного. М.: ООО «Издательский дом «ОНИКС 21 век»; ООО Издательство «Мир и Образование», 2002. Т. II. С. 719.

Параллелизм формул может быть основан на повторе глагола, образующего варианты двух разных формул-мотивов, либо он может быть подчеркнут созвучием глагольных форм. Так, в первом примере ниже варианты формул «утратила жизнь» и «утратила глаза» сопоставлены за счет повтора глагола *gumāyā* («потеряла», «лишилась»), благодаря чему в стихе создается сильный эмфатический эффект. Во втором примере синтаксический и композиционный параллелизм формул и фразеологизма подчеркнут фонетическим, причем глагольные основы *patiyā-* («верить») и *sunā-* («произносить») предстают в искаженных (возможно, диалектных) вариантах ради создания созвучия:

prāna gumāyā jhūrātā re, naina gumāyā roya [101]

Иссыхая, жизни лишилась, плача, — выплакала глаза.

loka ṇa sijhyā mana patijyā mukhaṛā sabada sunājyo jī [128]

То не люди научили, верит [моя] душа, скажешь [мне] слово устами!

Антитеза в поэзии Миры Баи встречается не особенно часто и главным образом в качестве риторического (полемического) приема в немногих стихотворениях-проповедях. Ее стилистический эффект также может подчеркиваться повтором формул:

rājā rūthyā nagaṛī tyāgā, hari rūthyā kahā jāṇā [39]

Раджа осерчает, — покину город прочь, прогневается Хари¹, — куда пойду?

*jhīlarayā ṛī kāma nā mhāro, dābarā kuṇa jāvā ṛī |
gaṅga jamaṇā kāma nā mhāro, mhā jāvā dariyāvā ṛī | ...* [24]

До озера мне дела нет, почто ходить к пруду?

До Ганги и Джамны мне дела нет, — к морю я пойду...

Повтор формулы *kāma nā mhāro* («мне дела нет») во втором примере образует подобие эпифоры в первом полустииши и усиливает как само выраженное противопоставление образов, так и параллелизм стихов по вертикали.

Наиболее ярким стилистическим приемом в лирике Миры Баи можно назвать инверсию, которую поэтесса нередко использует для усиления экспрессивной окраски стиха в сочетании с такими приемами, как параллелизм и градация. Чаше инверсия как стилистически значимое средство наблюдается в пределах формул-мотивов, иногда сопоставленных друг с другом за счет синтаксического параллелизма и образующих единый динамический ряд. В примере ниже динамизм ситуации и экспрессия выраженной эмоции

¹ Хари — одно из имен-эпитетов Кришны.

подчеркнуты инверсией сказуемых, занимающих в формулах позицию перед подлежащими¹:

sāja siṅgāra bandha paga ghūgharū, loka lāja taja nācī |
gayā kumata layā sādha saṅgata śyāma pīta jaga sācī [19]

*Надев украшения, повязав на ноги бубенцы, перед миром стыд
отбросив, — танцую.*

*Прошло заблуждение, приобщилась к садху², — только к Шьяме любовь
в мире истинна!*

В целом порядок слов в стихах Миры тяготеет к нормативному, вместе с тем в них встречаются синтаксические нарушения, в отношении которых бывает трудно судить, являются ли они намеренной инверсией стилистического порядка. Так, инверсию сказуемого, в частности, выраженного глаголом, следовало бы рассматривать в качестве очень сильного эмфатического выделителя, передающего резкий эмоциональный перепад. Однако в этих случаях многое зависит от ритмики стиха и других сопутствующих факторов, как, например, характер рифмы: если рифма именная, а не глагольная, то во втором полустишии инверсия сказуемого, выраженного глагольной формой, с подлежащим или дополнением — неизбежна. В силу этого об использовании *стилистического приема* с уверенностью можно говорить тогда, когда инверсия подкреплена повтором, параллелизмом или хиазмом.

В следующем примере хиазм создается за счет повтора формулы-мотива hama... tyāgā («я... оставила»): в первом полустишии соблюден нормативный порядок слов, во втором — позиция сказуемого tyāgyo инверсирована, благодаря чему повторяемые глаголы оказываются на стыке полустиший. Так, за счет сочетания повтора формульного мотива, инверсии и хиазма традиционные формулы приобретают наиболее сильную экспрессивную выразительность:

gahanā gāthī rānā hama saba tyāgā, tyāgyo kara ro cūro |
kājala [īkī hama saba tyāgā, tyāgyo chai bāndhana jūro [32]

*Украшенья, богатства, рана, — все я оставила, оставила браслет с руки,
И сурьму, и тuku, — все я оставила, бросила плести [себе] косу.*

Хиазм в падах Миры Баи появляется сравнительно нечасто, но все его примеры позволяют говорить о том, что поэтесса осознанно использует его

¹ При нормативном порядке слов в брадже сказуемое всегда занимает место в конце предложения.

² Садху — здесь бхакты, достигшие высшей степени преданности богу и признаваемые святыми.

в качестве стилистического приема. Так, в ее стихах несколько раз в том или ином варианте встречается формула-хиазм «gāma hamāre hama hai gāma ke, ...» [67] — «Рама¹ — мой, и я — [моего] Рамы, ...», выражающая высшую степень преданности бхакта богу.

Градация, прием, создающий особый динамизм описания, выражающий повышенную степень интенсивности эмоции и создающий эффект ее нагнетания, очень обильно представлена в поэзии Миры Баи. Эта фигура также преимущественно создается из формул. Лаконичные формулы-мотивы выстраиваются в единый ряд в стихе или даже распространяются на несколько стихов, отражая фазы нагнетания эмоционального напряжения. В силу лексической вариативности формульных выражений экспрессия и динамизм описания чувств нередко подчеркиваются при помощи синтаксического и лексического параллелизма формул-мотивов и созвучия глагольных окончаний:

dhāma ṇa bhāvō nīda ṇa āvā, viraha satāvā moya [101]
Не мил [мне] дом, не приходит сон, изводит меня разлука.

bhūkha gayā nidarā gayā, pāpī jīva ṇā jāvā jī | [95]
И есть не в мочь, и уснуть не в мочь, а грешной душе [все] не в мочь отойти.

biraha kī māṛī māi baṇa ḍolū, prāṇa tajū karavata lyū kāsī [65]
В разлуке умирая, в лесах пойду скитаться, жизнь отдам, смерть приму от пилы в Каше².

mhārā bicharūya phera na milayā, bhejyā nā eka sannesa |
 ratana jābharaṇa bhūkhaṇa chāṅyā, khora kiyā sira kesa |
 bagavā bhekha dharyā the kāraṇa, dhūḍhyā cāryā desa [68]
*Со мной разлучился, не встретился вновь, не прислал и весточки [мне].
 Драгоценности все, украшенья оставила, обрила волосы с головы,
 В одежды охранные облеклась ради тебя, обыскала, обошла [все] края.*

В последнем из примеров инверсия сказуемых (bhejyā nā — «не прислал»; khora kiyā — «обрила») и дополнений во вторых полустипах двух первых строк образует синтаксический параллелизм, частично поддержанный созвучием окончаний глаголов (bicharūya – milayā – bhejyā – chāṅyā), который можно

¹ Имя одного из воплощений бога Вишну, которым Мира Баи также именует Кришну.

² Фразеологизм «приму смерть от пилы в Каше», видимо, обязан своим происхождением поверью, что человек, которому в священном городе индуизма Бенаресе (Каше) отпиливали голову пилой, немедленно после смерти попадал в небесный рай. В широком смысле эта идиома означает принятие мученической смерти ради религиозного спасения. В поэзии Миры Баи она используется неоднократно как формула.

рассматривать и как синтаксический хиазм. Такое построение стиха вообще является отличительной чертой бхаджанов Миры Баи и, по-видимому, может служить одним из диагностических признаков при решении вопроса об авторстве приписываемых ей произведений.

Проблема атрибуции текстов, относимых индийской традицией к авторству Миры, в целом достаточно сложна, и ей посвящены целые труды индийских литературоведов¹. Длительное бытование ее песнопений в устной передаче, изменения в их языке, большое количество разновременных и разных по составу рукописных собраний ее стихов при полном отсутствии в них текстологических данных и ряд других факторов делают разрешение этой проблемы почти невыполнимым. В связи с этим особая стилистика произведений Миры, в значительной мере выдерживаемая во многих текстах, относимых к ее творчеству, частотный повтор лексики и определенного набора формул, а также сама манера использования формул-мотивов для выстраивания стилистических фигур могут, на наш взгляд, явиться ключевыми критериями установления подлинности авторства произведений поэтессы.

Стилю поэтессы в целом присущ лаконизм, придающий динамический оттенок эмоциональной исповеди, создающий эффект напряженности чувств и движений души героини-бхактини. В ее поэзии почти отсутствуют «избыточные», заполняющие строку элементы, характерные в целом для фольклора Северной Индии. Свободное владение стилистическими приемами позволяет автору преодолеть «стертый» характер традиционных формул, придать им новизну и особую выразительность, оставаясь вместе с тем в рамках традиции кришнаитской религиозной лирики. Именно благодаря использованию такого рода стилистических средств поэтесса-бхактини создает поразительный образ чувства, своей эмоциональной *жертвы* возлюбленному божеству. И, возможно, именно эта стилистическая окрашенность стихов Миры Баи делает ее на первый взгляд безыскусные и простые песенные тексты выдающимся явлением в поэтической культуре Северной Индии.

Список литературы

1. Mīrābāī kī padāvalī. Sampādak Paraśurām Caturvedī. Prayāg: Hindi Sāhitya Sammelan, 1998 (1943). 262 p.
2. Mīrābāī-padāvalī. Sampādak evaṃ ṭīkākār Kṛṣṇadev Śarmā. Dillī: Rīgal Buk Dīpo, 2008. 287 p.

¹ См., например: Mīrā-bṛhat-pada-saṅgraha. Padmāvati 'Śabanam'. Banāras: Lok Sevak Prakāśan, 2009 (1954). 317 p.; Śekhāvat Kalyāṅsinh. Mīrā Bāī kā jīvanvṛt evaṃ kāvyā. Jodhpur: Ānand Prakāśan, 1974. 6+5+283 p.; Tivārī Bhagavāndās. Mīrā kī bhakti aur unkī kāvyā-sādhnā kā anuśīlan. Ilāhābād: Sāhitya Bhavan Limited, 1974. 358 p.

3. Mīrā-bṛhat-pada-saṅgraha. Padmāvati 'Śabanam'. Banāras: Lok Sevak Prakāśan, 2009 (1954). 317 p.
4. Śekhāvat Kalyāṅsinh. Mīrā Bāi kā jīvanvṛt evaṃ kāvyā. Jodhpur: Ānand Prakāśan, 1974. 6+5+283 p.
5. Tivārī Bhagavāndās. Mīrā kī bhakti aur unkī kāvyā-sādhnā kā anuśīlan. Ilāhābād: Sāhitya Bhavan Limited, 1974. 358 p.
6. Briggs G. W. Gorakhnāth and the Kānphaṭa Yogīs. Delhi: Motilal Banarsidass Publishers Ltd., 2009. 380 p.
7. Лорд А. Б. Сказитель / Подгот. изд., пер. с англ. и коммент. Ю. А. Клейнера и Г. А. Левинтона. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в СПб., 2018. 552 с.
8. Хинди-русский словарь: в 2 т. / сост. А. С. Бархударов, В. М. Бескровный, Г. А. Зограф, В. П. Липеровский; под ред. В. М. Бескровного. М.: Издательский дом «ОНИКС 21 век»; Мир и Образование, 2002. Т. II. 912 с.

References

1. Briggs G. W. Gorakhnāth and the Kānphaṭa Yogīs. Delhi: Motilal Banarsidass Publishers Ltd., 2009. 380 p.
2. Hindi-Russian Slovar. V 2-h t. Sost. A. S. Barhudarov, V. M. Beskrovny, G. A. Zograph, V. P. Liperovsky. Pod red. V. M. Beskrovny. [Hindi-Russian Dictionary. In 2 vols. Contributors: A. S. Barhudarov, V. M. Beskrovny, G. A. Zograph, V. P. Liperovsky. Ed. by V. M. Beskrovny]. Moscow: ONIKS 21 vek; OMir i Obrazovaniye, 2002. Vol. II. 912 p. (In Russian and Hindi).
3. Lord A. B. Skazitel / Podgot. izd., per. s angl. i comment. Yu. A. Kleiner, G. A. Levington [The Singer of Tales / Ed., transl. from English and comm. by Yu. A. Kleiner, G. A. Levington]. St Petersburg: European University at St Petersburg Publishers, 2018. 552 p. (In Russian).
4. Mīrābāi kī padāvalī. Sampādak Paraśūrām Caturvedī. [Collection of poems by Mira Bai. Ed. by P. Chaturvedi]. Prayāg: Hindi Sāhitya Sammelan, 1998 (1943). 262 p. (In Hindi).
5. Mīrābāi-padāvalī. Sampādak evaṃ tīkākār Kṛṣṇadev Śarmā. [Collection of poems by Mira Bai. Ed. and comm. by K. Sharma]. Delhi: Rīgal Buk Dīpo, 2008. 287 p. (In Hindi).
6. Mīrā-bṛhat-pada-saṅgraha. Padmāvati 'Śabanam' (ed.). [The full collection of poems by Mira. Ed. by Padmavati 'Shabanam']. Benares: Lok Sevak Prakāśan Publishers, 2009 (1954). 317 p. (In Hindi).
7. Śekhāvat Kalyāṅsinh. Mīrā Bāi kā jīvanvṛt evaṃ kāvyā. [The Biography and Poetry of Mira Bai]. Jodhpur: Ānand Prakāśan, 1974. 6+5+283 p. (In Hindi).
8. Tivārī Bhagavāndās. Mīrā kī bhakti aur unkī kāvyā-sādhnā kā anuśīlan. [Studies in the Mira Bai's Bhakti and her Worship to the Poetry]. Ilāhābād: Sāhitya Bhavan Limited, 1974. 358 p. (In Hindi).

Author's information

Svetlana O. Tsvetkova

PhD (Philology), Associate Professor, Head of the Department of Indian
Philology, Faculty of Asian and African Studies, St Petersburg University

11, Universitetskaya nab., St Petersburg, 199034, Russia

E-mail: swati@mail.ru

Информация об авторе

Цветкова Светлана Олеговна

кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой индийской
филологии, Восточный факультет, СПбГУ

РФ, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 11

E-mail: swati@mail.ru; тел.: +7 812 904 510 79 91

*Olga Vecherina (Moscow State University of Psychology and Education,
Moscow, Russia)*

90th Anniversary of Tamil Studies in Russia: Stages of Development, Achievements, Problems

Summary: The author identifies several stages in the development of Tamil studies in Russia, closely related to the features of socio-political development and state ideology. It is shown that the most fruitful period was in the late 1950s — mid 1970s, when a unified system of teaching and subsequent employment of qualified graduates was formed. This made it possible to develop academic discourse as a fundamental basis for the training of specialists and led to significant scholarly achievements.

When in 1990s the academic Tamilology have lost their significance for power institutions, this led to destruction of this system and disappearance of relevant employment opportunities. For the past 30 years, this discipline has existed in a survival mode, when the main driving force was the personal enthusiasm of a few researchers who remained in the profession or engaged in it as a hobby.

Nevertheless, the reasons for studying Tamil language, which is currently spoken by over 80 million people, and Tamil literature, the continuous development of which has been going on for more than two thousand years, the tasks of preserving and studying the rich Tamil cultural heritage, remained very significant for world-wide South Indian studies and, more broadly, for Oriental studies and humanities.

The author believes that the urgent designing and implementation of a new workable model for development of Russian Tamilology in the system of university knowledge based on digital technologies and achievements of cognitive humanities is necessary. Otherwise, if the tradition is finally interrupted, the brilliant achievements of Russian scholars in the field of Tamil studies risk being completely lost.

Keywords: Tamilology; Tamils; Tamil culture; Tamil studies; Dravidian studies; Bhakti; digital humanities.

Вечерина О. П. (МГППУ, Москва, РФ)

90-летие российской тамилистики: этапы развития, достижения, проблемы

Аннотация: Автор выделяет несколько этапов в развитии тамилистики в России, тесно связанных со спецификой социально-политического развития и государственной идеологии. Показано, что наиболее плодотворный период

имел место в конце 50-х — середине 70-х гг. XX в., когда была сформирована единая система подготовки и последующего трудоустройства квалифицированных выпускников. Это решение дало возможность развивать академический дискурс как фундаментальную основу для подготовки специалистов и привело к значительным научным достижениям.

Утрата очевидных для властных институтов оснований для существования академической тамилистики в начале 1990-х гг. привела к разрушению этой системы и исчезновению релевантных вариантов трудоустройства. Последние 30 лет данная дисциплина существует в режиме выживания, а основной движущей силой ее поддержания стал частный энтузиазм немногих оставшихся в профессии или занимающихся ею в качестве хобби исследователей.

Вместе с тем изучение тамильского языка, на котором говорит сегодня свыше 80 миллионов человек, тамильской литературы, непрерывное развитие которой продолжается свыше двух тысяч лет, задачи по сохранению и изучению богатейшего тамильского культурного наследия остаются весьма значимой задачей для мировой индологии и шире — востоковедения и гуманитаристики.

Автор считает, что необходима неотложная разработка и внедрение новой работоспособной модели развития тамилистики в системе университетского знания, в том числе на базе цифровых технологий и достижений когнитивной гуманитаристики. В противном случае, если традиция окончательно прервется, блестящие достижения отечественных тамилистов рискуют быть окончательно утраченными.

Ключевые слова: тамилистика; тамильский язык; тамильская культура; дравидология; бхакти; цифровые гуманитарные науки.

Первое знакомство русских людей с тамильским языком произошло сравнительно давно: в 1775 г. в Мадрас прибыл известный знаменитый русский путешественник и музыкант Г. С. Лебедев, сочетавший в себе талант артиста с талантом языковеда и этнографа¹. Сегодня можно считать доказанным предположение В. С. Воробьева-Десятовского: именно Г. С. Лебедев был первым русским, «изучившим в Индии тамильский язык»².

Более углубленное представление о тамильском языке в России связано с именем известного русского лингвиста, профессора сравнительного и славянского языкознания С. К. Булича (1859–1921)³. С. К. Булич собрал обширную библиотеку по дравидийскому языкознанию и посвятил ряд оригинальных

¹ См.: Васильков Я. В. «Бурборственный путешественник»: жизнь и труды Герасима Степановича Лебедева (1749–1817). СПб.: МАЭ РАН, 2017. С. 106–112.

² Там же. С. 109.

³ С. К. Булич также первым детально проанализировал научное наследие Г. С. Лебедева. (Васильков Я. В. «Бурборственный путешественник». С. 20).

статей основным дравидийским языкам — тамильскому, телугу и малаялам. В 1901 г. вышла большая обзорная статья С. К. Булича «Тамильский язык» в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона¹.

Выход статьи совпал с расцветом ориентальных исследований в России начала XX в. на волне растущего в мире интереса к древним цивилизациям Востока. В этот период активно работали такие выдающиеся ученые, как В. М. Алексеев (1881–1951), В. В. Бартольд (1869–1930), Б. Я. Владимирцов (1884–1931), Н. И. Конрад (1891–1970), И. Ю. Крачковский (1883–1951), С. Ф. Ольденбург (1863–1934), В. В. Струве (1889–1965), Ф. И. Щербатской (1866–1942) и многие другие². К этому поколению и принадлежали индологи Людмила Александровна (1988–1965) и Александр Михайлович (Густав Герман Христиан) Мерварт (1884–1932)³.

Супруги Мерварты заложили фундамент последующего развития отечественной дравидологии и тамилистики как ее главной части. Материалы их выдающейся по объему и качеству проделанной работы долгосрочной командировки 1914–1918 гг.⁴ стали основой коллекции МАЭ «Народы Южной Азии» в 1925 г.⁵, где были во многом впервые введены в научный оборот богатые этнографические материалы, иллюстрирующие традиционные культуры и историю народов о-ва Цейлон и материковой Индии⁶.

¹ Булич С. К. Тамильский язык // Энциклопедический словарь / под ред. И. Е. Андреевского. Т. 32а: Тай — Термиты. СПб.: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, 1901. С. 572–575.

² Подробнее см.: История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 г. / под ред. А. А. Вигасина и др. М.: Восточная литература РАН, 1997. С. 5–115; 392–433.

³ В 1929 г. А. М. Мерварт был репрессирован по так называемому «Академическому делу» и умер в Ухтпечлаге. Л. А. Мерварт также была репрессирована, но выжила и стала одним из основателей отечественной индонезистики. См.: Вигасин А. А. Александр и Людмила Мерварт: у истоков отечественного цейлоноведения и дравидологии // Репрессированные этнографы. Вып. 2 / сост. и отв. ред. Д. Д. Тумаркин. М.: Восточная литература РАН, 2009. С. 376–398; Котин И. Ю., Краснодембская Н. Г., Соболева Е. С. Экспедиция МАЭ на Цейлон и в Индию в 1914–1918 гг. История. Коллекции. Научное наследие. СПб.: МАЭ РАН, 2018. С. 367–406.

⁴ Мерварт А. и Л. Отчет об этнографической экспедиции в Индию в 1914–1918 гг. М.: Изд-во АН СССР, 1927. 24 с.

⁵ Подробнее см.: Котин И. Ю., Краснодембская Н. Г., Соболева Е. С. Экспедиция МАЭ на Цейлон и в Индию в 1914–1918 гг. История. Коллекции. Научное наследие. С. 199–232.

⁶ А. М. Мерварт еще успел выпустить описание коллекции. См.: Мерварт А. М. Отдел Индии. Краткий очерк индийской культуры по материалам отдела Индии МАЭ. Л.: Изд-во АН СССР, 1927. 96 с.

И. Ю. Котин опубликовал архивные свидетельства, что А. М. Мерварт в последние годы жизни начал подготовку к созданию научной биографии Г. С. Лебедева, поскольку высоко ценил значение его личности и называл «пионером индийской лингвистики и этнографии»¹. В этой же статье описаны детали тамильских штудий А. М. Мерварта, к которым он приступил сразу по прибытии в Мадрас в начале 1915 г., интенсивной работы в музеях Тамилнаду, а также переводческих опытов, в том числе перевода на русский «Манимехалей»² — единственной дошедшей до нашего времени буддийской поэмы и одного из самых значительных памятников раннесредневековой тамильской литературы.

Именно эти тамильские занятия А. М. Мерварта стали основой для создания им впоследствии первой российской грамматики тамильского языка, выход которой ознаменовал рождение российской академической тамилистики.

Первый этап развития российской тамилистики (1929): несбывшиеся надежды

Российской академической тамилистике в 2019 г. исполнилось 90 лет. В 1929 г. в Ленинградском восточном институте вышла в свет первая русская «Грамматика разговорного тамильского языка», написанная А. М. Мервартом, по которой должны были обучаться студенты института³. Пособие было новаторским не только для России, но и для Западной Европы, поскольку тамильский язык еще нигде не преподавался. Значительные сложности вызвало и издание книги, в частности, поиски тамильского шрифта. В предисловии к ней автор сформулировал три основные причины, по которым следует изучать тамильский язык и тамильскую культуру, сохраняющие актуальность и сегодня⁴.

Во-первых, тамильский язык — это живой язык, «самый важный представитель дравидийских языков», «являющийся наиболее характерным и разработанным представителем семейства языков, на которых говорят свыше 65 миллионов жителей Индии»⁵.

Во-вторых, «культура дравидийцев является чрезвычайно важным фактором в общеиндийской культуре и оставила глубокий след в культуре Северной...

---

¹ Котин И. Ю. А. М. Мерварт как биограф Г. С. Лебедева // *Верхневолжский филологический вестник*. 2017. № 4. С. 24.

² Там же. С. 21.

³ Мерварт А. М. Грамматика тамильского разговорного языка. Л.: Изд. ЛВИ им. А. С. Енукидзе, 1929. С. 3–5.

⁴ Там же. С. 3–4.

⁵ Сейчас только на тамильском говорят около 70 млн человек, а всего на дравидийских языках разговаривают более 200 млн человек. См.: Krishnamurti Bh. Dravidian Languages // *Encyclopaedia Britannica*. URL: <https://www.britannica.com/topic/Dravidian-languages> (дата обращения: 20.09.2019).

Индии. Современный индолог не обойдется без изучения дравидийского элемента в культуре Индии».

В-третьих, «изучение языка и литературы тамильского народа само по себе представляет большой интерес. Дравидийские племена сумели сохранить свою самобытность несмотря на сильнейшее влияние арийской культуры. В особенности это можно сказать про тамиллов, создавших большую, во многих отношениях оригинальную, литературу, и меньше, чем другие дравидийские племена, поддавшихся влиянию санскритской литературы и арийской культуры».

Далее А. М. Мерварт кратко охарактеризовал принципиально новый способ изложения учебного материала, впервые примененный им в этом учебном курсе и основанный на двух характерных особенностях тамильского языка, резко отличающих его от индоевропейских языков, и поделился с читателями своими планами по дальнейшей работе, связанной с классической тамильской литературой. Этим планам было не суждено сбыться.

В том же году А. М. Мерварт был репрессирован по «Академическому делу» и в 1932 г. умер в Ухтпечлаге. Л. А. Мерварт также была репрессирована, но выжила и стала одним из основателей отечественной индонезистики¹. Гибель А. М. Мерварта оборвала возможность формирования отечественной школы молодых советских тамилистов на долгие годы. Тем не менее дело супругов Мервартов, которому они отдали всю свою жизнь, не пропало, дав свои плоды в период блестящего зарождения и стремительного расцвета советской тамилистики в 1960-е — начале 1970-х годов².

Второй этап развития (1960–1973): блестящий расцвет

Развитие отечественной тамилистики тесно связано как с динамикой советско-индийских связей, так и с общим «ренессансом советской ориенталистики»³. Сразу после установления в апреле 1947 г. дипломатических отношений началось интенсивное развитие советско-индийских связей. В этот период были заложены фундаментальные основы развития практической индологии — обширной программы подготовки высококвалифицированных специалистов на основных языках Индии, ориентированных на практическую

---

¹ Котин И. Ю., Краснодембская Н. Г., Соболева Е. С. Экспедиция МАЭ на Цейлон и в Индию в 1914–1918 гг. История. Коллекции. Научное наследие. С. 367–406.

² Итоги этого и последующих этапов см.: Андронов М. С. К истории изучения тамильского языка в Советском Союзе. URL: <http://tamil.ivka.rggu.ru/article.html?id=2627971>; Дубянский А. М. Изучение дравидийских литератур в России. URL: <http://tamil.ivka.rggu.ru/article.html?id=572418>; Макаренко В. А. Tamilological Studies in Russia and in the Soviet Union. URL: <http://tamil.ivka.rggu.ru/article.html?id=2627979> (дата обращения: 20.09.2019).

³ См.: Шаститко П. М., Чарыева Н. К. Период ренессанса советской ориенталистики (II половина 190-х — I половина 1970-х годов) // *Восток*. 2003. № 6. С. 21–32.

работу по всем направлениям сотрудничества с индийскими коллегами. Вместе с тем Советский Союз всегда рассматривал Индию в первую очередь как своего геополитического партнера¹, что и предопределило в конечном счете траекторию взлетов и падений в гуманитарном сотрудничестве и академических исследованиях — как составной части этого сотрудничества.

Основоположник второго, наиболее плодотворного этапа развития советской тамилстики М. С. Андронов (1931–2009)² стал профессионально заниматься тамильским по воле случая: в 1952 г., будучи студентом-бенгалистом, он заинтересовался «вопросом о влиянии, которое дравидийские языки оказали на исторический ход развития арийских языков»³. В результате своих разысканий в 1954 г. он поступил в аспирантуру Института востоковедения АН СССР по специальности «тамильский язык», в октябре 1957 г. представил к защите диссертацию о морфологии современного тамильского глагола⁴, а в сентябре 1958 г. был командирован в Индию «для совершенствования в области тамильского языка в Мадрасском университете»⁵.

Чуть позже к исследованиям в области тамильского языка и культуры подключилась целое созвездие молодых востоковедов — Ю. Я. Глазов (1929–1998)⁶, С. Г. Рудин (1929–1973)⁷, А. М. Пятигорский (1929–2009)⁸.

¹ См.: Володин А. Г. Индия: будущие выборы и перспективы российско-индийских отношений // Перспективы. Сетевое издание Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы. URL: http://www.perspektivy.info/book/indija_budushhije_vybo-gy_i_perspektivy_rossijsko-indijskih_otnoshenij_2013-07-11.htm (дата обращения: 20.09.2019).

² Из его исследований наиболее известны грамматики тамильского языка, изданные в 1960, 1962, 1969 (англ.), 1987, 1989 (англ.) гг. (см. библиографию в конце статьи).

³ Андронов М. С. Отчет о научной командировке в Индию (май 1958 — май 1959). М.: ВИНТИ АН СССР, 1960. С. 3.

⁴ Андронов М. С. Очерк морфологии глагола в современном тамильском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1960. 17 с.

⁵ Андронов М. С. Отчет о научной командировке в Индию (май 1958 — май 1959). С. 3.

⁶ Глазов Ю. Я. Морфологический анализ классического тамильского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: Ин-т народов Азии АН СССР, 1962. Ему принадлежат переводы «Тирукурала» и «Повести о браслете». Будучи глубоко верующим, Ю. А. Глазов увлекся правозащитной и диссидентской деятельностью и впоследствии отошел от тамилстики. О биографии и работах Ю. Я. Глазова см. его мемуары (Ю. Я. Глазов. В краю отцов: Хроника недавнего прошлого. М.: Истина и жизнь, 1998), а также на сайте: URL: <http://tamil.ivka.rggu.ru/article.html?id=930186> (дата обращения: 20.09.2019).

⁷ Рудин С. Г. Морфологическая структура тамильского языка. М.: Наука, 1972; Гуров Н. В., Зограф Г. А. Памяти Семена Гесселевича Рудина // *Народы Азии и Африки*. 1973. № 6. С. 238–240.

⁸ Пятигорский А. М. Из истории средневековой тамильской литературы : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: АН СССР, Ин-т народов Азии, 1962. В эмиграции

В этот период стремительного, но недолгого расцвета отечественной тамилистики были изданы тамильско-русский (1960) и русско-тамильский словари (1965), переводы классических текстов древней тамильской литературы, такие как «Тирукурал» (1963); «Шилаппадикарам» (1966); пураны о бхактах («Повесть о заколдованных шакалах», 1963); древнетамильская лирика («Стихи на пальмовых листьях», 1979)¹.

Стало классикой отечественной индологии вышедшее в 1962 г. пионерское исследование А. М. Пятигорского «Материалы по истории индийской философии» с переводами некоторых важных текстов тамильской шиваитской традиции², не утратившее своего значения и сегодня. В нем А. М. Пятигорский впервые представил отечественному читателю философские и этические идеи древней тамильской литературы, описал средневековую тамильскую литературу бхакти как единый комплекс, предложил новую психологическую методику описания и анализа культовых нарративов тамильского шайва-бхакти. Многочисленные приложения (переводы тамильских источников) имели самостоятельное значение, знакомя читателя с совершенно незнакомой ему средневековой культурой крайнего Юга Индии.

На волне дружественных отношений с независимой Индией в СССР было принято решение о подготовке специалистов по живым индийским языкам. Первый набор в тамильскую группу состоялся в Ленинграде (было 2 набора 1960 и 1965 гг., всего подготовлено 8 человек). С 1965 г. регулярно набирались группы в ИСАА — всего 8 наборов (53 студента, получили диплом 48 человек). С 1970 г. преподавание тамильского языка и тамильской культуры в ИСАА и РГГУ (наборы 1994 и 2009 гг.) осуществлялось главным образом А. М. Дубянским (выпускник набора 1965 г.)³.

Эмиграция А. М. Пятигорского и Ю. Я. Глазова и гибель С. Г. Рудина (1929–1973)⁴ стали большой утратой для немногочисленного профессионального сообщества, но советская тамилистика продолжала развиваться

А. М. Пятигорский не возобновил своих занятий тамилистикой. Недавно изданный сборник старых работ А. М. Пятигорского по-новому высветил его значение в развитии индологических исследований того времени. См.: Пятигорский А. М. Избранные статьи по индологии и буддологии: 1960–1970-е годы / отв. ред. Л. Н. Пятигорская; сост. В. Г. Лысенко. М.: РГГУ; Ин-т философии РАН, 2018.

¹ См. библиографию в конце статьи.

² Пятигорский А. М. Материалы по истории индийской философии. Материализм локайяты, индуистская система шайва-бхакти и другие философские и религиозные системы в средневековых тамильских источниках. М.: ИВЛ, 1962.

³ Студенты, изучавшие тамильский язык. URL: <http://tamil.ivka.rggu.ru/article.html?id=2632243> (дата обращения: 20.09.2019).

⁴ Зограф Г. А., Гуров Н. В. Памяти Семена Гесселевича Рудина (1929–1973) // НАА. 1973. № 6. С. 238–240.

вплоть до распада СССР. Одной из причин этой стабильной работы была удачно найденная система трудоустройства, в которой академический сектор дисциплины использовался как фундамент для подготовки высококвалифицированных специалистов — переводчиков, редакторов, авторов (журналистов и писателей), рассказывающих о достижениях русской и советской культуры, науки и искусства, демонстрирующих преимущества социалистического строя с целью завоевания сторонников среди населения развивающихся стран¹.

Третий этап развития (1974–1991): поступательное развитие и стремительная катастрофа

Академическая тамилистика. Этот период развития академической тамилистики уместно определить как период поступательного развития и накопления тех исследовательских результатов, плоды которых могли быть получены значительно позже. В этот период интенсивно работал и как исследователь, и как педагог А. М. Дубянский, плодотворно занимался генезисом дравидийской культуры Н. В. Гуров (1935–2009).

А. М. Дубянский в своей обзорной статье выделяет феномен плодотворной работы нового поколения советских дравидологов. К их числу он относит А. Ф. Роговцеву; М. Ф. Альбедиль; О. В. Новикову; Л. Ш. Рожанского; Л. В. Бычихину; С. В. Трубникову; В. П. Фурнику, расцвет деятельности которых пришелся именно на 70–80-е годы XX в. Там же приводится и обширная библиография их публикаций². Сам А. М. Дубянский много занимался проблемами классической древнетамильской поэзии, в 1974 г. защитив диссертацию «Ситуация разлуки в древнетамильской поэзии (тема муллей)», ставшую основой его последующих многолетних исследований³, в том числе его монографии «Ритуально-мифологические истоки древнетамильской лирики», где впервые на русском языке была представлена древнетамильская поэтическая традиция⁴.

¹ См., например, программную статью: Баранников А. П. Очередные задачи советского востоковедения // *Советское востоковедение*. 1940. № 1. С. 5–13. Основной пафос статьи оставался актуальным вплоть до начала перестройки.

² Дубянский А. М. Дравидские литературы // *Изучение литератур Востока*. Россия, XX век. М.: Восточная литература, 2002. С. 403–424.

³ См. библиографию его работ в: *Tamiḻ tanta paṇicu: сб. статей в честь Александра Михайловича Дубянского* / ред. и сост. О. Вечерина, Н. Гордийчук, Т. Дубянская. (Серия *Orientalia et Classica*. LXIII: Труды Института восточных культур и античности). М.: Перо, 2016. С. 535–544, а также на сайте МГУ. URL: <https://istina.msu.ru/profile/DubyanskiyAM/> (дата обращения: 20.09.2019).

⁴ Дубянский А. М. *Ритуально-мифологические истоки древнетамильской лирики*. М.: Наука, ГРВЛ, 1989. Переработанное переиздание на англ. яз.: *Dubyanskiy A. M. Ritual and Mythological sources of the Early Tamil Poetry*. Groningen: Egbert Forsten, 2000.

Им же, впервые после очерка И. Н. Смирновой 1958 г.¹, был подготовлен и ряд общих обзоров тамильской литературы, до сих пор являющихся единственным справочным материалом на русском языке для всех интересующихся тамильской культурой. Раздел о современной литературе в монографии 1987 г. был подготовлен Л. В. Бычихиной².

Вместе с тем в подготовке тамилистов начинается период все более отчетливого крена в сторону сиюминутной актуальности и сугубо практического применения квалификации, обусловленный желаниями самих студентов и спецификой ИСАА, где осуществлялась их подготовка.

Многолетние кропотливые исследования с неясной карьерной и финансовой перспективой перестали привлекать внимание молодых амбициозных юношей (в 80-е годы на какое-то время прием девушек в ИСАА был практически прекращен). Поскольку распределение на конкретный язык не зависело от желаний абитуриента, на обучение тамильскому попадали люди, которые рассматривали это как свою относительную неудачу по сравнению с более престижными распределениями (в числе фаворитов был, например, японский). Естественно, они не желали связывать с изучением тамильской культуры всю свою жизнь. В то же время желающие изучать тамильскую древность не имели такой возможности, поскольку поступление в ИСАА было жестко регламентировано, вольнослушатели, даже с других факультетов МГУ, не допускались, а в других учебных заведениях СССР обучение не производилось³.

Многие из профессиональных тамилистов также с течением времени либо переключились на исследования в других областях (как, например, М. Ф. Альбедиль), либо по тем или иным причинам перестали ими заниматься, уйдя в другие сферы деятельности.

Роль издательства «Прогресс»

Дипломированные тамилисты были обеспечены гарантированным местом работы. Это могли быть МИД, академические институты, университеты. Однако главным местом работы для большинства из них была работа в инновационной, журналах, издаваемых для зарубежных читателей, а также в издатель-

---

¹ Смирнова И. Н. Краткий очерк развития тамильской литературы (до конца XIX в.) // Литературы Индии. М.: ИВЛ, 1958. С. 196–234.

² Бычихина Л. В., Дубянский А. М. Тамильская литература. Краткий очерк. М.: Наука, ГРВЛ, 1987; Дубянский А. М. Тамильская литература // История мировой литературы: в 9 т. М.: Наука, 1984. Т. 2. С. 74–81.

³ О царящих тогда в ИСАА порядках см., например: Интервью с Ольгой Юрьевной Бессмертной. ИГИТИ НИУ ВШЭ. URL: <https://igiti.hse.ru/unimemory/int-bessm> (дата обращения: 20.09.2019).

ствах «Прогресс», «Радуга» и «Мир», где работали многолюдные индийские редакции по всем основным языкам Индии.

Издательство «Прогресс» Госкомпечати СССР было создано в 1931 г. для выпуска литературы для распространения за рубежом. Максимальный суммарный тираж издаваемых книг был достигнут в 1979 г. и составил 28,7 млн экземпляров¹. В 1991 г. в «Прогрессе» было 940 сотрудников².

Наиболее многочисленная в составе Главной языковой редакции «Прогресса» индийская редакция была создана в 1955 г. Если в 1955 г. было выпущено всего 7 названий, то в 1975 г. индийская редакция выпустила уже 169 наименований литературы, выйдя на 3-е место вслед за наиболее многочисленными английской и испанской редакциями³. Основная задача, которая ставилась перед коллективом редакции — подготовка к печати общественно-политической литературы и лучших образцов российской и советской художественной литературы.

Для этих целей была сформирована особая система работы над рукописью, о которой справедливо написал в своих мемуарах В. Н. Седых, возглавлявший издательство в 1976–1987 гг., в период его наибольшего расцвета: «На протяжении всей истории „Прогресса“, начиная с „Инорабочего“, методично создавалась уникальная школа — да что там школа! — Академия издательско-переводческого искусства, равной которой не было во всем мире»⁴. Аналогичным образом велась работа над рукописями и в издательствах «Радуга» (художественная литература) и «Мир» (научная и научно-популярная литература).

Вся эта созданная трудами нескольких поколений переводчиков и редакторов система рухнула практически одновременно, не выдержав испытания рынком и не сумев перегруппировать свои силы и направления возможного развития так, чтобы сохранить то действительно ценное, что было — человеческий капитал.

Сиюминутные решения руководства издательства привели к тому, что выдающееся по профессиональной квалификации сообщество специалистов почти по всем главным языкам мира, создаваемое в течение 60 лет, было одновременно уничтожено и исчезло. Пропали, насколько известно автору, и издательские архивы, в том числе библиотека.

Авторы коллективной монографии «Образ России в общественном сознании Индии» приводят горькие слова Кришана Пракаша Шрестхи: «Надо было

---

¹ Петров П. П. К истории издательства «Прогресс». М.: Прогресс, 1987. С. 93.

² Загородникова Т. Н., Кашин В. П., Шаумян Т. Л. Образ России в общественном сознании Индии: прошлое и настоящее. М.: Наука, 2011. С. 205–206.

³ Там же. С. 83.

⁴ Седых В. Н. Наш суровый и великий век: переосмысливая прошедшее столетие и свою жизнь. М.: Автограф века, 2016. С. 390.

идти вперед, опираясь на достигнутое. Увы, этого не случилось... Жаль, что московское издательство „Радуга“ не публикует нынче переводы русской литературы на восточные языки... а ведь народы Южной Азии хотели бы и впредь знакомиться с шедеврами русской прозы и поэзии»¹.

В Индии существует виртуальное сообщество ценителей советской книги, издаваемой когда-то издательствами «Прогресс», «Радуга» и «Мир». Члены этого сообщества бережно сканируют имеющиеся у них экземпляры и передают для свободного пользования друг другу через систему социальных медиа². Автор блога, рассказывающего об этом феномене, приводит слова одного из индийских физиков, участника индийского сетевого сообщества любителей советских научных книг: «Они были очень популярны из-за их качества и цены. Эти книги были доступны и востребованы даже в маленьких поселениях — не только в крупных городах. Многие были переведены на разные индийские языки — хинди, бенгальский, тамильский, телугу, малаялам, маратхи, гуджарати и другие. Это очень расширило аудиторию. Хотя я и не эксперт, но думаю, одной из причин снижать цену, была попытка заменить западные книги, которые тогда были очень дорогими (да и сейчас тоже)»³.

Работа по популяризации как русской литературы и культуры, так и достижений российской науки могла бы успешно продолжаться и в наши дни, если бы были приняты другие решения.

Четвертый этап (1991–2019): утраты и восстановления

Разрушение после распада СССР системы трудоустройства специалистов по редким языкам быстро привело к бедственному положению российской тамилистики и дравидологии. Тем не менее работа продолжалась. Фундаментальным результатом работы дравидологов, возглавляемых Н. В. Гуровым, стал выход в 2013 г. очередного тома «Дравидийские языки» энциклопедического многотомного издания «Языки мира»⁴.

В постсоветской России академическая тамилистика осталась только в формате подготовки студентов в ИСАА (два набора были в РГГУ), однако все это держалось усилиями А. М. Дубянского при спорадическом участии

---

¹ Цит. по: Загородникова Т. Н., Кашин В. П., Шаумян Т. Л. Образ России в общественном сознании Индии: прошлое и настоящее. С. 205–206.

² Подробнее об этом феномене см.: Как советские научные книги стали артефактом у физиков и инженеров в Индии. <https://cont.ws/@kamenski/1275639> (дата обращения: 20.09.2019).

³ Там же.

⁴ Языки мира: Дравидийские языки / РАН. Институт языкознания. Ред. колл.: А. М. Дубянский, Е. Б. Маркус, Н. В. Гуров, А. А. Кибрик. М.: Academia, 2013.

некоторых его учеников. Новые достойные рабочие места вместо утраченных не появились, академические исследования были фактически свернуты; значительную часть этого времени А. М. Дубянский являлся единственным российским тамилстом, занимающимся исследованиями и преподаванием в качестве основной работы.

В настоящее время российская академическая тамилстика функционирует главным образом в формате еженедельного свободного семинара под руководством А. М. Дубянского. Уже больше 10 лет по четвергам он встречается со своими учениками, чтобы читать и комментировать произведения древней и средневековой тамильской классической литературы. До мая 2018 г. эти встречи проходили на территории ИВКА РГГУ¹, а с сентября 2018 г. семинар продолжается на базе ИКВиА НИУ ВШЭ² и с 2019 г. — под эгидой «Лаборатории ненужных вещей»³. Основной костяк семинара составляют около 10 человек, способных профессионально анализировать древние и средневековые тамильские тексты самых разных жанров. За время работы семинара полностью прочитан и в настоящее время готовится к изданию выдающийся памятник древней тамильской литературы «Наттриней». К юбилею учителя силами участников семинара О. П. Вечериной⁴ и Н. В. Гордийчука был издан сборник статей отечественных и зарубежных индологов⁵. Среди них были опубликованы и работы учеников А. М. Дубянского — участников семинара (статьи О. П. Вечериной, К. А. Ворониной, М. Б. Павловой⁶, М. А. Русанова⁷; А. А. Смирнитской; переводы классической тамильской литературы Н. В. Гордийчука, А. А. Филатовой,

¹ URL: <http://tamil.ivka.rsuh.ru/> (дата обращения: 20.09.2019).

² URL: <https://iocshse.ru/tsem> (дата обращения: 20.09.2019).

³ URL: <http://7seminarov.com/> (дата обращения: 20.09.2019).

⁴ Основные публикации О. П. Вечериной представлены на сайте: URL: https://olgavecherina.academia.edu/?prem_fnl_first=true (дата обращения: 20.09.2019).

⁵ *Tamiḷ tanta paṛicu*: Сб. статей в честь Александра Михайловича Дубянского / ред. и сост. О. Вечерина, Н. Гордийчук, Т. Дубянская. (Серия *Orientalia et Classica*. LXIII: Труды Института восточных культур и античности). М.: Перо, 2016.

⁶ Павлова М. Б. Проблемы раннесредневекового тамильского бхакти (на материале гимнов шиваитского поэта Тируньясамбандара): дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ, 2014.

⁷ М. А. Русанов (1966–2020) — зав. кафедрой истории и филологии Южной и Центральной Азии ИВКА (ИКВиА) и постоянный участник семинара. Радужие и деятельная помощь М. А. Русанова и руководства института в лице его бессменного директора И. С. Смирнова обеспечивают многолетнее существование семинара. Еще двумя площадками, на которых участники семинара докладывают результаты своих исследований, являются Зографские чтения, ежегодно проходящие в Санкт-Петербурге в мае под руководством Я. В. Василькова, и декабрьские Рериховские чтения в Москве под руководством В. В. Вертоградовой.

Д. Холодников). Только что завершилась трехлетняя работа по комментированному прочтению грандиозного произведения традиции шайва-бхакти — собрания гимнов «Тирувасахам» великого тамильского поэта IX в. Маниккавасахара.

Нужны новые форматы работы и реинституциализация тамилистики — хотя бы для того, чтобы не прервалась тонкая цепочка преемственности от учителя к ученику, обеспечивающая сохранение традиции и качества получаемого результата, а блистательное наследие предшественников не оказалось полностью утраченным, как уже неоднократно случалось в истории российского востоковедения.

Более чем двухтысячелетняя самобытная культура тамиллов, численность которых в настоящее время приближается к 80 млн человек, является не только одной из важнейших составляющих индийской культуры, но имеет общемировое значение. Образ Шивы Натараджи — одно из вершинных созданий тамильского гения — приобрел значение универсального символа индийской духовности. Не случайно одна из реплик знаменитой статуи была подарена в 2004 г. индийским правительством ЦЕРНу. Тамильская медицина сиддхов интенсивно развивается, соперничая в популярности с аюрведой. Дравидология и тамилистика — интенсивно развивающиеся области мировой индологии, и советские (российские) исследователи внесли в ее создание значительный вклад.

В целом в российском социуме интерес к достижениям тамильской цивилизации довольно значителен. Старые и новые статьи и монографии активно постятся и читаются в Интернете, существует онлайн-обучение тамильскому, значительным спросом пользуются туристические поездки в Тамилнад, сочетающие в себе отдых и духовное паломничество, растет интерес к тамильской йоге и медицине сиддхов. Наконец, в Москве есть довольно значительная тамильская община. Не хватает какой-то объединяющей идеи, на основе которой могло бы произойти объединение пока разрозненных сил. Нам видится, что это мог быть какой-то значимый международный онлайн-проект, в котором смогли бы принять участие как российские исследователи, так и энтузиасты.

Список литературы

1. Andronov M. S. Standard Grammar of Modern and Classical Tamil. 1st ed. Madras, 1969; 2nd ed., revised and enlarged. Madras: New Century Book House, 1989. 390 p.
2. Dubyanskiy A. M. Ritual and Mythological Sources of the Early Tamil Poetry. Groningen: Egbert Forsten, 2000. 224 p.
3. Krishnamurti Bh. Dravidian Languages // Encyclopaedia Britannica. URL: (accessed: 20.09.2019).

4. Makarenko V. A. *Tamilological Studies in Russia and in the Soviet Union // Tamil Studies Abroad*. Kuala Lumpur, 1968. URL: <http://tamil.ivka.rggu.ru/article.html?id=2627979> (accessed: 20.09.2019).
5. *Tamiḷ tanta paricu*: Сб. статей в честь Александра Михайловича Дубянского / ред. и сост. О. Вечерина, Н. Гордийчук, Т. Дубянская. (Серия *Orientalia et Classica*. LXIII: Труды Института восточных культур и античности). М.: Перо, 2016. 562 с.
6. Андронов М. С. Грамматика тамильского языка. 2-е изд., испр. и доп. М.: Наука, ГРВЛ, 1987. 298 с.
7. Андронов М. С. К истории изучения тамильского языка в Советском Союзе. URL: <http://tamil.ivka.rggu.ru/article.html?id=2627971> (дата обращения: 20.09.2019).
8. Андронов М. С. Опыт систематизации панхронической грамматики тамильского языка в сравнительном освещении: дис. ... докт. филол. наук. М., 1970. 2 т. 1043 с.
9. Андронов М. С. Отчет о научной командировке в Индию (май 1958 — май 1959). М.: ВИНТИ АН СССР, 1960. 16 с.
10. Андронов М. С. Очерк морфологии глагола в современном тамильском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1960. 17 с.
11. Андронов М. С. Разговорный тамильский язык и его диалекты. М.: ИВЛ, 1962. 83 с.
12. Андронов М. С. Тамильский язык. М.: ИВЛ, 1960. 74 с.
13. Баранников А. П. Очередные задачи советского востоковедения // *Советское востоковедение*. 1940. № 1. С. 5–13.
14. Булич С. К. Тамильский язык // *Энциклопедический словарь / под ред. проф. И. Е. Андреевского*. СПб.: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, 1890–1907. Т. 32а: Тай — Термиты. 1901. С. 572–575.
15. Бычихина Л. В., Дубянский А. М. Тамильская литература. Краткий очерк. М.: Наука, ГРВЛ, 1987. 228 с.
16. В краю белых лилий. Древнетамильская поэзия / пер. с древнетам. А. Ибрагимова. М.: Художественная литература, 1986. 368 с.
17. Васильков Я. В. «Буреборственный путешественник»: жизнь и труды Герасима Степановича Лебедева (1749–1817). СПб.: МАЭ РАН, 2017. 508 с., с ил. (Kunstkamera Petropolitana).
18. Васильков Я. В. Индология в ЛО ИВ АН СССР (1957–1986) // *Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока*. XXI Годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР. 1987. Ч. 3. Материалы по истории отечественного востоковедения (к 30-летию ЛО ИВ АН СССР). М.: Наука, ГРВЛ, 1987. С. 71–85.
19. Вигасин А. А. Александр и Людмила Мерварт: у истоков отечественного цейлоноведения и дравидологии // *Репрессированные этнографы*. Вып. 2 / сост. и отв. ред. Д. Д. Тумаркин. М.: Восточная литература РАН, 2009. С. 375–398.

20. Володин А. Г. Индия: будущие выборы и перспективы российско-индийских отношений // *Перспективы*. Сетевое издание Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы. URL: (дата обращения: 20.09.2019).
21. Глазов Ю. Я. Морфологический анализ классического тамильского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: АН СССР, Ин-т народов Азии, 1962. 20 с.
22. Глазов Ю. Я. В краю отцов: Хроника недавнего прошлого. М.: Истина и жизнь, 1998.
23. Гуров Н. В., Зограф Г. А. Памяти Семена Гесселевича Рудина // *Народы Азии и Африки*. 1973. № 6. С. 238–240.
24. Дубянский А. М. Дравидские литературы // *Изучение литератур Востока*. Россия, XX век. М.: Восточная литература, 2002. С. 403–424.
25. Дубянский А. М. Ритуально-мифологические истоки древнетамильской лирики. М.: Наука, ГРВЛ, 1989. 235 с.
26. Дубянский А. М. Тамильская литература // *История мировой литературы*. В 9 т. М.: Наука, 1984. Т. 2. С. 74–81.
27. Жасминовая песнь. Из тамильской поэзии эпохи Сангама (III–IV вв.) / пер. с там. А. Ибрагимова. М.: Художественная литература, 1982. 157 с.
28. Загородникова Т. Н., Кашин В. П., Шаумян Т. Л. Образ России в общественном сознании Индии: прошлое и настоящее. М.: Наука, 2011. 350 с.
29. Интервью с Ольгой Юрьевной Бессмертной. ИГИТИ НИУ ВШЭ. URL: (дата обращения: 20.09.2019).
30. История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 г. / под ред. А. А. Вигасина и др. М.: Восточная литература РАН, 1997. 536 с.
31. Как советские научные книги стали артефактом у физиков и инженеров в Индии. URL: <https://cont.ws/@kamenski/1275639> (дата обращения: 20.09.2019).
32. Котин И. Ю. А. М. Мерварт как биограф Г. С. Лебедева // *Верхневолжский филологический вестник*. 2017. № 4. С. 24. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/a-m-mervart-kak-biograf-g-s-lebedeva> (дата обращения: 20.09.2019).
33. Котин И. Ю., Краснодембская Н. Г., Соболева Е. С. Экспедиция МАЭ на Цейлон и в Индию в 1914–1918 гг. История коллекции. Научное наследие. СПб.: МАЭ РАН, 2018. 468 с.
34. Мерварт А. и Л. Отчет об этнографической экспедиции в Индию в 1914–1918 гг. М.: Изд-во АН СССР, 1927. 24 с.
35. Мерварт А. М. Грамматика тамильского разговорного языка. Л.: Изд. ЛВИ им. А. С. Енукидзе, 1929. 234 с.
36. Мерварт А. М. Отдел Индии. Краткий очерк индийской культуры по материалам отдела Индии МАЭ. Л.: Изд-во АН СССР, 1927. 96 с. URL: http://lib.kunstkamera.ru/files/lib/guide_india_1927/guide_india_1927.pdf (дата обращения: 20.09.2019).
37. Павлова М. Б. Проблемы раннесредневекового тамильского бхакти (на материале гимнов шиваитского поэта Тирунянасамбандара): дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ, 2014. 200 с.

38. Петров П. П. К истории издательства «Прогресс». М.: Прогресс, 1987. 140 с.
39. Повесть о браслете / пер. с там., предисл. и примеч. Ю. А. Глазова; отв. ред. А. М. Пятигорский. М.: ГРВЛ, 1966. 222 с.
40. Повесть о заколдованных шакалах / пер., предисл. и примеч. А. М. Пятигорского; отв. ред. Е. П. Чельшев. М.: ИВЛ, 1963. 159 с.
41. Поэзия эпохи Сангама // Столепестковый лотос: Антология древнеиндийской литературы / пер. с санскр. и древнетамил.; сост., вступит. статья И. Д. Серебрякова. М.: Восточная литература РАН, 1996. С. 81–110.
42. Пятигорский А. М. Из истории средневековой тамильской литературы: автореферат дис. ... канд. филол. наук. М.: АН СССР, Ин-т народов Азии, 1962. 32 с.
43. Пятигорский А. М. Избранные статьи по индологии и буддологии: 1960–1970-е годы / отв. ред. Л. Н. Пятигорская; сост. В. Г. Лысенко. М.: РГГУ; Ин-т философии РАН, 2018. 367 с.
44. Пятигорский А. М. Материалы по истории индийской философии. Материализм локайаты, индуистская система шайва-бхакти и другие философские и религиозные системы в средневековых тамильских источниках. М.: ИВЛ, 1962. 250 с.
45. Рудин С. Г. Морфологическая структура тамильского языка. М.: Наука, 1972. 168 с.
46. Русско-тамильский словарь / сост. М. С. Андронов, А. Ш. Ибрагимов, Н. Н. Юганова / под ред. П. Сомасундарам. М.: Советская энциклопедия, 1965. 1175 с.
47. Седых В. Н. Наш суровый и великий век: переосмысливая прошедшее столетие и свою жизнь. М.: Автограф века, 2016. 625 с.
48. Смирнова И. Н. Краткий очерк развития тамильской литературы (до конца XIX в.) // Литературы Индии. М.: ИВЛ, 1958. С. 196–234.
49. Стихи на пальмовых листьях. Классическая тамильская лирика / пер. А. Наймана; предисл. и комм. А. Дубянского. М.: ГРВЛ, 1979. 94 с.
50. Тамильско-русский словарь / сост. А. М. Пятигорский и С. Г. Рудин; под ред. П. Сомасундарам. М.: Госиздат иностранных и национальных словарей, 1960. 1384 с.
51. Тирукурал. Книга о добродетели, о политике и о любви / пер. Ю. Глазова и А. Кришнамурти; отв. ред. К. Звелебил. М.: ИВЛ, 1963. 155 с.
52. Шаститко П. М., Чарыева Н. К. Период ренессанса советской ориенталистики (II половина 1950-х — I половина 1970-х годов) // *Восток*. 2003. № 6. С. 21–32.
53. Языки мира: Дравидийские языки / РАН, Институт языкознания. Ред. колл.: А. М. Дубянский, Е. Б. Маркус, Н. В. Гуров, А. А. Кибрик. М.: Academia, 2013. 584 с.

References

1. Andronov M. S. *Grammatika tamil'skogo yazyka* [Grammar of the Tamil language]. 2nd ed., revised and enlarged. Moscow: Vostochnaya literatura, 1987. 298 p. (In Russian).

2. Andronov M. S. K istorii izucheniya tamil'skogo yazyka v Sovetskom Soyuze [On the history of the study of the Tamil language in the Soviet Union]. URL: <http://tamil.ivka.rggu.ru/article.html?id=2627971> (accessed 20.09.2019). (In Russian).
3. Andronov M. S. Oчерк morfologii glagola v sovremennom tamil'skom yazyke [Essay on the morphology of the verb in modern Tamil]. Abstract of PhD dissertation (Philology). Moscow, 1960. 17 p. (In Russian).
4. Andronov M. S. Opyt sistematizatsii panhronicheskoy grammatiki tamil'skogo yazyka: v sravnitel'nom osveshchenii [An attempt of systematization of panchronic grammar of the Tamil language: in comparative coverage]. Habilitation thesis (Doctor of Philology). Moscow, 1970. 2 vols. 1043 p. (In Russian).
5. Andronov M. S. Otchet o nauchnoy komandirovke v Indiyu (may 1958 — may 1959) [Report on a scientific trip to India (May 1958 — May 1959)]. Moscow: VINITI AN SSSR, 1960. 16 p. (In Russian).
6. Andronov M. S. Razgovornyy tamil'skiy yazyk i ego dialekty [Spoken Tamil language and its dialects]. Moscow: IVL, 1962. 83 p. (In Russian).
7. Andronov M. S. Standard Grammar of Modern and Classical Tamil. 1st ed. Madras, 1969; 2nd ed., revised and enlarged. Madras: New Century Book House, 1989. 390 p.
8. Andronov M. S. Tamil'skiy yazyk [Tamil language]. Moscow: Vostochnaya literatura, 1960. 74 p. (In Russian).
9. Barannikov A. P. Oчерednye zadachi sovetskogo vostokovedeniya [The immediate tasks of Soviet Oriental studies] // *Sovetskoe vostokovedenie*. 1940. No. 1. P. 5–13. (In Russian).
10. Bulich S. K. Tamil'skiy yazyk // Entsiklopedicheskiy slovar'. [The Tamil language // Encyclopedia]. St Petersburg: F. A. Brokgauz, I. A. Efron, 1890–1907. Vol. 32a: Taj — Termity. 1901. P. 572–575. (In Russian).
11. Bychihina L. V., Dubyanskiy A. M. Tamil'skaya literatura. Kratkiy oчерk. [Tamil literature. Brief sketch]. Moscow: Vostochnaya literatura, 1987. 228 p. (In Russian).
12. Dubyanskiy A. M. Ritual and Mythological sources of the Early Tamil Poetry. Groningen: Egbert Forsten, 2000. 224 p.
13. Dubyanskiy A. M. Dravidskiye literatury [Dravidian literature] // *Izuchenie literatur Vostoka. Rossiya, XX vek. Study of Oriental Literatures, XXth Cent.* Moscow: Vostochnaya literatura, 2002. P. 403–424. (In Russian).
14. Dubyanskiy A. M. Ritual'no-mifologicheskie istoki drevnetamil'skoy liriki [Ritual and mythological origins of ancient Tamil lyrics]. Moscow: Vostochnaya literatura, 1989. 235 p. (In Russian).
15. Dubyanskiy A. M. Tamil'skaya literatura // *Istoriya mirovoy literatury*. [Tamil literature // History of World Literature]. 9 vols. Moscow: Nauka, 1984. Vol. 2. P. 74–81. (In Russian).
16. Glazov Yu. Ya. Morfologicheskiy analiz klassicheskogo tamil'skogo yazyka [Morphological analysis of classical Tamil language]. Abstract of PhD dissertation (Philology). Moscow: AN SSSR, Institut narodov Azii, 1962. 20 p. (In Russian).
17. Glazov Yu. Ya. V krayu otsov: Hronika nedavnego proshlogo. [In the fathers' land: Annales of the recent past]. Moscow: Istina i zhizn', 1998.

18. Gurov N. V., Zograf G. A. Pamyati Semena Gesselevicha Rudina [*In memoriam of Semen Gesselevich Rudin*] // *Narody Azii i Afriki*. 1973. No. 6. P. 238–240. (In Russian).

19. Interv'yu s Ol'goy Yuryevnoy Bessmertnoy [Interview with Olga Yuryevna Bessmertnaya]. IGITI NIU VSHE. URL: <https://igiti.hse.ru/unimemory/int-bessm> (accessed 20.09.2019). (In Russian).

20. Istoriya otechestvennogo vostokovedeniya s serediny XIX veka do 1917 g. [History of Russian Oriental studies since the middle of the XIX century to 1917] / Ed. A. A. Vigasina et al. Moscow: Vostochnaya literatura, 1997. 536 p. (In Russian).

21. Kak sovetskie nauchniye knigi stali artefaktom u fizikov i inzhenerov v Indii [How Soviet scientific books became an artifact of physicists and engineers in India]. URL: <https://cont.ws/@kamenski/1275639> (accessed 20.09.2019). (In Russian).

22. Kotin I. Yu. A. M. Mervart kak biograf G. S. Lebedeva [A. M. Mervart as a biographer of G. S. Lebedev] // *Verhnevolzhskiy filologicheskiy vestnik*. 2017. No. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/a-m-mervart-kak-biograf-g-s-lebedeva> (accessed 20.09.2019). (In Russian).

23. Kotin I. Yu., Krasnodembskaya N. G., Soboleva E. S. Ekspeditsiya MAE na Ceylon i v Indiyu v 1914–1918 gg. Istoriya kollektsii. Nauchnoe nasledie. [Expedition to the Indian ocean to Ceylon and India in 1914–1918. The history of the collection. Scholarly heritage]. St Petersburg: MAE RAN, 2018. (In Russian). 468 p.

24. Krishnamurti Bh. Dravidian Languages // *Encyclopaedia Britannica*. <https://www.britannica.com/topic/Dravidian-languages> (accessed 20.09.2019).

25. Makarenko V. A. Tamilological Studies in Russia and in the Soviet Union Tamil Studies Abroad. Kuala Lumpur, 1968. URL: <http://tamil.ivka.rggi.ru/article.html?id=2627979> (accessed 20.09.2019).

26. Mervart A. M. Grammatika tamil'skogo razgovornogo yazyka [Grammar of the Tamil colloquial language]. Leningrad: Izdatel'stvo LVI im. A. S. Enukidze, 1929. (In Russian). 234 p.

27. Mervart A. M. Otdel Indii. Kratkiy ocherk indiyской kul'tury po materialam otdela Indii MAE. [Department of India. A brief sketch of Indian culture based on the materials of the India Department of the Museum of Anthropology and Ethnography]. Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1927. 96 p. URL: http://lib.kunstkamera.ru/files/lib/guide_india_1927/guide_india_1927.pdf (accessed 20.09.2019). (In Russian).

28. Mervart A., Mervart L. Otchet ob etnograficheskoy ekspeditsii v Indiyu v 1914–1918 gg. [Report on the ethnographic expedition to India in 1914–1918]. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1927. (In Russian). 24 p.

29. Pavlova M. B. Problemy rannesrednevekovogo tamil'skogo bhakti (na materiale gimnov shivait'skogo poeta Tirunyanasambandara) [Problems of the early medieval Tamil bhakti (based on the hymns of the Saiva poet Tirunyanasambandar)]. PhD dissertation (Philology). Moscow: MSU, 2014. 200 p. (In Russian).

30. Petrov P. P. K istorii izdatel'stva “Progress” [On the history of the “Progress publishing house”]. Moscow: Progress, 1987. 140 p. (In Russian).

31. Poeziya epohi Sangama // Stolepestkovyy lotos: Antologiya drevneindiyskoy literatury. [Poetry of the Sangam era // One hundred petal Lotus: Anthology of Old Indian Literature / Trad. from Sanscrit and Old Tamil, comp. and introd. by I. D. Serebryakov]. Moscow: Vostochnaya literatura, 1996. P. 81–110. (In Russian).

32. Povest' o braslete [The story of a bracelet] / Trad. from Tamil, introd. and comm. by Yu. A. Glazova; ed. A. M. Pyatigorskiy. Moscow: GRVL, 1966. 222 p. (In Russian).

33. Povest' o zakoldovannykh shakalah [The story of the enchanted jackals] / Trad., introd. and comm. by A. M. Pyatigorskiy; ed. E. P. Chelyshev. Moscow: IVL, 1963. 159 p. (In Russian).

34. Pyatigorskiy A. M. Iz istorii srednevekovoy tamil'skoy literatury [On the history of medieval Tamil literature]. Abstract of PhD dissertation (Philology). Moscow: AN SSSR, In-t narodov Azii, 1962. 32 p. (In Russian).

35. Pyatigorskiy A. M. Izbrannye stat'i po indologii i buddologii: 1960–1970-e gody [Selected papers on Indology and Buddology: 1960s–1970s] / Ed. L. N. Pyatigorskaya; comp. by V. G. Lysenko. Moscow: RGGU; In-t filosofii RAS, 2018. 367 p. (In Russian).

36. Pyatigorskiy A. M. Materialy po istorii indiyskoy filosofii. Materializm lokayaty, induistskaya sistema shaiva-bhakti i drugiye filosofskie i religiozniye sistemy v srednevekovykh tamil'skikh istochnikakh. [Materials on the history of Indian philosophy. Lokayata materialism, the Hindu Shaiva-bhakti system, and other philosophical and religious systems in medieval Tamil sources]. Moscow: IVL, 1962. 250 p. (In Russian).

37. Rudin S. G. Morfologicheskaya struktura tamil'skogo yazyka [Morphological structure of the Tamil language]. Moscow: Nauka, 1972. 168 p. (In Russian).

38. Russko-tamil'skiy slovar' [Russian-Tamil dictionary] / Comp. by M. S. Andronov, A. Sh. Ibragimov, N. N. Yuganova; ed. P. Somasundarama. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1965. 1175 p. (In Russian).

39. Sedyh V. N. Nash surovyy i velikiy vek: pereosmyslivaya proshedshee stoletie i svoyu zhizn' [Our hard and great age: rethinking the past century and my own life]. Moscow: Avtograf veka, 2016. 625 p. (In Russian).

40. Shastitko P. M., Charyeva N. K. Period renessansa sovetskoy orientalistiki (II polovina 1950 — I polovina 1970 godov) [The Renaissance period of Soviet Oriental Studies (2nd half of the 1950s — 1st half of the 1970s)] // *Vostok (Oriens)*. 2003. No. 6. P. 21–32. (In Russian).

41. Smirnova I. N. Kratkiy ocherk razvitiya tamil'skoy literatury (do konca XIX v.) [A Brief sketch of the development of Tamil literature (till the end of the XIX century)] // *Literaturny Indii*. Moscow: IVL, 1958. P. 196–234. (In Russian).

42. Stihy na pal'movykh list'yah. Klassicheskaya tamil'skaya lirika [The verses on the palm leaves. Classical Tamil lyrics] / Transl. by A. Nayman; pref. and comm. by A. Dubyanskiy. Moscow: GRVL, 1979. 94 p. (In Russian).

43. Tamil tanta paricu: Sb. statey v chest' Aleksandra Mihaylovicha Dubyanskogo. [Tamil tanta paricu: Collection of articles in honor of Alexander Mikhailovich Dubyanskiy] / Ed. and comp. by O. Vecherina, N. Gordiychuk, T. Dubyanskaya. (Seriya

Orientalia et Classica. LXIII: Trudy Instituta vostochnykh kul'tur i antichnosti. [Orientalia et Classica series. LXIII: Works by the Institute of Oriental Cultures and Antiquity.] Moscow: Pero, 2016. 562 p. (In Russian).

44. Tamil'sko-russkiy slovar' [Tamil-Russian dictionary] / Comp. by A. M. Pyatigorskii and S. Grudin; ed. P. Somasundarama. Moscow: Gosizdat inostrannykh i natsional'nykh slovarey, 1960. 1384 p. (In Russian).

45. Tirukural. Kniga o dobrodeteli, o politike i o lyubvi. [Tirukural. The book of virtue, politics and love] / Transl. Yu. Glazov and A. Krishnamurti; ed. K. Zvelebil. Moscow: IVL, 1963. 155 p. (In Russian).

46. V krayu belykh liliy. Drevnetamil'skaya poeziya [In the land of white lilies. Ancient Tamil poetry] / Trad. from Old Vietnamese by A. Ibragimov. Moscow: Hudozhestvennaya literatura, 1986. 368 p.

47. Vasil'kov Ya. V. "Bureborstvennyi puteshestvennik": zhizn' i trudy Gerasima Stepanovicha Lebedeva (1749–1817) ["A Storm fighting traveler": the life and works of Gerasim Stepanovich Lebedev (1749–1817)]. St Petersburg: MAE RAS, 2017. 508 p., ill. (Kunstkamera Petropolitana). (In Russian).

48. Vasil'kov Ya. V. Indologiya v LO IV AN SSSR (1957–1986) // Pis'mennye pamyatniki i problemy istorii kul'tury narodov Vostoka. XXI Godichnaya nauchnaya sessiya LO IV AN SSSR. 1987. Ch. 3. Materialy po istorii otechestvennogo vostokovedeniya (k 30-letiyu LO IV AN SSSR). [Indologiya in Leningrad Department of the Institute of Oriental Studies of the Soviet Academy of Sciences (1957–1986) // Written Monuments and Problems of the Cultural History of the Peoples of the East]. Moscow: Nauka, GRVL, 1987. P. 71–85. (In Russian).

49. Vigasin A. A. Aleksandr i Lyudmila Mervart: u istokov otechestvennogo ceylonovedeniya i dravidologii // Repressirovanniye etnografy. Vyp. 2. [Alexander and Ludmila Mervart: at the origins of the Russian Ceylon and Dravidian studies // Repressed Ethnographers. Issue 2.] / Comp. and ed. by D. D. Tumarkin. Moscow: Vostochnaya literatura, 2009. P. 375–398. (In Russian).

50. Volodin A. G. Indiya: buduschie vybory i perspektivy rossiysko-indiyskikh otnosheniy [India: Future elections and prospects of Russian-Indian relations] // Perspektivy. Setevoe izdanie Centra issledovaniy i analitiki Fonda istoricheskoy perspektivy. URL: budushhiye_vybory_i_perspektivy_rossijsko-indiyskikh_otnosheniy_2013-07-11.htm (accessed 20.09.2019). (In Russian).

51. Yazyki mira: Dravidiyskie yazyki [Languages of the world: Dravidian languages] / RAN. Institut yazykoznaniya. Eds.: A. M. Dubyanskiy, E. B. Markus, N. V. Gurov, A. A. Kibrik. Moscow: Academia, 2013. 584 p. (In Russian).

52. Zagorodnikova T. N., Kashin V. P., Shaumyan T. L. Obraz Rossii v obshchestvennom soznanii Indii: proshloe i nastoyashchee [Image of Russia in the public consciousness of India: past and present]. Moscow: Nauka, 2011. 350 p. (In Russian).

53. Zhasminovaya pesn'. Iz tamil'skoy poezii epohi Sangama (III–IV vv.). [Jasmine song. Selected Tamil poems of the Sangam period (III–IV CC. AD)] / Transl. from Tamil by A. Ibragimov. Moscow: Hudozhestvennaya literatura, 1982. 157 p. (In Russian).

Author's information

Olga P. Vecherina

PhD (History), Associate professor, Department of Mediation in the Social Sphere, Moscow State University of Psychology and Education

29, Sretenka st., Moscow, 127051, Russia

E-mail: o.p.vecherina@mail.ru

Информация об авторе

Вечерина Ольга Павловна

кандидат исторических наук, доцент, кафедра медиации в социальной сфере, Московский государственный психолого-педагогический университет

РФ, 127051, Москва, ул. Сретенка, д. 29

E-mail: o.p.vecherina@mail.ru

*Tatiana I. Vinogradova (Russian Academy of Sciences Library,
St Petersburg, Russia)*

V. M. Alekseev and his Chinese Mentors (New Archive Data)

Summary: Vassily Mikhailovich Alekseev (1881–1951) was an outstanding Russian sinologist, translator, and a full member of the Academy of Sciences of the USSR. Since his studies in China in 1906–1909, he had a rich experience in attracting Chinese mentors (*xiansheng*) for learning the Chinese language, ancient and modern (reading newspapers), studying classical literature, popular beliefs and arts. The mentors participated in the V. M. Alekseev's phonetic experiments, helped him to study his collections of popular print *nianhua*. Quite a lot of the scholar's notes about working with Chinese mentors can be found in his published diaries, but a lot of valuable materials still remain in the archives.

First of all, it concerns the Fund 820 of the St Petersburg branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences (academician V. M. Alekseev's fund). Among peculiar archival sources is the so-called Sinological File stored in the Library of the Institute of Oriental Manuscripts, viz. the thematic catalogue of all Alekseev's papers, which he compiled himself. *Xiansheng's* materials are also stored in the archives of the museums, where the academician's collections are kept. The main goal of this article is to put together as much information as possible about the documents concerning the Chinese mentors from various Saint Petersburg institutions and to discuss ways of using these valuable materials.

Short entries from the Sinological File contain information that is not available in the scholar's diaries and official reports. First, there are the mentors' names in the original hieroglyphic writing, which gives us a chance to learn something about these people from Chinese sources. Scattered information from the Sinological File and Archive materials makes possible to restore programmes of studies, which he compiled for himself, and later made them the basis of the programmes of his own University teaching. Very interesting are many evidences of personal relationships between the student and mentors — private correspondence, gifts and verses exchanges. Vassily Alekseev continued to receive letters from some of his teachers many years after the end of his studies in China. Special attention deserves the handwritten heritage of the Chinese mentors — their comments on the subjects of the Chinese popular prints.

More than two thousand handwritten documents of V. M. Alekseev's *xiansheng* are held now in the State Hermitage, State Museum of the History of Religion and St Petersburg branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences. Until now only a small part of these materials has been published. The least known are manuscripts from

the Russian Academy of Sciences Archive (Fund 820, inventory 1, file 479-a) in the form of 12 notebooks, thus a concept for their scholarly description was necessary to develop. These texts describe Chinese popular prints stored in the State Hermitage Museum. The analysis of evidence of how V. M. Alekseev sought to attract Chinese teachers to work at higher education institutions of Petrograd/Leningrad concludes the article.

Keywords: Academician Vassily Mikhailovich Alekseev (1881–1951); Chinese mentors; *xiansheng*; State Hermitage Museum; State Museum of the History of Religions in St Petersburg; St Petersburg branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences; Institute of Oriental Manuscripts; Sinological File of academician V. M. Alekseev; Chinese popular prints; *nianhua*.

Т. И. Виноградова (Библиотека РАН, СПб., РФ)

В. М. Алексеев и его китайские учителя (по новым архивным данным)¹

Аннотация: Выдающийся китаист и основатель отечественной синологической школы Василий Михайлович Алексеев (1881–1951) в годы своей стажировки в Китае (1906–1909) часто прибегал к помощи китайских учителей, так называемых *сяньшиэнов*. Вместе с ними он изучал китайский язык, как современный (чтение газетных текстов), так и классический. Они участвовали в проводимых В. М. Алексеевым фонетических опытах, помогали разбирать его коллекции произведений народного искусства. Много записей о работе с китайскими наставниками содержится в опубликованных дневниках ученого, но в архивах осталось еще много ценных материалов. Прежде всего речь идет о Фонде 820 Санкт-Петербургского филиала Архива РАН (Фонд академика В. М. Алексеева).

К числу необычных архивных источников относится так называемая Синологическая картотека — составленный ученым предметно-тематический каталог всех своих бумаг, который размещается в помещении библиотеки Института восточных рукописей РАН. Материалы *сяньшиэнов* хранятся также в архивах музеев, куда были переданы коллекции ученого. Цель этой статьи — свести воедино информацию о документах, связанных с деятельностью *сяньшиэнов*, классифицировать и ввести их в научный оборот.

В коротких записях из Синологической картотеки содержится сведения, которые отсутствуют в дневниках и официальных отчетах о стажировке. Прежде всего это имена китайских учителей в оригинальном иероглифическом написании, что дает шанс что-нибудь узнать об этих людях из китайских источников. Разрозненная информация из картотеки и материалов Архива дает возможность восстановить программы обучения В. М. Алексеева, которые он разрабатывал сам путем многочисленных проб и ошибок, и которые впоследствии легли в основу программ его собственного университетского преподавания. Инте-

---

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ 19–59–52001 МНТ_а «Торговля, народные верования, искусство и культура на традиционной ксилографической картине Китая из малоисследованных коллекций России и Тайваня».

ресны свидетельства о личных взаимоотношениях между учеником и учителями — частная переписка, упоминания о подарках, обмене стихотворными посвящениями. Письма от некоторых учителей В. М. Алексеев продолжал получать через много лет после окончания стажировки.

Особого внимания заслуживает рукописное наследие китайских учителей: сделанные по его указанию комментарии к китайским народным картинам, в основном — толкования сюжетов. Эти материалы, более 2 тысяч листов, хранятся в трех разных местах: в Государственном Эрмитаже, Государственном музее истории религии и в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН. Рукописи из архива РАН (Фонд 820. Оп. 1. Д. 479-а) в виде 12 тетрадок известны менее всего, в связи с чем необходимо разработать концепцию их научного описания. Эти тексты относятся к китайским народным картинам, хранящимся в Государственном Эрмитаже.

Завершается статья анализом свидетельств о том, как В. М. Алексеев стремился привлекать китайских учителей для преподавания в высших учебных заведениях Петрограда–Ленинграда.

Ключевые слова: Академик Василий Михайлович Алексеев (1881–1951); китайские учителя *сяньшэнь*; Государственный Эрмитаж; Государственный музей истории религии; Санкт-Петербургский филиал Архива РАН; Институт восточных рукописей РАН; Синологическая картотека В. М. Алексеева; китайская народная картина.

Будущий академик и глава школы отечественной синологии Василий Михайлович Алексеев (1881–1951) после окончания Петербургского университета в 1902 г. был отправлен на стажировку в Европу, затем 3 года (1906–1909) обучался в Китае. Современному человеку сложно осознать, что выпускник послан просто в Европу и в Китай, без прикрепления к какому-то учреждению и без утвержденной программы обучения. В. М. Алексеев занимается в крупнейших библиотеках и музеях Англии, Франции и Германии, общается со звездами китаистики тех лет¹. Главным учителем стал для него Эдуард Шаванн (Emmanuel Édouard Chavannes; 1865–1918)². Мысль о том, что китаист должен воспитать себя сам, не покидала В. М. Алексеева никогда, об этом — его «Рабочая библиография китаиста»³, к сожалению, изданная слишком поздно для того, чтобы стать инструментом прямого действия.

¹ Алексеев В. М. Автобиография китаеведа, доцента Петроградского университета, младшего ученого хранителя Азиатского музея Академии наук Василия Михайловича Алексеева // Алексеев В. М. Наука о Востоке. Статьи и документы. М.: ГРВЛ, 1982. С. 266–270.

² Алексеев В. М. Письма к Эдуарду Шаванну и Полю Пеллиу / сост. И. Э. Циперович. СПб.: Петербургское востоковедение, 1998. (Архив российского востоковедения).

³ Алексеев В. М. Рабочая библиография китаиста. Книга руководств для изучающих язык и культуру Китая. СПб.: БАН; Альфарет, 2010.

По окончании каждого года стажировки В. М. Алексеев пишет на факультет отчет о своих занятиях¹, несколько раз упоминая «туземных преподавателей». Под этим «неполиткоретным» термином понимаются представители китайской ученой элиты, *сяньшиэны* 先生, буквально — «господин», «учитель». В отчетах нет имен этих людей, лишь кратко очерчивается круг занятий с ними. Неофициальные бумаги В. М. Алексеева содержат много сведений об учителях. Из того, что уже опубликовано, следует назвать прежде всего его дневники «В старом Китае», выдержавшие два издания². Под влиянием этих дневников и альбомов с репродукциями собранных В. М. Алексеевым китайских народных картин, при подготовке которых были частично использовались написанные учителями заметки³, сложилось мнение, что *сяньшиэны* в основном привлекались для комментирования сюжетов и образов народной картины. Неопубликованные архивные материалы предоставляют возможность восстановить многие подробности взаимоотношений В. М. Алексеева с его китайскими учителями, что важно для понимания того, как формировался научный метод великого ученого.

Основной массив бумаг академика сосредоточен в Фонде 820 Санкт-Петербургского филиала Архива РАН, опубликованная в сети Интернет оцифрованная опись фонда очень полезна⁴. В. М. Алексеев хранил свои бумаги в отдельных конвертах, содержимое которых формировал сам, и сам же подписывал на конвертах названия. В большинстве случаев именно эти, подлинные алексеевские формулировки были перенесены в архивные описи, правда, с ошибками машинисток, не владеющих китайским языком.

Многие материалы В. М. Алексеева хранятся в фондах учреждений, где он работал, либо в тех, куда поступали собранные им в Китае коллекции: Эрмитаж, Государственный музей истории религии. Следует отметить усилия последнего по on-line публикации коллекций В. М. Алексеева с привлечением материалов *сяньшиэнов*⁵.

¹ Алексеев В. М. Три отчета о пребывании в Китае в 1906–1909 гг. // Алексеев В. М. Наука о Востоке. Статьи и документы. М.: ГРВЛ, 1982. С. 271–280.

² Алексеев В. М. В старом Китае. Дневники путешествия 1907 г. М.: Издательство восточной литературы, 1958. (Русские путешественники в странах Востока); Алексеев В. М. В старом Китае. 2-е изд., испр. и доп. М.: Восточная литература, 2012.

³ Алексеев В. М. Китайская народная картина. Духовная жизнь старого Китая в народных изображениях. М.: ГРВЛ, 1966; Chinesische Neujahrsbilder / Text und Auswahl Maria Rudova. Leningrad: Aurora-Kunstverlag, 1988; Китайская народная картина няньхуа из собрания Государственного Эрмитажа: каталог выставки. СПб.: Славия, 2003.

⁴ URL: [http://www.isaran.ru/?q=ru/fund&guid=C567F2F3-EA55-8464-72A0-B50765609FC6&ida=2&str=алексеев в.м. \(дата обращения: 05.08.2019\)](http://www.isaran.ru/?q=ru/fund&guid=C567F2F3-EA55-8464-72A0-B50765609FC6&ida=2&str=алексеев в.м. (дата обращения: 05.08.2019)).

⁵ Коллекция китайской народной картины из собрания академика В. М. Алексеева из фондов Государственного музея истории религии. URL: <http://alekseev-collection.gmir.ru> (дата обращения: 05.08.2019).

К числу необычных архивных источников относится так называемая «Синологическая картотека» — составленный В. М. Алексеевым предметно-тематический каталог его научных, деловых и личных бумаг, который он вел с юности до самой кончины. В настоящее время каталожный куб с этими материалами находится в помещении библиотеки Института восточных рукописей РАН, куда он был перевезен после смерти ученого его учениками. Материалы картотеки дополняют сведения «полнотекстовых» документов. На карточках, помимо новых фактов, содержится много емких характеристик, дат, имен в их оригинальном написании. Далее мы попытаемся сопоставить записи В. М. Алексеева о его работе с китайскими учителями, чтобы собрать как можно больше сведений об этих людях и составить представление о роли «сяньшэнства» в становлении его как ученого. Традиционными учебными курсами В. М. Алексеев с китайскими учителями не занимался, азы наук были пройдены давно, тонкости разговорного языка постигались непосредственно в процессе общения. Только чтение газет напоминает о привычных университетских программах:

Газета 北京日報 [Пекинская ежедневная газета, Бэйцзин жибао — ТВ] от 24 авг. 1909 г., читанная с 童振域-ом [Тун Чжэньюй — ТВ] в Пекине и к ней примечания¹.

北京日報 от 29 авг. 1909 г. См. отд. тетрадь с примечаниями, прочитанными 童-ом.

Записи об этих же занятиях в Фонде 820 сформулированы следующим образом:

Опись 1 / дело 190: Газета «Бэйцзин жибао» от 24 августа 1909 г., читанная с сяньшэном в Пекине с приложением замечаний. Лексический словарь газетных текстов. Автограф, газета. Примечание: Имеются приложения Ляо Чжая на сухуа, сделанные Туном. Автограф Туна. 30 л.

Опись 2 / дело 35: Вырезки статей из китайских газет, прочитанных с сяньшэном. 1906–1907. 74 л.

Опись 2 / дело 33: Переводы мои из русских газет (на кит. яз.) с помощью сяньшэна (1906).

Если записи о занятиях разговорным языком в бумагах В. М. Алексеева отсутствуют, то свидетельств о его научном изучении фонетики китайского языка множество. Одна из самых ранних записей в Синологической картотеке, датированная 1898 г., посвящена как раз этому:

---

¹ Здесь и далее курсивом набраны цитаты из Синологической картотеки.

«Фонетические» записи за «Хуэ Фаном» в 1898 г. Первое фонетическое ослобнение. Лектор «Хуэ» Фан и записи за ним. «Слова» из Лунь Юя.

В. М. Алексеев полагал, что звуки китайской речи можно записать фонетически, а преподавать китайский язык нужно, отложив изучение иероглифики на более поздний период. Таинственный «Хуэ» Фан — очевидно, один тех из преподавателей-китайцев, которых, по свидетельству самого В. М. Алексеева, «было сколько угодно вокруг меня в 1902 г.!»¹

В Париже в 1905–1906 гг. В. М. Алексеев посещает лабораторию основоположника экспериментальной фонетики аббата Руссло (Rousselot Jean-Pierre, 1846–1924), где проводились эксперименты «искусственным нёбом» (palais artificiel). Принципы работы прибора изложены в статье Н. А. Спешнева². Запись в Синологической картотеке позволяет установить имя «подопытного» китайца — Жуй Сян:

Тексты-речи, изучавшиеся мною на аппарате Руссло за 銳祥-ом в Париже 1911 г.

«Случайно найденный мною китаец был уроженцем Юга, но говорил он не на своем наречии, а на модном северном, сохраняя, конечно, свои особенности. За неимением лучшего, я вынужден был обратиться к нему, чтобы хоть приблизительно узнать, какой эффект производят на регистрирующий аппарат резкие особенности китайской речи», — писал позднее В. М. Алексеев об этом человеке³. В годы стажировки в Китае недостатка в носителях языка, согласных на участие в фонетических опытах, не было, но были проблемы с искусственным нёбом. Из отчета о пребывании ученого в Китае явствует, что ему «посчастливилось» приобрести прибор в Пекине⁴. Н. А. Спешнев свидетельствует, что аппарат был изготовлен по заказу В. М. Алексеева «заезжим дантистом», вывезен в Россию и хранился в семейном архиве ученого⁵. В Пекине В. М. Алексеев сосредоточился на изучении фонетики пекинского диалекта: основным его информатором был некто Ли Лин, он же — слуга Ли:

¹ Алексеев В. М. Русский аспирант-китаист в начале XX в. (1902–1909) // Алексеев В. М. Наука о Востоке. Статьи и документы. М.: ГРВЛ, 1982. С. 295–301.

² Спешнев Н. А. В. М. Алексеев как фонетист // Литература и культура Китая: сборник статей к 90-летию со дня рождения академика В. М. Алексеева. М.: ГРВЛ, 1972. С. 67–72.

³ Алексеев В. М. Результаты фонетических наблюдений над пекинским диалектом (1906–1909) // Известия Императорской Академии наук. 1910. Серия VI, второй полутом. С. 935.

⁴ Алексеев В. М. Три отчета о пребывании в Китае в 1906–1909 гг. // Алексеев В. М. Наука о Востоке. Статьи и документы. М.: ГРВЛ, 1982. С. 273.

⁵ Спешнев Н. А. В. М. Алексеев как фонетист. С. 70.

Ли Лин — пекинские записи, использованные для фонетических наблюдений в 1906–1907 гг.

Фонетические опыты (с искусственным нёбом) со слугой Ли. Пекин, 1907. Фонетические опыты искусственного нёба с сяньшиэном 孟錫爵 (Мэн Сицзюэ). Программа, по которой велись в Пекине испытания китайцев в транскрибировании русских звуков под произносимыми на слух иероглифами.

В материалах из Фонда В. М. Алексеева СПб. ФАРАН фонетические студии описываются таким образом:

Опись 1 / дело 153: Опыты в Учане. Записи произношения Дэн Чжоуфу. Автограф. 1910-е гг. 64 л.

Опись 1 / дело 156: Полевые и лабораторные фонетические записи, сделанные в Китае. Автографы В. М. Алексеева, Б. А. Васильева, Ли и Мэн Сицзюэ. 1926. 1169 л.

Объемы дел, конечно, впечатляют, но В. М. Алексеев писал на каталожных карточках, 1169 карточек это, конечно, много, но листами они называются исключительно по принятой в архивном деле терминологии. 1926 г. — последняя, сама поздняя дата, встречающаяся в деле. В. М. Алексеев был в этом году в Китае, но экспериментальной фонетикой во время этого визита не занимался. Борис Александрович Васильев (1899–1937) с 1924 по 1927 гг., будучи сотрудником Ленинградского института живых восточных языков (ЛИЖВЯ), стажировался в советском генеральном консульстве в Китае¹, выполнял многочисленные поручения учителя, о чем есть свидетельства в Картотеке.

Основным «предметом», которым занимался В. М. Алексеев с *сяньшиэнами*, был классический китайский язык и чтение старых текстов:

Прочитанные мною с сяньшиэнами 賦. Указатель 古文.

賦 — фу, жанр китайской поэзии, обычно переводится как «ода», *古文 — гувэнь*, классическая проза высокого стиля.

Записи Картотеки свидетельствуют, что В. М. Алексеев много читал с китайскими наставниками Ляо Чжая, они же помогали перекладывать тексты на современный живой язык *сухуа* 俗話²:

---

¹ Васильев Борис Александрович // Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период (1917–1991) / изд. подгот. Я. В. Васильков, М. Ю. Сорокина. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. 496 с. (Социальная история отечественной науки о Востоке). URL: <http://memory.pvost.org/pages/vasilievba.html> (дата обращения: 15.08.2019).

² Подробно см.: Виноградова Т. И. Записки В. М. Алексеева о работе над Ляо Чжаем в «Синологической картотеке» ученого // Сборник материалов VII Международной

Образец моих переложений Ляо Чжая на сухуа с разметками сяньшэнов.

Переложение на су Ляо Чжая, сделанное Тун Чжэньюем.

Первые 100 рассказов Ляо Чжая по содержанию. Листки Лю Добэня.

Сюжеты Ляо Чжая. Составил 童振玉 (Тун Чжэньюй).

Опыт кодификации Ляо Чжая. Тун Чжэньюй. См. еще Указатели.

Предметный [указатель] к рассказам Ляо Чжая (мой). Тун и Лю — цитаты и примеч. Термины женской красоты. Ляо Чжай по сюжетам (Тун).

Архивная опись свидетельствует, что В. М. Алексеев продолжал читать Ляо Чжая с китайцами значительно позже, уже в Ленинграде:

Опись 1 / дело 336: Толкование с сяньшэном текстов из Ляо Чжая. На рус., англ. и кит. яз. 1925. 6 л.

Опись 1 / дело 337: Параллельные тексты на байхуа и вэньяне из Ляо Чжая. Автографы Ю. К. Щуцкого и Чжан Ина. Гектограф. На кит. яз. 1925–1926. 78 л.

Опись 1 / дело 500: Дянь-гу, выбранные Чжан Итхином. Автографы В. М. Алексеева и сяньшэна. 1926. 85 л.

Дянь-гу 典故 — аллюзия, литературная цитата. Толкования *дянь-гу* из Ляо Чжая были предметом особого интереса В. М. Алексеева. Записи Картотеки позволяют установить иероглифическое написание имен *сяньшэнов*: 張英 и 張逸亭, в Архиве есть их официальные письма, с визитками. Есть упоминание о том, что с Чжан Ином В. М. Алексеев в 1914/1915 гг. читал «Поэму о поэте» 書品 Сыкун Ту, а в его коллекции негативов были фотографии обоих Чжанов. Переписка с учителями служила для овладения китайским эпистолярным стилем:

Опись 1 / дело 104: Эпистолярный стиль. Материалы к курсам лекций в ЛИЖВЯ и ЛВИ. 1912–1929. 36 л. Ч. 1. Фрагменты текста из «Тушу цзичэн» по теории эпистолярного стиля. Письма Мэн Сишоу, Чжан Вэйхана и др. Автограф. 4 фото 12 × 18. На рус., кит. и фр. яз. Приложение: «Мой образец русского эпистолярного стиля (имитация китайского). 4 дек. 1930 г. Автограф.

Опись 1 / дело 105: Эпистолярный стиль. Материалы к курсам лекций в ЛИЖВЯ и ЛВИ. Ч. 2. Фрагменты и выписки из китайского биографического словаря, карманной энциклопедии; письма Гоа Гэ, Дуань Фошэна, Сян Пэй-ляна, Дун Гуанчжуна, Ли Цзиньси, Лю Цзиньгэна, Лю Хоучжи, Ма Хэна, Мин

научной конференции «Проблемы литератур Дальнего Востока». СПб: Студия НП-Принт, 2016. Т. 2. С. 105–114.

Чжэнцзюя, Мэн Цяньюэ, Тун Чжэнюэ¹ и др. 32 фото. Приложение: Набор формул для китайской переписки. Б.д. Автограф. 54 л.

Опись 1 / дело 106: То же. Ч.3. Образцы частной китайской корреспонденции, присланные Чжан Хаожу и образцы официальной переписки служащих КВЖД, присланные В. А. Рязановским. Автограф, машинопись, газетная вырезка. На рус. и кит. яз. Приложение: сопроводительное письмо В. А. Рязановского, 18 января 1935 г. 183 л.

Юрист Валентин Александрович Рязановский (1884–1968) в 1922–1934 гг. был профессором гражданского права юридического факультета в Харбине, где при его непосредственном участии был создан восточный отдел. Автор работ по китайскому и монгольскому праву.

Архивные материалы характеризуют В. М. Алексеева как социолога. Он разрабатывал опросные листы по самым разным темам, раздавал их своим коллегам, читателям, студентам, слушателям всевозможных курсов: ему нужна была обратная связь со своей аудиторией. Методику опросов В. М. Алексеев начал разрабатывать и активно применять еще будучи в Пекине:

Опись 1 / дело 522: Ответы Лю Дабэня и опрошенных им лиц на предложенные мною вопросы, касающиеся настоящего положения дел образования в Китае и сравнения его со старой системой. Автографы В. М. Алексеева и Лю Дабэня. 1 окт. 1909 — 31 августа 1913. 18 л.

Опись 2 / дело 36: Заметки сяньшэнов и ответы на мои вопросы. Пекин. «Вэнь». Автограф В. М. Алексеева и сяньшэнов. На рус., англ., кит. и фр. яз. Ч. 1. 1906–1907. 495 л.

Опись 2/ дело 37: То же. Ч. 2. «Су». 511 л.

В Картотеке этот документ описан таким образом:

Заметки сяньшэнов на мои вопросы 1906/1907. Листочки а) 文, в) 俗. 2 коробки.

«Вэнь» 文 — письменность, культура, а «су» 俗 — то, что противостоит высокой письменной культуре, просторечие, обыденная жизнь. И то и другое, а также их взаимовлияние и взаимопроникновение были предметом особого интереса ученого, не будет преувеличением сказать, что изучение пары ВЭНЬ/СУ было главным во всем его научном творчестве.

По возвращении из путешествия с Э. Шаванном по Северному Китаю в 1907 г., из которого В. М. Алексеев привез первую большую партию китайских

---

¹ Имена как в Описи дела.

народных картин, выразивших именно СУ, задача *сяньшэнов* сильно усложнилась, так как надо было не только читать хорошо знакомые тексты классиков, но и толковать народные картины, с которыми они, как представители касты ученых, знакомы не были и к которым привыкли относиться с пренебрежением. Им приходилось обращаться за помощью к слугам и знакомым «из народа», но и это не всегда помогало:

Образец извращения иероглифики в надписи-дуйцзы — сяньшэн не мог разобрать.

Дуйцзы 對子 «параллельные надписи» — жанр народной эпиграфики, вертикальные парные надписи украшали интерьеры присутственных мест и частных домов, часто надписи воспроизводились народной картиной.

Открытки¹. Группы божеств в храмах (неудачные объяснения сяньшэна).

Дело В. М. Алексеева — Фонд 820 СПб. ФАРАН построено по предметно-тематическому принципу, чтение той части описи, где собраны материалы по фольклору, позволяет представить масштаб работ, которые проделали вместе русский стажер и его китайские учителя:

Опись 1 / дела 467–469: Амулеты (дело 467 — библиография, 468 — материалы Британского музея); дело 469: Эстампажи, рисунки, прорисовки, тексты благопожелательных и заклинательных надписей, объяснения к ним. Автографы В. М. Алексеева и *сяньшэнов*. На рус., кит. и др. яз. 1906–1913, 1930-е. 2666 л.

Эти три тесно связанных между собой дела относятся к первому исследовательском интересу В. М. Алексеева — монетовидным амулетам, результатом которого стала раскритикованная им самим² статья³. Следующая его работа

---

¹ Многие карточки для картотеки были подготовлены заранее: на них были оттиснуты штампы красной тушью, «открытки», «негативы», «фотографии», «почтовые конверты, бумага», «эстампажи», «альбомы картин». Оставалось на выбранной карточке написать название и добавить комментарий.

² Баньковская М. В. Василий Михайлович Алексеев и Китай: книга об отце. М.: Восточная литература, 2010. С. 23.

³ Алексеев В. М. Нумизматическая коллекция Богдохана Цянь Луна. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1906. Отдельный оттиск из Записок Нумизматического Отделения Императорского Русского Археологического Общества. Т. I. 22 с., 1 фототаблица.

на материале китайской нумизматической коллекции в Эрмитаже¹ известна сейчас только узким специалистам и редко упоминается в связи с изучением фольклора, нет ее и в библиографии к «Китайской народной картине». Между тем расшифровка графических формул, ребусов, описание системы символов делает эту работу незаменимой для всех, кто хочет всерьез изучать народную печатную графику. Материалы 469-го дела с толкованиями *сяньшэнами* рисунков и надписей на монетовидных амулетах, систематизированные и обработанные должным образом, в случае их введения в научный оборот могут дать исследователям ключ к целому пласту народной культуры. Пока к материалам этого дела обращалась только тайваньская исследовательница Ян Юйцзюнь (楊玉君), следует пожелать ей всяческих успехов.

Опись 1 / дело 470: Китайский фольклор. Полевые записи песен, заклинаний, надписей на храмах и вывесках. Автографы В. М. Алексеева, Маны и др. Типогр. экз. На рус. и кит. яз. 1906–1909. 352 л. Приложение: переводы некоторых надписей, сделанные О. Л. Фишман.

«Типографский экземпляр» относится не ко всему документу. «Маны» — очевидно «Мэна», *сяньшэн* Мэн Сицзюэ. Ольга Лазаревна Фишман (1919–1986) со Львом Николаевичем Меньшиковым (1926–2005) и Изабеллой Самойловой Гуревич (1932–2016) также переводили документы В. М. Алексеева из Фонда Музея истории религии².

Опись 1 / дело 473: Описания сюжетов народных (лубочных) картин, тексты на амулетах и другие надписи (Сиань, Тайань, Цюйфу и др.) Автограф *сяньшэна*. 1906–1907. 131 с.

В этом деле много интереснейшего материала, собранного по тематическому принципу — амулеты, монеты, талисманы, картины с изображением божеств, толкования надписей на стелах. В. М. Алексеев обычно нумеровал каждый экспонат своей коллекции, применяя разные цифры и символы, сочетая арабские цифры и китайские циклические знаки. Эти же шифры проставлялись на листках-комментариях *сяньшэнов*. К сожалению, в этом деле нет отсылок к шифрам коллекции.

---

¹ Алексеев В. М. Описание китайских монетовидных амулетов и благожелательных медалей из коллекции имп. Эрмитажа. СПб., 1912. Отдельный оттиск из Записок Восточного Отделения Императорского Русского Археологического Общества. Т. XXI. 51 с., 8 таб.

² Терюкова Е. А., Завидовская Е. А., Хижняк О. С. В. М. Алексеев о методах исследования китайской народной картины // *Труды Государственного музея истории религии*. Вып. 16. СПб., 2016. С. 110.

Основным результатом сотрудничества В. М. Алексеева и его китайских наставников в деле изучения китайской народной картины считаются 粗畫解說— «Пояснения к грубым картинам», хранящиеся в Фонде Государственного Эрмитажа (ГЭ, ЛТ-6444: 1–7) и частично использованные при подготовке комментариев к изданиям эрмитажной части коллекции народной картины из собрания В. М. Алексеева. В Синологической картотеке информация об этом уникальном труде представлена следующим образом:

Объяснения к первым 430 номерам коллекции хуаров (нар. карт.). Сост. Мын Сидзэ и некоторые другие (мало) 粗畫解說.

Опись 1 / дело 479а: Описания китайских народных картин и иллюстраций к произведениям художественной литературы. Автографы *сяньшэнов* с пометами В. М. Алексеева. Янв.-февр. 1926 г. 1101 л.

Это дело представляет собой продолжение «Пояснений к грубым картинам», в него включены 12 небольших китайских тетрадок в клетку, некоторые озаглавлены. Описания относятся к №№ 434–1458 коллекции *няньхуа* В. М. Алексеева, хранящейся в Эрмитаже. Последняя тетрадка не содержит отсылок к номерам картин. Она помечена как тетрадь № 23 под шифром 己2 — 鎮宅驅邪 (Чжэньчжай цюй-се, альбом талисманов и заклинаний)¹. 1926 г. — самая поздняя дата в документе. Сами записи однозначно сделаны в 1906–1909 гг., в 1926 г., как свидетельствуют пометы В. М. Алексеева, тетрадки были показаны некоему «китайцу Ли», который сделал указатели фразеологических оборотов (*чэньюев* 成語) и имен, которые встречаются в двух из 12 тетрадок. Эти указатели пока не обнаружены. Почему комментарии *сяньшэнов* к собранным В. М. Алексеевым народным картинам оказались разделены между двумя учреждениями, Эрмитажем и академическим архивом, не вполне понятно. В. М. Алексеев сам отбирал народные картины религиозного содержания для Государственного музея истории религии, прилагая соответствующие рукописи *сяньшэнов*². Основную часть коллекции передали в Эрмитаж после смерти академика, в 1956 г., туда же отошли и «Объяснения к грубым картинам», но комментарии ко второй части коллекции оказались в Архиве.

Указать точное число комментариев *сяньшэнов* к народным картинам трудно. Мешает не только разбросанность материалов по разным фондам. Не

¹ Подробнее см.: Виноградова Т. И. Мир как «представление»: китайская литературная иллюстрация. СПб: БАН; Альфарет, 2012. С. 29.

² Терюкова Е. А., Завидовская Е. А. Академик В. М. Алексеев и Музей истории религии (Из истории создания экспозиции по истории религий Китая и формирования китайской коллекции ГМИР) // *Труды Государственного музея истории религии*. Вып. 15. СПб., 2015. С. 78–104.

все записи собраны в тетрадки, некоторые приклеены к картинам, которые изъясняют. Можно говорить более чем о двух тысячах описаний, но они часто тавтологичны: только комментарий к изображениям дверных богов *мэньшэней* 門神 в собрании ГМИР 250 листов¹, а ведь эти картинки едва отличаются между собой. Вопрос, что следует делать с таким количеством информации, остается открытым. Можно мечтать о создании единого ресурса, который объединил бы репродукции картин и комментированные переводы сяньшэновских заметок. Но есть ли у научного сообщества потребность в столь подробных сведениях? Какими критериями руководствоваться, если производить отбор картинок и комментариев? Ближайшей задачей видится составление тезауруса, который позволил бы исследователям применять сведения *сяньшэнов* не только в отношении конкретных народных картин, но и при изучении самых разных аспектов китайской народной культуры.

О самих учителях, их биографиях, судьбах известно немного, в основном исключительно в связи с их сотрудничеством с В. М. Алексеевым.

Мэн Сицзюэ (孟錫爵/綬 или 珏, 1870–1938) получил ученую степень в 1898 г., работал в академии Ханьлинь, занимал различные чиновничьи должности, т.е. к моменту знакомства с В. М. Алексеевым был вполне состоявшимся человеком. Мэн прослыл знатоком немецкого языка, но не смог справиться с поступающими заказами на перевод, и «Алексеев предложил учителю свои услуги по переводу с немецкого в обмен на письменные описания-толкования лубочных сюжетов и символов»². В Картотеке В. М. Алексеев называет Мэна «*философствующим банковским писарем*», однако сотрудничество с ним оценивает крайне высоко:

«Наиболее подробные и оригинальные описания картин (особенно первых номеров коллекции) принадлежат моему ученому другу Мэн Си-цзюэ, лучшему из всех моих помощников в деле собирания материалов, и озаглавлены им так: “Объяснения к грубым картинам”. Рукопись эту следовало бы должным образом издать, но беспорядок, свойственный многим подобным описаниям, царит и в ней (например, ссылки на “предыдущие номера” без указания их, цитаты без точных обозначений и т. п.), заставляя временно остановиться перед этим требующим больших расходов предприятием»³.

¹ Терюкова Е. А., Завидовская Е. А. К вопросу о методах исследования китайской народной картины (по материалам коллекции академика В. М. Алексеева из собрания ГМИР) // *Религиоведение*. № 3. 2016. С. 65.

² Рифтин Б. Л. О китайском лубке и его русских собирателях // *Редкие китайские народные картины из советских собраний*. Л.: Аврора; Пекин: Народное искусство, 1991. С. 3.

³ Алексеев В. М. Бессмертные двойники и даос с золотой жабой в свите бога богатства (Исследование в области китайского фольклора) // Алексеев В. М. *Китайская народная картина*. С. 172 (ссылка).

Мэн не только разъяснял сюжеты собранных В. М. Алексеевым картин, но и помогал приобретать новые:

Моё обращение 1906 г. к продавцам картин (Мын Сидзэ).

Вот еще некоторые упоминания из Картотеки о Мэне, обращает на себя внимание разнообразие транскрипций имени учителя, которые использовал В. М. Алексеев:

Вывески в Пекине. Объяснение к альбому моей коллекции сяньшэна Мын Сидзе.

祭神黃錢 с благодарственными духу¹ выражениями. С примечаниями Мына /живопись/.

Собственные имена в объяснениях сяньшэна Мын Сицзе /поэзия/.

Надпись на веере в подарок мне от сяньшэна Мын Сицзэ.

Моё обращение 1906 г. к продавцам картин (Мын Сидзэ).

Колыбельные песни: по памяти сяньшэна: Мэн и Чжан Тяньхана.

Опись 1 / дело 474: Детский язык. Записи по памяти сяньшэнов Мэна и Чжан Бинхана. Автографы В. М. Алексеева и сяньшэнов. 1909. 42 л.

Следующее имя, часто упоминаемое в Картотеке — Тун Чжэньюй (童振域, иногда 玉). Под руководством этого человека В. М. Алексеев читал китайские газеты и делал переводы из русских газет на китайский язык, Тун много занимался с В. М. Алексеевым Ляо Чжаем, делая указатели сюжетов и изложения некоторых рассказов на разговорном языке. При расставании Тун Чжэньюй посвятил В. М. Алексееву стихи:

Стихи Туна о нашей с ним разлуке.

С Тун Чжэньюем В. М. Алексеев встретился вновь в Пекине в 1926 г.: «...удалось отыскать бывшего своего сяньшэна Туна — „старого, очаровательного, смеялись и острили“»².

Сяньшэн Чжан Хаожу (Бинхань) 章浩汝 (炳漢) был художником народной картины, работал непосредственно на промыслах и знал дело изнутри. Об этом человеке известно довольно много. По данным Б. Л. Рифтина, Чжан Хаожу 章浩如 (ученое имя Бинхань 炳漢, Вэйхань 維漢, родился в 1870 г.) был художником в мастерской народной картины, специализировался на пейзажах

---

¹ Цай-шэнь, бог богатства.

² Баньковская М. В. Василий Михайлович Алексеев и Китай. С. 191.

и изображениях людей, в 1908 г. помогал В. М. Алексееву разбирать картины №№ 434–815. Если эта информация верна, значит, большая часть тетрадок из архивного дела № 479а принадлежит кисти Чжан Хаожу. В пояснительной статье Б. Л. Рифтина к тому «Китайские народные картины из российских собраний» воспроизведена фотография Чжан Хаожу с дарственной надписью В. М. Алексееву¹. Текст ее гласит, что фотография сделана к 57-летию художника, т.е. в 1926/27 гг. Очевидно, во время поездки в Пекин в 1926 г. В. М. Алексеев встретился с Чжаном и договорился о продолжении сотрудничества.

Опись 1 / дело 481: Детский театр на современном лубке. Лубочные изображения сцен из китайского детского театра (5 шт.) и пояснения к ним Чжан Хаожу. Лубок и автограф Чжан Хаожу. 1928. 9 л.

Картинки и письмо помещены в конверт, адрес на котором написан рукой самого В. М. Алексеева. Скорее всего, бывший ученик оставил *сяньшиэну* несколько таких конвертов, и в течение нескольких лет получал от него письма:

Альбом картин. Театр. Малые форматы (нешифрованные) из присылки 張浩如 10.3.27.

Образцы современного 迴文詩². Письмо 章浩如 от 10.5.27.

章維漢 о 財神³-е в письме ко мне, получ. 9 апр. 1928 г.

章活如 о 城隍⁴-е в письме ко мне, полученном 9 апр. 1928 г.

Опись 4 / дело 140: Объяснения Чжан Бинь-ханя к японскому каталогу сюжетов китайской живописи. Рукопись сяньшэна с пометами В. М. Алексеева. 1906–1909. 221 л.

Работы Чжана Хаожу, в основном каллиграфические свитки, до сих пор можно найти на интернет-аукционах старого китайского искусства.

В новом издании дневников В. М. Алексеева «В старом Китае» воспроизведена фотография *сяньшэна* Лю Дабэня (劉大本)⁵, запись в Картотеке свидетельствует, что снимок сделан самим В. М. Алексеевым:

Мои негативы 301–5. Сяньшэн 劉大本 .

---

¹ 中国木板年画集成. 俄罗斯藏品卷. 北京: 中华书局, 2009. 第 451页.

² *Хуйэньши*, палиндром.

³ Цай-шэнь, бог богатства.

⁴ Чэнь-хуан, божество города.

⁵ Алексеев В. М. В старом Китае. М.: Восточная литература, 2012. С. 199.

Этот *сяньшэнь* охарактеризован в Картотеке как «переводчик-поэт».

Имена четырех *сяньшэнь*ов, о которых было рассказано выше, Мэн Сицзюэ, Тун Чжэньюя, Чжан Хаожу и Лю Дабэня, наиболее часто встречаются в бумагах В. М. Алексеева. М. В. Баньковская сообщает, что «В дневнике постоянно упоминаются имена *сяньшэнь*а Ши Ши-чана и художника (судя по всему, ремесленника) Чжан Хао-жу. Ши Ши-чан — спутник Алексеева в рейдах по книжным лавкам и по народным театрам... Чжан Хао-жу — помощник по добыванию книг, народных картин и почтовой бумаги»¹. В архивной описи и в Синологической картотеке имя Ши Ши-чана не упомянуто ни разу, а Чжан Хаожу встречается постоянно!

Можно упомянуть также человека, которого В. М. Алексеев называет «Консульским *сяньшэнь*ом» Чэнь Чжу 陳洙, из Шанхая. Он, очевидно, и сам сочинял стихи, и консультировал В. М. Алексеева:

Сочинения Шанхайского сяньшэньа в консульстве.

Перестановка из 古文 (по моему поручению Б. А. Васильев через Шанхайского сяньшэньа).

Эта запись относится к середине 20-х годов, времени дипломатической службы Б. А. Васильева.

Вернувшись на родину и начав преподавать, В. М. Алексеев не только использовал материалы, подготовленные китайскими учителями, но и пытался найти в Ленинграде носителей китайского языка, способных преподавать в соответствии с разработанной методикой. Этих людей В. М. Алексеев именует уже не *сяньшэнь*ами, а лекторами.

Практику обязательного приглашения на лекции, читающиеся европейскими профессорами, образованного носителя языка, в задачи которого входило озвучивать и толковать китайские тексты, В. М. Алексеев заимствовал у своего французского учителя Э. Шаванна. Отбор в лекторы В. М. Алексеев проводил весьма строго: много разных личностей стремились выдать себя за подлинных носителей китайской культуры:

Прошение (китайца) Торопова о принятии его лектором (забраковано).

Лекторы разрабатывали план преподавания, который утверждался самим В. М. Алексеевым и соответствующими структурами:

План преподавания лектором 傳明 (Чжуань Мин, неустановленное лицо).

---

¹ Баньковская М. В. Василий Михайлович Алексеев и Китай. С. 196.

Программа лектора 曹精华¹ для ЛИЛИР. Рассмотрена на совете кафедры ЛИЛИ 4.12.1930.

Программа занятий лектора китайского языка в ЛГИЛИ, принятая собранием совета кафедры китайской филологии 14 ноября 1930 г.

Задание лектору Вельгусу³ на весну 1948 г.

Опись 1 / дело 740: Особая программа экзамена по китайскому языку для студента 1 курса и преподавателя ЛГУ Виктора Андреевича Вельгуса. Автограф. 5 марта 1949 г. 2 л.

Занятия с лектором должны были научить студентов понимать китайскую речь на слух. Отношения с лекторами-китайцами нельзя было назвать простыми: китайцы стремились к самостоятельности и не хотели следовать строгим инструкциям, делающим их своего рода живым словарем. Но были и счастливые исключения. «Опись личных карточек профессорско-преподавательского состава ЛГУ» за 1920–1940-е гг. содержит сведения о Бадархо Ульдзуй Тянь-Шановиче⁴, родившемся в 1903 г. в Урге, монголе по национальности, крестьянине-скотоводе по происхождению, окончившем Пекинский университет в 1925 г., заступившем на должность «лектора китайского языка» 15 декабря 1927 г. Для этого человека В. М. Алексеев разработал методику привлечения народной картины к чтению лекций: «Я, например, в совместных занятиях с Ульдзуй Бадархо уже видел реальные плоды работы; жаль, что не удался наш договор составить учебник. Если бы мы его составили, то это был бы отличный учебник для преподавания китайского языка: китайская картина с разговором на китайском языке о китайских предметах, и европейская картина с разговором на китайском языке о европейских предметах — соединение конкретного с абстрактным и дальнейшие ассимиляции»⁵.

---

¹ Цао Цзинхуа (1897–1987) — переводчик русской и советской литературы, писатель. В разные годы учился и преподавал в СССР.

² Ленинградский историко-лингвистический институт, создан в 1930 г. в результате реформирования гуманитарных факультетов ЛГУ.

³ Виктор Андреевич Вельгус (1922–1980). С шести лет жил в Китае, в семье приемного отца-китайца, получил традиционное китайское образование. В 1948 г. вернулся в СССР, одновременно учился и преподавал в ЛГУ.

⁴ Ульдзуй Бадархо [Личная карточка, 1920е?] ОА СПбГУ. Ф. 1. Л. 54. URL: http://history.museums.spbu.ru/files/Arhivnaya_kollekciya/Lichnie_kartochki/54.pdf (дата обращения: 23.07.2019).

⁵ Алексеев В. М. О методических достижениях китайского отделения Ленинградского Восточного института за 11 лет // Алексеев В. М. Наука о Востоке. Статьи и документы. М.: ГРВЛ, 1982. С. 238.

Народные картины для занятий с лектором (совместных).

Улцзей Батрхо — Преподавание наглядным методом на картинах.

Мой курс (Вост. инст.) с лектором (Улцзей Батрхо) лекторского совместного преподавания разговорного языка в записи т. Кравцовой¹.

Что было с этим человеком после 1930 г., доподлинно не известно.

Неопубликованные архивные материалы В. М. Алексеева хранят много свидетельств об его отношениях с китайскими учителями. Записи позволяют восстановить имена учителей, в том числе в оригинальном написании, что позволяет проследить судьбы этих людей по китайским источникам. Становится очевидным, что методику, которую В. М. Алексеев разработал для того, чтобы самому учиться у китайских учителей, он в усовершенствованном виде применял для обучения своих студентов.

Рукописи китайских учителей В. М. Алексеева являются богатейшим и уникальным материалом, описывающим язык, историю, религию и народные верования китайского народа, его искусство, особенно народное. Записи *сяньшэнов* часто дополняются комментариями самого академика. Цель данной статьи — объединить имеющиеся сведения о документах *сяньшэнов*, хранящихся в различных учреждениях Санкт-Петербурга, чтобы облегчить поиски будущим исследователям. Чем больше этих документов, надлежащим образом обработанных, будет введено в научный оборот, тем больше будет в нашем распоряжении данных о различных аспектах традиционной китайской культуры, полученных из достоверных источников.

Список литературы

1. 中国木板年画集成. 俄罗斯藏品卷. 北京: 中华书局, 2009. Чжунго мубань няньхуа цзичэн. Элосы пинь цзюань. [Свод китайской ксилографической гравюры няньхуа. Произведения из российских собраний]. Пекин, 2009. 548 с.: ил.
2. Chinesische Neujahrsbilder / Text und Auswahl Maria Rudova. Leningrad: Aurora-Kunstverlag, 1988. 224 p., ill.
3. Алексеев В. М. Автобиография китаеведа, доцента Петроградского университета, младшего ученого хранителя Азиатского музея Академии наук Василия Михайловича Алексева // Алексеев В. М. Наука о Востоке. Статьи и документы. М.: ГРВЛ, 1982. С. 266–270.
4. Алексеев В. М. Бессмертные двойники и даос с золотой жабой в свите бога богатства (Исследование в области китайского фольклора) // Алексеев В. М. Китайская народная картина. Духовная жизнь старого Китая в народных изображениях. М.: ГРВЛ, 1966. 258 с. С. 172–206.

¹ В. М. Алексеев просил студентов делать подробные записи лекций, своих и чужих, хранил и использовал эти конспекты, записей об этом много в Картотеке.

5. Алексеев В. М. В старом Китае. Дневники путешествия 1907 г. М.: Издательство восточной литературы, 1958. 312 с. (Русские путешественники в странах Востока); Алексеев В. М. В старом Китае. 2-е изд., испр. и доп. М.: Восточная литература, 2012. 509 с.

6. Алексеев В. М. Китайская народная картина. Духовная жизнь старого Китая в народных изображениях. М.: ГРВЛ, 1966. 258 с., ил.

7. Алексеев В. М. Нумизматическая коллекция Богдохана Цянь Луна. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1906. Отдельный оттиск из Записок Нумизматического Отделения Императорского Русского Археологического Общества, том I. 22 с., 1 фототаблица.

8. Алексеев В. М. О методических достижениях Китайского отделения Ленинградского Восточного института за 11 лет // Алексеев В. М. Наука о Востоке. Статьи и документы. М.: ГРВЛ, 1982. 530 с. С. 218–241.

9. Алексеев В. М. Описание китайских монетовидных амулетов и благожелательных медалей из коллекции Императорского Эрмитажа. СПб., 1912. Отдельный оттиск из Записок Восточного Отделения Императорского Русского Археологического Общества. Т. XXI. 51 стр., 8 таблиц.

10. Алексеев В. М. Письма к Эдуарду Шаванну и Полю Пеллио / сост. И. Э. Циперович. СПб.: Петербургское востоковедение, 1998. 230 с. (Архив российского востоковедения).

11. Алексеев В. М. Рабочая библиография китаиста. Книга руководств для изучающих язык и культуру Китая. СПб.: БАН; Альфарет, 2010. 502 с.

12. Алексеев В. М. Результаты фонетических наблюдений над пекинским диалектом (1906–1909) // *Известия Императорской Академии наук*. 1910. Серия VI, второй полутом. С. 935–942.

13. Алексеев В. М. Русский аспирант-китаист в начале XX в. (1902–1909) // Алексеев В. М. Наука о Востоке. Статьи и документы. М.: ГРВЛ, 1982. 534 с. С. 295–301.

14. Алексеев В. М. Три отчета о пребывании в Китае в 1906–1909 гг. // Алексеев В. М. Наука о Востоке. Статьи и документы. М.: ГРВЛ, 1982. 534 с. С. 271–280.

15. Баньковская М. В. Василий Михайлович Алексеев и Китай: книга об отце. М.: Восточная литература, 2010. 487 с.

16. Васильев Борис Александрович // Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период (1917–1991) / изд. подгот. Я. В. Васильков, М. Ю. Сорокина. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. 496 с. (Социальная история отечественной науки о Востоке). URL: <http://memory.pvost.org/pages/vasilievba.html> (дата обращения: 15.08.2019).

17. Виноградова Т. И. Записки В. М. Алексеева о работе над Ляо Чжаем в «Синологической картотеке» ученого // Сборник материалов VII Международной научной конференции «Проблемы литератур Дальнего Востока». СПб.: Студия НП-Принт, 2016. Т. 2. С. 105–114.

18. Виноградова Т. И. Мир как «представление»: китайская литературная иллюстрация. СПб: БАН; Альфарет, 2012. 328 с., ил.

19. Китайская народная картина няньхуа из собрания Государственного Эрмитажа: каталог выставки. СПб.: Славия, 2003. 285 с., ил. цв.

20. Коллекция китайской народной картины из собрания академика В. М. Алексеева из фондов Государственного музея истории религии. URL: <http://alekseev-collection.gmir.ru> (дата обращения: 05.08.2019).

21. Рифтин Б. Л. О китайском лубке и его русских собирателях // Редкие китайские народные картины из советских собраний. Ленинград: Аврора; Пекин: Народное искусство, 1991. 206 с., ил. С. 1–20.

22. Спешнев Н. А. В. М. Алексеев как фонетист // Литература и культура Китая: сборник статей к 90-летию со дня рождения академика В. М. Алексеева. М.: ГРБЛ, 1972. С. 67–72.

23. СПФ АРАН, фонд 820. Алексеев Василий Михайлович, (1881–1951), филолог, китаист, академик АН. URL: <http://www.isaran.ru/?q=ru/fund&guid=C567F2F3-EA55-8464-72A0-B50765609FC6&ida=2&str=алексеев в.м.> (дата обращения: 05.08.2019).

24. Терюкова Е. А., Завидовская Е. А. Академик В. М. Алексеев и Музей истории религии (Из истории создания экспозиции по истории религий Китая и формирования китайской коллекции ГМИР) // *Труды Государственного музея истории религии*. Вып. 15. СПб., 2015. С. 78–104

25. Терюкова Е. А., Завидовская Е. А., Хижняк О. С. В. М. Алексеев о методах исследования китайской народной картины // *Труды Государственного музея истории религии*. Вып. 16. СПб., 2016. С. 106–124.

26. Терюкова Е. А., Завидовская Е. А. К вопросу о методах исследования китайской народной картины (по материалам коллекции академика В. М. Алексеева из собрания ГМИР) // *Религиоведение*. 2016. № 3. С. 63–69.

27. Ульцзуй Батархо [Личная карточка, 1920е?] ОА СПбГУ. Ф. 1. Л. 54 // URL: http://history.museums.spbu.ru/files/Arhivnaya_kollekciya/Lichnie_kartochki/54.pdf (дата обращения: 23.07.2019).

References

1. Alekseev V. M. Avtobiografiya kitaaveda, dotsenta Petrogradskogo universiteta, mladshogo uchenogo hranitelya Aziatskogo muzeya Akademii nauk Vasiliya Mihaylovicha Alekseeva // Alekseev V. M. Nauka o Vostoke. Stat' i dokumenty. [Alekseev V. M. Autobiography of a Sinologist, Associate Professor of Petrograd University, Junior Curator of the Asian Museum of the Academy of Sciences // The Study of the Orient. Papers and Documents]. Moscow, 1982. (In Russian).

2. Alekseev V. M. Bessmertniye dvoyniki i daos s zolotoy zhaboy v svite boga bogatstva (Issledovanie v oblasti kitayskogo fol'klora) // Alekseev V. M. Kitayskaya narodnaya kartina. Duhovnaya zhizn' starogo Kitaya v narodnykh izobrazheniyah. [Immortal twins and Taoist with a golden toad in the escort of the God of Wealth (Chinese folklore

study) // Alekseev V. M. Chinese popular prints. The spiritual life of old China in folk images]. Moscow, 1966. (In Russian).

3. Alekseev V. M. Kitayskaya narodnaya kartina. Duhovnaya zhizn' starogo Kitaya v narodnykh izobrazheniyah. [Chinese popular prints. The spiritual life of old China in folk images]. Moscow, 1966. (In Russian).

4. Alekseev V. M. Numizmaticheskaya kolleksiya Bogdohana Cyan' Luna. [Numismatic collection of the Emperor Ch'ien Lung]. St Petersburg, 1906. (In Russian).

5. Alekseev V. M. O metodicheskikh dostizheniyah Kitayskogo otdeleniya Leningradskogo Vostochnogo instituta za 11 let // Alekseev V. M. Nauka o Vostoke. Stat'i i dokumenty. [On the methodological achievements of the Chinese branch of the Leningrad Oriental Institute for 11 years // Alekseev V. M. The Study of the Orient. Papers and Documents]. Moscow, 1982. (In Russian).

6. Alekseev V. M. Opisanie kitayskikh monetovidnykh amuletov i blagozhelatel'nykh medaley iz kolleksii Imperatorskogo Ermitazha. [Alekseev V. M. Description of Chinese coin-like amulets and talismanic medals in the collection of the Imperial Hermitage]. Reprinted from *Transactions of the Oriental Section of the Imperial Russian Archeological Society*. Vol. XXI. St Petersburg, 1912. (In Russian).

7. Alekseev V. M. Pis'ma k Eduardu Shavannu i Polyu Pellio. [Letters to Edward Chavannes and Paul Pelliot]. St Petersburg, 1998. (In Russian).

8. Alekseev V. M. Rabochaya bibliografiya kitaista. Kniga rukovodstv dlya izuchayuschih yazyk i kul'turu Kitaya. [Sinologist's Working Bibliography. Chinese Language and Culture Manual]. St Petersburg, 2010. (In Russian).

9. Alekseev V. M. Rezul'taty foneticheskikh nablyudeniy nad pekinskim dialektom (1906–1909) // Izvestiya Imperatorskoy Akademii nauk. [The results of phonetic observations of the Beijing dialect (1906–1909) // Proceedings of the Imperial Academy of Sciences]. 1910. Ser. VI, Pt. 2. P. 935–942. (In Russian).

10. Alekseev V. M. Russkiy aspirant-kitaist v nachale XX v. (1902–1909) // Alekseev V. M. Nauka o Vostoke. Stat'i i dokumenty. [A Russian postgraduate in Chinese studies at the beginning of the XX C. (1902–1909) // The Studies of the Orient. Papers and Documents]. Moscow, 1982. 534 p. P. 295–301. (In Russian).

11. Alekseev V. M. Tri otcheta o prebyvanii v Kitae v 1906–1909 gg. // Alekseev V. M. Nauka o Vostoke. Stat'i i dokumenty. [Three reports on my stay in China in 1906–1909 // The Studies of the Orient. Papers and Documents]. Moscow, 1982. 534 p. P. 271–280. (In Russian).

12. Alekseev V. M. V starom Kitae. Dnevnik puteshestviya 1907 g. [In old China. Travel Diaries of 1907]. Moscow, 1958; 2012. (In Russian).

13. Ban'kovskaya M. V. Vasiliy Mihaylovich Alekseev i Kitay: kniga ob otce. [Vasily Mikhailovich Alekseev and China: A Book about my Father]. Moscow, 2010. (In Russian).

14. Chinesische Neujahrsbilder / Text und Auswahl Maria Rudova. Leningrad: Aurora-Kunstverlag, 1988. [Chinese Popular Prints].

15. Kitayskaya narodnaya kartina *nyan'hua* iz sobraniya Gosudarstvennogo Ermitazha. Katalog vystavki. [Chinese popular prints *nianhua* from the collection of the State Hermitage. Exhibition catalogue]. St Petersburg, 2003. (In Russian).

16. Kolleksiya kitayskoy narodnoy kartiny iz sobraniya akademika V. M. Alekseeva iz fondov Gosudarstvennogo muzeya istorii religii. [Academician V. M. Alekseev's Collection of the Chinese popular woodblock prints from the State Museum of the History of Religion]. URL: <http://alekseev-collection.gmir.ru> (accessed 05.08.2019). (In Russian).

17. Riftin B. L. O kitayskom lubke i ego russkikh sobiratelyah // Redkie kitayskie narodnye kartiny iz sovetских sobraniy. [Chinese Lubok and its Russian Collectors // Rare Chinese Folk Paintings from Soviet Collections]. Leningrad; Beijing, 1981. (In Russian).

18. Speshnev N. A. V. M. Alekseev kak fonetist // Literatura i kul'tura Kitaya. [V. M. Alekseev as a Phonetician]. Moscow, 1972. (In Russian).

19. SPF ARAN, fond 820. Alekseev Vasilii Mihaylovich (1881–1951), filolog, kitaist, akademik AN SSSR. [St Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences, Fund 820. Alekseev Vasilii Mihaylovich (1881–1951), Philologist, Sinologist, Academician].

20. Teryukova E. A., Zavidovskaya E. A. Akademik V. M. Alekseev i Muzey istorii religii (Iz istorii sozdaniya ekspozitsii po istorii religiy Kitaya i formirovaniya kitayskoy kollektssii GMIR) // *Trudy Gosudarstvennogo muzeya istorii religii*. [Academician V. M. Alekseev and the Museum of the History of Religion: From the History of Creating an Exposition on the History of Religions of China and the Formation of the Chinese Collection of the State Museum of Religion // *Proceedings of the State Museum of the History of Religion*]. 2015. 15. (In Russian).

21. Teryukova E. A., Zavidovskaya E. A., Hizhnyak O. S. V. M. Alekseev o metodah issledovaniya kitayskoy narodnoy kartiny // *Trudy Gosudarstvennogo muzeya istorii religii*. 2016. 16. [V. M. Alekseev on Methods for the Study of Chinese Popular Prints // *Proceedings of the State Museum of the History of Religion*]. (In Russian).

22. Teryukova E. A., Zavidovskaya E. A. K voprosu o metodah issledovaniya kitayskoy narodnoy kartiny (po materialam kollekcii akademika V. M. Alekseeva iz sobraniya GMIR). [On Methods for the Study of Chinese Popular Prints (Based on the Materials of the Collection of Academician V. M. Alekseev from the State Museum of the History of Religion)] // *Religiovedenie*. 2016. № 3. (In Russian).

23. Ul'tsuzj Batarho (Lichnaya kartochka, 1920-e?). [Ulzuy Batarkho's personal card, 1920s?]. St Petersburg University Archive. Fund 1. List 54. URL: http://history.museums.spbu.ru/files/Arhivnaya_kollekciya/Lichnie_kartochki/54.pdf (accessed 23.07.2019).

24. Vasil'ev Boris Aleksandrovich // Lyudi i sud'by. Biobibliograficheskiy slovar' vostokovedov — zherty politicheskogo terrora v sovetskiy period (1917–1991). [Vasiliev Boris Alexandrovich // People and destinies. Bibliographic Dictionary of Orientalists — Victims of Political Terror in the Soviet Period (1917–1991)]. St Petersburg, 2003. (In Russian).

25. Vinogradova T. I. Zapiski V. M. Alekseeva o rabote nad Lyao Zhaem v “Sinologicheskoy kartoteke” uchenogo // *Problemy literatur Dal'nego Vostoka*. 2016. [Academician

V. M. Alekseev's Notes about his Liao Zhai Translations in the Scholar's "Sinological File-Cabinet" // 7th International Conference «Issues of Far Eastern Literatures». 2016]. T. 2. P. 105–114. St Petersburg, 2016. (In Russian).

26. Vinogradova T. I. Mir kak «predstavlenie»: kitayskaya literaturnaya illyustratsiya. [The world as a "performance": Chinese Literature Illustration]. St Petersburg, 2012. (In Russian).

27. Zhongguo muban nianhua jicheng. Eluosi cang pinjuan. Beijing, 2009. [Corpus of Chinese wood cut New Year pictures. Russian collection]. (In Chinese).

Author's information

Tatiana I. Vinogradova

PhD (History), Head of Oriental Publications Department, Russian Academy of Sciences Library

1, Birzhevaya Liniya, St Petersburg, 199034, Russia

E-mail: ptat-vinogradova2008@yandex.ru

Информация об авторе

Виноградова Татьяна Игоревна

кандидат исторических наук, зав. Отделом литературы стран Азии и Африки, Библиотека Российской академии наук

РФ, 199034, Санкт-Петербург, В. О., Биржевая линия, д. 1.

E-mail: ptat-vinogradova2008@yandex.ru

Elena Voytishak, Georgy Osipov, Eva-Maria Salikhova
(Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia)

Chinese Manuscript of the X Century “Dispute of Tea and Wine” from the “Dunhuang Library”: Historic Survey and Textual Peculiarities

Summary: The Chinese manuscript of the X century “Dispute of Tea and Wine” (茶酒論 “Cha jiu lun”) by a scribe and scholar Wang Fu (王敷), was discovered in the early XX century in the Mogao cave complex 莫高窟 near Dunhuang city of the Gansu province. It has long attracted the attention of scholars, since it fits well into the context of complex studies of historical sources found along the routes of the Great Silk Road.

The Dunhuang complex is known for its unique collection of manuscripts and xylographs, the so-called “Dunhuang Library”. The discovered materials provide important information on history, geography, religion, economics, ethnography, linguistics, literature, art and science of China’s “western states” and Central Asia, from the time of the Northern Dynasties (386–581) to the Northern Song Dynasty (X–XII centuries). These documents also contain Taoist, Buddhist and Confucian philosophical works.

After “Dunhuang Library” was discovered, thousands of manuscripts and Buddhist relics were taken away, and they are now dispersed throughout museums and libraries of 14 countries. The original version of “Dispute of Tea and Wine” manuscript was among the manuscripts taken by the famous French sinologist Paul Pelliot (1878–1945). “Dispute of Tea and Wine” is a small and quite witty text, written in the form of a dispute between the two sides about the role, functions and merits of each drink. The text contains a brief summary of this dispute concluded by a graceful third participant — Water, which brings the disputants together. This work is written in a popular genre of Buddhist parables 變文 *bianwen*.

Currently, the text of the “Dispute of Tea and Wine” is known in six copies. The authors of this article based their translation on the original manuscript from Bibliothèque National de France (Ms. “Pelliot fonds chinois 2718”) and have provided a translation with the necessary historical and philological commentaries. This is the first and currently the only full English translation of the manuscript.

Keywords: Dunhuang; Dunhuang library; Chinese manuscripts; “Dispute of Tea and Wine”; Buddhism.

Войтишек Е. Э., Осипов Г. В., Салихова Е.-М. И.
(Новосибирский ГУ, Новосибирск, РФ)

Китайская рукопись X в. «Спор Чая и Вина» из «Дуньхуанской библиотеки»: исторический обзор и текстуальные особенности

Аннотация: Китайская рукопись X в. «Спор Чая и Вина» (茶酒論 «Ча цзю лунь») ученого- книжника по имени Ван Фу (王敷), обнаруженная в начале XX в. в пещерном комплексе Могаоку 莫高窟 близ г. Дуньхуан в провинции Ганьсу, давно привлекает внимание специалистов, поскольку изучение этого манускрипта вписывается в контекст комплексных исследований исторических памятников, расположенных вдоль Великого шелкового пути. Комплекс Могаоку, также известный как Дуньхуанские пещеры 敦煌石窟 *дуньхуан шику* (или Пещеры тысячи будд 千佛洞 *цянь фо дун*), получил всемирную известность не только благодаря настенным росписям и статуям IV–XIV вв., сохранившимся в 492 пещерах, но также из-за уникального по величине и ценности собрания древних манускриптов и ксилографов на разных языках, получившего название «Дуньхуанской библиотеки» (敦煌藏經洞 *дуньхуан цзанциндун*). Документы содержат многочисленные сведения по истории, географии, религии, экономике, этнографии, лингвистике, литературе, искусству, науке и технике Китая и «западных государств» Центральной Азии со времени Северных династий (386–581) до эпохи Северной Сун (X–XII вв.), а также произведения даосской, буддийской и конфуцианской философской мысли.

Из «Дуньхуанской библиотеки» были вывезены тысячи манускриптов и реликвий, которые в настоящее время рассредоточены по музеям и библиотекам 14 стран. Рукопись на китайском языке «Спор Чая и Вина» попала в число манускриптов, вывезенных известным французским синологом П. Пельо (1878–1945).

«Спор Чая и Вина» — небольшой и весьма остроумный текст примерно в тысячу иероглифов, построенный в форме спора двух сторон о роли, функциях и достоинствах каждого напитка. В тексте приводится краткое изложение этого спора, изящно завершаемого еще одним участником — Водой, которая и примиряет спорщиков. Произведение написано в популярном жанре буддийских притч 變文 *бяньвэнь*.

В настоящее время рукопись произведения известна в шести списках, четыре из которых хранятся в Фонде П. Пельо в Национальной библиотеке Франции (Bibliothèque national de France) в Париже, а два — в Британском музее (British Museum) в Лондоне. Перевод памятника выполнен авторами статьи по оригинальному списку произведения из Национальной библиотеки Франции («Pelliot fonds chinois 2718») с привлечением реконструированного текста оригинала, сопровождается необходимым историко-филологическим комментарием и является первой полной версией на английском языке.

Ключевые слова: Дуньхуан; Дуньхуанская библиотека; китайские рукописи; «Спор Чая и Вина»; буддизм.

The X century Chinese manuscript “Dispute of Tea and Wine” (茶酒論 “Cha jiu lun”), was discovered in the early XX century in the Mogao Cave complex near Dunhuang. It has long attracted the attention of specialists, since the study of this manuscript fits into the general context of studies of historical manuscripts along the routes of the Great Silk Road, as well as a number of modern projects, including the large-scale “One Belt One Road” initiative¹.

The Mogao complex 莫高窟 “Low caves” (the name first appears in a manuscript dated VI century AD), also known as the Dunhuang caves 敦煌石窟 *dunhuang shiku* (or “The Caves of the Thousand Buddhas” 千佛洞 *qian fo dong*), located 25 kilometers southeast of the modern city of Dunhuang, the center of a county of the same name of the Gansu province. This complex is one of the most famous Buddhist cave monasteries in the world². In 1961, it was included in the register of especially important cultural monuments of China, and in 1987 was listed as a UNESCO world cultural heritage site. The complex, uniting 735 grottos stretching almost 1000 meters along the mountain slope, has gained international fame not only because of its IV–XIV centuries wall paintings and statues preserved in 492 caves, but also for its unique, in magnitude and value, collection of ancient manuscripts and xylographs in different languages, which has been named “Dunhuang Library”.

The discovered materials of secular and religious nature mutually complementing each other, provide important findings that make it possible to trace the influence of trade, political and cultural ties on the ideology of the early Middle Ages in Central Asia.

The history of the study of the Dunhuang Library begins in 1900, when Taoist monk Wang Yuanlu, while sweeping sand in the corridor in Cave № 16, accidentally discovered a secret vault full of rolls and stacked manuscripts and xylographs, as well as paintings drawn on paper and silk³. The “Dunhuang Library” cave (Mogao Cave № 17) was

¹ Presently, scientists from all over the world are engaged in researching the Dunhuang materials within the framework of a large-scale international project, the International Dunhuang Project, established in 1994 with the goal of cataloguing, studying and preserving manuscripts and other relics found in Dunhuang.

The authors express their deep gratitude to Chinese colleagues: Prof. Cai Keda (蔡克大), graduate students Su Wenbo (蘇文博) and Wang Xiangsong (王祥松) from Xinjiang Institute of Ecology and Geography of Chinese Academy of Sciences (Urumqi), and Prof. Altan Bordzhigid (阿拉騰嘎日嘎) from Inner Mongolia University for the Nationalities (Tongliao), for the organization of field research to Dunhuang (Mogao caves) in October 2017 and assistance in preparing this publication.

² Menshikov L. N. Iz opyta faksimilnyh izdaniy rukopisey iz Dunhuana [On the experience of facsimile publishing of manuscripts from Dunhuang]. Leningrad, 1981. P. 173.

³ As it was later found out, the oldest text can be credited to 405 AD, and the latest to 1002 AD. A large amount of texts are written in Chinese, but there are also materials in Sanskrit, Tibetan, Hotan, Sogdian, Uyghur, and Kuchar languages. The documents

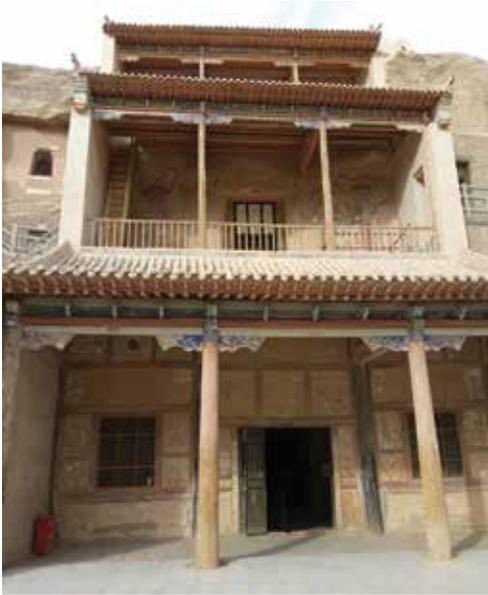

Fig. 1a. Entrance to cave № 16–17, where the “Dunhuang Library” was discovered in 1900

originally intended for the meditation of the famous monk Hongbian (?–862), who headed the Buddhist community in Shazhou (now Dunhuang) during the Tang dynasty¹. After the death of Hongbian, this small cave in the northern wall of the corridor of cave № 16, was devoted to his memory by relatives and students by putting up a very realistic statue of the monk and installing a stone slab. In the XI century, monks of the Mogao caves gathered thousands of manuscripts and drawings made on silk and paper that had been accumulated over many years into this particular cave and buried the entrance to it, hiding trace of the treasures’ resting place by covering the newly erected wall with paintings. Since its sensational discovery almost

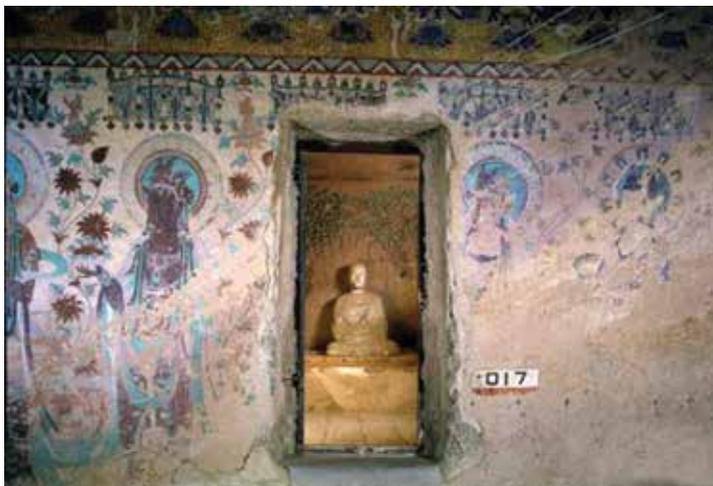
900 years later, it has become known as the “library of the Mogao Caves” (莫高窟藏經洞 *mogaoku zangjingdong*) or the “Dunhuang Library” (敦煌藏經洞 *dunhuang zangjingdong*) and opened a completely unique world to researchers.

Regarding the question of why the documents and relics were so reliably hidden, scholars put forward two main hypotheses. According to the first of them, the monks hid the treasures before leaving the monastery for an extended period of time, for unknown reasons. According to another hypothesis, the monks hid these documents and sacred relics because of the dangers associated with military conflicts, nomadic raids, and trade caravans traveling along the routes of the Great

---

contain numerous data on history, geography, religion, economics, ethnography, linguistics, literature, art, science and technology of China and the “Western states” of Central Asia from the time of the Northern dynasties (386–581) to the Northern Song era, as well as Taoist, Buddhist and Confucian philosophical thought (Ahmetshin N. H. Tayny Shelkovogo puti [The mysteries of the Silk Road]. Moscow: Veche, 2002. P. 383; Dmitriev S. V. Peshherniy kompleks Dunhuan. Istoriya i izuchenie [The cave complex of Dunhuang. History and study] // *The East. Afro-Asian societies: history and modernity*. 2011, № 4. P. 108).

¹ He was appointed as Chief Buddhist Priest in the region of the Hexi Corridor after the successful uprising of Zhang Yichao against the power of the Tibetan rulers in 848. See: Ahmetshin N. H. Tayny Shelkovogo puti. P. 75.

Fig. 1b. Monument to monk Hongbian in Cave № 16 where manuscripts were sealed in for 900 years, including a manuscript of the work “Dispute of Tea and Wine” (materials from E. Voytishkek’s trip to the Mogao caves in October 2017)

Silk Road, as this town was situated on a well-known crossroad of two major trade routes within the network.

Indeed, if the latter theory is true, the monks’ fears were confirmed several centuries later to a certain extent. Immediately after monk Wang Yuanlu’s discovery of the cave, some of the manuscripts and paintings were selected by him and gifted to the military command in Suzhou (now Jiuquan). He also repeatedly presented separate manuscripts to various official departments and officials of Dunhuang. These actions marked the beginning of subsequent dramatic events related to the dispersal and loss of some of the most valuable treasures of the Dunhuang collection.

Despite the March 1904 order by the Gansu province government and the mayor of Dunhuang Wang Zonghan, stating the immediate need to take stock and check the collection of the cave containing the library, monk Wang Yuanlu, who was appointed to guard, take stock and seal its contents, could not fully fulfill his duty. In 1907, he sold 20,000 manuscripts and drawings on silk and paper to British archaeologist Sir Aurel Marc Stein¹ for next to nothing, and then over 10,000 manuscripts and

¹ Sir Marc Aurel Stein (1862–1943), a British archaeologist of Hungarian origin undertook four expeditions to Central Asia. In 1907, he traveled to the Mogao caves, when he learned about the library. He persuaded monk Wang to sell him 24 boxes of manuscripts and 5 boxes of illustrations drawn on silk and paper for an extremely low price. During his third expedition to China in 1914, Stein returned to Dunhuang and bought another 500 manuscripts from the monk. Currently, the documents are stored in the British Museum, the

paintings to the famous French sinologist Paul Pelliot¹, who arrived to the Mogao caves in 1908. Later, other expeditions followed: the Russian expeditions in 1914–1915 of Sergey Oldenburg (1863–1934)², the Japanese expeditions of 1908–1909 and 1910–1914 organized by Ootani Kouzui (大谷光瑞, 1876–1948), the American expeditions in 1922–1924 led by Langdon Warner (1881–1955), and many others³.

As for the Chinese manuscript “Dispute of Tea and Wine”, by will of fate, it fell into the collection of manuscripts, most probably taken by either A. Stein or P. Pelliot. There are currently six known copies, four of which are kept in the P. Pelliot Foundation in the National Library of France (Bibliothèque nationale de France) in Paris, and two in the British Museum in London⁴.

The original text (scroll 原卷 *yuan-juan* numbered under “Pelliot fonds chinois 2718”, or 伯2718) from the P. Pelliot Foundation is accompanied by two comments — one in the form of a title, the other in the form of a conclusion:

- (1) 鄉貢進士王敷撰 *xianggong jinshi wang fu zhuàn*
“Written by official-*jinshi* named Wang Fu”⁵;

British Library, the Indian Office Library in London and the National Museum in New Delhi in India (information from the Dunhuang Library 敦煌藏經洞陳列館, October 2017).

¹ The head of the French expedition in Central Asia, Paul Pelliot (1878–1945), fluent in the Chinese language, not only studied the collection of documents, but also numbered the caves in the Mogao complex, transcribed inscriptions and photographed wall paintings. Today his documents and reports are located in the National Library of France and in the Guimet Museum of Asian Art in Paris (information from the Dunhuang Library 敦煌藏經洞陳列館, October 2017).

² The work of outstanding Russian orientalist and public figure academician S.F. Oldenburg regarding the study of the Dunhuang Library materials is continued by the staff of the Institute of Oriental Manuscripts of the RAS in St Petersburg, whose director Prof. I. F. Popova oversees the work of Russian scientists in the field of Dunhuang studies.

³ Currently, the Dunhuang manuscripts, documents and relics are located in museums, libraries and research centers of 13 other countries and regions (United Kingdom, France, Germany, Russia, Denmark, Sweden, Finland, Turkey, Japan, India, Republic of Korea, United States of America, and Taiwan). In China, the treasures of Dunhuang are spread over 35 museums, libraries and temples of Beijing, Shanghai, Tianjin, Chongqing, Nanjing, Dunhuang, and Hong Kong; they can be found in the museums and libraries of the provinces of Liaoning, Shandong, Sichuan, Anhui, Zhejiang, Guangdong, Gansu (information from the Mogao exposition, October 2017).

⁴ These copies are numbered as follows. A scroll with the original text 原卷 *yuan-juan* (伯2718, or the Bo collection, i.e. Paul Pelliot 保羅·伯希和) and copies numbered in order of cyclic characters: scroll 1 (甲卷 *jia-juan* / 伯 2875), scroll 2 (乙卷 *yi-juan* / 伯 2972), scroll 3 (丙卷 *bing-juan* / 伯 3910), scroll 4 (丁卷 *ding-juan* / 斯 406, or the Si collection i.e. Aurel Stein 奧賴爾·斯坦因), scroll 5 (戊卷 *wu-juan* / 斯 5774).

⁵ 鄉貢進士 *xianggong jinshi* (“contribution of the province”) is a high rank of a scribe scholar from local counties and regions. It could only be earned by one over the course of successfully passing examination tests. Successful scientists from the provinces as such were recommended to serve at the court in the Tang dynasty (VII–X centuries).

Fig. 2. The original manuscript of “Dispute of Tea and Wine” (茶酒論 “Cha jiu lun”) from the National Library of France (“Pelliot fonds chinois 2718”)

(2) 開寶三年壬申歲正月十四日知術院弟子閻海真自手書記

kai bao sannian renshensui zhengyue shisiri zhishuyuan dizi yanhaizhen zishou shuji

“Personally written down by low-rank employee Yan Haizhen of the “Zhishuyuan” office on the 14th day of the 1st month of the *ren-shen* year, the 3rd year of the Kai-bao era”¹.

Very little information is known about the life and activity of the author of the work Wang Fu 王敷. It is likely that he was an official in the county government of Youzhou, recommended for service at the court². In the opinion of Prof. Yu Xiaohong from Anhui Normal University, such scholar scribes, officials, as well as monks of temples, by rewriting and distributing texts (often containing Buddhist content), were the ones who formed the unique prose-poetic genre 變文 *bianwen*, popular among the people, who were the main consumers of such stories. Such educational stories in the *bianwen* genre served not only as a means of teaching and entertainment, but also reflected the everyday mass culture of the Tang dynasty and the period of the Five Dynasties (907–960)³.

¹ The year 開寶三年 (the third year of the Kai-bao era) corresponds to the year 970. Kai-bao (968–976) is the motto of the emperor Tai-zu of the North Song dynasty (960–1127). The year 壬申 *ren-shen* according to the cyclic calendar is the 5th year of the Kai-bao era, subsequently, it falls on the year 972. In any case, there is a clear discrepancy — the text was written either in 970 or in 972. It is difficult to interpret the notion of 知術院 *zhishuyuan* (“institution in charge of science and art”). Based on the opinion of Prof. Yu Xiaohong, these were state governments created to control people of the arts such as artists and painters. Most likely, these were departments whose official apparatus regulated by the activities of those whose occupation presupposed relative freedom of creativity. See: Yu Xiaohong. About the *bianwen* genre as a record of Buddhist stories / 俞曉紅。論變文是俗講的書錄本。溫州師範學院學報 (哲學社會科學版). *Journal of Wenzhou Normal College*. 2006, Vol. 27, № 4. P. 56–60 / Online database of scientific articles and dissertations published in China cnki.net. URL: <http://kns.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbcode=CJFQ&dbname=CJFD2006&filename=WZSF200604011&v=MTEzMjZZUzdEaDFUM3FUcldNMUZYQ1VSTETmWnVSckZ5M2hVYnZJTWpmWWFMRzRIIdGZNcTQ5RVpZUjhlWDFMdXg=> (accessed 15.07.2019).

² Whether Wang Fu started his service is unknown.

³ With regard to the genre definition of the given work, there are several points of view. However, most researchers believe that the text is written in the 變文 *bianwen* genre — a hybrid of poetic-prosaic genre of Buddhist character, but with social content (Zhong Shulin. Justification of the literary style of the Dunhuang manuscript “Dispute of Tea and Wine” / 鐘書林。敦煌寫本《茶酒論》文體考論 / Online database of scientific articles and dissertations published in China cnki.net. URL: <http://kns.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbcode=CJFQ&dbname=CJFD2011&filename=LSGL201107013&v=MTMzNDN-MdXhZUZdEaDFUM3FUcldNMUZYQ1VSTETmWnVSckZ5SGhVN3JMS1Q3TVlyRz-RIOURNcUk5RV0UjhlWDE=> (accessed 10.07.2019)).

“Dispute of Tea and Wine” is a short and quite witty text consisting of 1035 characters¹, written in the form of a dispute between the two sides about the role, functions and merits of each drink. The text contains a brief summary of this dispute, by a graceful third participant — Water, which brings the disputants together.

In this work, we can distinguish three conventional parts: the introduction, the actual dialogue between the personified characters — Tea and Wine, and the conclusion in the form of the final speech made by Water. Of course, the liveliest part of this work is the middle content; the dispute between Tea and Wine², where both parties glorify their role in history, recall their achievements while at the same time belittle the opponent’s value in a verbal duel, at times in taunting and caustic terms. Tea and Wine controvert among themselves, mainly in five aspects - about the place they occupy in history, about how great their role and influence is in general culture, their social functions, purpose and economic value.

In this dispute, the arguments of each drink are vivid and convincing. Although a relative balance is achieved over the course of the five rounds of verbal duel, it is still possible to assume that, before the arrival of Water, based on logic, Tea is the ultimate victor. This seems far from accidental, since among the works of the Tang dynasty when Buddhism was experiencing its heyday, there were many references associated with praising tea as a drink, which was consumed by monks during meditation, as well as dispraising the act of wine drinking. Ancient rituals connected with the cult of ancestors and sacrificial rites dictated the choice of wine as a sacred drink, but with the spread of Buddhism, tea as an important element of Buddhist practices quickly gained recognition in various layers of society, becoming wine’s direct competitor. Therefore this contradiction is reflected within the issues discussed in “Dispute of Tea and Wine”, which is imbued with a rather strong Buddhist worldview. In this case, it is hardly worth talking about the diametrical opposites of the disputants: Taoist doctrines about a bipolar structure of the world are supposed to be embedded within the given conflict. With the third participant of the dispute — Water, which alleviates the hidden and obvious contradictions, a synthesis of two antitheses is achieved and with it, a long-awaited conclusion of harmony.

The text, full of literary allusions and references to historical precedents, which testifies to the author’s undoubted erudition, is written with the use of rhyme and elements of the elegant pair style of rhythmic prose 駢文 *pianwen*, where the phrases of four and six characters play in pairs.

---

¹ The actual text itself contains 988 characters.

² The text gives no explanations about the exact kind of tea and wine being presented. It simply contains generalized images of two main characters.

When translating the work into English, two versions of the text in Chinese were used: the digitized original copy of 原卷 *yuan-juan* from the P. Pelliot Foundation, full of errors, inaccurate usage, various blots, as well as a text reconstructed by Chinese researchers, correcting semantic errors and misprints¹.

This circumstance revealed various issues during the course of translation. First of all, understanding the original text of the X century, inscribed in the classical written language 文言 *wenyan* makes it difficult to avoid punctuation, which in turn makes it very difficult to understand the division of the text, its structure and basic stylistic features. It would seem that during the reconstruction of the content, the work of Chinese researchers included a stage connected with the identification of the semantic and grammatical boundaries of sentences, and their designation of suitable punctuation.

Presumably, the discrepancy between the original and the reconstructed text consisted of three aspects: the replacement of one character with another based on the same sound (for example, 教 *jiao* and 交 *jiao*); replacing one character for another on the basis of a mismatch of signs on the key, which could have been due to either a conscious choice or human error by the author or copyist of the text (for example, in the copy 原卷 *yuan-juan* character 杭 is replaced with 坑); the addition or absence of certain characters based on semantic content.

The following translation of “Dispute of Tea and Wine” was based on the original manuscript from the National Library of France (Ms. “Pelliot fonds chinois 2718”), though other manuscripts and previous translations were taken into account.² The translation is accompanied by the necessary historical and philological commentaries.

¹ For an example of the text reconstructed by Chinese researchers, see: Fu Jinquan. Study of “Dispute of Tea and Wine” / 傅金泉。喜讀茶酒論 / Online database of scientific articles and dissertations published in China cnki.net. URL: <http://kns.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbcode=CJFQ&dbname=CJFD2001&filename=NJKJ200106037&v=MDAzODg3RG-gxVDNxVHJXTTFGckNVUkxLZlp1UnJGeUhuVmIvQUt5ZkFaTEc0SHRETXFZOudZN-FI4ZVgxTHV4WVM=> (accessed 03.07.2019).

² Namely, the French version of the manuscript’s translation, the materials of the Musée national des Arts Asiatiques-Guimet in Paris, as well as Elena Voytishek’s Russian translation. See: Wang Fu. 茶酒論. Dialogue du thé et du vin. Avant-propos de Tseng Yu Hui et Gil Delannoï. Paris: Berg-International, 2013; Voytishek E. E. Spor Chaya i Vina [The Dispute of Tea and Wine]. *Oriental Collection*. 2015. № 1 (60). P. 19–27; Voytishek E. E., Osipov G. V. Kitaiskaya rukopis’ X veka “Spor Chaya I Vina” kak odno iz otkrytiy “Dunhuanskoi biblioteki” [Chinese manuscript of the 10th century “Dispute of Tea and Wine” discovered in “Dunhuang’s library”] // *Vestnik of NSU (Novosibirsk)*. 2018. Vol. 17, № 4. P. 75–92.

茶酒論 “Cha jiu lun” Dispute of Tea and Wine

序 Introduction

竊見神農¹曾嘗百草，五穀²從此得分。

In my humble opinion, by the time Shen Nong had tried one hundred herbs, five cereals were already known.

軒轅³制其衣服⁴，流傳教示後人。

Xuan Yuan created clothing, and transferred [this knowledge] to teach future generations.

倉頡⁵致其文字，孔丘闡化儒倫。

Cang Jie invented writing, Kong-zi (Confucius) taught his teachings.

---

¹ In Chinese mythology, the beginning of farming is associated with the name of the Divine farmer and the wise ruler Shen Nong 神農. He is credited with creating the “Shen Nong Treatise about Roots and Herbs” manuscript, which is one of four classical treatises about Chinese medicine.

² The term 五穀 *wugu* is translated as “five cereals”. Cereals, which have long been a long standing staple in the diet of the Chinese people, were designated differently in ancient written manuscripts: “Panicgrass, millet, sorghum, wheat and rice” (周禮 “Zhou li”); “Rice, panicgrass, millet, wheat and legumes” (孟子 “Meng-zi”); “Panicgrass, sorghum, hemp, wheat and legumes” (漢書 “Han-shu”). It would seem that the discrepancy is due to the fact that before the Han era, the concept of “five cereals” did not include rice, since it was grown in areas south of the Huanghe river basin, the cradle of Chinese civilization (cit.: Song Zhenhao. *Wugu, liugu yu jiugu — tantan jiaguwen zhong de gulei zuowu* [宋鎮豪。五穀、六谷與九谷—談談甲骨文中的穀類作物]. Five cereals, six cereals and nine cereals. Let's talk about the grain crops depicted at the inscriptions of jiaguwen. *Zhongguo lishi wenwu*, 2002. P. 2).

³ This refers to the Yellow Emperor Huang-di 黃帝, a cultural hero of Chinese mythology. He was revered as the deity of Earth, as well as one of the patrons of medicine. It is believed that the family surname Huang-di was Gunsun, and his name Xuan Yuan (from 軒 *xuan* — “railing around the chariot platform” and 轅 *yuan* “drawbar”). It is possible that this name fixates an exploit of Huang-di — inventing the chariot.

⁴ The legendary Empress and wife of the Yellow Emperor Leizu 嫫祖 is attributed with the honor of discovering the properties of silkworms, the invention of silk fabrics and the organization of sericulture. Leizu has been long revered as 蠶神 *canshen* (the goddess master of silkworms) (Riftin B. L. Huan-di // Mify narodov mira [Huang-di // Myths of the World] / Ed. by S. A. Tokarev. Moscow, 1988. P. 605–606).

⁵ The cultural hero of Chinese mythology Cang Jie 倉頡, an associate of Huang-di, had four eyes — a symbol of special perspicacity. Legend has it that having penetrated into the deep meaning of the tracks of birds and animals, he invented hieroglyphic writing. In later legends, Cang Jie is declared a hero who completed the work of Shen Nong of determining the medicinal properties of plants.

不可從頭細說，撮其樞要之陳。

As it is impossible to elaborate everything in detail, I will summarize and present the fundamental [points].

暫問茶之與酒，兩個誰有功勳？

Today [I] asked Tea and Wine, which is most meritorious?

阿誰即合卑小，阿誰即合稱尊？

Which one occupies a modest place, and who is worthy of their [honorable] name?

今日各須立理，強者先光飾一門¹。

Today, each must present their reason, and the strongest [victor] will decorate the gates of their house.

Round 1

茶乃出來言曰：諸人莫鬧，聽說些些。

Tea appears and says: People: quieten down, listen a little.

百草之首，萬木之花，貴之取蕊，重之摘芽，呼之茗草，號之作茶。

[I] — the prime of one hundred herbs, the [first] flower among ten thousand trees, the most expensive of the collected pistils and buds, [they call me] the famous plant, or Tea.

貢五侯²宅，奉帝王家³，時新獻入，一世榮華。

[I am] presented to the houses of nobility and to the imperial court of the Emperor. When [I am] brought in fresh, [I] bring glory, splendor and prosperity for life.

---

¹ It is likely that here, the traditional custom of decorating the entrance of a building with pairs of benevolent inscriptions is assumed. Topics about the world of feelings or great desires, various aphorisms, historical events, descriptions of landscapes, criticism and satire, competitions of wit and cunningness and others were found within the content of these pairs of inscriptions (Gu Xiangyang. *Zhongguo duilianxue yanjiu* (谷向陽。中國對聯學研究). [The study of the Chinese paired inscriptions]. Beijing daxue xuebao, chuxiao chubanshe, 1998. P. 127). It can be assumed that after a victory in various competitions, similar inscriptions may have also been posted.

² The term 五侯 *wuhou* literally translates as «five princes», meaning aristocracy in a broader sense.

³ Because of the folds and abrasions in the original text of 原卷 *yuan-juan* it is difficult to reconstruct two characters: 王 *wang* and 家 *jia*.

自然尊貴，何用論誇？

My nobility is obvious; why boast and praise it?

酒乃出來曰：可笑詞說！自古至今，茶賤酒貴。

Wine appears and says: What ridiculous words! Since ancient times, tea is cheap, yet wine — expensive.

單醪投河，三軍告醉。君王飲之，呼叫萬歲，群臣飲之，賜卿無畏。

Just one [cup] of wine poured into a river, [can make] three armies drunk. Sovereigns who wish to live a long life drink wine, ministers drink wine, and [their speech] becomes [more] bold.

和死定生，神明歆氣。

[Upon] deciding [the fate of man between] life or death, the Gods turn to the fragrance [of wine].

酒食向人，終無惡意，有酒有令¹，禮智仁義^{2 3}。

Food of the people, wine has never had bad intentions towards people. Where there was wine, there was a “wine order”. [Wine shows four virtues:] ritual, wisdom, humanity, justice.

自合稱尊，何勞比類！

My position is so high, it is useless to continue comparing.

Round 2

茶謂酒曰：阿你不聞道。

Tea addresses Wine: Yet you do not heed the voice of reason.

---

¹ The expression 有酒有令 *you jiu you ling* refers to the 酒令 *jiuling* (“wine/drinking order”) entertainment complex, formed within Chinese culture in ancient times. The orders and rules of *jiulin* as a special kind of drinking games 酒戲 *jiuxi* regulated the process of wine drinking at banquets and meetings. Games and rituals of the “wine order” in China meant cultural leisure of both a democratic character (using bones, cubes, tags, chips, throwing arrows in a jug, etc.), as well as of a highly elite one, which required a deep knowledge of the classical philosophical and literary heritage. In many of these assignment “orders” famous poetic masterpieces, citations from ancient canons and historical and philosophical manuscripts, names of song motifs, plots of famous dramas, sayings from the official calendar and so on were used.

² The expression 禮智仁義 *li zhi ren yi* means four out of five Confucian virtues: 禮 (禮) *li* — “ceremony”, “etiquette”; 智 *zhi* — “wisdom”, “mind”, “knowledge”; 仁 *ren* — “humanity”; 義 (義) *yi* — “duty”, “justice”.

³ In the original text, the given phrase is written as 人義禮之智 *ren yi li zhi zhi*, it is possible that the character 之 *zhi* was added in error.

浮梁歙州¹，萬國來求，蜀山蒙頂²，騎山驀嶺³。

[Tea merchants] of ten thousand countries aspire to Fuliang [that is] in Xizhou, crossing the mountain ranges of Mengding [that rise] in Shu.

舒城太湖⁴，買婢買奴。

[Tea merchants] in the city of Shucheng near Lake Taihu buy slaves.

越郡余杭⁵，金帛為囊。

[In the town of] Yuhang, [that is] in Yuejun, gold and silk [are measured] in bags.

素紫天子⁷，人間亦少，商客來求，舡車塞紹。

[Tea] with purple buds is as noble as the Son of Heaven, [among people it] is very rare. Merchants and guests all arrive [for a taste], boats and wagons block [roads and canals].

據此縱由，阿誰合小？

If we proceed from these reasons, then who is less significant?

酒謂茶曰：阿你不聞道：

Wine addresses Tea: You do not heed the voice of reason:

---

¹ The geographical understanding of 浮梁歙州 is the county of Fuliang, Xizhou district (Jiansu province), traditionally a tea growing area in China. Historically, the Fuliang county had a reputation as a “source of porcelain” and the “hometown of tea”.

² *Mengding* tea (or *mengshan* tea) was one of the most popular types of tea of the Tang and Song dynasties, well known in the history of tea culture.

³ A stable phraseological combination (*chengyu*) 騎山驀嶺 *qi shan mo ling* literally means “to ride horseback over the mountains”, “passing over the mountain ranges”.

⁴ The Shucheng county (now Anhui province) is also traditionally a tea growing area in China. The production and trade of tea play an important role in the development of the economy of this region. The main type of tea grown here is the “Shucheng small orchid” (*shucheng xiao lanhua*) (Li Meng. Shucheng xian cha chanye fazhan SWOT fenxi (李夢. 舒城縣茶產業發展SWOT分析). [SWOT analysis of the tea industry development in Shucheng county]. Anhui caijing daxue jingji xueyuan, 2015. P. 71).

⁵ The Yuhang district is located in the northern part of the modern city of Hangzhou. The district has long been famous for its “fertile land rich in fish and rice”. Hangzhou plays the role of a traditional sericulture center in China.

⁶ In the original text, the character 杭 *hang* (the abbreviated name of the modern city of Hangzhou) is mistakenly replaced by the symbol 坑 *keng*.

⁷ Potentially, the tea type being referred to is 紫芽 *ziya* (“purple kidneys”), a rare and expensive kind of Pu'er tea of natural or artificial fermentation, made from tea leaves of various shades of purple gathered from the upper branches of a tea bush. Tea from purple kidneys in this case is compared with the merits of the emperor, which is rarely found in a commoner's possession.

劑酒¹乾和²，博錦博羅。

Medicinal wine of Qianhe is exchanged for brocade and silk.

蒲桃九醞³，於身有潤。

Jiuyun fruit wine is beneficial for health.

玉液瓊漿⁴，仙人杯觴⁵。

[Wine is] jade moisture and divine nectar, [which] the immortals drink goblet after goblet.

菊花竹葉，君王交接。

[Wine] with chrysanthemum flowers and bamboo leaves is available [only] to the emperor.

中山趙母⁶，甘甜美苦。

[Wine made by] Zhao Mu from Zhongshan, [perfectly combines] bitterness, and sweetness.

---

¹ The terms 劑酒 *jiji* (酒劑 *jiuji*) are translated as “infusion”, which in a broad sense can mean medicinal wines or herbal mixtures, widely used in traditional folk medicine.

² Here the name 乾和 *qianhe* is a kind of wine into which water was not added, since all the moisture was extracted from the grapes. Medicinal wines of *jiju* and *chienhe* were so refined that they could be exchanged for the best silk and the most noble brocade.

³ The name 九醞 *jiuyun* (“fermented nine times”) is used to identify the variety of wine, the process during which several fermentation cycles are carried out, resulting in the wine acquiring special useful properties and taste qualities. This refers to the aromatic fruit wine made from 蒲桃 *putao* — “pink apple” (*Syzygium jambos*. (L.) Alston).

⁴ In the original text this phrase is written as 玉酒瓊漿 *yujiu qionggjiang* “wine of immortality, the divine drink”. In addition, between the third and fourth characters there is a character that cannot be recognized (this is most likely an error).

⁵ 杯觴 *beishang* goblets (or “winged cups” 羽觴 *yushang*) — a kind of special feasting utensils, characterized by the presence of two oval handles (ears) attached to the body, by which the vessel was held with both hands during the wine drinking ritual. The Chinese “wine culture” (酒文化 *jiu wenhua*) meant the production of various alcoholic drinks for different types of feasts and the formation of a system of rites and rituals designed to ensure the welfare of the whole state and a separate family.

⁶ Referring to the mother of commander 趙括 Zhao Kuo from the kingdom of Zhao, which, according to the information from “Shi-ji” (史記) of Sima Qian, in 260 BC led the 450,000-strong army to ultimate death in a battle against the troops of the Qin kingdom under Changping.

一醉三年，流傳千古¹。

One drink and you will stay drunk for three years. [This story] has been passed down for a long time.

禮讓鄉閭，調和軍府²。

Rituals [with wine operate] in villages, they reconcile the army with the government.

阿你頭惱，不須幹努。

You [I see] are concerned, but do not try in vain [to look for extra reasons].

Round 3

茶謂酒曰：我之茗草，萬木之心，或白如玉，或黃似金³。

Tea addresses Wine: I am a famous plant, the most important of ten thousand trees, [I can be] as white as jade, or as yellow as gold.

名僧大德，幽隱禪林⁴。飲之語話，能去昏沉。

Buddhist mentors, [possessing] the highest virtue, lived in seclusion in temples. Tea during their conversations aided in not losing clarity of mind.

供養彌勒，奉獻觀音。千劫萬劫，諸佛相欽。

[Tea is] presented as a gift to the Buddha Maitreya and the bodhisattva Avalokiteshvara⁶. After thousands of rebirths, all Buddhist deities [still] admire me.

---

¹ This implies the story about the famous poet Liu Ling 劉伶 (221–300), a representative of the poetic community “Seven Wise Men From The Bamboo Grove”, who was particularly addicted to wine. They say he would always have a pitcher of wine with him everywhere he went and even asked to be buried alongside it upon his death. Legend has it that Liu Ling made a bet with Du Kang, the inventor and God of wine. The bet’s terms were that if he drinks the wine prepared by Du Kang and does not get drunk for three years, then the wine will cost him nothing. However, Liu Ling, after drinking three glasses, fell asleep for three years. The story claims that Du Kang visited the Liu Ling family after three years and saved him from the effects of wine.

² The idea that wine helps to resolve situations and conflicts that arise at different levels of society. Through the performance of certain rituals and customs associated with wine drinking during a common feast, villagers and townspeople, government and military officials would settle disputes and reach agreement among themselves.

³ This part refers to how when brewing different types of tea, they give off different colors, ranging from light yellow to dark brown.

⁴ The concept of 禪林 *chanlin* (“the Chan’s grove”) implies Buddhist temples and monasteries, secluded in forest thickets.

⁵ In the original text, the character 佛 *fo* («Buddha», «buddhism») is replaced with character 仏 *fo* containing the same meaning.

⁶ This refers to the Chinese bodhisattva Guanyin.

酒能破家敗宅，廣作邪淫，打卻三盞之後，令人只是罪深。

Wine can destroy families, ruin a home, it sows debauchery and fornication. After three drunk cups [wine] pushes one toward serious sins.

酒謂茶曰：三文一壺，何年得富¹？

Wine addresses Tea: Three coins per kettle! How many years would it take one to get rich?

酒通貴人²，公卿所慕³。

Wine is [closely] connected with the life of aristocrats, dignitaries bow [in admiration].

曾遣趙主彈琴，秦王⁴擊缶⁵。

I happened to make the zither *qin* of the ruler of Zhao entertain and make the Qin ruler play on the *fou* vessels.

不可把茶請歌，不可為茶教⁶舞。

It is impossible after drinking tea to start singing, it is impossible to start dancing after tea!

茶吃只是腰疼，多吃令人患肚，一日打卻十杯，腹脹又同衙鼓。

Tea only leads to back pain. Drink too much — you will suffer from stomach ache. Drink up to ten cups of tea a day, then the stomach will ring like the gong of the central government!

---

¹ Wine blames Tea for being too cheap, saying that it is impossible to get rich quickly by trading cheap tea. Character 文 *wen* denotes a small copper coin with a hole in the middle. During the Tang dynasty, one thousand 文 *wen* coins (a bunch of coins 貫 *guan*) made up one silver 兩 *liang*.

² Wine accompanied all important meetings, rituals and rites of court life of dignitaries and aristocracy.

³ For aristocracy and officials of all ranks, wine was a welcomed attribute of ceremonies. The term 公卿 *gongqing* refers to the entire bureaucratic system of ancient China.

⁴ The mention of how under the influence of wine, rulers of the kingdoms of Zhao and Qin played musical instruments, are repeatedly found in ancient written manuscripts. Wine appeals to the authorities of antiquity and thereby emphasizes its own importance.

⁵ An ancient percussion musical instrument in the form of a clay vessel 缶 *fou* was widely popular in the area of the original Han dynasty, the valley of the Huanghe River. Prior to the Qin era (before 221 BC) it belonged to folk musical instruments, but was later used to perform ceremonial court music.

⁶ In the original text, character 教 *jiao* (“to teach”) is replaced by character 交 *jiao* (“to pass on”, “to force”).

若也服之三年，養蝦蟆得水病¹苦。

If you drink tea for three years, your stomach can start to breed frogs and shrimp, and you will earn a “water disease”.

Round 4

茶謂酒曰：我三十成名，束帶巾櫛，驀海騎²江，來朝今室。

Tea addresses Wine: I became famous at 30 [years], put on my formal dress and [pricked in] a comb, crossed the sea and the river on a horse, and now arrived at court.

將到市廛，安排未畢，人來買之，錢則盈溢。

Having arrived to the market stands, before [the goods] have been laid out, people already flock to buy and money flows like a river.

言下便得富饒，不在後日明朝。

In a word, I quickly grow rich, in just a few days.

阿你酒能昏亂，吃了多饒啾啾，街中羅織平人，脊上少須十七。

And you, Wine, you will cause confusion. Having drunk too much, chatting in vain, insulting passers-by on the street. You will receive 17 [sticks] on the back!

酒謂茶曰：豈不見古人才子，吟詩盡道：渴來一盞，能生養命。

Wine addresses Tea: Can you not see — the talented people of antiquity writing poems, said: “Having drunk one cup [of wine], one can give birth to life energy”.

又道：酒是消愁藥。

[They] also affirmed: wine is the medicine to dispel sadness.

又道：酒能養賢。

Also [they] said: wine can show talents.

古人糟粕³，今乃流傳。

Wine has come down from ancient times to our days.

---

¹ Potentially the term 水病 *shuibing* (“water sickness”) implies dropsy, an illness in which there is an impairment of fluid metabolism in the human body, which is accompanied by oedema. People of that time associated this with excessive fluid intake — water, or in this case cheap tea.

² In the original text, character 騎 *qi* (“riding horseback”) is replaced with character 其 *qi* (pronoun or a grammatical index).

³ The term 糟粕 *zaopo* (“grounds”, “grains”) is used here as an indication of expensive raw materials (a secondary winemaking product) in the production of alcoholic beverages.

茶賤三文五碗，酒賤盅半七錢¹。

Cheap tea [goes] three coins for five cups, [but] inexpensive wine — seven coins for half a cup.

致酒謝坐，禮讓周旋，國家音樂，本為酒泉^{2 3}。

Gratitude is expressed by presenting wine, performing mutual rituals. In the state music sounds, originally wine is the source [of rituals].

終朝吃你茶水，敢動些些管弦！

If one was to drink tea all day long, then who would undertake playing musical instruments?!

Round 5

茶謂酒曰：阿你不見道：男兒十四五，莫與酒家親⁴。

Tea addresses Wine: You fail to see the point: young people aged 14–15 cannot be related to the wine [merchants'] family.

君不見猩猩，為酒喪其身⁵？

Have you not you heard of the monkey that lost its life because of wine?

阿你即道：茶吃發病，酒吃養賢。

You claim as if tea causes disease, and wine shows talents.

即見道有酒癘酒病，不見道有茶瘋茶顛⁶？

Everyone can see that wine leads to disease, but can [one] say that tea causes madness?

---

¹ Here again, Wine reproaches Tea for its cheapness.

² In the original text, this phrase contains the mistakenly repeated character 泉 quan “source”.

³ This phrase emphasizes the significant role of music in the social life of ancient China, which along with wine and dancing was an integral part of most rites and celebrations at the court of the emperor and in the life of the common people.

⁴ This phrase sounds like a warning to young people not to marry the daughter of an innkeeper or a wine merchant — perhaps in order to shield young men from the temptation of excessive consumption of wine.

⁵ This implies a popular moralizing parable about two monkeys who, with their immoderate passion for wine, killed all their relatives. The author of this parable is the famous teacher and literary scholar Liu Yuanqing (1544–1609).

⁶ This part uses the artistic technique of paired constructions: the phrase consists of two expressions with the same number of characters, eight characters each. The author intentionally uses parallel constructions of words, achieving maximum emotional effect.

阿闍世王為酒殺父害母¹，劉伶為酒一死三年²。

[Indian] ruler Adjatashatru under the influence of wine killed his father and mother, Liu Ling was drunk to death [on wine] for three years.

吃了張眉豎眼，怒鬥宣拳。狀上只言粗豪酒醉，不曾有茶醉相言³。

After drinking [wine], the eyebrows frown, the eyes bulge, anger sets in, fist fighting ensues. Drunks' speech from wine becomes rude, which does not happen in conversations of those intoxicated by tea.

不免求守杖子，本典索錢。大枷磕頂，背上拋椽。

[A drunkard] cannot escape punishment with sticks, by law they will have to pay a fine. They will put a cangue on their neck [which will] beat them on the head, and [they] will have to carry on [their] back.

便即燒香斷酒，念佛求天，終身不吃，望免迍邐。

[It is best to] immediately burn incense and stop drinking, pray to Buddha and ask Heaven [for mercy], to not drink until your death, hoping for liberation from suffering.

Conclusion

兩家正爭人我，不知水在旁邊。

Thus [Tea and Wine] continued arguing and did not notice Water approaching.

水謂茶酒曰：阿你兩個⁴，何用匆匆？

Water addresses Tea and Wine: Ah both of you, why rush [with conclusions]?

阿誰許你，各擬論功！

Who will believe you? Each [of you] ascribes [yourselves alleged] merit!

言辭相毀，道西說東。

You slander one another, one speaks about the west, the other talks about the east.

---

¹ The conversation is about Indian King Ajatashatru who lived around 493–461 years BC. He took the throne by killing his father Bimbisara. However there is no reliable historical information about the true cause of this atrocity.

² See the above-mentioned story about the poet Liu Ling.

³ The expression 茶醉 *chazui* «intoxication by tea» carries a metaphorical character.

⁴ In the original text of this particular phrase, between characters 阿你 *a ni* and 兩個 *liangge* there are two more characters — 何用 *heyong* meaning “why?”, “to what?” (the addition of these is likely an error).

人生四大，地水火風¹。

In human life there are “four greats”: Earth, Water, Fire, Air.

茶不得水，作何相貌？

Tea without Water, what does it look like?

酒不得水，作甚形容？

Wine without Water, what form does it take?

米曲幹吃，損人腸胃，茶片幹吃，礮破喉嚨。

Eat wine’s raw materials dry — you will tear your stomach and intestines.

Eat dry tea leaves — you will hurt your throat.

萬物²須水，五穀³之宗。

Ten thousand [things] need Water. [Water] is the basis of five cereals.

上應幹象，下順吉凶。

Above [I] am a heavenly sign, below I can bring happiness or misfortune.

江河淮濟⁴，有我即通。

The Yangzi, Huanghe, Huaihe and Jishui rivers, it is I who causes them to flow.

亦能漂蕩天地，亦能涸殺魚龍。

I can flood Heaven and Earth, I can torment fish and dragons with thirst.

堯時⁵九年災跡，只緣我在其中。

In Yao’s time, nine years [people fought] a flood, and I [Water], am one of the causes [of disasters].

---

¹ In China, the expression 四大 *si da* (“the four greats”) has a very wide scope and applies to many areas of culture. In this context, Water indicates that it stands among the four primary elements that form the human world, thereby emphasizing its importance.

² The wording 萬物 *wanwu* literally means “ten thousand items”, but in most cases it translates to “all things”.

³ See the above comment on the term 五穀 *wugu* (“five cereals”).

⁴ The expression 江河淮濟 *jiang he huai ji* implies the notion of 四瀆 *si du* — the four main rivers of ancient China: Yangzi, Huanghe, Huaihe and Jishui which provided water resources and allowed full-fledged agricultural activities within the territory of the ancient states of the Zhanguo period (5th century BC — 221 BC).

⁵ One of the ancient mythical rulers of China, 大禹 *Da Yu* (Great Yu), showed his talents and energy under Emperor Yao when he managed to return the waters that flooded the Earth to their former borders.

感得天下欽奉，萬姓依從。

[Yao] was admired in the Celestial Empire, and ten thousand generations followed.

由自不能說聖，兩個何用爭功？

Even if I cannot call myself sage, then why must you two argue?

從今以後，切須和同，酒店發富，茶坊不窮。

Henceforth live in agreeance and harmony. When the wine shop flourishes, the tea house shall not become poor.

長為兄弟，須得始終。

You must always be like brothers.

若人讀之一本，永世不害酒顛茶瘋。

If people read this poem, they shall never suffer from wine madness or tea insanity.

The Chinese manuscript of the X century “Dispute of Tea and Wine” therefore, by using witty form reflects the roles of two civilized drinks: wine and tea. In the history of world culture, these drinks have long accompanied religious, ritualistic, secular, and even everyday activities of different sectors of society, and served as two of the most important sources of inspiration in literary and artistic creation.

It is significant to note that the two main characters do not aim to personify specific drinks such as wine, vodka, green or black tea, but act as symbolic “alcoholic” and “non-alcoholic” beverages in a metaphorical and spiritual sense. This is undoubtedly indicated by similar texts in Tibetan, Mongolian and Altai traditions, where key antagonists are considered drinks characteristic of national cultures. In this regard, this text can be considered as a civilizational archetype which, even today, is still being produced by modern cultures.

References

1. Ahmetshin N. H. *Tayny Shelkovogo puti* [The mysteries of the Silk Road]. Moscow: Veche, 2002. 416 p. (In Russian). (Ахметшин Н. Х. Тайны Шелкового пути. М.: Вече, 2002. 416 с.).
2. Dmitriev S. V. *Peshherniy kompleks Dunhuan. Istoriya i izuchenie // Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost'* [The cave complex of Dunhuang. History and study // *The East. Afro-Asian societies: history and modernity*]. 2011, № 4. P. 108–115. (Дмитриев С. В. Пещерный комплекс Дуньхуан. История и изучение // *Восток. Afro-Азиатские общества: история и современность*. 2011, № 4. С. 108–115). (In Russian).
3. Fu Jinquan. Study of “Dispute of Tea and Wine” / 傅金泉。喜讀茶酒論 / Online database of scientific articles and dissertations published in China cnki.net. URL: <http://kns.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbcode=CJFQ&dbname=CJFD2001&filename=N>

JKJ200106037&v=MDAzODg3RGgxVDNxVHJXTTFGckNVUkxLZlp1UnJGeUhuVmlvQUt5ZkFaTEc0SHRETxFZOUdZNF14ZVgxTHV4WVM= (accessed 03.07.2019).

4. Gu Xiangyang. Zhongguo duilianxue yanjiu (谷向陽。中國對聯學研究). [The study of the Chinese paired inscriptions]. Beijing daxue xuebao, chuxiao chubanshe, 1998. P. 125–134. (In Chinese).

5. Li Meng. Shucheng xian cha chanye fazhan SWOT fenxi (李夢。舒城縣茶產業發展SWOT分析). [SWOT analysis of the tea industry development in Shucheng county]. Anhui caijing daxue jingji xueyuan, 2015. P. 71–73. (In Chinese).

6. Menshikov L. N. Iz opyta faksimilnyh izdaniy rukopisey iz Dunhuana [On the experience of facsimile publishing of manuscripts from Dunhuang]. Leningrad, 1981. (In Russian). (Меньшиков Л. Н. Из опыта факсимильных изданий рукописей из Дуньхуана. Л.: 1981).

7. Rifting B. L. Huan-di // Mify narodov mira [Huang-di // Myths of the World] / Ed. by S. A. Tokarev Moscow, 1988. P. 605–606. (In Russian). (Рифтин Б. Л. Хуан-ди // Мифы народов мира / Гл. ред. С. А. Токарев. М., 1988. С. 605–606).

8. Song Zhenhao. Wugu, liugu yu jiugu — tantan jiaguwen zhong de gulei zuowu ([鍾豪。五穀、六谷與九谷—談談甲骨文中的穀類作物). [Five cereals, six cereals and nine cereals. Let's talk about the grain crops depicted at the inscriptions of jiaguwen]. Zhongguo lishi wenwu, 2002. P. 61–67. (In Chinese).

9. Voytishk E. E. Spor Chaya i Vina [The Dispute of Tea and Wine]. *Oriental Collection*. 2015. № 1 (60). P. 19–27. (In Russian). (Войтишек Е. Э. Спор Чай и Вина. Восточная коллекция. 2015. № 1 (60). С. 19–27).

10. Voytishk E. E., Osipov G. V. Kitaiskaya rukopis' X veka “Spor Chaya i Vina” kak odno iz otkritiy “Dunhuanskoj biblioteki” [Chinese manuscript of the 10th century “Dispute of Tea and Wine” discovered in “Dunhuang’s library”] // *Vestnik of NSU* (Novosibirsk). 2018. Vol. 17, № 4. P. 75–92. (In Russian). (Войтишек Е. Э., Осипов Г. В. Китайская рукопись X века «Спор Чай и Вина» как одно из открытий «Дуньхуанской библиотеки» // *Вестник НГУ* (Новосибирск). 2018, № 4. С. 75–92).

11. Wang Fu. 茶酒論. Dialogue du thé et du vin. Avant-propos de Tseng Yu Hui et Gil Delannoi. Paris: Berg-International, 2013. 35 p.

12. Yu Xiaohong. About the bianwen genre as a record of Buddhist stories / 俞曉紅。論變文是俗講的書錄本。溫州師範學院學報 (哲學社會科學版) // *Journal of Wenzhou Normal College*. 2006. Vol. 27, № 4. P. 56–60 / Online database of scientific articles and dissertations published in China cnki.net. URL: <http://kns.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbcode=CJFQ&dbname=CJFD2006&filename=WZSF200604011&v=MTExMjZZUzdEaDFUM3FUcldNMUZYQ1VSTETmWnVSckZ5M2hVYnZJTWpmWWFMRzRldGZNCtQ5RVpZUjhlWDFMdXg=> (accessed 15.07.2019).

13. Zhong Shulin. Justification of the literary style of the Dunhuang manuscript “Dispute of Tea and Wine” / 鐘書林。敦煌寫本《茶酒論》文體考論 / Online database of scientific articles and dissertations published in China cnki.net. URL: <http://kns.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbcode=CJFQ&dbname=CJFD2011&filename=LSGL201107013&v=MTMzNDNMdXhZUzdEaDFUM3FUcldNMUZYQ1VSTETmWnVSckZ5S5GhVN3JMS1Q3TVlyRzRIOURNcUk5RVo0UjhlWDE=> (accessed 10.07.2019).

Author's information

Elena E. Voytishek

Doctor of History, Head of the Department of Oriental Studies, Institute for Humanities, Novosibirsk State University

1, Pirogov St., Novosibirsk, 630090, Russia

E-mail: orient@lab.nsu.ru

Georgy V. Osipov

Student, Department of Oriental Studies, Institute for Humanities, Novosibirsk State University

1, Pirogov St., Novosibirsk, 630090, Russia

E-mail: orient@lab.nsu.ru

Eva-Maria I. Salikhova

Editorial Board Member, Academic Journal “Vestnik of Novosibirsk State University” (Series: History, Philology), Oriental Studies issues, Institute for Humanities, Novosibirsk State University

1, Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russia

E-mail: eva-maria12345@gmail.com

Информация об авторах

Войтишек Елена Эдмундовна

доктор исторических наук, зав. кафедрой востоковедения, Гуманитарный институт, Новосибирский государственный университет

РФ, 630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 1

E-mail: orient@lab.nsu.ru

Осипов Георгий Васильевич

студент, кафедра востоковедения, Гуманитарный институт, Новосибирский государственный университет

РФ, 630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 1

E-mail: orient@lab.nsu.ru

Салихова Ева-Мария Игоревна

сотрудник редколлегии научного журнала «Вестник НГУ» (серия: История, филология), выпуск «Востоковедение», Гуманитарный институт, Новосибирский государственный университет

РФ, 630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 1

E-mail: eva-maria12345@gmail.com

*Ekaterina Zavidovskaya (National Tsing Hua University, Taiwan),
Polina Rud (MAE RAS, St Petersburg, Russia)*

The Earliest Chinese Woodblock Prints *Nianhua* in Russia: Historiographical Value of the Academician Leopold I. Schrenk's Collection Housed at the MAE RAS¹

Summary: The Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences (MAE RAS) holds a rich collection of popular Chinese woodblock prints *nianhua* 年畫. Many of these prints have not been properly studied up to the present moment and have not been published before.

The paper focuses on the earliest collection of popular Chinese woodblock prints in Russia, history of their acquisition by the Museum, motifs and artistic features. The pictures from the Fund № 675 came to the museum as a part of the ethnographic collection gathered by academician Leopold Ivanovich Schrenk (Leopold von Schrenck, 1826–1894). They were acquired during his expedition in the Amur region in 1855–1856. All of them were printed at the workshops of the Wuqiang county 武強 in Hebei province, one of the largest woodblock prints production centres in north China along with the centres in Yangliuqing 楊柳青 near Tianjin 天津 and those of Shandong Province 山東. The majority of the images are based on plots of plays belonged to traditional opera genre called Hebei bangzi 河北梆子, of Hebei 河北 and Shanxi 山西 provinces, and widely known classical novels; there are some prints with auspicious symbols.

The article discusses thirteen prints from Schrenk's collection. Almost all these images illustrate plays, oral narratives and novels. The study provides transcripts and translations of the texts on the prints which describe the depicted plots. The article also addresses the issue of history of prints production centres and their trade routes. The authors analyse prints from Wuqiang published in the recent albums and catalogues in Russia and PRC.

Keywords: Chinese woodblock print *nianhua*; Wuqiang county; academician L. I. Schrenk; Chinese collections of the MAE RAS.

---

¹ This publication was supported by the RFFI grant 19–59–52001 MHTa “Trade, Folk Beliefs, Art and Culture on Chinese Traditional Xylographic Pictures from Scantly Studied Collections of Russia and Taiwan.”

Завидовская Е. А. (National Tsing Hua University, Taiwan),
Рудь П. В. (МАЭ РАН, Санкт-Петербург, РФ)

Наиболее ранние китайские народные картины няньхуа в России: историографическая ценность коллекции академика Л. И. Шренка в собрании МАЭ РАН

Аннотация: В собрании МАЭ РАН хранятся китайские народные картины *няньхуа*, переданные в музей академиком Леопольдом Ивановичем Шренком (1826–1894) в 1857 г. Предметы поступили в составе обширной этнографической коллекции по народам Сибири, Монголии, Алтая, Китая и т. д., собранной Л.И.Шренком во время его экспедиции по Амуру. Основная часть картин не была исследована и опубликована ранее.

Статья исследует это возможно одно и самых ранних собраний *няньхуа* в российских музеях, его специфические черты, содержание и мотивы. Все они были произведены в уезде Уцян 武強 провинции Хэбэй 河北, одном из крупнейших центров производства народной картины на севере Китая. Их содержание — это в основном изложение сюжетов традиционной драмы *сицзюй* из провинций Хэбэй и Шаньси 山西, а также других песенно-повествовательных жанров, что указывает на их ярко выраженную повествовательную функцию.

Ключевые слова: китайские ксилографические картины няньхуа; уезд Уцян; академик Л.И. Шренк; китайские коллекции МАЭ РАН.

The collection of the Chinese folk woodblock prints *nianhua* acquired by the academician Leopold Ivanovich Schrenk (1826–1894) was transferred to the museum in 1857. They present a part of a vast collection of ethnographic items belonging to the peoples of Siberia, Mongolia, Altai, China etc. gathered by Schrenk during his expeditions along the Amur River. Judging by the year when the collection was acquired by the museum, we assume that these pictures became one of the first *nianhua* in a Russian museum collection.

According to the archival list of items of the collection No. 675, 25 pictures entered the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography under the following numbers:

33. A picture featuring two women, one of them is holding a baby in her arms.

34. Picture. A woman (fertility goddess?) with an infant in her arms, on a scary beast.

48/23. Twenty-three Chinese woodblock prints on tissue paper-colored pictures, partly of a spiritual and partly of a mundane content. According to the list 35¹, there were 8 pieces under No. 69, but there turned out to be 23. The pictures are of various sizes.

¹ The list No. 35, written in German and attached to the archival list of items of the collection No. 675, was presumably prepared by L. Schrenk.

Some pictures from L. I. Schrenk's fund have prints with names of workshops; specifics of composition and artistic techniques prove that these pictures had been manufactured at the workshops of the Wuqiang county 武强 of Hebei Province, the second largest woodblock print production centre in the north of China after Yangliuqing.

The ethnographic collection was gathered by L. I. Schrenk during his expedition upstream the Amur River and on Sakhalin Island during 1855–1856, where the scholar studied geography, zoology, botany and ethnography of the region¹. It is not known for certain, where and when L. I. Schrenk bought the woodblock prints. It is known that the researcher visited several large villages and Chinese trade stations along the banks of the Amur River as he moved down to the large settlement Aigun (Chinese *aihun* 愛輝, currently a part of Heihe 黑河). The pictures may also have been acquired during visits to the settlements with Chinese population on the Ussuri River (Chinese: *Wusuli jiang* 烏蘇里江)².

In a chapter devoted to Chinese people in the Amur Territory, L. I. Schrenk emphasizes that Chinese people in that region mostly originate from Shanxi Province and they carry out trade and exchange at seasonal trade stations. Chinese vendors lived in Aigun and in the upstream area of the Amur River, they arrived to the stations to trade with local population at certain time periods. We suppose that Shanxi merchants could also bring Wuqiang pictures for sale. Materials on L. I. Schrenk's expedition, including travels around Manchuria, are kept at the Saint Petersburg Subdivision of the RAS Archive (SPb FARAN) and have been insufficiently studied by now³. It should be noted that the woodblock prints we discuss here clearly served for narration purposes addressing uneducated buyers, although they could imply literacy, since they contain short descriptions of scenes and names of people written in Chinese characters. Below we discuss content, composition and motifs of some pictures.

MAE No. 675–48/1 (fig.1), MAE No. 675–48/2 (fig.2)

A pair of vertically oriented matching pictures with auspicious meaning and mirroring composition. Each of the two prints feature women in Han clothes with objects symbolising good wishes, patterns on their clothes also contain symbolic images, even though they do not convey the well-wishing meaning. It is interesting

¹ Reshetov A. M. Leopold Ivanovich Schrenk (k 170-letiyu so dnia rozhdenia) // *Kurier Petrovskoi Kunstkamery* [Leopold Ivanovich Schrenk (on the occasion of 170th anniversary) // *Peter's Kunstkamera Courier*]. St Petersburg, 1997. Iss. 6–7. P. 72–87.

² Schrenk L. I. Ob inorodtsah Amurskogo kraya [On the Indigenous Dwellers of the Amur Region]. St Petersburg, 1883. Vol. 1. P. 58.

³ F. 93, opis 1, storage unit No.6. 1855. Journey to Sakhalin Island and to a Part of Manchuria. 2 notebooks, sheet 116; storage unit No. 7. 1855. Traveling around Various Parts of Manchuria. 4 notebooks, 118 sheets.

Fig. 1. MAE No. 675-48/1

Fig. 2. MAE No. 675-48/2

to note that the objects on these two pictures, including women and well-wishing attributes, have a match. This is especially well seen in clothes patterns, hairstyles and elements of clothes.

On the right picture: the woman on the left is holding a board with Chinese chess *xiangqi* 象棋, whereas the woman on the right is holding two bound picture scrolls *hua* 畫.

On the left picture: the woman on the left is holding a musical instrument *qin* 琴 wrapped in a silk cover, the woman on the right is holding books *shu* 書 in a case. These symbolic objects pronounced together are *qin qi shu hua* 琴棋書畫 implying a wish for the owner to become an educated official or a noble. Nobility was firmly associated with learning, names of the objects mean ‘four arts of a Chinese scholar’ *siyi* 四藝: musical instrument, chess, calligraphy and painting.

MAE No.675–48/3 (fig. 3)

A picture based on the plot of the classic Chinese novel “Water Margin” 水滸傳, representing a vertical image with a composition divided into two parts. There is a title of the picture in the right-hand upper corner: “Song Jiang is dispatching people to act as if offering incense and pacify Wang Can” 宋江差人假辦上香平王千¹. The picture shows two scenes from the novel, there is no numeration or titles of the scenes.

There is a description of the scene in the upper part of the picture: Young warrior Yan Qing 燕青 is shown in disguise of a girl; beside him there is a beautiful maiden warrior Hu Sanniang 扈三娘 (the picture features characters 戶三娘); Song Jiang 宋江 wearing a hat with pheasant feathers and a long imperative tablet is sitting at the table to the left; Li Kui 李奎 is standing in front of him to the right in a combative theatrical pose with a weapon on his shoulder; to the left there is a man in a combative pose with a fan in his right hand, his name is not specified. Poses of two characters reveal connections to stage performance of this story.

The description of the scene in the lower part of the picture: Hu Sanniang is offering a teapot (probably, this is a fragrant incense) to Wang Can (most likely, the name of this character in the novel is Wang Ying 王英), who is sitting at the table laden with food. Another girl, probably, a servant, is pulling away Yan Qing disguised in a woman gown at his sleeve.

This print has no workshop label, its stylistics and colouring enable us to attribute its production to one of the eight large workshops “Dongdaxing laodian” 東大興老店.

We did not manage to find an episode with Yan Qing and Hu Sanniang in the novel “Water Margin”, this scene requires further research, probably, there existed

¹ Both full and simplified characters are used in inscriptions on folk-art pictures under study, which is characteristic of folk epigraphy. In this article, full characters are provided everywhere.

Fig. 3. MAE No.675-48/3

a play of local opera genre based on the novel. For instance, there is a play titled “Hu Sanniang and Wang Ying” 扈三娘與王英, but its plot does not comply with what is shown in the picture.

MAE No.675–48/4 (fig. 4)

A picture on a vertical scroll is based on the plot of a tale about the Luoyang Bridge construction, the upper part of it contains an inscription reading “The Bridge on the Luoyang [Jian] River” 洛陽橋. Apparently, only the left half of the picture survived. There are no captions with the names of the characters or the scene title.

The depicted scene is the following: the centre features the Luoyang Bridge under construction, and along the bridge, a public official is walking under an umbrella. Two girls and a boy are in a boat under the bridge, the girl sitting in the centre of the boat is playing the plucked musical instrument *pipa*, while the other girl and the boy, standing in the stern and front of the boat, are navigating the boat with oars. The bottom of the boat is filled with tied coins and gold ingots. Clouds go up from these characters, which indicates that the musician girl is the Bodhisattva Avalokiteshvara 觀音, the girl with the oar is probably the Jade Maiden Yunü 玉女, the boy is the Gold Boy Jintong 金童, the acolytes of the Bodhisattva. The people are throwing gold ingots and tied coins from the bridge into the river.

In the bottom left corner, there is an impression with the name of the workshop “Ningtaidian” 寧泰店¹.

The depicted story is about the bridge built in the middle of the XI century across the Luoyang Jian River 洛陽江 in the eastern suburb of the city of Quanzhou 泉州, Fujian 福建 Province. The construction was managed by Cai Xiang 蔡襄 (1012–1067), the chief of the Quanzhou prefecture, also a famous calligrapher. A legend about this bridge tells: “Once Cai Xiang discovered that shellfish covered the supports of the bridge, and he devised to use them for reinforcement of the bridge: shellfish could be mashed and turned into a cohesive mass and the bridge spans could be strengthened by it. Suddenly, a strong wind arose above the river and tore all the shellfish off the bridge pillars, stuck it to the spans and fastened them tightly without nails — the bridge became extraordinarily robust. Cai Xiang was astonished; having raised his head, he saw that bodhisattva Guanyin was sitting on a cloud and saying with a smile, “The learned master moved me with his sincere zeal, and I simply made a little trick.” Then she added, “Ten

¹ Several pictures with an impression of the same workshop are kept in the State Hermitage collection. They were provided to the Museum by a private collector in 1983 (No. LT-7879, 1983–1433). These prints express a wish for wealth. Source: online catalogue of the State Hermitage: <http://e-expo.hermitage.ru/iss2/items?info=347308&sa-fund=20&sa-fund-coll=1420515998&sa-category=1257992731> (accessed 14.07.2019).

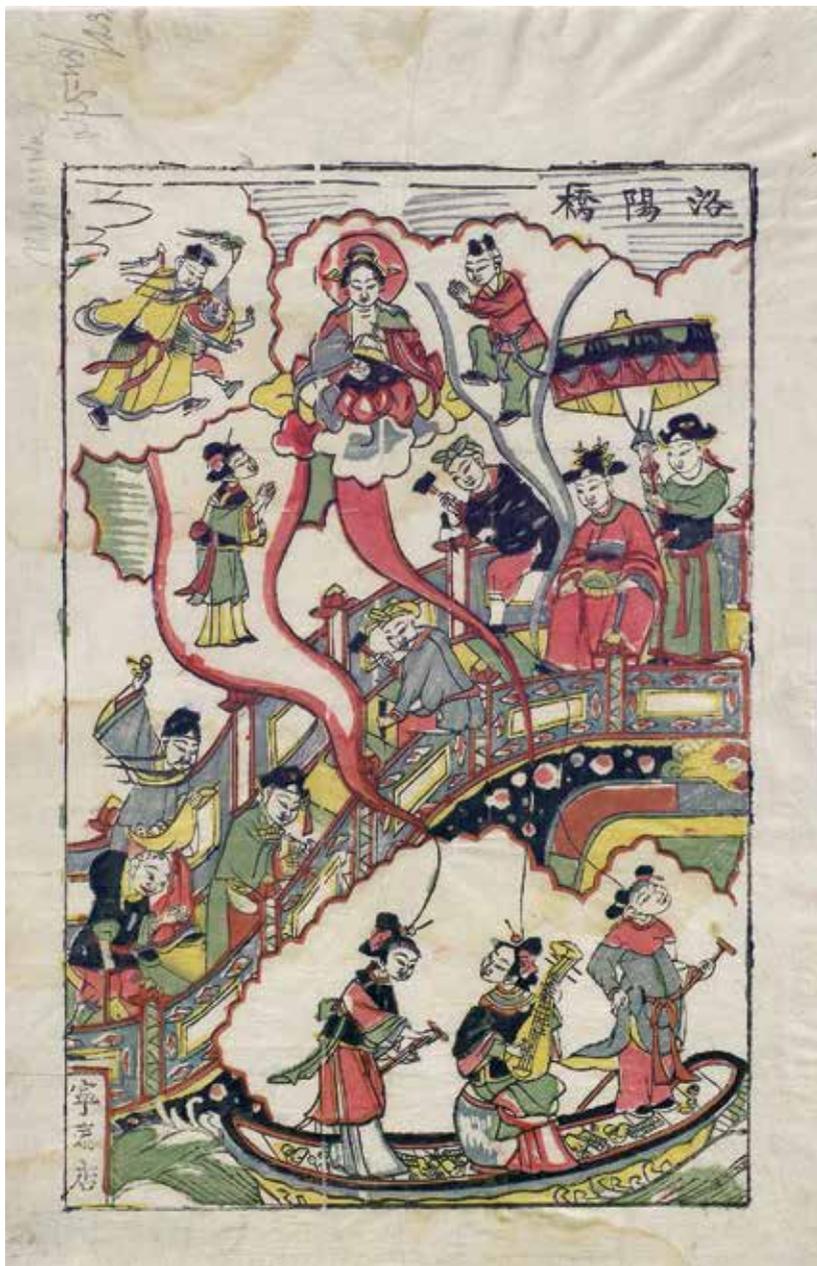

Fig. 4. MAE No.675-48/4

million *liang* of silver has already been spent on construction of this bridge, the treasury has been depleted; I shall help you to raise money, then I shall call the Eight Immortals to aid you in suppressing demons and protect you from future misfortunes.” Then Bodhisattva suddenly turned into a beautiful maiden floating along the Luoyang Jian River in a boat and shouted: “Who will manage to hit me with a coin — that one I shall agree to marry.” People crowded along the two banks of the river, rich and poor, each one trying to outrun the others and throw a coin into her boat. Money fell into the boat, but not a single coin hit the girl. The upset men went away, but a lot of money was gathered and spent on rails, pavilions, and lion figures on the bridge”¹.

The Ningtai Dian 寧泰店 workshop was among the ‘four big houses’ in Wuqiang in the early Qing period (XVII cent.), whereas this woodblock print was produced in the middle of the XIX century. The family that owned the Ningtai workshop leased out the printing equipment in the Nanguan settlement 南關, where there were over a hundred of tables for picture painting, fifty of which were located in the older part of the settlement. In the Shundefu county 順德府 (modern Xingtai 邢台, Hebei Province 河北), Pingshan 平山 and Zhangjiakou 張家口 there were three branches of Ningtai shop each with 30–50 printing tables, whereas the branch in the Inner Mongolia had 10 tables; the number of workers reached 300 persons, the production was all-year-round².

MAE No.675–48/5 (fig. 5)

A horizontally oriented print consisting of two home scenes with compositions mirroring each other.

The description of the scene in the right part of the picture. A woman is standing at the gate of a house with a tobacco pipe in her hand; she is talking to a mender of ceramic utensils, who is situated nearby with his instruments for repair and is boring a hole in a vat with a hand drill.

The upper part of the scenery contains an inscription on the right:

據爐釘角匠，觀看王二娘
意馬拴不住，錘子砸了壩

As soon as the Stove Master saw the Second Lady Wang,
He dropped his hammer and broke a clay pot.

The scene on the left print includes a woman standing at the gate of a house with a tobacco pipe in her hand; she is talking to a vendor selling artificial flowers to

¹ Legend of the Luoyang bridge 洛阳桥. <https://baike.baidu.com/item/洛阳桥/3550436> (accessed 11.07.2019).

² Zhongguo mubanhua jicheng. Wuqiang juan / Ed. Feng Jicai. Beijing, 2009. P. 309.

Fig. 5. MAE No.675–48/5

decorate hair, he is standing near the gate with all his belongings. The inscription says:

小夥寔堪誇，賣的綾絹花，
觀看一達婆，心內似把抓

A lad was touting a hairpin with a flower of silk,
Saw an elderly woman Yida, and felt as if claws of love held on his heart.

We suggest that such couplets were a part of a street folklore. *Nianhua* pictures often feature images of women with a tobacco pipe and a pouch. The pipe and the pouch themselves do not imply any wish of well-being and do not add any symbolism to the picture — these objects gained popularity due to widespread habit of tobacco smoking among the population of Chinese towns in the Qing period. The print of a mender of porcelain ware and ceramic ware is of particular interest, representatives of this trade gained a reputation as quick-witted people, jacks of all trades, even though they belonged to the lowest social strata. These prints have no workshop mark.

MAE No.675–48/6 (fig. 6)

A horizontally oriented picture of an instructive nature, consisting of two scenes with compositions mirroring each other, comparable in style and technique to the MAE No.675–48/5 print.

The scene in the upper part of the picture shows a man aiming an arrow at a bird, a tiger is going down the rock behind him. A serving boy is holding

Fig. 6. MAE No.675–48/6

a slain bird in his arms. The upper part of the scenery contains an inscription on the right:

雙來冤報冤
 來一命還一命雙報
 走一命喪左苦水泉將
 爾彼虎食老虎得食才要
 樹米黃鳥又彼彈打死打鳥人
 旨日螳螂去捕蟬遇著黃鳥落

There will come a couple, it will come in gratitude...
 Life for life with a double reward,
 If one took life — it is a spring with bitter water,
 A tiger eats a tiger only for sustenance,
 An oriole on a tree was hit by an arrow, it was slain by a man
 A mantis hunts for a cicada and falls, running up against an oriole.

This looks like a preachment against killing living beings, as murder can be followed by retribution, this may be a kind of a popular Buddhist sermon.

The scene in the lower part of the picture shows a man with a bow, who has taken a shot at a bird, but the arrow did not hit the bird and is flying edgewise to a dog/wolf; a serving boy is trying to catch an escaping deer.

The left upper part of the scene contains an inscription:

山前麋鹿山後狼兩個結拜在
山上豹狼有難麋鹿救麋鹿
又難自己當箭射鳥騰空
起不射麋鹿只射狼為人要
把狼心使將來落的自
身上

A wolf from behind the mountain and an elk made an agreement
That should the wolf have difficulties, the elk would succour it,
And should the elk have difficulties, it would succour itself;
An arrow was shot at a bird, the bird flew up into the sky.
The man does not want to shoot an elk,
But only a wolf, so that he could get a wolf's heart.

Such rhymed sayings could probably be performed prior to theatre performances or be a cross talk *xiangsheng* 相聲.

MAE No.675–48/10 (fig. 7)

A vertical image depicting a historical scene or a shot of daily life. The upper part contains an inscription “A Picture of the Inspection of Combat Ships Exercises” 演戰船之圖. The upper part of the picture shows construction of fortifications: scaffoldings are being mounted, a wall is being built. In front of the wall, a public official — probably, a fleet inspector — is watching the fight on the water. The lower part of the picture shows five boats with armed people; warriors on two of them are dressed in gowns resembling tiger skins. All warriors are facing right — opponent ships must be located in that direction. Possibly, it shows China before the Opium wars.

The lower part of the picture has a mark of the workshop “Junxingyong ji” 俊興永記.

MAE No. 675–48/11¹, MAE No. 675–48/17 (fig. 8)

A vertical picture depicting a plot of a play or of an oral narration has an inscription in the upper part, “Newly Cut [Picture] about Ding Lang’s Search [for his Father]” 新刻丁郎找. Apparently, only the right part of the picture survived; probably, the full title of the depicted play is “Ding Lang is Searching for His Father» 丁郎找爹. The picture shows seven scenes, each numbered and furnished with a short comment; names of main characters are inscribed selectively.

The translation of the descriptive captions to the scenes:

---

¹ Two collection numbers are provided for a single picture, since both items are copies of the same picture.

Fig. 7. MAE No.675-48/10

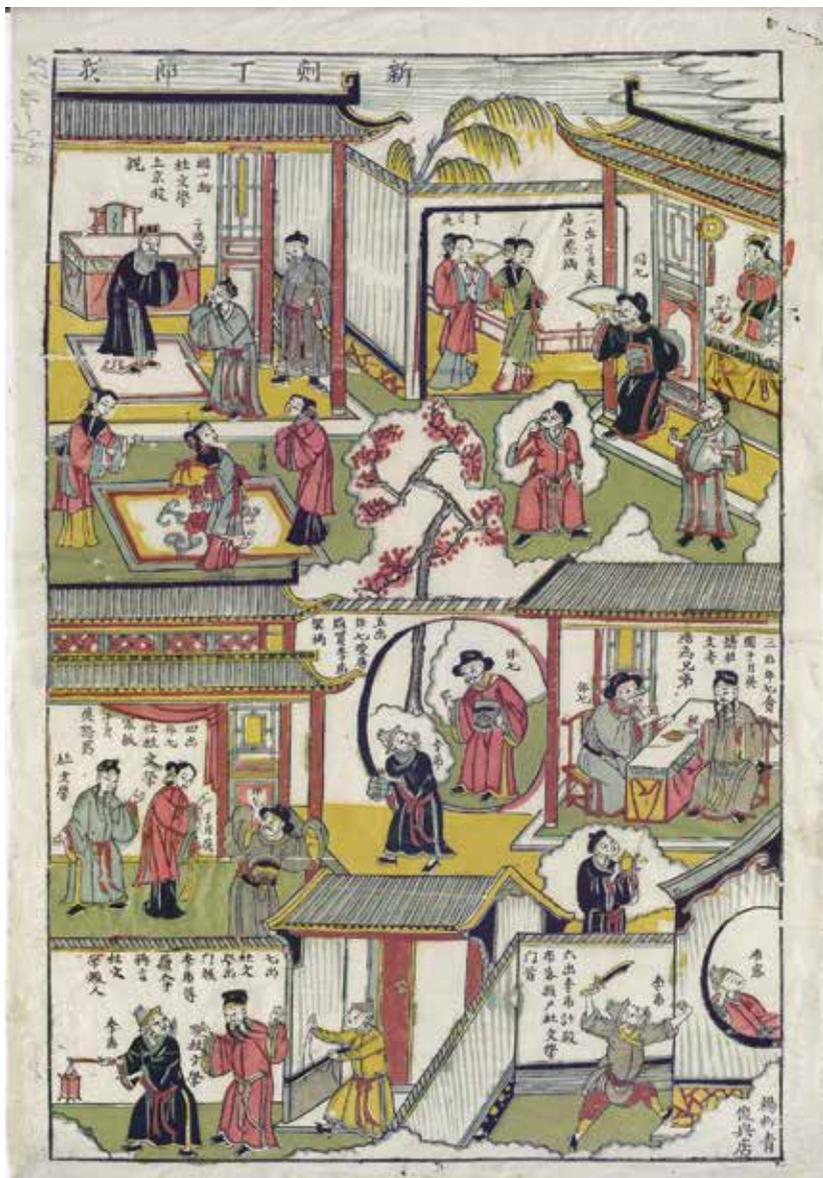

Fig. 8. MAE No. 675-48/11, MAE No. 675-48/17

1. Upper row on the left:

頭一出杜文學上京投親

Opening scene. Du Wenxue 杜文學 is visiting his relatives in the capital.

2. Upper row on the right:

二出于月英庙上惹祸

Second scene. Yu Yueying 于月英 has brought misfortune on herself in the temple.

3. Central row on the right:

三出年七貪圖于月英請杜文學結為兄弟

Third scene. Nian the Seventh covets Yu Yueying, he is persuading Du Wenxue to become his sworn brother.

4. Central row on the left:

四出年七往杜文學家被于月英怒罵

Fourth scene. Nian the Seventh has come to Du Wenxue's house, Yu Yueying has scolded him in anger.

5. Central row in the centre:

五出年七受辱賄买李虎架祸

Fifth scene. Nian the Seventh is suborning Li Hu to commit a crime.

6. Bottom row on the right:

六出李虎計殺布客移尸杜文學門首

Sixth scene. Li Hu is devising to murder a cloth vendor to throw his corpse at the gate of Du Wenxue's house.

7. Bottom row on the left:

七出杜文學出門被李虎等奪拿称言杜文學杀人

Seventh scene. Du Wenxue is walking out of the gate; Li Hu is waiting for him intending to seize him and accuse him of murder.

In the bottom right corner, there is a mark of the workshop “Yangliuqing junxing dian” 楊柳青俊興店.

In his study “An Initial Exploration of the Beijing Opera Repertory” Tao Junqi provides the following synopsis of the play “Tears of Faithful Spouses” 鴛鴦淚: “Minister Yan Song, being at the pinnacle of power, slandered a public official Du Xian; his son Du Wenxue had a friend Feng Chengdong 鳳承東, who also turned out to be a slanderer, and ordered a military governor to arrest Wenxue and send him into exile to the borderland. Wenxue sent his wife to the care of his younger sworn brother Zhou Ren 周仁. Garrison commander Yan Nian 嚴年 was attracted to Du Wenxue's wife, he called Zhou Ren to his residency and offered him a senior

position in exchange for his friend's wife. Zhou Ren returned home and told it to his wife, who went to the residency, calling herself Du Wenxue's wife and intending to kill Yan Nian, but, having failed, the woman had to stab herself to death. Du Wenxue escaped from exile and met his acquaintance Wang Sigong, who gave him a letter about his wife's death. He misunderstood that Zhou Ren had betrayed him in order to gain profit, and Du Wenxue was filled with hatred. On his way, he met Hai Rui 海瑞 with an army, their joint campaign ended in victory; Du Wenxue got his post back, the case was revised at a court. Yan Nian and Feng Chengdong were executed, Zhou Ren was arrested and punished with canes, but at this point Wang Sigong and Du Wenxue's wife appeared and told the real story. Du Wenxue repented, but Zhou Ren died of the blows received"¹.

Tao Junqi indicates that this plot is based on the Ming *chuanqi* play "Heroism of the Just and Faithful" 忠義烈, it is performed in local drama genres of Hebei 河北, Sichuan 四川 and Shaanxi 陝西². Wang Shucun's study "Xylographic Pictures of the Beijing Opera" mentions a print with Zhous' conversation with his wife (plate 200), when they are thinking how to save the master's wife³.

The album "Rare Chinese Folk Pictures from Russian Collections" edited by B.L.Riftin features a woodblock print from the collection of the Russian Geographic Society called "Little Ding is Searching for His Father" produced at Yangliuqing. The commentary to this print describes a story resembling the one shown on our print from Schrenk's collection. A comment states that the woodblock print from Yangliuqing was based on an oral narrative, not a play. The issue of the existence of a play or narration about Du Wenxue deserves a further study⁴.

MAE 675–48/13 (fig. 9)

A picture to a play plot, representing a vertical image, the upper part of which contains the following inscription: "Newly Cut Board about the Mirror with Auspicious Qilin" 新刻祥麟鏡. Apparently, only the right half of the picture survived. The picture shows six scenes, each numbered and furnished with a short comment; names of main characters are inscribed selectively.

1. The upper part on the left:

頭一出董芥合家賞秋

¹ Tao Junqi. *Jingju jumuchutan*. Beijing, 1953. P. 343.

² Tao Junqi. *Jingju jumuchutan*. Beijing, 1953. P. 343.

³ Vinogradova T. I. *Mir kak 'predstavleniye': kitaiskaya literaturnaya illustratsiya* [The World as a 'Performance': Chinese Literary Illustration]. St Petersburg, 2012. P. 241.

⁴ Riftin B. L. Wang Shucun. *Redkie kitaiskie narodniye kartiny iz sovetских sobraniy* [Rare Chinese Folk Pictures from Soviet Collections]. Leningrad, 1991. Plate 121.

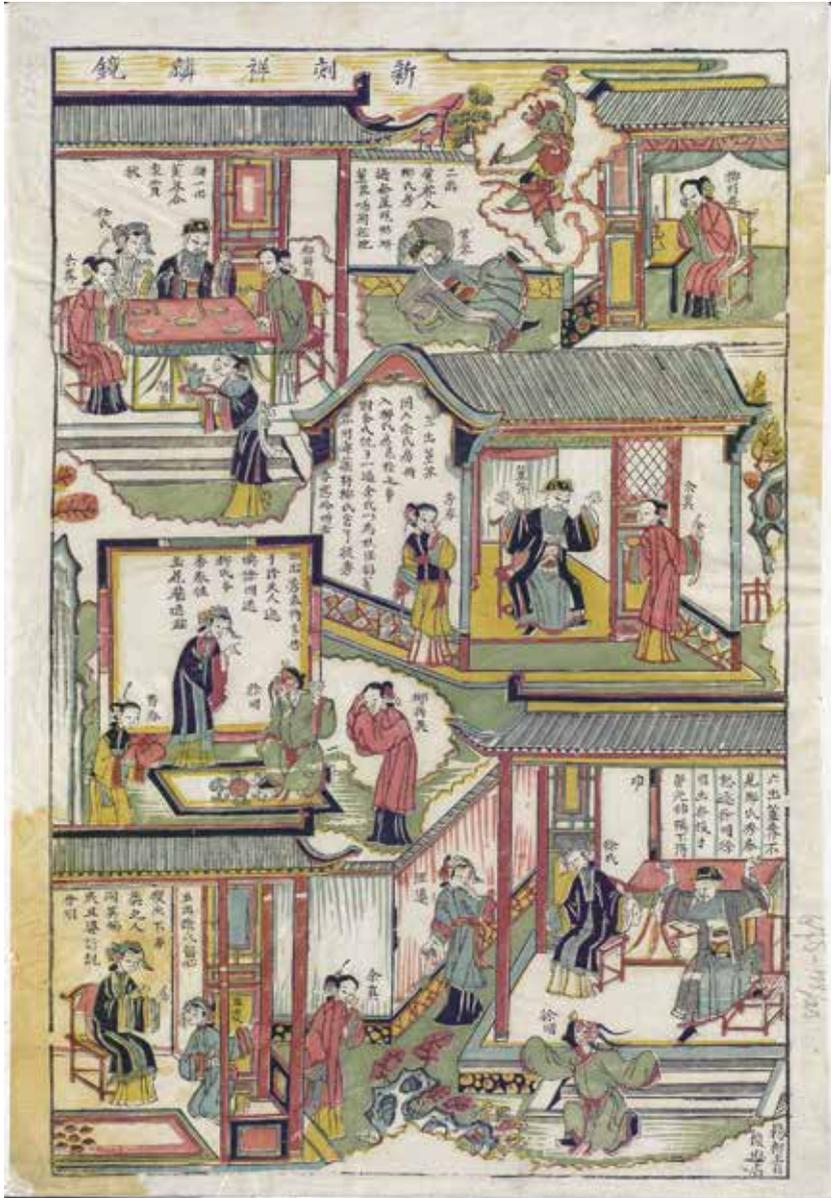

Fig. 9. MAE 675-48/13

Opening scene. Dong Jie with his family are admiring autumn moon. The man and his three wives — a Xu woman 徐氏, Yu Zhen 余真, Liu Ruoying 柳弱英 and a servant Xiu Chun 秀春 are sitting at the laid table.

2. The upper part on the right:

二出董芥入柳氏房遇魁星现形将董芥喂抱在地

Second scene. Dong Jie has entered lady Liu's room and bumped onto Kui Xing in flesh, who knocked Dong Jie off his feet.

Dong Jie is shown falling down, the god of literacy Kui Xing¹ is above him, in a cloud, he is in a characteristic pose and with a brush in one hand; lady Liu is sitting at the desk in the room.

3. The central part on the right:

三出董芥回入余氏房将入柳氏房见怪之事对余氏说了一遍入余以为妖怪招董芥用毒药将柳氏害了彼秀春忽? 外听去。

Third scene. Dong Jie told lady Yu that he had seen a demon in lady Liu's room and lady Yu decided that the demon wanted to possess Dong Jie and wished Dong Jie poisoned lady Liu. [The servant] Xiu Chun heard all this from outside.

Dong Jie is sitting in the centre of the room with his hands spread resentfully/dazedly, Yu Zhen is pointing to the outside with a hand, she is holding a handkerchief. Xiu Chun is overhearing behind the wall.

4. The central part on the left:

四出秀春将言告於徐夫人遂唤徐明送柳氏與秀春往玉花庵? 往。

Fourth scene. Xiu Chun told lady Xu what she had heard; they summoned Xu Ming and told him to hide Xu Chun and lady Liu in the hut of Jasper Flowers.

A man called Xu Ming is standing on a knee in front of lady Xu; the servant Xiu Chun has packed their belongings; Liu Ruoying is standing behind Xu Ming in a pleading pose.

5. The bottom part on the left:

五出徐氏留心搜出下毒藥之人問其瑞氏醜婆訴說分明。

Fifth scene. The circumspect lady Xu found the person, who had put the poison; the ugly lady Rui told everything in detail.

The ugly woman is kneeling and testifying, Yu Zhen hears this talk.

6. The bottom part on the right:

六出董芥不見柳氏秀春怒追? 徐明徐明奔投於郭? 元帥帳下濤功

Sixth scene. Having failed to find lady Liu and the servant Xiu Chun, Dong Jie in anger chased Xu Ming, who joined Marshall Guo's banner.

---

¹ Kui Xing 魁星 — one of associates of the god of literature Wen Chang 文昌, personified the first star of the constellation Ursa Major.

Dong Jie is shown in anger, lady Xu is spreading her hands, Xu Ming is running away.

In the right-hand bottom corner, there is a mark with the name of the workshop “Yangliuqing junxing dian” 楊柳青俊興店.

In the repertory of Shanxi drama genre *jinju* 晉劇, there is a play with the same name of the following content: “In the Ming era, there lived a county chief Dong Jie, he grew old and had no children, his elder wife was lady Xu, the second one was Liu Ruoying, the third one was Yu Erzhen 庾倪真. Liu Ruoying got pregnant making Erzhen jealous; the latter ordered a servant to dress like a demoness and fool Dong Jie, later she said a demon had dwelled in Ruoying’s womb and she must be killed. Servant Xiu Chun denounced this fraud to the first wife lady Xu, who ordered to hide the servant and Ruoyingin in the Jasper Hut until the child was born. The baby had a necklace with a mirror and a qilin on its neck. Wei Dian stole the child and brought him to Zhao Cong’s house as if Zhao’s wife had given birth to this baby. Zhao Cong took the child to play with a lantern, and then Xu’s servant Yuanzhen substituted him with a girl, having hung the mirror with a qilin on the girl’s neck. The girl suffered abuse in Zhao’s family. Once she went to pick sticks and met the servant Xiu Chun and Liu Ruoying; upon seeing the mirror with qilin on her neck, they took the girl to a public official. There, they met general Xu Ming, then they went to the main hall of Xu Jietang’s house; the case was investigated. Ruoying recognized the boy as her son, his name was Dong Shiqi, he got the title of laureate *zhuangyuan* in Beijing, and the girl was returned to Xu’s house. Dong Jie was transferred to Chongqing; he missed his wives Xu and Ruoying and referring to his old age he asked for retirement and returned to his native lands. Rezhen did not want to go, she wanted to set a fire and kill Dong Jie, but died in the flames herself. After retirement Dong Jie heard that his son had become a *zhuangyuan*, he became curious and learned the true story from his wives, the family reunited. Dong Xieshi married a girl from the Xu family”.

This indicates that the plot shown on the woodblock print was changed; the story with substitution of the child and the mirror with a qilin is missing.

MAE No. 675–48/14, MAE No. 675–48/16 (fig. 10)

A print depicting the play “Merging a Pair of Seals” 雙合印 contains the following inscription in the upper corner “Newly Cut [Board] of an Extended [Narration] about Dong Hong” 新刻董宏廣. The left part of the picture is probably lost, only the right part survived.

The picture shows four scenes, each numbered and furnished with a short explanatory comment; names of characters are inscribed.

The translation of explanatory inscriptions to the scenes and descriptions:

Fig. 10. MAE No. 675-48/14, MAE No. 675-48/16

1. The upper part on the left:

一出領印

First scene. Obtaining the seal.

A large seal wrapped in cloth is lying on the table, the Ming emperor Jiajing 嘉靖 (1522–1566) is sitting at the table; below, at the sides, there are two public officials Hai Rui 海瑞 and Yan Chong 閔崇. Dong Hong 董宏 is kneeling in front of the emperor and the officials are holding imperative board *huban* 笏版 with both hands indicating that this is a scene of an audience with the emperor.

2. The upper part on the right:

二出賣卜

Second scene. Selling [sheets with the results of] divination.

Dong Hong is standing with his back to the altar with a statue of the deity Qitian dawang 齊天[大王] holding two long yellow sheets of paper with explanations of the results of the divination; in front of him, two women of Pang family 龐氏 and of Lei family 雷氏 are standing and listening.

3. The bottom part on the right:

三出屈打

Third scene. Insulting by beating.

At the table, whereon a large seal wrapped in cloth is lying, a public official named Zhang Feng 張鳳 is sitting. At the sides, two servants with bamboo canes are standing, preparing to punish a public official Zhang Jinzhong 張盡忠 standing in front of them and pleading for mercy.

4. The bottom part on the left:

四出強親

Fourth scene. Kidnapping the bride.

Behind the door of the house, the Lei woman is hiding, the Pang woman is chasing after an escaping man named Liu Yinglong 劉英龍 with a large kitchen knife.

The bottom left corner of the picture has an impression with the name of the workshop “Junxing huadian” 俊興畫店.

MAE No. 675–48/12 (fig. 11)

A print illustrating a plot of the play “Merging Pair of Seals” contains the inscription on the top “Dong Hong Comes out of the Water Jail” 董宏出水牢. The left part of the picture was probably lost, only the right part survived.

Fig. 11. MAE No. 675-48/12

The sheet features three scenes under numbers 9, 10 and 11, probably at least one sheet with the starting eight scenes is missing.

1. The upper part on the left:

出九送官

Ninth scene. Seeing off a public official.

A public official Zhang Feng is sitting at the table, beside him there is a seal wrapped in cloth. Dong Hong and Li Hu 李虎 are kneeling in front of him with hands folded reverently.

2.

出十結拜

Tenth scene. An oath of sworn brothers.

In front of an altar of the god of the jail Yu Shen 獄神, Dong Hong, Zhang Jinzhong 張盡忠 and Li Hu are kneeling and making an oath. The women standing to the left (their names are Pang and Le) are watching this.

3.

出十一出獄

Eleventh scene. Coming out of the jail.

Dong Hong and Zhang Jinzhong have folded their hands reverently, thanking Li Hu who is standing opposite them.

In the left hand bottom corner there is a workshop mark “Junxingyong” 俊興永.

These two sheets (MAE No. 675–48/14, MAE No. 675–48/16) feature scenes from the play “Merge of a Pair of Seals” 雙合印, which is also known under the title “Guangpingfu Prefecture” 廣平府. In his study Tao Junqi provides the following content of the “Merge of a Pair of Seals” play: “Tyrant Liu Yinglong 劉應龍 (the woodblock print contains homonymic characters—Liu Yinglong 劉英龍) became too powerful, he killed inspector Huang Chaozong 黃朝宗 who had been sent to him, slandered a man of letters Zhang Rong 張榮 (on the woodblock print he is Zhang Jinzhong 張盡忠) and forced the latter’s wife to go with him. Having learned about his crimes, the new inspector Dong Hong 董洪 (the woodblock print contains homonymic characters — 董宏), disguised as a diviner and arrived to that location with a private visit, met Zhang’s mother and helped her to write a complaint. Thereafter, he paid a visit to Liu Yinglong’s house and seized him out to a water jail. Dong Hong found a golden seal in jail, which belonged to the previous inspector Huang Chaozong. According to another version of this story, in the last episode Dong Hong saw a corpse of the former inspector and beside him a seal, the same as his own. Liu Yinglong had ruined the father of a girl named Li Ruilian 李瑞蓮 and made her his servant. At night she paid a visit to the jail to rescue Dong Hong, but he saw that the walls were too high. He exchanged the girl for the golden seal, they got engaged and decided to run

away. However, Dong Hong was seized again by Liu Yinglong and sent to prison of the county government, where he met Zhang Rong. Dong Hong, Zhang Rong and a prison guard Li Hu (coincides with the name of the woodblock print) became sworn brothers. To restore justice Li Hu helped to send the letter from Dong to the Shundefu Prefecture; soldiers surrounded Liu Yinglong's house and seized him; Dong Hong attended the tyrant's execution and later married Ruilian." Tao Junqi points that this plot is performed in regional theatres of Shanxi, Hunan, Hebei, Sichuan and Shaanxi¹. According to another version, a hostage girl named Huang Rumei, upon seeing Dong Hong languishing in the water jail, took his seal and the letter to the government of the Guangpingfu Prefecture and thanks to her help he was released.

It is worth noting that the prints about Dong Hong (MAE No. 675–48/14) feature the famous historical character Hai Rui 海瑞 (1514–1578), an honest official of the Ming era, although Hai Rui is mentioned in the synopsis to the play about Du Wenxue. The play about Dong Hong features an honest jail keeper Li Hu, there is a character of the same name in the story about Du Wenxue, but there he is a villain. It is difficult to say whether such 'wanderings' of characters are intentional, but probably this implies a common author of the boards, from which the pictures were printed.

MAE No. 675–48/15 (fig. 12)

A vertical print with the plot of the play "Picking Jade Bracelet" 拾玉鐲 contains the following inscription: "Newly Cut Board about the Jade Bracelet" 新刻雙玉鐲. The prints contains seven scenes, each numbered and furnished with a short explanatory comment; names of characters are inscribed:

1. The upper part on the left:

頭出孫寡婦同兄嫂古寺降香

Opening scene. Widow Sun together with her brother and his wife are burning incense in an ancient Buddhist temple.

An old monk with a whisk in his hands is sitting, a middle-aged man is folding hands reverently beside him; at the entrance to the temple, a man and a woman are praying on their knees, widow Sun is standing nearby. Behind the wall of the temple, there are two male figures and an inscription "Zongxing is Searching for Liu Gongdao" 宗興尋劉公道.

2. The upper part on the right:

二出傳朋贈玉鐲

Second scene. Zhuang Peng is giving a jade bracelet as a gift.

A young man with a fan, a woman Sun Yujiao 孫玉嬌 and matchmaker Liu 刘媒婆 are standing behind the gates.

¹ Tao Junqi. *Jingju jumuchutan*. Beijing, 1953. P. 331.

Fig. 12. MAE No. 675–48/15

3. In the centre:

三出劉媒婆與孫玉嬌說要鞋去說？

Third scene. Matchmaker Liu is telling Sun Yujiao that a shoe is needed for making acquaintance.

A man with *chou* (clown) makeup is listening to the conversation of the women being unnoticed.

4. The central part on the left:

四出劉彪見母挈著香鞋奪？在手內問知是為玉嬌與傅朋通奸

Fourth scene. Li Biao sees the aromatic shoe at his mother's (matchmaker Liu) and grasps it, they suspect that Ren Jiao and Zhuan Peng have an illegal sexual relationship.

5. The bottom part in the middle:

五出來國實將？典與劉公道做沾文下文約

Fifth scene. Guoshi jiang has arrived to make a written agreement with Liu Gongdao.

Three men Song Xing 宋興, Song Guoshi 宋國實, Liu Gongdao 劉公道 are shown negotiating.

6. The bottom part on the left:

六出劉彪得了孫玉嬌的秀鞋每恨傅朋一見面就要打架

Sixth scene. Liu Biao took possession of the embroidered shoe of Sun Yujiao; having seen this, Zhuan Peng was seized with hatred and started a fight.

At the gate of the house, Liu Biao is standing with a shoe raised above his head; Zhuan Peng is seen with an accusatory gesture; in front of him, there is Liu Gongdao in an attacking position with a stick; two other men are accompanying them.

7. The bottom part on the right:

七出孫寡婦見兄嫂回來接至家中安宿

Seventh scene. Widow Sun saw that her elder brother with his wife had returned and invited them into the house to stay overnight.

A woman at the doorway is greeting guests reverently.

The bottom right corner contains a marking with the name of the workshop “Dongdaxing laodian” 東大興老店¹. There is some information on the workshop

---

¹ The catalogue of the State Hermitage collection features a woodblock print from the Shandong Province, where the young woman is shown frivolous with her breasts a little open and with two boys (Museum No. LT-2236), as well as a note of a Chinese commenter from the “Descriptions to Vulgar Pictures” describing the plot of the same play is

Dongxinglao from Wuqiang county in the album edited by Feng Jicai *Zhongguo mubanhua jicheng. Wuqiang juan* (Compendia of the Chinese woodblock prints. Wuqiang volume). The “Genealogy of Fan” 範氏族譜 from Nanguan settlement 南關 contains a record that in 1404, an ancestor of Fans Yinglong moved here from Hongtong county 洪洞 in Shanxi and dwelled with his family in one of the villages; he was an artist and knew how to do trade; generations of his descendants had been making and selling pictures. During the rule of Kangxi 康熙 (1661–1723), Dongdaxingdian workshop 東大興店 was managed by his eleventh-generation descendant Fan Cui, who divided the workshop among his sons. They were named Dongdaxingdian 東大興店 and Xidaxingdian 西大興店 and were located in Nanguan settlement. During the rule of Jiaqing 嘉慶 (1796–1820) Dongdaxing shop was divided into four workshops, one of which retained the original name. At the end of Qing dynasty, this workshop was among the ‘eight major houses’ of Wuqiang county; the number of pictures issued there reached two hundred thousand sheets. Theatre scenes were one of the main themes of this workshop production. It is said in the Feng Jicai’s edition that just nine pictures of this workshop have survived to the present time; thereby, there are no theatre pictures among them, but only images of deities¹. This fact indicates the special value of the print from the MAE RAS collection.

MAE No.675–48/18 (fig. 13)

A picture illustrating a scene from the XVI century novel “The Investiture of the Gods” 封神演義 contains the following inscription in the upper part: “Zhao Gongming Descending from the Mountains” 趙公明下山. Zhao Gongming 趙公明 was a Taoist magician whose counterpart was another Daoist Jiang Ziya 姜子牙, the legendary events took place in the era of wars between Shang and Zhou dynasties. Later Zhao Gongming became revered as the god of wealth.

The scene shown in the picture is from Chapter 47 “Gongming is Helping Mentor Wen Taishi” 公明輔佐聞太師.

In the centre of the picture Zhao Gongming is shown riding a tiger and with a whip-like blade in his hand; with the other hand, he has captured an enemy. Zhao Gongming descended from the Emeishan Mountains to help Wen Taishi in fights in the area of Xiqi 西岐 (Shaanxi Province). Supporters of Jiang Ziya were acting against Zhao Gongming, general Yang Jian 楊戩, standing to the right, has hounded a huge dog on him, while Nezha 哪咤 flying on fiery wheels is spurting fire in his direction. Nezha’s father was Li Jing 李靖, aka the Heavenly King Vasiravana

---

provided. (Rudova M. L. Kitaiskaya narodnaya kartina nianhua iz sobraniya Gosudarstvennogo Ermitazha. [Folk Pictures Nianhua from the State Hermitage Collection: Exhibition Catalogue]. St Petersburg, 2003. P. 238).

¹ *Zhongguo mubanhua jicheng. Wuqiang juan*. P. 339–340.

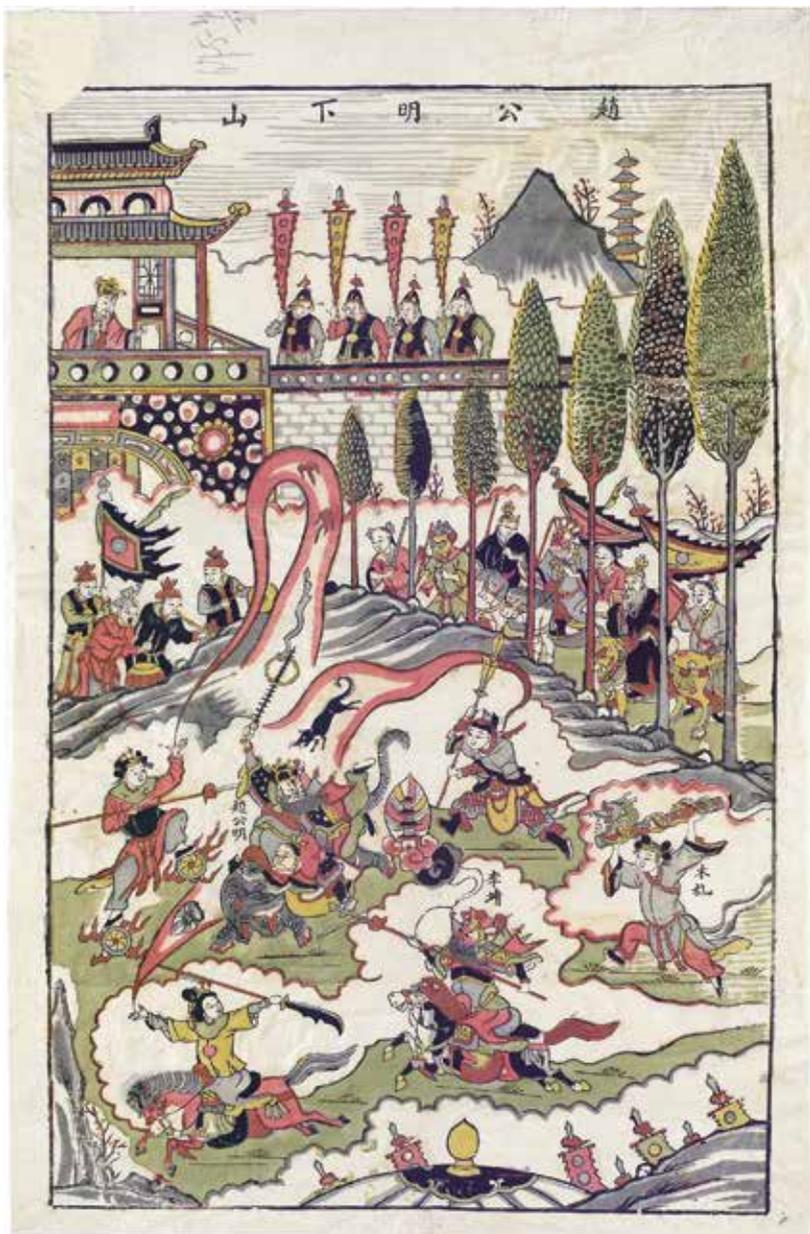

Fig. 13. MAE No.675-48/18

(holding a pagoda), who hated his son Nezha; he is shown below Zhao Gongming on a horse, aiming his spear at Nezha. Wen Taishi 聞太師 is watching the battle from the tower.

Workshop markings are missing; in colouring and stylistics, the picture is equivalent to the woodblock print MAE No. 675–48/19 from the workshop “Dongdaxing ji” 東大興記¹.

Conclusion

Woodblock prints *nianhua* from the fund No. 675 were produced in the workshops of Wuqiang county in Hebei Province — one of the largest *nianhua* production centres in northern China. Wang Shucun states that pictures from Wuqiang were sold in the northern provinces of Shanxi, Hebei, Chahar 察哈爾 and probably also got to north-eastern outskirts, where they could be acquired by a traveler from Russia Leopold Schrenk. In his study of theatre woodblock prints, Wang Shucun emphasises that there were close ties between Wuqiang county and the largest northern centre of popular woodblock prints production in Yangliuqing. This was due to geographic proximity of these two centres and popularity of woodblock prints from Yangliuqing. Wang Shucun states that craftsmen from Wuqiang often went to Yangliuqing to earn a living as seasonal workers; boards from Yangliuqing were taken to Wuqiang and were finished there, and this explains compositional and thematic similarity of prints from the two centres (Wang Shucun 1992b:86). Some items from Schrenk’s collection in MAE RAS also contain the word ‘Yangliuqing’ in the names of the shops (e.g. MAE No.675–48/11, MAE No.675–48/13). Craftsmen probably hoped that prints with the mark of Yangliuqing would sell better.

Wang Shucun points out a special feature of the prints with drama plots from Wuqiang: one scene was rarely cut on a single board, a sheet looked like a ‘book in pictures’ with several scenes put in rows. A specific feature of the drama prints from Wuqiang is that the scenes are presented not as a stage performance, but in the natural setting. Another characteristic feature of the theatre pictures from Wuqiang is numeration of scenes, short descriptions and the names of characters written near the figures, which intensifies the narrative function of the image. Several prints from Schrenk’s collection are made in the same colour palette and similar artistic manner but in different workshops.

Catalogues with drama woodblock prints edited by Wang Shucun (1992, 2006) contain boards dating from the late Qing and the beginning of the Republican

---

¹ The catalogue of the State Hermitage collection features a woodblock print with the scene “Battle at Nine Bends of the Yellow River” 九曲黃河陣 (Museum No. LT-6461) from Yangliuqing with the scene where three sisters avenge their brother Zhao Gongming, also an illustration to a chapter from the novel “The Investiture of the Gods”. (Rudova M. L. Kitaiskaya narodnaya kartina nianhua iz sobraniya Gosudarstvenogo Ermitazha. [Folk Pictures Nianhua from the State Hermitage Collection]. P. 184).

period (1911–1949), they were produced about 50–60 years later than the pieces from the Schrenk’s collection. Wuqiang prints from Wang Shucun’s catalogues are rougher in execution, matching of colors is less accurate, they are more tacky in colouring, the characters are cut not so neatly. The narrative function is less evident on the pictures from Wang Shucun’s collection, the scenes *chu* 出 and their titles are not numbered as in the case of Schrenk’s collection. A series of pictures with a multipart composition similar to those kept at MAE RAS may also be found in the collection of the State Museum of Oriental Art (Gosudarstvenny Muzei Vostoka) in Moscow: six pictures from their collection are published in B. L. Riftin’s album of rare folk pictures¹. The commentary to plate 71 in the album says that *chu* as ‘scene’ “has been borrowed from theatre lexicon”. Our study shows that larger proportion of pictures from Schrenk’s fund represents plots from plays, vernacular narratives and novels. We note a pronounced narrative function of these theatre woodblock prints. In Wuqiang county the opera genre Hebei *bangzi* 河北梆子 was most popular, its repertory influenced themes of theatre pictures produced in Wuqiang. But we do not see the characters in theatrical make-up and poses characteristic of the Chinese traditional opera as they were frequently depicted on Yangliuqing drama prints. Division into *chu* acts is probably the only parameter that differs these images from illustration pictures to novels, novelettes or narrations, since the action takes place in the natural setting either indoors or outdoors.

When talking of the value of woodblock prints from the Schrenk’s collection, it must be noted that these are currently the earliest specimens of *nianhua*, whose entry year 1857 is clearly recorded in the archival list and the collector’s list of the museum. Of course, the authors do not exclude the possibility of discovering even earlier prints in other Russian museums. In our opinion, pictures of an earlier production period may be kept in the collection of the Ethnographic Museum of the State University of Kazan, where prints could be part of a vast collection brought by O. M. Kowalewski (Józef Szczepan Kowalewski, 1800–1878), who accompanied the 11th Russian Orthodox Mission in Beijing. Also, early prints can be located at the State Hermitage collection, the Department of Manuscripts of the Russian State Library (Moscow), as well as at the Department of Manuscripts and Prints of the Russian Public Library (St Petersburg), which requires further study.

References

Archives:

1. Archival list of items of MAE No. 675. Household Items. From academician [L. I.] Schrenk, 1856. (In Russian).

¹ Riftin B. L. Wang Shucun. Plate 71. P. 116–120.

Secondary Literature:

2. Alekseyev V. M. Kitaiskaya narodnaya kartina [Chinese Folk Picture]. Moscow, 1966. (In Russian). / Алексеев В. М. Китайская народная картина. М., 1966.
3. Legend of the Luoyang bridge 洛阳桥. URL: <https://baike.baidu.com/item/洛阳桥/3550436> (accessed 11.07.2019).
4. Online catalogue of the State Hermitage. URL: <http://e-expo.hermitage.ru/iss2/items?info=347308&sa-fund=20&sa-fundcoll=1420515998&sa-category=1257992731> (accessed 14.07.2019).
5. Reshetov A. M. Leopold Ivanovich Schrenk (k 170-letiyu so dnia rozhdeniya) // *Kurier Petrovskoi Kunstkamery* [Leopold Ivanovich Schrenk (on the occasion of 170th anniversary) // *Peter's Kunstkamera Courier*]. St Petersburg. 1997. Iss. 6–7. P. 72–87. (In Russian). / Решетов М. А. Леопольд Иванович Шренк (к 170-летию со дня рождения) // *Курьер Петровской Кунсткамеры*. 1997. Вып.6–7. С. 72–87.
6. Rifting B. L. Wang Shucun. Redkie kitaiskie narodniye kartiny iz sovetskikh sobraniy [Rare Chinese Folk Pictures from Soviet Collections]. Leningrad, 1991. 212 p. (In Russian). / Рифтин Б. Л., Ван Шуцунь. Редкие китайские народные картины из советских собраний, Л., 1991.
7. Rudova M. L. Kitaiskaya narodnaya kartina nianhua iz sobraniya Gosudarstvenogo Ermitazha. [Folk Pictures *Nianhua* from the State Hermitage Collection: Exhibition Catalogue]. St Petersburg, 2003. (In Russian). / Рудова М. Л. Китайская народная картина *nianhua* из собрания Государственного Эрмитажа: Каталог выставки. СПб, 2003.
8. Schrenk L. I. Ob inorodtsah Amurskogo kraya [On the Indigenous Dwellers of the Amur Region]. St Petersburg, 1883. Vol. 1. (In Russian). / Шренк Л. И. Об инородцах Амурского края. СПб., 1883.
9. Tao Junqi 陶君起. Jingju jumuchutan 京劇劇目初探 [An Initial Exploration of the Beijing Opera Repertory]. Beijing, 1953. (In Chinese).
10. Vinogradova T. I. Mir kak 'predstavleniye': kitaiskaya literaturnaya illustratsiya [The World as a 'Performance': Chinese Literary Illustration]. St Petersburg, 2012. 332 p. (In Russian). / Виноградова Т. И. Мир как «представление»: китайская литературная иллюстрация. СПб., 2012.
11. Zhongguo mubanhua jicheng. Wuqiang juan 中国木版年画集成. 武强卷. [Collection of Xylographic Pictures of China. Wuqiang volume] / Ed. Feng Jicai. Beijing, 2009. (In Chinese).

Authors' Information

Ekaterina A. Zavidovskaia

PhD (Philology), Assistant Professor, National Tsing Hua University

Taiwan

E-mail: katushaza@yahoo.com

Polina V. Rud

Research Fellow, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography
(the Kunstkamera), Russian Academy of Sciences

3, University Embankment, St Petersburg, 199034, Russia

E-mail: paolarud@gmail.com

Информация об авторах

Завидовская Екатерина Александровна

assistant professor, National Tsing Hua University, Taiwan

101, Section 2, Guangfu Road, East District, Hsinchu City, 30013, Taiwan

E-mail: katushaza@yahoo.com

Рудь Полина Викторовна

младший научный сотрудник, Отдел Восточной и Юго-Восточной Азии,
Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

РФ, Санкт-Петербург, 199034, Университетская наб., 3

E-mail: paolarud@gmail.com

Научное издание

**Proceedings of the International Congress on Historiography
and Source Studies of Asia and Africa**

Vol. 1

2020

**Доклады Международного конгресса по источниковедению
и историографии стран Азии и Африки**

Т. 1

2020

Редактор А. С. Матвеев
Корректор А. А. Конькова
Верстка и дизайн Е. В. Владимировой

Подписано в печать с авторского оригинал-макета
Формат 60 × 84/16. Печать офсетная
Печ. л. 38,75. Тираж 500 экз.
Заказ № 145

Отпечатано в типографии ООО «ИПК «НП-Принт»
190020, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 199–201
Тел./факс: (812) 611–11–07

Санкт-Петербургский
государственный университет

St Petersburg University

2020